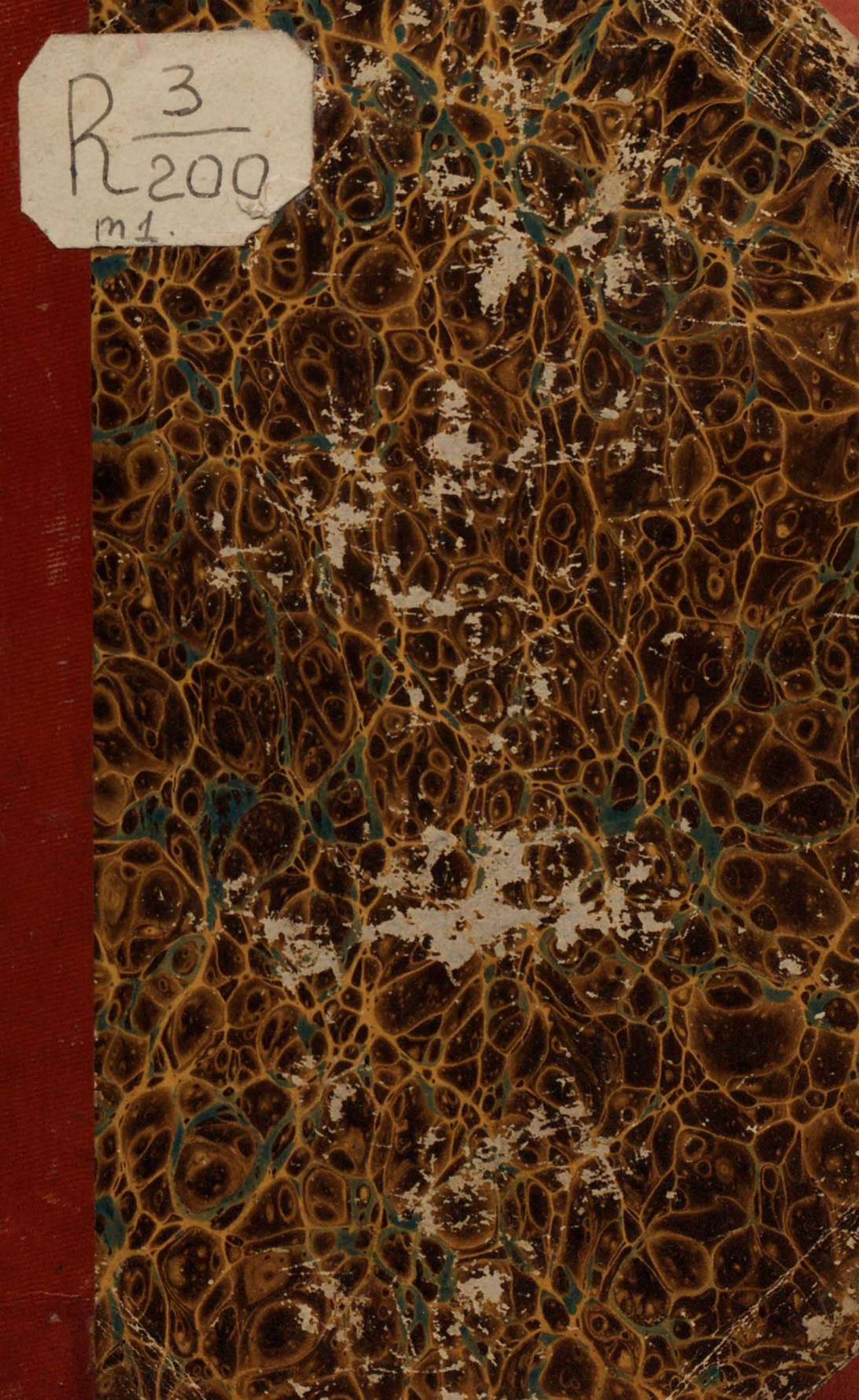
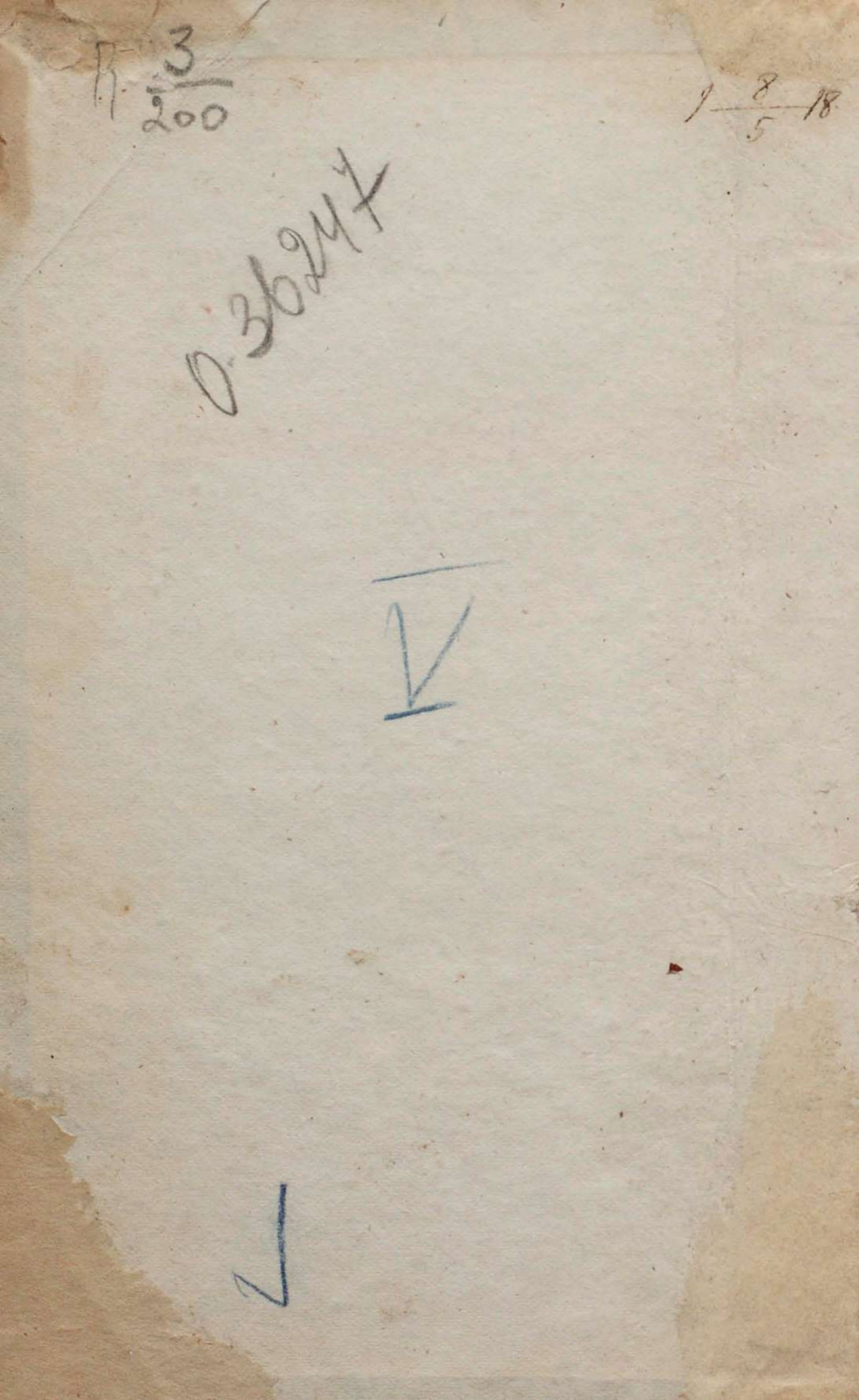
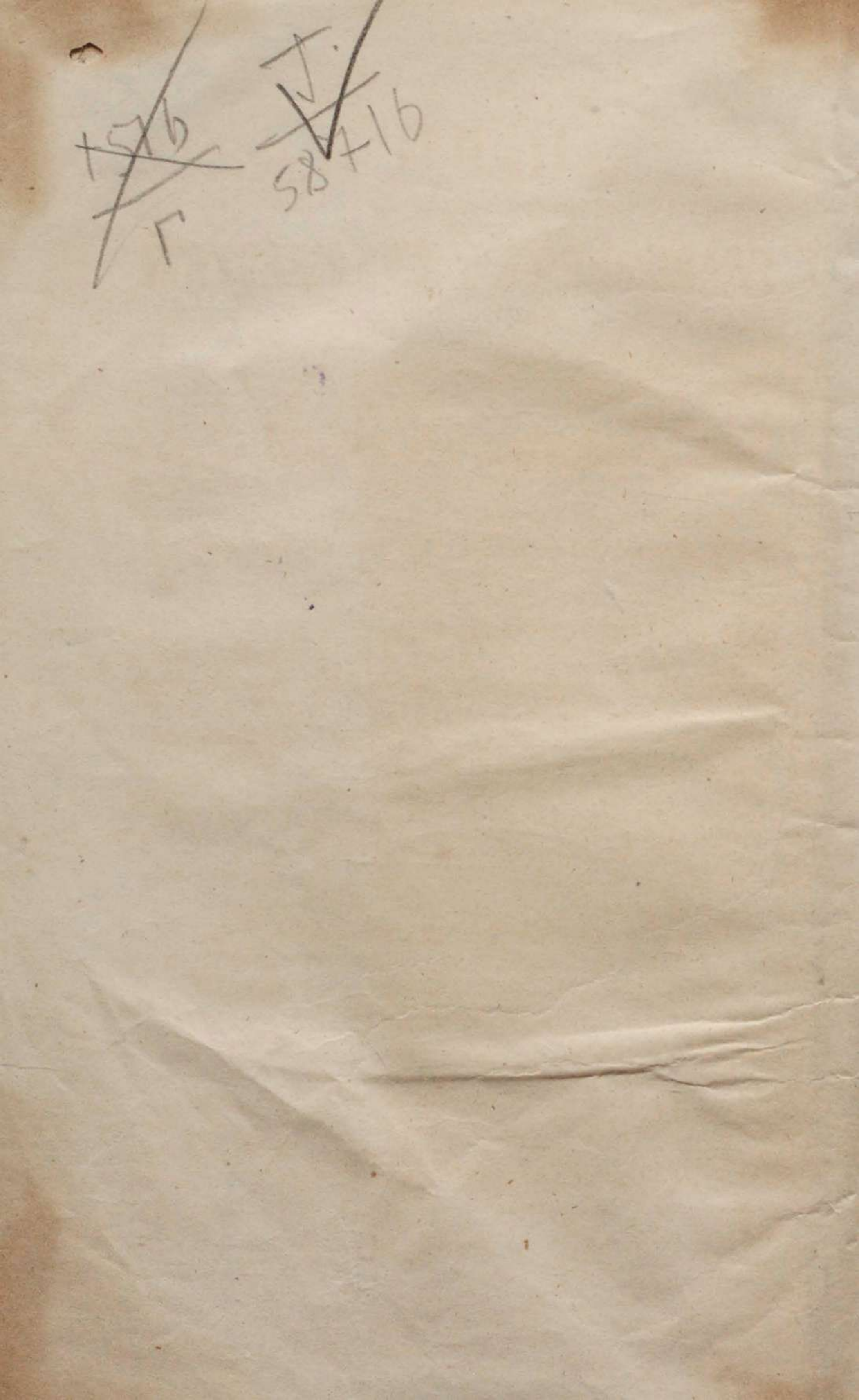

R 3/200
m1.

114
3
342

4,90
3
14,70
3,42
18,12
2-16
11
1-6½
22-5

35½
70
1,06½

ОБЗОРЪ

ГЛАВНѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ

и

ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ

въ пятилѣтіе съ 1848 по 1853 годъ.

составленный

К. Ѳ. Свенске.

ТОМЪ ПЕРВЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ЭДУАРДА ПРАЦА.
1855.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 23 сентября 1855 года.

Цензоръ *Ю. Шидловскій.*

ОБЗОРЪ
ГЛАВНѢЙШИХЪ ПУТЕШЕСТВІЙ И ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ ОТКРЫТІЙ
ВЪ ПЯТИЛѢТІЕ СЪ 1848 ПО 1853 ГОДЪ.

I. ЕВРОПА.

Приступая къ изложенію успѣховъ географіи въ послѣднія пять лѣтъ, мы, какъ и въ обзорѣ предшествовавшаго десятилѣтія, начинаемъ съ картографіи, какъ самаго необходимаго условія и подспорья всякаго землеописанія вообще, и прежде всего разсмотримъ, что̀ по этой части сдѣлано у насъ самихъ.

Первое событіе, о которомъ слѣдуетъ упомянуть здѣсь, есть довершеніе измѣренія дуги меридіана въ 25° 20′ между Фугленесомъ, на Китовомъ островѣ (Qualöe), въ Норвегіи, подъ 70° 40′, и Измаиломъ, въ Бессарабіи, подъ 45° 20′ сѣверной широты. О величавости этого труда можно судить изъ того, что одна главная сѣть треугольниковъ, связывающая два сказанные конечные предѣла между Дунаемъ и Ледовитымъ океа-

номъ, составлена изъ 259 треугольниковъ (225 въ Россіи и 34 въ Скандинавіи), и что на этой дугѣ измѣрено 10 базисовъ. Измѣреніе это, исполненное дружными усиліями двухъ Академій Наукъ: С.-Петербургской и Стокгольмской, и здѣшняго Генеральнаго Штаба, подъ главнымъ руководствомъ знаменитаго нашего астронома В. Я. Струве (*), вмѣстѣ съ подобными же трудами за Кавказомъ и на Уралѣ, въ Даніи, Пруссіи, Ганноверѣ, Австріи, Франціи, Англіи, Италіи, Остъ-Индіи, на Мысѣ Доброй Надежды, въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америкѣ и въ Перу, объемля уже нынѣ значительную часть земнаго шара, дастъ современемъ возможность не только опредѣлить съ математическою точностью фигуру и величину нашей планеты, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, повѣрить и относительныя карты разныхъ странъ свѣта, а слѣдовательно положить самое прочное основаніе географіи.

Предварительный отчетъ исполненныхъ по этому измѣренію въ Россіи и Швеціи работъ недавно изданъ здѣшнею Академіею, подъ заглавіемъ:

F. G. W. Struve, Exposé historique des travaux exécutés jusqu'à la fin de l'année 1851 pour la mesure de l'arc du méridien, entre Fuglenaes 50° 40′ et Ismail 45° 20′. — Suivi de deux rapports de M. Lindhagen sur l'expédition de Finnmarken en 1850 et sur les opérations de Lapponie, exécutées en 1851 sous les auspices de l'Académie Royale de Stockholm. 4. 44 стр., съ 2 литограф. картами. St.-Pétersbourg. 1852.

Но, кромѣ того, г. Струве приготовляетъ подробное изложеніе всего русско-скандинавскаго измѣренія градусовъ меридіана и результатовъ его для науки.

Занимаясь такимъ-образомъ разрѣшеніемъ одной изъ великихъ задачъ землевѣдѣнія, Академія Наукъ сверхъ-того обращала свою дѣятельность также на исполненіе разныхъ операцій, непосредственно относящихся къ картографіи, или,

(*) Изъ прочихъ лицъ, участвовавшихъ въ совершеніи этого важнаго подвига, нельзя не поименовать здѣсь отличнаго геодезиста Генеральнаго Штаба, генералъ-лейтенанта Теннера, офицеровъ Генеральнаго Штаба Оберга и Мелана, директора Гельсингфорской Обсерваторіи Вольдштедта, астронома Пулковской Обсерваторіи Линдгагена, директора Стокгольмской Обсерваторіи, академика Зеландера, и его помошниковъ Скогманна и Агарда, и норвежскихъ инженеровъ Клумана и Лунда.

вѣрнѣе сказать, служащихъ ей необходимою подготовкою. Кромѣ опредѣленія положенія Главной Обсерваторіи относительно къ общепринятому географами меридіану Гриничской Обсерваторіи, исполненному, какъ извѣстно, двумя хронометрическими экспедиціями 1844 и 1845 годовъ, нужно было озаботиться опредѣленіемъ нѣкотораго числа главныхъ и побочныхъ пунктовъ. Уже въ 1842 году г. Оттонъ Струве опредѣлилъ долготу 6-ти городовъ: Новагорода, Москвы, Рязани, Липецка, Воронежа и Тулы. Въ-послѣдствіи времени, для успѣшнѣйшаго хода этихъ операцій, признано было за благо соединить вмѣстѣ дѣятельность астрономовъ Академій и Генеральнаго Штаба. (1) Съ той поры совершены были: въ 1845 году, хронометрическая экспедиція между Пулковомъ и Варшавою, съ опредѣленіемъ двухъ промежуточныхъ пунктовъ: Валдая и Вилькоміра (2); въ 1846 году, экспедиція между Москвою и Варшавою, съ опредѣленіемъ осьми главныхъ пунктовъ: Орла, Харькова, Полтавы, Кременчуга, Николаева, Одессы, Житомира и Кіева (3); въ 1847 году, астрономическая съемка Земли Донскихъ Казаковъ, съ опредѣленіемъ 70 пунктовъ (4); и такая же съемка въ Рязанской, Тамбовской, Орловской, Харьковской, Владимірской, Полтавской и Воронежской губерніяхъ, съ опредѣленіемъ 105 пунктовъ (5); въ 1848 году, астрономическая съемка Новгородской губерніи, съ опредѣленіемъ 41 пункта (6); въ 1849 г., астрономическая съемка Олонецкой губерніи, съ опредѣленіемъ 49 пунктовъ (7); въ 1850 году, хронометрическая экспедиція между Москвою и Рязанью, съ опредѣленіемъ сверхъ этихъ двухъ

(1) Соединеніе этихъ двухъ вѣдомствъ на пользу географіи воспослѣдовало въ 1845 году, когда, по вызову нынѣшняго генерала-квартирмейстера Главнаго Штаба, г. генералъ-адъютанта Берха, астрономъ Главной Обсерваторіи г. Оттонъ Струве назначенъ былъ астрономомъ-консультантомъ Главнаго Штаба и въ этомъ качествѣ принялъ на себя руководство надъ работами по этой части.

(2) Эта экспедиція совершена г. Оттономъ Струве.

(3) Она исполнена г. подполковникомъ Генеральнаго Штаба Леммомъ.

(4) Произведена гг. генералъ маіоромъ Врониченко и профессоромъ Московскаго Университета Шидловскимъ.

(5) Исполнена г. подполковникомъ Леммомъ.

(6) Совершена его же трудами.

(7) Исполнена имъ же.

главныхъ пунктовъ еще одного промежуточнаго: Нижняго-Новгорода, и съемка остальной части Владимірской губерніи, съ опредѣленіемъ 12 пунктовъ. Итакъ, въ-продолженіе не болѣе шести лѣтъ опредѣлено 20 главныхъ и 268 второстепенныхъ пунктовъ.

Военно-Топографическое Депо Генеральнаго Штаба продолжаетъ съ неизмѣннымъ постоянствомъ важные свои труды по съемкѣ и описи еще остающихся неснятыми частей Имперіи.

Изъ числа картъ, относящихся до Европы, замѣтимъ въ особенности недавно имъ выпущенное второе, исправленное по новѣйшимъ свѣдѣніямъ изданіе:

Карты театра войны въ Европѣ въ 1828 и 1829 годахъ, т.-е. Европейской Турціи съ Придунайскими Княжествами.

Эта карта, состоящая изъ 11 большихъ листовъ съ сборною таблицею, гравирована на мѣди въ масштабѣ десяти верстъ на 1 англійскій дюймъ и, какъ относительно своей подробности и вѣрности, такъ и по отличному выполненію, есть, конечно, одна изъ лучшихъ, гдѣ-либо изданныхъ картъ Европейскаго отдѣла Оттоманской имперіи.

Далѣе — карту Валахіи, Булгаріи и Румеліи, на четырехъ большихъ листахъ, въ масштабѣ вдвое мéньшемъ противъ предъидущей, т.-е. 20 верстъ на 1 англійскій дюймъ.

Усовершенствованіе картъ разныхъ частей Россійской имперіи составляетъ, какъ извѣстно, одинъ изъ главнѣйшихъ предметовъ дѣятельности Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. На этотъ конецъ, нынѣшній Вице-Предсѣдатель, М. Н. Муравьевъ, немедленно по вступленіи въ эту должность, обратилъ свое вниманіе на карты губерній, которыя были начертаны по межевому вѣдомству и служили отчасти матеріаломъ при изданіи отъ Депо Картъ большой карты Имперіи, генерала Ѳ. Ѳ. Шуберта, въ 60 листахъ. Нѣкоторые листы этой карты, а именно западныхъ губерній, основаны на точнѣйшихъ съемкахъ; но другіе лишены этого необходимаго условія, а притомъ, какъ матеріалъ для общей топографической карты, листы эти имѣютъ тотъ недостатокъ, что они, возникши изъ отдѣльныхъ разновременныхъ описей, не состоятъ между собою въ надлежащей связи. Желая, съ своей стороны, по возможности, содѣйствовать къ устраненію этихъ

несообразностей, Общество поручило двоимъ изъ своихъ Членовъ, гг. Врончепко и Драшусову, астрономически опредѣлить бо́льшее число пунктовъ въ пяти губерніяхъ, чтобы тѣмъ получить прочнѣйшую основу для общей карты.

Начало было сдѣлано въ одной изъ наибо́льшихъ по своему пространству и важнѣйшихъ по положенію между обѣими столицами губерній — Тверской. По опредѣленіи въ ней надлежащаго числа пунктовъ, исполнена была, съ сентября 1847 по лѣто 1849 года, г. генералъ-майоромъ Мендтомъ, при содѣйствіи Межеваго Вѣдомства, топографическая съемка губерніи, а вслѣдъ за тѣмъ, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ того же самаго лица, приступлено къ изданію, въ Москвѣ, атласа сказанной губерніи, въ масштабѣ 2 верстъ на 1 англійскій дюймъ; первый выпускъ его нынѣ уже находится передъ глазами публики и по выполненію своему составляетъ эпоху въ исторіи нашей картографіи. (*)

Немедленно по окончаніи работъ въ Тверской губерніи приступлено было, подъ вѣдѣніемъ того же самаго ревностнаго геодезиста (генералъ-майора Мендта), къ производству таковыхъ же работъ въ двухъ другихъ губерніяхъ: Рязанской и Тамбовской. Нынѣ уже вышелъ въ свѣтъ также атласъ Рязанской губерніи и приготовленъ къ изданію атласъ Тамбовской, а сверхъ-того начаты геодезическія операціи и во Владимірской губерніи.

И нѣкоторыя изъ вспомогательныхъ отраслей отечественной картографіи остались не безъ обработки со стороны Географическаго Общества. Дѣйствительный Членъ его, г. академикъ П. И. Кеппенъ окончилъ и издалъ, на иждивеніи Общества, свой прекрасный трудъ — этнографическую карту Европейской Россіи, вмѣстѣ съ подробнымъ пояснительнымъ къ ней текстомъ. Карта эта, стоившая автору ея 10-ти лѣтъ напряженныхъ работъ и изысканій, состоитъ изъ четырехъ листовъ въ масштабѣ 75 верстъ на 1 англійскій дюймъ и изображаетъ весьма нагляднымъ образомъ этнографическія отношенія европейской части Имперіи, обозначая особою краскою, или оттѣнкомъ разныя, населяющія ее племена.

(*) А именно: при этомъ изданіи съ отличнымъ успѣхомъ впервые употребленъ былъ у насъ хромолитографическій способъ тисненія, т. е. печатаніе на камнѣ разными красками.

Въ основаніе ея г. Кеппенъ принялъ почтовую карту Россійской имперіи, изданную, въ 1842 году, Почтовымъ Департаментомъ, не преминувъ сдѣлать въ ней необходимыя поправки, съ соображеніемъ какъ новѣйшихъ перемѣнъ, такъ и изслѣдованій гг. Рейнеке, фонъ-Крузенштерна, графа Кейзерлинга, Манганари, Иславина, Мурчисона, Регули, Бларамберга, Кастрена и др. (*) Сверхъ-того, г. Кеппенъ составилъ еще отдѣльно, въ нѣсколько обширнѣйшемъ масштабѣ, этнографическую карту С.-Петербургской губерніи.

Послѣ той прочной основы, которую положилъ у насъ геогнозіи Мурчисонъ, своею геогностическою картою Европейской Россіи и соединенными съ нею изысканіями, оставалось совершить болѣе подробныя спеціальныя изслѣдованія разныхъ отдѣльныхъ ея частей. С.-Петербургская губернія можетъ похвалиться первымъ и притомъ отлично исполненнымъ опытомъ этого рода, и заслуга эта принадлежитъ здѣшнему Университету. Одинъ изъ отличнѣйшихъ въ немъ преподавателей естественныхъ наукъ, Д. Ч. Географическаго Общества, С. С. Куторга, въ-теченіе 10 лѣтъ, съ 1842 по 1852 годъ, постоянно посвящалъ лѣтніе свои досуги изслѣдованію геогностическихъ отношеній С.-Петербургской губерніи и тѣсно связанныхъ съ нею, по геологическому своему образованію, частей южной Финляндіи и острова Эзеля.

Для точнѣйшаго наблюденія строенія почвъ, онъ объѣхалъ не только главныя рѣки, но и побочныя, а равно и ручьи, на челнокѣ или вдоль берега въ телѣгѣ, по всему ихъ протяженію, вездѣ тщательно замѣчая разрѣзы и опредѣляя границы почвъ и ихъ ярусовъ; мѣста уже сухія, разбивъ на треугольники, изслѣдовалъ г. Куторга по плитнымъ ломкамъ, колодцамъ, дорожнымъ рвамъ и т. д. Такимъ-образомъ онъ собралъ обильнѣйшій матеріалъ, какъ для опредѣленія въ-точности географическихъ границъ формацій губерніи, такъ и для познанія ихъ состава въ глубь, и для палеонтологіи различныхъ ярусовъ и даже пластовъ формацій, и по окончаніи этого тщательнаго разсмотрѣнія соединилъ результаты его въ особой геогностической картѣ. Отлично гравированная на мѣди, карта эта составлена въ масштабѣ 10 верстъ на 1 дюймъ, или въ

(*) По случаю скораго разбора этой важной карты, нынѣ уже приступлено ко второму ея изданію.

$^1/_{420000}$ дѣйствительной величины, и помѣщается на одномъ большомъ листѣ (въ 1 аршинъ $7^1/_2$ вершковъ длины и 1 аршинъ $2^1/_2$ вершка ширины). Для яснѣйшаго изображенія геогностическихъ отношеній, она раскрашена пятью красками соотвѣтственно разнымъ системамъ формацій и пятью оттѣнками, смотря по разнымъ наслоеніямъ почвы; но сверхъ-того на ней обозначены также разныя топографическія и статистическія подробности, какъ-то: всѣ города, села, деревни и даже мызы, всѣ рѣчки, озера, болота, каналы, дороги, какъ почтовыя, желѣзныя и шоссе, такъ и проселочныя, плитныя ломки (числомъ до 200) и т. д. На краяхъ же карты изображены, снятые съ натуры, разрѣзы пластовъ по нѣкоторымъ изъ рѣкъ и мысленный разрѣзъ черезъ всю губернію съ сѣвера на югъ, такъ-что карта эта объясняетъ не только горизонтальное протяженіе почвъ и ихъ ярусовъ, но также устройство ихъ вглубь. Въ добавокъ ко всему этому, С. С. Куторга собралъ, въ-продолженіе своихъ экскурсій, обильные матеріалы и образчики окаменѣлостей для геогностическаго и палеонтологическаго описанія осмотрѣнной имъ страны, которыя обѣщаетъ издать въ свѣтъ въ непродолжительномъ времени.

Въ предъидущемъ обзорѣ упомянуто было о хозяйственно-статистическомъ атласѣ Европейской Россіи, предпринятомъ г. директоромъ Депатамента Сельскаго Хозяйства Министерства Государственныхъ Имуществъ, А. И. Левшинымъ, и составлявшимся подъ вѣдѣніемъ начальника отдѣленія того департамента К. С. Веселовскаго. Этотъ столь важный для ближайшаго познанія Россіи трудъ, начатый въ 1848 году, окончень былъ въ 1850 году, а въ 1851 вышелъ вторымъ изданіемъ. Онъ состоитъ изъ 16 картъ ин-фоліо самаго большаго формата, на которыхъ изображены почва, температура воздуха, средній урожай хлѣба, среднія цѣны на хлѣбъ, движеніе хлѣбной торговли, распредѣленіе лѣсовъ и статистическія данныя относительно разныхъ постороннихъ отраслей сельскаго хозяйства — льняной, пеньковой, табачной, свекло-сахарной, овцеводства, скотоводства, коноводства и т. д. Для дальнѣйшаго же развитія всего изображеннаго на картахъ, къ атласу приданъ особый пояснительный текстъ.

Нельзя не упомянуть здѣсь также о любопытной картѣ, изданной въ 1850 году, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ

профессоромъ Лѣснаго Института, г. Боде, на которой обозначены предѣлы произрастанія разнаго рода деревъ въ Европейской Россіи. Карта эта, также сопровождаемая пояснительнымъ текстомъ, имѣетъ заглавіе:

Carte des limites de la croissance des diverses espèces d'arbres dans la Russie européenne, par Bode.

И Почтовое Вѣдомство, имѣя съ своей стороны въ виду всеобщую потребность въ хорошей дорожной картѣ Россіи, озаботилось усовершенствованіемъ изданной имъ въ 1842 году таковой карты. Трудъ исправленія ея порученъ былъ Корпуса Военныхъ Топографовъ капитану Тютикову и исполненъ имъ со всевозможнымъ раченіемъ и добросовѣстностію. Карта эта недавно вышла подъ заглавіемъ:

Почтовая карта европейской части Россійской имперіи и Кавказскаго края, по Высочайшему повелѣнію изданная Почтовымъ Департаментомъ, по новѣйшимъ оффиціальнымъ свѣдѣніямъ. Гравирована и печатана въ С.-Петербургѣ. 1852.

Она изготовлена въ значительно бо́льшемъ масштабѣ противъ прежней карты, а именно 60-ти верстъ на 1 англійскій футъ, и объемлетъ на 9 листахъ большаго формата (въ 12 квад. вершковъ каждый), кромѣ указанной въ заглавіи части Россіи, также нарочитыя пространства сопредѣльныхъ съ нею владѣній. Кромѣ того, карты двухъ главныхъ губерній, С.-Петербургской и Московской, помѣщены еще особо въ масштабѣ вдвое бо́льшемъ, т.-е. 30 верстъ на 1 англійскій футъ; для удобнѣйшаго же отыскиванія мѣстностей приложенъ сборный листъ. Изящное и во всѣхъ отношеніяхъ превосходное исполненіе карты вполнѣ дѣлаетъ честь какъ тому вѣдомству, которымъ она предпринята, такъ и Военно-Топографическому Депо, въ которомъ она гравирована.

Другая генеральная карта Россіи, на 12 листахъ, съ разрѣшенія Военно-Топографическаго Депо, составляется дѣятельнымъ картографомъ г. Вощининымъ, уже извѣстнымъ хорошимъ своимъ всеобщимъ атласомъ и прекрасными глобусами земнаго шара.

Не преминемъ указать также на изданный по Вѣдомству Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, а именно по распоряженію г. московскаго оберъ-полиціймейстера генералъ-майора Лу-

жина, А. Хотевымъ подробный атласъ Москвы, на 63 большихъ листахъ (всего объемомъ въ 2 слишкомъ квадр. сажени), въ масштабѣ 40 саженъ на 1 англійскій дюймъ, на которомъ отдѣльно обозначены не только всѣ усадьбы, но и каждое зданіе этой столицы, — и на планы С.-Петербурга въ разныя эпохи его существованія, вмѣстѣ съ планами всѣхъ 13 частей его, недавно изданные Н. И. Цыловымъ.

Наконецъ приведемъ еще недавно вышедшее новое, рачительно исправленное изданіе карты великаго княжества Финляндскаго, впервые составленной въ 1840 году, А. В. Эклундомъ (Eklund), на основаніи съемокъ Главной Межевой Конторы въ Финляндіи, — и карту Курляндіи Бюлера (Bühler: Karte von Kurland, Imp. Fol. 1848), составленную, въ меньшемъ масштабѣ, по большой картѣ Неймана (Neumann: Karte von Kurland, 1833. 6. Bl. revidirt 1846.)

Изъ картъ, относящихся къ древней исторіи Россіи, особенно замѣчательна составленная г. профессоромъ здѣшняго Университета К. А. Неволинымъ и удостоенная Константиновской медали карта Древнихъ Новгородскихъ Пятинъ.

Гидрографическое наше познаніе Европейской Россіи расширяется все болѣе и болѣе. Прежде всего упомянемъ, какъ о ближайшей къ намъ операціи, о съемкѣ береговъ при-балтійскихъ странъ и прилежащихъ къ нимъ острововъ и о промѣрахъ глубины въ тамошнихъ водахъ, генераловъ Рейнеке и Врангеля, плодомъ которыхъ было изданіе со стороны Гидрографическаго Департамента Морскаго Министерства: Меркаторской карты Нарвской губы 1848, меркаторской карты Финскаго залива отъ Гогланда до Ревеля 1850 и Меркаторской карты входовъ на Ревельскій рейдъ 1846, пополненной въ 1849 году. Другое важное явленіе по этой части, о которомъ слѣдуетъ донести здѣсь, есть атласъ Бѣлаго моря, изданный подъ заглавіемъ:

Гидрографическое описаніе сѣвернаго берега Россіи, составленное капитанъ-лейтенантомъ (нынѣ генералъ-майоромъ Рейнеке), съ атласомъ Бѣлаго моря.

Атласъ этотъ, издававшійся съ 1833 по 1850 годъ, состоитъ изъ 17 большихъ картъ, со включеніемъ генеральной карты, подъ названіемъ: *Сборный листъ атласа Бѣлаго моря и Норвежскаго берега*, и изъ 5-ти видовъ береговъ. Онъ осно-

ванъ на тщательныхъ астрономическихъ опредѣленіяхъ главныхъ пунктовъ, навтическихъ съемкахъ береговъ и островов и промѣровъ глубины водъ и вообще удовлетворяетъ даже самымъ строгимъ требованіямъ науки, а сверхъ-того достоинство его значительно возвышается подробнымъ пояснительнымъ текстомъ. Извѣстно, что почтенный авторъ этого вполнѣ европейскаго сочиненія удостоенъ былъ отъ Академіи Наукъ большою Демидовскою преміею.

Въ предъидущемъ обзорѣ было упомянуто нами о подобномъ же гидрографическомъ трудѣ — превосходномъ атласѣ Чернаго и Азовскаго морей, капитанъ-лейтенанта Манганари. Какъ важное къ нему дополненіе и отчасти объясненіе, издано нынѣ особое руководство для плаванія по обоимъ сказаннымъ морямъ, подъ заглавіемъ:

Лоція Чернаго моря. Николаевъ. Въ типографіи Гидрографическаго Депо. 1851.

Руководство, тѣмъ болѣе важное для плавателя по тамошнимъ водамъ, что оно основано на особо производившемся на этотъ конецъ съ 1847 года обзорѣ береговъ Чернаго моря, а сверхъ-того на собранныхъ г. Манганари 1-мъ, во время его описи, и разными офицерами черноморскаго флота оффиціальныхъ данныхъ.

Изъ числа картъ иностранныхъ морей замѣтимъ изданныя Гидрографическимъ Депо черноморскаго флота карты Средиземнаго моря на 8, Адріатическаго на 2 листахъ.

Рядомъ съ описью морей идетъ также опись рѣкъ Европейской Россіи. Особая коммиссія, занимавшаяся съ 1829 года съемкою Буджака, приготовила къ изданію карту Днѣстра, начиная отъ Хотина до самаго впаденія рѣки въ море.

Изъ общихъ атласовъ, изданныхъ у насъ въ послѣдніе годы, приведемъ атласы Вощинина, Зуева, прекрасный и весьма полный атласъ Ст. Барановскаго 1852 и историческій атласъ Зуева 1852 г.

Обозрѣвая всѣ эти труды и предпріятія по части россійской картографіи, нельзя не радоваться пробудившейся у насъ на этомъ полѣ дѣятельности, свидѣтельствующей о благородномъ стремленіи стать въ этомъ отношеніи на ряду съ просвѣщеннѣйшими державами въ свѣтѣ.

Къ сожалѣнію, успѣхи картографіи въ другихъ частяхъ Европы не вездѣ были соотвѣтственны тѣмъ ожиданіямъ, какія можно было имѣть послѣ быстраго развитія этой отрасли географической науки, котораго мы были еще недавно свидѣтелями.

Несчастная катастрофа 1848 года, столь сильно потрясшая весь политическій бытъ Германіи, не могла не отозваться и на картографическую ея дѣятельность. Впрочемъ, нельзя при этомъ случаѣ не отдать также справедливости Германіи. Если при столь неблагопріятномъ стеченіи обстоятельствъ еще не вовсе погасъ свѣтильникъ науки, то она обязана этимъ тому, что наибольшая часть истинно ученыхъ ея мужей не дала себя увлечь всеобщимъ волненіемъ умовъ. И надобно именно замѣтить къ чести географіи, что изъ всѣхъ наукъ она, можетъ-быть, наименѣе ощутила на себѣ пагубное вліяніе политическихъ смутъ, и что старинные ея сподвижники пребыли ей непоколебимо вѣрными, — чего, впрочемъ, и нельзя было ожидать иначе отъ страны, гдѣ еще дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ такіе мужи, какъ Александръ фонъ-Гумбольдтъ и Карлъ Риттеръ, нашедшіе, не-смотря на глубоко-преклонныя свои лѣта, и посреди шума оружія, досугъ, — одинъ для довершенія съ искусствомъ великаго художника своей картины историческаго развитія науки землевѣдѣнія, а другой, съ терпѣніемъ и глубокомысліемъ истиннаго ученаго, своей энциклопедіи географическихъ познаній объ Азіи.

Естественно, что отъ смутнаго и разстроеннаго состоянія страны наиболѣе должны были пострадать топографическія описи разныхъ владѣній Германіи, не задолго передъ тѣмъ предпринятыя почти всѣми тамошними правительствами. За всѣмъ тѣмъ, какъ мы уже выше замѣтили, надобно удивляться, что, при столь невыгодныхъ обстоятельствахъ, въ Германіи сдѣлано такъ много по части картографіи, какъ мы это увидимъ изъ слѣдующаго перечня:

Втораго изданія Рейманна спеціальной карты Германіи, въ масштабѣ 1 : 200,000, или около 3 милей на 1 дюймъ, вышло нѣсколько новыхъ отдѣловъ. (*) Большой топографической спеціальной карты Германіи на 359 и Сѣверной Германіи Рей-

---

(*) Reymann's Specialkarte von Deutschland. Neue Ausgabe, entworfen und gezeichnet von F. Handtke. Glogau Fleming. Fol.

манна и Эсфельда на 200 листахъ съ 1848 года предпринято новое изданіе. (¹) Новаго исправленнаго изданія военно-топографической карты Германіи въ 254 отдѣлахъ, начатаго съ 1852 года, вышло по 1853 годъ 24 выпуска по 6 листовъ въ каждомъ. (²) Вицлебена карта Западной Германіи и смежныхъ съ нею странъ, на 16 листахъ ин-фоліо, вновь повѣрена и дополнена въ 1848 году. (³) Энгельгардтова карта Сѣверной Германіи и всей Пруссіи вновь издана въ томъ же самомъ году, съ соображеніемъ новѣйшихъ свѣдѣній Статистическаго Бюро въ Германіи, на 24 листахъ. (⁴) Карта южно-германскихъ владѣній, покойнаго Рюле фонъ-Лиліенштерна, вновь переработана въ 1849 году, на основаніи лучшихъ пособій, на 1 листѣ ин-фоліо. (⁵) Вейландъ издалъ карту Германіи на 1 листѣ большаго ин-фоліо (⁶) и генеральную карту Германіи, Пруссіи и Швейцаріи, на 5 листахъ большаго ин-фоліо, въ масштабѣ 1 : 1,080,000. (⁷) Штюльпнагель и Бэръ составили карту Германіи, Нидерландовъ, Бельгіи и Швейцаріи, съ обозначеніемъ желѣзныхъ дорогъ, шоссе и пр., на 15 листахъ въ большую 8°. 1848—1849. (⁸) Гандтке изготовилъ генеральную карту Германіи въ большое ин-фоліо 1849 (⁹), и онъ же — почтовую карту Германіи и нѣкоторыхъ изъ прилежащихъ къ ней земель. 1849. (¹⁰) Гендшель — почтовую карту Германіи и

(¹) Reymann's und von Oesfeld topographische Specialkarte von Deutschland und den angränzenden Staaten in 359 und von Nord-Deutschland in 200 Blättern. Neue Ausgabe. Glogau, Fleming.

(²) Topagraphisch-militärische Karte von Deutschland in 254 Sectionen. Neue revid. Ausg. Weimar, Landes-Industrie-Comptoir.

(³) Wilzleben, Karte von West-Deutschland, Nord-Ost-Frankreich, Süd-Holland und Belgien. Revidirt und ergänzt im Jahre 1848. 16 Blätter Fol. Berlin. 1848.

(⁴) Engelhardt, Karte von Nord-Deutschland und dem ganzen Preussischen Staate. Neue Ausgabe in 24 Blättern. Berlin, Schropp et Co.

(⁵) Karte der Süddeutschen Bundesstaaten von Rühle von Lilienstern, neu bearbeitet im J. 1849. gr. Fol. Berlin. Reimer.

(⁶) Weiland, Deutschland 1848 gr. Fol.

(⁷) Weiland, General-Karte von Deutschland und den benachbarten Ländern. Neue Ausgabe. 5 Bl. gr. Fol. 1848.

(⁸) Stülpnagel und Bär, Deutschland, Königreich der Niederlande, Königreich Belgien und die Schweiz auf 15 Karten in gr. 8. Gotha. 1849. (Въ 1853 году вышло новое изданіе этого атласа на 16 листахъ.)

(⁹) Handke, Generalkarte von Deutschland. Glogau. 1849. Fleming.

(¹⁰) Handtke, Post-, Reise- und Eisenbahnkarte von Deutschland. Neue Ausgabe 1849. — Эта карта вновь издана въ исправленномъ видѣ въ 1853 г.

смежныхъ съ нею странъ, въ большое ин-фоліо. 1849. (1) Профессоръ Шмидтъ — почтовую карту Германіи и сосѣдственныхъ съ нею странъ, на 4 листахъ большаго ин-фоліо. 1851. (2) Особеннаго замѣчанія заслуживаетъ также недавно скончавшагося извѣстнаго картографа Мальмана политико-статистическая карта Германіи (за исключеніемъ Австріи) въ масштабѣ 1 : 200,000, съ указаніемъ народностей, языковъ и вѣроисповѣданій и съ приложеніемъ статистическаго коментарія (3); другая карта — народностей Германіи, Киперта. 1848. (4) Винкельманна прекрасная стѣнная карта Германіи, новое изданіе на 6 листахъ ин-фоліо (5), съ соображеніемъ отличной карты рѣкъ и горъ Германіи, Фельтера (6), и второе исправленное изданіе карты языковъ Германіи, Бернгарди, на большомъ листѣ ин-фоліо, съ XII и 136 стр. пояснительнаго текста въ большую 8°. (7)

Изъ картъ отдѣльныхъ частей Германіи замѣтимъ: Штрейта атласъ Австрійской имперіи, на 16 листахъ ин-фоліо, 1848 (8); Вейланда генеральную карту Имперіи на 1 листѣ ин-фоліо, 1848 и 1851; Гандтке карту той же имперіи на 1 большомъ листѣ, 1848 (9); полковника де-Тро и Фрида генераль-

---

(1) Hendschel, Post- und Eisenbahnkarte von Deutschland und den Nachbarstaaten. Neue Ausgabe 1849. Frkft. am M. Она обновлена въ 1853 году.

(2) Schmidt, Prof. J. M-t. Postkarte von Deutschland und den angrenzenden Staaten. In 4 Blättern. Berlin 1851. Schropp et Co. — Новое изд. 1852.

(3) Mahlmann, Politisch-statistische Karte von Deutschland. Berlin 1850. Новое исправленное изд. 1853.

(4) Nationalitätskarte von Deutschland nebst Text, herausg. von Kiepert. Weimar. 1848.

(5) Winkelmann, Ed. Wandkarte von Deutschland und den angrenzenden Landestheilen von Paris bis Warschau und von Kopenhagen bis Florenz, im Maassstabe von 1 : 1,000,000. 6 Bl. Estlingen.

(6) Völter's Fluss- und Gebirgskarte von Deutschland.

(7) Bernhardi, Dr. R. Sprachkarte von Deutschland. 2-te Aufl. unter Mitwirkung des Verfassers besorgt und vervollständigt von Dr. W. Striker. Kassel. Bohne. 1819. Imp. Fol.

(8) Streit, Major. Atlas der Oesterreichischen Staaten. 16. Bl. gr. Fol. Berlin. Hegmann.

(9) Handtke, Fr. der Oesterreichsche Kaiser-Staat Imp. Fol. Glog au 1848. Fleming.

ную почтовую и дорожную карту этой монархіи на 4 листахъ больш. ин-фоліо, 1849 (1); составленную съ чрезвычайнымъ тщаніемъ недавно скончавшимся австрійскимъ этнографомъ Гейфлеромъ, при содѣйствіи Статистическаго Отдѣленія въ Вѣнѣ, этнографическую карту Австрійской имперіи, съ подробнымъ текстомъ, 1852 (2); Берггауза этнографическую карту Австрійской имперіи въ масштабѣ 1 : 060,880; Фрелиха карту народовъ и языковъ Австріи и прилежащихъ къ ней странъ, 1 листъ больш. ин-фоліо и 66 стр. текста 8°; Шеды (Scheda) геогностическую карту Австрійской имперіи и большей части Германіи и Италіи, на основаніи извѣстной таковой же карты Гайдингера, большой литохромированный листъ ин-фоліо (3); Киперта карту эрцгерцогства Австріи 1850 и его же карту Моравіи 1850 и Штиріи, Каринтіи, Краина и береговой полосы 1850; Вейланда карты эрцгерцогства Австріи 1850, Богеміи 1850, Моравіи и Австрійской Силезіи 1850, Галиціи по новѣйшему раздѣленію 1851; Крейбиха карту сѣверной Богеміи, на 9 листахъ (4); карту Тироля (5); геогностическую карту Тироля (6); изданную въ Вѣнѣ карту Галиціи и Лодомиріи съ вел. герц. Краковскимъ по новѣйшему раздѣленію 1851; профессора Шедіуса карту Венгріи и смежныхъ съ нею владѣній, въ масштабѣ 1 : 469,472, на 9 листахъ ин-фоліо, 2-е сплошь исправленное изданіе, 1847—1849 (7); Липскаго генеральную карту Венгріи, 9 листовъ больш. ин-фоліо, съ 3 таблицами, 1849 (8) (Этой карты вышло

---

(1) Traux, Oberst Max de und Fr. Fried, neuste General-, Post- und Strassen-Karte der Oesterreichischen Monarchie. 4 Blätter. Wien 1849.

(2) Häufler, Etnographische Karte der österreichischen Monarchie 1852 (Авторъ уже прежде того издалъ карту языковъ Австрійской имперіи, которой въ 1849 г. вышло 2-ое тисненіе.)

(3) Scheda, Joseph. Geognostische Karte des Oesterreichischen Kaiserstaates. Wien 1847.

(4) Kreybich, Karte des nördlichen Theiles des Königreichs Böhmen, 9 Blätter in gross Folio und 1 Blatt zur Uebersicht. Prag.

(5) Karte von Tyrol, Voralberg und dem Salzburgischen. 1852. Berlin.

(6) Geognostische Karte Tirols 12 lith u. illum. Bl. Imp. Innsbruk. 1849—51.

(7) Schedius, Prof. Ludw. v. es Sam Blaschnek Magyar orszag. также подъ заглавіемъ Karte des Königreichs Ungarn B. 2 Ausg. 9 Bl. Pesth, 1847—49.

(8) Lipszky, Joan de, Mappa generalis regni Hungariae partiumque adjacentium Croatiae, Slavoniae et Confiniarum militarium, magni item

также изданіе въ меньшемъ масштабѣ); карту Трансильваніи, по описи Королевско-Прусскаго Генеральнаго Штаба, въ масштабѣ 1 : 25,000, 1851 (¹); Шульца почтовыя карты разныхъ частей Австрійской имперіи. — Изъ картъ Пруссіи вышли нѣсколько новыхъ отдѣловъ составляемой Генеральнымъ Штабомъ большой топографической карты Королевства, а именно нѣсколько листовъ Вестфаліи и при-рейнскихъ областей, въ масштабѣ 1 : 80,000 (²), и областей Бранденбурга въ масштабѣ 1 : 100,000 (³); барона фонъ-Гольтца карта Помераніи, по новѣйшимъ съемкамъ, въ масштабѣ 1 : 333,333, на 2 листахъ, 1851; карты Прусской монархіи по округамъ, издаваемыя съ большой карты Генеральнаго Штаба, въ масштабѣ 1 : 150,000, 1848 и слѣд. (⁴); Краатца, топографическая карта (⁵) окрестностей Берлина, Потсдама и пр.; гидрографическая генеральная карта Рейна и его береговъ, изданная въ Кобленцѣ; въ масштабѣ 1 : 10,000, въ пятнадцати отдѣлахъ большаго ин-фоліо, 1849; Энгельгардта карта Пруссіи, съ планами нивеллированія желѣзныхъ дорогъ, на 24 листахъ (⁶); фонъ-Мюнхова карта великаго герцогства Познанскаго въ физическомъ, топографическомъ и административномъ, а вмѣстѣ религіозномъ, военномъ и коммерческомъ отношеніяхъ, на 2 листахъ большаго ин-фоліо, 1849 (⁷); Вейланда карты разныхъ частей Пруссіи, 1848—1849. Изъ картъ Саксоніи, Оберрейта топографическій атласъ этого королевства, изготовленный въ Королевско-Саксонской Военной Чертежной, въ масштабѣ 1 : 57,000,

---

principatus Transylvaniae geometricis partium dimensionibus, recentissimisque astronomicis superstructa. Pesthini. Pragae 1849. Berra.

(¹) Das Siebengebirge nach den Aufnahmen des K. Preuss. Generalstabes. — Эта же карта издана еще особо съ геогностическими указаніями.

(²) Topographische Karte der Provinz Westphalen und der Rheinprovinz. Herausg. v. d. k. Preuss. Generalstabe 1848—51.

(³) Karte der Provinz Brandenburg. Hrg. von demselben Berlin. 1851.

(⁴) Preis Karten der Preussischen Monarchie. Berlin.

(⁵) Kraatz, L., Karte der Gegend von Berlin bis Neustadt-Eberswalde u. Fresinwalde, in 3 Abtheil. Fol. Berlin 1851. Reimer.

(⁶) Engelhardt, Generalkarte von dem Preussischen Staate in 24 Blättern. Fol.

(⁷) Münchow, von, Karte des Grossherzogthums Posen in 2 Blättern. Nach den besten Quellen bearbeitet, gr. Fol. 1849.

1851 [1]; топографическая и орографическая спеціальная карта Королевства, инженеръ-полковника Андре, на 9 листахъ, 1850 [2]; карта Королевства, изданная въ Аннабергѣ, 1849. Бозе карта Королевства на 4 листахъ больш. ин-кварто, 1848, и его же карта Саксонской Швейцаріи. Кромѣ того, геогностической карты Саксоніи въ 1848 и 1849 годовъ издано 12 листовъ и сдѣланъ первый опытъ гипсометрической карты Королевства. [3] Въ Баваріи изданіе большаго топографическаго атласа Королевства, имѣющаго состоять изо 140 листовъ, медленно подвигалось впередъ: въ 1848 и 1849 годахъ, кажется, вышло его не болѣе 3 листовъ. Изъ числа другихъ вышедшихъ тамъ картъ приведемъ небольшую карту Баваріи, съ указаніемъ разстояній, въ больш. ин-кварто, 1850 [4], и карту Баварскихъ горъ, 1850. [5] Въ Виртембергіи вышло большой карты Королевства, изготовляемой въ масштабѣ 1 : 50,000, Королевскимъ Статистическимъ Бюро, по 1850 годъ 50 листовъ (вся она имѣетъ состоять изъ 62 листовъ), [6] а сверхъ-того, составленная Паулусомъ, съ соображеніемъ результатовъ межеванія, и изданная Статистическимъ Бюро карта Королевства, 1850 [7], и начертанная Бахомъ топографическая и геогностическая карта Штутгардта и его окрестностей, въ масштабѣ 1 : 15,000, 1850. Изъ картъ Ганновера упомянемъ Киперта и Оманна Карту Ганновера,

---

(1) Oberreit, Topographischer Atlas des Königreichs Sachsen.

(2) Andrée, Ingenieur Oberlieutenant, Otto, Topographisch-orographische Specialkarte des Königreichs Sachsen in 9 Blättern. Imp. Fol. Dresden 1850. Adler und Dietze.

(3) Höhen-Karte des Königreich Sachsen, entworfen und gezeichnet von K. H. Stützner. Buchholz und Leipzig 1851. G. Adler Fol. Mit Erklärung. S. (6).

(4) Karte von Baiern qu. gr. 4 Nürnberg 1850. Serz u. Co. mit Distanzenangabe.

(5) Karte des baierschen nebst einem Theil des Tiroler und Salzburger Gebirges. 2 verb. A. München 1850. Fleischmann. In 16 Karten.

(6) Karte des Königreich Würtemberg, nach der neuen Landesvermessung, von dem K. statistisch-topograph. Büreau (In 62 Bl.) Blatt 50. Fol. 1850.

(7) Paulus, das Königreich Würtemberg und die Hohenzollernschen Fürstenthümer etc. herausg. von dem K. Würt. Stat.-Top. Bureau. Stutgart 1850. Fol.

Брауншвейга, Ольденбурга и Ганзейскихъ городовъ 1851 (1); Вейланда карту королевства Ганноверскаго, 1851 (2), и Рёмера геогностическую карту того же государства. (3) Относительно прочихъ германскихъ владѣній замѣтимъ нѣсколько новыхъ отдѣловъ карты великаго герцогства Гессенскаго и нѣсколько листовъ топографической карты курфиршества Гессенскаго; почтовую карту курфиршества Гессенскаго, Зиберта (7-е изданіе), 1851 года; Фроммана карту великаго герцогства Гессенскаго въ масштабѣ 1 : 283,300 (4); топографическую карту окрестностей Маннгейма, Раппарда, 1851; Вейланда карту велико-герцогскихъ и герцогскихъ Саксонскихъ владѣній, 1850 (5); Фроммана Энгеля, составленную съ большой карты фонъ-Шметтау, карту великихъ герцогствъ Мекленбургъ-Шверинъ и Мекленбургъ-Стрелицъ въ масштабѣ 1 : 350,000 (6); Вейланда спеціальную карту тѣхъ же самыхъ великихъ герцогствъ, 1851. Наконецъ нельзя пропустить здѣсь также двухъ хорошихъ картъ Гарца: одну Дидериха, 1849, а другую Платта, 1851 года; карту Герца, изданную въ Берлинѣ 1852, карту Ризенгебирге 1852, карту Тирингервальда 1852; карту Обенвальда и нагорной дороги, 1852.

Что же касается до появившихся въ Германіи съ 1848 года всеобщихъ атласовъ земнаго шара, то они по бо́льшей части состоятъ изъ обыкновенныхъ или сокращенныхъ изданій прежнихъ трудовъ по этой части, въ числѣ каковыхъ мы находимъ, впрочемъ, иныя весьма замѣчательныя явленія. Такъ, прежде всего укажемъ здѣсь на сокращеніе большаго Киппертова атласа (7); на Берггаузово дешевое изданіе прежде

(1) Kiepert und Ohmann, Hannover, Braunschweig, Oldenburg und die Hansestädte. Gezeichnet nach Papens Atlas von Hannover. Maaststab 1 : 600,000 Weimar 1851.

(2) Weiland, Karte des Königreich Hannover 1851.

(3) Römer, geognostische Karte von Hannover. Berlin 1852. Schropp und C°.

(4) Frommann. M. Karte vom Grossherzogthum Hessen. 6-te verb. Aufl. nach den neusten Quellen. 1852. Darmstadt, Pabst.

(5) Weiland, die Grossherzoglich- und Herzoglich-Sächsischen Länder 1850.

(6) Engel, Karte der Grossherzogthümer Meklenburg - Schwerin und Meklenburg-Strelitz 1849.

(7) Compendiöser allgemeiner Atlas der Erde und des Himmels. Nach den besten Hülfsmitteln entworfen. 10 verb. und verm. Aufl. gr. 4. (35 картъ и 10 стр. текста) Weimar 1850. — Его готовится нынѣ 11-ое исправленное изданіе.

столь любимаго Штилерова атласа ([1]) ; на 2-е исправленное и пріумноженное изданіе Берггаузова физическаго атласа , съ текстомъ ([2]) ; на 3-е изданіе физическаго атласа Глазера ([3]); на ручной всеобщій атласъ Сора , въ 82 листа , исправленный и пополненный Берггаузомъ, 5-е изданіе ([4]); на ручной всеобщій атласъ Бауэркеллера , въ 80 литохромированныхъ листахъ , съ приложеніемъ очерка всеобщей географіи , физическаго описанія земной поверхности и историческихъ обозрѣній, а равно топографическихъ рельефовъ ([5]) ; на учебные атласы Фельтера , въ 36 картъ , 3-е изданіе , 1848—1849 ([6]) ; Фогеля, на 16 листахъ , 6-е исправленное изданіе , 1848 ([7]) ; Винкельманна , въ 25 листовъ больш. ин-кварто , 2-е изданіе ([8]) ; Сидова , на 36 листахъ , 1848, 5-е изданіе , 1853 ([9]); Гандтке , на 25 листахъ , 6-е изданіе, 1850 ([10]) ; Платта , изъ 26 картъ , 4-е изданіе , съ изображеніемъ физическаго вида земли ([11]) ; Эд. Вагнера , на 28 листахъ , 13-е изданіе , 1851 года ([12]) ; Фогта, 3-е изданіе, на 24 листахъ, 1851 ([13]), и 26-е изданіе , составленнаго, на основаніи географіи Штейна , Гекомъ, Келеромъ,

---

([1]) Stieler's Handatlas über alle Theile der Erde nach dem neuesten Zustande. Neue Ausg. in 38 illum. Karten Gotha 1852, J. Perthes.

([2]) Berghaus, Physikalischer Atlas , 2-te verb. und verm. Aufl. Gotha. Perthes.

([3]) Glaser, topisch-physicalischer Atlas. 3-te Aufl.

([4]) Sohr, Hand-Atlas der neueren Erdbeschreibung. 5-te durch Dr. H. Berghaus verb. Aufl. Glogau. 1852. Fleming.

([5]) Bauerkeller , Handatlas der allgemeinen Erdkunde 1846—52. Бауэркеллеръ издалъ 25 выпусковъ этого прекраснаго атласа, а съ 26-го онъ продолжается Эвальдомъ.

([6]) Völter, Daniel, Schul-Atlas in 36 Karten d. Aufl. 1849.

([7]) Vogel, Dr. Carl Schul-Atlas der neueren Erdkunde. Mit. Randzeichnungen. 6 verm. und verb. Aufl. Leipzig. 1848. Heinrichs.

([8]) Winckelmann, Ed. geogr. Elementar-Atlas. 25 Karten 1849; другое исправленное изданіе въ больш. 4-тку 1852. Esslingen Weychhardt.

([9]) Sydow's Schul-Atlas in 36 (37) Karten. qu. 4. 1848. Gotha Perther. 5-te Aufl. 1853.

([10]) Handtke, Schul-Atlas der neueren Erdbeschreibung in 25 Bl. 6 Aufl. qu. 4. Glogau. Fleming.

([11]) Platt, A. Schul-Atlas über alle Theile der Erde etc. mit besonderer Rücksicht auf Hoch- Flach- und Tiefländer entworfen. 4 verb. Aufl. 26 Karten 18.1.

([12]) Wagner, Ed. Atlas der neuesten Erdkunde in 28 Bl. 13 Aufl. 1851.

([13]) Voigt Schul-Atlas 3-te Auflage. 1851.

Мулертомъ и Штрейтомъ, вновь исправленнаго К. Вагнеромъ атласа въ 25 картъ, съ 9 историч. и статист. таблицами, 1852; Сидова методическій атласъ для научнаго изученія географіи, 3-е изданіе, 21 литохром. карты (1), и Циглера атласъ, на основаніи Риттеровыхъ идей, въ 25 листахъ, 1849—1851 (2); а по своей подробности — ручной атласъ Мейера. (3) Какъ учебныя пособія, приведемъ еще : школьный стѣнной атласъ, изданный въ Вольфенбюттелѣ (7 картъ, каждая по 4 листа инфоліо) (4); хорошія стѣнныя карты Гандтке (Европа на 9 листахъ 1851 (5), Германія на 9 лист., 1851, а равно обоихъ полушарій, каждое на 12 листахъ); Оманна учебныя карты обоихъ полушарій, каждая на 16 листахъ, новое изданіе, 1851 (6); Равенштейна элементарный пластическій атласъ, 2-е изданіе, 1848 (7); Шпрунера историческо-географическій ручной атласъ 1852. (8) Нельзя не обратить вниманія также на три составленныя профессоромъ Дове, въ Берлинѣ, и изданныя тамошнею Королевскою Академіею карты мѣсячныхъ исотермическихъ линій (линій одинаковой теплоты) земнаго шара.

Гораздо сильнѣе и продолжительнѣе было пагубное вліяніе на географическую дѣятельность политическаго переворота 1848 года въ той именно странѣ, откуда онъ возъимѣлъ свое начало. Когда потрясены всѣ основы государства и народъ раздѣленъ на крамольныя партіи, водружающія каждая свою хоругвь, когда анархія заступаетъ мѣсто порядка и благоустройства, тогда наукѣ остается только сѣтовать о минувшемъ, возлагая всѣ свои надежды на болѣе благопріятную будущность. А сколь глубоко было это сѣтованіе во всѣхъ

---

(1) Sydow, Methodischer Hand-Atlas 3-te Aufl.

(2) Ziegler, Atlas über alle Theile der Erde, in 24 Bildern, ausgearbeitet nach der Lehre Carl Ritters. Berlin 1851.

(3) Meyer, Handatlas der neuesten Erdbeschreibung, in 180 Karten.

(4) Schulwandatlas der neuesten Erdkunde. 1851.

(5) Handtke, Wandkarte von Europa, 1851. dito, von Deutschland, 1851.

(6) Ohmann, Schulkarte der östlichen Hemisphäre und dito der westlichen. Neue Auflage. 1851.

(7) Ravenstein, Aug. plastischer Schul-Atlas. Zweite ganz umgearbeitete Auflage. Frkft. am M. 1848. Dritte Auflage. qu. gr. 8. 8 Relief-Karten und 8 lith. und. illum. Karten. 1852.

(8) Spruner, historisch-geographischer Hand-Atlas. 1848—1853.

истинныхъ друзьяхъ науки, это мы видимъ изъ слѣдующихъ краснорѣчивыхъ словъ одного изъ нихъ, откровенно выразившаго свои чувствованія при одномъ торжественномъ случаѣ (*).

«Въ исторіи народовъ — говоритъ почтенный ораторъ — бываютъ внезапныя и жестокія потрясенія, которыя роковымъ ударомъ останавливаютъ, если не обращаютъ даже вспять, на долгое время умственные успѣхи человѣчества. Наука, живущая спокойствіемъ духа, устрашенная такимъ шумомъ и волненіемъ, робко закрываетъ тогда свой ликъ, молчаливо выжидая, пока опять наступятъ для нея лучшіе дни. Истекшій годъ видѣлъ разразившимся одинъ изъ тѣхъ злосчастныхъ переворотовъ, которые народъ, во имя отвергнутаго разума и оскорбленнаго образованія, желалъ бы въ-послѣдствіи времени изгладить изъ своихъ лѣтописей. И въ нашихъ трудахъ глубоко должны были отозваться обстоятельства, насъ поразившія. Когда все вокругъ васъ рушится, всюду оставляя за собою одни развалины и обломки, когда надъ вашими главами рокочетъ громъ и земля дрожитъ подъ вашими стопами, когда все существующее сокрушено или угрожаетъ паденіемъ, когда въ этой горячкѣ ничто не считается болѣе за свято, ни учрежденія, ни нравы, ни вѣрованія, ни преданія, когда самыя чудовищныя ученія провозглашаются съ наглымъ нахальствомъ, когда минувшее есть право на опалу, настоящее — предметъ унынія, а будущее — перспектива ужасовъ: кто могъ бы тогда съ спокойнымъ и вольнымъ духомъ обратиться къ тѣмъ заняніямъ, которыя въ другое время чтутся народами и поощряются правительствами?»

Къ счастію, описанное здѣсь такими яркими, но вѣрными красками состояніе уже миновало: можно надѣяться, что и наука, выйдя изъ столь роковаго для нея испытанія, оживетъ во Франціи возобновленною жизнью. Между-тѣмъ нельзя не утѣшаться мыслью, что она и здѣсь, какъ то было замѣчено и въ Германіи, не вовсе погибла среди разгрома всего общественнаго быта, и что мирные ея послѣдователи тѣмъ самымъ даже какъ бы еще тѣснѣе соединились вокругъ нея. Но естественно, что по картографіи въ это бурное время нельзя ожидать та-

(*) Вивьенъ де-Сенъ-Мартенъ, главный секретарь Парижскаго Географическаго Общества, въ годичномъ собраніи 19 января 1849 года.

кихъ трудовъ и предпріятій, какъ въ предшествовавшее время, и лѣтопись наша ограничится по этой части только самымъ короткимъ перечнемъ :

Топографическое Депо Военнаго Министерства, оставаясь, какъ и прежде, подъ вѣдѣніемъ неутомимаго полковника Лапи, въ 1849 году издало 13-й нумеръ большой военной карты Франціи, а именно 10 листовъ, а въ 1851 году 7 листовъ, что́, вмѣстѣ съ прежде уже вышедшими, составляетъ 137 листовъ; сверхъ-того 68 другихъ уже подготовлены къ изданію въ свѣтъ, и приняты мѣры къ выпуску въ каждый годъ по 12 листовъ, такъ-что конечнаго довершенія этого великаго труда, имѣющаго состоять изъ 258 листовъ, можно ожидать къ 1855 году. Для бо́льшаго же удобства публики приняты мѣры къ изданію этой карты также въ уменьшенномъ масштабѣ 1 : 320,000, на 35 листахъ, бо́льшая часть которыхъ нынѣ уже выгравирована.

Морское Депо ревностно продолжало издавать гидрографическія описи, бо́льшая часть которыхъ, впрочемъ, уже была приготовлена въ предъидущее время. Сюда относятся нѣсколько картъ береговъ Франціи (1), между-прочимъ, порта Марсельскаго и его окрестностей (2), Тулонскаго рейда (3) и нѣсколько частей особой карты прибрежій Франціи (4), а именно береговъ Прованса, Лангедока и Русильона 1848; общая карта Средиземнаго моря 1849 (5), карты разныхъ отдѣльныхъ заливовъ Франціи, особая карта береговъ Франціи и Испаніи. (6)

Замѣтимъ также атласъ подземельныхъ картъ Парижа, начатый въ 1844 году и нынѣ, вѣроятно, уже оконченный. Онъ состоитъ изъ 45 листовъ, на которыхъ сняты всѣ извилины древнихъ каменоломень и катакомбъ, поверхъ которыхъ построена столица Франціи, вмѣстѣ съ соотвѣтствующими имъ на поверхности земли улицами, площадями и зданіями.

(1) Cartes des côtes de France.

(2) Carte du Port de Marseille et Environs.

(3) Carte de la Rade de Toulon et de ses divers mouillages.

(4) Carte particulière des côtes de France. Provence. Partie comprise entre le Bec d'Aigle et le Cap Couronne.

(5) Carte générale de la Méditerranée 1849.

(6) Carte particulière des côtes de France et d'Espagne. Partie comprise entre Canet et le Cap de Creux 1849.

Совсѣмъ другое зрѣлище представляла въ это время Англія. Непрерывавшіеся здѣсь миръ и спокойствіе благопріятствовали еще бо́льшему противъ прежняго развитію какъ картографіи, такъ и географической науки вообще, и мы по части первой можемъ внести въ свою лѣтопись слѣдующія событія.

Труды Топографическаго Бюро по части изготовленія большаго атласа Соединеннаго Королевства подвигались впередъ безостановочно. Атласъ этотъ, какъ извѣстно, выходитъ въ двоякомъ видѣ: въ масштабѣ 1 дюйма и 6 дюймовъ на 1 англійскую милю. Но какъ распространенію картъ этого атласа въ публикѣ доселѣ препятствовала высокая ихъ цѣна, то недавно придумано средство къ отвращенію этого неудобства, а именно примѣненіемъ къ увеличенію числа досокъ электротипическаго процесса достигнута значительная убавка цѣны картамъ, а это самое открыло имъ гораздо бо́льшій сбытъ.

То же самое Бюро приступило къ топографической съемкѣ городовъ Англіи въ огромномъ масштабѣ. Съемка самаго Лондона будетъ обнимать собою до 900, Ливерпуля около 50 листовъ большаго формата (въ 3 фута длиннику на 2 ширины). Планы нѣкоторыхъ городовъ уже сняты, какъ-то: Виндзора, Соутемптона, Чорлея, Гаслинедена, и, какъ говорятъ, превосходны, какъ по отчетливости даже въ самыхъ мелочахъ, такъ и по самой отдѣлкѣ.

Что касается до водной описи Королевства, то гидрографъ Британскаго Адмиралтейства, вице-адмиралъ сэръ Францисъ Бофортъ (Sir Francis Beaufort), въ своемъ донесеніи о дѣйствіяхъ Гидрографическаго Департамента съ 1838 по 1847 г., указываетъ на тѣ пробѣлы, какіе еще остается выполнить для доведенія морскихъ картъ Королевства до надлежащей степени полноты и точности. Пробѣлы эти объемлютъ собою:

1) Бо́льшую часть южнаго берега Англіи.

2) Западный берегъ Шотландіи отъ Молла (Mull) почти до мыса Ратъ (Wrath) и всѣ Гебридскіе острова.

3) Два большія протяженія западнаго берега Ирландіи.

4) Юго-восточный берегъ Ирландіи, начиная отъ Ватерфорда до Корка.

Эти пробѣлы, по мнѣнію Бофорта, можно восполнить въ 10 лѣтъ.

Съ тѣхъ поръ, для достиженія этой цѣли, сдѣлано уже очень много. Капитанъ Буллокъ (Bullock) описалъ берега Кента и Эссекса, командоръ Вильямсъ (Williams) — Корнвал-лисъ и островъ Манъ, капитанъ Шеринггамъ (Sheringham) — островъ Вейтъ (Wight), капитанъ Бичей (Bechey) составилъ опись перемѣнамъ, воспослѣдовавшимъ въ Бристольскомъ каналѣ со временъ съемки капитана Денгама (Denham); капитанъ Оттеръ снялъ нѣкоторыя изъ прибрежій Шотландіи, капитанъ Фрезеръ (Frazer) продолжалъ опись восточнаго, а капитанъ Вольфъ (Wolfe) — части южнаго берега Ирландіи; командоръ Бедфордъ довелъ свои операціи къ сѣверу до залива Клю (Clew Bay), а командоръ Бичей довершилъ изслѣдованіе внутренности этого залива и многочисленныхъ его острововъ; послѣ чего продолжалъ съемку берега до Achil Head; капитанъ Іоландъ (Yolland) издалъ подробный отчетъ о произведенномъ имъ измѣреніи Лофъ-Фойльскаго базиса (the Lough-Foyle base) въ Ирландіи.

Изъ числа гидрографическихъ картъ Соединеннаго Королевства вышли (1): въ 1848 году — 7-й листъ южнаго берега Англіи отъ мыса Донджнесса до Темзы, со включеніемъ Дуврскаго пролива, карта Кингъ-Рода въ Бристольскомъ каналѣ; 1-й и 4-й листы восточнаго берега Шотландіи и два листа восточнаго берега Ирландіи; въ 1849 году — 1-й и 2-й листы западнаго и 6-й листъ сѣвернаго берега Шотландіи, а въ 1850 году — 10-й листъ западнаго берега Англіи. Сверхъ-того изданы отдѣльно карты разныхъ бухтъ, гаваней и рѣкъ, изъ числа которыхъ приведемъ здѣсь только важнѣйшія (2): карту Пли-

(1) Chart of England, South Coast. Sheet 7. Dungeness to the Thames, including Dover Street 1848
Chart of King-Road (Bristol Channel).
Chart of the East Coast of Scotland. Sheets 1 and 4.
Chart of the East Coast of Ireland. Sheets 17 and 18.
Chart of the Irish Channel.
Chart of the West coast of Scotland. Sheets 1 and 2. Frith of Solway to Gigha Island 1849.
Chart of Scotland. North Coast Sheet 6. Thurso to Cape Wrath.
Chart of England. Sheet 10. West Coast. Formby to Fleetwood.

(2) Chart of Plymouth Sound. 1848.
Chart of South Yarmouth.
Chart of the River Medway 1848.
Chart of the river Thames Sheet 1. From the Kantish Knock and the Naze to the West Swin.
Entrance to the River Tyne 1849.
The approaches to Liverpool. By Lieut. Lord 1846.

мутскаго залива 1848; карту рѣки Медвей, на 2 листахъ, 1848, и рѣки Темзы 1-й листъ, 1850; карту входа въ рѣку Тейнъ 1849. Здѣсь же напомнимъ объ изданной еще въ 1846 году флота лейтенантомъ Лордомъ картѣ входа въ Ливерпуль.

Нельзя пропустить безъ вниманія также изданное, въ-слѣдствіе оффиціальныхъ описей, руководство для плаванія у береговъ Англіи капитана Вейта :

Sailing Directions for the English Channel, including a general Description of the South Coast of England and Ireland and a detailed Account of the Channel Islands. By Capt. Martin White R. N. Being the result of a Survey made by order of the Lords Commissioners of Admiralty. London 1850. 258 стр. (8), съ 27 чертежами, 4-е изданіе.

Касательно успѣховъ геологической описи Соединеннаго Королевства мы узнаемъ изъ отчета начальника ея, сэра Генри де-ла-Беша, за 1849 годъ, что къ концу этого года были уже приготовлены къ изданію карты поверхности около 5,350 квадратныхъ миль самой Англіи и Вельса и отчасти уже изданы съ многочисленными пояснительными разрѣзами. Сверхъ-того, изданы геологическія карты графствъ Карло и Кильдара въ Ирландіи; графство Дублинское уже снято, и карта его гравируется; также почти уже окончена опись графства Вексфордскаго.

И между частными картографическими трудами относительно къ Соединенному Королевству мы встрѣчаемъ нѣсколько весьма любопытныхъ явленій. Прежде всего укажемъ здѣсь на предпринятый поселившимся въ Англіи отличнымъ прусскимъ картографомъ Августомъ Петерманномъ, ученикомъ Берргауза и Риттера, географическій и статистическій атласъ британскихъ владѣній въ масштабѣ 1 : 1,600,000. Нѣкоторыя изъ картъ этого атласа уже вышли, а именно :

1) Гидрографическая карта британскихъ острововъ (*), съ обозначеніемъ географическаго распредѣленія внутреннихъ водъ Королевства, и 2) статистическая карта британскихъ острововъ, съ показаніемъ распредѣленія на нихъ числа

(*) Geographical and statistical Atlas of the British Empire. By Augustus Petermann.

Hydrographical Map of the British Isles, exhibiting the Geographical distribution of the Island-waters. By Augustin Petermann 1849.

жителей. ([1]) — Общество Національнаго Воспитанія (The National Society) издало, подъ вѣдѣніемъ пастора Кларка (Reverend S. Klark), рядъ очень хорошихъ картъ, изъ числа которыхъ 6 относятся къ статистикѣ Англіи, а другія изображаютъ общій физическій бытъ страны. Для бо́льшей наглядности, постепенныя возвышенія земли обозначены на этихъ картахъ разными оттѣнками, размѣщенными въ такомъ порядкѣ, что высокая страна остается совершенно бѣлою. Къ хорошимъ учебнымъ пособіямъ принадлежатъ изданныя тѣмъ же пасторомъ Кларкомъ географическія карты въ поясненіе исторіи Великобританіи ([2]), школьныя карты Соединеннаго Королевства Беттса ([3]) и атласъ Шотландіи Блакка ([4]), заключающій въ себѣ, кромѣ картъ разныхъ графствъ этой страны, еще 8 картъ въ поясненіе шотландской исторіи и описаніе какъ страны вообще, такъ и каждой карты порознь. Особеннаго замѣчанія заслуживаютъ также составленныя г. Герри (Guerry), авторомъ сочиненія Statistique Morale de la France, карты нравственной статистики Англіи. Бо́льшее или ме́ньшее преобладаніе преступленій въ каждомъ графствѣ обозначено на нихъ, подобно какъ на геологическихъ картахъ, разными тѣнями той или другой краски, смотря по роду преступленій. Нельзя не упомянуть также о прекрасной и весьма точной картѣ желѣзныхъ дорогъ Великобританіи, Меколея, на которой линіи дорогъ, для бо́льшей явственности, раскрашены каждая особою краскою. Въ приложенномъ къ картѣ алфавитномъ перечнѣ исчислены всѣ станціи желѣзныхъ дорогъ.

Особеннаго замѣчанія заслуживаютъ также рельефныя карты инженера Каррингтона. Сверхъ разныхъ моделей въ ме́ньшемъ размѣрѣ онъ изготовилъ одну, окрестностей Манчестера и Дербиширской горы (The Peak of Derbyshire), въ масштабѣ большой карты Королевства (Ordnance Map). Вертикальный ея масштабъ относится къ горизонтальному, какъ 6 : 1. Нѣкоторые изъ этихъ рельефовъ ме́ньшихъ участковъ

([1]) Statistical Map of the British Isles.

([2]) Geographical Illustrations of British History 1851.

([3]) Betts's Interrogatory Maps of England and Wales; и таковыя же карты Ирландіи и Шотландіи.

([4]) Black's County Atlas of Scotland. Quart 1850.

земли исполнены въ такомъ масштабѣ, который дозволилъ ввести на нихъ и малѣйшія подробности физическаго свойства страны, что̀ особенно полезно для разныхъ цѣлей и соображеній сельскаго хозяйства. Здѣсь нельзя оставить безъ упоминовенія также одной небольшой модели цѣлаго, а другой, бо̀льшей модели нѣкоторой части острова Вейта, и модели графства Шропширъ, прекрасно и весьма отчетливо исполненныхъ капитаномъ Иббетсономъ (1), и рельефнаго плана Ливерпуля и его гаваней, бывшаго на Всемірной Выставкѣ въ Лондонѣ.

Особенное раченіе въ послѣдніе годы было приложено въ Англіи на усовершенствованіе всемірныхъ атласовъ. Къ лучшимъ явленіямъ этого рода принадлежитъ исправленный вторымъ изданіемъ на основаніи достовѣрнѣйшихъ источниковъ всеобщій атласъ Сиднея Голла. (2) Онъ состоитъ изъ 53 превосходно гравированныхъ картъ, съ подробнымъ перечнемъ всѣхъ помѣщенныхъ на немъ именъ, указаніемъ желѣзныхъ дорогъ и т. д. Между-прочимъ, на картахъ Новаго Свѣта обозначены всѣ открытія послѣднихъ временъ и маршруты главнѣйшихъ путешествій. Также на картѣ Африки приведено 9 разныхъ маршрутовъ. Общество для распространенія полезныхъ знаній (Society for the diffusion of useful knowledge) издало большой, состоящій изъ 104 раскрашенныхъ картъ, атласъ земнаго шара. Въ 1848 году вышло хорошее, вновь исправленное изданіе извѣстнаго всеобщаго атласа Блакка, а годомъ ранѣе — новое изданіе учебнаго атласа Беттса, состоящаго изъ 64 картъ, съ указаніемъ 55,000 встрѣчающихся на нихъ именъ.

Въ предъидущемъ обзорѣ упомянуто было о томъ, что Изданный въ Берлинѣ Берггаузомъ физическій атласъ земнаго шара пополненъ и исправленъ въ Эдинбургѣ отличнымъ тамошнимъ географомъ Джонстономъ. Но какъ трудъ этотъ составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ явленій въ области картографіи вообще, служа ей значительнымъ расширеніемъ, то мы считаемъ нужнымъ указать здѣсь хотя вкрат-

---

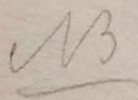
(1) Captain Ibbetson's model of the Undercliff. Isle of Wight.

(2) Sidney Hall's general Atlas of the world. A Library Atlas. London, Longman 1849.

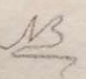
The Imperial comprehensive Atlas.

Black's General Atlas of the world 1848.

Betts's Family Atlas with Index. 1847.

цѣ его содержаніе, тѣмъ болѣе, что окончательное его довершеніе относится къ 1848 году. Атласъ этотъ, носящій заглавіе:

The Physical Atlas, a series of maps and illustrations of the geographical distribution of natural phenomena, embracing I, Geology. II, Hydrography. III, Meteorology. IV, Natural History. By Henry Berghaus and Alexander Keith Johnston F. R. G. S. Geographer at Edinburgh in ordinary to Her Majesty. состоитъ изъ 29 картъ большаго формата ин-фоліо, съ 92 страницами пояснительнаго текста. Въ этомъ числѣ 9 картъ посвящены геологіи (и именно 1 геологическому строенію всего земнаго шара, 1 горнымъ системамъ Европы, 1 горнымъ хребтамъ прочихъ частей свѣта, 1 прекрасная карта профессора Эд. Форбса (Forbes) геологическому строенію британскихъ острововъ, 1 ледянымъ областямъ на земномъ шарѣ, 1 волканамъ и т. д.); 6 картъ имѣютъ предметомъ своимъ гидрографію (здѣсь встрѣчаются физическія карты Атлантическаго, Индѣйскаго и Тихаго океановъ, карта приливовъ и отливовъ британскихъ морей, рѣчныя карты Европы, Азіи и Америки); 5 картъ отведены для метеорологіи (одна изъ нихъ представляетъ изотермическія линіи земнаго шара, 1 географическое распредѣленіе теченій въ атмосферѣ, 1 распредѣленіе дождей всего свѣта и Европы въ-особенности и т. д.); 9 картъ назначены въ поясненіе естественной исторіи (въ томъ числѣ 1 карта географическаго распредѣленія растеній вообще и питательныхъ растеній отдѣльно, карты распространенія домашнихъ и дикихъ звѣрей, птицъ, пресмыкающихся и т. д.), а наконецъ этнографическія карты Европы и Великобританіи. Ко всему этому надобно прибавить, что изящная отдѣлка картъ вполнѣ соотвѣтствуетъ ученому ихъ достоинству.

Но какъ этотъ атласъ, по дорогой своей цѣнѣ, трудно доступенъ публикѣ, то авторъ его составилъ другое, болѣе дешевое изданіе, въ нѣсколько меньшемъ форматѣ, изъ 25 картъ, со включеніемъ геологической карты британскихъ острововъ, особо для этого изданія отлично выгравированной Р. и А. К. Джонстономъ. (*)

(*) Весь атласъ обходится въ 10 фунтовъ стерлинговъ и 10 шиллинговъ, но можно пріобрѣтать и отдѣльныя его части порознь.

Цѣна ему 2 ф. стерл. 12 шил. и 6 пенсовъ.

Онъ имѣетъ заглавіе: The Physical Atlas of Natural Phenomena. Reduced from the Edition in Imperial Folio. For the use of Colleges. By Alexander Keith Johnston. In-4.

Другое, подобнаго же рода сочиненіе есть атласъ, изданный священникомъ Томасомъ Мильнеромъ, съ помощью г-на Августа Петерманна. Этотъ атласъ, подъ заглавіемъ:

A Descriptive Atlas of Astronomy and of Physical and Political Geography by the Rev. Thomas Milner. London 1848. состоитъ изъ трехъ отдѣловъ: астрономическаго, физическаго и политическаго. Физическія карты начертаны г. Петерманномъ. Особо приложенный къ атласу текстъ, съ большою основательностью и соображеніемъ новѣйшихъ свѣдѣній и открытій, распространяется о предметахъ, непосредственно входящихъ въ составъ атласа, какъ-то: о разныхъ отрасляхъ физической географіи, геологіи, гидрографіи, метеорологіи, органической жизни, ботанической и зоологической географіи и т. д.

Независимо отъ этого атласа, г. Петерманнъ издалъ отъ себя другой, подъ заглавіемъ:

Atlas of Physical Geography, constructed by Augustus Petermann, F. R. G. S. with descriptive letterpress, embracing a general view of the phenomena of the globe by the Rev. Th. Milner. M. A. F. R. G. S. Imperial 4. (*)
заключающій въ себѣ карты по части физической географіи, гидрографіи, метеорологіи, ботанической и зоологической географіи и этнографіи.

Остается еще упомянуть о нѣкоторыхъ учебныхъ картахъ, какъ-то: о картахъ физической географіи Беттса, о его же вопросительной картѣ Европы, о картѣ Европы г. Юза, (Hughes), о слѣпыхъ картахъ (т.-е. безъ выписки именъ) г. Кларка, о дешевыхъ картахъ (Penny Maps) Галла и Чапмана, и, наконецъ, хотя однимъ словомъ коснуться также величаваго земнаго глобуса г. Вайльда (Wild), нарочно изготовленнаго для Всемірной Выставки 1851 года, въ 15 футовъ поперечника и въ масштабѣ 10 миль на 1 англ. дюймъ.

Въ Швеціи ревностно продолжаются работы по изготовленію большой топографической карты на 260 листахъ, которая, однако, кажется, будетъ издана въ свѣтъ только въ уменьшенномъ видѣ. Директоръ тамошняго Корпуса Топографовъ, генералъ Акрель, изготовилъ новое изданіе военной и стати-

---

(*) Цѣна ему положена 21 шиллингъ.

стической карты Королевства и дополненіе къ хорографическому атласу Швеціи Гермелина; также предпринято продолженіе прекраснаго, состоящаго изъ 98 генеральныхъ и 35 спеціальныхъ картъ, морскаго атласа покойнаго адмирала Клинта.

Изъ числа новыхъ картографическихъ трудовъ въ Швеціи почетное мѣсто заслуживаютъ карты части этого королевства, исполненныя наслѣднымъ принцемъ Людвигомъ-Евгеніемъ. Изъ нихъ одна изображаетъ физіономію страны распредѣленіемъ разныхъ оттѣнковъ, а именно такъ, что темно-зеленымъ цвѣтомъ обозначены всѣ части страны, возвышающіяся менѣе 100 футовъ поверхъ моря; другая карта, также съ помощью разныхъ оттѣнковъ, изображаетъ распространеніе лѣсовъ, третья размѣщеніе рудниковъ, при чемъ самые рудники отмѣчены раскрашенными пятнами, а дороги, по которымъ руда доставляется въ заводы, и приморскіе порты означены линіями того же самаго цвѣта. Не умолчимъ также о картѣ полковника Левена (Löwen), на которой также разными красками показанъ итогъ народонаселенія отдѣльныхъ округовъ, измѣняющійся отъ 500 до 15,000 душъ на 1 милю. Далѣе коснемся географической карты Норвегіи инженеръ-капитана Роозена (Roosen), съ присовокупленіемъ текста о физической географіи этой страны, и карты южной Норвегіи профессора Христіанійскаго Университета г. Мюнха. (1)

Шведская тріангуляція, какъ уже выше было замѣчено, въ картографіи Россіи, связана съ русскою, а сверхъ-того также съ датскою, а тѣмъ самымъ съ тріангуляціею европейскаго материка.

Изъ картъ, относящихся къ датскимъ владѣніямъ, замѣтимъ, исполненную подъ руководствомъ Ольсена и изданную, въ 1849 году, Исландскимъ Литературнымъ Обществомъ, карту Исландіи на 1 листѣ большаго ин-фоліо. (2)

---

(1) Kart over det sydlige Norge, ved P. A. Munch Christiania 1845.

(2) Эта карта есть сокращеніе большой карты Исландіи, изданной, въ 1844 году, Ольсеномъ, на 4 листахъ, иждивеніемъ того же самаго Общества.

Karte nieuwe generale van het Konigrijke der Nederlanden 1850.

Carte Topographique de la Belgique à l'échelle de $^1/_{20000}$. Par Ph. Vander maalen.

Carte Topographique de la Belgique à l'échelle de $^1/_{80000}$. Par Ph. Vandermaalen.

Carte Générale des Triangles fondamentaux de la Nouvelle Carte Topographique de la Belgigue à l'échelle de $^1/_{80000}$.

Въ Голландіи, въ 1850 году, издана, на основаніи новѣйшихъ оффиціальныхъ описей, новая общая карта Нидерландскаго королевства въ масштабѣ 1 : 200,000.

Въ Бельгіи трудолюбивый Вандермаленъ съ обычнымъ постоянствомъ продолжалъ начатыя имъ обширныя картографическія предпріятія, и съ 1848 года вышли 24 новые листа большой топографической его карты Королевства въ масштабѣ 1 : 20,000, 6 листовъ таковой же карты вчетверо меньшемъ масштабѣ, а сверхъ-того генеральная карта основныхъ треугольниковъ послѣдней изъ двухъ вышеприведенныхъ картъ.

Въ Испаніи вышли первые 8 листовъ большаго атласа Королевства, издаваемаго инженеръ-подполковникомъ донъ-Франциско Коэльо (*), какъ приложеніе къ пространному географическому, статистическому и историческому словарю Испаніи и ея колоній, составляемому въ Мадридѣ трудами нѣкоторыхъ ученыхъ и въ томъ числѣ также самого издателя сказаннаго атласа. Кромѣ-того въ Мадридѣ выпущены въ свѣтъ карты областей Мадрида, Алавы и Гвипускои и планы какъ самой столицы, такъ и города Севильи и карты береговъ Франціи.

Въ Португаліи Г. Ф. П. Видаль (Vidal) издалъ новую географическую карту Королевства въ 48 дюймовъ длины и 28 дюймовъ ширины, на основаніи новѣйшаго политическаго раздѣленія и съ указаніемъ какъ разстоянія городовъ между собою, такъ и народонаселенія въ каждомъ городѣ. Замѣчанія заслуживаетъ также карта теченія рѣки Дуро до того мѣста, гдѣ она перестаетъ быть судоходною, г. Форрестера, въ Опорто. (**)

Швейцарія въ послѣднія пять лѣтъ прилагала похвальное стараніе къ дальнѣйшему усовершенствованію своихъ картъ. Начатая тамъ, подъ главнымъ вѣдѣніемъ генерала Дюфура, подробная топографическая съемка страны быстро подвигается впередъ, и уже выгравированы 7 листовъ этой описи, заключающіе въ себѣ кантоны Базельскій, Солотурнскій, западную часть Савойи, часть Франшконте и крайніе предѣлы Граубиндтена. Сверхъ-того, уже готовы къ изданію 6 дру-

(*) Atlas de Espana y de sus provincias de Ultramar.

(**) O Douro Portuguez e payaz adjacente com tanto de Rio, quanto se pode tornar navegavel im Espanha por Joze James Forrester.

гихъ листовъ, въ составъ которыхъ войдутъ Шафгаузенъ, Аргау, Симплонъ, Цугъ, Нефшатель, Фрейбургъ, Ивердонъ, Бернъ, Цюрихъ, Гларусъ и Швицъ. Опись эта имѣетъ особенную важность и тѣмъ, что она привела къ разрѣшенію разныхъ вопросовъ относительно физическаго характера страны, какъ-то: вышины рѣкъ въ разныхъ мѣстахъ ихъ теченія, постепеннаго склоненія ихъ водъ, уровней озеръ и т. д.; восточная граница Швейцаріи далѣе отодвинулась на востокъ, чѣмъ прежде значилось на картахъ, и между-прочимъ оказалось, что не Бернскій кантонъ, а Граубиндтенскій есть самый обширный въ Гельветической конфедераціи. Далѣе слѣдуетъ упомянуть о большой топографической картѣ Швейцаріи, составленной, по порученію тамошняго правительства, инженеромъ Бахофеномъ въ масштабѣ 1 : 100,000; объ издававшемся у Фюсли въ Цюрихѣ топографическомъ атласѣ Швейцаріи въ томъ же самомъ масштабѣ (1); о вышедшей въ Винтертурѣ изъ тамошняго топографическаго заведенія Вурстера, въ 1851 году, новой картѣ Швейцаріи съ коментаріемъ и разными историческими и статистическими приложеніями; объ историческо-географическомъ атласѣ Швейцаріи Фёгелина и Мейера фонъ-Кнонау, на 14 листахъ, 1852 (2); о картѣ Швейцаріи Циглера, съ подробными объясненіями (3); объ особо изданной, въ 1850 году, на основаніи новѣйшихъ тригонометрическихъ съемокъ, картѣ Швейцаріи для употребленія путешественниковъ, въ масштабѣ 1 : 700,000, и о почтовой картѣ Швейцаріи, изданной въ 1852 году, въ Винтертурѣ. Нельзя не сказать нѣсколько словъ также объ общей картѣ Швейцаріи, начертанной, въ 1848 году, однимъ изъ членовъ Гельветическаго Общества Естествоиспытателей, г. Остервальдомъ. Карта эта, собственно принадлежащая къ геологическому описанію Швейцаріи, изготовляемому тѣмъ же самымъ Обществомъ, гравирована на мѣди въ Парижѣ и со-

---

(1) Atlas de la Suisse, dessiné par MM. H. Keller, Scheuermann, Pfyffer d'Altishofen, Osterwald etc., gravé par I. Scheuermann, contenant une carte générale et 18 cartes cantonales in pet. Folio.

(2) Vögelin и Meyer von Knonau historisch-geographisher Atlas der Schweiz in 14 Bl. gr. Fol. Zürich, Schulthess 1851.

(3) Ziegler, Karte der Schweiz, mit Erläuterungen, Register und histor. u. statist. Beilagen XII и 73. (4) 2 Aufl. St. Gallen 1852. Huber und Co.

стоитъ изъ двухъ листовъ въ масштабѣ 1 : 400,000 естественной величины. Объемля собою пространство между 45° 30′ и 47° 50′ сѣверной широты и между 3° 30′ и 8° 40′ восточной долготы отъ Парижа, она имѣетъ основаніемъ своимъ болѣе 1500 тригонометрически опредѣленныхъ пунктовъ и собранные въ-теченіе многихъ лѣтъ обильные топографическіе матеріалы, которые авторъ еще дополнилъ самъ, производя, для повѣрки своей карты и пополненія разныхъ ея пробѣловъ, многочисленныя изслѣдованія и измѣренія. Но какъ принятый имъ масштабъ не дозволилъ ему помѣстить на картѣ всѣ измѣренія высотъ, число которыхъ доходитъ до 5,500, то онъ публиковалъ ихъ въ отдѣльной брошюрѣ:

Recueil des hauteurs des Pays compris dans la carte générale de la Suisse par I. F. Osterwald. Neuchatel, Imprimerie de Henry Wolfarth 1844—47. 120 стр. (8)

Наконецъ замѣтимъ еще нѣсколько явившихся въ последніе годы спеціальныхъ картъ разныхъ частей Швейцаріи, какъ-то: геологическую и топографическую карту Гларуса, въ масштабѣ 1 : 140,000 г. Эшера и другую, того же самаго кантона, г. Освальдъ-Гера и Блуменъ-Гера въ Санктъ-Галленѣ; пять геологическихъ картъ хребта Юры, въ разныхъ кантонахъ, въ масштабѣ 1 : 60,000, и карту горъ къ сѣверо-востоку отъ Тунскаго озера, представленную, въ 1848 году, г. Рюттимайеромъ собранію Общества Естествоиспытателей въ Солотурнѣ.

Италія въ первые годы истекшаго люстра слишкомъ была волнуема ужасами революціи, и потому не могла произвести ничего замѣчательнаго въ области той науки, въ которой она, еще не задолго передъ тѣмъ, благодаря нѣсколькимъ ученымъ мужамъ своимъ, развила столь живую и прекрасную дѣятельность. Къ тому же она понесла незамѣнимую потерю кончиною одного изъ знаменитѣйшихъ своихъ дѣятелей на полѣ картографіи, генерала Висконти, бывшаго въ званіи директора Топографическаго Бюро въ Неаполѣ и душею всѣхъ картографическихъ предпріятій Королевства. (*) По этимъ-то причи-

(*) Онъ оставилъ по себѣ нетлѣнный памятникъ своею гидрографическою картою Адріатическаго моря на 22 листахъ, картою Италіи на 7 листахъ, топографическою картою Неаполя и нѣкоторыми другими прекрасными трудами.

намъ, изъ подвиговъ, совершенныхъ по этой части въ самой Италіи, мы можемъ привести здѣсь только окончаніе большой карты королевско-сардинскихъ владѣній на материкѣ, составленной трудами офицеровъ Сардинскаго Генеральнаго Штаба, подъ главнымъ вѣдѣніемъ генерала Марморы. (1) Сверхъ-того, нѣкоторыми изъ морскихъ державъ европейскихъ изданы карты разныхъ отдѣльныхъ частей и пунктовъ прибрежія Италіи: такимъ-образомъ, Британское Гидрографическое Депо, въ 1848 году, издало карты Анконы, Чивита-Веккіи и канала дель-Арса, а Французское Морское Министерство — планъ Ливорнскаго рейда, карту Монако и его окрестностей, планы порта Ивисы (Iviza) на Балеарскихъ островахъ, 1849, порта Ферраіо на островѣ Эльбѣ, 1849, залива Специіи (Golfe de la Spezia), къ востоку отъ Генуи, карта острова Горгоны, карта рейда Вилла-Франшскаго и порта Ниццскаго, карта южнаго берега Сардиніи (2), и другая южнаго берега острова Сардиніи (3), карта канала Санъ-Петро.

Что, наконецъ, касается до Греціи и Европейской Турціи, то описью ихъ также занимались наиболѣе Англія и Франція и отчасти Германія. Здѣсь мы можемъ указать на прекрасную карту Греціи, въ 30 листахъ, полковника Пейтье, на новое изданіе превосходной карты Европейской Турціи, полковника Лапи, на 15 листахъ (4), на новый физическій, географическій и историческій атласъ Турецкой имперіи, въ 40 листахъ, съ планами знатнѣйшихъ городовъ, Геллерта (5), на его же генеральную карту Валахіи, Булгаріи и Румиліи на 2 большихъ листахъ (6), на литографированную карту Босфора, изданную въ 1849 году, барономъ Мольтке, на 4 листахъ большаго ин-

(1) Carta degli Stati di Sua Maesta Sarda in Terra Firma; Opera del Real Corpo di Stato Maggiore Generale.

(2) Carte de la côte Méridionale de la Sardaigne.

(3) Carte de la côte Méridionale de l'Ile de Sardaigne.

(4) Carte générale de la Turquie d'Europe et de la Grèce, par le colonel Lapie. Paris 1847.

(5) Nouvel Atlas physique, géographique et historique de l'Empire Ottoman et des lieux limitrophes en Europe, en Asie et en Afrique, en 40 feuilles, par I. I. Hellert. 1 vol. in fol.

(6) Carte générale de la Valachie, de la Bulgarie et de la Roumélie, dressée par I. I. Hellert. en 2 feuilles grand raisin. Paris.

фоліо, въ масштабѣ 1 : 25,000 ([1]) (она объемлетъ собою сѣверную укрѣпленную часть Босфора, отъ Гиларена, — замковъ близъ Стамбула, до маяковъ при входѣ въ Черное море); на составленную Кипертомъ, съ соображеніемъ всѣхъ имѣющихся на лицѣ оригинальныхъ картъ и дорожниковъ, генеральную карту Европейской Турціи, 1853 ([2]), и на такія же карты Гандтке 1852 ([3]) и Вейланда ([4]), на карту Кара-Агчайскаго залива и озера Буругіулъ, изданную въ 1848 году Гидрографическимъ Депо въ Лондонѣ.

Опись меньшихъ острововъ Архипелага, производившаяся въ-теченіе многихъ лѣтъ англійскаго флота капитаномъ Гревзомъ (Graves), прервана была въ-слѣдствіе откомандированія этого отличнаго гидрографа къ съемкѣ и описи острова Кипра. Въ числѣ изданныхъ Лондонскимъ Гидрографическимъ Депо, съ 1848 года, картъ разныхъ частей Архипелага, мы находимъ 5 листовъ общей карты Архипелага, карту части Аѳинскаго залива, карты острововъ Андроса, Пароса и Наксоса, карту Накійскаго залива, карту острововъ Тиноса, Миконы, Ренеи и Делоса, карту острововъ Термія, Серфо и Сифани, карты портовъ Эпидаврскаго, Наусскаго (Naussa-Port) и Тріоскаго (Trio-Port), карту острова Лемноса и отдѣльныя карты Кастро, портовъ Мудросъ и Кандіи и залива Пурнеа на томъ же самомъ островѣ, двѣ карты восточной и западной частей острова Митилены и карту Сигри (древней Антины), на этомъ островѣ, карту острововъ Коса, Низеро и Пикони, карту Мегало-Кастроса и другаго залива Суды и Канеи на островѣ Крестѣ; карты острововъ Аморго и Никарія и др. Въ-заключеніе же всего этого ряда помѣстимъ изданную Риттеромъ въ Берлинѣ карту острова Санторина. ([5])

Если мы сличимъ движеніе европейской картографіи въ истекшее пятилѣтіе съ тѣмъ, какое она имѣла въ предъидущее десятилѣтіе, то, конечно, найдемъ это сравненіе не вездѣ

([1]) Moltke, Frh. v. Karte des nördlichen befestigten Theiles des Bosporus, im Auftrage Sr Hoheit Sultan Mahmut II mit dem Messtische in $^1/_{25000}$ aufgenommen 1836—37. Berlin, Schropp u. Comp. 1849.

([2]) Kiepert, General-Karte der Europäischen Türkei. Berlin 1853. Reimer 4 листа больш. инфол.

([3]) Handtke, General-Karte der Europäischen Türkei 1852.

([4]) Weiland, das Osmannische Europa.

([5]) Karte der Insel Thera oder Santorin, herausg. von Karl Ritter, 1848.

выгоднымъ, и въ иныхъ странахъ, занимавшихъ прежде въ этой области блистательное мѣсто, замѣчаемъ даже рѣшительное ослабленіе. Но, наоборотъ, нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что она въ другихъ странахъ развивалась тѣмъ быстрѣе и многостороннѣе: такой успѣхъ въ-особенности является въ Россіи, и справедливость требуетъ сказать, что главное въ этомъ участіе, не посредственно своими собственными трудами, а посредственно возбужденіемъ всеобщаго живѣйшаго соревнованія, имѣло Императорское Русское Географическое Общество. Изъ другихъ странъ Европы болѣе всего стремленія къ развитію картографіи видно въ Англіи и Германіи.

Обозрѣвая же всю дѣятельность по картографіи Европы въ-теченіе послѣднихъ 15-ти лѣтъ, нельзя не изумиться чрезвычайному ея успѣху въ столь короткое время. Не только карты почти всѣхъ европейскихъ странъ были вновь передѣланы и исправлены, но и вся картографія, съ одной стороны, утвержденіемъ ея на прочнѣйшихъ основаніяхъ и расширеніемъ ея предѣловъ, а съ другой — примѣненіемъ къ существеннымъ потребностямъ народовъ, пріобрѣла гораздо высшее значеніе и, переставъ быть пособіемъ одной географіи и исторіи, содѣлалась важною подпорою также промышленности и государственнаго упра вленія, наукою необходимою, къ указаніямъ которой прибѣгаетъ не только ученый, но и человѣкъ дѣловой и государственный.

Переходя къ самымъ путешествіямъ по Европѣ въ истекшее пятилѣтіе, мы начнемъ съ тѣхъ, которыя исполнены были въ это время въ Европейской Россіи, и именно съ самаго важнаго изъ нихъ, о первыхъ дѣйствіяхъ котораго уже было говорено въ предъидущемъ обзорѣ,—съ экспедиціи на Уралъ. Читателямъ нашимъ извѣстно, что она, въ 1847 году, обозрѣла Уральскій хребетъ на пять градусовъ широты, а именно отъ Чердыни, подъ 60°, до Оранца, подъ 65° с. ш. Въ-теченіе 1848 года она довершила изслѣдованіе Сѣвернаго Урала, начиная отъ Оранца до самыхъ береговъ Ледовитаго моря.

Сошедшись въ Березовѣ, 30 мая, всѣ члены экспедиціи перенеслись къ устью Войкара, откуда слѣдовали вверхъ по этой рѣкѣ до того мѣста, гдѣ она становится мелководною; здѣсь экспедиція раздѣлилась на два отряда. Глава, г. пол-

ковникъ Гофманнъ, съ астрономомъ и натуралистомъ ея, гг. Ковальскимъ и Брандтомъ, и топографомъ Брагинымъ, на запряженныхъ оленями нартахъ, взяли свой путь къ сѣверу для развѣдки самой сѣверной части Урала, отъ 66° широты до Ледовитаго моря, береговаго хребта Пай-Хой до острова Вайгача и тундры между этимъ хребтомъ и Ураломъ, а г. Стражевскій съ топографомъ Юрьевымъ — на югъ, для обозрѣнія пространства хребта отъ 66° до 64° 30′ (восточнаго склона этого хребта.)

Трудности и лишенія, которымъ г. Гофманнъ подвергся на вовсе безлюдномъ и даже не посѣщаемомъ Самоѣдами пути своемъ къ Ледовитому морю были чрезвычайны. Особенно экспедиція должна была много потерпѣть отъ комаровъ: она лишилась половины своихъ оленей и, въ-слѣдствіе того, по прибытіи къ берегамъ Уссы, принуждена была выжидать тамъ доставки изъ отдаленныхъ мѣстъ новаго стада. Истощивъ къ тому же весь запасъ свой провизіи, она не была бы въ-состояніи продолжать своей путь далѣе, если бы, по счастью, одинъ изъ Зырянъ тамошняго края не подоспѣлъ къ ней вовремя съ свѣжими оленями и припасами.

6 августа г. Гофманнъ достигъ самаго сѣвернаго конца Урала, подъ 68° 32′ (21) с. ш., — родъ выдавшагося въ тундру мыса, который онъ, въ честь Августѣйшаго Предсѣдателя Общества, снарядившаго экспедицію, назвалъ Константиновымъ-Камнемъ. По достиженіи рѣки Кары, г. Гофманнъ снарядилъ г. Ковальскаго къ устью Кары и для обозрѣнія сѣверо-восточной оконечности Урала, а самъ, переправясь черезъ Кару, прослѣдилъ особый отрогъ Урала, — хребетъ Пай-Хой, до Югорскаго Шара, — пролива, отдѣляющаго материкъ отъ острова Вайгача. 23 августа онъ прибылъ къ Вайгацкому проливу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ вливается въ него рѣка Паредииэ-Яга. Это было крайнимъ предѣломъ экспедиціи. Возвратясь оттуда къ рѣкѣ Карѣ, г. Гофманнъ перешелъ по тундрѣ къ рѣкѣ Уссѣ, а потомъ по теченію этой рѣки къ Усть-Уссѣ, далѣе по Печорѣ, Цыльмѣ и Мылѣ до Ямъ-Озера, а оттолѣ по Южной Пижмѣ въ Мезень, куда прибылъ 13 ноября 1848 года. Сопровождавшій его въ эту экспедицію топографъ, нынѣ прапорщикъ Брагинъ, произвелъ топографическія съемки Уральскаго хребта отъ береговъ моря до 66° широты,

хребта Пай-Хоя до Югорскаго пролива и всей тундры между Ураломъ и рѣками Карою и Уссою, а сверхъ-того снялъ рѣку Сычву, часть Урала отъ 64° до 64° 30′ широты и часть рѣки Сычвы до Березова. (1)

И прочіе члены экспедиціи оказали не менѣе дѣятельности. Г. Ковальскій, въ три лѣтніе мѣсяца (съ 22 іюня по 17 сентября) 1848 года, успѣлъ опредѣлить астрономически 28, а геодезически 89 пунктовъ и измѣрить геодезическими наблюденіями 92 высоты. Во все же продолженіе экспедиціи онъ опредѣлилъ на самомъ Уралѣ 167, а внѣ этого хребта (въ при-Уральѣ) 49, итакъ всего 216 пунктовъ, и геодезически измѣрилъ 40 высотъ, снялъ часть Уральскихъ горъ отъ 61° до 61° 30′ широты, часть рѣки Оби отъ Обдорска до Обской губы и часть рѣки Щучей, сверхъ чего занимался также барометрическимъ нивеллированіемъ и, по порученію Академіи Наукъ, наблюденіями надъ магнитизмомъ земли. Г. Брантъ, не-смотря на постигшій его въ началѣ путешествія недугъ, составилъ обильныя коллекціи естественныхъ произведеній страны; г. майоръ Стражевскій, долженствовавшій обозрѣть часть Сѣвернаго Урала между 66° и 64° 30′ с. ш., исполнилъ это порученіе въ той мѣрѣ, какъ то дозволили обстоятельства: онъ простеръ свои изслѣдованія на югъ до Яремова-Перехода. Но падежъ всѣхъ оленей и потеря двоихъ спутниковъ были причиною, что часть хребта, на протяженіи около 200 верстъ между горою Квосмъ-Ньяръ подъ $64^3/_4$° с. ш. и Копполовымъ-Переходомъ, осталась неизслѣдованною. Находившійся при немъ топографъ, нынѣ подпоручикъ Юрьевъ, снялъ рѣку Войкаръ, часть Малой Оби отъ Березова до Усть-Войкара и часть Уральскаго хребта отъ 65° 30′ до 66° широты. Вышеизъясненныя препятствія не дозволили ему кончить съемку горъ отъ 65° 30′ до 64° 30′ широты. (2)

Для восполненія этого пробѣла, г. Гофманнъ, въ 1850 году, предпринялъ третье путешествіе, сопровождаемый на этотъ

---

(1) Въ первую экспедицію, лѣтомъ 1847 года, Брагинъ снялъ рѣки Вишерку, Березовку, Вогулку, Волосницу, часть Печоры отъ Усть-Илыча до истоковъ Печоры, дополнилъ Крузенштернову съемку рѣки Илыча и снялъ рѣки Подчеремъ, Щугуръ и Иджылъ-Патокъ.

(2) Въ экспедицію 1847 года Юрьевъ снялъ всю рѣку Вишеру отъ Чердыни до ея истоковъ, Уральскій хребетъ отъ 61° 30′ до 64° широты.

разъ только прапорщикомъ Корпуса Военныхъ Топографовъ, г. Брагинымъ, для геодезическихъ и астрономическихъ работъ, и живописцемъ г. Бермелѣевымъ, для снятія живописныхъ видовъ и другихъ достопримѣчательностей края. 17 мая они прибыли въ Пермь, откуда поспѣшили къ берегамъ Печоры. Здѣсь г. Брагинъ снялъ пространство по верховьямъ рѣки отъ Волосницъ до Усть-Илыча. Оставивъ берега Печоры 10 іюня, экспедиція, сначала вверхъ по Щугору, а потомъ на оленяхъ, перешла къ истокамъ р. Синьи и, углубясь въ горы къ востоку до р. Вангери, перешла на восточный склонъ хребта, гдѣ съ высоты одной горы увидѣла Квосмъ-Ньяръ (у Самоѣдовъ—Ходумъ-Бой). По астрономическомъ опредѣленіи этого пункта, изслѣдователи возвратились къ р. Вангери. Слѣдующимъ ихъ занятіемъ было обозрѣть и снять запутанный узелъ Урала между $64^1/_2$ и $65^1/_2{}^\circ$ с. ш., что̀ не безъ большихъ затрудненій, благодаря въ-особенности ловкости г. Брагина, счастливо было совершено ими къ 8 іюля. Этого числа они прибыли къ р. Кошему, главному притоку Косьи, начиная отколѣ хребетъ значительно понижается и съуживается; 17 іюля достигли Яремова-Перехода, а на слѣдующій день — р. Харуты, откуда уже виднѣлась гора Тумболова, опредѣленная г. Ковальскимъ, а изъ-за нея— и Копполовы горы, такъ-что г. Брагинъ могъ довершить здѣсь свои работы, связавъ съемку этого года съ прежнею. Отсюда путешественники, по быстрому теченію Харуты, спустились въ Лемву, а потомъ въ Усть-Уссу на Печорѣ; 16-го же августа вверхъ по Печорѣ поднялись до Чердыни.

Отсюда г. Гофманнъ, одинъ, съ немногими лишь проводниками, совершилъ переходъ поперекъ хребта на азійскую его сторону, а именно сперва вверхъ по Вишерѣ и Усть-Улсую въ Улсуй и протокомъ этой рѣки Кутимомъ, а потомъ пѣшкомъ до Девежкина-Камня. Послѣ многотруднаго всхода на эту гору, онъ продолжалъ путь свой до южныхъ Всеволожскихъ золотопромываленъ, а оттуда, верхомъ, до Богословска на вост. склонѣ Урала, котораго достигъ 29 августа, довершивъ на этомъ пути весь длинный рядъ геогностическихъ и гипсометрическихъ своихъ наблюденій.

Вообще эта первая экспедиція еще столь юнаго Географическаго Общества, какъ по важности своего предмета, такъ

и по отличному искусству, успѣху и полнотѣ разысканій, а не менѣе и по тѣмъ трудностямъ, съ какими она должна была бороться, займетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ въ лѣтописяхъ науки, и достойный глава ея стяжалъ себѣ славу одного изъ самыхъ счастливыхъ и настойчивыхъ изслѣдователей сѣвера. Весь ученый міръ съ нетерпѣніемъ ожидаетъ выхода въ свѣтъ составленнаго имъ, при помощи нѣкоторыхъ другихъ естествоиспытателей, полнаго описанія этого путешествія. Оно будетъ состоять изъ двухъ томовъ, подъ общимъ заглавіемъ: Сѣверный Уралъ и береговой хребетъ Пай-Хой. Въ первомъ, уже вышедшемъ, соединены астрономическія опредѣленія мѣстъ и магнитическія наблюденія экспедиціи, съ приложеніемъ отлично гравированной гг. прапорщиками Брагинымъ и Юрьевымъ карты изслѣдованнаго ею пространства, т.-е., кромѣ сѣвернаго Урала отъ 61° до береговъ моря, еще весь Печорскій край, часть Тобольской губерніи до рѣки Оби и берега Ледовитаго моря на протяженіи 17 градусовъ долготы. Во второмъ томѣ — сверхъ описанія самаго путешествія, будутъ помѣщены изслѣдованія по части геогнозіи, ботаники, зоологіи, метеорологіи и этнографіи. Многочисленные, снятые г. Бермелѣевымъ съ натуры виды Урала и изображенія изъ быта его обитателей послужатъ изданію украшеніемъ.

Кромѣ вышесказанной карты Сѣвернаго Урала, экспедиція изготовила большую гидрографическую карту тамошняго края, которая хранится въ Библіотекѣ Географическаго Общества и, независимо отъ описанія г. Гофманна, г. Юрьевъ составилъ очеркъ Сѣвернаго Урала.

Изъ предварительныхъ донесеній г. Гофманна мы узнаемъ, что Уральскій хребетъ, начиная отъ Обдорска, уклоняется отъ сѣвернаго своего направленія на востокъ, но, верстъ черезъ 30 или 35, воспринявъ прежнее свое направленіе къ С. С. В., остается ему вѣрнымъ до 68° 28′ с. ш., гдѣ теряется въ тундрѣ, разстилающейся на протяженіи около 50 верстъ до самаго Ледовитаго моря. Верстахъ въ 40 къ Ю. З. отъ источниковъ Кары возвышается кряжъ Посм-бой, идущій въ параллель самому Уралу. Прямо на западъ отъ послѣдней его горы тянется къ Вайгацкому проливу и на островъ Вайгачъ гряда каменистыхъ горъ и скалъ, именуемая у Самоѣдовъ Пай-Хой

(Каменный хребетъ) и совершенно различающаяся отъ Урала видомъ. Послѣдній гораздо выше и сплошь состоитъ изъ голыхъ скалъ, а первая стелется въ видѣ невысокихъ, поросшихъ мхомъ бугровъ. По удачному сравненію г. Гофмана, Пай-Хой относится къ Уралу, но, конечно, въ несравненно меньшемъ масштабѣ, какъ кряжъ Юры къ Савойскимъ Альпамъ. Собственно снѣжныхъ горъ во всемъ Уралѣ не имѣется, а только многія изъ горъ его покрыты снѣжными пятнами и въ ущельяхъ залегаютъ никогда не растаявающія массы снѣга. Хребетъ во многихъ мѣстахъ пересѣкается поперечными долинами, индѣ связывающими Европу съ Азіей.

Подверженный сѣверо-восточнымъ вѣтрамъ, Уралъ въ этихъ широтахъ бѣденъ растительностью. Изъ деревъ къ сѣверу отъ 60° попадаются лишь малорослыя березы и ивы.

Изъ числа звѣрей водятся почти только медвѣдь, волкъ и лисица; но озера и рѣки изобилуютъ рыбою, а лѣтомъ сюда залетаютъ разнаго рода перелетныя птицы.

Г. Гофманъ собралъ много любопытныхъ свѣдѣній о кочевникахъ, обитающихъ вблизи Сѣвернаго Урала: Самоѣдахъ къ сѣверу отъ Кары и Остякахъ къ югу, а въ-особенности объ Ижемскихъ Зырянахъ — племени, преобладающемъ въ тундрѣ своею смышленостью, неутомимостью и оборотливымъ духомъ, и о сердечныхъ качествахъ которыхъ путешественникъ отзывается съ величайшею похвалою.

Собранныя въ эту экспедицію растенія были разсмотрѣны Членомъ Академіи Наукъ г. Рупрехтомъ, который представилъ о нихъ особое донесеніе, подъ заглавіемъ:

Ueber die Verbreitung der Pflanzen im nördlichen Ural. Nach den Ergebnissen der geographischen Expedition in den Jahren 1847 und 1848. 1-te und 2-te Abtheilung. (*)

Изъ этого донесенія явствуетъ, что Сѣверный Уралъ относительно къ растительности можетъ быть раздѣленъ на двѣ полосы: Лѣсную, у подошвы горъ, и Альпійскую, на самыхъ высотахъ. Далѣе къ сѣверу Альпійская область спускается до самой равнины; далѣе къ югу она исподоволь возвышается, ограничиваясь наконецъ одними лишь вершинами. Лѣсная

(*) Оно помѣщено въ Bulletin Physico-mathématique de l'Académie Impériale des Sciences, tome VIII стр. 273. Beiträge zur Pflanzenkunde.

область на обоихъ склонахъ Урала съ одной стороны совпадаетъ съ Лѣсною областью земли Самоѣдовъ и смежныхъ съ нею южныхъ странъ, до Бѣлаго моря, а съ другой—съ областью лѣсовъ Западной Сибири, между болотами сѣвера и степями юга. Изъ этого очевидно, что обширное, непрерывное пространство лѣсовъ на Уралѣ пересѣкается полосою Альпійской флоры, которая по мѣрѣ приближенія къ югу болѣе и болѣе съуживается и наконецъ теряется на отдѣльныхъ вершинахъ.

Извѣстно, что ровно за 10 лѣтъ до начатія экспедиція г. Гофманна, а именно въ 1837 году, ботаникъ здѣшняго Императорскаго Ботаническаго Сада Александръ-Уставъ Шренкъ отправленъ былъ, по Высочайшему повелѣнію, для собиранія флоры нѣкоторыхъ частей Сѣвернаго Урала и самоѣдскихъ тундръ. Путешествіе это совершено было съ 8 апрѣля по 31 октября сказаннаго года. Продолжительныя странствія, съ тѣхъ поръ предпринятыя г. Шренкомъ, для ботаническихъ же цѣлей въ Русскую Лапландію, къ Среднему Уралу, на Алтай, въ южныя степи и горы Средней Азіи до самыхъ границъ Китая и Коканда, долго препятствовали ему издать въ свѣтъ описаніе вышесказаннаго путешествія; но, по возвращеніи изъ своихъ дальнихъ вояжей, онъ воспользовался первымъ досугомъ для приведенія въ порядокъ веденныхъ имъ путевыхъ записокъ и сообщилъ ихъ свѣту въ книгѣ:

Reise nach dem Nordosten des Europäischen Russlands durch die Tundren der Samojeden zum Arktischen Uralgebirge auf Allerhöchsten Befehl für den Kaiserlichen Botanischen Garten zu St. Petersburg im Jahre 1837 ausgeführt von Alexander Gustav Schrenk. Erster Theil. Historischer Bericht. Dorpat 1848. XLIV и 730 стр. больш. 8.

Здѣсь, въ видѣ дневника, изложенъ историческій ходъ путешествія; но это, какъ мы видимъ, только первый томъ сочиненія г. Шренка: во второмъ томѣ, который еще не вышелъ изъ печати, будутъ собраны собственно ученые результаты изслѣдованій путешественника. Во-всякомъ-случаѣ, эта экспедиція, хотя главнѣйше имѣла въ виду ботаническую цѣль и продолжалась не болѣе 7 мѣсяцевъ, такъ обильна дѣльными свѣдѣніями, замѣтками и наблюденіями и по другимъ отраслямъ знанія, какъ-то: географіи, гидрографіи, статистикѣ, палеонтологіи, геогнозіи, метеорологіи, зоологіи,

этнографіи и лингвистикѣ, что описаніе ея останется навсегда одною изъ самыхъ необходимыхъ книгъ для точнаго познанія о сѣверѣ Европейской Россіи. Особенная же заслуга г. Шренка состоитъ въ томъ, что онъ первый посѣтилъ кряжъ Пай-Хой и впервые въ естественномъ отношеніи описалъ Большую Самоѣдскую Тундру.

Нѣсколько позднѣе Шренка совершено было двукратное путешествіе на сѣверо-востокъ Европейской Россіи, однимъ частнымъ лицемъ, В. Н. Латкинымъ, съ цѣлію изучить средства и источники, какіе представляетъ для торговли и промышленности Печорскій край. Любопытныя замѣтки путешественника, нещадившаго никакихъ трудовъ для достиженія патріотической своей цѣли и избраздившаго на этотъ конецъ до 8,000 верстъ, изданы въ VII томѣ «Записокъ Географическаго Общества», подъ заглавіемъ: «Дневникъ Василія Николаевича Латкина, во время путешествія на Печору въ 1840 и 1843 годахъ.»

Важнѣйшихъ дополненій къ познанію сѣвера Европейской Россіи наука въ правѣ была ожидать отъ посвятившаго столько лѣтъ на изслѣдованіе разныхъ его частей трудолюбиваго и ученаго этнографа и лингвиста М. Александра Кастрена, и, дѣйствительно, собраніе и редакція вышедшихъ въ разныхъ журналахъ Финляндіи донесеній и писемъ его о путешествіяхъ, совершенныхъ имъ по Лапландіи въ лѣто 1838, по Русской Кареліи въ лѣто 1839 и по разнымъ другимъ странамъ сѣверной Россіи, съ ноября 1841 по мартъ 1844 года, было первымъ дѣломъ Кастрена по возвращеніи его изъ послѣдняго большаго его путешествія по Сибири. Но, къ сожалѣнію, ему не было суждено окончить самому этотъ трудъ. Друзья покойнаго исполнили эту обязанность, издавъ его рукопись на шведскомъ языкѣ подъ заглавіемъ:

M. A. Castrén's Reseminnen från åren 1838 – 1844.

Но, чтобы сдѣлать это сочиненіе болѣе доступнымъ всему образованному свѣту, Императорская Академія Наукъ поручила одному юному оріенталисту, уже извѣстному какъ своими собственными разысканіями на полѣ лингвистики, такъ и переводами съ разныхъ языковъ, г. Шифнеру, нынѣ адъюнкту ея, изготовить нѣмецкій переводъ, что̀ и испол-

нено г. Шифнеромъ, со всѣмъ надлежащимъ раченіемъ, въ книгѣ:

M. Alexander Castrén's Reiseerinnerungen, aus den Jahren 1838—1841. Im Auftrage der *Kaiserlichen* Akademie der Wissenshaften herausgegeben von A. Schiefner. Mit dem Bildnisse des Verfassers und vier Samoyeden-Portraits. St.-Petersburg, 1853. 8. X 308 стр.

Если главное достоинство труда г. Шренка состоитъ въ естественно-исторической ея части, то, съ другой стороны, преимущество сочиненія Кастрена заключается въ обильныхъ и весьма любопытныхъ его свѣдѣніяхъ по части этнографіи, какъ-то: о Лопаряхъ, Самоѣдахъ, Зырянахъ и Остякахъ; но въ то же время, вслушиваясь вездѣ въ народныя преданія и отмѣчая въ своемъ «Дневникѣ» все, что̀ ему встрѣчалось любопытнаго, онъ умѣлъ сдѣлать его не менѣе интереснымъ такъ же для историка и статистика, какъ и вообще для всякаго образованнаго читателя.

И средняя часть Европейской Россіи была, въ истекшее пятилѣтіе, предметомъ тщательнаго ученаго изслѣдованія. Эта полоса, какъ извѣстно, обладаетъ такимъ пространствомъ чернозема, которому нѣтъ подобнаго въ цѣломъ свѣтѣ: пространство отъ Самары и Хвалынска на Волгѣ до Черкасъ и Канева на Днѣпрѣ (*), можно сказать, ядро Россіи, неисчерпаемая житница, не только надѣляющая своими дарами наше отечество, но въ годины безплодія нерѣдко спасавшая отъ голода и иностранныя государства. То была, конечно, счастливая мысль Д. Члена Географическаго Общества, барона А. К. Мейендорфа — обратить вниманіе на географическое и геогностическое изслѣдованіе этой важной полосы. По тщательномъ разсмотрѣніи этого проекта особою коммиссіею, состоявшею изъ Членовъ Общества К. И. Арсеньева, А. С. Джунковскаго, барона Е. К. Мейендорфа, А. О. Озерскаго и Е. К. Петерсона,

(*) Баронъ Мейендорфъ, на своей картѣ промышленности Европейской Россіи, обозначаетъ предѣлами этого пространства на сѣверѣ Богородицкъ, въ Тульской губ., а на югѣ Ново-Хоперскъ, въ Землѣ Донскихъ Казаковъ. По донесенію же Департамента Сельскаго Хозяйства г. Министру Государственныхъ Имуществъ, оно простирается на сѣверѣ къ западу до 51°, а къ востоку до 57°, а на югѣ къ западу до 47°, къ востоку же до 54° сѣв. широты, объемля собою, по приблизительной оцѣнкѣ на картѣ, поверхность земли въ 87 милліоновъ десятинъ.

опредѣлено было прежде всего начать съ разрѣшенія чисто географической его части — изслѣдованія высотъ отъ Смоленска до Пензы и опредѣленія проходящей по нимъ оси Девонской системы. Это предварительное орографическое и геогностическое изслѣдованіе Девонской полосы возложено было, въ 1850 году, на знаменитаго нашего геолога г. полковника (нынѣ генералъ-майора) фонъ-Гельмерсена, который, по успѣшномъ исполненіи этого порученія въ 1852 году, представилъ Обществу свое донесеніе.

Вслѣдъ за симъ приступлено будетъ къ полнѣйшему разсмотрѣнію сказанной полосы, начиная съ лѣваго берега Дона, въ губерніяхъ Тамбовской и Пензенской, до той части Волги, которая лежитъ между Симбирскомъ и Хвалынскомъ.

Въ одно время съ послѣднею экспедиціею г. Гофманна къ сѣверу Урала (*), другой Членъ Географическаго Общества, П. И. Небольсинъ, при содѣйствіи Общества, совершилъ путешествіе къ южнымъ частямъ этого хребта и къ Оренбургскій и Астраханскій край. Путешествіе его имѣло, впрочемъ, цѣль болѣе статистическую и этнографическую, а въ-особенности собраніе на самомъ мѣстѣ сколь можно точныхъ свѣдѣній о торговлѣ Россіи какъ въ томъ краю вообще, такъ и съ сопредѣльными частями Азіи. Эту задачу г. Небольсинъ исполнилъ съ такимъ успѣхомъ, какого можно было ожидать отъ столь ревностнаго, наблюдательнаго и неутомимаго изыскателя. Лѣто 1850 года онъ посвятилъ на обозрѣніе Оренбургскаго края, гдѣ между-прочимъ ознакомился также съ Калмыками въ землѣ Оренбургскаго Казачьяго войска и на Уралѣ, а въ 1851 году пробылъ 4½ мѣсяца въ Астрахани и въ это время посѣтилъ главное лѣтнее становье Калмыковъ Хошоутовскаго Улуса, гдѣ провелъ до трехъ недѣль. Вскорѣ по возвращеніи своемъ, онъ представилъ Обществу пространную рукопись, съ изложеніемъ результатовъ своихъ изслѣдованій, подъ заглавіемъ:

Очерки торговыхъ сношеній Россіи съ странами Средней Азіи со стороны Оренбургской линіи.

(*) Замѣтимъ здѣсь, что нѣкоторыя изъ географическихъ данныхъ г. Шренка объ Уралѣ были повѣрены и исправлены г-номъ Гофманномъ, — такъ, между-прочимъ, что кряжъ Пай-Хой составляетъ не непосредственное продолженіе Сѣвернаго Урала, а совершенно отдѣльный отъ него хребетъ.

Вмѣстѣ съ тщательно составленною самимъ авторомъ картою, на которой отмѣчены пути каравановъ по Турану, — матеріалъ, тѣмъ болѣе драгоцѣнный для исторіи и статистики русской торговли, что онъ основанъ на оффиціальныхъ данныхъ, личномъ осмотрѣ мѣстъ и изустныхъ допросахъ болѣе 200 купцовъ какъ русскихъ, такъ и азійскихъ, а именно хивинскихъ, бухарскихъ, коканскихъ и киргизскихъ.

Довольно подробный и весьма любопытный отчетъ о самомъ путешествіи своемъ г. Небольсинъ помѣстилъ въ 1-й и 2-й книжкахъ «Вѣстника Географическаго Общества» за 1852 годъ, гдѣ между-прочимъ сознается, что успѣхомъ своего предпріятія, продолжавшагося полтора года и сопряженнаго съ немалыми расходами (*), онъ, кромѣ пособія Общества, въ-особенности обязанъ щедротамъ и наставленіямъ одного изъ тѣхъ патріотовъ, въ которыхъ никогда не было недостатка въ Россіи, извѣстнаго общеполезными своими подвигами Члена-Соревнователя Географическаго Общества П. В. Голубкова. Въ этомъ отчетѣ мы находимъ, сверхъ многихъ указаній по главному предмету автора, торговлѣ, также не мало новыхъ и занимательныхъ этнографическихъ свѣдѣній, какъ-то: о Башкирахъ, Тептяряхъ, Уральцахъ, о бурлакахъ (судорабочихъ) на Волгѣ и т. д.

Кромѣ того г. Небольсинъ сообщилъ нѣсколько отдѣльныхъ, очень поучительныхъ и отчасти весьма пространныхъ статей этнографическаго и статистическаго содержанія, какъ-то: объ инородцахъ Астраханской губерніи, Очерки быта Калмыковъ Хошоутовскаго Улуса, Очерки Волжскаго Низовья, о Камскомъ и Волжскомъ судоходствѣ и судорабочихъ и пр.

Г. академикъ и Членъ Географическаго Общества П. И. Кеппенъ и въ истекшее пятилѣтіе продолжалъ свои поѣздки по разнымъ частямъ Европейской Россіи, для собиранія возможно-вѣрныхъ о ней статистическихъ данныхъ. Въ 1850 году онъ посѣтилъ губерніи Тульскую, Орловскую, Воронежскую и страну Донскихъ Казаковъ, а оттуда снова Крымъ, котораго не видалъ 12 лѣтъ, и впервые Бессарабію.

Описаніе этого путешествія издано имъ отдѣльною книгою подъ заглавіемъ:

(*) Г. Небольсинъ имѣлъ съ собою рисовальщика, чертежниковъ, писцовъ, а у Башкирцевъ, Киргизовъ и Калмыковъ — толмачей.

Dr. Peter Köppen's Statistische Reise in's Land der Donischen Kosaken durch die Gouvernements Tula, Orel, und Woronesh im Jahre 1850. Съ картою, XV и 254 стр. текста и 107 стр. приложеній въ большую осьмушку. St.-Petersburg. 1852. Buchdruckerei der Kaiserlichen Academie der Wissenschaften.

По извѣстной пытливости и добросовѣстности почтеннаго автора можно было напередъ быть увѣреннымъ, что такое нарочно съ ученою цѣлью имъ предпринятое путешествіе не останется безъ добычи для науки, и, дѣйствительно, географъ и статистикъ, а отчасти также историкъ, археологъ и натуралистъ будутъ ему благодарны за множество, съ обычнымъ тщаніемъ, по бо́льшей части на самомъ мѣстѣ, имъ собранныхъ данныхъ. Мы укажемъ здѣсь между-прочимъ на свѣдѣнія о добываніи каменнаго угля въ южной Россіи и о рыболовствѣ на Волгѣ. Замѣтки свои о Бессарабіи г. Кеппенъ намѣренъ издать особо.

Другой Членъ Академіи и Географическаго Общества, г. Шегренъ, лѣтомъ 1852 года, предпринималъ вторичную поѣзку въ остзейскія губерніи, для продолженія произведенныхъ имъ въ 1846 году, по порученію Географическаго Общества, этнографическихъ и лингвистическихъ разысканій о двухъ уже близкихъ къ пресѣченію своему отросляхъ финскаго племени: Ливахъ и Кривингахъ. Краткій отчетъ объ этомъ путешествіи и о важныхъ филологическихъ его выводахъ помѣщенъ въ «Запискахъ Географическаго Общества» (*), а другое, болѣе подробное донесеніе — въ вышедшемъ въ Веймарѣ нѣмецкомъ изданіи «Записокъ.» Мы довольствуемся здѣсь указаніемъ на то, что эта поѣздка знаменитаго нашего историка-лингвиста послужила къ объясненію какъ грамматическаго строенія ливонскаго языка въ восточномъ и западномъ его нарѣчіяхъ, такъ и отчасти еще сохранившагося первоначальнаго ядра этого языка. Что же касается до исторической добычи этихъ изслѣдованій, то она главнѣйше заключается въ убѣжденіи г. Шегрена, что Ливы были нѣкогда многочисленнымъ и довольно далеко распростертымъ на югъ племенемъ, но въ-послѣдствіи, вытѣсненные оттуда Латы-

(*) Книжка II 1847 года, стр. 253—266.

шами къ сѣверу, исподоволь смѣшались съ ними, утративъ свой языкъ и свою народность.

Мы не можемъ умолчать здѣсь также о специальномъ путешествіи академика и Члена Географическаго Общества, г. фонъ-Бэра, предпринятомъ имъ, въ-слѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, по порученію г. Министра Государственныхъ Имуществъ, графа Киселева, къ берегамъ Чудскаго озера и прибалтійской части Эстляндіи, для изслѣдованія причинъ замѣченной въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ убыли въ добычѣ тамъ рыболовства. Донесенія г. фонъ-Бэра (*) объ этихъ изслѣдованіяхъ носятъ ту же самую печать глубокомыслія, всеобъемлющаго знанія природы и проницательной наблюдательности, которою запечатлѣны всѣ его сочиненія. Лѣтомъ 1852 года, неутомимый естествоиспытатель совершилъ еще путешествіе къ Аландскимъ островамъ для распространенія на тамошнихъ водахъ своихъ разысканій, а потомъ въ Швецію (въ Стокгольмъ, на озеро Меларъ и и въ окрестности Готенбурга), для изученія какъ шведскаго законодательства по части рыбной ловли, такъ и состоянія тамъ этого промысла.

Изслѣдованіе остатковъ древности на югѣ Россіи было предметомъ трудовъ другаго Члена Географическаго Общества, графа А. С. Уварова. Но, не-смотря на собственно археографическую цѣль, разысканія эти, благодаря любознательности и усердію къ наукѣ юнаго путешественника, не остались безъ добычи и для этнографіи Россіи. Посѣтивъ всю южную часть ея отъ береговъ Дуная до Анапы, онъ собралъ не мало любопытныхъ историческихъ, а вмѣстѣ статистическихъ и этнографическихъ свѣдѣній о Сербскихъ, Болгарскихъ, Греческихъ и Татарскихъ переселенцахъ вдоль по берегамъ Чернаго Моря. Начало описанія этого путешествія недавно вышло подъ заглавіемъ:

Изслѣдованіе о древностяхъ южной Россіи и береговъ Чернаго моря графа Алексѣя Уварова. Съ приложеніемъ атласа, содержащаго въ себѣ собраніе видовъ, картъ и рисунковъ на 25 листахъ большаго формата. С.-Петербургъ. 1851.

Прежде, нежели представится возможность начертать общую картину Россіи съ статистической или этнографической

(*) Они напечатаны въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ».

точки, необходимо получить сколь можно вѣрныя и полныя монографіи отдѣльныхъ ея частей, и это есть одинъ изъ тѣхъ предметовъ, на которые Географическое Общество съ самаго своего учрежденія обратило живѣйшее свое вниманіе. Много уже сдѣлано по этой части разными ея членами и, мы можемъ указать здѣсь на богатые матеріалы, собранные для описанія Нижегородской губерніи П. И. Мельниковымъ, предпринимавшимъ на этотъ конецъ съ 1848 много разъѣздовъ внутри ея ([1]); для описанія Тверской — А. П. Бакунинымъ, и Воронежской — гг. Второвымъ и Александровымъ-Дольникомъ. Г. Ѳадеевъ составилъ описаніе Саратовской губерніи, Н. В. Ханыковъ — физическій очеркъ Кавказа и Закавказья. Помощникъ управляющаго Маріинскою Учебною Фермою, г. Марковскій, описалъ, на основаніи личнаго осмотра, состояніе сельской промышленности въ двухъ уѣздахъ Пензенской губерніи: Пензенскомъ и Городищенскомъ. ([2]) Г. И. Михайловъ, сообщилъ весьма дѣльные хозяйственно-статистическіе очерки Астраханской губерніи ([3]); эта же самая губернія подробнѣе описана въ книгѣ:

Астрахань и Астраханская губернія — описаніе края и общественной и частной жизни его, состоящее изъ записокъ. веденныхъ во время одиннадцатилѣтняго пребыванія въ немъ. Изданіе Николая Ермакова. 1852.

Всѣ, безъ-сомнѣнія съ живѣйшимъ участіемъ читали въ отчетѣ за 1850 годъ бывшаго тогда Министромъ Народнаго Просвѣщенія князя П. А. Ширинскаго-Шихматова объ учрежденіи особой ученой коммиссіи для подробнаго изслѣдованія и описанія губерній, входящихъ въ составъ Кіевскаго учебнаго округа. Немедленно по составленіи плана статистическаго описанія означеннаго края, г. редакторомъ Статистическаго Отдѣленія, Д. П. Журавскимъ, приступлено было къ осуществленію этой важной мѣры, и нынѣ мы уже видимъ пе-

---

([1]) Представленное имъ недавно въ рукописи подробное описаніе Мордовскаго племени будетъ скоро напечатано въ трудахъ Общества.

([2]) Подробный и весьма любопытный отчетъ объ этомъ путешествіи г. Марковскаго, относящемся къ 1851 году, помѣщенъ въ мартовской и апрѣльской книжкахъ «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» за 1852 годъ.

([3]) Въ №№ 4—12 того же самаго журнала.

редъ собою опытъ ея плодовъ: первый выпускъ составленныхъ по бóльшей части профессорами Университета св. Владиміра:

Трудовъ Коммиссіи, Высочайше учрежденной при Императорскомъ Университетѣ св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа: Подольской, Волынской, Кіевской, Черниговской и Полтавской. 1853.

Здѣсь намъ представляется рядъ написанныхъ съ полнымъ знаніемъ дѣла статей относительно къ естественному познанію помянутаго края, а именно сначала общая статья: «О растительно-географическихъ округахъ Европейской Россіи», уже извѣстнаго на поприщѣ ботанической географіи профессора Р. Э. Траутфеттера; далѣе нѣсколько геологическихъ и минералогическихъ статей: «О меловыхъ осадкахъ Кіевской губерніи и о кристаллическихъ породахъ губерній Кіевской, Волынской и Подольской», профессора К. М. Θеофилактова, и зоологическое разсужденіе: «О животныхъ млекопитающихъ, птицахъ воробьиныхъ и птицахъ хищныхъ и куриныхъ губерній Кіевскаго Учебнаго Округа», профессора К. Θ. Келлера.

Тутъ же приведемъ недавно вышедшія три книги: «Географическо-Статистическое описаніе Екатеринославской губерніи».

«Историко-Статистическое описаніе Харьковской епархіи, Москва. 1852 года.» И изданные Виленскимъ Губернскимъ Статистическимъ Комитетомъ: «Историческо-статистическіе очерки Виленской губерніи.» Вильно. 1852.

Географическое наше познаніе остзейскаго края упрочилось изданіемъ сочиненія:

Skizze der orographischen und hydrographischen Verhältnisse von Liv- Esth- und Kurland, ein geographischer Versuch von Dr K. Rathlef, Oberlehrer am Gymnasio zu Reval. Mit einer orographischen Karte, einer hydrographischen Karte und neun Höhenprofilen. Reval 1851. Verlag von Kluge und Ströhm. VI и 219 стр. (8).

Это есть, собственно, второе пополненное изданіе напечатанной годомъ раньше (1851), въ видѣ програмы, Orographi-

sche Skizze von Liv-, Esth- und Kurland того же самаго автора. Объяснивъ напередъ географическое положеніе остзейскихъ губерній относительно къ Россіи и европейскому материку вообще, а потомъ геогностическое строеніе почвы въ этомъ краѣ, авторъ приступаетъ къ орографическому описанію отдѣльныхъ его частей: сначала сѣверной покати Эстляндской возвышенности, морскаго берега съ его обрывами, бухтами и выдающимися въ море островами, потомъ внутренности страны, далѣе — рельефа Лифляндіи и Курляндіи и значительнѣйшихъ изъ прилежащихъ къ берегу островов, и сообщаетъ перечень 315 пунктовъ Остзейскаго края, которыхъ высота опредѣлена точными измѣреніями. За тѣмъ слѣдуетъ систематическій обзоръ гидрографіи трехъ остзейскихъ губерній, т.-е. главнѣйшихъ озеръ, рѣкъ, ручьевъ и водъ, по руководству Штукенберга, Виттенгейма, Ватсона и большой карты Лифляндіи Рюккера.

Къ сочиненію приложены двѣ карты остзейскихъ губерній, на двухъ листахъ: одна—орографическая, а другая—гидрографическая, и девять профилей высотъ, на трехъ листахъ. Карты эти и профили придаютъ описанію рельефа Остзейскаго края болѣе наглядности и живости. Основою картъ служила рѣчная сѣть, въ уменьшенномъ машстабѣ снятая губернскимъ ревизоромъ Шторкомъ по Рюккеровой генеральной картѣ трехъ остзейскихъ губерніи. По сличеніи этой сѣти съ большою картою Лифляндіи Рюккера, съ картою Эстляндіи Шмидта и картою Курляндіи Нейманна, и по надлежащемъ ея исправленіи, г. Ратлефъ навелъ на карту всѣ прочія подробности. Обѣ карты составлены въ масштабѣ вдвое меньшемъ генеральной карты Рюккера, т.-е. $^{1}/_{1'200'000}$ естественной величины. На гидрографической картѣ внесены имена около 250 рѣкъ и 120 озеръ.

И иностранные ученые дѣлали свои вклады въ капиталъ нашихъ познаній о Россіи. Такъ, опытный германскій геогностъ докторъ Карлъ Церреннеръ составилъ, по внушенію Риттера, подъ заглавіемъ:

Erdkunde des Gouvernements Perm, als Beitrag zur näheren Kenntniss Russlands, von D-r. Karl Zerrenner. Erste Abtheilung. Leipzig. 1851, VII и 128 стр. (8),

описаніе столь замѣчательной, по своему неистощимому богатству въ желѣзѣ, мѣди, золотѣ, платинѣ, лѣсахъ и соленыхъ источникахъ Пермской губерніи, — описаніе, тѣмъ болѣе заслуживающее достовѣрности, что оно основано не на одномъ только теоретическомъ изученіи края изъ всѣхъ доступныхъ автору печатныхъ и между-прочимъ также русскихъ источниковъ, и на изусныхъ сообщеніяхъ лицъ, хорошо знакомыхъ съ Уральскимъ хребтомъ, но и на тщательной повѣркѣ собственными глазами, потому-что авторъ самъ провелъ безъ малаго шесть лѣтъ на Уралѣ въ званіи управляющаго горными заводами княгини Бутера-Радали и имѣлъ случай посѣтить нѣкоторыя изъ описываемыхъ имъ мѣстностей. [1] Этотъ первый отдѣлъ сочиненія заключаетъ въ себѣ историческій, географическій и статистическій взглядъ на описываемую губернію; въ продолженіи, вѣроятно, будутъ сообщены болѣе спеціальныя подробности о состояніи въ ней разныхъ отраслей промышленности. Упоминая объ этой дѣльной и добросовѣстно составленной книгѣ, мы не можемъ не сослаться также на весьма поучительную ея рецензію Д. Члена Географическаго Общества А. Д. Озерскаго [2], гдѣ, съ полнымъ безпристрастіемъ ученаго, знающаго свое дѣло, разобранъ трудъ сроднаго по ремеслу и занятіямъ писателя.

Драгоцѣннѣйшее обогащеніе геогностической литературы Россіи въ минувшія пять лѣтъ составляетъ переводъ знаменитаго, изданнаго въ 1845 году на англійскомъ, творенія Мурчисона, подъ заглавіемъ:

Геологическое описаніе Европейской Россіи и хребта Уральскаго, на основаніи наблюденій, произведенныхъ Родерикомъ Импеемъ Мурчисономъ, Эдуардомъ Вернейлемъ и графомъ Александромъ Кейзерлингомъ, переведено съ англійскаго языка, съ примѣчаніями и дополненіями, Корпуса Горныхъ Инженеровъ полковникомъ Александромъ Озерскимъ, — II части въ 8, — и

---

(1) Въ одно время съ вышеприведеннымъ сочиненіемъ, докторъ Церреннеръ издалъ другое, болѣе спеціальное, о способахъ промывки изъ песковъ золота, платины и алмаза: Anleitung zum Gold- Platin- und Diamantwasschen aus Seifengebirge, Ufer- und Flussbett-Sand etc. 1851.

(2) Въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества» на 1852 годъ, книжка II, стр. 105—123

Сборникъ геологическихъ картъ, обнаженій и разрѣзовъ (XVII таблицъ). С.-Петербургъ. 1849.

Достойный переводчикъ, самъ одинъ изъ ученѣйшихъ представителей науки въ Россіи, придалъ своему труду отчасти самостоятельное достоинство, обогативъ его значительными поправками и дополненіями, на основаніи какъ собственныхъ своихъ наблюденій и разысканій другихъ отечественныхъ ученыхъ (гг. Куторги, Гельмерсена, Пандера, Фольборта, Эйхвальда и пр.), такъ и многочисленныхъ перемѣнъ, сообщенныхъ ему самимъ авторомъ.

Такъ съ разныхъ сторонъ вдругъ разрабатывалась географическая наука по всѣмъ ея отраслямъ въ приложеніи къ Европейской Россіи. Въ ожиданіи же полной, всеобъемлющей ея картины, нашъ почтенный ветеранъ статистики К. И. Арсеньевъ рукою мастера набросалъ «Статистическіе очерки Россіи», которые всякому будущему воздѣлывателю этого предмета послужатъ руководною нитью.

Если бы намъ пришлось однимъ словомъ обозначить направленіе географической дѣятельности Россіи въ послѣдніе годы, то мы назвали бы его раціональнымъ періодомъ науки. И это весьма естественно по самому ходу вещей: когда народъ начинаетъ понимать самого себя, то онъ ищетъ этого познанія путемъ размышленія и отчетливаго вниманія ко всѣмъ многообразнымъ явленіямъ своего быта.

Переходя къ обзору путешествій, совершенныхъ въ истекшее пятилѣтіе въ прочихъ частяхъ Европы, остановимъ свой взглядъ прежде всего на двухъ странахъ, тѣсно связанныхъ съ Россіею по языку, нравамъ, религіи и происхожденію жителей, и изъ которыхъ одна была еще недавно предметомъ всеобщаго вниманія въ-слѣдствіе возобновленія ею старинной, неравной, но мужественной борьбы съ Портою Оттоманскою: это — Далмація и Черногорія. Обѣ эти страны очень хорошо описалъ одинъ англійскій путешественникъ, уже извѣстный ученому свѣту, какъ вѣрный и остроумный наблюдатель нравовъ, — сэръ Джонъ Гарднеръ Вилькинсонъ, въ книгѣ:

Dalmatia and Montenegro. By Sir I. Gardner Wilkinson, Bar. 2 vols. London 1849 Murray. 64½ листа б. 8, съ иллюстраціями.

Ученый баронетъ предпринялъ этотъ вояжъ въ 1844 году, съ нарочною цѣлью ближе ознакомиться съ Далмаціею и нѣкоторыми изъ смежныхъ съ нею славянскихъ земель, какъ странами, которыя, по справедливому его замѣчанію, принадлежатъ къ наименѣе извѣстнымъ въ Европѣ, хотя и заслуживаютъ въ высокой степени участія по своей исторіи. Прибывъ чрезъ Тріестъ въ Цару, онъ дѣлалъ оттуда экскурсіи въ Спалато и во внутрь края, а вслѣдъ за тѣмъ посѣтилъ Черногорію. Во всѣхъ мѣстахъ, которыхъ касается путешественникъ, онъ тщательно вникаетъ въ историческія ихъ замѣчательности, сообщаетъ достовѣрныя о нихъ статистическія данныя и, какъ страстный археологъ, не упускаетъ изъ виду также сохранившіеся въ нихъ остатки древности. Особенное вниманіе онъ посвящаетъ Черногорцамъ, подробно описывая бытъ этого столь замѣчательнаго по своимъ воинственнымъ доблестямъ племени Славянъ. Описаніе г. Вилькинсона имѣетъ тѣмъ болѣе цѣны, что онъ бо́льшую часть своихъ свѣдѣній почерпнулъ изъ самаго достовѣрнаго источника, отъ тогдашняго владыки Черногоріи Петра Петровича Негуша, по приказанію котораго они были написаны его секретаремъ. Самого владыку, вѣжливостью и гостепріимствомъ котораго баронетъ не можетъ довольно нахвалиться, онъ изображаетъ какъ мудраго правителя, съ твердымъ, благороднымъ характеромъ, соединявшаго въ себѣ качества отличнаго воина, дипломата, администратора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и поэта. (*)

Вообще въ книгѣ сэра Гарднера изображеніе славянскихъ племенъ въ сравненіи съ турецкимъ рѣшительно клонится въ пользу первыхъ. Насчетъ послѣднихъ онъ сомнѣвается, чтобы они въ состояніи были достигнуть истиннаго образованія, прежде чѣмъ кончится владычество ихъ въ Европѣ,

---

(*) О важныхъ его сочиненіяхъ относительно къ древнему и новому Египту смотри первый обзоръ, въ отдѣлѣ Африки, стр. 231 и 232.

Первымъ произведеніемъ учрежденной имъ въ Цѣтньѣ собственной книгопечатни былъ небольшой томикъ одъ и пѣсенъ его, на сербскомъ языкѣ, подъ заглавіемъ: «Пустыникъ Цѣтинскій.» 1834. 43 стр. б. 8. Онъ скончался 31 октября 1851 года. Имя его преемника Даніилъ Петровичъ.

присовокупляя къ тому, «что быстрый упадокъ ихъ могущества замѣтенъ повсюду» (томъ II, стр. 67). Не лишены любопытства также замѣтки автора о Герцоговинѣ, о Морлакахъ; далѣе, его гипотезы насчетъ происхожденія жителей сказанныхъ областей и наконецъ краткій очеркъ ихъ исторіи, начиная отъ перваго тамъ водворенія Славянъ до 1814 года.

Какъ самую занимательную часть книги составляетъ картина Черногоріи, то мы приведемъ изъ нея нѣсколько чертъ объ этомъ краѣ и его жителяхъ.

Вся поверхность этой небольшой землицы не превышаетъ 80 или 90 англ. □ геогр. миль (около 25 нѣм. □ миль), а число жителей — 100,000, и между ними — пропорція почти единственная въ свѣтѣ — 20,000 человѣкъ способныхъ носить оружіе. Она имѣетъ немного городовъ, и ни одинъ изъ нихъ не обнесенъ стѣнами; почти всѣ города и селенія лежатъ въ ущельяхъ и по скату горъ, а не на недоступныхъ вершинахъ, какъ въ смежныхъ частяхъ Турціи, указывая тѣмъ на бодрый духъ Черногорца, который, въ упованіи на естественную крѣпость своей страны, пренебрегаетъ другими средствами защиты, кромѣ личной своей храбрости. Окруженная австрійскими и турецкими владѣніями, Черногорія не имѣетъ ни одного порта, не-смотря на свою близость къ морю.

Сознаніе собственной своей силы къ защитѣ своего семейства и своего дома внушаетъ Черногорцу чувство безстрашія въ отношеніи къ многочисленнымъ его сосѣдямъ. Голые утесы, окружающіе его селенія, служатъ ему стражею для предупрежденія всякаго нападенія въ расплохъ, и никогда Турки не производили на Черногорію нашествія, въ бóльшемъ или мéньшемъ числѣ, не поплатясь дорого за причиненныя ими оскорбленія.

Климатъ Черногоріи очень здоровый, и жители его замѣчательны по своей долговѣчности. Какъ мужчины, такъ и женщины очень сильны, и многіе изъ нихъ носятъ тяжесть въ 50 пудовъ на плечахъ своихъ черезъ самыя крутыя горы. Особенно крѣпки мышцы Черногорцевъ. Но, за всѣмъ тѣмъ, они любятъ предоставлять всѣ тяжкіе труды своимъ женамъ, которыя оттого очень мускулёзны и сильны, но скоро утрачиваютъ свойственную имъ въ молодыя лѣта красоту. Занятіе

войною или и грабежемъ заставляетъ Черногорца пренебрегать другими, болѣе мирными работами, кромѣ земледѣлія. При всемъ томъ, онъ считаетъ жену своею подругою и хотя требуетъ отъ нея безусловнаго смиренія, но не обращается съ нею жестоко. Особенно замѣчательна привязанность дѣтей къ своимъ матерямъ.

Черногорцы хранятъ большую любовь къ Сербіи, съ которою были нѣкогда соединены, и тѣ изъ нихъ, которые не находятъ у себя довольно средствъ къ своему пропитанію, обыкновенно переходятъ въ Сербію. Въ 1809 году, когда Черный Георгъ столь счастливо сопротивлялся Турціи, многіе изъ Черногорцевъ присоединились къ его знаменамъ. Вообще они питаютъ живѣйшую надежду, что Турки будутъ скоро изгнаны изъ Европы.

Тѣ же самыя славянскія страны въ 1850 году посѣтилъ также неутомимый германскій туристъ г. Коль и описалъ эту экскурсію въ сочиненіи:

Reise nach Istrien, Dalmatien und Montenegro, von J. G. Kohl. Dresden 1851. Arnoldische Buchhandlung. 2 тома. XXIV, 468, и XVI, 567 стр. (8)

И онъ также вполнѣ подтверждаетъ сужденія Вилькинсона о Черногорцахъ и въ-особенности хвалитъ ласковое и пристойное ихъ обращеніе, не-смотря на ихъ необразованность, а покойнаго владыку онъ прямо называетъ «великимъ мужемъ» и «единственно образованнымъ посреди еще грубаго народа».

Къ точнѣйшему познанію Далмаціи и смежныхъ съ нею странъ служитъ также сочиненіе Англичанина г. Патона:

Highlands and Islands of the Adriatic, including Dalmatia, Croatia and the Southern Provinces of the Austrian Empire. By A. A. Paton. London 1850. Chapman et Hall.

Тотъ же самый авторъ знакомитъ насъ и съ важнѣйшею отраслью южныхъ Славянъ — Сербами, въ книгѣ:

Servia. By A. A. Paton. London 1851. Longman. Crown. 8, with Plates.

Другая страна, также по бо́льшей части обитаемая Славянами и нѣкогда составлявшая собою отдѣльное царство, а

нынѣ уже издавна подвластная Османамъ, — Боснія (*), при всей своей близости къ образованной Европѣ, была очень мало изслѣдована учеными путешественниками. Недавно ее посѣтилъ одинъ ботаникъ изъ Баваріи и довольно обстоятельно описалъ въ цѣломъ рядѣ писемъ, помѣщенныхъ въ одномъ нѣмецкомъ журналѣ. (**)

По прибытіи своемъ въ Тріестъ, 20 марта 1847 года, онъ явился къ предсѣдателю тамошняго магистрата, ученому ботанику Муціусу Томмазино, который своими благими совѣтами и дѣятельною помощью не мало облегчилъ ему совершеніе его предпріятія. Здѣсь-же онъ ознакомился съ другимъ естествоиспытателемъ изъ Дрездена, сбиравшимся обозрѣть юго-восточную часть Италіи, докторомъ Рабенгорстомъ, и съ г. Кохомъ, основателемъ и директоромъ превосходнаго Тріестскаго музея естественной исторіи, особенно богатаго по части зоологіи и физіологіи. Въ письмѣ, адресованномъ передъ самымъ отбытіемъ своимъ изъ Тріеста, путешественникъ знакомитъ насъ съ дорожнымъ своимъ скарбомъ — статьею немаловажною для всякаго путешественника. Изъ нея мы узнаемъ, что, тогда какъ Буэ (Ami Boué) считаетъ это нынѣ уже совершенно излишнимъ для самой Турціи, всякій вояжеръ, сбирающійся посѣтить Боснію, не худо сдѣлаетъ, запасшись мусульманскою одеждою, потому-что въ дальнихъ провинціяхъ еще далеко не свыклись съ видомъ иностранцевъ. Между-тѣмъ, какъ нынѣ и самая свита верховнаго визиря ходитъ въ европейскомъ костюмѣ, слухъ объ этомъ еще не дошелъ до Босніи. Въ-послѣдствіи и самый опытъ научилъ путешественника выгодамъ турецкаго одѣянія. Въ немъ онъ нигдѣ не подвергался оскорбленіямъ со стороны черни, которыхъ во франкской одеждѣ не избѣгнулъ даже въ большихъ городахъ, какъ-то въ Травникѣ и Сараіевѣ. Изъ числа картъ Босніи нашъ безъименный ботаникъ рекомендуетъ, какъ лучшую, составленную еще при Наполеонѣ, съ согласія Порты,

(*) Принадлежа въ старину попеременно то Сербіи, то Кроаціи, то Венгріи, Боснія въ 1376 году сдѣлалась независимою, но уже съ 1415 года стала данницею Порты Оттоманской, а въ 1528 году и вовсе покорена ею.

(**) Въ 59 нумерахъ 1848 и въ 6 нумерахъ 1849 года журнала: Das Ausland, безъ имени автора.

французскими военными инженерами (*); карту же Буэ онъ нашелъ во многихъ мѣстахъ вовсе невѣрною.

24 марта вояжеръ оставилъ, на парусномъ суднѣ, Тріестскій рейдъ и', коснувшись Спалато, гдѣ познакомился съ столь заслуженными по части ботаники Далмаціи профессорами Петеромъ и Само, а потомъ Салоны и Сигна, въ Билибригѣ, первомъ городкѣ Босніи, вступилъ на оттоманскую почву. Перейдя потомъ хребетъ Малаванъ (около 4,500 футовъ вышиною), онъ, чрезъ мѣстечки Купресъ и Прусачъ, пробрался въ Травникъ. Объ окрестностяхъ этого города, живописно раскинутаго по обѣимъ сторонамъ рѣки Лажвы у подошвы двухъ горныхъ кряжей, онъ отзывается, что онѣ превзошли его ожиданія и что едва ли можно вообразить себѣ болѣе прелестное мѣстоположеніе. Благосклоннымъ посредничествомъ ученаго врача Ценнаро, онъ получилъ доступъ къ самому визирю Босніи, Гаджи-Кіамиль-пашѣ, усмирителю Босняковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ также разрѣшенія предпринимать во внутренности страны ботаническія экскурсіи. По обозрѣніи долинъ Лажвы, Савы, Вербаса и Босны, онъ возвратился въ Травникъ. Здѣсь одинъ весьма свѣдущій, уже давно тамъ осѣдлый врачъ, докторъ Францъ изъ Австріи, сообщилъ ему нѣкоторыя подробности насчетъ управленія Босніи. Много вреда этой области, какъ и вообще въ Турціи, причиняетъ частая смѣна пашей, которыя собственно суть только откупщики доходовъ области. Визирь Босніи вноситъ Портѣ шесть милліоновъ піастровъ, пользуясь за то всѣми доходами по части таможни, пошлинъ, регалій и монополій. И онъ, съ своей стороны, предоставляетъ управленіе отдѣльными вѣтвями финансовъ откупщикамъ. Естественно, что, при такомъ порядкѣ вещей, почти ничего не дѣлается со стороны правительства

(*) Заглавіе этой карты, на составленіе которой было употреблено два года времени, есть слѣдующее: Carta delle Provincie Illiriche cò loro diversi stabilimenti e con una parte degli stati limitrofi, compilata per ordine superiore nel deposito della Guerra del regno d'Italia nell' Anno 1813. Compilata da Dom. Pagani. Другая подробная карта Босніи составлена Ридлемъ: Karte von Serbien. Bosnien und dem grössten Theile von Illyrien, nach bisher noch nie benutzten Aufnahmen bearbeitet und als Fortsetzung der Karte des Obristen Lipszky von Szedliesna in 4 Sectionen gezeichnet von I. Riedl. Но эта карта не безъ ошибокъ, изъ которыхъ иныя вкрались и въ карту Пагани.

для поддержанія общественныхъ заведеній, школъ и дорогъ. Все, что еще исполняется по этой части, покрывается изъ суммъ, собираемыхъ добровольными приношеніями благочестивыхъ мусульманъ (вакуфъ). Вотъ причина, почему визири никогда не вдаются въ такія предпріятія, плодами которыхъ не могутъ пользоваться сами, а, напротивъ-того, сознавая всю зыбкость своего положенія, стараются извлечь каждый изъ ввѣренной ему области столько личной пользы, сколько можетъ.

Жителей въ Босніи, по показанію путешественника, около милліона, а именно, за исключеніемъ Черногоріи, почти по ровной долѣ христіанъ и мусульманъ. (*) Между христіанскими исповѣданіями въ Босніи вообще преобладаетъ православное, а въ Краинѣ и средней Босніи — римско-каѳолическое. Босняки греко-каѳолическаго исповѣданія доступнѣе образованію, чѣмъ римско-каѳолическіе.

Посѣтивъ затѣмъ разные монастыри и столицу Босніи, Сараіево, путешественникъ снова возвратился въ Травникъ, откуда еще совершилъ ботаническую экскурсію на гору Влассихъ, а потомъ предпринялъ обратный путь въ свое отечество.

О другомъ поколѣніи Славянъ, принадлежащемъ отчасти къ Пруссіи, отчасти къ Саксоніи — Лузацскихъ Сербахъ (Сорбахъ ?), отрасли вендскаго племени, мы находимъ статью въ Берггзаузовомъ журналѣ землевѣдѣнія, подъ заглавіемъ:

Serb und Sersk, die letzten ihres Stammes, oder Land und Volk der Serben in der Lausitz.

Авторъ, по-видимому, коротко знакомый съ самою мѣстностію, сообщаетъ довольно подробныя свѣдѣнія о бытѣ этого отрывка славянскаго населенія, который, занимая собою, въ числѣ не свыше 140,000 душъ, полосу земли, въ 15 нѣмецкихъ миль длиною отъ С. къ Ю. и въ 11 шириною отъ В. къ З., и окруженный отовсюду германскимъ людомъ, еще крѣпко хранитъ свой первоначальный славянскій типъ, свой языкъ, свои нравы и обычаи.

(*) Буэ полагаетъ въ Босніи болѣе половины мусульманъ: итакъ, и здѣсь, по-видимому, совершается быстрое уменьшеніе собственно турецкаго населенія, замѣченное Макферленомъ въ Анатоліи. (См. далѣе Турцію.)

От славянскихъ земель обратимся къ скандинавскому сѣверу.

Изъ числа путешествій по Швеціи мы встрѣчаемъ:

Reiseblätter aus dem Norden, von Heinrich Zeise. Altona. 1848. Kobner. —

книгу, которая хотя и есть произведеніе туриста, но не лишена поучительныхъ подробностей какъ о Швеціи, такъ и о прочихъ скандинавскихъ государствахъ. Мы укажемъ здѣсь, между-прочимъ, на описаніе знаменитаго Гётскаго канала (Goetha Kanal), соединяющаго, какъ извѣстно, Балтійское море съ Сѣвернымъ и принадлежащаго, какъ авторъ справедливо говоритъ, къ величайшимъ работамъ, когда-либо исполненнымъ руками человѣка.

«Цѣлыя столѣтія носились съ мыслью соединенія между собою сказанныхъ морей; но самыя способныя силы сокрушились о громадность этого предпріятія, пока оно наконецъ не удалось настойчивой волѣ одного мужа, который на довершеніе начатаго подвига посвятилъ всю свою жизнь. То былъ графъ Б. Б. фонъ-Платенъ. Къ сожалѣнію, онъ не дожилъ самъ до того, чтобы видѣть каналъ открытымъ сообщенію: онъ скончался за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, и прахъ его покоится въ Шарлоттенбургѣ — мѣстѣ, которое посѣщаетъ каждый проѣзжающій по каналу путешественникъ.

«Исполненію этого великаго предпріятія какъ сама природа, такъ и свойство шведской почвы противуполагали величайшія трудности: надлежало то прокапывать болота, то взрывать утесы, а кромѣ-того, по причинѣ разности въ уровняхъ моря и озеръ, нужно было заложить около 50 шлюзовъ, посредствомъ которыхъ открылась возможность то подниматься съ судномъ на сто и болѣе футовъ, то опускаться съ нимъ съ такой же вышины. Мѣстами каналъ дѣлаетъ значительныя извилины, отчасти потому, что индѣ самая мѣстность представляла слишкомъ много затрудненій, а отчасти по причинѣ пороговъ въ Гётаэльфѣ, которые надлежало обходить.

«Самый большой шлюзъ находится близъ Бера: здѣсь пониженіе между озерами Бореномъ и Роксеномъ составляетъ около 136 футовъ.»

Вообще и самое плаваніе по этому каналу представляетъ очень много любопытнаго; но мы сошлемся насчетъ этого на самое сочиненіе.

Другое, сюда принадлежащее сочиненіе есть:

Carus, Ludw. Schweden Sonst und Jetzt. Geschildert in Briefen auf einer Reise. 2 Theile. Mainz 1848. VI и 822 стр. б. 8.

Если Швеція, сравнительно, довольно часто посѣщается путешественниками и уже неоднократно была ими описываема, то этого нельзя сказать о преисполненной самыхъ величественныхъ красотъ природы, занимательной по историческимъ своимъ воспоминаніямъ и быту своихъ жителей и обильной предметами для пера ученаго и кисти художника, скандинавской ея подругѣ — Норвегіи. Причиною тому, вѣроятно, несравненно бо́льшая трудность путешествованія по этой странѣ горъ, ущелій, бухтъ и водопадовъ. Минувшее пятилѣтіе отчасти вознаградило прежній недостатокъ въ этомъ отношеніи, надѣливъ насъ нѣсколькими весьма замѣчательными донесеніями объ этомъ краѣ.

Одно изъ нихъ:

A Visit to the Western Coaast of Norway. By W. Wittich. London 1848. Cox.

въ-особенности являетъ очень много чисто-географическаго интереса. Авторъ его, профессоръ Лондонскаго Университета, г. Виттихъ (*), неоднократно посѣщавъ въ своей юности Швейцарскія Альпы, былъ пораженъ мыслью, что «если бы нѣчто подобное находилось въ непосредственной близости океана, то изъ сочетанія обѣихъ стихій должна бы была составиться картина природы, которая совмѣщала бы въ себѣ все, что́ есть только самаго величественнаго въ мірѣ.» Такое сочетаніе представляется намъ въ Норвегіи, которая съ трехъ сторонъ окружена моремъ и горы которой на большое протяженіе въ длину и ширину покрыты вѣчнымъ снѣгомъ. Отъ этого-то родилось въ г. Виттихѣ желаніе осмотрѣть и изслѣдовать Норвегію собственными своими глазами; но онъ не могъ привести въ исполненіе свой планъ прежде лѣта 1847 г.

(*) Этотъ ученый, недавно скончавшійся въ Лондонѣ, снискалъ себѣ тамъ извѣстность какъ отличный географъ, участвуя по этому предмету въ разныхъ изданіяхъ, между-прочимъ въ Penny Cyclopedia.

Отправясь, въ началѣ іюня, на одномъ норвежскомъ суднѣ, изъ Гулля въ Ставангеръ, онъ посѣтилъ Бергенъ и нѣкоторые другіе пункты западнаго берега Норвегіи.

Одна изъ интереснѣйшихъ для географа частей его сочиненія есть та, въ которой онъ объясняетъ различіе въ характерѣ горъ и долинъ Норвегіи отъ швейцарскихъ. Мы приведемъ здѣсь это мѣсто собственными словами автора:

«Горная страна на востокъ отъ Сёръ-Фіорда въ-особенности привлекла къ себѣ мое вниманіе. Видъ ея обнаружилъ мнѣ различіе въ строеніи Альповъ и горныхъ толщей въ этой части Скандинавіи. Эти громады не представляютъ взорамъ вашимъ, какъ Альпійскій хребетъ, непрерывнаго ряда остроконечныхъ вершинъ, зубчатыхъ гребней, крутыхъ склоновъ, глубокихъ овраговъ и тѣсныхъ долинъ. Верхи ихъ простираются почти всѣ въ одинаковый уровень. Близъ Фіорда крутые ихъ бока доходятъ до вышины 3,000 футовъ и болѣе, но потомъ поверхность ихъ въ глубь страны возвышается только весьма постепенно, такъ-что на разстояніи нѣсколькихъ миль она едва прибываетъ футовъ на тысячу. Далѣе слѣдуетъ совершенно ровная плоскость, поверхъ которой лишь изрѣдка воздымаются отдѣльныя выси футовъ на тысячу. Эти горы были еще покрыты снѣгомъ и, по словамъ нашихъ вожатыхъ, никогда отъ него вовсе не обнажаются. Но между ними находятся широкія полосы, свободныя отъ снѣга, и на которыхъ пасутся стада въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, пока на этихъ высотахъ не появится зима, что́ обыкновенно бываетъ въ исходѣ августа. Особенное строеніе этихъ горъ объяснило мнѣ одно мѣсто Понтоппидана, которое я читалъ въ своей молодости и которое до сихъ поръ оставалось мнѣ невразумительнымъ. Говоря о трудности проложенія дорогъ въ тѣхъ частяхъ страны, которыя прилежатъ къ морю, епископъ бергенскій присовокупляетъ въ своемъ описаніи Норвегіи, что единственный способъ устройства достаточнаго числа дорогъ было бы провести ихъ на вершинѣ горъ — дѣло, впрочемъ, какъ онъ замѣчаетъ, весьма затруднительное и почти невозможное, по причинѣ большаго на нихъ скопленія снѣговъ. Путешествуя съ нѣкоторыми изъ моихъ земляковъ по Швейцаріи, я случайно упомянулъ объ этомъ предметѣ, когда мы находились въ виду остроконечныхъ Бернскихъ Альповъ, и всѣ мы были убѣж-

дены въ томъ, что страннѣе мысли никогда не входило въ голову человѣку, какъ это утвержденіе епископа бергенскаго. Но теперь я имѣлъ случай удостовѣриться, что мысль эта отнюдь не такъ странна, какъ тогда намъ показалась: я очень понимаю, что вдоль по вершинамъ къ востоку отъ Сёръ-Фіорда можно бъ было на значительное разстояніе проложить дороги, не встрѣчая при этомъ бо́льшихъ затрудненій, какъ на равнинѣ Варвикшира, потому-что единственное препятствіе составляютъ снѣга, покрывающіе ихъ даже посереди лѣта.»

Относительно къ долинамъ Норвегіи мы находимъ у г. Виттиха слѣдующее не менѣе отчетливое описаніе:

Пройдя страною, гдѣ съ горъ низпадали многочисленные ручьи, образуя собою величественные водопады, путешественникъ продолжалъ итти нагорною стезею, ведшею къ берегамъ Самнангеръ-Фіорда.

«Нерѣдко—говоритъ онъ—намъ открывался видъ на долину у ногъ нашихъ. Она была такъ тѣсна и крутыя скалы по обѣимъ ея сторонамъ сходились у подножія своего такъ близко, что едва оставляли довольно мѣста протекавшему по ней потоку съ пѣною пробираться въ этой узкой разсѣлинѣ. Для проложенія по берегамъ ея тропинки не было никакой возможности. Въ одномъ мѣстѣ ущелье между двумя скалами было такъ тѣсно, что можно было бы перескочить черезъ пропасть; но врядъ ли кто посягнетъ на такую попытку, потому-что хлябь у ногъ нашихъ зіяетъ по-крайней-мѣрѣ на 500 футовъ глубины. Такимъ образомъ долина тянулась миль на 6 или 7 въ длину; но тогда утесы съ обѣихъ сторонъ подались немного, и между ними образовался небольшой бассейнъ, самая широкая часть котораго была занята озеромъ Фёрландбандомъ. Здѣсь мы опять могли усладить взоры свои слѣдами дѣятельности человѣческой. По берегамъ озера виднѣлось нѣсколько шалашей, окруженныхъ воздѣланными полями. Пониже озера долина нѣсколько расширяется; но и тутъ не было возможности проложить тропинку по краямъ рѣки, быстрина которой возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ Фіорду, куда она вливается близъ Тосса, съ пѣною клубясь и ниспадая непрерывными стремнинами, которыя въ иныхъ мѣстахъ сочли бы за прекрасные водопады. Особенное устройство описанной мною долины сильно поразило меня; я не помню, чтобы

видѣлъ что-либо подобное въ Альпахъ или въ другой какой горной странѣ, мною посѣщенной.»

Въ-послѣдствіи путешественникъ узналъ отъ бывалыхъ туземцевъ, что почти всѣ долины Норвегіи одинаковаго вида, разнствуя между собою только въ длинѣ и ширинѣ. Итакъ—продолжаетъ авторъ—«онѣ, по-видимому, не что иное, какъ разсѣлины или хляби, узкія въ своемъ основаніи и лишь немного расширяющіяся кверху и окаймленныя весьма крутыми боками. Нигдѣ въ этой части Норвегіи не встрѣчается долины въ видѣ бассейна или впадины, окруженной покатыми склонами. Внутри страны лощины чрезвычайно тѣсны и глубоки. Къ тому же дно ихъ усѣяно огромными валунами или обломками скалъ, такъ-что лишь мало остается простора для обработки земли или на паству скота; а оттого и самое населеніе въ этихъ узкихъ оврагахъ очень скудно. Къ морю долины немного просторнѣе, но и тамъ ихъ мало найдется, которыя были бы шире полуторы версты. Нижняя часть ихъ склоновъ не столь крута, обыкновенно отъ 30° до 40°, а слѣдовательно не недоступна. Эта покать, впрочемъ, рѣдко состоитъ изъ одной и той же массы съ утесами, къ которымъ она примыкаетъ, а по бо́льшей части составлена изъ отдѣльныхъ скалъ или отторгнутыхъ отъ боковъ горы и расположившихся у ея подошвы обломковъ. Она обыкновенно покрыта малорослыми березами, которыя, мѣстами, расчищены, именно тамъ, гдѣ почва найдена довольно плодородною для произрастанія травъ. Но поверхъ этого ската утесы поднимаются такъ отвѣсно, что на нихъ не могутъ удерживаться никакія земляныя частицы. И вотъ почему они лишены всякой растительности, исключая мховъ и лишаевъ. Въ этихъ-то долинахъ сосредоточены почти всѣ земледѣльческія селенія края. Дно ихъ, хотя сравнительно узко и мѣстами завалено каменьемъ, однакожь, нерѣдко являетъ значительные участки земли, годные къ воздѣлыванію или обращенію въ пастбища. А какъ горы, которыми опоясаны эти болѣе просторныя долины, рѣдко возвышаются за предѣлъ растительности, то ровныя части верхней ихъ площади въ лѣтнее время одѣваются травою, достаточною для корма скоту на 4 или на 5 мѣсяцевъ. Но горы такъ обширны, что въ этой части Норвегіи занимаютъ собою бо-

лѣе $^{19}/_{20}$ доли всей страны. И эта-то несоразмѣрность между высокими горами и пространствомъ долинъ есть главная причина малолюдности Норвегіи, а къ этому еще слѣдуетъ присовокупить то, что бо̀льшая часть широкихъ долинъ наводняется моремъ.

Замѣтивъ, далѣе, что дно этихъ фіордовъ собственно не иное что, какъ подводное продолженіе долинъ, авторъ присовокупляетъ: «Подлинно изумительно, на какое разстояніе отъ открытаго моря простираются эти бухты. Такъ, напр., Соснъ-Фіордъ, нѣсколько къ сѣверу отъ Бергена, протекаетъ между высокими утесами, и самое внутреннее ихъ углубленіе отстоитъ отъ океана миль на сто — длина, какой не имѣютъ и самыя большія долины Альповъ.»

Въ дополненіе этого очерка Норвегіи, мы приведемъ здѣсь общій взглядъ на растительную ея природу извѣстнаго естествоиспытателя І. Ф. Шоува (Schouw). Лѣтомъ 1848 года онъ посѣтилъ скалы Норвегіи, въ сообществѣ ботаника Христіана Смита, который вскорѣ потомъ сдѣлался жертвою своей любви къ наукѣ на берегу Конго, въ Африкѣ. Въ одномъ журналѣ мы находимъ слѣдующее описаніе одной изъ этихъ ботаническихъ экскурсій:

«Мы исходили столь обильную зрѣлищами природы гористую область Евретеллемаркена (Oevretellemarken), взбирались на высокую, снѣгомъ покрытую, изолированную вершину Гоусты (Gousta), посѣтили пѣнящійся Ринканфасъ, одинъ изъ величайшихъ европейскихъ водопадовъ, и готовились перейти дикую горную полосу, лежащую между Теллемаркеномъ и Гардангеромъ.

«Одну изъ особенностей всей сѣверной горной толщи составляетъ то, что она, въ-сравненіи съ другими хребтами, наверху болѣе плоска, и что восточная ея сторона образуетъ исподоволь спускающуюся покатость, между-тѣмъ, какъ западная круто обрывается въ глубоко вдающіеся фіорды. Этотъ-то характеръ здѣсь, можетъ-быть, рѣзче выраженъ, нежели въ какой-либо другой части огромнаго хребта. А какъ горы на восточной сторонѣ медленно поднимаются, то разныя растительныя области здѣсь лежатъ болѣе рядомъ, нежели одна надъ другою. Между-тѣмъ, какъ въ Альпахъ и другихъ горахъ быстро поднимаешься изъ области лиственныхъ деревъ

въ область хвойныхъ, а потомъ въ область альпійскихъ розъ, альпійскихъ растеній и наконецъ въ царство снѣга — превращеніе, которое можно имѣть передъ глазами въ нѣсколько часовъ времени, — въ восточной части Норвегіи странствуешь нѣсколько дней въ области хвойныхъ лѣсовъ, потомъ нѣсколько дней въ области березъ, горныхъ растеній и далѣе чрезъ страну снѣговъ, пока наконецъ достигнешь высшей вершины или водораздѣла. Все протяженіе отъ восточной подошвы хребта до вершины составляетъ по-крайней-мѣрѣ 24 мили.

«Такимъ-образомъ въ августѣ мы находились у большаго озера Міёсвандетъ (Міёзенъ), лежащаго на 2,700 футовъ поверхъ моря, въ области березъ. Ель и сосна исчезли. Вблизи дворовъ было только немного пашенъ, потому-что здѣсь рѣдко удается пожинать зрѣлый ячмень. Жизнь обитателей склоняется къ переходу отъ хлѣбопашества къ кочеванію. Если они и имѣютъ прочныя зимнія жилья, то лѣтомъ перекочевываютъ со своими стадами рогатаго скота на горы, чтобы воспользоваться высшими пастбищами. Мы болѣе и болѣе удалялись отъ обитаемой страны. Отдѣльные дворы лежали другъ отъ друга уже въ разстояніи половины или цѣлыхъ сутокъ пути; всѣ дороги и тропинки исчезли: единственными путеводителями странника служатъ только раскиданныя на большихъ промежуткахъ груды камней.

«Тщетно мы искали вожатаго черезъ главный утесъ въ Гардангеръ. Съ трудомъ одинъ крестьянинъ, на послѣднемъ дворѣ въ Теллемаркенѣ, согласился проводить насъ до лѣтнихъ пастбищъ на восточномъ склонѣ водораздѣла.

«Мы поднялись теперь въ область альпійской флоры, гдѣ уже скрылись деревья, и только мелкій кустарникъ и низменные злаки съ прекрасными цвѣтами чередуются съ голыми скалами и стремительными потоками. Здѣсь мы вступили на первыя гардангерскія лѣтнія пастбища, гдѣ насъ встрѣтили пастушки, по тамошнему обычаю, съ большимъ чистымъ кувшиномъ молока и привѣтомъ: «садись, отдохни и пей!» Нашъ вожатый изъ Теллемаркена не могъ итти далѣе, а поэтому отправился въ обратный путь. Видя себя посреди прекрасной альпійской флоры, мы рѣшились остаться, хотя не знали, какъ отправимся далѣе. Дѣвушки, убѣдясь, что мы не

бродяги, уступили намъ одну изъ своихъ избъ. Эта худо защищенная отъ вѣтра и дождя каменная хижина была нашимъ домомъ, воловья шкура и нѣсколько одѣялъ—нашею постелью, ячменный хлѣбъ, молоко, сыръ и каша—нашею пищею. Но растительный міръ вознаградилъ насъ за всѣ трудности, ибо хотя мы были отвсюду окружены голыми, отчасти снѣжными скалами, однакоже, мѣстами показывались обильныя прекрасными цвѣтами поляны. На одномъ мѣстѣ, не болѣе 200 футовъ пространствомъ, росло 30 разныхъ альпійскихъ породъ. Эти сильные злаки даютъ обильную пищу скоту, который здѣсь совершенно одинъ пасется по окрестнымъ скаламъ и самъ собою возвращается къ подою.

«Спустя нѣсколько дней случай провелъ мимо насъ одного Гардангерца, который шелъ на другое лѣтнее пастбище за сыромъ и масломъ и вызвался проводить насъ обратно въ Гардангеръ.»

Третье путешествіе, о которомъ слѣдуетъ здѣсь упомянуть, описано въ сочиненіи:

Norway in 1848 and 1849; containing Rambles among the Fields and Fjords of the Central and Western Districts; and including Remarks on its Political, Military, Ecclesiastical and Social Organisation. By Thomas Forester, Esqu., with Extracts from the Journals of Lieutenant M S Biddulph. R. A. London 1850. Longman et Co.

Авторъ его, англійскій помѣщикъ г. Форестеръ, въ сопровожденіи британской службы лейтенанта г. Биддульфа, также посѣтилъ западную часть Норвегіи, отъ Христіаніи до Бергена и обратно, дѣлая, сверхъ-того, неоднократно экскурсіи поперекъ страны до самыхъ предѣловъ Швеціи. Если книга его и не можетъ похвалиться такимъ отчетливымъ изображеніемъ топографической и физической природы края, какъ сочиненіе Виттиха, то она, съ другой стороны, обильнѣе замѣтками по части политическаго и соціальнаго быта страны. Съ особенною подробностью описанъ главный ея городъ — Христіанія, и собрано также много любопытныхъ данныхъ о замѣчательномъ, какъ главная складка рыбной промышленности Норвегіи, городѣ Бергенѣ. (*)

(*) Цѣны рыбы въ Бергенѣ г. Форестеръ засталъ чрезвычайно умѣренными: треска обходится по $2^1/_2$ коп. сер., лососина дешевле 4 коп. сер. за фунтъ. Большой палтусъ (turbot) можно достать за 14 коп. сер.

Г. Форестеръ посѣтилъ съ своимъ спутникомъ между-прочимъ также самую живописную часть Норвегіи, — страну около Густа-Фильда, въ средней Норвегіи, покрытую сѣтью озеръ и рѣкъ, питаемыхъ ручьями, текущими съ высоты горъ. Перейдя гору Ниссеръ (Nisser-Vand) и пробравшись плодоносными долинами Гоердала и Гиттердала, до озера Тинда (Tind-Soe), они потомъ, дикою лощиною Маана, спустились къ прекрасному озеру Міёсъ. Здѣсь-то величественно возвышается снѣжная вершина Густа-Фильда до 5,540 футовъ вышины, а поблизости его находится одинъ изъ самыхъ величавыхъ водопадовъ Норвегіи, — Рьюканъ-Фоссъ, въ 900 футовъ паденія. Эту страну, облегающую Густа-Фильдъ, въ окружности около 75 или 90 верстъ, Форестеръ называетъ Лаутербрунненомъ и Гриндельвальдомъ Норвегіи. Въ-особенности онъ не можетъ нахвалиться Міёсъ-Вандомъ, живописнѣйшимъ изъ всѣхъ озеръ Норвегіи. Одинъ прежній англійскій путешественникъ, Дервентъ Конвей (*), описываетъ его слѣдующими словами:

«Міёсъ-Вандъ есть идеалъ спокойствія и уединенія. Нѣтъ ни одного дома на его берегахъ, ни одного челнока на его лонѣ, никакія стада не блуждаютъ по его склонамъ, не слышно ни голоса пастуха, ни бренчащаго звона колокольчика, а развѣ только тихій шопотъ волнъ, изрѣдка плесканіе рыбы въ водѣ или крикъ какой-либо хищной птицы. Озеро почиваетъ въ лонѣ горъ, тихо отражая въ своемъ зеркалѣ ихъ лѣса и вершины, и даже небольшое мимолетное облако, носящееся надъ его глубиною, по-видимому, какъ бы остановилось надъ нимъ неподвижно.»

Одна изъ особенностей этого озера состоитъ въ томъ, что высшія части горъ подходятъ къ самому его краю и вершины ихъ видны съ противоположнаго берега. Отъ этого виды становятся грандіознѣе и озеро кажется какъ бы окруженнымъ горами, гораздо болѣе высокими, чѣмъ онѣ въ самомъ дѣлѣ. Въ этомъ отношеніи Міёсъ-Вандъ равняется инымъ озерамъ Швейцаріи, между-тѣмъ, какъ, по живописнымъ формамъ окружающихъ его горъ, оно почти не имѣетъ себѣ соперника.

(*) Personal Narrative of a Journey through Norway etc. By Darwent Conway. Edinburgh 1829

Въ концѣ своей книги авторъ, подводя своему описанію общій итогъ, говоритъ: «черты другихъ альпійскихъ странъ могутъ быть обширнѣе и смѣлѣе, но что касается до сочетанія лѣсовъ, озеръ, водопадовъ, удоловъ, плоскогорій (fields) и узкихъ заливовъ (fjords), Норвегія единственна, и послѣднія двѣ обстановки ландшафта принадлежатъ ей одной исключительно.

«Ни одинъ путешественникъ, освоившійся съ жителями этого романтическаго края, конечно, не возвратился оттуда, не вынесши съ собою пріятныхъ впечатлѣній, произведенныхъ въ немъ откровеннымъ, ласковымъ и гостепріимнымъ расположеніемъ людей всякаго сословія, и не преминувъ замѣтить мужественный, но вмѣстѣ чуждый необузданности, духъ народа.

«Норвегія представляетъ свѣту зрѣлище хотя и бѣднаго и сравнительно незначительнаго, но бодраго духомъ, согласнаго и довольнаго народа.»

Данія подробно описана съ географической и статистической точки въ книгѣ Августа фонъ-Баггезена:

Baggesen, Major August von, der Dänische Staat oder das Königreich Dänemark mit dessen Nebenländern und den Herzogthümern Schleswig-Holstein und Lauenburg, geographisch und statistisch dargestellt. 2 Bände. Kopenhagen 1848.

И о связанномъ съ Даніею, нынѣ уже около тысячелѣтія, самомъ сѣверномъ островѣ Европы, Исландіи, вышло отдѣльное, ученое сочиненіе г. Шлейнера:

Island undersögt fra et laege videnska beligt synspunkt of P. A. Schleisner. Kjöbenhavn. 1849. 8.

А двумя годами раньше — физическое его описаніе извѣстнаго изслѣдователя вулкановъ Европы Сарторіуса фонъ-Вальтерсгаузена въ брошюрѣ:

Sartorius von Waltershausen, Physich-geographische Skizze von Island mit besonderer Rücksicht auf vulkanische Erscheinungen. Göttingen. 1847.

Сверхъ-того, мы находимъ объ этомъ островѣ въ журналѣ Парижскаго Географическаго Общества (*) прекрасную, составленую г. де-ла-Рокеттомъ, на основаніи прежнихъ и но-

(*) Bulletin de la Société de Géographie de Paris. Tome X 1849. Стр. 185–217.

вѣйшихъ сочиненій и отчетовъ самовидцевъ, статью, изъ которой поставляемъ себѣ за удовольствіе извлечь здѣсь слѣдующее.

«На крайней оконечности сѣвернаго Атлантическаго океана, между Древнимъ и Новымъ Свѣтомъ, находится большой островъ, котораго сѣверная часть орошается Ледовитымъ моремъ. Это—Исландія, знаменитая древнимъ своимъ образованіемъ и замѣчательными своими успѣхами въ литературѣ, а особенно въ исторіи, въ такое время, когда Европа была еще погружена во мракѣ невѣжества. Между-тѣмъ, какъ иные географы, согласно съ общепринятымъ обычаемъ, причисляютъ ее къ этой части свѣта (*), другіе помѣщаютъ ее въ числѣ острововъ Америки, къ которой она, дѣйствительно, ближе и которую сыны ея, какъ нынѣ доказано неоспоримо, посѣщали, а мѣстами даже и населили нѣсколькими вѣками прежде открытій славнаго Коломба.

«Показанія насчетъ величины Исландіи разногласны: одни разширяютъ ее до 1800, а другіе, напротивъ-того, стѣсняютъ до 1400 □ миль пространства. Островъ, очевидно, волканическаго происхожденія и главнѣйше состоитъ изъ непрерывной цѣпи горъ, пролегающихъ отъ В. къ З. Нѣкоторыя изъ нихъ, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ, именуются ёкларъ (joklar), а другія, равно безплодныя, состоятъ изъ песку и камня; иныя же, особенно вдоль береговъ, являютъ, отчасти у подножія своего, отчасти же и на вершинахъ, полосы земли, покрытыя прекрасною зеленью. На этихъ-то полянахъ и вдоль по долинамъ разсѣяно все народонаселеніе острова.

«Гекла, Краббa, Орефа-ёкуль, Скаттаръ-ёкуль, Кётлугья и нѣкоторыя другія горы были нѣкогда волканами; одна лишь Гекла, вообще замѣчательнѣйшая изъ горъ Исландіи, имѣла и въ новѣйшія времена изверженія. Почти всѣ эти горы увѣнчаны вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ.

«Самая возвышенная часть острова есть юго-восточная: тамъ воздымается Орефа-ёкуль до 6,000 датскихъ футовъ (**)

(*) Ниже будетъ сказано, почему мы не усомнились причислить Исландію къ Европѣ.

(**) Датскій футъ немного больше русскаго: онъ равенъ 0,314 метра русскій футъ = 0,30479 метра.

поверхъ моря. Въ юго-западной части, которая вообще ниже, Гекла достигаетъ вышины 5,000 футовъ.

«Физическая природа Исландіи нерѣдко подвергалась гибельнымъ переворотамъ, особенно въ-слѣдствіе вулканическихъ взрывовъ и землетрясеній, преимущественно на югѣ острова. Самые разрушительные изъ переворотовъ послѣдняго времени были 1755, 1783 и 1784 годовъ, сопровождавшіеся изверженіями вулкановъ. Послѣ землетрясенія 1783 года изсякла рѣка Скапта, и Скаптафельскій округъ, прежде одинъ изъ плодороднѣйшихъ всего острова, обратился въ пустыню. Этихъ опустошеній нынѣ впрочемъ уже мало остается слѣдовъ: лава снова покрылась зеленью, и съ каждымъ годомъ тамъ возникаютъ новыя мызы. Первое отмѣченное исторіею изверженіе было въ 1104 году, а послѣднее — 2 сентября 1845 года.

«Ключи горячей воды, попадающіеся въ разныхъ мѣстахъ и по бóльшей части имѣющіе минеральный вкусъ, вѣроятно, обязаны своимъ происхожденіемъ внутреннему огню, безпрерывно еще дѣйствующему. Главный изъ нихъ, Гейзеръ, періодически бьетъ съ чрезвычайною силою, иногда до вышины 80 и даже 200 футовъ.

«Въ горахъ имѣется серебро, желѣзо и свинецъ, но недостатокъ въ топливѣ препятствуетъ разработкѣ этихъ рудъ. Мѣстами находятъ также известнякъ и алебастръ, разныхъ породъ мраморъ и глину, жерновой камень и родъ углекислой извести, именуемой исландскимъ шпатомъ, ромбоидальные кристаллы котораго иногда достаточной величины для объясненія всѣхъ опытовъ явленія, извѣстнаго подъ именемъ преломленія лучей. Не подалеку отъ заливовъ Кризувика и Миватна находится огромное количество сѣры, для добыванія которой заложено нѣсколько заводовъ. Потребляемая же въ Исландіи соль нынѣ идетъ изъ чужихъ краевъ.

«Множество рѣкъ орошаетъ Исландію. Всѣ онѣ быстры и изобильны рыбою; но нѣтъ ни одной свыше 12 миль длиною. Есть также много рыбныхъ озеръ, а сверхъ-того островъ изрѣзанъ бухтами (фирдиръ), обыкновенно длинными и узкими и далеко углубляющимися внутрь края. (*) Главныя изъ нихъ — на западномъ берегу.

(*) Это-то сходство очертанія земли съ Норвегіею побуждаетъ насъ причислять Исландію не къ Новому Свѣту, а къ Европѣ.

«Судя по сѣверному своему положенію, Исландія пользуется довольно умѣреннымъ климатомъ, и зима тамъ не очень сурова. Для защищенія себя отъ стужи Исландецъ прибѣгаетъ къ торфу, въ изобиліи имѣющемуся на всемъ островѣ, къ каменному углю, водящемуся лишь въ немногихъ мѣстахъ, къ сушеному коровьему калу, къ рыбьей кости, а въ-особенности къ суртарбрандру, роду легко обьугливающагося окаменѣлаго дерева.

«Воздѣлываніе хлѣбныхъ растеній очень уменьшилось вслѣдствіе ужасныхъ переворотовъ, которымъ подвергался островъ и отъ которыхъ почва вообще очень отощала. Впрочемъ, еще разводятъ немного ржи и ячменю; картофель даже на сѣверѣ преуспѣваетъ. Но, не-смотря на ежегодный значительный подвозъ иностраннаго хлѣба зерномъ и мукою, Исландцы, питающіеся также мясомъ, молокомъ и рыбой, нерѣдко терпятъ страшный голодъ, особенно въ случаѣ неулова рыбы. Въ такихъ крайностяхъ они жертвуютъ своими стадами для того, чтобы только спасти себя отъ голодной смерти. Исландскій мохъ также служитъ имъ пищею, а равно разнаго рода овощи и коренья.

«Издавна Исландцы занимаются скотоводствомъ. Въ 1845 году тамъ считалось 607,400 овецъ и козъ, 33,713 головъ рогатаго скота и 34,564 лошади. Введенные туда изъ Финмаркена въ 1773 году олени чрезвычайно расплодились.

«Омывающія островъ моря преизобилуютъ рыбою, особливо трескою и сельдями; изъ рѣчныхъ и озерныхъ рыбъ первое мѣсто занимаетъ лосось. Введеніе съ недавняго времени норвежскихъ лодокъ, усовершенствованіе рыболовныхъ снастей и привлеченіе въ Исландію лицъ, опытныхъ въ соленіи сельдей, придало морскому рыболовству большіе размѣры; но нѣтъ сомнѣнія, что оно могло бы развиться еще гораздо болѣе.

«Населеніе острова, доходившее въ XII вѣкѣ до 120,000 жителей, съ тѣхъ поръ подвергалось большимъ колебаніямъ. Въ 1845 году оно не превышало 58,559.

«Исландцы очень промышленны: они сами изготовляютъ почти все нужное для хозяйства, и бо́льшая ихъ часть вмѣстѣ и столяры, и плотники, и судостроители, и кузнецы, и часовщики, и т. д. Мануфактуръ у нихъ весьма мало: въ послѣднее

столѣтіе въ Рейкьявикѣ заведена была шерстяная, которая, однако, вскорѣ пришла въ упадокъ; въ новѣйшее время основаны чулочная и прядильная фабрики.

«Судоходство очень развилось съ 1733, а еще болѣе съ 1830 года; равнымъ-образомъ и торговля, а именно съ 1816 года, когда Исландія была открыта судамъ всѣхъ націй. (*)

«Просвѣщеніе въ Исландіи издавна укоренилось. Еще въ 1056 году основана была въ Скальгольмѣ школа, вскорѣ пріобрѣтшая знаменитость, а другая — въ Голумѣ, въ 1105 г. Нынѣ оба эти училища слиты воедино въ Рейкьявикѣ, главномъ городѣ острова. Исландія слыветъ колыбелью многихъ знаменитыхъ ученыхъ, историковъ и поэтовъ. Величайшій изъ ваятелей новѣйшаго времени, Торвальдсенъ, ведетъ свой родъ изъ Исландіи.»

Изъ числа сочиненій, исключительно посвященныхъ Голландіи, мы встрѣчаемъ только одно: путешествіе неутомимаго туриста г. Коля:

Reisen in den Niederlanden von J. G. Kohl. 2 Bde. Leipzig. 1849. 8.

Бельгія, которая, посреди свирѣпствовавшихъ вокругъ нея въ послѣдніе годы политическихъ бурь, благодаря мудрости своего короля и непоколебимой къ нему преданности народа, не только пребыла спокойною, но еще быстро шла впередъ на пути къ преуспѣянію, въ полной мѣрѣ заслуживала вниманіе наблюдателей, и, дѣйствительно, мы можемъ привести здѣсь нѣсколько описаній этой страны, изъ числа которыхъ разнообразіемъ своего содержанія отличается:

Belgien in politischer, kirchlicher, pädagogischer, und artistischer Beziehung. Von Dr. Adolph Helfferich. Pforzheim 1848. Flammer und Hoffmann. X. 313 стр. б. 8.

Послѣ краткаго историческаго очерка страны, авторъ входитъ въ разборъ внутренняго ея быта съ многоразличныхъ точекъ зрѣнія, а именно: религіозной, политической, педагогической, художественной и промышленной, открывая нашимъ взорамъ, съ большимъ безпристрастіемъ, не однѣ только

(*) Еще бо́льшаго развитія торговли можно ожидать, если состоится нынѣ предполагаемая мѣра относительно расширенія права судоходства. Г. де-ла-Рокеттъ приводитъ въ своей статьѣ таблицы движенія привоза и отпуска по главнѣйшимъ статьямъ торговли острова

блестящія, но вмѣстѣ и темныя стороны картины. Бельгія въ новѣйшее время, по-видимому, болѣе и болѣе сближается по своему характеру съ Англіею.

Увлеченная ея примѣромъ, и она главнѣйше устремилась на заманчивое поле промышленности и въ нѣсколько лѣтъ сдѣлалась первымъ послѣ Англіи промышленнымъ государствомъ въ свѣтѣ, въ особенности своими льняными, шерстяными, бумажными, кожевенными и металлическими фабриками и мануфактурами. Едва только стало утихать революціонное броженіе, какъ явились потребные для промышленныхъ предпріятій капиталы. Ни одно изобрѣтеніе не было пропускаемо безъ приспособленія, и множество остроумныхъ открытій и улучшеній вышло изъ Бельгіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширилась и ея торговля. Въ-слѣдствіе революціи, отпускъ въ 1831 году не превышалъ 104 милліоновъ франковъ; въ 1835 онъ возвысился до 160. Въ 1846 году привозъ для внутренняго потребленія составлялъ 217, а вывозъ туземныхъ издѣлій 149 милліоновъ. Наиболѣе въ этомъ движеніи торговли участвуетъ Антверпенъ, становясь, въ-слѣдствіе своего выгоднаго положенія, колоссальныхъ сооруженій въ гавани, еще воздвигнутыхъ Наполеономъ, и связи съ германскими желѣзными дорогами, изъ года въ годъ болѣе опаснымъ соперникомъ Амстердама и Роттердама. Съ 1828 по 1848 годъ морской оборотъ Антверпенскаго порта удвоился, какъ относительно къ числу судовъ, такъ и тоннъ. Вмѣстѣ съ расширеніемъ промышленности и торговли поправляются также финансы Бельгіи, и бюджетъ доходовъ, составлявшій въ 1831 году 62,976,266 франковъ, въ 1845 увеличился до 121,237,289 франковъ; между-прочимъ, сборъ по таможнѣ усилился втрое. Также народонаселеніе безпрестанно прибываетъ: въ десятилѣтіе съ 1830—1840 въ области Намуръ почти на 12, а въ восточной Фландріи на 5 процентовъ. Въ 1830 году въ Бельгіи считалось 3,760,000, въ 1847—4,335,000 душъ; такъ-что, если принять въ соображеніе, что въ 1839 отъ Бельгіи отдѣлено было 320,000 душъ, прибыль составляла 895,000 душъ.

Успѣхамъ въ матеріальномъ благосостояніи соотвѣтствовали также успѣхи Бельгіи въ наукахъ и изящныхъ искусствахъ, и въ обоихъ этихъ отношеніяхъ она нынѣ занимаетъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ Европѣ. Кромѣ

многочисленныхъ заведеній для разныхъ степеней обученія, — первоначальныхъ училищъ, гимназій и университетовъ, Бельгія имѣетъ въ Брюсселѣ Академію Наукъ, при которой съ 1845 года открытъ особый классъ изящныхъ искусствъ — живописи, ваянія, зодчества, музыки и относящейся къ нимъ литературы. Сверхъ-того, тамъ считается до 63 школъ и академій для обученія живописи, высшему рисованію и архитектурѣ, съ 7,000 учащихся; изъ нихъ особенно замѣчательны Антверпенская Академія, подъ руководствомъ Ваперса, съ 1,500 учениковъ, и Брюссельская, подъ управленіемъ Навеца.

Но, съ другой стороны, вмѣстѣ съ богатствомъ и образованностію, и въ Бельгіи, подобно тому, какъ въ Англіи, быстро возрастаетъ нищенство, и небольшое это государство ежегодно платитъ на поддержаніе своихъ бѣдныхъ отъ 10 до 12 милліоновъ рублей ассигнаціями! (*)

Другой германскій туристъ, г. Коль, издалъ въ 1850 году описаніе своего путешествія по Бельгіи и Голландіи, подъ заглавіемъ:

Reisen in den Niederlanden von J. G. Kohl, Leipzig 1850 Arnoldische Buchhandlung. 2 тома. Въ малую осьмушку.

Кромѣ бѣглыхъ замѣтокъ непродолжительнаго путешествія, которымъ, однако, остроумный авторъ всегда умѣетъ придавать особый интересъ, мы встрѣчаетъ здѣсь также много весьма поучительныхъ свѣдѣній и сближеній, хотя и не должны ожидать какихъ-либо точныхъ статистическихъ данныхъ.

Особенно любопытнымъ намъ показалось общее сравненіе Голландіи съ Бельгіею, изъ котораго приведемъ здѣсь нѣкоторыя отдѣльныя мѣста:

«Географическія, историческія и климатическія отличія и разные оттѣнки и контрасты, производимые сѣверомъ и югомъ въ мірѣ природы и людей, распространяются не только чрезъ всю нашу часть свѣта и бо́льшія ея страны, но даже и на каждую почти отдѣльную область. Мы замѣчаемъ ихъ въ Италіи, сравнивая Неаполь съ Ломбардіею, въ Испаніи, сличая мавританскій югъ съ ка-

(*) По показанію за 1847 годъ, число получившихъ въ Бельгіи милостыню составляло 453,658, а даруемое имъ вспоможеніе доходило до 5,726,912 франковъ.

стильскимъ сѣверомъ, въ Даніи, соображая германскій югъ съ скандинавскимъ сѣверомъ, въ Швеціи, гдѣ югъ болѣе примыкаетъ къ Даніи, а сѣверъ къ Лапландіи. Мы находимъ ихъ и въ Ирландіи, гдѣ сѣверъ своею суровостью напоминаетъ Шотландію, рѣзко отдѣляясь въ срединѣ страны отъ веселаго юга; да и въ самой Шотландіи, въ Англіи и далѣе къ востоку, въ Россіи, мы снова встрѣчаемъ подобные контрасты между югомъ и сѣверомъ.

«Какъ вездѣ, такъ и въ Нидерландахъ, сѣверъ прежде всего можетъ почесться болѣе суровымъ и вмѣстѣ младшимъ, болѣе сильнымъ братомъ юга. Климатъ Голландіи въ сѣверныхъ частяхъ Рейна уже нарочито холоднѣе, чѣмъ климатъ Бельгіи въ болѣе южныхъ частяхъ этой рѣки. Вся масса голландскихъ областей выступаетъ къ сѣверу угломъ, почти въ видѣ полуострова, въ Сѣверное море. Этотъ уголъ подверженъ сѣверо-восточнымъ бурямъ, идущимъ со стороны Ютландіи и Скандинавіи, но вмѣстѣ и сѣвернымъ и сѣверо-западнымъ бурямъ, приходящимъ чрезъ море съ береговъ Англіи. Также со стороны суроваго востока Голландія почти вовсе открыта. Это самый крайній конецъ той сѣверо-германской равнины, которая на востокѣ сливается со степями Польши и Россіи.

«Бельгія, напротивъ-того, и даже Фламандская ея равнина къ югу отъ Рейна и Мааса, гораздо болѣе защищена. Къ сѣверо-западу противъ нея лежитъ Британія, удерживая отъ нея сѣверо-западныя бури. Къ сѣверу самая Голландія прохлаждаетъ первое буйство морскихъ вѣтровъ. Къ востоку вдоль Мааса тянутся отрасли Арденнскаго хребта, а далѣе — средне-германскія горы, оканчивающіяся къ сѣверу Гарцомъ, отдѣляютъ какъ всю средне-рейнскую страну, такъ равно и Бельгію отъ востока и обнимаютъ ихъ, образуя собою оплотъ со стороны славянскихъ степей.

«Такимъ-образомъ страна Шельды (Фламандская Бельгія) въ-сравненіи съ открытою отвсюду Батавіей является какъ бы укрытою въ пазухѣ, и эти-то самыя обстоятельства произвели въ климатическихъ отношеніяхъ обѣихъ смежныхъ странъ бо́льшій контрастъ, чѣмъ незначительная разность въ географической широтѣ, едва лишь превышающая одинъ или два градуса.

«Уже эти климатическія различія какъ-разъ отражаются во всемъ быту страны и ея населенія, въ ея флорѣ, земледѣліи, въ характерѣ ландшафта, въ одеждѣ, обычаяхъ и особенностяхъ жителей. Флора Бельгіи гораздо богаче, не только родами, но и недѣлимыми. Садоводство и сельское хозяйство водворили здѣсь множество деревъ и растеній, неспособныхъ переносить климатъ Голландіи.

«Голландія имѣетъ, сравнительно, гораздо болѣе океаническую, а Бельгія — континентальную природу. Береговая кайма Бельгіи по-крайней-мѣрѣ въ 12 разъ меньше всего развитія морскихъ береговъ Голландіи. По этой причинѣ, лишенная деревъ и растеній полоса земли, вездѣ оказывающаяся вблизи моря, въ Бельгіи только весьма незначительна, между-тѣмъ, какъ на сѣверѣ, въ Голландіи, она вдается внутрь со всѣхъ сторонъ, почти совершенно обнажая этотъ край отъ рощей. Бельгія же сравнительно съ нагою Голландіею является какъ бы настоящимъ царствомъ деревъ и лѣсовъ.

«Фламандцы, правда, много перемѣшаны съ разными южными (романскими) народными стихіями; но, вѣроятно, они, не только въ-слѣдствіе этого, а также и по причинѣ болѣе благораствореннаго, не столь суроваго и ненастнаго своего климата, отличаются отъ своихъ братьевъ, Голландцевъ, бо́льшею веселостью, бо́льшимъ умѣньемъ наслаждаться, легкимъ, поэтическимъ, — однимъ словомъ, болѣе южнымъ темпераментомъ.

«Какъ во всей Европѣ сѣверъ моложе юга, такъ и въ Нидерландахъ, — и это также не мало содѣйствуетъ къ тому, чтобы дать Голландіи физіономію, различную отъ бельгійской. Вездѣ культура съ юга переходила на сѣверъ и грѣла здѣсь гораздо медленнѣе. И какъ на югѣ Италіи и Германіи образованіе нѣсколькими столѣтіями древнѣе, чѣмъ на сѣверѣ этихъ странъ, такъ оно и въ Бельгіи несравненно старѣе, чѣмъ въ Голландіи. Всѣ бельгійскіе города по-крайней-мѣрѣ полувѣкомъ ранѣе основаны, чѣмъ города Голландіи. И Голландцы даже едва еще имѣли города, когда уже давно Брюгге, Антверпенъ, Лёвенъ, Люттихъ пользовались всемірною славой. Значеніе Роттердама, Амстердама, Гаги и т. д. не простирается далѣе четырехъ какихъ-нибудь столѣтій.

«Оттого бельгійскіе города имѣютъ гораздо болѣе историческаго интереса, чѣмъ голландскіе, и послѣдніе менѣе живописны, болѣе прозаичны и единообразнѣе первыхъ.»

Почти не менѣе разительный контрастъ, какъ между Голландіею и Бельгіею, авторъ находитъ и въ послѣдней между Фландріею и Люксембургомъ.

«Фландрія — говоритъ онъ — есть самая западная и лучшая часть Бельгіи, солнечная и, такъ-сказать, лицевая сторона этого королевства, между-тѣмъ, какъ лѣсистый, скалистый, малолюдный Люксембургъ, восточный конецъ Бельгіи, почитается оборотною ея стороною.

«Есть такія небольшія страны, какъ Аттика, Лакедемонъ, швейцарскіе кантоны: Швицъ, Ури, Унтервальденъ, и, наконецъ, Фландрія, въ которыхъ такъ же сосредоточивались духовный свѣтъ и сила человѣческая, какъ въ драгоцѣнныхъ камняхъ — физическій свѣтъ и вещественные газы. Фландрія не больше, какъ миль въ десять длиною и шириною, — итакъ, почти равняется величиною одному изъ 80 департаментовъ Франціи. Но если мы вспомнимъ лучезарную славу этой небольшой землицы, древнихъ графовъ Фландрскихъ и ихъ подвиги на Востокѣ, короны, добытыя ими въ Византіи и Обѣтованной Землѣ, ихъ блестящую жизнь въ главныхъ ихъ городахъ Гентѣ и Брюгге, ихъ связи и войны съ королями французскими и англійскими, съ которыми они ставили себя въ уровень, — если подумаемъ о милліонахъ людей, пользовавшихся здѣсь уже съ тысячу лѣтъ бытіемъ веселымъ, образованіемъ и роскошествомъ, о могучихъ и богатыхъ ея городахъ, о той массѣ дѣятельности, которая тамъ развилась, о той культурѣ, которая разлилась оттуда далеко на сѣверъ, — то по-истинѣ должны сравнить это небольшое графство съ алмазомъ, который сплошь свѣтелъ, прозраченъ и лучезаренъ; а такія большія государства, какъ Франція и Германія, въ-сравненіи съ нимъ, представляются какъ бы огромными массами гранита, извести или другаго какого-либо недрагоцѣннаго вещества.

«Ни одного большаго государства, гдѣ каждая область была бы такъ исполнена жизни, какъ напр. Фландрія, гдѣ каждый кантонъ произвелъ бы такихъ людей, какъ Лакедемонъ или Швицъ, гдѣ каждый городъ былъ бы Аѳинами или Гентомъ, или Брюгге, еще въ мірѣ не существовало; а все это были

только небольшія, тѣсныя общины, въ которыхъ такъ возвышался духъ человѣка и гдѣ геній его производилъ на свѣтъ величайшія свои явленія, точно такъ, какъ и на самомъ земномъ шарѣ никогда цѣлыя обширныя полосы и пространства не воздымались до высоты Монъ-Блана или Чимборассо, а только лишь отдѣльные пункты.»

Для ближайшаго знакомства съ Бельгіею служатъ еще слѣдующія сочиненія:

Description géographique, industrielle, administrative etc. de la Belgique, par E Joudan. Gand 1849. 148 стр. въ 8-шку.

Belgium and the Rhine. By Thomas Ramsay. 2 ed. London 1848. 360 стр. б. 12.

Hoefken, G. Flämisch Belgien 2 Bände. Bremen. 1847.

Voyage en Belgique, dédié au Roi et Conférences sur les divers systèmes d'emprisonnement, par B. Appert. Tome II et dernier. Bruxelles 1849. 328 стр. б. 8. (О первомъ томѣ этой книги было упомянуто въ прежнемъ обзорѣ.)

Belgien, Handbuch für Reisende. Nach eigener Anschauung und den besten Quellen bearbeitet. Mit einer Karte. Koblenz 1850. XXXIV и 271 стр. въ 8-шку.

Англія во все время своего существованія, вѣроятно, никогда не была посѣщена такимъ множествомъ путешественниковъ, какъ въ 1851 году, по случаю того зрѣлища, которое она явила свѣту, вызвавъ въ свою столицу на состязаніе съ собою промышленность всѣхъ націй. Но изъ всего сонма этихъ посѣтителей ни одинъ, сколько намъ извѣстно, не начерталъ такой полной общей картины страны, какія мы имѣемъ изъ прежняго времени (напр., Архенгольца или Геде) (Göde), чего, конечно, и нельзя было ожидать отъ нихъ, потому-что вниманіе ихъ, во время лишь бѣглаго пребыванія въ странѣ, было преимущественно поглощено всемірною выставкою.

Полнѣйшаго и основательнѣйшаго описанія Соединеннаго королевства мы вправѣ ожидать отъ перваго географа нашего времени — Карла Риттера. Посѣтивъ уже въ прежнее время Великобританію, именно съ тѣмъ, чтобы ближе ознакомиться съ физіономіею и физическою природою Шотландіи, онъ намѣренъ былъ въ 1852 году снова тамъ побывать,

предложивъ себѣ на этотъ разъ обратить свое вниманіе на самую Англію и Валлисъ.

Лучшее изъ новѣйшихъ изображеній Англіи вышло изъ-подъ пера одного туземца, г. Вильяма Джонстона, подъ заглавіемъ:

England as It Is: Political, Social and Industrial, in the Middle of the Nineteenth Century. By W. Johnston, Esqu. Barrister at Law. 2 vols. London 1851 Murray.

Имѣя первоначально въ виду рядомъ писемъ ознакомить одного изъ своихъ друзей на материкѣ съ нынѣшнимъ состояніемъ Англіи, авторъ въ-послѣдствіи собралъ эти отдѣльныя статьи въ одно цѣлое. Въ предисловіи онъ оговариваетъ, что отнюдь не думалъ о полнотѣ изображенія; потому-что для этого потребовалось бы не двухъ какихъ-либо томовъ, а цѣлой библіотеки, — но надѣется, что собралъ на этихъ страницахъ изъ многочисленныхъ оффиціальныхъ документовъ значительную массу достовѣрныхъ свѣдѣній о предметахъ, которые могутъ интересовать публицу. И дѣйствительно, книгу его скорѣе можно почесть рядомъ по бóльшей части весьма дѣльныхъ основательныхъ разсужденій, нежели объемлющею картиною современнаго быта Албіона.

Въ началѣ авторъ бросаетъ взглядъ на общій видъ страны. «Если — говоритъ онъ — мы посмотримъ на сельскія части Англіи, то должны сказать, что мало есть такихъ краевъ, для которыхъ природа сдѣлала бы больше, и ни одного, для котораго искусство сдѣлало бы столько. Въ величіи и красотѣ городской архитектуры Англія не можетъ равняться съ континентальными государствами; но нигдѣ въ свѣтѣ сельскія части не могутъ похвастать такою прекрасною воздѣлкою. Въ нѣкоторыхъ менѣе живописныхъ округахъ тщательная обработка и разсадка растеній произвела своего рода прелесть, между-тѣмъ, какъ въ рамантическихъ странахъ, съ немногими только исключеніями дурнаго вкуса, въ цѣлости очарованіе естественной красоты еще возвышено присоединеніемъ разныхъ строеній, удобствъ и приспособленнаго къ мѣстностямъ искусства. Такимъ-образомъ, смотримъ ли мы на горы Вестморленда, отличающіяся прелестнымъ разнообразіемъ въ оттѣнкахъ зелени, или посѣщаемъ южныя прибрежныя части, омываемыя моремъ, мы вездѣ встрѣчаемъ

такія красоты, которыми развѣ превосходятъ насъ Швейцарія и Италія, и такое разнообразіе, какого не являютъ даже эти страны.»

И дѣйствительно, всякій, кто посѣтилъ Англію прежде введенія въ ней желѣзныхъ дорогъ, можетъ свидѣтельствовать о дивной красотѣ тамошнихъ ландшафтовъ, о тихой, очаровательной прелести разбросанныхъ, какъ бы рукою художника, мызъ, садовъ, рощей и цѣлыхъ селеній и о плѣняющей взоры гармоніи воздѣланныхъ съ особеннымъ тщаніемъ и искусствомъ и отдѣленныхъ одно отъ другаго живыми изгородами полей. Все это, вмѣстѣ съ рѣдкимъ изобиліемъ деревъ, дикихъ цвѣтовъ и травъ, придаетъ Англіи болѣе всякой другой страны видъ цвѣтущаго парка, и потому авторъ не безъ основанія могъ сказать въ концѣ этой главы своей, что, не-смотря на случайную суровость и сырость климата, можетъ-быть немногія страны въ свѣтѣ доставляютъ человѣку такое наслажніе повседневнымъ сношеніемъ съ природою на открытомъ воздухѣ. Однажды выйдя изъ дымныхъ, суетливыхъ городовъ, вездѣ видишь себя окруженнымъ видами, удовлетворяющими взоры и душу.»

Въ какой мѣрѣ въ Англіи распространено воздѣланіе земли, объ этомъ можно судить по таблицѣ, приведенной авторомъ изъ книги извѣстнаго статистика Портера: Progress of the Nation. Изъ всей земли Соединеннаго королевства, простирающейся до 77,394,433 акровъ, 46,522,970 состоятъ подъ какого-либо рода культурою, и въ томъ числѣ 19,135,990 акровъ подъ пашнями и садами, 27,386,980 подъ лугами, пастбищами и топями, 15,000,000 акровъ еще не воздѣланы, и почти такое же количество неспособны къ воздѣлкѣ. Въ самой Англіи на 32,342,400 акровъ приходится 25,632,000 воздѣланной, 3,454,009 невоздѣланной и 3,256,000 неспособной къ воздѣлкѣ земли.

Въ показаніяхъ годичной производительности земли въ Великобританіи статистики—различнаго мнѣнія. Портеръ оцѣниваетъ ее въ 300 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ, Спекманъ (Spackman) только въ 250 милліоновъ, въ томъ числѣ 22 милліона четвертей (quarters) пшеницы по 60 шиллинговъ четверть = 66 милл. ф. стерл. и 34 милліона четвертей всякаго прочаго зерна по 30 шиллинговъ четверть = 51 милл. ф.

стерл. Полагаютъ, что если бы все количество способной почвы было воздѣлано соотвѣтственно современному состоянію земледѣлія, то она могла бы поддерживать населеніе втрое большее противъ нынѣшняго. Теперь же, по парламентскимъ донесеніямъ, оказывается, что съ 1814 по 1846 годъ, въ средней сложности, ежегодно привозилось до 1 милліона четвертей иностранной пшеницы молотой и въ зернѣ.

По замѣчанію автора, въ послѣднія 40 лѣтъ замѣтно въ Англіи увеличеніе большихъ поземельныхъ владѣній, между-тѣмъ, какъ тысячи мелкихъ владѣльцевъ продали свои поля и нынѣ остаются только во владѣніи домовъ и садовъ. Вообще, по его мнѣнію, въ Англіи наиболѣе ощутителенъ недостатокъ въ среднемъ классѣ поземельныхъ владѣльцевъ, которые сами воздѣлывали бы свои земли, проживая въ нихъ цѣлый годъ. Сельское хозяйство въ послѣдніе годы въ Англіи представляло гораздо менѣе выгодъ, чѣмъ можно было бы предполагать по употребленнымъ на него усиліямъ, и богатства гораздо болѣе накопляются въ сословіи прочихъ промышленниковъ, нежели земледѣльцевъ.

И въ-самомъ-дѣлѣ, мы видимъ уже съ нѣкотораго времени чрезвычайно быстрое пріумноженіе класса промышленниковъ въ-сравненіи съ земледѣльцами. По счисленію 1831 года, изъ числа 5,812,276 душъ мужескаго пола въ возрастѣ 20 лѣтъ и свыше, въ Великобританіи и Ирландіи было не болѣе 430,063 мануфактуристовъ, а земледѣльцевъ въ Великобританіи 1,243,057, въ Ирландіи 1,227,054, итого 2,470,111. Въ одно десятилѣтіе пропорція эта совершенно измѣнилась, и въ 1841 году оказалось лицъ обоего пола, занятыхъ въ Великобританіи и Ирландіи земледѣліемъ, 3,344,207, а торговлею и мануфактурами — 3,854,857. (*)

Вообще Англія употребляетъ всѣ усилія привести въ извѣстность, съ одной стороны, свои собственные источники богатства, а съ другой средства также тѣхъ странъ, съ которыми она состоитъ въ связяхъ. Въ первомъ отношеніи мы укажемъ здѣсь на вышедшее года четыре тому назадъ, третьимъ исправленнымъ и пополненнымъ изданіемъ, сочи-

(*) Къ сожалѣнію, статистическія таблицы въ Англіи не составляются по одинаковому плану, а поэтому съ трудомъ могутъ быть сличаемы между собою.

неніе знаменитаго статистика Мекъ-Коллока о физическихъ, нравственныхъ и промышленныхъ силахъ Британіи:

A Descriptive and Statistical Account of the British Empire: exhibiting its extent, physical capacities, Population, Industry and Civil and Religious Institutions. By J. R. M'Culloch, Esqu. London 1849 Longman 2 vols. demy 8-vo.

А во второмъ — на издаваемыя, по порученію и подъ покровительствомъ самого Парламента, другимъ, также извѣстнымъ статистикомъ, Мекъ-Грегоромъ, документы относительно къ торговлѣ, источникамъ богатства и пр. разныхъ иностранныхъ государствъ. Сочиненіе это напечатано въ двоякомъ видѣ: во-первыхъ, въ форматѣ парламентскихъ актовъ, т. е. инфоліо, и по той же самой дешевой цѣнѣ, какъ эти акты, подъ заглавіемъ:

Commercial tariffs, regulations, ressources and trade of the several states of Europe and America. (Этого изданія по 1849 годъ вышло 21 часть);

а во-вторыхъ, въ осьмушку, подъ заглавіемъ:

Commercial Statistics. By John Macgregor, Esqu. M. P. London Whitaker. Изданіе, которое въ 1851 году довершено пятымъ томомъ.

Авторъ, состоя самъ однимъ изъ главныхъ членовъ Департамента Торговли (Board of Trade), имѣлъ доступъ не только ко всѣмъ хранящимся въ этомъ вѣдомствѣ въ большомъ изобиліи оффиціальнымъ документамъ и свѣдѣніямъ, но, вѣроятно, также къ донесеніямъ консуловъ и посланниковъ, накопившихся въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ, а сверхъ-того пользовался и многими частными источниками и описаніями путешествій. Главною его задачею было объяснить состояніе торговли и промышленности разныхъ державъ Европы и Америки, преимущественно въ отношеніи къ Англіи, но, кромѣ-того, онъ входитъ въ разсмотрѣніе также географическаго положенія, источниковъ, политическаго быта и т. д. каждой страны порознь.

Впрочемъ, англійскіе критики укоряютъ его, что онъ не извлекъ всей пользы, какую бы можно было, изъ неистощимаго запаса имѣвшихся у него подъ рукою матеріаловъ, и что хотя трудъ его заключаетъ въ себѣ множество драгоцѣнныхъ свѣдѣній, которыхъ едва ли можно найти гдѣ-либо иначе, но

не всѣ его части отдѣланы съ одинаковымъ тщаніемъ и съ надлежащею критикою, а въ-слѣдствіе этого на ряду съ самыми точными и оффиціальными данными у него встрѣчается довольно вовсе невѣрныхъ и ненадежныхъ. Соображая всю трудность собиранія подобныхъ свѣдѣній, нельзя, однакожь, не поблагодарить автора и за то, что́ онъ исполнилъ, и не пожелать, чтобы ему удалось исправить недостатки своего сочиненія при слѣдующемъ его изданіи.

Если Англія приводитъ насъ въ изумленіе неимовѣрно быстрымъ своимъ развитіемъ, то этого нельзя сказать о состоящей съ нею подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ Ирландіи. Вообще страна эта принадлежитъ къ самымъ загадочнымъ въ Европѣ. Заключая въ себѣ самой въ обильной мѣрѣ всѣ естественныя условія процвѣтанія, она тѣмъ не менѣе, отъ стеченія обстоятельствъ, уже цѣлыя столѣтія стонетъ подъ бременемъ отчасти мнимыхъ, отчасти дѣйствительныхъ бѣдствій. Много въ новѣйшее время было писано для объясненія этого страннаго явленія; но одна изъ самыхъ дѣльныхъ книгъ объ этомъ предметѣ есть вышедшее въ 1848 году третьимъ изданіемъ сочиненіе извѣстнаго статистика Монтгомери Мартина:

Ireland before and after the Union with Great-Britain. By R. M. Martin Esqu. Third edition. London 1848.

Здѣсь съ многоразличныхъ сторонъ разбирается уже столь часто возникавшій вопросъ: было ли бы желаемое одною партіею въ Ирландіи расторженіе уніи съ Англіею и возстановленіе мѣстнаго парламента въ Дублинѣ, дѣйствительною панакеей противъ терзающихъ эту страну ранъ. Опираясь на сдѣланныя имъ на самомъ мѣстѣ изслѣдованія, знаменитый статистикъ рѣшительно отрицаетъ это, доказывая, напротивъ-того, что Ирландія со времени слитія (въ 1840 году) не только не пришла въ упадокъ, а именно тѣснѣйшему своему союзу съ Великобританіею обязана многими выгодами и благодѣяніями, которыми могла бы воспользоваться еще въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, если бы не была въ-теченіе столь многихъ лѣтъ злоумышленно волнуема такъ-называемою *агитаціею*.

Изслѣдованія г. Мартина привели его къ тому убѣжденію:

Во-первыхъ, что ни мореплаваніе, ни торговля, ни мануфактуры Ирландіи не выиграли во время существованія тамъ отдѣльнаго парламента; а напротивъ, это самое нанесло имъ только существенный ущербъ.

Во-вторыхъ, что со времени политическаго и коммерческаго соединенія Ирландіи съ Великобританіею первая значительно преуспѣла въ своемъ судоходствѣ, торговлѣ и промышленности, какъ то явствуетъ изъ увеличенія числа судовъ, усиленія привоза и отпуска, умноженія таможеннаго дохода и изъ оффиціальныхъ отчетовъ о состояніи фабрикъ, мануфактуръ и пр.

Изъ этихъ двухъ посылокъ статистикъ выводитъ заключеніе, что благоденствіе Ирландіи существенно зависитъ отъ дальнѣйшаго поддержанія уніи.

Но, предположивъ даже — продолжаетъ авторъ послѣ этого убѣдительнаго силлогизма — что унія была въ-самомъ-дѣлѣ причиною помянутыхъ золъ, то все же, для блага общаго, лучше устранить существующія недоразумѣнія практическими мѣрами, нежели снова разлучить оба народа, потому-что Англія можетъ только выиграть оттого, если братски связанный съ нею островъ будетъ счастливъ и доволенъ.

Какъ мѣры для отвращенія бѣдствій и поправленія быта Ирландіи, онъ предлагаетъ: осушеніе и разработку обширныхъ болотъ и пустырей внутри острова, введеніе благоразумной банковой системы по образцу шотландской, вмѣстѣ съ увеличеніемъ вкладочныхъ капиталовъ, переселеніе неимущихъ жителей въ большомъ размѣрѣ въ разныя британскія колоніи, развитіе вспомогательныхъ источниковъ края (между-прочимъ усовершенствованіе льнянаго промысла), преобразованіе законовъ относительно къ поземельному владѣнію и утвержденіе взаимныхъ соотношеній владѣльцевъ и ихъ арендаторовъ. Для приведенія въ дѣйствіе всѣхъ этихъ мѣръ, замѣчаетъ авторъ, отнюдь не нужно уничтоженія уніи.

Вслѣдъ за тѣмъ г. М.-Мартинъ нѣсколько подробнѣе входитъ въ размотрѣніе каждой изъ предлагаемыхъ имъ мѣръ; а какъ это изложеніе бросаетъ не мало свѣта на нынѣшнее состояніе этой любопытной страны, то мы постараемся представить ихъ здѣсь, хотя въ самомъ сжатомъ видѣ.

Одно изъ главнѣйшихъ средствъ къ спасенію Ирландіи авторъ видитъ въ воздѣлываніи болотъ. Топи эти занимаютъ тамъ огромное пространство 2,830,000 акровъ. Издержки осушенія цѣнятся по 10 шиллинговъ на акръ, что̀ составило бы на все пространство болотъ 1,500,000 фунт. стерл. (около 10 милліоновъ рублей серебромъ). На воздѣлку осушенной земли сверхъ-того еще пойдетъ около 5 фунт. стерлинговъ на акръ. Топи эти главнѣйше принадлежатъ большимъ поземельнымъ владѣльцамъ, а поэтому рождается вопросъ: выгоднѣе ли казнѣ пріобрѣсть участки въ свое владѣніе, воздѣлать ихъ на свой счетъ, а потомъ снова распродать, или же предоставить осушку и обработку земли самимъ владѣльцамъ, давая имъ заимообразно вспоможеніе? Г. Монтгомери-Мартинъ того мнѣнія, что не худо было бы правительству въ этомъ сдѣлать хотя починъ; потребную же на то сумму онъ предлагаетъ собрать выпускомъ билетовъ Казначейства (Exchequer Bills), исключительно назначенныхъ для обращенія въ Ирландіи и принимаемыхъ со стороны казны въ уплату всѣхъ тамошнихъ податей и сборовъ.

Изъ числа мѣръ, могущихъ вести къ развитію промышленности острова, авторъ выше всего ставитъ поощреніе льнянаго промысла, который онъ вообще, ссылаясь на собранныя имъ данныя, считаетъ однимъ изъ выгоднѣйшихъ занятій для тамошняго народонаселенія. Но, сверхъ-того, Ирландія обладаетъ неизсякаемыми источниками богатства въ своихъ рудникахъ и угольныхъ копяхъ.

Хорошо устроенная система переселенія, по мнѣнію г. М.-Мартина, можетъ принести пользу въ двоякомъ смыслѣ: Ирландія избавилась бы тѣмъ отъ излишка своего населенія, которое возрастаетъ несравненно быстрѣе, чѣмъ умножаются средства къ его пропитанію; а британскія колоніи, гдѣ столько нуждаются въ работникахъ и неизмѣримыя пространства только поджидаютъ къ себѣ рукъ человѣческихъ, воспріяли бы отъ прибытія туда большаго числа поселенцевъ новый полетъ. «Стыдно для государства — выражается авторъ — ежегодно изгонять отъ себя цѣлые легіоны голодныхъ нищихъ, какъ напр. въ 1847 году, когда изъ Ирландіи выселилось до 300,000 человѣкъ, — ни мало не заботясь о томъ, погибнутъ ли они въ волнахъ океана, или, достигнувъ отдаленной части

свѣта, послужатъ приращеніемъ другой націи, которая завидуетъ намъ и съ нетерпѣніемъ ждетъ нашего упадка.»

О народонаселеніи Ирландіи у автора встрѣчаются очень дѣльныя замѣтки. Мы видимъ, между-прочимъ, что оно составлено изъ весьма различныхъ стихій. На западѣ и югѣ преобладаетъ милетское племя, съ черными волосами и сверкающими черными глазами, съ красивымъ овальнымъ лицемъ и благообразнымъ, но вмѣстѣ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; въ среднихъ и горныхъ областяхъ — кельтское племя, съ высокими скулами, круглымъ лицемъ, сѣрыми глазами, темно-русыми косматыми волосами и мускулёзнымъ тѣломъ, небольшаго роста; на востокѣ и на сѣверѣ — саксонское, племя съ высокими бровями, широкимъ мужественнымъ лицемъ, съ свѣжимъ румянцемъ, голубыми глазами, прозрачной кожею, рыжеватыми или желтоватыми волосами и сильнымъ сложеніемъ. Но, кромѣ-того, есть еще оттѣнки племенъ датскаго, норманскаго и проч. Всѣ они болѣе или менѣе перемѣшались между собою, оттѣняя нерѣдко въ одномъ и томъ же самомъ недѣлимомъ физическія, нравственныя и умственныя отличія разныхъ прародителей, смотря по различію климата, пищи и образа жизни.

Жители сѣверной Ирландіи (Ульстера) совершенно различны отъ обитателей южной (Мюнстера), а съ другой стороны — жители Коннота (Connaught, напр. въ городѣ Майо) отъ обитателей Лейнстера (напр., въ Вексфордѣ или Карло); даже въ населеніи смежныхъ между собою графствъ Коркскаго и Керрійскаго замѣтенъ разительный контрастъ. Жители послѣдняго славятся бо́льшимъ остроуміемъ, умомъ и вообще даровитостью, чѣмъ жители перваго, которые, съ своей стороны, признаются лучшими землядѣльцами, торговцами и работниками, нежели ихъ сосѣди. Но самое разительное различіе существуетъ между жителями Ульстера, или «Сѣверянами» (Northerns), какъ ихъ обыкновенно зовутъ, и всѣми прочими обитателями Ирландіи. Живя въ сравнительно безплодной странѣ и суровомъ климатѣ и не пользуясь ни благопріятнымъ географическимъ положеніемъ, ни природными выгодами, они отличаются своимъ богатствомъ, ловкостью, смышленостью и душевными качествами. Но, между-тѣмъ, они тѣ же Ирландцы по рожденію и наслѣдственному

происхожденію болѣе двухъ столѣтій и состоятъ подъ тѣми же законами и учрежденіями и подъ тѣмъ же самымъ правительствомъ, какъ и прочіе ихъ единоземцы. Страна ихъ населеннѣе самыхъ плодородныхъ частей Ирландіи: число жителей простирается до 2,316,373. Физическое ихъ сложеніе мужественное; ихъ честность и правдолюбіе обратились въ пословицу, и одному слову ихъ вѣрятъ болѣе, нежели клятвамъ ихъ южныхъ собратій. Здѣсь, по-видимому, совершилось самое счастливое сліяніе трехъ британскихъ національностей: жители Ульстера соединяютъ въ себѣ въ высокой степени развязность и торговую дѣятельность Шотландца, настойчивую предпріимчивость и неукротимую самонадѣянность Англичанина, пылкость чувствованій и великодушіе Ирландца. (*)

Что же касается до жителей южной и западной Ирландіи, то они вообще менѣе образованы, но одарены острымъ, смѣтливымъ умомъ и, при всей переметчивости своего характера, столько же тверды и пылки въ любви, сколько люты и свирѣпы въ ненависти, великодушны, гостепріимны и жалостливы къ несчастнымъ. Не-смотря на сильное религіозное чувство, они очень суевѣрны; столько же тщеславны, сколько горды, склонны къ гиперболѣ; легко возбуждаемые и столь же скоро унывающіе, они болѣе слѣдуютъ голосу страсти, нежели разсудка, и, подъ предлогомъ религіи или патріотизма, могутъ быть доводимы до самыхъ странныхъ поступковъ; порою способны къ перенесенію большихъ трудовъ, но лишены настойчивости; страстные охотники до дивныхъ и волшебныхъ разсказовъ и вообще скорѣе увлекаются даже превратнымъ идеаломъ, нежели практическою какою-либо цѣлью.

Во всѣхъ этихъ чертахъ мы видимъ характеръ юга: людей съ преобладающимъ воображеніемъ и чувствомъ (**), а

(*) Корпусъ королевско-британской артиллеріи главнѣйше составленъ изъ людей этой сѣверной части Ирландіи.

(**) Въ британскомъ флотѣ и арміи южные и западные Ирландцы славятся пылкою своею храбростью, вѣрностью и покорностью, если только не поперечатъ ихъ наклонностямъ. Въ большихъ мануфактурахъ сѣверной Англіи нынѣ предпочитаютъ ирландскихъ работниковъ за ихъ трезвость и подчиненность.

поэтому прямо противоположныхъ болѣе положительнымъ ихъ собратьямъ на сѣверѣ острова.

Естественно, что съ такимъ пылкимъ темпераментомъ сопряжены и своего рода недостатки: мстительность, буйство, непримиримая ненависть и всѣ преступленія необузданныхъ страстей. Но эти преступленія происходятъ не отъ алчности или низкихъ вожделѣній, а отъ убѣжденія въ дѣйствительныхъ или мнимыхъ обидахъ.

Будучи привязанъ къ домашней жизни, Ирландецъ почтителенъ къ своимъ родителямъ, а Ирландка въ исполненіи своихъ обязанностей примѣрна.

Имена Ирландцевъ по справедливости сіяютъ во всѣхъ высшихъ отрасляхъ человѣческаго знанія и искусства. Здѣсь стóитъ только напомнить двоихъ братьевъ Веллеслея и Веллингтона, Бурке, Каннинга, Кастльрэ и Гучиссона, Свифта, Стерна, Гольдсмита, Шеридана и Мура.

Изложеніе свое г. М.-Мартинъ оканчиваетъ слѣдующими примирительными словами:

«Все, что обличаетъ или затрудняетъ долю Ирландіи, въ равной мѣрѣ оказываетъ свое дѣйствіе и по сю сторону канала, отдѣляющаго оба острова, жителей которыхъ отнюдь не должно считать отдѣльными народами, съ различными, взаимно противоположными интересами. Законодательное и соціальное ихъ сліяніе полагаетъ конецъ всѣмъ уклончивымъ направленіямъ той или другой націи, и я считаю весьма неблагоразумнымъ дѣломъ представлять Ирландцевъ въ какомъ бы то ни было видѣ противниками Англіи, — разглагольствовать и писать о нихъ: «будто они всѣ безпечны, нерадивы, ненадежны, всѣ не иное что, какъ нищіе, бродяги, мятежники, лишь только выжидающіе мгновенія, чтобы отторгнуться отъ Великобританіи. Такой языкъ на обоихъ островахъ можетъ оказывать только вредное вліяніе. По моему мнѣнію, Ирландцы, вообще говоря, трудолюбивы, довольны малымъ, честны, миролюбивы и вѣрны. Но, къ несчастію, между низшими слоями ирландскаго населенія преобладаютъ въ высокой степени бѣдность и недостатокъ, которымъ, впрочемъ, можно пособить мѣрами, независимыми отъ прекращенія уніи и отторженія отъ метрополіи.»

Подобный же примирительный характеръ имѣетъ и другое сочиненіе одного безъименнаго автора объ Ирландіи:

The Saxon in Ireland; or the Rambles of an Englishman in search of a settlement in the West of Ireland. With Frontispice and Map. London 1851. Murray.

Но сочиненіе это представляетъ для насъ еще другой интересъ. Въ такое время, когда широкій потокъ переселенія безостановочно разливается изъ Ирландіи, какъ и изъ всѣхъ частей Соединеннаго королевства, въ Австралію, Канаду и Соединенные Штаты Сѣверной Америки, любопытно слышать голосъ Англичанина, который вызываетъ своихъ соотчичей переселиться не въ Новый Свѣтъ, а въ покидаемую собственными своими чадами Ирландію. Обозрѣвъ весь западный берегъ острова, съ цѣлью избрать себѣ тамъ выгодный для поселенія уголокъ, безъименный авторъ сказанной брошюры остановился на городѣ Галвеѣ (Galway) и его окрестностяхъ, которымъ онъ въ недальнемъ времени предвѣщаетъ самую блестящую будущность. И въ-самомъ-дѣлѣ, если состоится предполагаемое въ Союзныхъ Штатахъ соединеніе Нью-Іорка съ Галифаксомъ въ Новой Шотландіи, а съ британской стороны исходною точкою сообщенія принятъ будетъ Галвей на западномъ берегу Ирландіи, то переправа чрезъ Атлантическій океанъ сократится четырьмя днями, и тогда всѣ сношенія съ Сѣверною Америкою будутъ производиться чрезъ Ирландію.

Послушаемъ самого автора насчетъ выгодъ положенія Галвея и тѣхъ важныхъ построекъ, которыя сооружаются въ его непосредственномъ сосѣдствѣ. Намекнувъ о сходствѣ Галвея съ Севильею, — вѣроятно, въ-слѣдствіе значительныхъ торговыхъ связей Ирландіи съ Испаніею въ прежніе вѣка, — онъ продолжаетъ:

«Что же касается до выгодъ внѣшней и внутренней торговли, Галвей мало найдетъ себѣ соперниковъ въ свѣтѣ. Къ югу онъ обладаетъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ заливовъ въ цѣломъ мірѣ, представляющимъ ближайшее сообщеніе съ Америкою; къ югу онъ вскорѣ широкимъ каналомъ приведенъ будетъ въ связь съ озеромъ Коррибомъ (Lough Corrib), а по довершеніи другаго канала чрезъ Конгъ въ озеро Маскъ (Lough Mask) откроется водное сообщеніе верстъ

на 60 во внутрь страны, и тысячи акровъ плодородной, по доселѣ почти вовсе непроизводительной земли будутъ сближены съ хорошими рынками. Озеро Коррибъ, въ $40\frac{1}{2}$ версты длиною и въ 50,000 акровъ пространствомъ, усѣяно притомъ плодоносными островами и имѣетъ около 90 верстъ берега. Озеро Маскъ, съ другимъ, меньшимъ озеромъ Карра (Lough Carra), покрываетъ собою около 25,000 акровъ и имѣетъ съ 15 верстъ длины. Одного взгляда на карту достаточно, чтобы убѣдиться во всей важности этого предпріятія.»

Авторъ въ восторгѣ отъ очаровательныхъ видовъ ирландской природы. «Ландшафты на западѣ Ирландіи — говоритъ онъ — отличаются такою свѣжестью, такимъ непрерывнымъ разнообразіемъ, такимъ сліяніемъ нѣжнаго съ величавымъ, что, по мнѣ, едва ли можно отыскать мѣсто, болѣе вожделѣнное для поселенія въ цѣломъ мірѣ.» И мы должны ему повѣрить на-слово, потому-что онъ, какъ по всему видно, разборчивъ насчетъ красотъ природы.

«Я очень постигаю — говоритъ онъ далѣе — что люди съ пылкимъ воображеніемъ никогда не рѣшатся основать себѣ жилище на плоскихъ равнинахъ Голландіи или Линкольншира, сколько бы разительны ни были выгоды въ-слѣдствіе тучности почвы и благопріятности коммерческаго положенія.»

Но въ Ирландіи къ очаровательности озеръ и горныхъ видовъ присоединяется еще чрезвычайное плодородіе почвы, и авторъ неоднократно выражаетъ большія надежды насчетъ будущности этого острова.

Что̀, однако, для насъ всего любопытнѣе, это отзывъ Англо-Саксонца о самихъ Ирландцахъ, — отзывъ, совершенно согласный съ прежде нами приведеннымъ мнѣніемъ о нихъ Монтгомери-Мартина.

«Проѣзжая дорогою, окаймляющею западный берегъ озера Корриба — пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ, — я остановился для наблюденія работы нѣсколькихъ артелей поденьщиковъ, занятыхъ копаніемъ широкаго и глубокаго канала, который, какъ прежде было замѣчено мною, назначенъ пропускать суда съ значительнымъ грузомъ изъ Галвейскаго залива въ отдаленнѣйшія части озеръ Корриба и Маска. Всматриваясь, какъ бодро эти дюжіе работники разрушали тѣ преграды, которыя природа столь долгое время противопоставляла

успѣхамъ промышленности, я убѣдился въ неосновательности взводимыхъ на Ирландцевъ саксонскими ихъ сосѣдями укора въ лѣности. Стóитъ только посмотрѣть, какъ эти бѣдные люди работаютъ, стоя по колѣни въ водѣ и грязи, пытая свои силы о самый крѣпкій камень, и непремѣнно удостовѣришься въ томъ, что причиною этихъ общественныхъ золъ, которыя всюду поражали меня на моемъ пути, отнюдь не должно считать недостатокъ тѣлесныхъ силъ или трудолюбія. Что Ирландецъ можетъ работать, и притомъ хорошо, и что онъ будетъ рачителенъ, если только представятся настоящее къ тому побужденіе и надежда на воздаяніе за его труды, въ этомъ я нисколько не сомнѣваюсь, видѣвъ передъ собою это зрѣлище. И какъ онъ при всемъ томъ веселъ! Это являло мнѣ странную и, скажу даже, благопріятную для Ирландца противоположность съ грубымъ своеволіемъ и заносчивостію нашихъ англійскихъ работниковъ по большимъ дорогамъ. Развитіе промышленности этихъ прекраснѣйшихъ областей есть самая дѣйствительная мѣра, какую только можно было принять для возрожденія Ирландіи.»

Въ другомъ мѣстѣ, авторъ изъясняется насчетъ способностей Ирландцевъ слѣдующимъ образомъ: «У нихъ, вообще говоря, нѣтъ недостатка ни въ дарованіяхъ, ни въ смышлености. Въ мои поѣздки я встрѣтилъ бóльшее число людей свѣдущихъ, чѣмъ даже обыкновенно встрѣчалъ въ своей отчизнѣ. Это частію, можетъ-быть, происходитъ оттого, что народъ здѣсь вѣжливѣе и сообщительнѣе, чѣмъ у насъ. Въ путешествіи Ирландецъ самый пріятный сотоварищъ и неистощимъ въ тѣхъ небольшихъ учтивостяхъ и въ той заботливой внимательности (attentions), особенно къ иностранцу, недостатокъ которыхъ столь часто замѣтенъ въ сынахъ Альбіона. Я никогда не повѣрю, чтобы Англичанъ въ-самомъ-дѣлѣ не любили въ Ирландіи: каждая миля впередъ удостовѣряетъ путешествующаго въ противномъ тому. Въ бытность мою въ Коннемарѣ я слышалъ всеобщее сожалѣніе, изъявленное мнѣ лицами всѣхъ сословій, о томъ, что Англичане не купили помѣстьевъ Мартина (the Martin Estates). «Все, чтó намъ нужно — сказалъ мнѣ одинъ свѣдущій ѳермеръ — это англійскій капиталъ, англійская оборотливость и — присовокупилъ онъ съ нѣкоторою важностью — чтобы бѣдный человѣкъ всегда могъ на-

дѣяться на хорошую задѣльную плату за дневной трудъ свой. И это-то, по-видимому, главное зло въ здѣшнемъ краю: владѣльцы, вообще говоря, или безъ большаго достатка, или вовсе лишены капитала, а оттого народу нѣтъ работы.» Далѣе авторъ замѣчаетъ: «въ чемъ наиболѣе нуждается Ирландія, это приливъ такихъ владѣльцевъ (yeomen), которые бы сами обработывали свои земли, полагаясь на собственныя свои средства.»

И подлинно, судя по новѣйшимъ событіямъ въ этой странѣ, кажется, то время уже не отдаленно, когда это сбудется на самомъ дѣлѣ. Неимущій классъ съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе покидаетъ свою родину, и она заново заселяется болѣе зажиточными и болѣе предпріимчивыми обитателями саксонскаго племени. Между-тѣмъ, и сами ирландскіе мызники, убѣдясь въ выгодности обработыванія земли, особенно при нынѣшнихъ высокихъ цѣнахъ хлѣба, съ новымъ рвеніемъ принялись за эту отрасль, и можно надѣяться, что ирландское земледѣліе скоро оправится отъ своего изнеможенія.

Одинъ германскій туристъ, уже извѣстный своими путешествіями по Бельгіи и Италіи, а нынѣ объѣзжающій Ирландію, сообщаетъ намъ слѣдующія самыя свѣжія и любопытныя подробности о быстромъ распространеніи тамъ желѣзныхъ дорогъ. (*)

«Еще десять лѣтъ тому назадъ единственныя желѣзныя дороги въ Ирландіи были изъ Дублина къ обѣимъ оконечностямъ прекраснаго Дублинскаго залива на сѣверъ въ Гоутъ (Howth), а на югъ въ Дальки (Dalkey), и другая, немного большая — въ Дрогтеду. Нынѣ же изъ Дублина можно прямо проѣхать въ Коркъ (около 180 верстъ). Боковая линія ведетъ въ Лиммерикъ и скоро, пересѣкая главный трактъ, будетъ простираться до Клонмелля и Вестфорда. Другая отрасль идетъ изъ Кильдара въ Карло (Carlow) и оттуда продолжится на юго-востокъ въ Вексфордъ, а на юго-западъ также въ Ватерфордъ. Дорога отъ Корка до Брандона уже отчасти открыта сообщенію. Съ іюля мѣсяца 1851 года ѣздятъ на рельсахъ изъ Дублина въ Галвей, итакъ чрезъ самую середину Ирлан-

(*) Адольфъ Гельферихъ, письма котораго объ Ирландіи печатались въ «Allgemeine Zeitung» 1852 года.

діи. Дорога отъ Дублина въ Бельфастъ также почти вся окончена, а другая — отъ Дублина до Лондондерри, уже отчасти готова; сверхъ-того предположено соединить рельсами между собою еще города Галвей и Бельфастъ.»

Какое вліяніе всѣ эти сооруженія, вмѣстѣ съ вышеупомянутою постройкою каналовъ, должны оказать въ непродолжительномъ времени на оживленіе промышленности и вообще матеріальнаго блага Ирландіи, объ этомъ излишне было бы долѣе распространяться.

А между-тѣмъ эмиграція изъ Ирландіи возрастаетъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и современемъ должна произвести совершенную перемѣну въ тамошнемъ общественномъ бытѣ вообще. На ряду съ уменьшеніемъ числа Ирландцевъ-католиковъ, которые наиболѣе переселяются на чужбину, водвореніемъ Англо-Саксонцевъ увеличивается число протестантскихъ обывателей острова. Въ 1822 году итогъ жителей Ирландіи составлялъ 8 милліоновъ, въ 1841 году 8,157,000 душъ, и въ томъ числѣ не болѣе 1,900,000 протестантовъ. Десять лѣтъ спустя, въ 1851 году, положеніе дѣлъ совершенно измѣнилось: общій итогъ, главнѣйше въ-слѣдствіе переселенія, а вмѣстѣ и отъ дѣйствія холеры, картофельной болѣзни и нищеты, уменьшился до 6,500,000 душъ: итакъ, въ 10 лѣтъ убыло не менѣе одной четверти всего люда, и уже считалось до 3,000,000 протестантовъ; такъ-что католическое населеніе превышало протестантское только полумилліономъ. Полагаютъ, что изъ числа 1,600,000 человѣкъ, покинувшихъ Соединенное королевство, вообще съ 1841 по 1851 годъ было до 1,000,000 однихъ Ирландцевъ. Въ одномъ 1851 году ихъ вышло въ разныя страны 257,072. (*)

Неоднократно было замѣчено, какъ странное явленіе въ характерѣ Ирландца, что онъ обыкновенно вовсе измѣняется съ переходомъ подъ другое небо. Въ своей отчизнѣ и

(*) Въ Союзныхъ Штатахъ Сѣверной Америки нынѣ (1850) считается до 2,000,000 Ирландцевъ католическаго исповѣданія и, можетъ-быть, не меньше англо-саксонскаго происхожденія. Въ показаніи, изъ котораго мы заимствовали послѣднее данное, значится Шотлэндцевъ и Ирландцевъ англо-саксонскаго происхожденія вмѣстѣ 2,200,000. Сверхъ-того много Ирландцевъ селится въ самой Англіи и Шотландіи: въ одномъ Лондонѣ ихъ считается до 280,000, въ Манчестерѣ 130,000, въ Гласговѣ 65,000.

даже въ большихъ городахъ Англіи Ирландцы составляютъ собою какъ бы особое, несливающееся съ другими племя, подобно, какъ Евреи на чужбинѣ или Цыгане въ Индіи; но, однажды перейдя въ Америку или Австралію, они становятся менѣе празднолюбивыми, менѣе несвѣдущими, менѣе сварливыми и не столь безпечными насчетъ будущности, какъ на своей родинѣ. Это можно подтвердить свидѣтельствами и самыхъ новѣйшихъ путешественниковъ: приведемъ здѣсь только одно изъ нихъ. Полковникъ Артуръ Конингемъ, посѣтившій Соединенные Штаты въ 1850 году, говоритъ, въ своемъ описаніи этого путешествія (см. Америку), что въ плаваніе свое по озеру Онтаріо встрѣтился онъ съ однимъ переселившимся туда выходцемъ изъ графства Коркъ, который разсказалъ ему, что прибылъ въ Америку лѣтъ за 19 передъ тѣмъ безъ всякаго достатка, а нынѣ обладаетъ имѣньемъ въ 130 акровъ земли, близъ города Кобурга, на канадской сторонѣ озера Онтаріо. Отдавая эту мызу въ аренду по 30 долларовъ въ годъ, онъ самъ основалъ свое мѣстопребываніе въ Рочестерѣ, въ Нью-Іоркскомъ штатѣ, гдѣ, нанимаясь въ поденьщики, выручаетъ по 2 доллара, и ужь никакъ не меньше 1 доллара въ день. Этотъ родъ жизни онъ намѣренъ былъ продолжать, доколѣ то позволятъ ему силы, а потомъ, скопивъ нѣсколько капитала, полагаетъ возвратиться въ свою мызу для поправленія этого имѣнія. Авторъ по этому поводу замѣчаетъ: «Не странно ли и неизъяснимо, что Ирландецъ, пока онъ на своей родинѣ, есть самое беззаботное существо на свѣтѣ, а лишь только поставитъ свою ногу на почву Америки, то, почти безъ изъятія, совершенно перерождается (*), становится бережливымъ, дѣятельнымъ, оборотливымъ, а въ дѣлѣ сельскаго хозяйства даже, можетъ-быть, превосходитъ какъ Англичанина, такъ и Шотландца, которые нерѣдко впадаютъ въ ту ошибку, что начинаютъ свои предпріятія въ слишкомъ большихъ размѣрахъ или пускаются въ утонченные и дорогіе способы воздѣлки земли, вовсе не принаровленные къ первобытному состоянію той страны, гдѣ они поселились,

(*) То же самое говоритъ и Р. Монтгомери-Мартинъ: «Ирландецъ очень поправляется отъ перехода въ Великобританію или въ колоніи, гдѣ онъ не состоитъ подъ тѣмъ гибельнымъ вліяніемъ, которое безпрестанно разгорячаетъ пылкое и впечатлительное его воображеніе.»

и, наконецъ, къ горькому своему разочарованію, находятъ, что только грубый способъ обработки можетъ тамъ принести барышъ, исключая развѣ въ непосредственной окрестности немногихъ большихъ городовъ.»

Въ рѣзкой противоположности съ этимъ отзывомъ другой знаменитый новѣйшій путешественникъ, и притомъ уже и прежде разъ посѣщавшій Союзные Штаты, герцогъ Павелъ Виртембергскій, въ письмѣ оттуда отъ 11 декабря 1851 года, изображаетъ Ирландцевъ съ весьма невыгодной стороны: фанатиками, забіяками, склонными къ грабежу, — однимъ словомъ, истиннымъ бичемъ края. (*) Какъ согласить эти два отзыва между собою? По нашему мнѣнію, это мнимое противорѣчіе разрѣшается тѣмъ, что превращеніе Ирландцевъ въ новоизбранной ими отчизнѣ обыкновенно послѣдуетъ не вдругъ, а только исподоволь, и иногда, быть-можетъ, проходятъ два-три поколѣнія, пока они изъ празднолюбивыхъ, небрежныхъ Кельтовъ превратятся въ предпріимчивыхъ, смѣтливыхъ, заботливыхъ Сѣверо-Американцевъ. Во-всякомъ-случаѣ, свѣтлѣйшій путешественникъ вѣренъ и правдолюбивъ въ своихъ описаніяхъ, особенно природы Сѣверной Америки.

Другая часть Соединеннаго Великобританскаго королевства, которая состоитъ въ еще разительнѣйшей противоположности съ Англіею, чѣмъ Ирландія, — это еще ближе связанное съ нею княжество Вельсъ. Не обладая, можетъ-быть, такою плодородною почвою, какъ Ирландія, живописная, гористая страна эта не лишена своихъ источниковъ богатства: стóитъ указать только на угольныя ея копи и обильные рудники, особенно желѣза и мѣди (одного послѣдняго металла въ 1833 году добыто въ Вельсѣ и Корнваллисѣ 266,000 центнеровъ; добыча желѣза чрезвычайно возрастаетъ: изъ трехъ графствъ Гламоргана, Кармартена и Монмоута въ 1847 году отпущено его на 4 милліона фунт. стерл.; каменнаго угля въ 1846 вывезено 1,847,318 тоннъ, вся же нынѣшняя ежегодная

(*) Мы приведемъ здѣсь собственныя слова свѣтлѣйшаго путешественника: Die Irländer, говоритъ онъ, sind fast durchgängig ein entwürdigtes, fanatisches, händelsüchtiges und diebisches Gesindel, — das Hauptmaterial, aus dem Rawdies und Loofers sich organisiren, — eine zweite Plage des Landes.

добыча его доходитъ до 4,500,000 тоннъ). Но за-всѣмъ-тѣмъ жители ея вообще очень бѣдны. Главною тому причиною должно полагать недостатокъ въ народѣ просвѣщенія, которое здѣсь стоитъ несравненно ниже, чѣмъ въ Англіи, а тѣмъ болѣе въ Низовой Шотландіи, а сравнительно даже и въ Ирландіи. Большая часть крестьянъ не знакома съ англійскимъ языкомъ, а въ-слѣдствіе того лишена всякой возможности не только къ дальнѣйшему своему образованію, но даже и къ сношеніямъ вообще съ болѣе просвѣщенными своими согражданами. По этому-то уваженію за нѣсколько времени предъ симъ предложено было для возвышенія умственнаго и нравственнаго быта Вельса ввести въ тамошнихъ школахъ обученіе англійскому языку. По поводу этого, конечно, весьма здраваго и благомыслящаго, предложенія вышло нѣсколько сочиненій о Вельсѣ, въ числѣ которыхъ одно изъ самыхъ любопытныхъ есть, по словамъ англійскихъ журналовъ (*), изданное сэромъ Томасомъ Филлипсомъ:

Wales: the Language, Social Condition, Moral Character and Religious Opinions of the People, considered in their Relation to Education: with some Account of the Provision made for Education in other parts of the Kingdom. By Sir Thomas Phillips, London 1849. J. W. Parker. 622 стр. б. 8.

какъ книга, писанная природнымъ Валлійцемъ, хорошо знающимъ свою страну, хотя и имѣющимъ свой, нѣсколько оригинальный, взглядъ на избранный имъ предметъ, а именно иногда слишкомъ далеко увлекающимся своимъ валлійскимъ патріотизмомъ.

Въ руководство для тѣхъ, кто желаетъ ознакомиться съ интереснѣйшею частію Вельса, нельзя не рекомендовать вышедшаго въ 1848 году, вторымъ, весьма умноженнымъ изданіемъ, сочиненія Клиффа:

The Book of South Wales, the Bristol Channel, Monmouthshire, and the Wye. By Charles Frederick Cliffe. Second Ed. with Maps and Cuts. London 1818 Hamilton, Adams et Co.

Книга эта основана на многолѣтнемъ и внимательномъ собственномъ наблюденіи человѣка образованнаго, не упустившаго изъ виду ни одной изъ многоразличныхъ сторонъ своего предмета.

(*) См. Athenaeum.

Много матеріаловъ для ближайшаго познанія Ирландіи, а отчасти и Вельса можно найти также въ книгѣ извѣстнаго литератора г. Амеде Пишо:

L'Irlande et le Pays de Galles. Esquisses de voyages etc., par Amédée Pichot 2 vols. Paris. 1850. 62½ листа въ большую осьмушку (*).

Авторъ ея, хорошо знакомый какъ съ Великобританіею вообще, такъ и съ ея языкомъ и литературою уже по своимъ занятіямъ (онъ былъ много лѣтъ издателемъ журнала «Revue Britannique»), но еще болѣе по многократнымъ своимъ посѣщеніямъ разныхъ частей Соединеннаго Королевства, разсматриваетъ здѣсь главные касающіеся до Ирландіи современные вопросы, на подробное изученіе которыхъ посвятилъ, какъ видно, не мало труда и времени.

И прекрасный островъ Манъ, любимое лѣтнее мѣстопребываніе англійскихъ монарховъ, былъ довольно подробно и съ знаніемъ дѣла описанъ въ книгѣ:

The Isle of Man, its History, Physical, Ecclesiastical, Civil and Legendary. By the Rev. J. G. Cumming. London 1848 (8).

Естественно, что Франція въ одинъ изъ самыхъ смутныхъ періодовъ своей исторіи не могла быть предметомъ спокойнаго изученія наблюдателей, и, дѣйствительно, мы затрудняемся привести здѣсь какое-либо явленіе по этому отдѣлу литературы путешествій, если не отнести сюда:

Wayside Pictures trough France, Belgium and Holland. By Rob. Bell. London 478 стр. въ б. 8.

Reisebilder und Skizzen aus Frankreich. Herausgegeben von Fr. Heinzelmann. Mit 1 Karte. Leipzig. 1850. Fleischer. VI. 378 стр. въ б. 8.

Schubert, Prof. Dr G. H. v. Reise nach dem südlichen Frankreich und durch die südlichen Küstengegenden von Piemont nach Italien. 2 Aufl. Erlangen. 1852—1853. 2 тома VI и 250 и III, 284 стр. 8.

Hartmann, Moritz, Tagebuch aus Languedoc und Provence. Darmstadt. 1852. Leske. 2 тома IV и 274 V и 326 стр. 8.

(*) Сочиненіе это назначено служить продолженіемъ гораздо прежде изданныхъ тѣмъ же самымъ лицемъ путевыхъ замѣтокъ объ Англіи и Шотландіи.

О княжествѣ Вельсскомъ онъ говоритъ менѣе пространно, посѣтивъ, по-видимому, только весьма малую его часть.

принадлежащія, судя по ихъ заглавіямъ, къ произведеніямъ туристовъ; или

Rollof, E., Paris. Reisehandbuch. Paris. Franck. 1849, IX и 607 стр. въ б. 16.

Ghillany, Stadtbibliothekar, Dr. F. W. Eine Tour nach London und Paris im Sommer 1851. Nürnberg. 1853. Bauer und Raspe. 3 Bde. XXV и 981 стр. 8.

Stahr, Adolph. Zwei Monate in Paris. 2 Thle. Oldenburg. 1851. Schulze. 675 стр. 12.

Kunze, Aug. Die Pariser Boulevards. Historisch, topographisch und gesellschaftlich. VII. 66 S. 8. Nebst Panorama der Par. Boulevards. 1848. Weber, которыя слѣдуетъ собственно причислить къ разряду указателей; или же:

Journal in France in 1845 and 1848 with Letters from Italy in 1847 on Things and Persons concerning the Church and Education. By the Rev. T. W. Allies. London. 1849. Murray. 400 стр. (8), сочиненіе одного католическаго священника, почти исключительно посвященное изслѣдованію вопроса о воспитаніи.

Мы не можемъ, однакожь, не остановиться здѣсь на одномъ явленіи, которое хотя только косвенно сюда относится, но, можетъ-быть, бросаетъ болѣе свѣта на состояніе Франціи до послѣдней революціи, чѣмъ многія пространныя книги.

Des Classes Ouvrières en France, pendant l'année 1848; par M. Blanqui. Partie 1. Paris. Pagnerre.

Это сочиненіе первоначально выходило въ видѣ брошюръ или тѣхъ маленькихъ трактатцевъ, которые издавались Парижскою Академіею Нравственныхъ и Политическихъ Наукъ для противодѣйствія разливу превратныхъ идей, порожденныхъ революціею. Авторъ его, ученый и извѣстный политико-экономъ и академикъ, г. Бланки (*), имѣлъ отъ своего правительства порученіе обозрѣть промышленные департаменты Франціи и донести о состояніи въ нихъ рабочихъ классовъ въ 1848 году въ-сравненіи съ прежними годами. Въ исполненіе этого онъ внимательно изслѣдовалъ сначала рабочій бытъ департаментовъ Нижней Сены, Сѣвернаго и страны между Ро-

(*) Что это не есть одно и тоже лице съ Бланки, участвовавшимъ въ послѣдней французской революціи и теперь проживающимъ въ Лондонѣ, это здѣсь едва ли требуетъ упоминовенія.

ною и Луарой и составилъ донесеніе о результатахъ своего розысканія. Оно касалось только сѣверныхъ департаментовъ, центрами которыхъ суть промышленные города Руанъ и Лилль. За тѣмъ послѣдовала другая часть его донесенія — о шелковой промышленности южныхъ областей, которая была помѣщена въ мартовской книжкѣ Journal des Economistes (*). Мы представимъ здѣсь самый бѣглый обзоръ этихъ важныхъ документовъ къ нравственной статистикѣ Франціи, отчасти руководствуясь англійскимъ журналомъ Athenaeum.

Одно изъ главныхъ впечатлѣній, производимыхъ донесеніями г. Бланки, есть то, что Франція, по самой природѣ своей, гораздо болѣе клонится къ земледѣльческой, нежели мануфактурной промышленности. Изъ числа 86 ея департаментовъ въ 76 отлично преуспѣваетъ виноградная лоза, и нѣтъ ни одной части края, которая не имѣла бы почвы и климата, въ высокой степени благопріятныхъ сельской промышленности вообще. Въ южныхъ провинціяхъ, сверхъ виноградной лозы, произрастаютъ еще маслина, тутовое дерево, сарачинское пшено и всякаго рода полезныя хлѣбныя и сельскія растенія; въ другихъ частяхъ изъ этихъ произведеній не достаетъ только масличнаго дерева, въ третьихъ — одного только тутоваго дерева, а въ четвертыхъ — только винограда.

Въ-сравненіи съ такимъ богатствомъ и повсемѣстнымъ распредѣленіемъ матеріаловъ для земледѣлія въ большомъ видѣ, Франція обладаетъ гораздо меньшими удобствами для мануфактурной промышленности. Хотя въ ней и не недостаетъ желѣза и каменнаго угля, этихъ главныхъ рычаговъ фабричнаго производства въ наше время, но они водятся тамъ далеко не въ такомъ изобиліи, какъ въ Великобританіи. (**)

Въ мануфактурной системѣ сѣверной Франціи первое мѣсто занимаетъ департаментъ Нижней Сены, примыкая, съ одной стороны, къ самой столицѣ, а съ другой — къ главному порту Франціи, Гавру, и къ одному изъ самыхъ промышленныхъ ея городовъ, — столицѣ старинной Нормандіи, — Руану. Если мы присовокупимъ къ этому еще департаменты Па-де-

(*) Въ-послѣдствіи всѣ эти отдѣльныя части были собраны авторомъ въ одно цѣлое, подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ, въ двухъ томахъ.

(**) Каменнаго угля нынѣ во Франціи ежегодно добывается 4,140,600 онтъ, а въ Великобританіи въ восемь разъ болѣе.

Кале, Энскій, Сѣверный, Мёртскій и еще одинъ или два, то исчислимъ всѣ тѣ, въ которыхъ занимаются хлопчато-бумажнымъ и шерстянымъ производствомъ. Въ этихъ частяхъ главные пункты: Эльбёфъ, Руанъ, Лилль, Аббевилль и Нанси.

Выдѣлка прекрасныхъ шелковыхъ тканей, которою столько славится Франція, почти исключительно ограничена странами вдоль по южнымъ берегамъ Роны, Сены и Луары и благословеннымъ Провансомъ; здѣсь главные центры Ліонъ и Сентъ-Этьеннъ.

Въ обоихъ этихъ мануфактурныхъ отдѣлахъ, сѣверномъ и южномъ, преобладаетъ совершенно различная система производства работъ: на сѣверѣ, въ области шерстяныхъ и бумажныхъ мануфактуръ, мы видимъ систему сосредоточенія работы въ фабричныхъ заведеніяхъ, — на югѣ, въ области шелковыхъ издѣлій, — почти исключительно домашнее производство.

Въ Сѣверномъ департаментѣ, на ряду съ самымъ блистательнымъ богатствомъ, г. Бланки встрѣтилъ наиболѣе бѣдности. «Тамъ — говоритъ онъ — нѣтъ ни одной отрасли промышленности, какъ бы она, впрочемъ, ни казалась цвѣтущею, которая не была бы одержима какимъ-либо сокровеннымъ зломъ и не боролась бы съ зыблемостью своего положенія. Бумажное производство тамъ, какъ въ Руанѣ и въ департаментѣ Нижней Сены, страдаетъ отъ вторженія большихъ продавцевъ, а патріархальный трудъ домашняго веретена изнемогаетъ отъ несоразмѣрности задѣльной платы. Шерстяной промыселъ не можетъ производиться въ большомъ видѣ безъ употребленія на машины огромнаго капитала, и мануфактуры осуждены къ безпрерывной работѣ, чтобы только поддерживать себя, а при всемъ томъ не избѣгаютъ паденія. Таково положеніе всей нашей мануфактурной системы. Она производитъ безъ увѣренности въ томъ, удастся ли ей сбыть свой товаръ, и, плывя безъ компаса, движется впередъ, вовсе не вѣдая куда и не имѣя даже возможности безъ опасенія остановиться на своемъ ходу. Какая перспектива!»

Въ Ліонѣ существуетъ совершенно другое отношеніе. Тамъ, какъ выше было замѣчено, не имѣется огромныхъ мануфактуръ. Ограничиваясь почти исключительно фабрикаціею тончайшихъ и разнообразнѣйшихъ шелковыхъ издѣлій, вся

промышленность производится на дому. Поэтому строгая фабричная дисциплина здѣсь неизвѣстна, и работники пользуются несравненно бо́льшею независимостію. Фабрикантовъ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова, здѣсь собственно вовсе нѣтъ, а имѣются только опытные коммиссіонеры, получающіе отъ туземныхъ или иностранныхъ торговыхъ домовъ заказы на покупки. Выполненіе работъ принадлежитъ антрепренеру, который, подъ именемъ мастера (chef d'atelier), владѣетъ 5 или 6 ткацкими станками, на которыхъ самъ работаетъ и заставляетъ, по своимъ указаніямъ, работать нерѣдко странствующихъ мастеровыхъ; при чемъ цѣну за свою работу онъ назначаетъ по собственному усмотрѣнію.

Съ перваго взгляда казалось бы, что, при такихъ обстоятельствахъ, между коммиссіонеромъ, антрепренеромъ и работникомъ должно преобладать всегдашнее доброе согласіе. А на дѣлѣ выходитъ совсѣмъ другое. Ни въ одномъ городѣ Франціи въ-теченіе болѣе четверти вѣка не происходило столько внутреннихъ раздоровъ, какъ именно въ Ліонѣ. Если на сѣверѣ Франціи зло было матеріальное, то въ Ліонѣ оно, напротивъ, главнѣйше нравственное.

Первая важнѣйшая причина этого зла — несогласіе между коммиссіонерами, антрепренерами и работниками; вторая — несогласіе между работниками городскими и загородными.

Ни одна фабрикація не подвержена такимъ частымъ колебаніямъ въ-слѣдствіе неравенства требованій извнѣ и измѣнчивости моды, какъ шелковая. Браковка работы, иногда вовсе произвольная, безпрестанно возбуждаетъ ропотъ со стороны работниковъ, недовѣсъ матеріи (piquage d'once), который такъ трудно повѣрять въ шелковыхъ издѣліяхъ, — неудовольствіе со стороны фабриканта. Къ тому же, съ нѣкотораго времени, въ-слѣдствіе возрастающей дороговизны въ городѣ, работники болѣе и болѣе поселяются въ его окрестностяхъ, гдѣ основали себѣ родъ колоніи, которая, соперничествуя съ городскими работниками, находитъ себѣ тамъ болѣе выгоды.

Г. Бланки справедливо замѣчаетъ, что городскіе работники, вмѣсто того, чтобы ссориться съ загородными, сами лучше бы сдѣлали, если бы послѣдовали ихъ примѣру. Почти всѣ страданія рабочихъ классовъ происходятъ отъ необыкновеннаго накопленія въ городахъ, гдѣ столько причинъ дѣй-

ствуетъ на увеличеніе между ними смертности и разврата. За городомъ, напротивъ-того, они пользовались бы свѣжимъ воздухомъ, здоровьемъ, чистотою и умѣренностью.

Описаніе, какое авторъ даетъ, далѣе, о положеніи рабочаго класса въ разныхъ кварталахъ Руана, Лилля и даже самаго Ліона, дѣйствительно, способно внушить глубокое состраданіе. Живя въ тѣсныхъ улицахъ, въ низкихъ подвалахъ, куда съ трудомъ проникаютъ свѣтъ и воздухъ, они сверхъ-того подвержены еще вліянію крайней бѣдности и многіе изъ нихъ не имѣютъ даже чѣмъ прикрыть свою наготу. Это особенно относится къ кварталу du St. Sauveur въ Лиллѣ. Вообще Бланки нашелъ вездѣ подтвержденнымъ, что событія 1848 года имѣли самое плачевное и гибельное вліяніе на мануфактурную промышленность и народонаселеніе Франціи (*).

Какъ средства къ поправленію состоянія рабочаго класса, политико-экономъ, въ заключеніе своего отчета, предлагаетъ: обширныя мѣры относительно къ сохраненію здоровья работниковъ, въ-особенности наблюденіемъ за тѣмъ, чтобы фабричное населеніе не накоплялось черезъ мѣру въ одномъ мѣстѣ, запрещеніе въ мануфактурахъ работы малолѣтнымъ дѣтямъ, улучшеніе народныхъ школъ и противодѣйствіе пагубному вліянію лжеученія.

Еще приведемъ здѣсь, какъ замѣчательный трудъ, брошюру одного французскаго инженера:

Du Rhone et de ses affluents des Alpes, par E. de Mont-Rond, Ingénieur, etc. Paris. 1847.

Частыя сильныя наводненія, которымъ была подвержена Франція въ-теченіе многихъ лѣтъ съ 1840 года, особенно въ бассейнѣ рѣки Роны, внушили автору этой брошюры мысли изслѣдовать, какія могли быть причины этого событія и не имѣется ли средствъ, если не остановить, то по крайней-мѣрѣ ослабить дѣйствія этихъ опустошительныхъ разлитій. При изложеніи своего мнѣнія объ этомъ преметѣ, онъ опирается на 15-лѣтнихъ розысканіяхъ, сдѣланныхъ имъ, въ качествѣ инженера Путей Сообщенія, въ департаментахъ Дромы и Изера надъ нѣкоторыми изъ большихъ рѣкъ этого бассейна, а имен-

(*) Полагаютъ, что въ одномъ 1848 году ущербъ мануфактурной производительности во Франціи простирался до 800 милліоновъ франковъ.

но надъ самою Роною и ея притоками: Изеромъ, Дромою, Дракомъ и Романшею.

Авторъ полагаетъ, что, независимо отъ метеорологическихъ причинъ, обнаружившихся въ бо́льшемъ изобиліи дождей и снѣговъ, разлитію рѣкъ главнѣйше содѣйствовали двѣ причины, а именно: истребленіе лѣсовъ въ верховьяхъ рѣкъ и на горахъ и измѣненія въ руслѣ водныхъ теченій.

Вредное дѣйствіе уменьшенія лѣсовъ на горахъ, а въ-слѣдствіе того расчистки земель по склонамъ горъ — говоритъ г. Монъ-Ронъ — какъ на ускореніе стока дождевыхъ водъ, такъ и на накопленіе ихъ и, съ другой стороны, безпрестанно возрастающее на самомъ дѣлѣ истребленіе лѣсовъ всѣмъ извѣстны, и онъ ссылается въ этомъ отношеніи на замѣчательное сочиненіе инженера Сюрелля (Surell) Etude sur les torrents des Hautes Alpes, напечатанное въ 1841 году.

Измѣненія въ ложѣ рѣкъ происходятъ отъ двоякой причины: *сжатія* (resserrement) и *выпрямленія* (redressement). Дѣйствіе ихъ на усиленіе разлива въ низовьяхъ не столько ощутительно въ рѣкахъ медленнаго и продолжительнаго прилива, т. е., гдѣ прибыль водъ продолжается нѣсколько дней. Для такихъ рѣкъ дѣйствіе сжатія ограничится только мѣстнымъ возвышеніемъ, а дѣйствіе выпрямленія — мѣстнымъ пониженіемъ водъ. Но въ рѣкахъ, внезапно прибывающихъ, т. е., гдѣ большіе разливы продолжаются лишь нѣсколько часовъ, дѣйствіе сжатія въ большихъ размѣрахъ очень значительно, не только производя мѣстное возвышеніе, но еще усиливая прибыль водъ на далекое разстояніе внизъ отъ сжатаго мѣста. То же самое дѣйствіе въ такихъ рѣкахъ оказываетъ, хотя и въ мѐньшей мѣрѣ, ихъ выпрямленіе.

Какъ средства къ противодѣйствію злу, происходящему отъ уменьшенія лѣсовъ, г. Монъ-Ронъ предлагаетъ заботиться о возможномъ сохраненіи и возстановленіи лѣсовъ по склонамъ горъ, ссылаясь въ этомъ отношеніи снова на вышеприведенное сочиненіе Сюрелля, а какъ средство къ отвращенію зла отъ сжатія и выпрямленія рѣкъ — совѣтуетъ принять другую, противоположную систему запруживанія, а именно наивозможное расширеніе русла рѣкъ и уничтоженіе ихъ извилинъ, какъ мѣру, болѣе вѣрную и бережливую для защиты прирѣчныхъ земель и для возстановленія удобнаго судоход-

ства, а вмѣстѣ съ тѣмъ и для противодѣйствія злу, не менѣе страшному, какъ наводненіе — возвышенію русла рѣкъ.

Въ Германіи, по той же самой причинѣ, какую мы выше привели во Франціи, число путешественниковъ-наблюдателей было весьма ограничено, и мы очень рады, что, за недостаткомъ болѣе вѣскихъ описаній, можемъ привести здѣсь произведеніе плодовитѣйшаго туриста нашего времени, г. Коля, который, объѣхавъ всю Европу, принялся нынѣ за обозрѣніе своего собственнаго отечества. Онъ предполагаетъ разсмотрѣть всю Германію въ четырехъ отдѣлахъ: сѣверо-западномъ и сѣверо-восточномъ, юго-западномъ и юго-восточномъ, и сначала даетъ намъ описаніе послѣдняго изъ нихъ:

Kohl, J. G. Reisen in Deutschland, I. Abtheilung. Auch unter dem Titel: Reisen im südöstlichen Deutschland. 2 Bde. Leipzig. 1852. Fr. Fleischer. VIII 253 и VI, 442 въ б. 8.

Въ этихъ двухъ первыхъ частяхъ разсмотрѣна Австрія въ 7 главахъ: Salzkammergut, Obersteiermark, Niederösterreich, Oberkrain, die Isonzo-Landschaften, Triest und Innerkrain.

Далѣе назовемъ нѣсколько очень порядочныхъ и довольно полныхъ такъ-называемыхъ путеводителей, какъ-то:

Handbuch für Reisende in Deutschland von Dr. E. Förster. 2. vermehrte Auflage. München. 1850. X. 666 стр. (8) Съ 28 картами желѣзныхъ дорогъ и 3 путевыми картами.

Handbuch für Reisende in Deutschland und dem österreichischen Kaiserstaat. Nach eigener Anschauung und den besten Hülfsmitteln von K. Bödeker. Съ картою почтовыхъ и желѣзныхъ дорогъ, планами разныхъ городовъ и спеціальными картами Гарца, Саксонской Швейцаріи и Ризенгебирга. 2 части въ одномъ томѣ. 5 исправленное изданіе. XVI и 524 и IV и 264 стр. въ 8. Coblenz, Bödeker.

и распространяющееся также на разныя смежныя съ Германіею страны Европы:

Illustrirtes Reisebuch. Ein Führer durch Deutschland, die Schweiz, Tyrol, Italien etc. Unter Benutzung amtlicher Quellen herausgeg. von C. F. Jahn, Director der geh. Post-Calculatur. 5-te gänzlich überarbeitete Auflage. Leipzig. Simion. 1853. VI и 758 стр. въ 8. Съ дорожною картою, многими планами городовъ и 300 видами.

Изъ проводниковъ по гористымъ странамъ Германіи мы находимъ:

Berghaus, Dr. H. Der Führer im Harz. Nebst einer neuen Generalkarte (Fol.) Potsdam. 1847. IV. 260 стр. б. 12.

Brederlow, L. G. Fr. Der Harz, zur Belehrung und Unterhaltung für Harzreisende. 2. Ausg. Braunschweig, Ramdohr. 1851. VIII. и 571 стр. 8.

Spieker, Superintendent, Prof. C. W., Der Harz. Seine Geschichte, Ruinen und Sagen. Zwei Reisen in den Jahren. 1800 und 1850. Berlin, Gebauer. XII. 292 стр. 8.

Starenberg, W. Handbuch für Sudeten-Reisende. Mit besonderer Berücksichtigung für Freunde der Naturwissenschaften. 2-e Aufl. Breslau. 1850. VII. 289 стр. 8.

Grüber, Prof. Bernh. und Adelbert Müller, der Bayrische Wald (Böhmerwald). 2-e sehr verm. Ausg. Mit Stahlstichen, Reiserouten und Karte. Regensburg. 1851. Menz. IV. 419 стр. 8.

Weidemann, F. C. Die Alpengegenden Niederösterreichs und Obersteyermarks, im Bereiche der Eisenbahnen von Wien bis Murzzuschlag. Nebst einer Karte in folio. Wien. 1851. VI и 258 стр. 16.

Изъ описаній рѣчныхъ областей встрѣчаемъ гидрографическій очеркъ Эльбы и ея притоковъ:

Bose Oberlieut. Hugo von, Allgemein-geographische und hydrotechnische Beschreibung der Elbe mit ihren Zuflüssen etc. Nebst 1 Karte der Elbe und ihrer Zuflüsse (in-fol.) und 1 Karte der Elbe bei Hamburg. XIV и 116 стр. 8. Annaberg. 1852.

Описаніе Рейна г. Коля:

Der Rhein, von J. G. Kohl, Leipzig. 1850. Brockhaus. 2 тома. (8) X и 489 и XI, 536 стр.

Первый опытъ физическаго изображенія системы этой рѣки, вмѣстѣ съ указаніемъ политическаго ея значеніе и вліянія на образованіе народовъ, и любопытный обзоръ промышленности области рѣки Рейна: Industry of the Rhine; embracing a view of the Manufacturing Population of the District. By F. C. Banfield. London. Cok, авторъ котораго, г. Банфильдъ, самъ много лѣтъ провелъ на Рейнѣ и внимательно вникалъ какъ въ состояніе разныхъ отраслей промышленности по бе-

регамъ его, такъ и въ самый бытъ рабочаго класса, а поэтому излагаетъ свой предметъ съ знаніемъ дѣла, какъ наблюдатель-очевидецъ.

Изъ описаній отдѣльныхъ государствъ Германіи замѣтимъ:

Schimmer, Carl August, das Kaiserthum Oesterreich, historisch-topographisch dargestellt. Darmstadt. Lange. Lex. 8. (по 1853 годъ вышло его около 80 выпусковъ).

Austria. By E. P. Thompson, Esqu. London. 1849. 122 стр. 8.

Венгрія и Трансильванія были посѣщены путешественниками разныхъ націй, изъ числа которыхъ мы упомянемъ здѣсь баварскаго доктора медицины Квицманна, коснувшагося этихъ странъ только мимоѣздомъ на Востокъ, и француза де-Жерандо, проведшаго нѣсколько времени на мѣстѣ, у своего зятя, графа Телеки. Они издали свои описанія подъ заглавіемъ:

Reisebriefe aus Ungarn, dem Banat, Siebenbürgen, den Donaufürstenthümern, der Europäischen Türkei und Griechenland, von Dr. Ernst Anton Quitzman. Stuttgart. F. B. Müller. 1848. 2 изданіе. 1850. 576 стр. въ мал. 8.

La Transylvanie et ses Habitants. Par A. de Gerando. Paris. Seconde édition revue et augmentée. 1850. 2 тома. 440 и 447 стр. Съ большою раскрашенною этнографическою картою Трансильваніи и разными иллюстраціями.

Какъ обѣ страны представляютъ собою много оригинальнаго, то мы не можемъ удержаться, чтобъ не обратить на нихъ хотя бѣглаго взгляда. Венгерскую равнину оба путешественника описываютъ слѣдующимъ образомъ:

«Къ востоку отъ Песта начинаются *пусты*, т.-е. степи низменной Венгріи, которыя въ окружности свыше ста германскихъ миль разстилаются отъ Дуная до границы Семиградской и отъ послѣднихъ отроговъ Карпатскаго хребта до рѣки Мароша. Здѣсь только видны или волнующееся море жнивъ, или тучныя пажити, индѣ пересѣкаемыя тощими мѣстами, которымъ взвѣваемый вѣтромъ песокъ придаетъ видъ степи. Можно путешествовать цѣлые дни, и ни одна деревня, ни одна хижина, ни одна дорога,—ничто не свидѣтельствуетъ о рукѣ человѣческой, — развѣ индѣ слѣды колесъ или колодезь

съ прикрѣпленнымъ къ нему для поднятія ведеръ коромысломъ. Собственно обитатели этой романтической пустыни суть несмѣтные табуны лошадей, живущихъ здѣсь почти въ первобытномъ привольѣ, и замѣчательные ихъ сторожа — Чикоши. Оба явно носятъ печать татарскаго своего происхожденія. Лошади малорослы и тощи, но отличаются невѣроятною силою, а поэтому въ особенности годны для войны. Чикоши, какъ прямые потомки сподвижниковъ Алома и Арпада, въ-теченіе болѣе тысячелѣтія сохранили свой природный типъ. Будучи нрава веселаго, а вмѣстѣ ловокъ и крѣпокъ, Чикошъ столько же несокрушимъ, какъ и его кони. Онъ имѣетъ все, чего только желаетъ его сердце, когда его фляга (кулачъ) наполнена виномъ, и онъ, на любимомъ конѣ своемъ, съ свѣтлыми, бренчащими шпорами, мчится по степи вслѣдъ за табуномъ, взмахивая надъ лошадьми кнутомъ и выпуская изъ короткой своей трубки облака дыма. Застигнетъ ли его ночь, онъ слѣзаетъ съ коня, разводитъ огонь, разстилаетъ свою бунду (епанчу изъ овечьей шкуры) и находитъ въ ней свою постель, свой кровъ и свою хижину. Если сойдется нѣсколько Чикошей, то они, сидя у пылающаго костра или въ шалашѣ, провождаютъ время въ громкихъ, веселыхъ пѣсняхъ, или въ слушаніи сказокъ и повѣствованій о разбойникахъ.... Такъ Чикошъ въ нѣдрѣ образованной монархіи живетъ, какъ неизмѣнный потомокъ своихъ предковъ, въ состояніи полудикой свободы, подобно его конямъ прежде ихъ обузданія, и не промѣнялъ бы ее за все великолѣпіе Буды и Песта.

«Непрерывное зрѣлище безпредѣльной равнины — говоритъ де-Жерандо — можетъ показаться единообразнымъ; но это монотонія океана. Въ этомъ зрѣлищѣ есть своего рода величіе, нѣчто, заставляющее васъ собраться духомъ и мыслить. Безграничная равнина, гдѣ взоръ не встрѣчаетъ никакихъ преградъ, есть какъ бы подобіе столь драгоцѣннаго для Венгерца приволья.»

О Военной Границѣ Австріи мы находимъ у Квицманна слѣдующія любопытныя свѣдѣнія.

Военная Граница, какъ бы живой валъ между западнымъ образованіемъ и мусульманскимъ востокомъ, тянется, въ видѣ широкаго пояса, около юго-востока Австрійской монархіи отъ Адріатическаго берега до Польши. Населеніе этого военнаго

государства, за исключенiемъ Семиградской военной границы, почти исключительно состоитъ изъ Сербовъ, съ присоединенiемъ немногихъ Венгерцевъ, Нѣмцевъ, Албанцевъ, Жидовъ и Цыганъ. Уже въ серединѣ XVI вѣка, когда стало усиливаться бѣгство Славянъ передъ фанатизмомъ Османовъ, король Фердинандъ I указалъ этимъ выходцамъ границу Кроацiи для поселенiя, съ тѣмъ условiемъ, чтобы они защищали ее отъ враговъ. Такъ исподоволь образовались въ XVII вѣкѣ Карлштадтская, Вараздинская и Банатская границы, а въ XVIII — Славянская и Семиградская. Населенiе раздѣлено на 17 полковъ пѣхоты, къ которымъ еще присоединяютъ одинъ полкъ гусарскiй и одинъ отрядъ чайкистовъ. Послѣднiй, расположенный въ четырехъ ротахъ между Дунаемъ и Тейсомъ, исправляетъ службу на судахъ обѣихъ рѣкъ. Каждый изъ полковъ раздѣленъ на два батальона по шести ротъ и состоитъ изъ трехъ до четырехъ тысячь человѣкъ. Каждые два полка состоятъ подъ командою бригаднаго генерала, а каждыя двѣ бригады образуютъ генеральную команду, которыхъ на Военной Границѣ имѣется всего пять.

Поземельное устройство Военной Границы строго феодальдальное: всѣ земли отданы въ вѣчный удѣлъ солдатамъ, съ обязательствомъ нести императору военную службу внутри и внѣ государства въ военное и мирное время, а равно и для поддержанiя или сооруженiя разныхъ заведенiй на границѣ, какъ-то: дорогъ, каналовъ и т. д. Такимъ-образомъ, Австрiя создала себѣ разсадникъ воиновъ, изъ котораго вышли храбрые полки австрiйской армiи и даже отличные генералы, какъ-то: Вукасовичъ, Давидовичъ, Квоздановичъ и др.

Эти пахатные воины вполнѣ сохранили патрiархальную простоту нравовъ, свойственную славянскому племени. Въ томъ же домѣ мирно живутъ вмѣстѣ семейства нѣсколькихъ поколѣнiй, потому-что члены ихъ послѣ женитьбы не переѣзжаютъ въ новый домъ, а, подобно пчеламъ въ ульѣ, занимаютъ только новый покой. Итакъ, нерѣдко подъ одною кровлею можно видѣть отъ пятидесяти до шестидесяти человѣкъ, которые поровну дѣлятъ между собою трудъ и выручку и надъ которыми какой-либо заслуженный старецъ, подъ именемъ господаря, имѣетъ патрiархальную, почти диктаторскую власть....

Такимъ-образомъ, это военное государство уже нѣсколько столѣтій существуетъ какъ благоустроенное цѣлое, оказывая большую пользу Австрійской монархіи.

О Трансильваніи г. де-Жерандо даетъ слѣдующее понятіе:

«Цѣпь горъ, извѣстная подъ названіемъ Карпатской, отдѣливъ Венгрію отъ Галиціи, въ направленіи отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, прямо спускается на югъ вертикально къ Дунаю, а потомъ вдругъ сворачиваетъ къ западу параллельно этой рѣкѣ до границы Венгріи. Страна внутри этой-то дуги Карпатскихъ горъ и есть Трансильванія. Открытая съ сѣвера и запада, т.-е. со стороны Венгріи, она граничитъ по ту сторону Карпатскихъ горъ къ востоку съ Молдавіею, а къ западу съ Валахіею. Одна только рѣка Алута, перерѣзавъ этотъ хребетъ, вливается въ Дунай; всѣ прочія рѣки направляются къ Венгріи.

«Итакъ, Трансильванія по своему положенію естественно примыкаетъ къ этой странѣ, которой она въ средніе вѣка называлась твердынею — Arx Hungariae. Не менѣе того Трансильванія связана съ Венгріею и по своему населенію, будучи обитаема тѣми же самыми племенами. Но за-всѣмъ-тѣмъ между ними есть и значительное различіе. Трансильванія гораздо разнообразнѣе произведеніями природы. Здѣсь можно найти собраннымъ почти все, чтò разбросано въ разныхъ странахъ Европы. Въ горахъ Сикуловъ вы встрѣчаете природу сѣвера, — густые лѣса, гдѣ живетъ медвѣдь, между-тѣмъ, какъ въ разстояніи двухъ сутокъ оттуда находите поля, гдѣ сонливо покоится буйволъ. Здѣсь дубы и сосны; тамъ маисъ, такой роскошный, что въ немъ исчезаетъ всадникъ съ конемъ своимъ; далѣе—зеленѣющіеся ландшафты, свѣжія долины, благоухающіе луга; вездѣ рѣки, несущія въ струяхъ своихъ золото. Въ нѣсколько часовъ вы пробѣгаете растерзанныя горы Тарацка, дающія желѣзо, долину Мароша, изъ которой добываютъ соль, и округъ Элатну, гдѣ въ грязи на дорогѣ блещетъ золото. Если вы оставляете страну, гдѣ изобилуютъ минеральные ключи, то въ-замѣнъ вступаете въ другую, гдѣ водится серебро, мѣдь, свинецъ, ртуть, цинкъ, антимоній, мышьякъ, кобальтъ, бисмутъ, а въ-добавокъ еще металлъ, котораго нигдѣ иначе не обрѣтете—теллурій. Я не ста-

ну говорить о тысячѣ драгоцѣнныхъ камней, которые только ожидаютъ руки художника для ихъ выдѣлки, а только присовокуплю, что и ботаникъ также найдетъ здѣсь довольно пищи, чтобы написать цѣлую книгу.

«Одинъ трансильванскій писатель, Кёлесери, описавъ богатства своей отчизны, восклицаетъ: «Удивительно ли послѣ этого, что въ этой житницѣ изобилія, гдѣ самъ Богъ повсюду накрылъ столы, встрѣтилось столько различныхъ народовъ, пришедшихъ сюда изъ Европы и Азіи?»

Изъ числа руководствъ къ ближайшему познанію Венгріи и Трансильваніи, по обилію собранныхъ съ большимъ тщаніемъ данныхъ, одно изъ лучшихъ есть:

Handbuch zur Kenntnis Ungarns, ferner: Siebenbürgens, der serbischen Woiewodschaften, des Temescher Banates, Slavoniens, Croatiens, der K. K. Militärgrenze und des ungarischen Litorales in historisch-geographisch-statistischer, in topographischer, ökonomischer, industrieller und commercieller Beziehung etc. verfasst von Julian Chovnitz (J. Chowanetz). Bamberg. 1851. Buchner. VI и 374 стр. 8. Съ хорошею картою.

Das Königreich Preussen, in malerischen Original-Ansichten. Von e. historisch-topographischen Texte begleitet. Darmstadt. (Еще не окончено.)

Richter, Rector E. W. Beschreibung des Königreichs. Sachsen in geogr., statist. und topogr. Hinsicht. 3 тома. Freiberg. 1847—1852. б. 8. (Окончено.)

Moser, Finanzrath, Beschreibung des Königreichs Würtemberg. Herausg. von dem Königl. statist.-topogr. Büreau. Mit Karten (in-fol.) Stuttgart. Cotta gr. 8.

Lachmann. Prof. Dr W. Physiographie des Herzogthums Braunschweig und des Harz-Gebirges, etc., 1-r Theil Braunschweig 1851. XIX и 292 стр. б. 8.

Географическое наше познаніе о Швейцаріи получило нѣкоторое приращеніе брошюрою:

Die Seitenthäler des Wallis und des Monte-Rosa. Topographisch geschildert von Melchior Ulrich. 1850.

Извѣстно, что кантонъ Валлисъ образуется долиною р. Роны, въ длинѣ 40 часовъ пути отъ истоковъ ея изъ горы Фурки, на высотѣ 5,100 фут., до Женевскаго озера, на высотѣ 1,150 фут., объемля собою сверхъ-того и всѣ побочныя доли-

ны до водораздѣла, образуемаго къ сѣверу Бернскими, а къ югу Пеннинскими Лепонтскими Альпами.

Прежде были намъ знакомы только три сѣверныхъ и тринадцать южныхъ изъ этихъ долинъ. Г. профессоръ Ульрихъ, странствіями своими въ горахъ Валлиса, приведенъ былъ къ открытію многихъ новыхъ, такъ-что въ сказанной брошюрѣ уже находимъ 24 сѣверныя долины и 25 южныхъ; но какъ многія изъ нихъ вовсе незначительны, то г. Ульрихъ преимущественно имѣлъ въ виду изслѣдованіе двухъ важнѣйшихъ побочныхъ долинъ, носящихъ названіе: die Visperthäler, и, по его свидѣтельству, горная ихъ природа далеко оставляетъ за собою все, что̀ только являетъ въ этомъ родѣ Швейцарія величественнаго. Честь этого открытія, впрочемъ, принадлежитъ не одному г. Ульриху: еще въ 1824 году, А. фонъ-Вельденъ, г. Гирцель и другіе, а въ особенности г. Морицъ Энгельгардтъ въ 1840 году, обращали вниманіе на этотъ дотолѣ еще вовсе неизвѣстный горный міръ. Собранныя ими свѣдѣнія г. Ульрихъ повѣрилъ и пріумножилъ во время троекратнаго посѣщенія имъ тамошняго края съ 1847 по 1849 годъ.

О долинѣ Виспа извлечемъ здѣсь слѣдующее, самое короткое свѣдѣніе:

Близъ Виспа (Visp) въ Ронскую долину спускается лощина, орошаемая рѣкою Виспомъ, имѣющею здѣсь массу воды не мѐньшую самой Роны, такъ-что она нерѣдко наводняетъ собою главную долину ниже Виспа. Эта лощина, въ четверть часа шириною, имѣетъ, по-видимому, не болѣе полутора часа длины, потому-что пересѣкается одною изъ вершинъ Засграта (Saasgrat). Бо̀льшая часть сказанной лощины занята рѣкою Виспомъ, но по сторонамъ она обработана, а въ особенности правая, восточная сторона террасами устроена подъ виноградники. Виды изъ этой лощины, а именно: гдѣ она переходитъ въ долину Заса, исполнены величія. Особенно грандіозенъ и обширенъ видъ съ Риффельгорна, — высоты, почитавшейся до послѣднихъ годовъ неприступною. Здѣсь взорамъ открывается полная панорама сосѣднихъ горъ, ледниковъ и озеръ; въ числѣ первыхъ сто̀итъ только упомянуть Маттергорнъ, Вейсгорнъ, Юнгфрау и Монте-Розу. Какъ Риффельгорнъ есть главный пунктъ для осмотра Монте-Розы, съ его ближайшею окрестностью, такъ Гёрнли, или Гюрели, есть главный пунктъ для

обозрѣнія Маттергорна и его окрестностей. О первомъ изъ этихъ видовъ г. Ульрихъ говоритъ, что онъ не скоро можетъ изгладиться изъ памяти. Сверхъ-того, за нѣсколько лѣтъ туристы стали посѣщать также Нижній Ротгорнъ поверхъ Финделена. Самъ авторъ не былъ на этомъ пунктѣ, но, судя по его положенію насупротивъ двухъ первыхъ высотъ, полагаетъ, что онъ долженъ представлять еще обширнѣйшій видъ.

Г. Ульрихъ ограничился только топографическимъ очеркомъ побочныхъ долинъ Валлиса; но описеніе его, конечно, много выиграло бы, еслибъ было оживлено замѣтками о самихъ обитателяхъ страны, ихъ бытѣ и т. д. Въ особомъ приложеніи авторъ описываетъ нѣсколько странствій по Засграту и его ледникамъ, а въ заключеніе указываетъ на изготовленную Штудеромъ въ $\frac{1}{100000}$ долю естественной величины карту южныхъ долинъ Валлиса, отъ Заса до Банья, основанную на 70 тригонометрически-снятыхъ пунктахъ, присовокупляя, что предлежащая брошюра можетъ почесться коментаріемъ этой карты.

Между-тѣмъ, со времени появленія этой брошюры и г. Морицъ Энгельгардтъ, съ своей стороны, издалъ описаніе хребта Монте-Роза:

Engelhardt, Chrn. Moritz, der Monte-Rosa und Matterhorn (Mont-Carvin) Gebirg, aus der Jenseite seines Erhebungsbogens gen Nord; seine Ausläufer und Umgrenzung, besonders der Saasgrat mit dem Gletscherkrater von Fee. Strasburg. 1852. XXVIII и 247 стр. съ литографическою картою въ б. in-fol. и 2 таблицами.

Изъ числа другихъ сочиненій о Швейцаріи упомянемъ о продолженіи общаго историческаго, статистическаго и географическаго описанія этой страны, предпринятаго знатнѣйшими тамошними учеными:

Villiemin, Prof. L. Gemälde hist., geogr., stat. der Schweiz. XIX. Bd. St. Gallen. Huber et Co. 1849.

Далѣе:

Hamm, Wilh. Die Schweiz, topogr., ethnogr. und politisch. 2 Theile. Leipzig. Weber 1. Theil Die Urkunden. 1847. 2. Theil 1848.

Studer G. Das Panorama von Bern, Schilderung der in Berns Umgebungen sichtbaren Gebirge. Bern. 1850. IV. 252. 8.

Kohl, J. G. Alpenreisen. 3. Theile. Leipzig. 1849—1851. Arnold. gr. 12.

Послѣ многочисленныхъ частныхъ геологическихъ изслѣдованій, учиненныхъ въ разныхъ частяхъ Гельвеціи Шейхцеромъ, Бурге (Bourguet), де-Соссюромъ, Грунеромъ, Эмеромъ фонъ-деръ-Линтомъ, Эбелемъ, Геромъ (Heer), Леопольдомъ фонъ-Бухомъ, Форбесомъ и другими, и по собраніи ими обильнѣйшаго запаса наблюденій по этой части, можно было ожидать, что приступлено будетъ и къ совокупленію разбросанныхъ фактовъ въ одно цѣлое. Первыми попытками въ этомъ родѣ слѣдуетъ почесть знаменитыя письма Л. фонъ-Буха объ Альпахъ, упомянутое въ предъидущемъ обзорѣ сочиненіе Форбеса и геологію западныхъ Альповъ Штудера. Но все еще недоставало полной и подробной общей картины Швейцаріи съ геологической точки зрѣнія. Это нынѣ исполнено въ книгѣ:

Geologie der Schweiz von B. Studer, Professor an der Universität zu Bern. 1. Bd Bern und Zürich. 1851. 485 стр. 8.

Здѣсь неутомимый швейцарскій геологъ собралъ воедино всѣ сдѣланныя до сихъ поръ объ Альпійской цѣпи горъ изслѣдованія, повѣривъ и дополнивъ ихъ собственными своими двадцати-пяти-лѣтними разысканіями. Не ограничась, впрочемъ, одною Гельвеціею, онъ включилъ въ предѣлы своего обозрѣнія также нѣкоторыя изъ сосѣдственныхъ и сродныхъ съ нею, по геологическому своему строенію, земель, и приложенная къ 1-му тому карта объемлетъ собою всю цѣпь Альповъ отъ Марсели до Тироля, съ южными ея Аппенинскими отрогами, вмѣстѣ съ сѣвернымъ ея продолженіемъ, хребтомъ Юры отъ Шамбери до самой Швабіи.

Всю Альпійскую цѣпь Штудеръ, относительно къ геологическому ея характеру, раздѣляетъ на 3 пояса. Центральный поясъ состоитъ изъ кристаллообразныхъ горнокаменныхъ породъ и собственно образуетъ собою рядъ отдѣльныхъ толщей. составленныхъ изъ гнейса и имѣющихъ видъ продолговатыхъ эллипсовъ, вокругъ которыхъ расположены болѣе или менѣе метаморфическіе сланцы. Главное отличіе гнейса — опахаловидное его сложеніе. Такихъ-то гнейсовыхъ толщей считается 12, а именно: Красныя Иглы (les Aiguilles Rouges), Монбланъ, Финстеръ-Аргорнъ, Сенъ-Готаръ, Валлійскіе Альпы, Тессинскіе Альпы, гора Адула (Adula), гора Сурета (Sureta),

прилежащія къ итальянскимъ озерамъ горы, центральныя массы Бернины, Сельвретты и Эцталеръ-Фернера (Oezthaler-Ferner).

Изъ числа сланцевъ въ центральномъ поясѣ главные суть сѣрые, состоящіе изъ хряща, брекчій (brèches) и конгломератовъ кварца и известняка.

Южный поясъ заключаетъ въ себѣ тріасовыя наслоенія (les couches triasiques) Итальянскаго Тироля, доломиты озеръ, ліасовыя окрестности озеръ Комскаго и Луганскаго, аммонитовый известнякъ и, наконецъ, мѣловыя и третичныя наслоенія, спускающіяся въ долину рѣки По.

Во второмъ томѣ авторъ предполагаетъ разсмотрѣть сѣверный поясъ Альповъ, и сюда войдетъ также описаніе сѣвернаго ската Альпійскихъ горъ и изображеніе хребта Юры.

Такимъ-образомъ, сочиненіе Штудера, по окончаніи своемъ, представитъ намъ полную геологическую картину страны, которую мы до сихъ поръ привыкли разсматривать главнѣйше съ живописной точки зрѣнія, и которая, однакожь, въ столь высокой степени заслуживаетъ вниманіе наблюдателя по грандіозности происшедшихъ въ ней переворотовъ природы.

Для сличенія съ вышеприведенными геологическими поясами Альповъ приведемъ здѣсь изъ диссертаціи:

Ueber die Vegetationszonen und Temperaturverhältnisse in den Alpen von C. Fischer-Oester. Bern. 1848. 31 стр. 8 и 2 литогр. таблицы.

взглядъ на тамошніе поясы растительности. Авторъ дѣлитъ растительность Альповъ также на 3 пояса:

1) *Альпійскій*, отъ 0° до 1200° абсолютной теплоты, отъ самой высшей межи лѣсовъ до послѣднихъ высотъ, гдѣ еще попадается нѣкотораго рода растительность, — итакъ, отъ 5500′ до 9000′. Средняя температура здѣсь отъ + 1° до — 6°.

2) *Горный*, отъ 1200° до 2400° абсолютной теплоты, отъ самой верхней границы лѣсовъ до той черты, гдѣ начинается разведеніе овощей и хлѣбныхъ растеній. Отъ 5500′ до 2700′ или и 3000′. Здѣсь средняя температура отъ + 1 до + 6°.

3) *Холмистый*, отъ 2400° до 3600° абсолютной теплоты, съ возвышенностью надъ зеркаломъ моря отъ 3000′ до самыхъ долинъ и съ среднею температурою отъ + 6° до + 9°.

Каждый изъ этихъ трехъ поясовъ еще дѣлится на два; итакъ, мы получимъ:

а) *Верхнюю Альпійскую* область, отъ 0° до 600° абсолютной теплоты, съ возвышеніемъ въ сложности отъ 7500′ до 9000′ надъ уровнемъ моря и среднею температурою отъ — 3° до — 6°. Это собственно пастбища овецъ и козъ. Лѣтній климатъ этой страны соотвѣтствуетъ климату Шпицбергена, Гренландіи, Мельвиллева острова, а отчасти также Лапландіи, Алтая, сѣверо-восточной Сибири и Скалистыхъ горъ.

б) *Нижнюю Альпійскую*, отъ 600° — 1200° абсолютной теплоты, съ возвышенностью поверхъ моря въ сложности отъ 7500′ — 5500′ и среднею температурою отъ — 3° до + 1°. Это область лѣтнихъ пастбищъ для коровъ, мѣстопребываніе самыхъ высшихъ пастушечьихъ шалашей. Лѣтняя ея температура сходствуетъ съ температурою сѣверо-западной Норвегіи, Нордъ-Капа, Альповъ средней Лапландіи, Исландіи, Алтая, сѣверной части Сибири и Сѣверной Америки.

а) *Верхнюю горную область*, отъ 1200° до 1800° абсолютной теплоты, съ вышиною надъ моремъ отъ 5500′ до 4000′ и среднею температурою отъ + 1° до + 3°, 5; это верхняя область елей до начала лиственныхъ лѣсовъ. Она соотвѣтствуетъ лѣсной области Лапландіи.

б) *Нижнюю горную область*, отъ 1800° до 2400° абсолютной теплоты; средняя температура отъ + 3°, 5 до 6°; вышина надъ моремъ отъ 4000′ до 3000′, а нерѣдко и до 2700′. Это область отъ верхней грани лиственныхъ лѣсовъ до черты разведенія овощей и хлѣбныхъ растеній. Лѣтній ея климатъ одинаковъ съ климатомъ сѣверной Швеціи, Финляндіи, Петербурга и сѣверныхъ частей средней Россіи до Москвы и Казани.

а) *Верхнюю холмистую* область, отъ 2400° до 3000° абсолютной теплоты; средняя температура отъ + 6° почти до 8°; вышина надъ моремъ различная, смотря по мѣстоположенію. Это область овощей, ячменя, овса и картофеля; но недостаетъ виноградной лозы и орѣшника. Лѣтнимъ своимъ климатомъ она подходитъ къ южной Швеціи и Норвегіи, къ окрестностямъ Москвы и внутренности Россіи, къ Литвѣ, къ остзейскимъ губерніямъ, восточной Пруссіи до Берлина, сѣверной Польшѣ и сѣверной части низовой Шотландіи до Эдинбурга.

Наконецъ, б) *нижнюю холмистую* область, отъ 3000° до 3600° абсолютной теплоты, съ среднею температурою градусовъ отъ 8 до 9 съ лишкомъ; она не восходитъ выше 2000′, а обыкновенно остается ниже 500′. Здѣсь преуспѣваютъ орѣховое дерево, виноградная лоза и нѣжныя плодовыя деревья, какъ-то: персикъ и абрикосъ. Она объемлетъ собою южную Германію, область Рейна, юго-западную и часть сѣверной Швейцаріи и долину Рейна.

Также знаменитый членъ нашей Академіи Наукъ и Географическаго Общества, британскій геологъ Мурчисонъ, неоднократно, а въ послѣдній разъ въ 1848 году посѣтившій Альпы, издалъ собранныя имъ во всѣ эти странствія замѣчанія подъ заглавіемъ:

On the geological structure of the Alps, Appenines and Carpathians; by sir Roderick Impey Murchison. London 1849.

Еще нельзя не указать на весьма поучительную, читанную тѣмъ же самымъ геологомъ въ Лондонской Академіи Наукъ (Royal Institution), 7 марта 1851 года, лекцію о прежнихъ переворотахъ въ Альпійской цѣпи горъ (On the former Changes of the Alps). Въ этой статьѣ сэръ Родерикъ, на палеонтологическомъ основаніи, т.-е. изъ послѣдовательности органическихъ останковъ, старается угадать перемѣны, какимъ въ разныя эпохи подвергалась цѣпь Альповъ. Для болѣе нагляднаго объясненія этихъ переворотовъ, представлены были три картины, или панорамы, изображавшія часть хребта въ три разныя эпохи времени. Первая являетъ Альпы въ видѣ растянутаго архипелага острововъ, составленныхъ по бо́льшей части изъ силурійскихъ и другихъ древнѣйшихъ осадковъ, вынырнувшихъ изъ моря въ то время, когда суша еще была покрыта тропическою растительностью каменно-угольнаго періода. Вторая представляетъ Альпы горнымъ хребтомъ, въ которомъ подняты были наружу всѣ формаціи дна морскаго, начиная отъ средне-вѣковыхъ до древнѣйшей третичной или эоценой. Каждая горнокаменная порода обозначена особою краскою, съ показаніемъ содержащихся въ ней животныхъ. Третья картина назначена служить къ объясненію періода оледенѣнія, которое, по мнѣнію г. Мурчисона, послѣдовало внезапно. Въ одно и то же время вдругъ подняты были также пески и валуны со дна моря и раскинуты по бокамъ горъ въ

огромномъ количествѣ. Съ той поры выси Альповъ впервые облеклись снѣгомъ, образовались ледники и явились заносные камни (erratic blocks). Нельзя не признать, что избранный г. Мурчисономъ остроумный способъ не мало долженъ былъ содѣйствовать къ объясненію предмета, и что это есть одно изъ прекраснѣйшихъ приложеній художества — служить подпорою науки.

Подобно вышеприведеннымъ трудамъ, также основано на самостоятельныхъ изслѣдованіяхъ, но разнообразнѣе по своему содержанію, сочиненіе двухъ молодыхъ германскихъ геологовъ, братьевъ Шлагинтвейтовъ:

Untersuchungen über die physikalische Geographie der Alpen. Von Hermann und Adolph Schlagintweit. Leipzig. 1850. Barth. XIV и 600 стр., въ бол. дол. съ 11 чертежами и 2 картами.

Соединяя въ себѣ результаты трехлѣтняго изученія швейцарской природы (въ 1846, 1847 и 1848 годахъ) и объемля собою, въ четырехъ главныхъ отдѣлахъ, разысканія о ледникахъ, о геологіи, метеорологіи и ботанической географіи Альповъ, оно служитъ немаловажнымъ дополненіемъ познанію о свойствѣ этой цѣпи горъ. Особенно важна для географа 9 глава, гдѣ разсматривается образованіе долинъ и горъ въ Альпахъ и излагается согласное съ Штудеромъ мнѣніе о составленіи Альповъ изъ отдѣльныхъ группъ или центральныхъ толщей, отдѣляемыхъ одна отъ другой продольными и пересѣкаемыхъ поперечными долинами. Не менѣе поучительна и 18 глава, гдѣ показаны границы растительности, смотря по различію высотъ, и объяснена зависимость ея отъ разныхъ условій климата и образованія почвы, — глава, имѣющая тѣмъ болѣе цѣнности, что она бо́льшею частью основана на собственныхъ наблюденіяхъ авторовъ посредствомъ барометра или термобарометра. Большое число приложенныхъ къ книгѣ политипажей и раскрашенныхъ гравюръ еще болѣе возвышаетъ ея общеполезность.

Независимо отъ этого большаго сочиненія, г. Адольфъ Шлагинтвейтъ издалъ брошюру о геологическомъ строеніи Альповъ:

Schlagintweit, Adolph, Ueber den geologischen Bau der Alpen. Ein Vortrag im wissenschaftl. Vereine zu Berlin ge-

halten, am 20. März. Mit 1 (lith. u.) color. Taf. (in qu. Fol). Berlin. 1852. Hertz. 32 стр. въ больш. 8.

Изъ числа новѣйшихъ путеводителей по Швейцаріи внесемъ здѣсь:

Escher G. v. neuestes Handbuch für Reisende in der Schweiz und die angrenzenden Thäler von Oesterreich und Sardinien. Mit den Panoramen vom Rigi und Faulhorn; nebst Reiseroutenkarte (in Fol.) Zürich, 1851 Orell, Füssli. Co. CVI и 667 стр. 8.

Испанія въ 1848 году была посѣщена извѣстнымъ англійскимъ дипломатомъ, членомъ Парламента, г. Уркгартомъ и описана имъ вмѣстѣ съ противулежащею частью Африки въ книгѣ:

The Pillars of Hercules, or A Narrative of Travels in Spain and Marocco in 1848. By David Urqubart. Esqu. M. P. London. 1850. Bentley 2 vols.

Отъ опытнаго автора, уже съ молодыхъ лѣтъ знакомаго съ Испаніею, можно ожидать, что, не-смотря на извѣстныя свои оригинальныя предубѣжденія ко всему, что́ только дышетъ востокомъ, онъ съумѣетъ придать особенный интересъ путешествію въ тотъ же край, предпринятому въ болѣе зрѣлыя лѣта.

Одна изъ тѣхъ частей Испаніи, гдѣ еще наиболѣе сохранились старинные обычаи и весь прежній бытъ народа, въ томъ романтическомъ видѣ, какъ ихъ описываютъ писатели цвѣтущаго періода испанской литературы, есть Андалузія. Объ этой столь любопытной и живописной странѣ можно найти много новыхъ свѣдѣній въ книгѣ:

The Cities and Wilds of Andalusia. By the Hon. Robert Dundas Murray. London. 1849. Bentley 2 vols.

Хорошо знакомый съ испанскимъ языкомъ и проживъ въ Испаніи довольно долгое время, а притомъ исключительно въ сказанной области, г. Муррей имѣлъ случай ближе съ нею ознакомиться, чѣмъ мимолетные путешественники. Онъ не только посѣтилъ главные ея города, гдѣ, какъ членъ англійской аристократіи, имѣлъ доступъ въ кругу лучшихъ обществъ, но еще объѣхалъ страну въ разныхъ направленіяхъ проселочными дорогами и даже углублялся въ самыя гористыя ея части, куда лишь рѣдко проникаютъ и сами туземцы. Оттого книга его, по отзывамъ англійскихъ критиковъ, луч-

ше и живѣе рисуетъ намъ физіономію страны и бытъ ея жителей, чѣмъ бо́льшая часть доселѣ изданныхъ о ней описаній.

Нынѣшнее состояніе Испаніи описано Англичаниномъ Госкинсомъ въ книгѣ:

Spain as it is By G. A. Hoskins. London. 1851. 2. vols. $43^1/_2$ листа (въ 8.)

и тамошнимъ прусскимъ генеральнымъ консуломъ, барономъ Минутоли, въ книгѣ:

Minutoli, Dr. Jul. Frhr. v. Spanien und seine fortschreitende Entwickelung mit besonderer Rücksicht des Jahres 1851. Berlin. 1852. Duncker. XII и 609 стр. б. 8.,

а спеціально въ политико-экономическомъ отношеніи Циглеромъ, въ сочиненіи:

Reise in Spanien Mit Berücksichtigung der national-ökonomischen Interessen. Leipzig. 1852. Fr. Fleischer. 2 тома. XII и 860 стр. б. 8.

Болѣе бѣгло, какъ результатъ поѣздки нѣсколькихъ мѣсяцевъ, хотя, впрочемъ, не лишено занимательности для того, кто желаетъ получить понятіе объ оригинальномъ типѣ Испаніи, сочиненіе г. фонъ-Рохау:

Rochau, Aug. Ludw. von, Reiseleben in Südfrankreich und Spanien. Stuttgart. 1847. Cotta. 2 тома. 312 и 297 стр. б. 8.

Гораздо менѣе политическаго и общественнаго состоянія Испаніи извѣстенъ намъ естественный ея бытъ, хотя и онъ, въ-слѣдствіе рѣзкой физической пластики страны, отдѣленія ея самою природою отъ Европы и изолированнаго положенія между Европою и Африкою, оклейменъ неме́ньшею самобытностью. Изъ числа естествоиспытателей, въ новѣйшія времена посѣтившихъ Пиренейскій полуостровъ, въ особенности Морицъ Вилькоммъ обратилъ вниманіе на оригинальность физической природы и геологіи этого края, который не совсѣмъ безъ основанія называютъ «отрывкомъ Африки». Впечатлѣнія свои во время перваго двухлѣтняго своего тамъ пребыванія онъ передалъ намъ въ книгѣ:

Willkomm, M. Zwei Jahre in Spanien und Portugal. Reiseerinnerungen. Leipzig. 1847 и 1848. Arnold. 3 тома (12),

которая была встрѣчена съ живымъ одобреніемъ въ ученомъ и образованномъ кругу читателей и служитъ руководствомъ всѣмъ почти германскимъ путешественникамъ, посѣщаю—

щимъ Испанію. Это-то самое участіе побудило автора ко вторичному туда путешествію, на которое онъ предполагалъ посвятить болѣе двухъ лѣтъ, чтобы точнѣе изучить съ географической, геологической, минералогической и ботанической точекъ не только всѣ области Испаніи и Португаліи, но Балеарскіе и Питіузскіе острова. Приготовясь къ тому обширнымъ предварительнымъ изученіемъ страны, онъ предпринялъ свой путь весной 1850 года, при помощи денежныхъ пособій, обѣщанныхъ ему подпискою разныхъ лицъ. Но неисполненіе данныхъ обѣщаній, къ сожалѣнію, принудило ревностнаго натуралиста возвратиться на половинѣ предпріятія; впрочемъ, онъ успѣлъ обозрѣть нѣкоторыя области Испаніи, прежде имъ не посѣщенныя, и именно сѣверныя и среднія, такъ-что это путешествіе можно отчасти почесть дополненіемъ перваго, болѣе касавшагося юга Испаніи. Весьма занимательныя для естествоиспытателя, а въ-особенности для ботаника, письма его изъ Пиренейскаго полуострова помѣщены въ «Botanische Zeitung» 8 ter Jahrgang, 1850. Отчетъ же о самомъ путешествіи вышелъ подъ заглавіемъ:

Willkomm, Dr. Moritz, Privatdocent an der Universität zu Leipzig, Wanderungen durch die nordöstlichen und centralen Provinzen Spaniens. Reiseerrinnerungen aus dem Jahre 1850. Leipzig. 1852. Arnold. 2 тома (XVII и 812 стр. 8.

Сверхъ-того, ученые результаты путешествія изданы въ особенномъ сочиненіи:

Willkomm, Dr. Moritz, Die Strand- und Steppengebiete der Iberischen Halbinsel und deren Vegetation. Ein Beitrag zur physikal. Geographie, Geognosie und Botanik. Nebst einer lith. und illum. geognostisch-botanischen Karte der Halbinsel. Leipzig 1853. Fr. Fleischer. X и 276 стр. б. 8.

Здѣсь насъ въ-особенности интересуютъ этнографическія замѣтки автора, доказывающія, что онъ съ неменьшею вѣрностью умѣетъ схватывать отличія человѣка, какъ и самой природы. Сюда относятся изображеніе Басковъ въ VII главѣ перваго, Аррагонцевъ — въ III главѣ, и сравненіе племенъ Кастиліи, Леона и Эстремадуры — въ XI главѣ втораго тома. Выберемъ здѣсь нѣкоторыя черты изъ этихъ трехъ главъ:

«Испанія — говоритъ авторъ — есть страна контрастовъ не только въ ландшафтномъ отношеніи, но и относительно къ

характеру, нравамъ и обычаямъ, социальному и политическому быту, вещественному и умственному состоянію народа. Уже во время перваго моего путешествія я часто имѣлъ случаи дѣлать это замѣчаніе (напомню здѣсь о разительномъ отличіи въ физіономіи, характерѣ и нравахъ между жителями Валенціи и Ламанчи, Андалузіи и Альгарвіи, и пр.); но нигдѣ я не былъ пораженъ такой рѣзкой противоположностью, какъ между Аррагонцами и ихъ сосѣдами, особенно Валенціянцами и Басками. Вступая въ Аррагонію изъ Наварры, Каталоніи или Валенціи, какъ бы переносишься въ какую-нибудь отдаленную страну, къ совершенно другому народу. Тутъ уже нѣтъ болѣе слѣда культуры сказанныхъ областей: тщетно ищешь хорошо обработанныхъ нивъ, красиво воздѣланныхъ полей Валенціи, гордыхъ фабричныхъ зданій Каталоніи, веселыхъ мызъ (Caserio's) и зажиточныхъ селеній Басковъ; непринужденное радушіе и довѣрчивое обхожденіе Басковъ, смѣлая живость Каталонцевъ, гостепріимство и предупредительная вѣжливость Валенціанца исчезли. Голыя, скудно населенныя, мало и бѣдно воздѣланныя равнины и романтическія лѣсистыя горы укрываютъ въ себѣ скрытное, нелюдимое племя. Мраченъ и угрюмъ, какъ и самая страна, житель ея, гордый Аррагонецъ. Но подъ этою суровою оболочкою кроется достойный уваженія характеръ, одаренный прекрасными качествами, и я охотно вѣрю тому, что̀ мнѣ утверждали многіе Испанцы, а именно, что, узнавъ ближе Аррагонца, нельзя не любить и не уважать его. Это еще не отшлифованный алмазъ, или, вѣрнѣе сказать, запущенное, рѣзвое дитя.

Нынѣшніе Аррагонцы суть смѣшанное племя, не первобытный народъ, какъ Баски. Отъ первоначальныхъ обитателей этой области, Цельтиберовъ, не осталось ни слѣда. Они, или по-крайней мѣрѣ языкъ и нравы ихъ, были истреблены множествомъ чужихъ народовъ, наводнявшихъ Аррагонію со временъ римскаго господства до нашествія Арабовъ. Нынѣшній Аррагонецъ и его характеръ преимущественно образовались во время борьбы противъ Мавровъ и въ эпоху слѣдовавшаго за нею Аррагонскаго королевства. Небольшая горсть суровыхъ, гордыхъ, необузданныхъ воиновъ положила основаніе Аррагонской монархіи, которая, по присоединеніи къ ней Каталоніи, Валенціи и Балеарскихъ острововъ, нѣкоторое время играла

одну изъ значительнѣйшихъ ролей въ ряду европейскихъ державъ. Мудрено ли, что народъ, добывшій себѣ мечемъ всякую пядень своей земли и возвеличившійся собственною своею силою, сталъ властолюбивымъ, гордымъ, упорнымъ, воинственнымъ, любящимъ приволье и чуждымъ мирныхъ занятій гражданскихъ ремеслъ, торговли и земледѣлія? Такъ развились въ немъ свойства гордости, строптивости, вспыльчивости, властолюбія и упрямства, наклонности къ бездѣятельной, скитальнической, независимой жизни и къ войнѣ, которыя и до сихъ поръ отличаютъ Аррагонца. Дѣйствительно, и нынѣ еще эта область доставляетъ Испаніи храбрѣйшихъ и лучшихъ ея солдатъ и самыхъ смѣлыхъ охотниковъ, но вмѣстѣ также отважнѣйшихъ контрабандистовъ и разбойниковъ. А съ другой стороны — нигдѣ въ Испаніи земледѣліе и фабрики не стоятъ на такой низкой степени, какъ въ Аррагоніи, несмотря на то, что эта область очень способна для обѣихъ отраслей промышленности, будучи пересѣкаема во всѣхъ направленіяхъ обильными водою рѣками.»

Со временъ французской династіи (Филиппа V), поправшей древніе уставы, фуэросы и привилегіи Аррагоніи, въ характерѣ Аррагонца образовались нѣкоторыя черты, прежде ему, вѣроятно, чуждыя: это — скрытность, брюзгливый и недовѣрчивый нравъ и ненависть ко всему иностранному, — свойства, которыя Аррагонецъ раздѣляетъ съ Каталонцемъ. Простолюдинъ въ Аррагоніи вообще гордъ, кичливъ и вспыльчивъ безъ всякой вѣжливости. Недовѣрчиво онъ смотритъ на иностранца, не кланяется ему, едва благодаритъ за его привѣтствіе. Онъ важенъ, молчаливъ, холоденъ и равнодушенъ въ обращеніи и, если встрѣтитъ противорѣчіе, грубъ и заносчивъ... и этотъ характеръ выражается уже въ самой физіономіи Аррагонца.... въ его худощавомъ, очень смугломъ лицѣ и маленькихъ, впалыхъ, проницательныхъ, черныхъ глазахъ.... а равно и въ сухомъ, костливомъ его тѣлосложеніи. Впрочемъ, вышесказанныя непривлекательныя черты характера, по замѣчанію Вилькомма, болѣе свойственны жителямъ плоской земли, особенно равнинъ Эбро, отличающихся своею грубостью. Аррагонскіе горцы добродушнѣе и менѣе скрытны.... Но на ряду со многими непріятными чертами Аррагонецъ обладаетъ и прекрасными качествами: онъ вообще правдивъ и честенъ,

разсудителенъ и дѣйствуетъ не прежде, какъ хорошенько все обдумавъ напередъ, — но потомъ уже съ тѣмъ бо́льшею энергіею и желѣзною настойчивостью; пламенно любитъ свое отечество и защищать его считаетъ высочайшею своею славою, очень умѣренъ и доволенъ своимъ жребіемъ; гнушается шумныхъ забавъ, а поэтому также пляски и вина. Образованный Аррагонецъ строгъ въ соблюденіи этикета и имѣетъ въ своемъ обращеніи какую-то холодную, гордую вѣжливость, отталкивающую всякаго, кто привыкъ къ довѣрчивости Басковъ или къ шумной веселости южнаго Испанца. Притомъ онъ вообще врагъ роскоши, и только въ Сарагоссѣ съ недавняго времени начинаетъ входить въ употребленіе французская роскошь.

Взглянемъ теперь на характеръ Басковъ, которые, какъ извѣстно, считаютъ себя сами прямыми потомками первобытныхъ жителей Пиренейскаго полуострова, единственнымъ остаткомъ первоначальнаго ея населенія, а языкъ свой — тѣмъ же самымъ, которымъ говорили первые люди въ раю.

Типъ басскаго народа чисто сохранился только въ такъназываемыхъ басскихъ провинціяхъ Испаніи, которыхъ населеніе не превышаетъ 300,000 человѣкъ. Сохранивъ свою независимость противъ всѣхъ завоевателей Испаніи — Римлянъ, племенъ разлившихся по Иберскому полуострову во время переселенія народовъ, и Арабовъ, и обязанные всѣмъ своимъ благосостояніемъ своимъ собственнымъ учрежденіямъ и своей собственной силѣ, Баски такъ же горды, привязаны къ свободѣ, энергичны и непреклонны, какъ Аррагонцы, но, съ другой стороны, нрава веселаго, гостепріимны, безкорыстны и неутомимы въ трудѣ. Гордясь своею страною, никѣмъ еще не покоренною, они почти съ презрѣніемъ и жалостью смотрятъ на своихъ сосѣдей, Аррагонцевъ и Каталонцевъ, а тѣмъ болѣе на вертлявыхъ, непостоянныхъ, хвастливыхъ и суетливыхъ Андалузцевъ. Не ненавидя прочихъ Испанцевъ, какъ Каталонецъ, Баскъ считаетъ свой народъ какъ древнѣйшимъ, такъ и первымъ и лучшимъ въ Испаніи, а поэтому отъявленный врагъ всѣхъ революцій и переворотовъ, угрожающихъ быту и спокойствію его отчизны.

Въ домашней жизни Баски учтивы, ласковы, радушны и щедры, а иностранцевъ принимаютъ не съ отталкивающею

грубостью, какъ Аррагонецъ и Каталонецъ, а съ предупредительною вѣжливостью, услужливостью и безкорыстіемъ; своею довѣрчивостью въ обхожденіи, невинною веселостью и ласковостью они много сходствуютъ съ Андалузцами, но менѣе отшлифованы, менѣе ловки и не такъ словоохотны, тщеславны и хвастливы. Честность и правота Басковъ славятся во всей Испаніи: нарушить данное слово считается у нихъ за безчестіе; воровство и обманъ между ними чрезвычайно рѣдки. Будучи общежительны, Баски страстно предаются общественнымъ увеселеніемъ, особенно пляскѣ и вину. Чуждые ханжества, они очень набожны и строго соблюдаютъ предписанія Церкви. По физической своей природѣ, они рослы, крѣпки, дюжи и очень здоровы, мускулёзны, плечисты, имѣютъ довольно свѣтлый цвѣтъ кожи и не очень темные, даже нерѣдко бѣлокурые волосы и полныя круглыя лица, съ добродушнымъ, отчасти меланхолическимъ выраженіемъ.

Баски обладаютъ большимъ музыкальнымъ талантомъ, но, къ сожалѣнію, не воздѣлываютъ его. Съ неутомимою дѣятельностью они занимаются земледѣліемъ и разными промыслами, особенно требующими силы и сопряженными съ опасностью. Относительно къ матеріальному состоянію, басскія провинціи хотя и были столь долгое время позорищемъ междоусобій, принадлежатъ, однакожь, къ самымъ цвѣтущимъ, зажиточнымъ и счастливымъ на всемъ полуостровѣ и даже во всей Европѣ.

Если отъ этихъ племенъ сѣверной Испаніи перейдемъ къ тѣмъ, которыя населяютъ плоскогорье средней, то опять встрѣчаемъ совершенно другой оттѣнокъ. Подобно Аррагонцамъ и бóльшей части племенъ полуострова, и они также не потомки первосельцевъ, но уже смѣшанные народы, которые, однако, судя по ихъ нравамъ, имѣютъ одинаковое происхожденіе (*): они составились изъ смѣшенія много-

(*) Впрочемъ, авторъ замѣчаетъ, что въ трудно-доступныхъ гористыхъ частяхъ средней Испаніи еще сохранились остатки первобытнаго населенія, хотя и съ нѣкоторою смѣсью. Сюда онъ причисляетъ, уже описанныхъ имъ въ первое его путешествіе, Мараготосовъ въ горахъ Асторскихъ въ Леонѣ, жителей Валле-де-Мена въ Бургосскихъ горахъ Старой Кастиліи а равно Леонцевъ лѣсистаго плоскогорья къ сѣверу отъ Бехара (Bejar). На счетъ послѣднихъ онъ, впрочемъ, колеблется, не слѣдуетъ ли ихъ считать за осколокъ поселившихся тамъ Готовъ, по-крайней мѣрѣ судя по ихъ голубымъ глазамъ и бѣлокурымъ волосамъ.

численныхъ чужихъ племенъ, послѣдовательно наводнявшихъ полуостровъ во время переселенія народовъ, съ первосельцами и потомками водворившихся въ Испаніи Римлянъ. Къ этому еще должно прибавить маврскую кровь, однако, въ гораздо меньшей мѣрѣ, чѣмъ на югѣ и юго-востокѣ полуострова; потому-что на сѣверѣ господство Арабовъ было только кратковременно. Всего чище отъ примѣси Мавровъ Леонцы и жители Старой Кастиліи, еще понынѣ съ гордостью называющіе себя, подобно Баскамъ, Астурійцамъ и обитателямъ Галиціи: cristianos viejos — древними христіанами.

По физической своей природѣ, жители средней Испаніи вообще народъ крѣпкій. Мужчины мускулёзны, но сухощавы, средняго роста, исключая Эстремадурцевъ, которые по большей части очень рослы. Женщины стройны, полны и одарены большою природною граціей, особенно Кастильянки. У обоего пола преобладаютъ смуглый цвѣтъ лица, черные волосы и глаза. Физіономія обитателей Старой Кастиліи можетъ служить типомъ обще-испанской: болѣе длинное, чѣмъ широкое, худощавое лицо, съ острымъ подбородкомъ, прямымъ носомъ, высокимъ лбомъ, большими глазами и густыми, выдавшимися бровями. Эстремадурцы имѣютъ въ своей физіономіи нѣчто особенное: небольшіе сверкающіе глаза придаютъ худощавымъ ихъ лицамъ какое-то важное, меланхолическое выраженіе. Ново-кастильцы составляютъ какъ бы переходъ къ Аррагонцамъ, а Леонцы едва отличаются отъ Старо-Кастильцевъ.

Сходство племенъ средней Кастиліи не столько заключается въ ихъ физіономіи и тѣлодвиженіяхъ, сколько въ ихъ характерѣ. Исто-кастильскій характеръ, преобладающій у всѣхъ жителей средняго плоскогорья, ядра Испаніи, особенно отпечатлѣнъ въ обитателяхъ Старой Кастиліи, Леона и Эстремадуры. Жители Новой Кастиліи болѣе подходятъ къ Аррагонцамъ, но только гораздо ихъ образованнѣе. Выдающіяся черты кастильскаго характера — безпредѣльная, но благородная гордость, честолюбіе, откровенность, безкорыстіе, довольство малымъ, непоколебимая преданность къ старинѣ, а въ-слѣдствіе того равнодушіе къ нововведеніямъ и особенно къ успѣхамъ промышленности. Послѣднее, можетъ-быть, происходитъ и оттого, что жители средней Испаніи исключителяно земле-

дѣльцы. Ко всѣмъ этимъ чертамъ присоединяется мѣрная, молчаливая важность и строгая формальность, особенно у Эстремадурцевъ, которые могутъ сидѣть вмѣстѣ по цѣлымъ часамъ, не говоря ни слова, и лишь изрѣдка улыбаются. Этою-то степенною важностью они очень сходствуютъ съ своими сосѣдями, Португальцами, отличаясь, однако, отъ нихъ своею молчаливостью и удаленіемъ отъ всякаго хвастовства и краснобайства. При всей своей необыкновенной степенности, молчаливости и формальности, Эстремадурцы не производятъ непріятнаго впечатлѣнія, а напротивъ-того, имѣютъ въ своей физіономіи нѣчто добродушное и честное, и, дѣйствительно, эти два качества, послѣ честолюбія, составляютъ разительнѣйшія черты характера Эстремадурцевъ. Въ сношеніяхъ съ чужестранцами качества эти выражаются большою учтивостью и безкорыстною услужливостью. Самый простой крестьянинъ и пастухъ вѣжливо кланяется страннику, и если войдешь въ его хижину, съ радушнымъ привѣтствіемъ, немедленно предлагаетъ вамъ почетное мѣсто въ лучшихъ креслахъ у очага; всѣ стараются услужить гостямъ, не требуя за то никакого вознагражденія. Вообще авторъ свидѣтельствуетъ, что жители Старой Кастиліи и Леона еще сохранили въ себѣ благородный, непреклонный характеръ древнихъ Кастильянцевъ, изображаемый въ романсахъ о Сидѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ строгую нравственность, истинное гостепріимство, уваженіе къ чужой собственности и отвращеніе отъ грубыхъ преступленій. Покражи у нихъ случаются только весьма рѣдко. Подобно Эстремадурцамъ, также Леонцы и Старо-Кастильцы важнѣе и формальнѣе, но нѣсколько общежительнѣе; любятъ сидѣть вмѣстѣ у очага или дверей дома и проводить время въ веселой бесѣдѣ и въ пляскѣ подъ звуки гитары или тамбурина. Ново-Кастильцы отличаются отъ трехъ вышесказанныхъ племенъ бо́льшею живостью, обнаруживающеюся въ словоохотливости и нѣкоторой вспыльчивости. Въ физіономіи они имѣютъ, подобно Аррагонцамъ, нѣчто лукавое и, будучи очень остроумны, любятъ, какъ и Андалузцы, насмѣшку, особенно на-счетъ иностранца, что́ вовсе чуждо характеру старо-кастильскому. Вообще Ново-Кастилецъ, по замѣчанію Вилькомма, уступаетъ въ любезности Старо-Кастильцу и не такъ откровененъ, ласковъ, услужливъ и участливъ, какъ его сосѣдъ по ту сторону

горъ. Вообще, ближе къ Аррагоніи, Ново-Кастилецъ сливается съ Аррагонцемъ.

Что́ касается умственныхъ способностей, то изъ жителей средней Испаніи всѣхъ болѣе одарены ими Ново-Кастильцы, а наименѣе—Эстремадурцы. Но всѣмъ имъ свойственна нѣкоторая лѣность, а особливо жителямъ ла-Манчи, Эстремадуры и Леона, и оттого всѣ Средне-Испанцы мало предпріимчивы и чужды новизнѣ. Эта лѣность отчасти основана и на недостаткѣ обученія.

Впрочемъ, г. Вилькоммъ свидѣтельствуетъ, что въ новѣйшее время въ Кастиліи, особенно въ Новой, довольно много сдѣлано для образованія народа. Вообще здѣсь съ нѣкотораго времени начинаетъ оказываться вліяніе столицы, какъ съ хорошей, такъ и съ дурной стороны. Кто хочетъ изучить прекрасныя, благородныя черты кастильянскаго характера, тотъ не долженъ итти въ ближайшія къ Мадриду или лежащія по большой дорогѣ мѣста и селенія, а въ Старую Кастилію, Леонъ, Эстремадуру, въ Новой же Кастиліи — въ области Гвадалахару, Толедо и Куэнсу.

По причинѣ врожденной жителямъ безпечности и равнодушія къ нововведеніямъ, земледѣліе и промышленность въ средней Испаніи стоятъ на весьма низкой степени: первое уже отъ недостатка дорогъ и трудности сбыта, на-счетъ второй же авторъ сомнѣвается, чтобы средняя Испанія когда либо могла сдѣлаться страною промышленною. Пространныя, по бо́льшей части обнаженныя отъ лѣса и, за исключеніемъ степей Новой Кастиліи, вообще плодородныя земли преимущественно обречены хлѣбопашеству. Только долины Сіерры де-Куэнса и другихъ, окружающихъ среднюю Испанію горъ, гдѣ имѣются въ изобиліи лѣсъ и вода, способны къ заложенію фабрикъ.

Испаніи, впрочемъ, кажется, предстоитъ лучшая будущность. Въ новѣйшее время экономическія общества прилагаютъ похвальное стараніе къ развитію земледѣлія и промысловъ. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ обработка земли находится въ нѣсколько лучшемъ состояніи, какъ-то: въ Галиціи, Астуріи, Гранадѣ и Мурціи, еще болѣе въ басскихъ провинціяхъ, а наиболѣе въ Валенціи. Промышленность также начинаетъ возвышаться. Самыя фабричныя части Испаніи —

Каталонія и басскія провинціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается и торговля. Ввозъ облегченъ значительною сбавкою пошлинъ, а контрабанда затруднена, между-прочимъ, учрежденіемъ двойной таможенной линіи вдоль французской границы.

Внутреннія сообщенія очень поправились со времени перваго путешествія г. Вилькомма. Построено много новыхъ шоссе, а другія уже подготовлены или начаты. Для лучшаго содержанія дорогъ учрежденъ особый корпусъ дорожныхъ стражей (Caminaros) на военной ногѣ, которые, въ силу декрета королевы 1852 года, имѣютъ быть употреблены также для усиленія лѣсоводства, учрежденіемъ усадьбъ по близости ихъ станцій, разсаживаніемъ деревъ вдоль по дорогамъ и т. д. Въ 1851 году начатъ судоходный каналъ между Кордовою и Севильей, предположено сдѣлать Эбро судоходнымъ отъ конца Аррагонскаго канала до самаго устья рѣки. Увеличены средства сообщенія размноженіемъ числа дилижансовъ для провоза пассажировъ и товаровъ по довольно умѣренной цѣнѣ. Желѣзныхъ дорогъ покамѣстъ только двѣ, и притомъ небольшія, отъ Арангуэса въ Мадридъ и отъ Барцелоны въ Матаро; но еще проектированы линіи рельсовъ отъ Мадрида въ Сантандеръ и отъ Арангуэса въ Валенцію и Севилью. Устроены линіи телеграфовъ отъ Мадрида къ французской границѣ (чрезъ Бургосъ и Витторію), также въ Вальядолидъ, Леонъ и Корунью, въ Сарагоссу и Барцелону, а равно въ Кордову, Севилью и Каликсъ. Заведены въ большихъ городахъ пріюты для бѣдныхъ, такъ-что въ Мадридѣ нынѣ уже вовсе не видать нищихъ. Наконецъ и самыя науки и искусства начинаютъ снова процвѣтать.

Да насладится Испанія — восклицаетъ г. Вилькоммъ въ заключеніе — еще нѣсколько лѣтъ миромъ и спокойствіемъ, и эта страна скоро займетъ достойное мѣсто въ средѣ прочихъ державъ Европы, потому-что Испанцы народъ въ высокой степени даровитый и сильный.

Смутное состояніе Италіи было причиною, что классическая эта страна въ послѣдніе годы менѣе привлекла къ себѣ любосвѣдущихъ посѣтителей, чѣмъ въ предъидущія времена. Мы здѣсь можемъ привести только:

Briefe aus Italien. Von Adolph Helfferich. Leipzig. 1853. Hinrichsche Buchhandlung, 2 части 1-я 224 стр. 2-я 364 (8).

Это — описаніе поѣздки, совершенной въ 1849 г. уже нѣсколько разъ упомянутымъ нами германскимъ туристомъ, соединяющимъ въ себѣ мѣткій взглядъ наблюдателя съ любознательностью образованнаго человѣка,—г. Гельферихомъ. Въ первомъ томѣ авторъ говоритъ о сѣверной Италіи, а именно о городахъ Тріестѣ, Венеціи, Генуѣ и Флоренціи и области Піемонтѣ. Объ этихъ мѣстностяхъ, которыя онъ имѣлъ случай видѣть вскорѣ по прекращеніи въ нихъ военныхъ дѣйствій, онъ сообщаетъ много свѣжихъ и поучительныхъ свѣдѣній, особенно о Тріестѣ, который нынѣ едва ли не процвѣтаетъ болѣе всѣхъ другихъ городовъ Италіи, и которому, повидимому, суждена еще болѣе завидная судьба въ будущности.

Тріестъ обязанъ всѣмъ своимъ процвѣтаніемъ австрійскимъ императорамъ. Первое тому начало положилъ Карлъ VI, объявивъ городъ, въ 1717 году, вольнымъ портомъ. Тогда въ немъ было не болѣе 5,600 жителей, но монополіи восточной компаніи въ Вѣнѣ еще стѣсняли торговлю Тріеста. Марія-Терезія отмѣнила компанію, и съ тѣхъ поръ стали стекаться въ Тріестскомъ портѣ суда всѣхъ націй. Въ 1789 году народонаселеніе Тріеста уже возрасло до 22,000. Для защиты гавани заложена большая плотина и, сверхъ-того, устроена новая гавань и вырытъ большой каналъ, по которому самыя большія торговыя суда могли входить въ средину города, построена биржа, а вмѣстѣ съ тѣмъ заключены мирные и торговые договоры съ Портой и Варварійскими владѣніями и издано много мудрыхъ постановленій для устройства торговли. Іосифъ II простеръ свои планы еще далѣе, замысливъ завязать торговлю съ Китаемъ и Индіею, на каковой конецъ отправленъ былъ въ Кантонъ австрійскій консулъ.

Присоединеніе, въ 1797 году, къ австрійскимъ владѣніямъ Венеціи, Истріи и Далмаціи увеличило число судовъ въ Тріестѣ, такъ-что оно доходило до 900. Въ 1809 г. Тріестъ считалъ уже 30,000 жителей. Продолжительный миръ послѣ 1815 года возвысилъ благосостояніе города. Учрежденіе въ Тріестѣ (1833) Австрійскаго Ллойда, наподобіе Лондонскаго, какъ средоточія для собиранія полезныхъ свѣдѣній о торговлѣ, присоединенное къ нему, въ 1836 г., общество пароходства и быстрое развитіе промышленности возвели Тріестъ на сте-

пень перваго порта Австрійской монархіи. Въ 1815 году туда вошло 1990 судовъ и 417 пароходовъ, не считая 6,921 береговыхъ судовъ. (*) Вмѣстѣ съ тѣмъ усилился и духъ предпріимчивости: тріестскія суда нынѣ являются уже въ Бомбеѣ и Вальпарайзо. Число жителей Тріеста превышаетъ уже 62,000.

Разительный контрастъ съ Тріестомъ представляетъ Венеція, еше недавно второй торговый городъ Австрійской имперіи. Авторъ посѣтилъ ее спустя нѣсколько дней послѣ революціи, нанесшей роковой ударъ прежней повелительницѣ Адріатическаго моря. Здѣсь, а равно въ Піемонтѣ, Генуѣ и Флоренціи, автора болѣе всего занимаютъ свѣжія политическія событія, которыя онъ излагаетъ съ большою вѣрностью, на основаніи оффиціальныхъ документовъ.

Второй томъ, посвященный Церковнымъ владѣніямъ, также почти исключительно историческаго содержанія и представляетъ весьма полную и поучительную картину плачевной римской революціи.

Три другія сочиненія объ Италіи извѣстны намъ только по ихъ заглавіямъ:

Souvenirs d'Italie, par Ch. J. van den Nest, prêtre. Anvers. 1849. VIII и 540 стр. б. 8.

Letters from Italy. By I. T. Headley. New-York. 1849. 8.

Journal of a Tour in Italy in 1850. By the Rev. George Townsend. 2 ed. London 1851. 316 стр. (8).

Римъ, съ его вѣчно привлекательными для образованнаго ума сокровищами старины, снова описанъ, и очень подробно и живо, въ книгѣ:

Rome: A Tour of Many Days. By Sir G. Head. 3 vols. London 8.

(*) Изъ Statistisches Jahrbuch für 1846 мы узнаемъ, что весь оборотъ торговли Тріеста въ 1845 г. простирался до огромной суммы 145 милліоновъ гульденовъ (290,000,000 руб. ассиг.), а именно: ввозъ до 82.6000,000, а отпускъ до 62.900,000 гульденовъ. Изъ туземныхъ гаваней было ввезено на 15,569,879, а изъ иностранныхъ на 67,046,511 гульденовъ (изъ Россіи на 2,165.000 гульденовъ); въ туземныя гавани вывезено на 27,800,876, а въ иностранныя на 35,038,865 гульденовъ (въ Россію на 360,000 гульденовъ).

Въ 1847 году торговый оборотъ Тріеста увеличился до 153 милліоновъ гульденовъ. См. Kohl. Reisen im südöstlichen Deutschland.

Одинъ изъ величайшихъ и прекраснѣйшихъ островов въ Европѣ, бывшій нѣкогда житницею, или, какъ выражались сами Римляне, «добрѣйшею кормилицею Рима» (benissima nutrix urbis), щедро надѣленный отъ природы и многоразличными другими благами, — Сардинія, столь важная и по своему положенію на большомъ пути торговли между югомъ Европы и Африкою (*), доселѣ оставалась, по словамъ одного знаменитаго историка (**), едва ли не менѣе извѣстною, чѣмъ островъ Отаити. Занимательными свѣдѣніями объ этой странѣ мы обязаны сочиненію:

The Island of Sardinia; including Pictures of the Manners and Customs and Notes on the Antiquities and Modern Objects of Interest in the Island etc. By Sir John Wavre Tyndale. London 1849. Bentley. 2 vols ($66^3/_4$ листа въ 8).

Путешествіе это было собственно предпринято съ гигіеническою цѣлью: сэръ Джонъ Тиндель отправился туда весною 1848 года, по совѣту врачей, для поправленія своего здоровья. Это, конечно, покажется страннымъ для тѣхъ, кто знаетъ, что климатъ Сардиніи искони слылъ самымъ нездоровымъ. Древніе писатели съ ужасомъ упоминаютъ о вредныхъ испареніяхъ, поднимающихся тамъ изъ болотъ и заражающихъ собою міазмы, тѣмъ болѣе опасные, что они не разносятся сѣвернымъ вѣтромъ. И сэръ Джонъ Тиндель не умалчиваетъ объ этомъ смрадномъ воздухѣ и о нерѣдко свирѣпствующихъ оттого на островѣ злокачественныхъ перемежающихся лихорадкахъ; но главною причиною вредности тамошняго климата онъ полагаетъ недостаточное воздѣлываніе почвы. Вѣроятно, тому не менѣе содѣйствутъ преизбытокъ растительности, дремучіе лѣса, куда никогда не проникаютъ лучи солнца, частые туманы въ соединеніи съ быстрыми переходами отъ ночной стужи къ дневному зною, а въ-слѣдствіе того скорое разложеніе множества растеній, — причины кото-

(*) Нельсонъ, посѣтившій островъ лѣтъ 50 тому назадъ, называетъ его прекраснѣйшею страною въ Европѣ и въ одномъ изъ своихъ донесеній Британскому Адмиралтейству говоритъ: «чѣмъ ближе я знакомлюсь съ нимъ, тѣмъ болѣе удостовѣряюсь въ неоцѣнимости его положенія, его гаваней и всѣхъ источниковъ его богатства.»

(**) Геренъ. Въ 1828 году, Сардинія была изслѣдована англійскимъ капитаномъ Смитомъ (Smyth), и это было, кажется, единственнымъ описаніемъ любопытнаго острова.

рыя, конечно, не иначе могутъ быть устранены, какъ только осушкою болотъ и рачительною обработкою земли.

Островъ изобилуетъ прекрасными видами; но главная на немъ достопримѣчательность природы — это знаменитый гротъ Нептуна (Antro di Nettuno), близъ Альгера (Alghero). Путешественнику удалось видѣть его во всемъ его блескѣ. Случайно въ то самое время прибылъ туда покойный король сардинскій вмѣстѣ съ герцогомъ генуэзскимъ, и король почтилъ сэра Джона Тинделя приглашеніемъ осмотрѣть гротъ въ его сопровожденіи. Жители Альгера увѣряли, что изъ числа 360 дней надобно считать по-крайней-мѣрѣ 300 такихъ, въ которые рѣшительно невозможно проникнуть въ пещеру; стало-быть, особенное счастіе Карлу-Альберту благопріятствовало на этотъ разъ. Нептунова пещера выдолблена самою природою въ утесѣ, образующемъ подошву одного изъ мысовъ, близъ островка Фарадада, и частые противные вѣтры, которымъ она подвержена, дѣлаютъ доступъ къ ней крайне затруднительнымъ, тѣмъ болѣе, что посреди пещеры протекаетъ вода, а слѣдовательно, ее можно посѣщать не иначе, какъ на лодкѣ. «Первая пещера — по разсказу Тинделя — образуетъ собою родъ сѣней, футовъ въ 30 длиною, и не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Здѣсь король съ своею свитою сѣлъ въ небольшую, нарочно для этой прогулки приготовленную, гондолу. Оттуда они вступили во вторую пещеру, гдѣ вода была футовъ въ 20 глубиною и прозрачна, какъ кристаллъ. Потомъ, своротивъ налѣво, лодка съ трудомъ пробиралась между сталактитами, образовавшими по обѣимъ сторонамъ высокія стѣны. Далѣе они проникли въ другой гротъ, посреди котораго стоитъ капельниковый столпъ, подпирающій огромную крышу. Они пристали въ отдаленнѣйшей части этого грота, и шлюпка воротилась, чтобы привезти туда же свиту короля. Кромѣ плеска веселъ, все болѣе и болѣе терявшагося по мѣрѣ удаленія ладьи, ни одинъ звукъ, ни малѣйшій шумъ не прерывалъ молчанія. Вся эта сцена имѣла нѣчто фантастическое, волшебное, подобное явленіямъ Тысячи и Одной Ночи! Оглянувшись назадъ въ гроты и сѣни, чрезъ которые они проѣхали, они увидѣли вдалекѣ сѣроватую тѣнь — дѣйствіе лучей солнца, затемненныхъ множествомъ факеловъ, которые отражались въ спокойномъ, гладкомъ зер-

калѣ озера у ногъ ихъ. Насупротивъ находилось возвышеніе, которое обставлено было рядомъ факеловъ для освѣщенія свода. Это придавало сталактитамъ видъ ледяныхъ сосулекъ на замерзшемъ деревѣ. По правую руку возвышались огромныя колонны самыхъ причудливыхъ формъ, иныя отъ 50 до 60 футовъ вышиною, образуя собою многоразличнѣйшіе выступы и арки. По бокамъ же простирались галлереи, отъ 300 до 400 футовъ длиною, и нескончаемые ряды колоннъ, представлявшіе очаровательную перспективу и напоминавшіе своею легкостью мавританскую архитектуру Альямбры. Изъ всѣхъ пространствъ этого лабиринта особенно замѣчателенъ одинъ покой, въ который можно войти только чрезъ узкое отверстіе. Своды и стѣны здѣсь сплошь покрыты, въ видѣ занавѣсокъ, самыми тонкими блестящими сталактитами, которые воображеніе невольно принимаетъ за ткань Океанидъ, сотканную ими въ уединенной тишинѣ для украшенія этого мѣста. Гротъ Нептуновъ, по отзыву сэра Дж. Тинделя, далеко превышаетъ красотою Аллербергскую (Бауманнову въ Гарцѣ), Пароскую и Антипаросскую пещеры.

Изъ другихъ достопримѣчательностей въ Сардиніи путешественникъ приводитъ древнія круглыя башни, во множествѣ разсѣянныя по всему острову. Ихъ считаютъ до 3,000, болѣе или менѣе уцѣлѣвшихъ. Башни эти, обыкновенно называемыя здѣсь «нургагами», построены на природныхъ или руками человѣка воздвигнутыхъ холмахъ (курганахъ) въ видѣ притупленнаго кверху конуса, отъ 30 до 40 ф. вышиною, нерѣдко съ круглымъ фундаментомъ. Камни для этихъ построекъ всегда взяты изъ ближней окрестности; спайки цемента въ нихъ не замѣтно ни слѣда, а равно и какой-либо рѣзьбы. Внутри устроено отъ одного до трехъ отдѣльныхъ сводовъ. Входъ, по бо́льшей части въ 5 футовъ вышиною и въ 2 фута шириною, ведетъ до самого верха извилинами. Полагаютъ, что эти башни, во многомъ похожія на столь же часто встрѣчающіяся и не менѣе загадочныя въ Ирландіи, карѳагенско-финикійскаго происхожденія. Другую, также еще не разрѣшенную, загадку представляютъ «гробницы гигантовъ» (Sepoltore deis Gigantes), какъ ихъ называетъ здѣсь народъ, наподобіе германскихъ Hünengräber (отъ Hüne — исполинъ). И онѣ равнымъ-образомъ сложены изъ огромныхъ камней безъ всякаго цемен-

та, образуютъ собою своды отъ 13 до 16 ф. длиною и на одномъ своемъ концѣ обыкновенно покрыты другими камнями.

Что касается до растительности, то Сардинія едва ли не превосходитъ всѣ прочія страны Европы. Лѣса покрываютъ отъ $^1/_6$ до $^1/_8$ поверхности всего острова. Здѣсь есть дубравы, гдѣ считается до 100 милліоновъ дубовъ, пробковыхъ и другихъ деревъ и куда, въ буквальномъ смыслѣ слова, не проникаетъ лучъ солнца и не ступала еще нога человѣка. Arbustus и Erica не рѣдко достигаютъ роста 50 ф. и объема 12 ф. Этой роскоши растительности соотвѣтствуетъ и плодородіе острова. Картофель, который введенъ тамъ лишь за нѣсколько лѣтъ, иногда бываетъ въ 2 фунта вѣсомъ, и мѣрка его обходится не дороже нѣсколькихъ грошей. Изъ каштановъ здѣсь пекутъ очень пріятнаго вкуса хлѣбъ, весьма спорый. Овцы и козы ежегодно доставляютъ около 1,500 бочекъ сыру. Померанцевыя и лимонныя деревья водятся цѣлыми лѣсами. Одно померанцевое дерево было болѣе 6 ф. въ объемѣ, а одно, мертвое, —26 дюймовъ въ объемѣ и раскидывало свои вѣтви на 26 футовъ вокругъ себя. И за-всѣмъ-тѣмъ островъ нынѣ, отъ недостатка дорогъ и запущенія земледѣлія, производитъ не свыше своихъ потребностей и вмѣщаетъ въ себѣ не болѣе 524,000 жителей, т. е. около 130 человѣкъ на квадратную милю.

Не одна Сардинія, а и другіе изъ принадлежащихъ къ Италіи острововъ нашли себѣ въ послѣднее время описателей. Такъ, Корсика осенью 1837 года была посѣщена знаменитымъ (недавно скончавшимся) германскимъ ботаникомъ, профессоромъ Линкомъ. Онъ не можетъ довольно нахвалиться не только красотою тамошней природы, но и людскостью жителей, которыхъ, какъ онъ говоритъ, весьма ошибочно представляютъ себѣ бандитами, хотя тамъ, правда, еще по-временамъ свирѣпствуетъ кровная месть. Намывная узкая и плоская полоса земли на восточномъ берегу очень хорошо воздѣлана работниками, приходящими сюда, зимою, изъ Лукки и Модены; но лѣтомъ здѣсь, какъ и въ Сардиніи, господствуютъ міазмы. Дорога изъ Бастіи въ Аяччіо идетъ вверхъ по рѣкѣ Голо чрезъ городъ Корте, у подошвы Монте-Ротондо, высочайшей горы острова, имѣющей, по новѣйшему измѣренію, 8,016 ф. вышины, потомъ, на значительной высотѣ, вдоль горы Монте

д'Оро (въ 7056 ф. вышины), а далѣе, спустившись въ Боконьяно, пролегаетъ вдоль морскаго берега до самаго Аяччіо. На вершинахъ двухъ сказанныхъ горъ, въ ущельяхъ, лежитъ вѣчный снѣгъ, да еще и въ Баканьяно зимою выпадаютъ сильные снѣга и не преуспѣваетъ виноградъ, а по главной дорогѣ въ Аяччіо красуется оранжевая аллея. Горы, до значительной высоты, иногда до самаго верха, особенно близъ восточнаго берега, покрыты кустарникомъ, а индѣ и каштановыми рощами. Кустарникъ состоитъ изъ Cistus monspeliensis, Erica arborea и Arbutus Unedo, къ чему еще присоединяется, но только въ глубокихъ удолахъ, Pistacia Lentiscus. Перваго изъ этихъ кустовъ г. Линкъ нигдѣ ни въ Италіи, ни во Франціи не видалъ въ такомъ изобиліи, какъ здѣсь. Поверхъ Бастіи все было покрыто Alyssum argenteum, какъ и на противолежащихъ горахъ Италіи. Въ верхнихъ частяхъ Корсики начинается другая флора, а именно свойственная этому острову и Сардиніи. Здѣсь, въ высокихъ каштановыхъ рощахъ, вездѣ встрѣчаются Helleborus lividus и Genista corsica; а въ открытыхъ мѣстностяхъ нерѣдко и Stachys glutinosa. Надъ каштановыми лѣсами въ высшихъ странахъ воздымаются лѣса Pinus Lariccio, — дерево отмѣнной красоты: длинные его сучья распростерты почти горизонтально, и одни лишь кончики ихъ обращены кверху, такъ-что они образуютъ собою странную пирамиду, иногда до 10 футовъ вышиною. Это дерево часто было разводимо въ южной Франціи (*). Выше этихъ лѣсовъ слѣдуютъ лѣса буковыхъ деревъ, такихъ же рослыхъ и крѣпкихъ, какія можно видѣть въ Даніи и Мекленбургѣ. Далѣе дорога идетъ къ Баканьяно, небольшому мѣстечку на скатѣ горы, въ каштановой рощѣ, противъ самой вершины Монте д'Оро, на высотѣ 7,976 ф. поверхъ моря. Отсюда Монте д'Оро видѣнъ во всемъ его величіи, въ мрачной противоположности съ прекрасно обработанными косогорами поверхъ красиваго мѣстечка. Но еще здѣсь не видать ни виноградной лозы, ни каменнаго дуба (Quercus Ilex). Потомъ быстро спускаешься чрезъ всѣ области растительности къ Cistus monspe-

(*) Вѣроятно, оно могло бы преуспѣвать также на югѣ Россіи и было бы, конечно, важнымъ пріобрѣтеніемъ. Сѣмена его, по словамъ Линка, часто выписываются у Катарины Лунги (Lunghi), содержательницы гостинницы въ Виваріо, на островѣ Корсикѣ.

liensis, Erica multiflora и, наконецъ, Vitex agnus castus у моря, къ Passerina hirsuta и къ высокимъ опунціямъ вблизи Аяччіо. Что касается до этого главнаго города Корсики, то онъ со временъ Имперіи очень возвышается, и нѣкоторыя изъ улицъ его, какъ-то: Cours Napoleone и Rue du Roi de Rome, смѣло могутъ соперничать съ лучшими улицами европейскихъ столицъ.

Другое сочиненіе объ этомъ островѣ есть плодъ полуторамѣсячнаго на немъ пребыванія:

Six weeks in Corsica. Illustrated with 14 etchings by W-m. Cowen. Dedicated by permission to the Right Hon. the Earl Fitzwilliam. London. 1848. 404 стр. б. 8.

Благословенная родина Цереры, нѣкогда главная житница Рима, Сицилія, столь занимательная для археолога и историка и столь привлекательная по своему климату и красотамъ природы, была предметомъ изслѣдованія, бывшаго прусскимъ генеральнымъ консуломъ въ Молдавіи и Валахіи, доктора Нейгебауэра. Проведя на этомъ островѣ съ полгода, онъ главнѣйше имѣлъ въ виду вникнуть въ нынѣшнее его состояніе и, пользуясь при своихъ разысканіяхъ новѣйшею туземною литературою и изустными свѣдѣніями, сообщенными ему съ большою готовностью разными тамошними учеными, начерталъ довольно полную картину страны подъ заглавіемъ:

Sicilien, dessen politische Entwickelung und jetzigen Zustände von Dr. J. F. Neigebaure. Zugleich ein Handbuch für Reisende. Leipzig. Verlagsbüreau. 1848. VIII. 592 стр. б. 16. — 2 изданіе тамъ же 1849. 2 части. 1-я VI и 250; 2-я 290 стр. б. 16.

Сначала авторъ бросаетъ взглядъ на естественныя отношенія острова. Окружность его опредѣлена въ 685 итал. миль; народонаселеніе къ 1 января 1844 въ 1,974,186 душъ. (*) Средняя годовая температура въ Палермо, по вычисленіямъ астро-

(*) Народонаселеніе Сициліи было подвержено большимъ измѣненіямъ. По статистическимъ изысканіямъ Качіопо (Caciopo), наибольшей высоты оно достигло въ цвѣтущія времена Греціи: 4,000,000 (однѣ Сиракузы имѣли до 1 милліона жителей); въ первый періодъ римскаго владычества оно составляло 3,000,000; во времена Августа 2,500,000; подъ властью Готовъ 2,000,000; при Арабахъ 1,500,000, при Норманнахъ 1,200,000; подъ испанскимъ владычествомъ 1,000,000. Въ 1450 году жителей считалось не болѣе 488,500. Но съ тѣхъ поръ оно стало возрастать, хотя и очень медленно.

нома тамошняго университета профессора Каччіаторе, 13° 8′ Реом. Въ 1843 году было всего 88 дней дождливыхъ, 56 ненастныхъ и 11 дней, въ которые выпало немного снѣга; 11 дней гроза. Итакъ, климатъ самый благопріятный для здоровья. Вышина Этны 3321,8 метровъ, и глава ея круглый годъ покрыта снѣгомъ. Преобладающая каменная порода сицилійскихъ горъ есть переходная известь, къ которой принадлежатъ прекрасные виды мрамора, особенно около Трапани, самыхъ многоразличныхъ цвѣтовъ, — между-прочимъ, зеленый мраморъ (Diaspero di Sicilia), желтый мраморъ въ Кастронуово, алый съ бѣлыми прожилками въ Аліостро (Agliostro), фіолетовый въ Таорминѣ. Кромѣ-того находятъ во многихъ мѣстахъ базальтъ, употребляемый на постройки, асфальтъ, гипсъ; свинецъ въ изобиліи на рѣкѣ Ниги; тамъ же мѣдная руда и серебро, но довольно скудно. Главное же минеральное богатство составляетъ сѣра.

Сицилія въ древности славилась своимъ земледѣліемъ; но уже во времена Римлянъ воздѣлываніе земли пришло въ упадокъ, а въ-послѣдствіи большія пространства во внутренности острова обратились въ пустыри. Это знаменитый статистикъ Моро де-Жоннесъ объясняетъ тѣмъ, что, въ-слѣдствіе скопленія въ Италіи огромной массы наличныхъ денегъ, цѣнность денегъ до того упала, что все, а въ особенности задѣльная плата, чрезвычайно вздорожало. Отъ этого расходы на обработку земли значительно возвысились, и многіе перестали воздѣлывать ее, особенно въ маломъ видѣ. Слѣдствіемъ этого было, что только вблизи городовъ малыми участками воздѣлывается земля и насаждаются деревья, между-тѣмъ, какъ прочая страна раздѣлена на большія поля, которыя остаются необитаемыми, ибо въ Сициліи собственно вовсе нѣтъ деревень, а имѣются только города. Упадокъ земледѣлія можно, кажется, объяснить себѣ также чрезвычайнымъ умноженіемъ роскоши, которая отвлекла населеніе деревенское и сосредоточила его въ городахъ. Богатство Сициліи, особенно городовъ ея, было въ старину чрезвычайно, и, по сказанію Ливія, Римляне при взятіи Сиракузъ нашли болѣе добычи, чѣмъ въ Карѳагенѣ, первомъ торговомъ городѣ древняго міра.

Главная статья земледѣлія — пшеница: плодоноснѣйшая часть Сициліи есть равнина Катаніи, обильная пшеницею, ри-

сомъ, хлопчатою бумагою, виномъ и масломъ; окрестности Палермо и Мессины наиболѣе изобилуютъ лимонами, апельсинами и кактусомъ или индѣйскою смоквою; окрестности Джирдженти и Мессины—винными ягодами, страна около Чефалу и Террановы — манною, страна около Калтанизетты — миндалемъ и содою.

Упадку земледѣлія много содѣйствуетъ еще то, что владѣлецъ земли рѣдко самъ ее воздѣлываетъ, а по бо́льшей части предоставляетъ это арендаторамъ, которые берутъ землю на откупъ на 3, 4, много на 6 лѣтъ и, думая только о временной прибыли, не помышляютъ о коренныхъ поправкахъ и улучшеніяхъ, не сажаютъ деревъ, не заводятъ ни живыхъ изгородъ, ни орошенія въ большомъ видѣ, ни искусственныхъ луговъ, ни даже хлѣвовъ для скота.

Въ прежнія времена большими помѣстьями управляли сами владѣльцы или большіе мызники; нынѣ они отдаютъ земли въ откупъ барышникамъ и откупщикамъ, которые нерѣдко имѣютъ еще подъ собою другихъ откупщиковъ. Отъ этого большія угодья размельчились, къ немалому вреду земледѣлія и общественнаго благосостоянія. И въ этомъ также видно вліяніе роскоши: владѣльцы и большіе мызники, предпочитая жизнь въ городахъ, предоставляютъ земли въ управленіе арендаторамъ и мелкимъ откупщикамъ (Borgesi), которые по бо́льшей части такъ бѣдны, что получаютъ отъ съемщика сѣмена съ условіемъ раздѣлить съ нимъ жатву, а какъ бо́льшая часть съемщиковъ барышники, то при дѣлежѣ жатвы собственно работнику часто ничего не достается, и онъ долженъ входить въ тяжкіе долги.

Особенно чувствителенъ въ Сициліи недостатокъ въ рабочемъ крестьянскомъ сословіи. Все населеніе острова стѣснено въ городахъ, а оттого бѣдность здѣсь гораздо болѣе бросается въ глаза, чѣмъ въ другихъ странахъ.

Авторъ полагаетъ, что, при надлежащемъ распредѣленіи почвы и улучшеніи способовъ ея воздѣлыванія, народное богатство Сициліи могло бы легко быть увеличено до безконечности, потому-что та же пашня земли безъ ущерба хлѣбобашеству можетъ быть употреблена весьма многоразличнымъ образомъ, какъ-то: для разведенія плодовыхъ, тутовыхъ, масличныхъ деревъ и т. д.

Самый значительный сельскій хозяинъ въ Сициліи — баронъ Пасторе, близъ Алькамы. Его заведенія во всѣхъ родахъ земледѣлія образцовы. Но онъ проводитъ почти 9 мѣсяцевъ ежегодно въ своемъ помѣстьѣ, величиною въ 3,000 десятинъ, и самъ дѣлалъ многоцѣнные удачные опыты, начиная отъ разведенія пшеницы до шелководства.

И промышленность Сициліи могла бы быть гораздо болѣе развитою, особенно, если сравнить ее съ древнимъ ея состояніемъ. Рукодѣлія Сиракузъ, Агригента и Гимеры погибли вмѣстѣ съ блескомъ этихъ городовъ, и нынѣ не осталось даже слѣда ихъ. Главная нынѣшняя отрасль промышленности острова есть выдѣлка кожъ, особенно въ Катаніи, Мессинѣ и Палермо. Сверхъ-того есть нѣсколько бумажныхъ и шелковыхъ прядиленъ. Прочія отрасли незначительны.

Но за-всѣмъ-тѣмъ богатство Сициліи въ естественныхъ преизведеніяхъ такъ велико (*), что торговля ея процвѣтаетъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ правительство заключило выгодные торговые договоры съ разными странами и поощряетъ привозъ чужихъ товаровъ на туземныхъ судахъ.

Какъ главное сочиненіе по части торговли Сициліи авторъ рекомендуетъ: Statuti dell' amministrazione de Dazji indiretti in Sicilia. Palermo. 1835.

Естественно, что, при большомъ богатствѣ Сициліи, изящныя искусства здѣсь въ большомъ почетѣ; но и наука имѣетъ своихъ ревностныхъ поклонниковъ и нѣтъ недостатка въ довольно хорошихъ заведеніяхъ для воспитанія. Особенно военная часть въ исправномъ состояніи.

Въ-заключеніе авторъ говоритъ: «Итакъ, въ Сициліи вообще не такъ дурно, какъ обыкновенно полагаютъ, и если по разнымъ отраслямъ и замѣчено мною много заслуживающаго порицанія, то все же Сициліецъ вообще лучше, нежели молва о немъ, и этотъ прекрасный островъ еще теперь не недостоинъ прежней великой своей славы.»

(*) Это-то богатство въ сырыхъ произведеніяхъ и есть главная, повидимому, причина малаго развитія промышленности въ Сициліи. Имѣя возможность доставлять себѣ всѣ свои потребности изъ чужихъ краевъ одною мѣною естественныхъ своихъ произведеній, народъ, уже по знойности климата, болѣе расположенный къ праздности, предпочитаетъ это средство трудному собственному занятію ремеслами промышленника.

И самая южная станція Европы, причисляемый къ Сициліи островъ Лампедуза нашелъ себѣ изслѣдователя. Профессоръ Палермскаго университета г. Калькара, ученикъ славнаго итальянскаго ботаника Тинсо, уже извѣстный описаніемъ другаго изъ прилежащихъ къ Сициліи острововъ (*), въ 1846 году, по порученію Сицилійской Коммиссіи общественнаго преподаванія, обозрѣвалъ въ естественномъ отношеніи острова Лампедузу, Линозу и Пантелларіо. Описаніе перваго изъ нихъ издано подъ заглавіемъ:

Descrizione dell'Isola di Lampedusa di P. Calcara. Palermo. 1847, съ картою.

Печатаніе же донесенія его о прочихъ двухъ островахъ прервано было возникшею въ январѣ 1848 года на островѣ Сициліи революціею.

Греція все еще заманиваетъ къ себѣ посѣтителей болѣе нестарѣющимися своими древностями и классическими воспоминаніями, чѣмъ настоящимъ своимъ бытомъ.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ замѣтить о продолженіяхъ путешествія по Греціи и греческимъ островамъ извѣстнаго германскаго археолога Лудвига Росса: нынѣ вышедшій, четвертый томъ объемлетъ изслѣдованія въ Галикарнассѣ и на островахъ Косѣ, Родосѣ и Кипрѣ:

Reisen nach Kos, Halikarnassos, Rhodos und der Insel Cypern. Von Ludwig Ross. Halle 1852. Schwetschke und Sohn VIII и 216 стр. Съ 3 литогр. и разными политипажами.

О путешествіяхъ, совершенныхъ по Греціи тѣмъ же самымъ ученымъ, въ свитѣ короля и королевы греческихъ, и изданныхъ съ 1848 году, уже упомянуто было въ предъидущемъ обзорѣ (**).

Другой отличный германскій археологъ, г. Курціусъ, послѣ четырехъ-лѣтняго пребыванія въ Греціи и самаго тщательнаго изученія своего предмета, какъ на самомъ мѣстѣ, такъ и изъ чужихъ наблюденій, древности и новѣйшихъ временъ, принялся за подробное описаніе Морейскаго полуострова въ сочиненіи, котораго до сихъ поръ вышла только первая часть:

(*) Онъ уже въ 1841 году напечаталъ описаніе острова Утики. См. первый обзоръ, стр. 73.

(**) Въ отдѣлѣ: Европа, стр. 73.

Peloponesos. Eine historisch-geographische Beschreibung der Halbinsel. 1 Bd. Mit Karten und eingedruckten Holzschnitten. Gotha 1851. Perthes. VI и 496 стр. бол. 8.

Въ этомъ, томѣ кромѣ общаго, весьма важнаго и въ географическомъ отношеніи, обозрѣнія Пелапонеса, заключается также частное описаніе двухъ отдѣльныхъ его областей: Аркадіи и Ахаіи.

Если эти сочиненія, не-смотря на разнообразіе своихъ содержаній, имѣютъ главнымъ своимъ предметомъ объясненіе древностей страны, то книга одного англійскаго туриста, касающаяся сверхъ Греціи, также Турціи:

Picturesque Sketches of Greece and Turkey. By Aubrey de Vere. 2 vols. London 1850. Bentley, 38 листовъ въ 8 долю, — останавливается болѣе, какъ и видно изъ ея заглавія, на живописныхъ видахъ страны и городскаго ея быта и, по остроумному замѣчанію одного англійскаго критика (*), скорѣе можетъ почесться рядомъ акварельныхъ очерковъ описываемыхъ предметовъ и группъ, нежели собраніемъ мыслей или изслѣдованій. Судя по тому описанію, какое авторъ представляетъ о нынѣшнихъ Грекахъ, они, кажется, какъ и въ древности, болѣе всего имѣютъ способность къ изящнымъ искусствамъ, и вѣрно оказали бы въ нихъ замѣчательные успѣхи, если бы не были еще одержимы послѣдствіями столь продолжительнаго нравственнаго уничиженія.

Въ числѣ новѣйшихъ путешественниковъ по Греціи мы находимъ также одного изъ нашихъ соотечественниковъ. Докторъ медицины К. И. Грумъ-Гримайло въ 1851 году посѣтилъ разныя ея части, посвящая свое вниманіе главнѣйше изслѣдованію уцѣлѣвшихъ ея древностей.

Въ противоположность съ Элладою, въ Турціи вниманіе путешественника преимущественно поглощается настоящимъ состояніемъ страны.

Истекшее пятилѣтіе послало намъ два замѣчательныя въ этомъ отношеніи сочиненія.

Авторъ перваго изъ нихъ:

Die Türkey und deren Bewohner in ihren naturhistorischen, physiologischen und pathologischen Verhältnissen vom Stand-

---

(*) Athenaeum, іюньская книжка 1850, стр. 635.

punkte Konstantinopels geschildert, von Dr. Lor. Rigler, K. K. österr. Prof. 2 Bde, —
докторъ Риглеръ, проведшій много лѣтъ въ Турціи, какъ главный врачъ въ военныхъ госпиталяхъ, а нынѣ занимающій каѳедру клиники въ Константинопольскомъ Врачебномъ Училищѣ, имѣлъ главнѣйше въ виду описаніе нынѣшняго состоянія Турціи съ естественно-исторической и медицинской точекъ зрѣнія, и трудъ его, основанный на тщательномъ и добросовѣстномъ личномъ изученіи предмета, можетъ почесться однимъ изъ лучшихъ, доселѣ вышедшихъ по этой части.

Съ другою цѣлью — изучить нынѣшнее политическое положеніе Оттоманской имперіи въ сравненіи съ тѣмъ, въ какомъ она находилась за двадцать лѣтъ во время перваго тамъ пребыванія своего въ 1827 и 1828 годахъ, вторично ее посѣтилъ Шотландецъ Мекъ-Фарленъ. Онъ прибылъ въ Константинополь 7 августа (н. ст.) 1847 года и дѣлалъ оттуда нѣсколько экскурсій въ Азіятскую и Европейскую части Имперіи, а именно посѣтилъ въ первой Бруссу и Никомедію, а во второй — пашалыкъ Адріанопольскій, и, проведя въ Турціи безъ малаго годъ, возратился въ Англію, гдѣ издалъ въ свѣтъ свои путевыя записки въ видѣ дневника, подъ заглавіемъ:

Turkey and its Destiny: the Results of Journeys in 1847 and 1848 to examine into the State of that Country. By Charles Macfarlane, Esqu. Author of «Constantinople in 1828.» 2 vols. London 1850 Murray 1258 стр.»

Передъ отбытіемъ автора изъ Лондона, увѣряли его, что въ-теченіе послѣднихъ лѣтъ управленіе Оттоманской имперіи и состояніе народа значительно улучшились, что христіане и прочіе раіи пользуются одинаковыми правами съ мусульманиномъ,чтотиранство, угнетеніе и подкупы правительственныхъ лицъ и властей почти вовсе прекратились, что Турція сдѣлала и продолжаетъ дѣлать большіе успѣхи въ порядкѣ, правосудіи и образованіи, — однимъ словомъ, что онъ уже не узнаетъ болѣе страны послѣ новѣйшихъ реформъ. Во время своего одиннадцати-мѣсячнаго пребыванія въ разныхъ частяхъ Имперіи Мекъ-Фарленъ неутомимо самъ переносился повсюду, чтобы собственными своими глазами осматривать разныя заведенія, узнавать бытъ народа и знакомиться съ положеніемъ вещей; вездѣ входилъ въ сношенія съ разными правительствен-

ными особами, съ достовѣрнѣйшими и наиболѣе уважаемыми лицами и съ людьми всякаго званія и вообще не щадилъ трудовъ, чтобы собирать свѣдѣнія изъ лучшихъ источниковъ. И что́ же онъ нашелъ? Вмѣсто прежней набожности османовъ почти повсюду упадокъ религіознаго чувства, распространеніе вольнодумства въ высшихъ сословіяхъ, а въ прочихъ — или какое-то холодное ко всему равнодушіе, или уныніе, смѣшанное съ скрытымъ неудовольствіемъ, что они уже не тѣ мусульмане, какими были прежде, или же мѣстами разгаръ изувѣрства, а въ-слѣдствіе того гоненія христіанъ, едва ли не жесточайшія, чѣмъ когда либо; на мѣсто прежней нравственной силы, столько пристававшей гордому осману, явный ущербъ правоты и честности, возрастаніе алчности; угнетенія со стороны пашей и ихъ орудій, въ бо́льшей степени, чѣмъ когда либо, особенно послѣ новыхъ реформъ, совершенное несоблюденіе танзимата, а напротивъ-того притѣсненія иновѣрцевъ, продажничество всѣхъ почти мѣстъ и званій въ государствѣ, увеличеніе преступленій въ Константинополѣ, разбойничество въ провинціяхъ по большимъ дорогамъ, индѣ цѣлыми шайками, о чемъ прежде не было и слуху; нерадѣніе къ воспитанію народа, еще болѣе чѣмъ прежде. Въ вещественной сферѣ — упадокъ благосостоянія какъ въ простомъ народѣ, такъ и въ высшихъ кругахъ, разительная убыль народонаселенія въ самомъ Стамбулѣ и въ провинціяхъ, замѣтная наиболѣе между самими Турками, а въ-слѣдствіе того почти повсюду распаденіе городовъ, селеній, мостовъ, фонтановъ, гостинницъ и даже самыхъ мечетей; недостатокъ чистоты и опрятности, смрадъ и повальныя болѣзни даже въ самой столицѣ; почти повсемѣстно самая низкая степень обработыванія земли, а между-тѣмъ суетныя попытки къ водворенію разныхъ отраслей промышленности, вовсе несвойственныхъ краю; почти всеобщая скудость въ народѣ и истощеніе финансовъ, а несмотря на то, во многомъ самое безразсудное расточительство. Вотъ нѣкоторыя изъ тѣхъ тѣней, которыя авторъ нанесъ на свою картину изнемогающей Оттоманской имперіи. (*) Но гдѣ

(*) Все, что́ здѣсь обозначено только самыми общими чертами, въ двухъ обширныхъ томахъ сочиненія Мекъ-Фарлена подтверждено многочисленными доводами и фактами. (Слич. съ этимъ изображеніемъ отзывъ Флетчера, въ отдѣлѣ *Азія*.)

же, спросятъ, свѣтлыя стороны, гдѣ всѣ тѣ улучшенія и преобразованія, о которыхъ столько было провозглашаемо? На это мы находимъ нѣкоторый отвѣтъ на стр. 50 и слѣд. I тома: авторъ нашелъ Турокъ, по-крайней-мѣрѣ въ самомъ Царьградѣ, наружно во многомъ измѣнившимися въ ихъ пользу, а именно они были несравненно вѣжливѣе, спокойнѣе и скромнѣе, чѣмъ въ первое его посѣщеніе страны. Вмѣстѣ съ пышною своею одеждою, они какъ бы отложили въ сторону и прежнюю свою спѣсь. (*) Иностранецъ во всей столицѣ нигдѣ уже не подвергается оскорбленіямъ черни, какъ еще лѣтъ за двадцать. На базарахъ встрѣчаешь европейскихъ, одѣтыхъ по послѣдней парижской модѣ дамъ, безъ вуаля и безъ всякаго сопровожденія, спокойно дѣлающихъ свои закупки и пробирающихся на пути туда или обратно посреди Турокъ, нерѣдко даже среди войска, безъ всякаго опасенія быть оскорбленными. Турки свыклись съ видомъ Европейцевъ. Самъ Мекъ-Фарленъ съ своимъ сыномъ невредимо ходилъ даже по такимъ частямъ города, куда Европейцу прежде нельзя было отваживаться безъ эскорта одного или двухъ вооруженныхъ Турокъ. Прибавимъ къ этому еще, что Порта, въ новѣйшее время, переняла у Европейцевъ нѣсколько заведеній, отчасти вовсе не соотвѣтствующихъ, а поэтому ненавистныхъ духу османовъ и отчасти плохо содержимыхъ. Вотъ всѣ плоды четырехъ-сотъ-лѣтнихъ ихъ сношеній съ образованною Европою, весь результатъ усилій трехъ султановъ къ преобразованію народа! Какого благосостоянія могла бы достигнуть Турція, если бы, вмѣсто непріязни къ христіанскимъ державамъ, стоившей ей столь дорого, она употребила это время на развитіе внутреннихъ своихъ силъ и источниковъ! а вмѣсто того она только привела въ конечное раззореніе прекраснѣйшія страны въ свѣтѣ, нѣкогда пользовавшіяся столь цвѣтущимъ состояніемъ.

Въ Европѣ въ послѣдніе годы путешественники много занимались изслѣдованіемъ быта низшихъ классовъ народа въ

(*) Нынѣшняя одежда Турокъ, исключая, впрочемъ, улемовъ, дервишей и черни, состоитъ изъ синяго до верху застегиваемаго мундира и не очень широкихъ шараваръ сѣраго цвѣта (duck colour); такъ-что если бы османы не сохранили еще красной своей фески, то ихъ нельзя бы было различить по одеждѣ отъ Франковъ.

разныхъ государствахъ. Такъ, мы видѣли, баронъ фонъ-Гакстгаузенъ посѣтилъ разныя части Германіи и славянскія страны для сличенія въ нихъ относительнаго быта крестьянъ (*) ; мы видѣли далѣе, какъ во Франціи правительство заботилось о томъ, чтобы получить точныя свѣдѣнія о тамошнемъ состояніи рабочихъ сословій. Съ подобною же цѣлью, а именно: сличить собственными своими глазами состояніе народа въ ихъ отечествѣ съ тѣмъ, въ какомъ оно находится въ другихъ частяхъ Европы, двое ученыхъ Англичанъ путешествовали по разнымъ странамъ материка: первый изъ нихъ — это уже извѣстный своими сочиненіями о Скандинавіи и государствахъ Средней и Западной Европы, политико-экономъ г. Ленгъ (Laing), а второй — отличный правовѣдъ г. Кей (Kay). Относящіяся сюда сочиненія ихъ озаглавлены:

Observations on the Social and Political State of the European People in 1848 and 1849; being the second series of Notes of a Traveller. By Samuel Laing, Esqu. London. 1850. Longman et C°

и The Social Condition and Education of the People of England and Europe. By Joseph Kay, Esqu. M. A. of Trinity College, Cambridge and late Travelling Fellow of the University of Cambridge. 2 vols. Тамъ же 1850.

Не имѣвъ случая пользоваться самыми источниками, мы можемъ здѣсь сообщить только общее о нихъ понятіе, опираясь на рецензію одного англійскаго литературнаго журнала. (**)

Хотя оба писателя стремились къ одной и той же цѣли — разъяснить причины, споспѣшествующія или препятствующія благосостоянію народа въ Англіи сравнительно съ другими націями, однако же, между ними есть и существенное различіе, заключающееся въ томъ, что при этомъ изслѣдованіи Ленгъ имѣлъ главнѣйшее въ виду среднее сословіе, а Кей въ особенности низшій слой народа; поэтому оба ихъ труда могутъ почесться необходимымъ одинъ другому дополненіемъ и объясненіемъ.

(*) Замѣтимъ здѣсь, что важнаго сочиненія его объ этомъ предметѣ, о началѣ котораго было нами возвѣщено въ первомъ обзорѣ, нынѣ вышелъ третій и послѣдній томъ.

(**) The Athenaeum 1850. Іюльская книжка.

Не трудно предусмотрѣть, что результатъ ихъ изслѣдованій, каковъ бы онъ ни былъ, долженъ быть въ высокой степени занимателенъ для всякаго образованнаго человѣка; но прежде, нежели мы представимъ этотъ выводъ, нужно окинуть взглядомъ нынѣшнее состояніе общества въ Великобританіи, какъ исходную точку обоихъ разысканій.

Здѣсь намъ бросаются въ глаза два замѣчательныя явленія. Съ одной стороны, мы видимъ, что народъ въ теченіе послѣдняго полстолѣтія сдѣлалъ быстрые успѣхи въ улучшеніи своего быта. Полезныя ремесла доведены до высокой степени развитія; относящіяся къ общежитію познанія чрезвычайно распространились въ нѣкоторыхъ слояхъ народонаселенія; торговля расцвѣла болѣе, нежели когда-либо; число жителей почти удвоилось, обработываніе земли сдѣлалось болѣе раціональнымъ и успѣшнымъ, и общее богатство страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ способы къ пріобрѣтенію удобствъ жизни возрасли; но. съ другой стороны, неопровержимо и то, что на ряду съ этими благодѣтельными перемѣнами увеличилось нищенство въ гораздо бóльшей степени, чѣмъ когда-либо прежде. Рѣзкій контрастъ между изобиліемъ и нуждою становится болѣе и болѣе зіяющимъ, и Великобританія какъ бы спѣшитъ на встрѣчу тому періоду времени, когда населеніе ея будетъ состоять изъ двухъ только крайностей — людей чрезвычайно богатыхъ и чрезвычайно бѣдныхъ.

Что же авторы сказанныхъ сочиненій нашли въ другихъ странахъ? Оба они согласуются въ томъ, что въ тѣхъ странахъ материка, которыя были ими изслѣдованы, а именно, главнѣйше, въ Голландіи, Бельгіи, Германіи, Франціи и Швейцаріи, общество въ высокой степени удовлетворяетъ условіямъ далеко развитаго образованія: они нашли тамъ воспитаніе, достатокъ (we lth), удобства жизни; а вмѣстѣ съ тѣмъ и масса народа участвуетъ въ этихъ благахъ гораздо болѣе, чѣмъ въ Соединенномъ королевствѣ. Оба путешественника единогласно свидѣтельствуютъ, что въ послѣднія тридцать или сорокъ лѣтъ неравенство общественнаго быта людей весьма мало увеличилось въ посѣщенныхъ ими континентальныхъ государствахъ, и что многочисленнаго класса совершенно нищихъ

тамъ еще вовсе не существуетъ (*); одинъ изъ нихъ, г. Кей, даже отдаетъ преимущество нравственному, умственному и физическому быту какъ крестьянъ, такъ и ремесленныхъ классовъ Пруссіи, Саксоніи и другихъ частей Германіи, а равно Голландіи и части Швейцаріи передъ состояніемъ тѣхъ же слоевъ народа не только въ Ирландіи, но и въ самой Англіи и Шотландіи, — и оба они находятъ, что состояніе бѣдныхъ въ городахъ Сѣверной Германіи, Швейцаріи и Голландіи несравненно лучше, чѣмъ въ англійскихъ, и притомъ еще безпрестанно поправляется.

Всякое тѣло государственное естественно стремится къ такому развитію силъ своихъ, которое наиболѣе согласно съ особенною его природою и потребностями. Сама природа какъ бы предназначила Великобританіи быть преимущественно торговою и мануфактурною державою, давъ ей островское положеніе и надѣливъ ее сверхъ другихъ благъ передъ всѣми почти странами въ свѣтѣ желѣзомъ и каменнымъ углемъ (**), этими двумя главнѣйшими условіями мануфактурной промышленности. Но она не лишила ее также и равнинъ, пригодныхъ для земледѣльческой цѣли, и обращать всѣ эти пространства на службу фабрикъ и мануфактуръ значило бы дѣйствовать столько же противъ истинныхъ пользъ страны, какъ въ странѣ, по преимуществу земледѣльческой, вовсе не принимать въ соображеніе мануфактуръ и фабрикъ, тѣсно связанныхъ съ ея природою и выгодами. Главное дѣло — отыскать между этими отраслями производительности надлежащую мѣру. И это-то значеніе, кажется, имѣетъ въ Великобританіи столь упорная и продолжительная борьба между партіями протекціонистовъ и приверженцевъ свободной торговли. Рѣшеніе ея въ пользу

(*) Это, однако, не совсѣмъ согласуется съ тѣмъ, что сообщаетъ Гельферихъ объ увеличеніи числа бѣдныхъ въ Бельгіи, а Бланки о состояніи рабочаго класса въ разныхъ частяхъ Франціи. См. выше. Вообще, кажется, обѣ книги нуждаются во многихъ поправкахъ и ограниченіяхъ, относительно къ сужденіямъ о народномъ бытѣ разныхъ странъ материка.

(**) Только Соединенные Штаты Сѣверной Америки богаче каменнымъ углемъ: тамъ считается 133,132 квадр. миль угольной формаціи, а въ Великобританіи 11,8 9 квадр. миль; но зато въ Соединенныхъ Штатахъ эта отрасль еще въ своемъ дѣтствѣ, и ежегодно добывается не болѣе 4,440,000, а въ Великобританіи 31,500,000 тоннъ.

послѣдней доказываетъ, что Великобританія идетъ на встрѣчу назначенію быть исключительно мануфактурно-торговымъ государствомъ.

Другое основательное сочиненіе о рабочихъ классахъ и о бѣдныхъ въ Англіи въ 1849 году издалъ г. Симонсъ подъ заглавіемъ:

Tactics for the Times: as regards the condition and treatment of the Dangerous Classes. By C. Simons. London, — гдѣ входитъ въ подробное разсмотрѣніе не только преступленій въ Великобританіи въ-теченіе послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ до выхода въ свѣтъ книги, но и въ-особенности общаго состоянія рабочаго населенія, изъявляя свое убѣжденіе, что нравственное и физическое бѣдствіе этого класса народа можетъ быть устранено только дѣятельнымъ участіемъ высшихъ сословій; всѣ свои выводы онъ основываетъ на статистическихъ данныхъ съ такою точностью, что книга его, конечно, займетъ себѣ прочное мѣсто въ ряду сочиненій, посвященныхъ исправленію общественнаго быта Великобританіи.

Если сочиненія Кея, Леинга и Симонса знакомятъ насъ главнѣйше съ темною стороною Великобританіи въ-сравненіи съ другими частями Европы, то не надобно выпускать изъ вида и свѣтлой ея стороны. Но на этотъ счетъ сошлемся здѣсь на другое сочиненіе, а именно третье изданіе книги англійскаго статистика Портера:

The Progress of the nation in its various social and economical relations, from the beginning of the nineteenth century. By G. R. Porter, Esqu. A new edition. London 1851.

Изъ этой книги, которая, развивая передъ нами, на основаніи оффиціальныхъ данныхъ, успѣхи промышленности и общественнаго быта Соединеннаго королевства, служитъ необходимымъ дополненіемъ и повѣркою обоихъ вышеприведенныхъ сочиненій, мы усматриваемъ, что если тамъ, дѣйствительно, увеличилась въ новѣйшее время бѣдность, особенно въ классѣ земледѣльцевъ, то, съ другой стороны, отъ развитія торговли и промышленности, въ той же самой мѣрѣ удешевились средства къ пропитанію и облегчились способы къ пріобрѣтенію удобствъ жизни.

Съ другой стороны, справедливость требуетъ замѣтить, что въ послѣдніе годы, а именно съ появленія книгъ господъ

Кея и Ленга, въ Великобританіи много сдѣлано для поправленія быта низшихъ слоевъ народа. Достаточно указать на мѣры, принятыя для общественнаго здравія, устройствомъ опрятныхъ жилищъ и образцовыхъ хозяйствъ для рабочаго класса, и введеніемъ общественныхъ бань, на учрежденіе пріютовъ и домовъ трудолюбія, школъ для бѣдныхъ и общественныхъ библіотекъ для промышленныхъ сословій, и такъ далѣе. ([1]) И мы съ радостью присовокупимъ здѣсь, что это же самое стремленіе замѣтно и во всѣхъ другихъ странахъ Европы. Всѣ правительства вполнѣ убѣждены въ томъ, что всякій шагъ, дѣлаемый для улучшенія быта народа, есть вмѣстѣ самое дѣйствительное средство къ возвышенію богатства, благосостоянія и политическаго значенія государства.

([1]) Въ-слѣдствіе этихъ попеченій, а главнѣйше переселенія, нищета въ Великобританіи съ 1848 года постоянно уменьшалась. Къ 1 іюля 1849 еще считалось тамъ 997,796, то есть почти милліонъ, бѣдныхъ, которые получали вспоможеніе въ домахъ трудолюбія или внѣ ихъ; къ 1 января 1852 это число убавилось до 855,360, а къ 1 января 1852—до 799,442; итакъ, въ три съ небольшимъ года уменьшеніе простерлось до 198,352, т.-е. почти на $^1/_5$, результатъ, съ которымъ можно поздравить Англію болѣе, нежели съ пріобрѣтеніемъ цѣлаго какого-либо королевства въ Индіи.

II. Азія.

Азія, какъ по наружной своей физіономіи, такъ не менѣе и по свойству населяющихъ ее племенъ, ихъ назначенію и даже самой исторіи, образуетъ прямую противоположность съ Европой.

Главное ея отличіе, какъ уже было объяснено нами въ другомъ мѣстѣ, есть характеръ толщи, и, въ-слѣдствіе того, она имѣетъ совершенно другую организацію, нежели Европа. Если послѣдняя отличается гармоническимъ распредѣленіемъ горъ, плоскогорій и низменностей, то въ первой, напротивъ-того, преобладаютъ земныя возвышенности, или, точнѣе сказать, она вся состоитъ изъ контраста высей и низменностей. Ни въ одной части свѣта нѣтъ такихъ огромныхъ поднятій земли, столь многочисленныхъ и многосложныхъ системъ горъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и такихъ огромныхъ степей и такой рѣзкой противуположности толщъ къ низменностямъ, какъ въ Азіи. (*)

(*) Въ Европѣ, по исчисленію географовъ, низменности занимаютъ 114,000 нѣмецкихъ □ миль, а горныя пространства—46,000, и, слѣдственно, первыя относятся къ послѣднимъ, какъ (2, 5) : 1. Въ Азіи, напротивъ-того, низменности покрываютъ собою 281,500, а выси (плоскогорье и горы) 525,500 □ миль, и поэтому первыя относятся ко вторымъ, какъ 1 : 1,8.

Если мы пристально вглянемся въ рельефъ Азіи, то увидимъ, что онъ главнѣйше состоитъ изъ трехъ огромныхъ толщъ земли, которыя, словно террасы, постепенно спускаются отъ востока къ западу. Какъ бы основою ихъ служитъ огромное двойное плоскогорье (plateau) Монгольско-Тибетское, имѣющее отъ 8,000 до 10,000 парижскихъ футовъ средняго возвышенія надъ моремъ; средину занимаетъ плоскогорье Иранское, съ среднимъ возвышеніемъ — около 4,000 футовъ, а въ главѣ ихъ находится полуостровъ Аравійскій. Но, сверхъ-того, въ видѣ отдѣльныхъ выступовъ, еще примыкаютъ съ юга плоскогорье Деканское и гористая страна по ту сторону Ганга, съ запада — плоскогорье Армянское и Анатольское, а съ востока—полуострова Корейскій, Камчатскій и Чукотскій. Всѣ эти плоскія возвышенности покрыты болѣе или менѣе огромными степями, а въ орошаемыхъ своихъ частяхъ—плодородными долинами, и отъ прилежащихъ къ нимъ низменностей отдѣлены могучими горными кряжами. Въ самомъ расположеніи этихъ горныхъ кряжей, по-крайней-мѣрѣ главной средней массы Азіи, мы замѣчаемъ нѣкоторую правильность. Они состоятъ изъ четырехъ горныхъ системъ, которыя почти соотвѣтственно другъ другу идутъ отъ востока къ западу, параллельно наибо́льшему протяженію материка. Эти системы суть: Алтайская, Тянъ-Шанская или Небесныхъ горъ, Кіенъ-Луньская и Гималайская. Первая идетъ отъ Змѣиногорска до Гурби и до меридіана Байкальскаго моря ($79\frac{1}{2}^0$ — 100^0 долготы); вторая — отъ страны Минбулакъ (т.-е. тысячи ключей) до города Куку-Хото (Kuku-Khoto) ($69\frac{1}{2}^0$ — $111\frac{1}{2}^0$ долготы); третья — отъ Болора до китайской области Гу-пи (Hu-pih) ($70\frac{1}{2}^0$ — 110^0 долготы), а четвертая отъ Индѣйскаго Кавказа до цѣпи Нанлинъ, на границѣ Куанси ($70\frac{3}{4}^0$ — 113^0 долготы). (*) Кромѣ того, на полуостровѣ Остъ-Индіи, также болѣе или менѣе параллельно, залегаютъ къ югу отъ Гималаи небольшая система горъ Вестъ-Индіи (**), а къ югу отъ Вестъ-Индіи — цѣпь горъ Гондвана и Сатпура. Къ этимъ-то горамъ, идущимъ отъ В. къ З., надобно

(*) См. Central-Asien. Untersuchungen über die Gebirgsketten und die vergleichende Klimatologie von Asien von Alexander v. Humboldt. Berlin 1844.

(**) Не слѣдуетъ ли сюда же отнести также Гималайское подгорье (Sub-Himalaya), идущее къ югу отъ Гималаи между этимъ хребтомъ и цѣпью Вестъ Индіи?

еще присовокупить особыя системы меридіанныхъ горъ: на Индѣйскомъ полуостровѣ высокую цѣпь Малабарскихъ Ггатесовъ вдоль западнаго Малабарскаго берега въ направленіи отъ С.-С.-З. къ Ю.-Ю.В. и нѣсколько низшую цѣпь Коромандельскихъ Ггатесовъ, вдоль по восточному, или Коромандельскому берегу,—цѣпь, разсѣкающую полуостровъ по ту сторону Ганга, а въ сѣверной Азіи — длинный поясъ Урала.

Съ другой стороны, нигдѣ въ прочихъ частяхъ свѣта, кромѣ Африки, нельзя найти такихъ степей, какова степь Гоби, простирающаяся на 50 градусовъ широты, и нигдѣ нѣтъ такихъ низменностей, какъ пролегающая на сѣверо-востокѣ Азіи отъ Каспійскаго моря до рѣки Колымы.

Уже эти горныя системы и прилегающія къ нимъ степи служатъ какъ бы естественными гранями для отдѣленія между собою племенъ и народовъ. Такимъ-образомъ, длинный меридіанный поясъ Урала отдѣляетъ обитателей Азіи и Европы. Два изъ главныхъ племенъ Азіи: Китайцы и Индусы, отдѣлены другъ отъ друга высочайшимъ хребтомъ (Гималайею) и высочайшимъ плоскогорьемъ въ свѣтѣ. Сверхъ-того, расположенный между этими двумя многочисленнѣйшими племенами Азіи, Тибетъ, по неподвижному характеру своего образованія, служитъ непреодолимою преградою, особенно съ тѣхъ поръ, какъ Китайцы, сдѣлавъ себѣ эту страну, въ нѣкоторомъ смыслѣ, подвластною, распространили на нее исключительную свою политику. (*)

Эта политика, клонясь, какъ извѣстно, къ устраненію всякихъ соприкосновеній съ чужеземцами, озаботилась оградить китайскія владѣнія отъ сосѣднихъ странъ горами, степями, непроходимыми лѣсами или, вообще, пустырями и разными укрѣпленіями. Согласно съ этимъ-то началомъ, Китай отодвинулъ свою границу къ сторонѣ Кохинхины, т.-е. все пространство, которымъ китайская область Квантунъ граничитъ къ югу съ кохинхинскою областью Тонкиномъ, въ обладаніи кочевыхъ туземныхъ племенъ, и, сверхъ-того, укрѣпилъ ихъ рядомъ небольшихъ твердынь. Другая китайская область, Юннань, отдѣлена отъ Кохинхины, на протяженіи

(*) Подверженные нашествіямъ южныхъ своихъ сосѣдей Непальцевъ и Горкъ (Ghorka's), Тибетцы прибѣгли къ защитѣ Китая, который, изгнавъ отсюда сказанныхъ хищниковъ, считаетъ себя властелиномъ страны.

около ста географическихъ миль, пустынею. (*) Подобный же характеръ имѣетъ граница Китая со стороны Бирмы. О неприступной границѣ со стороны Индіи было говорено нами, а здѣсь замѣтимъ еще, что всѣ проходы Гималаи, особенно съ нѣкотораго времени, охраняются самымъ бдительнымъ образомъ. Къ сѣверу же, со стороны Россіи, Китай огражденъ отчасти высокими горными хребтами, отчасти пустынною страною Амура.

Средняя, или Внутренняя Азія, отвсюду отдѣленная могучими хребтами: съ запада, со стороны Ирана, Белуртагомъ и Мустагомъ, съ сѣвера—Алтаемъ съ его отраслями: Саянскими и Даурскими горами, а съ востока—Иншаномъ, Сивешаномъ и снѣжнымъ хребтомъ около Хухунора, составляетъ собою совершенно отдѣльный міръ, который самою природою раздѣленъ на двѣ различныя между собою части, — а именно: высокій хребетъ Кіенлуня, пересѣкая плоскогорье Средней Азіи съ востока на западъ, отдѣляетъ здѣсь сѣверныя монгольско-татарско-турецкія племена отъ южныхъ тибетскихъ.

Равнымъ-образомъ и индѣйскія племена отдѣлены отъ племенъ иранскихъ высокими хребтами, простирающимися на западъ отъ долины Инда.

Собственно такъ-называемый Иранъ, или Персія, отвсюду огражденъ или горами, или степью, или морями: со стороны Россіи—Кавказіею и Каспійскимъ моремъ, со стороны Азіатской Турціи—горными кряжами, со стороны Хивы, Бухары и Балка — степью и горами, а къ югу — моремъ.

И то изъ племенъ Азіи, которое имѣло наиболѣе вліянія на судьбы этой части свѣта и человѣчества вообще, — Арабы отдѣлены отъ всего прочаго міра почти островскимъ своимъ положеніемъ, будучи окружены съ трехъ сторонъ моремъ, а съ четвертой —степью.

Присоединимъ къ этому еще то, что сближеніе между собою народовъ Азіи весьма затрудняется преобладающими

(*) По словамъ Гюцлафа (смотри его статью о Кохинхинѣ, въ Journal of the Royal Geographical Societhy of London), ничто не можетъ быть угрюмѣе этой границы. Однѣ горы возвышаются выше другихъ, иныя увѣнчаны снѣгомъ. Вообще этотъ край доставляетъ лишь самое скудное пропитаніе немногимъ, тамъ и сямъ разсѣяннымъ племенамъ, занимающимся по большей части рудокопствомъ. Горы содѣлываютъ всякое укрѣпленіе съ этой стороны излишнимъ.

между ними контрастами. Азія почти вся составлена, такъ-сказать, изъ рѣзкихъ и непримиримыхъ противоположностей. По ту сторону Урала и Кавказа, вмѣстѣ съ природою, и люди вдругъ такъ измѣняются, что, кажется, будто вступаешь въ совсѣмъ другую землю, и какъ Азіатецъ рѣшительно отличается отъ Европейца, такъ и между самими Азіатцами существуютъ рѣзкія отличія. Такъ, уже между самыми близкими и сродными между собою племенами Азіи: Индусами и Персами, искони господствуетъ совершенная противоположность, — а равно и между разными племенами самихъ Индусовъ (арійскаго происхожденія, которые принадлежатъ къ кавказскому племени, и не-арійскаго, или первосельцами); далѣе — между Индусами и Китайцами, между Китайцами и Манджурами, между Манджурами и Тибетцами, между Персами и Турками, между Турками и Армянами и между тремя послѣдними и Арабами.

Само собою ясно, что, при такихъ обстоятельствахъ, народонаселеніе на Востокѣ должно имѣть совершенно другой характеръ, что на Западѣ. Если здѣсь все тѣсно связано узами родства, взаимныхъ выгодъ и образованія, то тамъ, напротивъ того, все разрознено и каждый народъ живетъ самъ по себѣ, предаваясь мирнымъ и полезнымъ своимъ занятіямъ: они знаютъ только свои пастбища, свои поля и свои промыслы; одно племя, а нерѣдко одно колѣно и даже одно семейство не заботится о томъ, что́ происходитъ въ непосредственномъ его сосѣдствѣ, и, пребывая такимъ-образомъ въ тѣсной ограниченности и отчужденіи отъ всего прочаго свѣта, ведетъ нѣкотораго рода прозябательную жизнь. Сама природа, какъ бы предназначивъ народы Азіи къ такой ограниченности и къ такому разобщенію, употребила съ своей стороны все, чтобы навсегда удержать ихъ въ извѣстныхъ тѣсныхъ предѣлахъ. Насадивъ на неизмѣримомъ пространствѣ этой части свѣта много отдѣльныхъ, приспособленныхъ къ характеру и наклонностямъ жителей, она наградила ихъ такими дарами, въ которыхъ отказала другимъ странамъ.

Хотя между этими племенами и существуютъ нѣкоторыя сношенія, но они по бо́льшей части ограничиваются торговлею, и развѣ только силою завоеванія иногда удавалось одному племени пріобрѣсть себѣ вліяніе на другое; но даже и въ

этомъ случаѣ не могло между ними произойти слiянiя, потому-что господство главнѣйше и поддерживалось только внѣшними средствами. Основатель нынѣшней Манджурской династiи въ Китаѣ, вслѣдъ за покоренiемъ Срединной имперiи, перенесъ туда почти все населенiе Манджурiи, распредѣливъ его гарнизономъ по разнымъ городамъ Китая. Но, хотя съ того времени уже протекло нѣсколько столѣтiй, между обоими племенами не только не произошло никакого слiянiя, а напротивъ-того, каждое изъ нихъ, вполнѣ удерживая свои нравы, обычаи и языкъ, питаетъ къ другому явную ненависть и презрѣнiе.

Въ-слѣдствiе этой разрозненности народовъ Азiи, и самая исторiя ихъ въ-сравненiи съ европейскою, представляя гораздо менѣе важности, отличается какимъ-то скучнымъ однообразiемъ. Не находясь почти вовсе въ сношенiи, или состоя только въ весьма малой связи съ общимъ ходомъ образованiя человѣчества, она не можетъ привлекать къ себѣ въ такой степени наше вниманiе, какъ исторiя Европы, полная жизни, движенiя и влiянiя на судьбы человѣчества.

Ни одинъ историкъ не подмѣтилъ такъ хорошо общаго характера азiатской исторiи, какъ Геренъ. «Большiя царства Азiи — говоритъ онъ — возникли совсѣмъ не тѣмъ путемъ, какъ государства европейскiя. Они сплошь обязаны своимъ происхожденiемъ могучимъ завоевательнымъ народамъ, а именно, почти безъ изъятiя, кочевымъ. Самый образъ жизни ихъ, прiучая ихъ имѣть только малыя потребности, закаляя ихъ противъ всякихъ трудностей войны, заставилъ ихъ проводить почти все свое время на конѣ и, внушая имъ вмѣстѣ съ отвагою также страсть къ грабежу и добычѣ, дѣлаетъ ихъ способными къ завоеванiямъ: докуда ни бродятъ хищническiя ихъ орды, дотуда простирается и ихъ господство и они, или вовсе, или отчасти покидая скудную свою отчизну и промѣнивая ее на лучшiя страны, становятся такимъ-образомъ основателями могущественныхъ огромныхъ царствъ. Но знакомство съ роскошью и нѣгою, вмѣстѣ съ влiянiемъ перемѣны климата, вскорѣ производитъ и между ними измѣненiе образа жизни. Побѣдители принимаютъ нравы побѣжденныхъ, къ чему кочевникъ вообще тѣмъ склоннѣе, что онъ не привязанъ къ отчизнѣ; и, такимъ-образомъ, между ними возникаетъ образованность, не столько основанная на высшихъ нравственныхъ

началахъ, сколько на роскоши, и чѣмъ обрывистѣе (скорѣе) переходъ отъ грубости къ этому роду образованія и чѣмъ сильнѣе возгарается въ нихъ страсть къ чувственнымъ наслажденіямъ, тѣмъ болѣе возрастаетъ ихъ изнѣженность. Такимъ-то образомъ побѣдители сами себя ослабляютъ и, перерождаясь, удерживаютъ свою власть только до того времени, пока новая завоевательная орда не оснуетъ на развалинахъ стараго царства новое, и ихъ, въ свой чередъ, постигнетъ та же самая участь, какъ и ихъ предшественниковъ. Такъ, въ древности возникли и исчезли Ассиріане, Халдеи, Персы, Парояне, — такъ, въ средніе вѣки могущество Арабовъ, а позже — татарскія и монгольскія государства, которыя еще и понынѣ существуютъ, хотя уже почти въ-половину разрушенныя.»

Уже изъ этого видно, что народы Азіи, въ-противность народамъ Европы, представляютъ интересъ почти исключительно-этнографическій. Мы гораздо болѣе интересуемся картиною сначала грубой и дикой, но зато удалой и романтической, а потомъ въ высокой степени роскошной и изнѣженной ихъ жизни, нежели разсказами на одинъ ладъ объ опустошительныхъ ихъ походахъ и завоеваніяхъ.

Нельзя, однако, не признать, что, съ нѣкотораго времени, въ бытѣ народовъ Азіи воспослѣдовали большія перемѣны. Вліяніе просвѣщенной Европы и хода образованія вообще не могло не отозваться и на неподвижныя племена Востока, и уже нѣкоторыя изъ его государствъ начинаютъ выходить изъ того оцѣпенѣнія, въ которомъ они коснѣли столь долгое время. На западѣ Азіи Оттоманская имперія и Персія добровольно отверзаютъ свои нѣдра сѣменамъ европейской образованности, а на дальнемъ Востокѣ — Китай. Судя по всѣмъ знаменіямъ, не пройдетъ много времени, какъ и прочія, еще остающіяся какъ бы замкнутыми, владѣнія Азіи откроются вліянію Европы, и тогда вся Азія современемъ неминуемо должна принять совсѣмъ другой видъ.

Но какова бы ни была будущность, предстоящая Востоку, будемъ надѣяться, что онъ не утратитъ той живительной поэтической свѣжести, того, хотя причудливаго, но романтическаго удальства и той счастливой самосозерцательности, которыя доселѣ составляли главную его красу и прелесть, и что онъ только въ той мѣрѣ почувствуетъ надъ

собою вліяніе образованной Европы, чтобы проникнуться бо́льшею гуманностью, чувствомъ нравственнаго достоинства и сознаніемъ того мѣста, которое ему подобаетъ въ общемъ организмѣ рода человѣческаго.

Картографія Азіи въ истекшее пятилѣтіе представляетъ нѣсколько весьма замѣчательныхъ событій.

Изъ относящихся къ русскому участку Азіи предпріятій этого рода первое мѣсто, безспорно, принадлежитъ тріангуляціонной съемкѣ Закавказья. Если такая съемка и при довольно ровной мѣстности являетъ немалыя трудности, то она, какъ само-собою-разумѣется, несравненно труднѣе въ гористой. Но трудности эти еще усугублялись для Закавказья разными свойственными тому краю обстоятельствами, а именно: разнообразіемъ климата, отъ крайней стужи на высяхъ горъ до крайняго зноя въ удолахъ, раздробленіемъ поземельной собственности, кочевымъ образомъ жизни нѣкоторой части народонаселенія, непрочнымъ устройствомъ разныхъ племенъ. Къ этому еще присоединялись трудность добыть надлежащее число экземпляровъ и недостатокъ карты, которая была бы довольно подробна, чтобы служить основою при общемъ размежеваніи. Карты Генеральнаго Штаба Отдѣльнаго Кавказскаго Корпуса были составлены для спеціальныхъ стратегическихъ цѣлей: вполнѣ соотвѣтствуя имъ, онѣ не довольно подробны для общаго размежеванія, требующаго гораздо бо́льшихъ размѣровъ. На этотъ конецъ необходимо было предварительно опредѣлить большое число основныхъ пунктовъ, чтобы, съ помощію ихъ, получить общую тригонометрическую сѣть страны.

Нынѣшній, столь высоко заслуженный, Намѣстникъ Кавказскій, князь М. С. Воронцовъ, немедленно по прибытіи своемъ туда, поставилъ себѣ одною изъ первыхъ своихъ обязанностей удовлетворить этой потребности, и по его представленію, въ 1846 году, Высочайше утвержденъ былъ проектъ тріангуляціи Закавказскаго края. По выпискѣ изъ

Мюнхена и Берлина потребныхъ инструментовъ, уже въ слѣдующемъ году, приступлено было къ дѣлу, подъ руководствомъ опытнаго геодезиста, Генеральнаго Штаба полковника Ходзько, которому придано было 4 офицера Корпуса Топографовъ и 12 топографовъ.

Первою операціею было измѣреніе базиса, на каковой-конецъ избрана мѣстность между постомъ Шамхорскимъ и деревнею Дальяръ, какъ наиболѣе къ тому удобная, по причинѣ совершенной ея ровности на протяженіи болѣе $9^1/_2$ верстъ. По окончаніи этой операціи и по сооруженіи на обоихъ концахъ базиса сигналовъ, избраны были, на окрестныхъ горахъ, соотвѣтственные сигналамъ пункты, образовавшіе собою полигонъ пяти треугольниковъ. За тѣмъ полковникъ Ходзько приступилъ къ начертанію самой тригонометрической сѣти на основаніи двухъ системъ треугольниковъ: одной—къ востоку, вдоль Царскихъ колодцевъ и Сигнаха до Тифлиса и Бѣлаго Ключа, а другой—къ западу, по обѣимъ сторонамъ озера Гокчая, близъ Эривани и Александраполя до связи ея съ первою въ окрестностяхъ Бѣлаго Ключа и Екатеринфельской колоніи, — операція, сопряженная съ чрезвычайными трудностями, тѣмъ-болѣе, что въ эту сѣть вошли также горы Араратъ и Казбекъ.

Къ исходу 1847 года эти геодезическія работы были уже окончены. Въ слѣдующіе три года сѣть была продолжаема, съ одной стороны, отъ Елисаветполя и Царскихъ Колодцевъ, чрезъ Шушу и Ленкоранъ, а съ другой —чрезъ Нуху до Баку, гдѣ измѣренъ былъ другой базисъ для повѣрки ; въ 1851 же году тригонометрическая сѣть проложена чрезъ главный хребетъ до Владикавказа и тѣмъ-самымъ связаны геодезическія работы Закавказья съ операціями сѣверной покатости главнаго хребта.

Объ огромности этого подвига, которымъ положена прочная основа будущей кадастраціи и топографическому познанію Закавказскаго края, можно составить себѣ понятіе изъ того, что съ начатія работъ, въ 1847 году, всего измѣрено 164 первоклассныхъ треугольниковъ, 600 второстепенныхъ пунктовъ, и, сверхъ-того, для астрономическихъ цѣлей, совершено восхожденіе на Араратъ.

Къ этой величавой съемкѣ достойнымъ образомъ присоединяется, исполненная со стороны Генеральнаго Штаба, въ 1852 году, съемка пространства на сѣверо-востокъ отъ Каспійскаго и Аральскаго морей, т.-е. всей долины по правую сторону Сыръ-Дарьи, отъ устья ея почти до того мѣста, гдѣ она развѣтвляется на четыре отрасли: Джанъ-Дарью, Куванъ-Дарью, Яманъ-Дарью и Караузень, страны на востокъ отъ рѣки Тургая и Джиланджика до границъ Сибирскихъ Киргизовъ и на югъ отъ рѣки Эмбы до половины Усть-Юрта, т.-е. до 45° сѣверной широты, — пространства, объемлющаго собою до 150,000 квадр. верстъ.

Сверхъ-того трудами Генеральнаго Штаба изданы, въ 1848 году,

Карта Западной Сибири, вмѣстѣ съ Киргизскою степью Сибирскаго Вѣдомства, съ указаніемъ границъ Россіи съ Китаемъ и Коканомъ.

Въ 1851 году,

Карта Оренбургскаго края, съ Киргизскою степью, Оренбургскаго Вѣдомства, и съ смежными частями Хивы и Бухары.

А недавно:

Карта войны въ Азіи съ 1826 по 1830 годъ, на четырехъ большихъ листахъ.

По порученію же бывшаго генералъ-губернатора Западной Сибири, князя П. Д. Горчакова, изготовлена

Карта Коканскаго ханства (Сѣвернаго Тибета и Болора) (*).

Съ другой стороны, по распоряженію нынѣшняго генералъ-губернатора Восточной Сибири, генералъ-лейтенанта Н. Н. Муравьева, приступлено къ составленію двухъ картъ Восточной Сибири: одной — географической, а другой — этнографической.

Для первой изъ нихъ, предполагаемой въ масштабѣ 50-ти верстъ на 1 дюймъ, предварительно произведены тригонометрическія съемки долины Ангары и другихъ мѣстностей, и нынѣ уже, стараніемъ полковника Генеральнаго Штаба г. Ф. Кальмберга, начертана, на 18 листахъ, сѣть, въ которую внесе-

(*) Карта эта приложена къ 3 тому «Записокъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества».

ны всѣ доселѣ астрономически опредѣленные пункты (*). По случаю недавняго откомандированія полковника Кальмберга на Кавказъ, продолженіе работъ по составленію этой карты поручено Корпуса Топографовъ подпоручику Орлову.

Для этнографической же карты предположено скопировать съ карты Познякова всѣ округи Восточной Сибири, въ увеличенномъ вдвое масштабѣ, и разослать ихъ по округамъ для надлежащаго ихъ дополненія на самомъ мѣстѣ.

Между-тѣмъ, Географическое Общество, имѣя въ виду усовершенствованіе азійской картографіи вообще, озаботилось составленіемъ генеральной карты этой части свѣта, съ соображеніемъ всѣхъ новѣйшихъ съемокъ, измѣреній и изслѣдованій. Карта эта, составленная г. Киппертомъ, отчасти по матеріаламъ, доставленнымъ ему отъ Общества, нынѣ уже гравируется въ Веймарскомъ Географическомъ Институтѣ, подъ личнымъ наблюденіемъ его директора, г. Фроріпа, и извѣстнаго картографа Кипперта и, безъ-сомнѣнія, будетъ вѣрнѣйшею и полнѣйшею изъ всѣхъ доселѣ изданныхъ картъ Азіи.

Изъ всѣхъ частей Азіи доселѣ наименѣе обработана была по части картографіи Средняя. (**) Никакое государство не имѣло къ тому столько средствъ и призванія, какъ Россія, состоящая въ прямой связи и соприкосновеніи съ бо́льшею частію странъ Центральной Азіи. Нынѣ этотъ огромный пробѣлъ выполняется двумя Членами Географическаго Общества: А. В. Болотовымъ и Я. В. Ханыковымъ. Воспользовавшись всѣми доступными имъ достовѣрнѣйшими матеріалами, они предприняли подробный атласъ Средней Азіи, сѣверный отдѣлъ котораго, состоящій изъ 4-хъ листовъ, уже изготовленъ. Южный будетъ заключать въ себѣ 2 листа, изъ которыхъ первый также почти оконченъ. Къ числу готовыхъ картъ этого атласа принадлежатъ: вышедшая въ 1851 году

(*) Положеніе этихъ пунктовъ заимствовано изъ каталоговъ астронома Струве, генералъ-лейтенанта Шуберта, гг. Эрмана и Шварца. Ихъ приходится 5 на Енисейскую, 21 на Иркутскую губерніи, 30 на Забайкальскую область, 2 на Кяхтинское градоначальство, 95 на Якутскую область, 111 на Камчатку и 4 на владѣнія Россійско-Американской Компаніи.

(**) Ею, сколько намъ извѣстно, занимался только Клапротъ въ Парижѣ; но трудъ его, почти уже доведенный имъ до окончанія, былъ прерванъ его смертью.

карта Аральскаго моря и Хивинскаго ханства, съ обозначеніемъ маршрутовъ главныхъ, совершенныхъ въ тамошніе края путешествій, Я. В. Ханыкова, и карта сѣверной части Каспійскаго моря, которой южный листъ служитъ основаніемъ карты сѣверной Персіи, составляемой Я. В. Ханыковымъ и генералъ-майоромъ Бларамбергомъ.

Тотъ же самый неутомимый Членъ Общества (Я. В. Ханыковъ) составилъ, съ соображеніемъ новѣйшихъ съемокъ и описаній, карту озера Иссыкъ-Куля и прилежащихъ къ нему странъ, т.-е. края, заключающагося между 40° и 48° с. ш. и 86° и 102° в. д. отъ меридіана острова Ферро.

Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть объ изданномъ Я. В. Ханыковымъ вмѣстѣ съ другимъ Членомъ Географическаго Общества, Ю. Толстымъ:

Спискѣ мѣстъ въ сѣверо-западной части Средней Азіи, положеніе которыхъ опредѣлено астрономически. С.-Петербургъ. 1850, —

гдѣ собрано указаніе широты и долготы 469 мѣстъ Россіи и смежныхъ съ нею странъ Средней Азіи, съ приведеніемъ противъ каждой имени наблюдателя. (*)

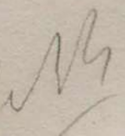
Изъ числа гидрографическихъ трудовъ, совершенныхъ въ Азіи со стороны Россіи, приведемъ здѣсь, прежде всего, опись Аральскаго моря. Она была исполнена въ 1848 и 49 годахъ, съ помощью нарочно для того построенныхъ шкунъ «Николай» и «Константинъ», подъ вѣдѣніемъ гг. капитанъ-лейтенантовъ Бутакова и Поспѣлова. Въ первое свое плаваніе, съ 25 іюля по 23 сентября 1848 года, г. Бутаковъ произвелъ общее обозрѣніе всего моря, промѣрялъ, въ разныхъ направленіяхъ, глубину его, опредѣлилъ широту разныхъ мѣстъ и снялъ островъ Барса-Кильмесъ. Во время этой экспедиціи открыта была, доселѣ остававшаяся неизвѣстною, довольно обширная группа острововъ посреди Аральскаго моря. (**) Проведя зиму на

(*) Вскорѣ будетъ отпечатано въ «Запискахъ» Общества второе изданіе этого списка, съ приложеніемъ къ нему пояснительной карты, также составленной Я. В. Ханыковымъ. Кромѣ того, г. Ханыковъ намѣренъ, въ поясненіе своей карты Средней Азіи, издать пространный текстъ, съ указаніемъ и разборомъ всѣхъ источниковъ, которыми онъ пользовался при ея составленіи.

(**) Группѣ этой дано наименованіе «Царскихъ Острововъ».

1849 годъ въ крѣпостцѣ на островѣ Косъ-Аралѣ, въ устьѣ Сыръ-Дарьи, экспедиція, съ наступленіемъ весны, продолжала свои операціи: г. Поспѣловъ описалъ восточный берегъ, съ прилежащими къ нему островами, и промѣрялъ глубины въ сѣверной части моря; самъ же начальникъ экспедиціи, г. Бутаковъ, принялъ на себя опись остальной части берега, опредѣленіе астрономическихъ пунктовъ и промѣры моря. Главнымъ плодомъ этой экспедиціи была подробная карта Аральскаго моря и его прибрежій, 1850 г., составленная гг. Бутаковымъ и Макшеевымъ; а сверхъ-того собрано ею много естествоисторическихъ и геологическихъ свѣдѣній о тамошнемъ краѣ.

Далѣе скажемъ здѣсь объ описи устья Анадыря и открытаго, въ 1846 году, рускимъ морякомъ Клинковштремомъ, залива, прозваннаго его же именемъ. Эта экспедиція снаряжена была, въ 1848 году, правителемъ колоній Русско-Американской Компаніи, капитаномъ 1-го ранга Тебеньковымъ, и состояла изъ двухъ бриговъ «Константинъ» и «Охотскъ», подъ командою капитановъ 2-го ранга Зарембо и Клинковштрема. По прибытіи въ сказанный заливъ капитанъ Зарембо сформировалъ два отряда байдаръ, изъ которыхъ первый, подъ начальствомъ Клинковштрема, долженъ былъ заняться описью устья Анадыря, а второй, подъ командою корабельщика Павлова, долженъ былъ снять Клинковштремовъ заливъ, съ его окрестностями. Эти работы были исполнены съ 18 по 26 іюля, и результатомъ ихъ оказалось, что Клинковштремовъ заливъ, вдаваясь на 9 миль въ матерую землю и имѣя до самой средины своей около 3 саженъ глубины, представляетъ вѣрное убѣжище судамъ довольно значительной величины, заливъ же Анадыря образуетъ собою пространную гавань, способную пріютить флотъ всякаго ранга судовъ. Географическое положеніе якорнаго своего мѣста въ первомъ изъ этихъ заливовъ капитанъ Зарембо опредѣлилъ подъ 64° 35′ 55″ сѣв. ш. и 181° 20′ 83″ зап. д. отъ Гринича, а сѣверный мысъ, при самомъ устьѣ Анадыря, по опредѣленію г. Клинковштрема, лежитъ подъ 64° 48′ 44″ сѣв. ш. и 183° 14′ зап. д. отъ Гринича. Устье Анадыря и заливъ на 8 миль ниже устья очень мелководны; далѣе же глубина доходитъ до 6—12 саженъ и не было замѣчено отмелей. На берегу залива найдено было до 13 селеній

Чукчей, которые, впрочемъ, вѣроятно, проводятъ здѣсь только лѣто. (*)

Другая гидрографическая работа на восточномъ же берегу Сибири была обозрѣніе юго-западнаго берега Охотскаго моря. Опись эта совершена годомъ ранѣе предъидущей (въ 1847), капитанъ-лейтенантомъ Поплонскимъ, на бригѣ «Охотскъ». Оставивъ Охотскій портъ 11 августа сказаннаго года, онъ, послѣ 9-ти-дневнаго плаванія, прибылъ въ недавно лишь устроенный портъ Аянъ, а оттуда направился къ большому Шантарскому острову. Огибая этотъ островъ съ востока, онъ открылъ два небольшіе, никѣмъ еще незамѣченные, острова, положеніе которыхъ оказалось: одного изъ нихъ, прозваннаго Островомъ Меншикова, подъ 54° 36′ сѣв. ш. и 220° 47′ 45″ зап. д. отъ Гринича, а другаго, названнаго Островомъ Рейнеке, подъ 54° 19′ 30″ сѣв. ш. и 220° 6′ зап. д. отъ Гриничскаго меридіана. Обозрѣвъ потомъ Тунгурскую бухту и восточную часть Сегнекинскаго полуострова, который тремя годами раньше (1844) посѣщенъ былъ г. Миддендорфомъ, и равно Константиновскій заливъ, на югъ отъ Малаго Шантара, капитанъ-лейтенантъ Поплонскій возвратился въ Охотскъ.

Еще остается здѣсь коснуться одного гигантскаго гидрографическаго начинанія, предпринятаго частнымъ лицемъ. Предположивъ себѣ задачею подробную опись сѣверныхъ береговъ Сибири и отысканіе кратчайшихъ путей сообщенія между разными ихъ частями и Бѣлымъ моремъ, г. флота капитанъ 2-го ранга П. Крузенштернъ, достойный сынъ перваго русскаго плавателя кругомъ свѣта, сначала, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, занимался собираніемъ всѣхъ необходимыхъ къ совершенію своего плана свѣдѣній и подготовленіемъ потребныхъ на этотъ конецъ средствъ и снарядовъ, а потомъ, на построенномъ по собственнымъ его указаніямъ, въ городѣ Кеми, суднѣ, принялся за исполненіе обширнаго своего предпріятія, которое, конечно, не преминетъ принести чрезвычайную пользу наукѣ и промышленности Россіи, обѣщая открыть современемъ сбытъ многимъ, еще вовсе не затронутымъ, сокровищамъ обширнаго и мало доселѣ извѣстнаго края. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще ничего не сдѣлалось

(*) См. «Морской Сборникъ» 1849 года, II часть, книжка 3.

гласнымъ о результатахъ этого смѣлаго и дальновиднаго замысла.

Не меньшую дѣятельность на полѣ азійской картографіи явила въ истекшее пятилѣтіе Англія. Начнемъ съ исчисленія дѣйствій ея въ собственныхъ ея владѣніяхъ въ этой части свѣта.

Измѣреніе дуги меридіана, начатое Лемтономъ и столь ревностно продолжаемое Эверестомъ, нынѣ уже объемлетъ дугу свыше 21° 21′, а именно отъ южной оконечности Остъ-Индскаго полуострова, мыса Коморина, почти до Гималаи.

Тригонометрическая съемка Британской Индіи неутомимо продолжается на всѣхъ пунктахъ. Въ-теченіе 1848 года, подъ личнымъ управленіемъ начальника остъ-индской тріангуляціи, подполковника Уафа (Waugh), окончено измѣреніе повѣрительнаго базиса у Сонакоды, не подалеку отъ Дарджилинга, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлены положеніе и высота надъ моремъ Дарджилинга и тригонометрически измѣрена вышина грозныхъ соперницъ Чимборассо — Давалагири, Чамалари и Канчинджонги, а равно и нѣкоторыхъ другихъ горъ. (*) — Капитанъ дю-Верне (Du Vernet) занятъ былъ тріангуляціею Джюлиндеръ-Доаба (Julinder-Doab) и горныхъ владѣній Мунди, Беласпура и пр.; г. Армстронгъ исполнилъ тріангуляцію южнаго отдѣла Гóры (of the Gora meridional series). По довершеніи съемки южнаго отдѣла Малунчи (the Maluncha meridional series), занимавшаяся этою операціею, подъ вѣдѣніемъ г. Лена (Lane), партія прикомандирована была къ капитану Ренни (Renny), который имѣетъ слѣдовать отъ Сронджскаго базиса (the Seronj base) на западъ, въ Куррачи (Currachee). Южный отдѣлъ калькуттской съемки, подъ руководствомъ г. Пейтона (Peyton), доведенъ до сѣверной его грани и связанъ съ повѣрительнымъ базисомъ сонакодскимъ; а капитанъ Гиллъ (C. F. Hill), начиная отъ Калькуттскаго базиса, простеръ тріангуляцію до Томлука (Tomlook) и будетъ продолжать ее далѣе до связи ея съ Мадрасскою съемкою близъ Ганджама. Въ то же время и съемка Бенгальскихъ округовъ быстро по-

(*) Съ нетерпѣніемъ надобно ожидать выхода въ свѣтъ окончательныхъ выводовъ этихъ гипсометрическихъ операцій, которыми долженъ наконецъ рѣшиться вопросъ: какой именно изъ горъ Азіи и всего земнаго шара подобаетъ пальма первенства?

двигалась впередъ. На бомбейской сторонѣ Индіи, тріангуляція, подъ вѣдѣніемъ лейтенанта Риверса, продолжена до окраинъ Буннаэзской долины (the valley of the Bunnaes), подъ 25° 10′ южной широты, и предполагается, распространивъ ее къ востоку до Серонджа, связать съ съемкою капитана Ренни, послѣ чего оба эти геодезиста соединятся вмѣстѣ, для ускоренія операцій со стороны Куррачи. Наконецъ, и въ Мадрасскомъ президентствѣ топографическая съемка была безостановочно продолжаема: въ округѣ Ганджамскомъ—капитаномъ Гальпиномъ (Halpin), а въ Гейдерабадскомъ — маіоромъ Морлендомъ.

Съ другой стороны, постоянно продолжается изданіе въ свѣтъ атласа Индіи, и недавно вышелъ 89 его листъ, также выпущено второе тисненіе листовъ 69 и 70; а, по случаю устройства въ Индіи желѣзныхъ дорогъ, Компанія желѣзной дороги Индѣйскаго Полуострова (Great Indian Peninsula Railway Company) издала карту Бомбея и прилежащей къ нему страны, въ большомъ масштабѣ, съ обозначеніемъ на ней подробно снятыхъ и изслѣдованныхъ линій рельсовыхъ сообщеній; полковникъ же Ниль Кембелль (Neale Campbell) составилъ карту Синда и береговъ Индуса.

И сѣверная граница британскихъ владѣній въ Индіи, столь трудно опредѣлимая, по причинѣ могучаго хребта Гималаи, наконецъ успѣшно внесена на карту. Заслуга эта принадлежитъ капитану Ричарду Стречи (Strachey). По личномъ обзорѣ бо́льшей части этихъ горъ, онъ начерталъ новую ихъ карту, отличающуюся большою ясностію. Карта эта объемлетъ собою страну въ 750 верстъ длиною и 225 верстъ ширины, изъ числа которыхъ капитанъ Стречи самъ исходилъ верстъ до 600, и, между-прочимъ, 300 верстъ земель, принадлежащихъ къ Китаю, а потому очень бережно охраняемыхъ отъ посѣщенія иностранцами. Принимая въ соображеніе, съ одной стороны, чрезвычайную рачительность этой съемки, на которой всѣ топографическія подробности: высота мѣстъ, теченіе главныхъ отраслей Инда и Ганга и даже сбивчивая орѳографія именъ, выведены со всевозможною точностію, а съ другой стороны — взвѣшивая всѣ трудности этого предпріятія, нельзя не удивляться, какъ оно могло быть вы-

полнено однимъ только частнымъ лицемъ, въ столь короткое время — съ 1846 по 1852 годъ.

Дополненіемъ этого труда можно отчасти почесть двѣ карты доктора Гукера, составленныя имъ также по личномъ осмотрѣ мѣстностей: одна изъ нихъ изображаетъ маршрутъ его по горамъ Халіи и Джинтеи, между теченіемъ Буремпутера въ Ассамѣ и Бенгальскою низменностію, а другая—страну Сиккимъ и всю Гималаю восточнаго Нипала, съ прилежащими къ сѣверу частями Тибета. (1)

Что касается до гидрографіи Британской Индіи, то доселѣ еще не доставало надлежащей описи Коромандельскаго и Малабарскаго береговъ. Восполненіемъ этого пробѣла занялись, въ минувшее пятилѣтіе, офицеры остъ-индскаго флота, а именно лейтенантъ Фелль (Fell), въ 1848 году, составилъ опись Коромандельскаго берега до Сантапилльскихъ утесовъ (Santapilly rocks), а лейтенантъ Монтріу (Montriou) — опись бо́льшей части береговъ и якорныхъ стоянокъ Малабара и южнаго Конкана (Konkan); сверхъ-того, первый изъ нихъ описалъ еще рѣку Мульмейнъ (Mulmein) и заливъ Мартабанскій, а въ-слѣдъ за тѣмъ перешелъ къ описи береговъ Пегу между мысомъ Ниграисъ (Negrais) и Мартабаномъ.

Къ числу важнѣйшихъ гидрографическихъ работъ, произведенныхъ Англичанами въ Азіи, принадлежитъ еще довершеніе описи береговъ Аравіи остъ-индскаго флота капитаномъ Сондерсомъ и лейтенантомъ Гривомъ (Grieve). (2)

Изъ ряда вышедшихъ въ Англіи въ протекшее пятилѣтіе картъ Азіи мы можемъ привести здѣсь изданныя въ 1848 году Гидрографическимъ Бюро: карту южнаго берега Малой Азіи отъ Карагача до Макри (3) и отдѣльныя карты порта Аянскаго (4), гавани Макри, залива Сандарликскаго (5) и берега отъ Сигаджикскаго залива до залива Скала Нуова (6), эскизъ якор-

---

(1) О самыхъ экспедиціяхъ капитана Стречи и доктора Гукера см ниже — въ обзорѣ путешествій по Индіи.

(2) Юго восточный берегъ Аравіи уже прежде снятъ былъ капитаномъ Генсомъ (Haines). См. прежній обзоръ.

(3) Chart of Asia Minor, South Coast from Kanagatsch to Makry.

(4) Chart of Port Ajano

(5) Chart of the Gulf of Sandarlik.

(6) Chart of Sighajik Bay to the Gulf ef Scala Nuova.

наго мѣста Яффы въ Сиріи [1], изданныя въ 1849 году карту Карабахлы, Каппари и Косскаго канала въ Малой Азіи [2], карту древней и новой Палестины Августа Петерманна [3] и его же карту Синайскаго полуострова и Каменистой Аравіи [4], и изданную въ 1850 году Гревсомъ (Graves) и Страттомъ карту равнины Троянской, а изъ картъ Британской Индіи изданную въ 1848 году Гидрографическимъ Бюро карту рѣки Арракана [5], на берегу Бенгальскаго залива, а въ 1849 году — карту рѣки Мульмейна, на берегу Тенассерима. [6] Далѣе замѣтимъ прекрасную карту Пенджаба, Кашмира, Искарду и Ладдака, со включеніемъ владѣній Ронджетъ-Синга, составленную Арросмитомъ съ подлинныхъ документовъ и, между-прочимъ, съ подробныхъ рукописныхъ картъ австрійскаго путешественника барона Гюгеля [7], и нѣсколько изданныхъ Гидрографическимъ Бюро картъ Китая и смежныхъ съ нимъ владѣній, а именно: 8 первыхъ картъ большой карты Китая [8], объемлющихъ собою восточный берегъ этой имперіи, 1-й листъ карты Чу-Кіанга, или Кантонской рѣки [9], карту рѣки Минь [10], карту порта Эмой [11], карту порта Гамильтона въ Кореѣ [12], гавани Тингъ-Гаэ на островѣ Чусанѣ [13], гавани Тонсанъ и залива Гутанъ [14], гавани Вангаруру [15], рѣки Іонгъ отъ устья ея до Нинъ-По [16], и карту Японскихъ остро-

---

(1) Sketch of the Anchorage of Jaffa.

(2) Chart of Karabaghla, Kappari and Kos Channels. 1849.

(3) Map of Palestine. Ancient ad Modern. By W. and A. K. Johnston. With Additions etc. by Augustus Petermann. 1849.

(4) Map of Lower Egypt, Sinai and Arabia Petraea By A. Petermann.

(5) Chart of the Aracan River. 1848.

(6) Map of the Mulmain River (Tanasserim Coast), 1849.

(7) A Map of the Punjab, Kaschmir, Iskardu and Laddak etc. By John Arrowsmith.

(8) Chart of China. Sheets 1—8. Eastern Coast 1849—50.

(9) Chart of Chou-Kiang or Canton River Sheet 1. Lankao Island to Lankeet Island.

(10) Chart of the River Min.

(11) Chart of Amoy Harbour.

(12) Chart of Port Hamilton.

(13) Chart of Ting-Hae Harbour.

(14) Tongsang Harbour and Hutang Bay. 1849

(15) Wangaruru Harbour, 1849.

(16) Yung River from the Mouth to Ning-Po. 1849.

вовъ. ([1]) Сверхъ-того, миссіонеръ Гуцлафъ, во время своихъ странствій по Китаю и сопредѣльнымъ съ нимъ странамъ, собралъ по части картографіи Азіи обильные матеріалы.

Въ Германіи дѣятельно продолжается Циммермановъ атласъ Передней Азіи ([2]), въ масштабѣ 1 : 333,333, назначенный служить поясненіемъ большаго Риттерова творенія объ Азіи, и въ-теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ вышли карта театра войны Россіи съ Хивою, карты Хорассана, Фарсистана и южнаго Ирана, вмѣстѣ съ запискою о низовомъ теченіи Оксуса, 15 листовъ карты Сиріи и Палестины съ Синайскимъ полуостровомъ, 5 листовъ карты Аравіи и 6 картъ области рѣки Инда. Киппертъ, въ Веймарѣ, издалъ въ 1849 году карту странъ, лежащихъ по рѣкѣ Инду, вмѣстѣ съ Афганистаномъ и южнымъ Туркестаномъ ([3]), при составленіи которой онъ пользовался новѣйшими англійскими и русскими картами и описаніями путешествій, сверхъ-того исправилъ Вейландову карту Китая и Японіи ([4]), а въ 1852 году издалъ карту Азіатской Турціи, на 2 листахъ, при составленіи которой пользовался новѣйшими и лучшими источниками ([5]), и особую карту

([1]) Map of the Japanese Islands.

([2]) Zimmermann, Carl, Atlas von Vorder-Asien. Berlin, Reimer 1849—51. III Heft 1 Blatt. Entwurf des Kriegstheaters Russlands gegen Chiwa; 2 Blatt. Versuch einer Darstellung von Khorassan, 3 Blatt. Versuch einer Darstellung von Farsistan; 4 Blatt. Versuch einer Darstellung von Süd-Iran. 1850.

Тожъ. IV Heft. 1 Hälfte Karte von Syrien und Palästina. Auch u. d. T. Atlas von Palästina und der Sinai-Halbinsel 15 (lith) Bl. Folio. 1850.

Тожъ. V Heft. Karte von Arabien 5 Bl. (вышла въ 1847 году).

Тожъ. VI Heft das Stromgebiet des Indus in 6 Bl. 1851.

Atlas von Asien zu C. Ritter's allgemeiner Erdkunde II Abth. 3 Lief. Entworfen und bearbeitet von Dr. H. Kiepert. Herausgegeben durch C. Ritter. Berlin 1852. D. Reimer 5 lith. u col. Bl. (1 Uebersichtskarte von Arabien. 2 Karte vom Südwestlichen Arabien. 3. Uebersichtskarte von Iran. 4. West-Persien. 5. von Turan.)

([3]) Kiepert die Indusländer nebst Afghanistan und Süd-Türkistan zur Uebersicht der Kriegsbegebenheiten. Weimar. Landes-Industrie Comptoir 1849.

([4]) Weiland das Chinesiche Reich mit seinen Schutzstaaten (den Ländern der Mandschu und Mongolen, Ost-Türkistan und Tibet) und das Kaiserthum Japan. Berichtigt von Kiepert 1851. тамъ же.

([5]) Kiepert. Karte des Türkischen Reichs in Asien nach den Karten und neuesten Hülfsmitteln entworfen 1852. in 2 Blättern.

Малой Азіи, на 6 листахъ (1); Вейландъ — карту Османской Азіи. (2) Профессоръ докторъ Кохъ издалъ въ 1850 году карту Кавказскаго перешейка и Арменіи, въ масштабѣ 1 : 1,000,000, на 4 листахъ большаго in-folio; а Вилліамсъ, въ 1851 году, въ Касселѣ — карту Китая, на основаніи лучшихъ новѣйшихъ источниковъ. (3)

Во Франціи прошедшее пятилѣтіе не было обильно трудами по картографіи Азіи; но оно можетъ похвалиться однимъ изъ отличнѣйшихъ произведеній по этой части: въ 1849 году вышли четыре листа большой карты Азіатской Турціи, Персіи, Афганистана, Белуджистана и Большой Бухары, съ частію прилежащихъ къ нимъ владѣній (4), — трудъ превосходный, на совершеніе котораго авторъ его, полковникъ Лапи, посвятилъ уже 40 лѣтъ своей жизни и дополненіемъ котораго онъ и понынѣ еще занимается. Вся карта будетъ состоять изъ 6 большихъ листовъ, изъ которыхъ два послѣдніе посвятятся Испагани и Тегерану.

Въ Гидрографическомъ Депо Морскаго Министерства начертано было нѣсколько картъ и плановъ, относящихся къ Китаю и сосѣдственнымъ съ нимъ странамъ, какъ-то: карта Чингая и рѣки Нинъ-По (5), планъ устьевъ Тигра (Кантонской рѣки) (6), карта полуострова Кореи, съ планомъ Нангасаки (7), карта архипелага Лу-Чу (Lou-Tchou) и южной части Японіи (8), планъ рейда и порта Нафа въ архипелагѣ Лу-Чу (9) и планъ порта Унтингъ въ той же самой группѣ острововъ. (10)

(1) Kiepert, Karte von Klein-Asien, in 6 Blättern.

(2) Weiland, Karte des osmanischen Asiens.

(3) Williams. S. Wells neue Karte des chinesischen Reiches nach den besten chinesischen und fremden Autoritäten. Cassel. Vollmann. 1851.

(4) Carte de la Turquie d'Asie, de la Perse, de l'Afghanistan, du Beloudchistan et de la Grande Boucharie; avec une partie des Etats voisins. Par le colonel Lapie. Paris. — Двумя годами прежде (въ 1847 году) Полковникъ Лапи изготовилъ новое изданіе своей меньшей карты Азіатской Турціи, Персіи, Афганистана и Белуджистана также на шести листахъ, въ масштабѣ 1 : 3,500,000.

(5) Carte du Port de Ching-Hae et Rivière de Ning-Po.

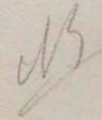
(6) Plan des Bouches du Tigre (Rivière du Canton). 1848.

(7) Carte de la Presqu'île de Corée. 1848.

(8) Carte de l'Archipel Lou-Tchou et de la partie Sud du Japon. 1849.

(9) Carte de la Rade et du Port de Nafa. 1849.

(10) Plan du Port de Ounting. 1848.

Въ Голландіи извѣстный знатокъ Японіи полковникъ Зибольдъ издалъ географическій и гидрографическій атласъ этой имперіи и подробный планъ столицы ея Іеддо.

Запасъ нашихъ познаній объ Азіи безпрестанно увеличивается новыми путешествіями. Съ одной стороны, ревность къ вѣрѣ, любознательность и торговля пролагаютъ себѣ пути въ страны, доселѣ почитавшіяся недоступными, а съ другой— предпріимчивость изслѣдователей проникаетъ въ самыя нѣдра земли, отыскивая тамъ новые ключи къ разгадкѣ тайнъ Востока.

Главный участокъ Россіи въ Азіи, — необъятная Сибирь, — хотя съ самаго XV вѣка не переставалъ быть позорищемъ открытій и любопытныхъ розысканій, все еще пребываетъ для насъ, во многихъ отношеніяхъ, terra incognita.

Нынѣ, когда Императорское Русское Географическое Общество обратило особенное свое вниманіе на эту сподручную колонію Россіи и при немъ учредилось особое Отдѣленіе для собиранія о ней свѣдѣній, можно ожидать, что очередь дойдетъ и до подробнаго ея изслѣдованія. Начало тому уже положено – снаряженіемъ эспедиціи для полнаго обозрѣнія юго-восточной части Сибири съ Камчаткою въ астрономическомъ, топографическомъ, гидрографическомъ, естественно-историческомъ, этнографическомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. Судя по тѣмъ средствамъ, которыми какъ само правительство, такъ и патріотическое усердіе нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, надѣлило эту экспедицію (*), и по тѣмъ обширнымъ приготовленіямъ, которыя уже сдѣланы для нея, можно впередъ быть увѣреннымъ, что она достойно примкнетъ къ ряду знаменитыхъ туда экспедицій вѣка Екатерины II.

Между-тѣмъ, нельзя не сѣтовать о томъ, что наука лишилась одного изъ неутомимѣйшихъ своихъ сподвижниковъ,

---

(*) Извѣстно, что русскій патріотъ, Членъ-Соревнователь Общества П. В. Голубковъ пожертвовалъ на этотъ конецъ сумму 30,000, а вскорѣ потомъ другой Членъ-Соревнователь, графъ Гуттенъ-Чапскій—26,000 руб. сер.

который передъ многими другими, по обширному своему знанію финскихъ нарѣчій и другихъ языковъ Востока, былъ призванъ разъяснить этнографію и лингвистику, а вмѣстѣ съ тѣмъ и раннюю исторію Сибири. Неутомимый Кастренъ, столько лѣтъ съ такимъ рѣдкимъ самоотверженіемъ предававшійся этому изслѣдованію, исходившій пѣшкомъ большую половину Сибири и уже успѣвшій собрать столько богатыхъ и драгоцѣнныхъ матеріаловъ къ разностороннему ея познанію, былъ похищенъ неисповѣдимымъ рокомъ прежде, нежели ему было дано самому пожать плоды своего путешествія. Нѣкоторымъ утѣшеніемъ въ этой тяжкой и незамѣнимой потерѣ можетъ служить только то, что Императорская Академія Наукъ приняла всѣ зависящія отъ нея мѣры для того, чтобы спасти отъ растраты драгоцѣнное наслѣдіе усопшаго, и ввѣрила его, для разработки и изданія въ свѣтъ, въ самыя благонадежныя руки. Можно смѣло уповать, что, при дѣятельномъ участіи такихъ знатоковъ и добросовѣстныхъ ученыхъ, каковы Шёгренъ, Бётлингъ, Шиффнеръ, многое еще будетъ сохранено для науки, что̀, конечно, только подъ перомъ самого собирателя могло бы достигнуть надлежащей зрѣлости.

Другой, болѣе счастливый, совмѣстникъ Кастрена на поприщѣ изслѣдованія Сибири, академикъ А. Ѳ. Миддендорфъ, неутомимо продолжаетъ издавать, подъ личнымъ своимъ наблюденіемъ, описаніе своего путешествія. Мы постараемся сообщить здѣсь хотя самый бѣглый перечень его содержанія, главнѣйше останавливаясь на доселѣ уже вышедшихъ его томахъ.

Первый томъ, состоя изъ двухъ частей, заключаетъ въ себѣ: въ первой части (LVI и 274 стр. (4), съ 15 чертежами)— сначала довольно подробное введеніе, гдѣ объяснены обстоятельства, подавшія поводъ къ предпринятію этой экспедиціи, изложены ея цѣль и сообщены данныя путешественникамъ инструкціи, а вмѣстѣ съ тѣмъ предварительное короткое описаніе ея хода; за симъ слѣдуютъ обработанныя двоюроднымъ братомъ главы экспедиціи, кандидатомъ естественныхъ наукъ Владиміромъ фонъ-Миддендорфомъ, въ видѣ таблицъ, метерологическія наблюденія и весьма любопытное разсужденіе г. фонъ-Бэра о климатѣ Таймырской страны; потомъ—наблюденія геотермическія (а именно: надъ температурою земли въ

Туруханскѣ, въ Введенскомъ зимовьѣ, при выходѣ Пясины изъ озера того же имени, въ Якутскѣ (въ колодцѣ Шергина) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ), обработанныя самимъ г. Миддендорфомъ. Изъ нихъ несомнѣнно оказывается, что температура земли и въ Сибири, согласно общему закону, увеличивается по-мѣрѣ глубины и что явленія температуры въ оледенѣлой почвѣ, въ общихъ своихъ основаніяхъ, совершенно сходствуютъ съ тѣми, которыя замѣчены въ незамерзшей земляной корѣ; далѣе — магнитныя наблюденія, разработанныя г. академикомъ Ленцомъ, и геогностическія — г. академикомъ Гельмерсеномъ, ископаемыя деревья — г. бреславскимъ профессоромъ Гёппертомъ, ископаемые моллюски — графомъ А. Кейзерлинтомъ, и, наконецъ, ископаемыя рыбы — г. Іоганномъ Мюллеромъ. Вторая часть этого тома вся исключительно посвящена ботаникѣ; а именно: первый ея выпускъ — явнобрачной флорѣ глубокаго сѣвера, обработанной профессоромъ Кіевскаго Университета г. Траутфеттеромъ. Экспедиція собрала на самомъ крайнемъ сѣверѣ Сибири, между $73^1/_2°$ и и $75° 36'$ сѣв. шир., на берегахъ Таймыра 124 породы растеній, въ томъ числѣ 21 однодольныхъ и 103 двудольныхъ и между ними нѣсколько новыхъ видовъ, изъ которыхъ два г. Траутфеттеръ назвалъ по имени главы экспедиціи; всего же въ Сѣверной Сибири собрано 186 породъ. Кромѣ точнаго ихъ описанія, г. Траутфеттеръ сообщаетъ, по замѣткамъ путешественника, наблюденія относительно къ почвѣ и температурѣ этой пустынной и скудной растительностію страны, гдѣ обширныя тундры перемежаются грядами безплодныхъ холмовъ; далѣе—численныя отношенія систематическихъ группъ растеній явнообрачной флоры Таймыра въ-сравненіи съ другими сѣверными флорами, а потомъ входитъ въ ближайшее разсмотрѣніе разныхъ частей таймырскихъ растеній, ихъ живучести, роста, времени прозябенія, сродства съ флорами другихъ сѣверныхъ странъ. Здѣсь авторъ, между-прочимъ, выводитъ любопытное заключеніе, что таймырская флора сроднѣе съ флорою сѣверо-восточной Сибири и сѣверо-западной Америки, чѣмъ съ ближнею флорою Лапландіи. Въ-слѣдъ затѣмъ исчисляется собранная на Боганидѣ, подъ $71^1/_4°$, сѣв. ш., флора — 85 породъ, и на Енисеѣ — 21 порода. На приложенныхъ къ этому выпуску 8 литографированныхъ чертежахъ

изображены новыя породы: Carex melanocarpa, Salix taymyrensis, Oxytropis Middendorfii, Stellaria ciliatosepala и Delphinium Middendorfii. Въ прочихъ выпускахъ этой части помѣщена явнообрачная флора юго-восточной Сибири, обработанная тѣмъ же самымъ ботаникомъ и г. академикомъ Мейеромъ, и тайнобрачная флора, а въ-особенности водоросли (Algae), обработанныя г. Рупрехтомъ.

Втораго тома, предназначеннаго зоологіи, вышли первая и начало второй части. Первая занимается прежде всего разработкою малакозоологической добычи экспедиціи, состоявшей изъ 101 породы земныхъ, прѣсноводныхъ и морскихъ моллюсковъ. Это трудъ самого путешественника, на достойное совершеніе котораго онъ посвятилъ нѣсколько лѣтъ, посѣтивъ, между-прочимъ, для сличенія добытыхъ имъ самимъ формъ съ другими, уже прежде извѣстными, знаменитѣйшія европейскія коллекціи. Вторая часть II тома предназначена для отдѣла позвоночныхъ животныхъ. Ея вышелъ первый выпускъ, 256 стр., съ XXVI чертежами, заключающій въ себѣ систематическій обзоръ всѣхъ породъ млекопитаемыхъ, птицъ и земноводныхъ, о которыхъ собраны были Сибирскою Экспедицію наблюденія или свѣдѣнія вмѣстѣ съ относящимися къ нимъ замѣчаніями и изслѣдованіями. Здѣсь, кромѣ систематическаго обозрѣнія этого разряда животныхъ, сообщены также важные выводы относительно къ географическому его распредѣленію, а именно сравнены между собою разныя области фауны по содержанію въ нихъ моллюсковъ, исчислены водящіяся въ нихъ породы и разсмотрѣны болѣе или менѣе благопріятныя для этого разряда животныхъ условія жизни въ температурѣ, количествѣ соли и пр., а тѣмъ самымъ опредѣлены, по-возможности, границы распространенія отдѣльныхъ формъ и законы ихъ измѣняемости. Далѣе слѣдуетъ разборъ разныхъ подраздѣленій кольцеобразныхъ, шероховиковъ, насѣкомыхъ, скорлупняковъ и чужеядныхъ, сдѣланный гг. академикомъ Брандтомъ, Эрихсономъ, Сев. Фишеромъ, Грубе и Менетрье.

Третій томъ — лингвистическаго содержанія, и онъ представляетъ намъ тщательныя розысканія г. академика Бётлинга о якутскомъ языкѣ, отчасти на основаніи собранныхъ въ это путешествіе матеріаловъ. Сюда входятъ: въ первой части — образчики якутскаго языка, сплошь съ нѣмецкимъ переводомъ,

а во второй — довольно пространный якутско-нѣмецкій словарь и грамматика якутскаго языка. Исполненіе этихъ работъ было тѣмъ труднѣе, что доселѣ на якутскомъ языкѣ не было ничего письменнаго. Къ счастію, г. Бетлингъ могъ воспользоваться содѣйствіемъ одного Русскаго, по имени Уваровскаго, урожденца города Жиганска на Ленѣ (*), проведшаго большую часть своей жизни между Якутами. Чтобы получить якутскій текстъ, г. Бетлингъ заставилъ его написать на этомъ языкѣ воспоминанія своей жизни и свои путешествія, имѣющія особенную цѣну еще тѣмъ, что они сообщаютъ намъ разныя замѣтки о бытѣ и правахъ Якутовъ. Нельзя, съ одной стороны, не удивляться таланту нашего ученаго санскритиста, который менѣе чѣмъ въ годъ времени успѣлъ такъ хорошо изучить якутскій языкъ, и, съ другой стороны, не благодарить его за то, что онъ раскрылъ передъ нами законы этого нарѣчія, заслуживающаго въ высокой степени вниманія, какъ отрасль, прежде всѣхъ отдѣлившаяся отъ турецко-татарскаго своего корня и въ-слѣдствіе того сохранившая еще во всей своей чистотѣ первоначальный свой характеръ.

Четвертый томъ, еще не изданный, будетъ вмѣщать въ себѣ добычу экспедиціи по части этнографіи, географіи и статистики и, наконецъ, подробнѣйшее донесеніе о самомъ путешествіи.

Еще мы должны упомянуть здѣсь объ одномъ путешествіи по Сибири, которое, правда, предпринято было 15 годами раньше двухъ вышеприведенныхъ, но принадлежитъ сюда по времени выхода въ свѣтъ его описанія:

Adolph Ermann. Reise um die Erde durch Nord-Asien und die beiden Oceane in den Jahren 1828, 1829 und 30. I Abtheilung. Historischer Bericht 3 Bd. Die Ochozker Küste, das Ochozker Meer und die Reise auf Kamtschatka im Jahre 1829. VIII и 581 стр. (б. 8.), съ атласомъ изъ 11 литографированныхъ чертежей. Berlin 1848.

(*) Отецъ его былъ уѣзднымъ исправникомъ въ этомъ городѣ, который, по словамъ Уваровскаго (въ его жизнеописаніи), былъ упраздненъ еще во время его дѣтства. Въ мѣсяцословѣ Жиганскъ все еще значится заштатнымъ городомъ, съ 21 жителемъ обоего пола. Или не былъ ли этотъ городъ прежде штатнымъ и въ то время обращенъ въ заштатный, что, однако, невѣроятно.

Это, какъ мы видимъ, собственно третій томъ путешествія вокругъ свѣта прусскаго географа-натуралиста Адольфа Эрмана, но какъ онъ исключительно посвященъ русскому участку Азіи, то и долженъ здѣсь найти себѣ мѣсто.

Извѣстно, что путешествіе это было предпринято по побужденію знаменитаго норвежскаго физика Ганстена, который изъявилъ желаніе, чтобы во внутренности Сибири произведены были наблюденія по части земнаго магнитизма. Предложеніе это въ 1827 году было одобрено норвежскимъ правительствомъ, принявшимъ на себя и издержки его исполненія; а весною слѣдующаго года Эрманъ, въ сообществѣ самого Ганстена, уже отправился въ путь изъ Берлина.

Не станемъ пѣнять на г. Эрмана за то, что онъ столь долго медлилъ выпускомъ въ свѣтъ описанія своего путешествія: оно, можетъ-быть, въ-слѣдствіе этого самого обстоятельства пріобрѣло тѣмъ болѣе достоинства. Сверхъ главнаго своего предмета — физики земнаго шара, для которой собраны здѣсь драгоцѣнные матеріалы, оно заключаетъ въ себѣ множество свѣдѣній этнографическихъ, лингвистическихъ и статистическихъ о разныхъ племенахъ Сибири: Вогуличахъ, Самоѣдахъ, Остякахъ, Якутахъ, Тунгусахъ и Бурятахъ, а равно и о бытѣ Сибиряковъ, особенно въ Иркутскѣ и Якутскѣ, о торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ Китаемъ, и т. д.

Другой участокъ Россіи въ Азіи, лишь за нѣсколько десятковъ лѣтъ покоренная ея скипетру Армянская область, столь замѣчательная по волканической своей почвѣ и по могучимъ своимъ горамъ, изъ которыхъ одна въ дни потопа служила спасеніемъ рода человѣческаго, въ послѣднія 25 лѣтъ извлечена изъ той почти совершенной неизвѣстности, въ которой она пребывала въ-теченіе тысячелѣтій. А именно, не прежде уступки Россіи Персіею Эриванской области и возстановленія въ томъ краѣ безопасности обезоруженіемъ Татаръ и обузданіемъ Курдовъ, ученые путешественники могли смѣло заняться изслѣдованіемъ достопамятной страны Тиридата, — той части Арменіи, гдѣ лежитъ знаменитая гора Ковчега, плодоносная равнина Аракса и опоясывающія ее группы остывшихъ гигантскихъ волкановъ. Послѣ дерптскаго профессора, г. Паррота младшаго, который въ 1829 году впервые всходилъ на обѣ вершины Арарата и составилъ первое

ученое описаніе этой волканической страны, она была посѣщена и изслѣдована цѣлымъ рядомъ археологовъ и естествоиспытателей (¹): неутомимымъ и многостороннимъ Дюбуа де-Монперре, ботаниками Карломъ Кохомъ, Шовичемъ (Szowitch), Картерономъ и Бузе, зоологами Коленати и Морицомъ Вагнеромъ, геологами Воскобойниковымъ и Абихомъ, изъ которыхъ оба послѣдніе всходили на Араратъ, и нѣкоторыми другими собирателями тамошней флоры и фауны.

Слава новѣйшаго восхожденія на Араратъ принадлежитъ Генеральнаго Штаба полковнику Ходзько. (²) Состоя въ званіи начальника закавказской тріангуляціи, онъ получилъ отъ Намѣстника Кавказскаго, князя М. И. Воронцова, предписаніе взойти на большой Араратъ для измѣренія съ его вершины вертикальнаго угла главныхъ пунктовъ тригонометрической сѣти. Въ сопровожденіи прикомандированныхъ къ экспедиціи статскаго совѣтника Н. В. Ханыкова, директора Магнитной и Метеорологической Обсерваторіи въ Тифлисѣ—г. Морица, Корпуса Топографовъ штабсъ-капитана П. Н. Александрова, Генеральнаго Штаба капитановъ Услара и Токарева, армянскаго толмача И. П. Шарояна и 60 солдатъ, онъ, въ 9 часовъ утра 6 августа 1850 года, не безъ чрезвычайныхъ трудностей (³), достигъ темяни горы. Изъ трехъ зубцовъ, которые здѣсь возвышались, они скоро взошли на первый, а въ-слѣдъ за тѣмъ и на второй, пятью годами раньше посѣщенный Абихомъ. Но съ этой вершины они, къ немалому своему удивленію, увидѣли еще третью, гораздо значительнѣйшую, или, собственно говоря, особую, отдѣленную отъ нихъ глубокимъ оврагомъ, гору. Съ помощью солдатъ, скоро была преодолѣна и эта трудность, и въ 10 часовъ утра полковникъ Ходзько и его спутники увидѣли себя на высшей вершинѣ Арарата,

(¹) Отъ прежнихъ путешественниковъ, пребывавшихъ тамъ только самое короткое время: Шардена, Турнефора Олеарія, а въ началѣ нынѣшняго вѣка —Морьера, Кер-Портера, Аузли (William Ouseley), можно было ожидать только бѣглыхъ и недостаточныхъ замѣтокъ.

(²) Послѣ Паррота всходили на эту гору еще Спасскій-Автономовъ, 5 августа 1834, Карлъ Беренсъ (Behrens), 26 іюля и 9 августа 1835, и англійскій туристъ Сеймуръ (Seymour), въ 1848 году.

(³) Болѣе двухъ сутокъ экспедиція у подножія самой вершины должна была пережидать страшную бурю, въ соединеніи съ метелицею.

которой дотолѣ, кромѣ Паррота и Спасскаго, никто не достигалъ. Пробывъ на ней по 12 августа, полковникъ благополучно исполнилъ всѣ необходимыя измѣренія и въ 3 часа по полудни того же дня предпринялъ спускъ съ горы, а 14 августа возвратился къ ея подошвѣ, совершивъ, такимъ-образомъ, четвертое со стороны Русскихъ изслѣдователей восхожденіе на эту горы въ-теченіе послѣдняго двадцати-пятилѣтія.

Кромѣ геодезическихъ операцій, экспедиція во время этого восхожденія производила также тщательныя метеорологическія наблюденія.

Недавно объ Армянской области вышло очень подробное сочиненіе подъ заглавіемъ:

Историческій памятникъ состоянія Армянской области въ эпоху ея присоединенія къ Россійской Имперіи. И. Шопена. С.-Петербургъ. 1852. 1280 столбцовъ въ большую 8.

Авторъ его, какъ извѣстно, немедленно по завоеваніи Армянской области (1829), получилъ отъ тогдашняго Намѣстника Кавказскаго порученіе объѣхать и описать новопріобрѣтенный край. Онъ употребилъ на обозрѣніе его три года, а потомъ изъ собранныхъ по бóльшей части на самомъ мѣстѣ данныхъ и имѣвшихся на-лице печатныхъ источниковъ составилъ довольно полную картину Армянской области. Въ-отношеніи къ географіи особенно важны первая часть книги, представляющая физическое описаніе области, и вторая, гдѣ разсматривается ея народонаселеніе, политическое раздѣленіе, управленіе, пути торговли и проч.

Въ естественномъ отношеніи Араратъ и Арменія были описаны извѣстнымъ германскимъ натуралистомъ, докторомъ Морицомъ Вагнеромъ, въ сочиненіи:

Reise nach dem Ararat und dem Hochlande Armenien von Dr. Moritz Wagner. Mit einem Anhange: Beiträge zur Naturgeschichte des Hochlandes Armenien. Stuttgart und Tübingen. Cotta. 1848. XII и 331 стр. въ 8.

Здѣсь, кромѣ историческаго донесенія о ходѣ своего путешествія, авторъ представляетъ обзоръ общихъ результатовъ естественныхъ своихъ наблюденій, предоставляя себѣ въ другомъ, особомъ сочиненіи дать подробнѣйшій отчетъ объ ученой добычѣ 3-хъ-лѣтняго своего пребыванія на Востокѣ. Но и въ этомъ предварительномъ обзорѣ читатель найдетъ очень

много любопытнаго о замѣчательной природѣ Арменіи. Такъ, напримѣръ, авторъ даетъ слѣдующій краткій очеркъ тамошней флоры.

Замѣчательное образованіе альпійскихъ террасъ и пространныхъ плоскогорій, по большей части достигающихъ высоты отъ 5,000 до 8,000 пар. футовъ надъ уровнемъ моря, обусловливаетъ характеръ флоры въ нагорной Арменіи. Но, сверхъ-того, и другія физическія и климатологическія причины оказываютъ значительное вліяніе на изобиліе растительности; а главнѣе всего — удоборазложимость и теплоемкость темныхъ вулканическихъ породъ, покрывающихъ, въ видѣ епанчи, трахитовое ядро горъ; далѣе — благодатное обиліе водныхъ потоковъ отъ таянія снѣговъ и ключевыхъ источниковъ, которые, вырываясь изъ-подъ слоевъ лавы, чрезвычайно содѣйствуютъ вывѣтриванію вулканическихъ породъ, придавая сильному дѣйствію солнца на черноземъ необходимую для плодородія влагу. Всѣ эти вліянія порождаютъ эту богатую растительность злаковъ и хлѣбныхъ растеній, эти огромныя альпійскія пастбища съ многолѣтними растеніями, хотя и малорослыми, но украшенными крупными и пестрыми цвѣтками, въ противоположность съ тою, правда болѣе роскошною и болѣе рослою, но зато одноцвѣтною лѣсною и степною флорою, которая покрываетъ собою береговыя окраины странъ Понта Эвксинскаго.

Но важнѣйшихъ поясненій насчетъ физической природы Арменіи наука въ-правѣ ожидать отъ вышеупомянутаго уже ученаго изслѣдователя, бывшаго дерптскаго профессора, доктора Абиха, который, какъ извѣстно, много лѣтъ преимущественно занимался развѣдкою Русской Арменіи (*), обозрѣлъ кромѣ Арарата также хребетъ Аллагёзъ (Allaghes) и волканическія группы къ югу отъ озера Гокчай, а сверхъ-того и Турецкую Арменію и вобще весь тамошній край, отъ Баязида до самыхъ нѣдръ Кавказа и отъ Баку до Чернаго моря. Мы уже сообщили, въ первомъ обзорѣ, о нѣкоторыхъ

(*) Г. Абихъ былъ первоначально отправленъ для изслѣдованія перемѣнъ, произведенныхъ въ окрестностяхъ Арарата большимъ землетрясеніемъ 1841 года, но потомъ, убѣдясь, что для надлежащаго разрѣшенія этой задачи необходимо обозрѣть всю волканическую область Арменіи мало-по-малу распространилъ свое путешествіе на всѣ ея части.

плодахъ этого многолѣтняго путешествія. Прибавимъ здѣсь, что г. Абихъ, кромѣ геологическихъ розысканій, ревностно занимался также метеорологическими наблюденіями и собираніемъ матеріаловъ для климатологической карты Арменіи, что онъ составилъ весьма любопытныя коллекціи собранныхъ имъ въ Закавказьѣ горнокаменныхъ породъ и окаменѣлостей (*), а нынѣ, по возвращеніи изъ своего путешествія, занимается приведеніемъ въ порядокъ обильныхъ накопленныхъ имъ ученыхъ матеріаловъ, изъ которыхъ современемъ, безъ-сомнѣнія, составится полнѣйшая картина всего тамошняго края.

Изъ всѣхъ розысканій новѣйшихъ геологовъ оказывается, что и въ Арменіи, какъ и на Кавказѣ, плутоническія силы имѣли главное участіе въ образованіи тамошнихъ горныхъ системъ. Вообще армянскія горныя цѣпи, по всей вѣроятности, произошли въ одно и то же время и отъ одинаковыхъ причинъ, какъ и Кавказъ, горы Малой Азіи, Курдистана и западной Персіи: въ этомъ свидѣтельствуютъ одинаковое направленіе общей системы поднятія здѣшнихъ горъ—съ юго-востока къ сѣверо-западу, одинаковый составъ ядра этихъ хребтовъ — главнѣйше волканическій порфиръ, переходящій то отъ примѣси полеваго шпата въ трахитъ, то отъ преобладанія авгита въ мелафиръ, — а наконецъ, и то обстоятельство, что кругъ землетрясеній до сихъ поръ еще простирается на всю область этихъ плутоническихъ образованій.

Но различіе мѣстныхъ обстоятельствъ, по-видимому, при самомъ происхожденіи, наложило на горы Арменіи совсѣмъ другую печать, что на Кавказѣ. Здѣсь та длинная разсѣлина, изъ которой поднялся трахитовый порфиръ въ видѣ цѣпи, была стѣснена относительно къ ширинѣ въ болѣе узкое пространство; поднявшись на краю предшествовавшихъ ему по времени гранитныхъ образованій, онъ встрѣтилъ сильнѣйшее сопротивленіе, а въ-слѣдствіе этого вытянулся въ болѣе вертикальномъ направленіи и взгромоздился огромною, почти недоступною горною стѣною безъ пространныхъ нагорныхъ равнинъ, обширныхъ продольныхъ дебрей и глубокихъ впадинъ. Армянская горная система, напротивъ-того, возникшая изъ гораздо обширнѣйшей разсѣлины, нашла себѣ менѣе со-

(*) Онѣ доставлены имъ въ Музеумъ Горнаго Корпуса.

противленія со стороны лежавшихъ на ней древнѣйшихъ формацій, а потому могла распшириться на просторѣ въ болѣе горизонтальномъ направленіи, образовавъ, вмѣсто одного крутаго, стѣнообразнаго главнаго гребня, параллельныя цѣпи, обширныя плоскія возвышенности, продольныя дебри и частыя впадины, которыя дозволяли водамъ прорываться въ разныхъ направленіяхъ, и, составляя собою дефилеи, повсюду облегчали сообщеніе и тѣмъ самымъ оказали какъ на исторію, такъ и на весь бытъ тамошнихъ народовъ рѣшительное вліяніе.

Анатольскій полуостровъ въ послѣдніе годы былъ предметомъ продолжительнаго и основательнаго изслѣдованія со стороны одного изъ нашихъ неутомимыхъ путешественниковъ-естествоиспытателей, который въ-теченіе съ небольшимъ десяти лѣтъ исходилъ въ длину почти весь старый материкъ, «отъ знойныхъ песчаныхъ степей Африки до хладныхъ горъ Сибири и отъ границъ Марокко до предѣловъ Персіи». Изученіе Малой Азіи какъ относительно физическаго, въ-особенности геогностическаго и топографическаго ея характера, такъ и всего быта народнаго было цѣлью новѣйшаго предпріятія П. А. Чихачева. (*) Прежде всего онъ предположилъ себѣ задачею снять геологическій продольный разрѣзъ полуострова, на какой конецъ, весною 1846 года, предварительно проѣхалъ его весь съ востока на западъ. За симъ онъ приступилъ къ подробному изслѣдованію страны, начавъ съ четырехъ главныхъ долинъ западнаго берега Анатоліи, а именно долинъ Меандра, Каистра, Гермуса и Каика. Это изслѣдованіе продлилось до весны 1847 года.

Послѣ сего г. Чихачевъ, подвигаясь къ востоку, перешелъ въ Пизидію, еще очень мало изслѣдованную Европейцами, а изъ геогностовъ — даже никѣмъ. Странствованіе его по этой области было очень трудно, по причинѣ гористаго свойства земли и весьма скудной ея населенности. Онъ описываетъ ее прекрасною и живописною. Горы, которыя многимъ частямъ Анатоліи, какъ-то: Каппадокіи, Ликаоніи, Галатіи и другимъ, своею обнаженностью придаютъ видъ мрачный и угрюмый,

(*) Слѣдующее изложеніе этого путешествія извлечено нами изъ писемъ г. Чихачева къ знаменитому германскому геологу, профессору Леонгарду.

здѣсь покрыты роскошными лѣсами, и долины являютъ не голую ровную плоскость, а чрезвычайное разнообразіе формъ и очертаній; да и вся эта провинція, судя по часто встрѣчающимся въ ней пепелищамъ городовъ, въ-старину была, по-видимому, очень населена, почему заслуживала бы ближайшаго изслѣдованія археологовъ. Избраздивъ всю Пизидію въ разныхъ направленіяхъ, путешественникъ, чрезъ большое озеро Бенхеръ (Karalitis lacus древнихъ), перенесся въ Конію, а вмѣстѣ съ тѣмъ вступилъ въ обширную область безлѣсныхъ и маловодныхъ равнинъ и плоскихъ возвышенностей центральной Анатоліи, гдѣ, по его словамъ, «лѣто удручительно знойно, а зима чрезвычайно сурова и тѣмъ ощутительнѣе, что для топлива тамъ исключительно употребляется верблюжій калъ». Оттуда путешественникъ, чрезъ однообразныя, печальныя равнины Ликаоніи и Галатіи, которыя, раскидываясь на почти непрерывное пространство 300 квадр. геогр. миль, составляютъ котловину прежнихъ огромныхъ озеръ, и гдѣ онъ цѣлую недѣлю, и притомъ по 10 часовъ въ день, подверженъ былъ палящему зною, доходившему около полудня до 52°, перешелъ въ Кесарію.

За симъ г. Чихачевъ принялъ рѣшеніе вторично проѣхать верхомъ всю Малую Азію съ востока на западъ, чтобы получить второй большой геогностическій продольный разрѣзъ, параллельный первому, съ нѣсколькими поперечными разрѣзами съ сѣвера на югъ. Согласно съ этимъ планомъ, онъ проѣхалъ на сѣверъ отъ Кесаріи къ городу Юзгату и, избравъ его себѣ начальнымъ пунктомъ предполагаемой операціи, успѣшно довелъ ее чрезъ Афіунъ-Карагиларъ, Ангору, Аллашехръ и т. д. до Смирны. Чрезмѣрно утомленный четырехъ-мѣсячною почти непрерывною верховою ѣздою въ палящій зной, онъ, богато нагруженный ученою добычею, переправился оттуда въ Царьградъ, чтобы дать себѣ и своимъ людямъ необходимый отдыхъ.

По возстановленіи своихъ силъ, ревностный геогностъ, недѣли черезъ двѣ, снова принялся за работу, вознамѣрившись на этотъ разъ начать свои изслѣдованія съ сѣвернаго берега Анатоліи, чтобы оттуда въ прямой линіи получить поперечный разрѣзъ до Сиваса. Избравъ себѣ точкою отправленія городъ Самсунъ, онъ, 18 августа, пустился туда на австрій-

скомъ пароходѣ, заѣзжающемъ въ этотъ городъ на пути своемъ къ Требизонду. 16 дней было достаточно, чтобы привести его изъ Сумсуна въ Сивасъ, считая въ этомъ числѣ еще двое сутокъ, проведенныхъ имъ на родинѣ Страбона, Амазіи, и въ окрестностяхъ Токата, славящагося своими мѣдными заводами, — единственнымъ европейскимъ учрежденіемъ этого рода въ Анатоліи, избѣжавшемъ разрушенія и еще до сихъ поръ остающемся въ полномъ дѣйствіи. (*) По этому поводу путешественникъ справедливо замѣчаетъ, что «во всей Турціи, гдѣ уже помышляютъ объ устройствѣ въ Константинополѣ Университета, нѣтъ ни одного заведенія для образованія практическихъ горныхъ людей, и оттого въ этой странѣ, при всемъ ея изобиліи въ рудникахъ, нельзя найти ни одного рудокопа. Это, сравнительно, точно тоже, что имѣть многочисленную конницу, у которой не доставало бы только лошадей, или наоборотъ.» По сообщеніи нѣкоторыхъ любопытныхъ подробностей о Токатскомъ рудникѣ, г. Чихачевъ, въ письмѣ своемъ къ профессору Леонгарду, присовокупляетъ: «вы, можетъ-быть, желали бы узнать также нѣчто о минеральномъ богатствѣ Оттоманской имперіи вообще, которая и въ этомъ отношеніи, какъ почти во всякомъ другомъ, наищедрѣйше надѣлена отъ природы; но эта статья, которой я во время моихъ странствій посвятилъ особенное вниманіе и которая стоила мнѣ чрезвычайныхъ трудовъ и усилій, слишкомъ обширна и обильна, чтобы быть изложенною въ письмѣ. Вскорѣ, впрочемъ, по посѣщеніи богатыхъ рудою горъ Алладагскихъ и Булгардагскихъ, я сообщу вамъ главные результаты моихъ розысканій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о состояніи горной части во всей Малой Азіи.

Изъ Сиваса путешественникъ сдѣлалъ экскурсію на востокъ къ Эрзеруму, проникъ до источниковъ знаменитаго Галиса (нынѣ Кизиль-Ирмака), а потомъ, по возвращеніи въ Сивасъ, прослѣдилъ Галисъ внизъ до Кесаріи. Эту волканическую область онъ въ-теченіе одного мѣсяца искрестилъ во

(*) Заводъ этотъ основанъ былъ австрійскимъ горнымъ совѣтникомъ Паулини, пятнадцатилѣтней неутомимой дѣятельности котораго Турція во многомъ обязана относительно устройства въ ней горнаго промысла.

всѣхъ направленіяхъ, а въ-слѣдъ затѣмъ, въ-продолженіе еще мѣсяца, также волканическую область Аргея, для изслѣдованія связи большой трахитовой и базальтовой формаціи съ окружающими ее образованіями и для оцѣнки относительнаго ея возраста. Въ-самомъ-дѣлѣ, ему удалось впервые, на основаніи палеонтологическихъ и геогностическихъ данныхъ, показать, что эта огромная трахитовая и базальтовая формація центральной Анатоліи составляетъ среднее звено между мѣловымъ и позднѣйшимъ третичнымъ періодами. И это многотрудное изслѣдованіе онъ успѣлъ совершить въ-теченіе не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и еще при самыхъ невыгодныхъ обстоятельствахъ, потому-что вся тамошняя страна была въ томъ году предана на жертву хищническому курдскому племени Авшаровъ. Не-смотря на то, нашъ отважный естествоиспытатель, конечно, не безъ опасныхъ, неоднократно угрожавшихъ его жизни, приключеній, благополучно исполнилъ весь предначертанный имъ маршрутъ, и, притомъ, не въ прямой только линіи, а съ безпрестанными уклоненіями въ сторону, по самымъ крутымъ и отдаленнымъ горнымъ тропинкамъ. Съ рѣдкимъ присутствіемъ духа и свойственною Русскому находчивостью, онъ невредимо выходилъ изъ самыхъ затруднительныхъ положеній. Такимъ-образомъ, онъ нерѣдко былъ привѣтствуемъ даже ружейными выстрѣлами или долженъ былъ удовлетворять алчное любопытство буйныхъ Афшаровъ, которые, наскакивая со всего налета, съ направленнымъ противъ него копьемъ, принимались обыскивать его пожитки. Къ счастію, онъ былъ столько остороженъ, что никогда не возилъ съ собою наличныхъ денегъ, а только векселя изъ Константинополя на армянскихъ купцовъ. До физическихъ же инструментовъ, книгъ, минераловъ и растеній эти хищники не были падки, и поэтому въ подобныхъ случаяхъ великодушно довольствовались небольшимъ только количествомъ табаку и пороху. Вообще его повсюду принимали за путешествующаго европейскаго врача, и эту выгодную для него ролю онъ умѣлъ разыгрывать съ совершеннымъ успѣхомъ, при чемъ ему не мало пригодилось короткое его знакомство съ турецкимъ языкомъ.

Если такого рода путешествіе и было, какъ мы видѣли, сопряжено съ немалыми затрудненіями и опасностями, то

оно, съ другой стороны, доставило наилучшій случай наблюдать весь бытъ этихъ разбойничьихъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рыцарскихъ племенъ, — случай, какого бы не имѣлъ путешественникъ въ болѣе покойномъ положеніи. Въ-особенности г. Чихачевъ не могъ налюбоваться зрѣлищемъ живописно одѣтыхъ, скачущихъ во весь опоръ по обширной равнинѣ, на прыткихъ, какъ молнія, коняхъ своихъ, Курдовъ,—зрѣлище, прелесть котораго еще увеличивалась блиставшими въ лучахъ солнца копьями ихъ, которыми они владѣютъ съ такою удивительною ловкостью.

По достиженіи самой восточной каймы большой трахитовой области Аргея, нашъ геогностъ открылъ еще, въ 1½ часахъ на юго-западъ отъ Киссергилара, нѣсколько замѣчательныхъ грязевыхъ волкановъ. Но это было уже послѣднее волканическое явленіе на этомъ пути, и, начиная съ Эрегли, онъ вступилъ въ обширную нептуническую область Каменистой Киликіи (Cilicia patraea). Впрочемъ, и эта область также представила пытливой его наблюдательности не мало любопытнаго, какъ-то, между-прочимъ, большой третичный бассейнъ изъ эоценоваго періода, между Карамановъ и Селефке, древнею Селевкіею, поверхность котораго простирается по-крайней-мѣрѣ на 150 географическихъ квадратныхъ миль.

Начиная отъ Селефке до Адаліи, г. Чихачевъ слѣдилъ въ-теченіе двухъ недѣль живописные ландшафты южнаго берега Малой Азіи, который почти сплошь состоитъ изъ отвѣсно вдающихся въ море горъ. Чрезвычайная трудность путешествія по этой гористой странѣ была вторично вознаграждена очаровательными видами на отдаленное синее море, изъ лона котораго въ самыхъ прелестныхъ очертаніяхъ выникалъ передъ его глазами островъ Кипръ, между-тѣмъ, какъ попадавшіяся на каждомъ шагу развалины великолѣпныхъ храмовъ и городовъ переносили путника въ давно минувшія времена классической древности.

Проѣхавъ потомъ поперекъ всей Ликіи, горы которой уже были покрыты снѣгомъ, путешественникъ снова очутился на берегу Анатоліи, въ прелестной бухтѣ Макри, которая, съ окружающими и величественными развалинами древняго Тлемесса, произвела на него глубокое впечатлѣніе. Изъ Макри онъ продолжалъ путь свой черезъ Мулу, Эскигиссаръ (древ-

нюю Стратоникею) и Мелассу (древній Меласъ) въ Смирну, куда прибылъ 30 декабря. Отсюда онъ снова воротился въ Константинополь, 5 января 1848 года, объѣхавъ такимъ-образомъ въ 8 мѣсяцевъ бо́льшую часть пашалыковъ Сивасскаго, Конійскаго и Айдынскаго, т.-е. древнюю Каппадокію, Киликію, Исаврію, Ликію и Фригію и проникнувъ даже къ столь рѣдко посѣщаемымъ, по причинѣ грубаго ихъ фанатизма, племенамъ Афшаровъ и Курдовъ.

Добыча, которую П. А. Чихачевъ собралъ во время этихъ многотрудныхъ странствій, состоитъ, во-первыхъ, изъ обильныхъ матеріаловъ для всеобщей геогностической карты Анатольскаго полуострова; во-вторыхъ, изъ собранной, имъ однимъ, безъ всякой посторонней помощи, коллекціи до 3,000 геогностическихъ и палеонтологическихъ предметовъ; сверхъ-того, онъ пріобрѣлъ себѣ не малую заслугу учрежденіемъ въ Константинополѣ, Требизондѣ и Кесаріи постоянныхъ метеорологическихъ обсерваторій и снабженіемъ ихъ всѣми потребными, выписанными имъ самимъ изъ Парижа, снарядами. Весьма многаго ученый свѣтъ въ-правѣ ожидать и отъ описанія этого замѣчательнѣйшаго изъ всѣхъ новѣйшихъ путешествій по Малой Азіи, которымъ нынѣ, какъ слышно, занимается ревностный естествоиспытатель.

Въ ожиданіи же этого важнаго труда, мы получили отъ него предварительный краткій отчетъ о результатахъ его изслѣдованія подъ заглавіемъ:

L'Asie Mineure et l'empire Ottoman, par M. Pierre de Tchichatchef. 1850.

Брошюра эта состоитъ изъ двухъ главныхъ отдѣловъ: одного—физическаго, а другаго—политическаго. Въ первомъ авторъ знакомитъ читателя сперва съ общею физіономіею страны, которая является подъ двумя видами: во-первыхъ, плоскихъ возвышенностей, занимающихъ собою всю внутренность Малой Азіи, а во-вторыхъ, горъ, опоясывающихъ полуостровъ съ сѣвера, запада и юга. Эта вторая область есть самая богатая и вмѣщаетъ въ себѣ посреди горъ своихъ плодоноснѣйшія долины. За симъ авторъ входитъ въ довольно обстоятельное разсмотрѣніе многочисленныхъ произведеній полуострова: разныхъ хлѣбныхъ растеній, масличнаго дерева, табаку, маку, желудей, джегри (Rhamnus infectorius), шерсти

ангорскихъ козъ, серебра, свинцу, мѣди, соли, каменнаго угля, золота. Во второмъ отдѣлѣ разсматривается политическое, военное и финансовое положеніе Оттоманской имперіи, исчисляются источники государственныхъ ея доходовъ, объясняется устройство турецкой арміи и упоминается о новѣйшихъ мѣрахъ султана для возвышенія благосостоянія страны.

Къ ученымъ плодамъ этого путешествія принадлежатъ также сообщенные г. Чихачевымъ Парижской Академіи Наукъ главные результаты метеорологическихъ его наблюденій, а именно среднія числа, выведенныя изъ цѣлаго ряда рачительныхъ наблюденій, произведенныхъ въ Константинополѣ въ 1847 и 1848 годахъ (*), и сообщенные нѣсколько позже, тому же ученому сословію, выводы изъ метеорологическихъ наблюденій въ Требизондѣ и Кесаріи. Изъ послѣднихъ оказывается между-прочимъ, что Кесарія, не-смотря на положеніе подъ одинаковою широтою съ Лиссабономъ, въ-слѣдствіе своего возвышенія на 3,500 фут. надъ уровнемъ моря, имѣетъ среднюю годовую температуру въ 9, 66°, т.-е. ниже температуры Лондона, который лежитъ болѣе чѣмъ на 10° сѣвернѣе Кесаріи, между-тѣмъ, какъ средняя температура Лиссабона 16, 4°. (**)

Здѣсь же кстати будетъ упомянуть, что, въ числѣ разныхъ голосовъ, поданныхъ въ послѣдніе годы насчетъ переселенія Германцевъ изъ своей отчизны, есть одинъ, который вызываетъ ихъ поселиться не въ Новомъ Свѣтѣ, а на Востокѣ, и мнѣніе это принадлежитъ весьма уважаемому въ ученомъ свѣтѣ имени, уже извѣстному нашимъ читателямъ розысканіями своими о древностяхъ Греціи, археологу Людвигу Россу. Въ предисловіи къ одному изъ новѣйшихъ своихъ сочиненій:

Kleinasien und Deutschland. Von Ludwig Ross. Halle. Pfeffer. 1850. XXXVIII и 229 стр. въ б. 8. —

Онъ совѣтуетъ своимъ единоземцамъ избрать для себя мѣстомъ поселенія Малую Азію. Подкрѣпляя едва ли испол-

(*) Они помѣщены также вполнѣ въ «Вѣстникѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества», за 1851 годъ, книжка третья. Смѣсь стр. 21—23.

(**) См «Вѣстникъ» того же года, книжка IV. Смѣсь, стр. 100—102.

нимый совѣтъ свой разными политическими, коммерческими и климатическими доводами и показавъ, какъ подъ владычествомъ османовъ отторгнутыя ими у христіанъ цвѣтущія страны въ Ликіи и Каріи обратились въ малонаселенныя пустыни, — авторъ присовокупляетъ, что сохранилось для преизбыточествующаго населенія Европы мѣсто вблизи этой части свѣта, у береговъ Азіи и Африки, а именно въ такой странѣ, гдѣ почва роскошно надѣлена всѣми условіями для благоденствія человѣческаго и можетъ пропитать несравненно бо́льшее населеніе, чѣмъ теперь. По мнѣнію автора, Османская имперія уже не въ состояніи долго держаться, въ чемъ убѣждены и сами Турки, имѣя какъ бы нѣкое предчувствіе о близкомъ ея разрушеніи.

Но книга г. Росса имѣетъ, сверхъ-того, еще и географическій интересъ: мы находимъ въ ней описаніе поѣздки его по Малой Азіи, въ маѣ и іюнѣ 1844 года, занимательный очеркъ Смирны (1845), «этого значительнѣйшаго и богатѣйшаго торговаго города Малой Азіи», весьма любопытныя замѣтки о нынѣшнихъ жителяхъ древней Ликіи, о ихъ нравахъ, обычаяхъ, одеждѣ и т. д. Между-прочимъ, достойно замѣчанія мнѣніе ученаго археолога, что большинство мало-азійскихъ мусульманъ еще понынѣ составляетъ первобытное населеніе страны, происходя также прямо отъ древнихъ Пафлагонянъ, Фригійцевъ и Ликіянъ, какъ Вестфальцы происходятъ отъ Херусковъ, Голландцы отъ Батавцевъ, Тирольцы отъ Ретійцевъ, Морапты отъ Пелопонезцевъ. Мнѣніе это авторъ основываетъ на разныхъ особенностяхъ въ нравахъ и одеждѣ, въ языкѣ и т. д. Любопытны также свѣдѣнія автора о торговлѣ Смирны: изъ нихъ мы узнаемъ, между-прочимъ, какую важную долю имѣютъ въ ней Греки. Въ 1844 году въ Смирнскій портъ однихъ греческихъ судовъ прибыло 314, съ 25,732 тоннами груза, — болѣе, нежели какой-либо другой націи, не исключая и Англичанъ.

Литература путешествій въ Обѣтованную Землю обогатилась нѣсколькими новыми произведеніями, хотя и не столько капитальными, какъ твореніе Робинсона, въ предъидущемъ десятилѣтіи, но все же не лишенными нѣкотораго самостоятельнаго значенія. Сюда отнесемъ, во-первыхъ, сочиненіе:

Reise in das Gelobte Land von Dr. Phil. Wolff, evang. Stadtpfarrer zu Rotterweil. Mit einem neuen Plane von Jerusalem. Stuttgart. 1849. Metzler'sche Buchhandl. VIII, 276 стр. (въ 16).

Это — отчетъ о путешествіи, которое извѣстный оріенталистъ, докторъ Вольфъ, совершилъ, въ 1847 году, въ Обѣтованную Землю. Не представляя никакихъ новыхъ поясненій относительно исторіи этой страны христіанства, которыхъ, какъ авторъ справедливо замѣчаетъ, развѣ можно еще ожидать отъ продолжительныхъ раскопокъ, книга эта изобилуетъ разнообразными и любопытными свѣдѣніями о нынѣшнемъ состояніи и отношеніяхъ какъ самаго Іерусалима, такъ и Палестины Сиріи и вообще, и между-прочимъ, чтò обыкновенно упускается изъ виду путешественниками въ тамошнихъ краяхъ, также множествомъ статистическихъ данныхъ относительно промышленности и быта городовъ Палестины и Сиріи. Не безъ большаго любопытства читатель прочтетъ также описаніе самаго Іерусалима. Сверхъ-того, полезную придачу къ книгѣ составляютъ практическіе совѣты тѣмъ лицамъ, которыя намѣрены предпринять путешествіе въ тѣ края.

Слѣдующихъ сочиненій можемъ привести только заглавія:

Schiferle, Pfr. Jos. Reise in das Heilige Land, im J. 1851 unternommen und beschrieben Augsburg. 1852. Kollmann. 2 тома. VI и 266 и XII, 418 стр., въ 12 долю листа.

Gossler, Frdr., Pilgerreise nach Jerusalem. Paderborn 1852. Junfermann. 371 стр. (12)

Williams, G. B. D. The Holy City: Historical, Topographical, and Antiquarian Notices of Jerusalem. 2 ed. with additions, including an Architectural History of the Church of the Holy Sepulchre. By the Rev. J. Willis. M. A. 2 vols. London. 1849. 72½ листа, со многими политипажами.

И того же автора:

Historical and Descriptive Memoir of the Town and Environs of Jerusalem to accompany the Ordnance-Survey. London. 1849. 175 стр. б. 8.

Eight Years in Palestine, Syria and Asia Minor, from 1842 to 1850. By F. A. Neale, Esqu., late Attached to the Consular service in Syria. 2 vols. London. 1851. Colburn et Co.

The lands of the Bible visited and described in an extensive journey undertaken with especial reference to the promotion of Biblical Research and the advancement of the Cause o-Philantropy. By John Wilson. Honorary President of the Asiaf tic Section of the Bombay Branch of the Royal Asiatic Society. 2 vols. London (8), съ картами и иллюстраціями.

Къ частямъ Обетованной Земли, которыя доселѣ еще были наименѣе изслѣдованы, принадлежатъ ознаменованныя столь незабвенными событіями священной исторіи Мертвое море, озеро Тиверіадское и рѣка Іорданъ.

Одинъ изъ первыхъ, который въ новѣйшее время обратилъ вниманіе на эту не менѣе достопримѣчательную и въ физическомъ отношеніи мѣстность, былъ Ирландецъ Костиганъ. Но произведенныя имъ, въ 1835 году, розыскапія ограничились немногими, только отдѣльными частями Мертваго моря. Спустя два года, двое другихъ Британцевъ: Муръ (Moore) и Бекъ (Beck), предприняли опись этого озера, главнѣйше съ тою цѣлью, чтобы опредѣлить его уровень относительно Средиземнаго моря. Къ немалому своему удивленію, наблюденіями надъ степенью кипячей воды они были наведены къ тому результату, что Мертвое море около 500 англ. футовъ ниже Средиземнаго. Это замѣчаніе сильно возбудило вниманіе ученаго свѣта. Въ томъ же самомъ году, но однимъ мѣсяцемъ позже, а именно въ апрѣлѣ, озеро было изслѣдовано относительно того же вопроса мюнхенскимъ профессоромъ Шубертомъ, и барометрическія его наблюденія оказали еще бо́льшее пониженіе, а именно въ 600 футовъ. Въ слѣдующемъ же году, два новыя барометрическія изслѣдованія: одно—французскаго путешественника Берту, а другое—австрійскаго естествоиспытателя Руссеггера, еще болѣе, нежели удвоило сказанную цыфру. (*)

Въ такомъ-то положеніи былъ этотъ любопытный вопросъ, когда изслѣдователь Обѣтованной Земли, ньюіоркскій пасторъ докторъ Эдуардъ Робинсонъ, въ изданномъ имъ въ 1841 году сочиненіи: Biblical Researches in Palaestina, указавъ на столь значительную разность въ этихъ данныхъ, не совмѣстныхъ, по его мнѣнію, ни одно съ другимъ,

(*) По наблюденію перваго изъ нихъ, Мертвое море ниже 1332, а втораго — 1400 англійскими футами.

ни даже съ быстротою теченія въ морѣ и свойствомъ страны, изъяснился въ томъ смыслѣ, что, при такой шаткости частныхъ измѣреній и наблюденій, вопросъ не иначе можетъ быть разрѣшенъ въ-точности, какъ послѣ тщательной описи всей тамошняго края и тригонометрическаго опредѣленія относительной поверхности обѣихъ водъ.

Такая опись, дѣйствительно, была предпринята еще въ томъ же самомъ году (1841) британской службы инженеръ-поручикомъ Сеймондсомъ (Symonds). Обозрѣвъ бо́льшую часть Іудеи и страну около Эздраэлонской равнины и прослѣдивъ двойную линію высотъ отъ моря въ Яффѣ до Неби-Самвила, а оттуда другую двуйную же линію до Мертваго моря, онъ нашелъ, что послѣднее 1337 футами ниже Средиземнаго, и подобною же операціею удостовѣрился въ томъ, что озеро Тиверіадское 84 футами ниже Средиземнаго моря.

При поднесеніи Сеймондсу, за тріангуляцію и нивеллированіе странъ Тиверіадскаго озера да Мертваго моря, золотой медали Королевскаго Лондонскаго Географическаго Общества, президентъ его, Гамильтонъ, приводитъ эти цыфры съ нѣкоторымъ измѣненіемъ, а именно для Мертваго моря 1312 футовъ, для Верхняго озера 328 футовъ, присовокупляя по этому поводу слѣдующее важное замѣчаніе: «Отъ вниманія вашего не могло ускользнуть, что въ этой части свѣта еще остается совершить весьма любопытную операцію для объясненія большой разности этихъ чиселъ; ибо изъ сказаннаго измѣренія уровней явствуетъ между озеромъ Тиверіадскимъ и Мертвымъ моремъ на разстояніи въ прямой линіи не многимъ болѣе одного градуса широты, разность почти въ 1000 футовъ — выводъ, который заставляетъ предполагать, что рѣка Іорданъ, не будучи извилиста (?), имѣетъ паденіе болѣе 16 футовъ на каждую (англійскую) милю своего теченія. Это уже само по себѣ весьма замѣчательное явленіе, вызывающее на себя вниманіе путешественниковъ и кеографовъ. Рѣка часто была посѣщаема и извѣстна по быстринѣ своего теченія; но водопадовъ и даже собственно такъ-называемыхъ пороговъ въ ней не замѣчено и никто еще не прослѣдилъ ея береговъ отъ одного изъ этихъ пунктовъ до другаго.»

Въ позднѣйшемъ своемъ отчетѣ 22 мая 1848 года, тотъ же самый президентъ Лондонскаго Географическаго Общества

счелъ за нужное повѣрить вышеприведенныя имъ цыфры, ссылаясь въ этотъ разъ на измѣренія Руссеггера и прусскаго консула Вильденбруха. Изъ этихъ повѣрокъ оказывается, что Тиверіадское озеро несравненно ниже, а именно, по измѣренію перваго изъ поименованныхъ изслѣдователей, 625, а послѣдняго—793 фр. фута ниже Средиземнаго моря; да и самое разстояніе между обоими пунктами, по измѣренію Руссеггера, больше, составляя 20 нѣмецкихъ географическихъ миль, или 80 англійскихъ, сообразно съ каковыми данными паденіе Іордана между обоими озерами не превышаетъ 8 футовъ на 1 милю.

Это паденіе, какъ то доказалъ г. Петерманнъ, въ статьѣ, помѣщенной имъ въ журналѣ Лондонскаго Географическаго Общества, 1848, часть 1, вовсе не необыкновенно, и нѣкоторыя изъ рѣкъ Англіи, какъ-то Твидъ, имѣютъ въ среднемъ своемъ теченіи на 53 англійскія мили ($79\frac{1}{2}$ верстъ) паденіе болѣе $9\frac{1}{2}$ футовъ, а въ послѣднія 80 миль своего теченія 605 футовъ паденія, или около 8 футовъ на милю, хотя на всемъ этомъ пути не встрѣчается ни водопадовъ, ни пороговъ.

Во всякомъ случаѣ, оставалось, какъ справедливо замѣтилъ Робинсонъ, повѣрить всѣ эти показанія полнымъ изслѣдованіемъ всей подлежащей мѣстности. На этотъ конецъ, капитанъ Сеймондсъ, въ командованіе свое судномъ «Спартанецъ», у береговъ Средиземнаго моря, въ 1847 году, отрядилъ лейтенанта Молинё (Molineut): но этотъ флотскій офицеръ не успѣлъ вполнѣ совершить возложенное на него порученіе. Уже самое время года (августъ мѣсяцъ) оказалось неблагопріятнымъ для плаванія по Іордану, по причинѣ низкаго тогда стоянія воды. Претерпѣвъ, къ тому же, на пути своемъ нападеніе отъ Арабовъ, онъ принужденъ былъ прекратить свои розысканія. Впрочемъ, и изъ его донесенія также явствуетъ, что Іорданъ долженъ имѣть паденіе не свыше 8 футовъ на 1 милю; а изъ этого слѣдовало бы, что Мертвое море покрайней-мѣрѣ 1340 футами ниже Средиземнаго. Однако же, самъ Молинё, поддавъ вскорѣ, по возвращеніи своемъ на судно «Спартанецъ», вліянію климата, не представилъ на этотъ счетъ никакого собственнаго вывода, и хотя, съ своей стороны, онъ употребилъ все состоявшее въ его силахъ, и мы обязаны ему, между-прочимъ, также нѣкоторыми промѣрами глубины

Мертваго моря и озера Тиверіадскаго (*), но экспедицію его въ цѣлости нельзя считать удовлетворительною.

Честь полнаго разрѣшенія указанной задачи была предоставлена заатлантическому Альбіону.

Въ 1847 году, морской службы Соединенныхъ Штатовъ лейтенантъ Линчъ (Lynch) предложилъ своему правительству проектъ полнаго изслѣдованія Асфальтоваго озера и рѣки Іордана и, по одобреніи этого плана, еще въ томъ же самомъ году снаряжена была экспедиція для его осуществленія. Экипажъ ея состоялъ изъ 10 молодыхъ, трезвыхъ и дюжихъ матросовъ, выбранныхъ съ особеннымъ тщаніемъ изъ всего американскаго флота. Изъ офицеровъ ее сопровождали лейтенантъ Джонъ Дель (Dale), бывшій гардемаринъ Р. Оликъ (Aulick) и Франсисъ Э. Линчъ, подъ главнымъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта В. Ф. Линча. Въ-послѣдствіи еще присоединились къ нимъ Генри Бедлоу (Bedlow) и докторъ Генри Дж. Андерсонъ. Уже 26 ноября 1847 года капитанъ Линчъ могъ отбыть изъ Нью-Іорка на особо предоставленномъ ему, на этотъ конецъ, суднѣ the Supply, взявъ съ собою два нарочно построенные для плаванія по Іордану и Мертвому морю большіе бота: одинъ — Fanny Skinner, обитый гальваническимъ желѣзомъ (galvanised iron), а другой — Fanny Mason, обитый мѣдью. Сверхъ-того, экспедиція въ изобиліи была снабжена всѣми потребными для ея цѣлей инструментами. Заѣхавъ, на короткое время, въ Константинополь, для полученія султанскаго фирмана, и коснувшись острова Хіоса, капитанъ-лейтенанта Линчъ поспѣшилъ къ берегамъ Сиріи и 28 марта 1848 года бросилъ якорь у подошвы горы Кармель (въ Сиріи). Не малаго труда стоило перевезти два сказанные бота. На этотъ конецъ запаслись длинными роспусками, для каждаго бо-

---

(*) На Мертвомъ морѣ онъ выкидывалъ лотъ въ мѣстахъ, показавшихся ему самыми глубокими, и получилъ 225, 178 и 183 сажени, или 1350, 1068 и 1098 фр. фут. глубины. Тиверіадское озеро сравнительно гораздо мельче, и глубочайшіе промѣры не дали болѣе 20 - 26 саженъ. Изъ донесенія Молинё мы усматриваемъ, между-прочимъ, что Іорданъ есть одна изъ самыхъ извилистыхъ рѣкъ въ свѣтѣ. Is would be quite impossible, говоритъ онъ, to give any account of the various turnings of the Jordan in its way from the Lake of Tiberias to the Dead Sea; it was well and quaintly described in a newspaper I saw the other day, as the crookedest river that is.

та по однѣмъ. Но какъ арабскія лошади неспособны для перевозки вьюковъ, то попали на счастливую мысль впречь вмѣсто ихъ верблюдовъ, по три для каждой телѣги, и это удалось какъ нельзя лучше. Сама экспедиція слѣдовала верхомъ на лошадяхъ или на дромадерахъ, и такимъ-образомъ шествіе, подъ эскортомъ одного арабскаго шейха, Акиль-Аги-эль-Гассега (Akil Aga el Hasseh), и одного изъ потомковъ Мухамеда, шерифа Гацци изъ Мекки, и при посредничествѣ одного драгомана, подвигалось впередъ чрезвычайно медленно, потому-что дорога была крайне дурна и, для избѣжанія тряски, нерѣдко доводилось напередъ засыпать ухабы. Еще бо̀льшую трудность представилъ спускъ съ крутыхъ горъ, опоясывающихъ собою Галилейское море. Но и это препятствіе было счастливо преодолѣно и 8 апрѣля, при всеобщихъ громкихъ ликованіяхъ Арабовъ, оба бота, подъ американскимъ флагомъ, не безъ большой опасности, были спущены, близъ Табаріэха въ Галилейское море. По измѣреніямъ Линча, дно Тиверіадскаго озера имѣетъ видъ вогнутаго бассейна, глубиною до 165 англ. ф., или $23^1/_2$ саженей. 10 апрѣля оба бота, усиленные еще одною купленною на мѣстѣ баркою (*), вышли изъ озера.

Для успѣшнѣйшаго дѣйствія, экспедиція раздѣлилась на 2 отряда: одинъ, на лодкахъ, подъ вѣдѣніемъ самого Линча и гардемарина Олика, долженъ былъ спуститься по рѣкѣ (**), а другой, подъ командою лейтенанта Деля, слѣдовать сухимъ путемъ параллельно съ ботами. Плаваніе по Іордану было сопряжено съ чрезвычайными опасностями, потому-что рѣка эта извивается и часто весьма круто между утесистыхъ скалъ, образуя множество почти непроходимыхъ пороговъ и стремнинъ. «Рѣдко — говоритъ Линчъ въ своемъ донесеніи — намъ доводилось прибѣгать къ весламъ: уже однимъ теченіемъ несло насъ внизъ съ быстротою 4, 5 и 6 узловъ въ часъ. Извилистость рѣки не дозволяла намъ въ-точности снять береговъ ея. Въ какіе-либо полчаса плаванія она направляется во всѣ

(*) Она оказалась, однако, скоро негодною къ употребленію и не выдержала перваго спуска черезъ пороги.

(**) Почти цѣлая треть верхняго теченія Іордана едва доступна для судоходства, и только остальное пространство до Мертваго моря не представляетъ большихъ трудностей.

стороны, какъ бы нарочно стараясь продлить свое теченіе среди роскошной, тихой долины, прежде чѣмъ прольетъ свои священныя воды въ окаянное море». (*)

По этой причинѣ, боты плыли очень осторожно, дѣлая не болѣе 6 миль въ день. Но, наконецъ, и эти опасности были побѣждены, и обѣ лодки, то несомыя на рукахъ, то влекомыя бечевой, нерѣдко съ помощью самихъ Арабовъ, благополучно спустились въ тихую долину, живописной красотою которой не могъ довольно налюбоваться капитанъ. Вообще берега Іордана найдены были чрезвычайно разнообразными и покрытыми роскошною растительностію, но равнина Іордана вообще безплодна. Вода, исключая поблизости стремнинъ, прозрачна и изобильна рыбою. 8 дней продолжалось плаваніе по рѣкѣ, и не прежде 18 апрѣля экспедиція достигла брода Мешраа (въ 9 миляхъ отъ Іерихона), того самаго мѣста, гдѣ, по словамъ преданія, Спаситель былъ крещенъ Св. Іоанномъ Предтечею. Не безъ справедливаго чувства гордости капитанъ могъ лаконически донести Вашингтонскому Адмиралтейству:

«Въ 10 сутокъ мы проплыли рѣку въ 30 часовъ длиною. Она достигла высшей степени полноводія: еще дня съ два, и плаваніе было бы невозможно. Мы счастливо миновали, съ двумя нашими металлическими ботами, 27 грозныхъ, большихъ пороговъ и болѣе, чѣмъ втрое меньшихъ. Іорданъ въ своемъ теченіи имѣетъ еще гораздо болѣе извилинъ, чѣмъ Миссисипи. Все обстоитъ благополучно.» Они прибыли сюда въ то самое время, когда и собравшіеся въ Іерусалимѣ для празднованія Пасхи богомольцы посѣтили это освященное мѣсто Іордана.

Во все время плаванія по рѣкѣ надлежало соблюдать еще величайшую осторожность и относительно народонаселенія страны. Съ наступленіемъ вечера, боты всякій разъ были вытаскиваемы на западный берегъ. Водная партія соединялась съ сухопутною и ночь обѣ проводили вмѣстѣ въ палаткахъ. Этой-то бдительности и хорошему своему вооруженію экспе-

(*) Объ извилистости рѣки Линчъ говоритъ въ своемъ донесеніи морскому министру: «На пространствѣ 60 миль въ ширину и отъ 4 до 5 въ длину, Іорданъ протекаетъ по-крайней-мѣрѣ 200 миль длины. Мы миновали 27 страшныхъ стремнинъ, не говоря о другихъ, менѣе опасныхъ.» Паденіе рѣки между истокомъ ея и устьемъ онъ полагаетъ въ 1000 ф.

диція была обязана тѣмъ, что осталась невредимою отъ нападеній водящихся здѣсь во множествѣ разбойниковъ Арабовъ.

Давъ своимъ людямъ въ Мешраа цѣлый день отдыха, капитанъ-лейтенантъ Линчъ принялся за исполненіе второй задачи экспедиціи — изслѣдованія Мертваго моря; при этомъ онъ слѣдовалъ прежнему порядку: одинъ отрядъ, подъ собственнымъ его начальствомъ, шелъ водою, а другой, подъ командою лейтенанта Деля, вдоль по берегу. Плаваніе по водамъ Мертваго моря было безмолвно и угрюмо, какъ и вся его окрестность. Кругомъ видны были только волканическіе останки и скалы изъ самородной соли (Natron). Этому соотвѣтствовала и самая растительность по берегамъ озера. Вѣтви и стволы деревъ, разметанные по всѣмъ направленіямъ, являлись какъ бы облаченными въ трауръ, — одни черные, какъ бы опаленные огнемъ, другіе бѣлые, отъ покрывавшаго ихъ слоя соли. Также безжизненны были и отдаленные берега: къ сѣверо-западу ничего, кромѣ песковъ, исподволь возвышавшихся до самыхъ горъ, а на востокъ—длинная гряда горъ, съ зазубренными верхами, безъ всякаго слѣда растительности. Въ числѣ соляныхъ скалъ, встрѣченныхъ эскадрою во время ея плаванія по Мертвому морю, была одна у самаго устья Уади-Сейаль-Себбека, — совершенно отдѣльная, отвѣсная и отовсюду окруженная оврагами, съ печатью дикаго и мрачнаго величія на своемъ челѣ: здѣсь, по словамъ преданія, была превращена жена Лотова въ соляной столпъ.

Прослѣдивъ и снявъ на карты море до самаго юго-западнаго его конца, куда еще не заходилъ ни одинъ Европеецъ, экспедиція встрѣтила, на восточномъ склонѣ горы Усдумъ, еще другой высокій, совершенно отдѣльный соляной столпъ, о которомъ не упоминаетъ никакой другой путешественникъ.

Производимое страною въ этомъ мѣстѣ впечатлѣніе Линчъ описываетъ слѣдующими выразительными словами. «И дѣйствительно, окружавшій насъ видъ былъ въ высшей степени мраченъ. Съ одной стороны, соляная гора Усдума, полувывѣтрившаяся отъ времени, и замѣчательный столпъ, съ другой — высокія обнаженныя скалы Моаба; къ югу разстилалась низменная равнина, индѣ прорѣзываемая стоячею водою,

та самая солонцоватая равнина у подошвы Эдома, которая столь часто была ознаменована побѣдами Израильтянъ. Къ сѣверу простиралось тихое, недвижное море, облеченное въ багровый туманъ, а въ водахъ его, погребенные подъ толстымъ слоемъ тины, покоились отверженные Господомъ города Содомъ и Гоморра. Глаза были ослѣплены блескомъ отраженія, и воздухъ былъ такъ густъ, что едва дозволялъ переводить дыханіе. Все было неподвижно; птица не разсѣкала своими крыльями тяжелой атмосферы, сквозь которую палили знойные лучи солнца, отражаясь отъ поверхности воды, по которой скользили наши лодки и которая, одна изъ всѣхъ произведеній Творца, не заключала въ себѣ ни единаго живаго существа.»

Употребивъ еще 4 дня на изслѣдованіе остальной части моря, т.-е. восточнаго его берега, Линчъ, 6 мая, послѣ 22-хъ-дневнаго плаванія по водамъ его, вышелъ на берегъ въ Аин-Тарабахѣ.

О работахъ экспедиціи на Мертвомъ морѣ Линчъ говоритъ слѣдующими словами: «Мы изслѣдовали море съ величайшимъ тщаніемъ, опредѣлили географическое его положеніе, сняли точную топографическую опись его береговъ, опредѣлили его температуру, ширину, глубину и быстроту его притоковъ, собрали образчики его произведеній и отмѣтили вѣтры, теченія, перемѣны погоды и воздушныя явленія. Эти различныя работы дадутъ опредѣленное понятіе объ этомъ замѣчательномъ водномъ бассейнѣ. Результаты нашихъ промѣровъ, кажется, подтверждаютъ тѣ мѣста Библіи, гдѣ намекается на то, что бассейнъ Мертваго моря былъ нѣкогда равниною, которая маніемъ гнѣва Божія осѣлась и наполнилась водою. Всѣ наши наблюденія удостовѣрили насъ въ томъ, что горы существовали прежде, нежели море, и, если я не ошибаюсь, всѣ мы, покидая Мертвое море, унесли съ собою убѣжденіе, что города равнины, дѣйствительно, были разрушены тѣмъ самымъ образомъ, какъ сказываетъ Св. Писаніе.»

10 мая, по разборѣ лодокъ и отправленіи ихъ на верблюдахъ къ мѣсту высадки, самъ начальникъ экспедиціи послѣдовалъ за ними, безпрерывно продолжая свои нивеллировки до самаго Іерусалима и Яффы.

Вопреки всѣмъ трудностямъ и опасностямъ, съ которыми долженъ былъ бороться экипажъ, онъ вообще пользовался вожделѣннымъ здоровьемъ. Во время плаванія по рѣкѣ Іордану захворалъ одинъ матросъ, но вскорѣ опять выздоровѣлъ; другой—сильнѣе занемогъ на Мертвомъ морѣ и былъ отправленъ впередъ въ Маръ-Сабу. Но въ Бейрутѣ экспедиція должна была понести жестокій уронъ, лишившись одного изъ отличнѣйшихъ своихъ офицеровъ, лейтенанта Деля (Dale): онъ сдѣлался жертвою нервной горячки, отъ которой погибли также Костиганъ и Молинё.

Самъ глава экспедиціи еще улучилъ столько времени, чтобы, въ сопровожденіи одного восточнаго шейха Али, изъ древняго рода, прибывшаго въ Сирію вмѣстѣ съ Саладиномъ, посѣтить источники Іордана. Рѣка вытекаетъ у подошвы крутой и грозной скалы изъ горы Гермонъ (Джебель-эшъ-Шехъ, Dschebel-esch-Schech), возвышающейся на 10,000 пар. ф. поверхъ Средиземнаго моря и покрытой вѣчнымъ снѣгомъ, и раздѣляется на два небольшіе, но быстрые рукава, изъ которыхъ одинъ содержитъ въ себѣ чистѣйшую воду. Берега ея увѣнчаны дикими розами, олеандрами и другими кустами востока.

Пробывъ такимъ-образомъ съ небольшимъ два мѣсяца въ Сиріи и Палестинѣ, экспедиція возвратилась въ Сенъ-Жанъ д'Акръ, а въ декабрѣ 1848 года уже прибыла обратно въ свое отечество.

Нельзя не отдать справедливости Сѣверо-Американцамъ, что они этою экспедиціею, выполненною съ такимъ мужествомъ, умѣньемъ и расторопностью, положили первое прочное основаніе нашему познанію страны, омываемой Мертвымъ моремъ и рѣкою Іорданомъ. Обильная жатва замѣчаній по части топографіи, гидрографіи, климатологіи, геогнозіи и естественнаго быта этой замѣчательной мѣстности была вознагражденіемъ за претерпѣнныя экспедиціею трудности. Изъ числа важнѣйшихъ собранныхъ ею данныхъ приведемъ здѣсь слѣдующія: уровень Тиверіадскаго озера оказался 612 франц. ф., а уровень Мертваго моря 1,235 футами ниже Средиземнаго моря. Паденіе Іордана отъ перваго изъ этихъ озеръ до другаго = 623 фр. ф., или 6 ф. на 1 милю; высота Іерусалима = 2,449 фр. ф. поверхъ Средиземнаго моря и 3,684 ф.

поверхъ Мертваго. Окружность моря составляетъ около 100 миль; видъ его продолговатъ; ширина его относится къ длинѣ какъ 1 : 4. Наибóльшая его глубина найдена 1,170 англ. ф.; а именно почти въ самой срединѣ, но нѣсколько ближе къ сѣверу между Уади-эль-Моджебомъ и Аинъ-Терабехомъ. Крутизна на западномъ берегу доходитъ до 1,000 футовъ поверхъ уровня моря. Дно его состоитъ изъ двухъ подводныхъ равнинъ : одной—возвышенной, а другой—несравненно болѣе углубленной. Первая , покрытая клейкимъ иломъ, находится въ-сложности только на 13, а вторая, покрытая иломъ съ примѣсью соляныхъ кристалловъ, на 1,300 ф. ниже уровня воды. Узкая рытвина на большой глубинѣ служитъ продолженіемъ руслу Іордана. Относительно температуры воды замѣтно было постепенное уменьшеніе теплоты отъ поверхности до самаго дна; цвѣтъ воды вообще свѣтлый, но индѣ зеленоватъ ; солью она изобилуетъ до того, что на тѣлахъ, приходящихъ съ нею въ соприкосновеніе, образуется осадокъ : это содержаніе соли придаетъ водѣ значительную плотность. (*) По берегамъ Мертваго моря существуютъ птицы и насѣкомыя , на самомъ морѣ замѣчены были дикія утки; но въ нѣдрахъ его нѣтъ ни одного живаго существа.

Но самое драгоцѣнное пріобрѣтеніе, которымъ наука обязана экспедиціи Линча : это—двѣ карты, одна Мертваго моря, а другая теченія рѣки Іордана , которыми впервые прочнымъ образомъ опредѣлена гидрографія этихъ водъ.

Однимъ словомъ, эта новѣйшая экспедиція Соединенныхъ Штатовъ служитъ, вмѣстѣ съ неоднократно уже упомянутыми изслѣдованіями Робинсона, достохвальнымъ доказательствомъ, что Сѣверо-Американцы въ своихъ предпріятіяхъ руководствуются не одною только надеждою на непосредственныя выгоды, а вмѣстѣ также высшими побужденіями усердія къ вѣрѣ, любви къ наукѣ и народнаго честолюбія. При этомъ замѣтимъ, что ознаменованныя Св. Писаніемъ мѣста сделались для нихъ любимымъ предметомъ розысканія, и мы здѣсь можемъ указать еще на одно сочиненіе объ Обѣтованной Землѣ, написанное американскимъ священникомъ :

(*) Относительная плотность воды найдена: перегнанной воды = 1, воды Атлантическаго моря подъ 52° с. ш. и 52° з. д. = 1, 02, и Асфальтоваго моря = 1, 13.

The East. Sketches of Travels in Egypt and the Holy Land. By the Rev. J. A. Spencer 1849.

Хотя оно далеко не можетъ сравниться въ самостоятельности и ученомъ достоинствѣ съ «Библейскими Розысканіями» (Biblical Researches) его предшественниковъ на томъ же самомъ поприщѣ, Смита и Робинсона, однако же, изобличаетъ такую добросовѣстность и вѣрность взгляда и такое короткое знакомство съ трудами прежнихъ писателей объ этихъ странахъ, что, во-всякомъ-случаѣ, займетъ не послѣднее мѣсто въ литературѣ этого разряда сочиненій. Къ лучшимъ мѣстамъ его книги пренадлежитъ описаніе пути изъ Каира черезъ Пустыню до Іерусалима, а потомъ — окрестностей Святаго Града, гдѣ онъ иногда весьма удачно умѣлъ уловить поэтическую сторону предмета. Такимъ-образомъ, онъ описываетъ видъ съ горы Ѳавора:

«При всей своей пустынности въ-сравненіи съ прежнею ея славою гора Ѳаворъ еще и теперь можетъ гордиться однимъ достояніемъ, котораго человѣкъ не въ-силахъ ни даровать ей, ни похитить: это — прекрасный видъ на окрестную страну, — видъ, съ которымъ не сравнится никакой другой во всей Палестинѣ. Я желалъ бы обладать даромъ пластическаго описанія, чтобы передать вамъ то, что̀ я видѣлъ съ вершины этой дивной горы, и какъ глубоко красота и величіе зрѣлища отпечатлѣны въ избраннѣйшихъ изъ нашихъ воспоминаній. Какъ величественно взгромождается на дальнемъ сѣверѣ снѣгомъ увѣнчанный Джебель-эш-Шехъ, Гермонъ Св. Писанія! Какъ живописно рисуются холмы и горы къ сѣверо-востоку и востоку, по ту и по сю сторону серебристаго, вытекающаго изъ ихъ нѣдръ Іордана! Какъ прелестно растилается достопамятнѣйшее для христіанина озеро Тиверіадское, часть котораго мы могли видѣть ясно! Какъ плѣнительно красуются къ югу долина Іордана, Джилеадъ (Gilead), Джильбоа (Gilboa), Малый Гермонъ и очаровательные долы между ними! Но еще великолѣпнѣе, невыразимо прекрасно было зрѣлище на западѣ, когда мы съ этой повелительной высоты, около полуторы тысячь футовъ поверхъ равнины, смотрѣли внизъ на Эздралонскую долину, во всемъ ея блескѣ и роскошной зелени, во всемъ ея протяженіи, со всѣмъ ея пло-

дородіемъ, съ ея прелестью, съ ея окрестными холмами съ ея ручьями и потоками, съ ея рѣкою Кимономъ и столь многими другими превлекательными предметами. Повѣрьте мнѣ, я стоялъ какъ бы восторженный на крутомъ челѣ Ѳавора и смотрѣлъ на это зрѣлище съ умиленіемъ, дотого глубокимъ, что его не выразить словами.»

Не менѣе прекрасенъ видъ Назаретской горы: «Послѣ окольной, но пріятной поѣздки верхомъ мы достигли вершины горы и были болѣе, нежели вознаграждены за усталость, при восхожденіи, тою прекрасною панорамою, которою могли насладиться отсюда. Къ сѣверу и востоку простиралась гористая страна Сиріи и Галилеи, съ величественно превышающею все прочее снѣжною вершиною Гермона и съ прекрасною долиною Іордана, съ горою Ѳаворомъ въ отдаленіи и съ ме́ньшими холмами и высотами, опоясывающими Эздралонскую равнину; къ югу самая великолѣпная равнина, далеко растилавшаяся въ несравненной своей прелести посреди далекихъ горъ и холмовъ, отвсюду ее окружающихъ; на западѣ явственно виднѣлись и высокій хребетъ Кармеля и темноголубое зеркало Средиземнаго моря, между-тѣмъ, какъ почти у самыхъ ногъ нашихъ живописная Назаретская деревня составляла какъ бы нашу родину, на которую мы любовались съ такою нѣжностью, какую можетъ внушить намъ только отчизна. Уже было близко къ закату солнца, когда мы впервые взглянули на это очаровательное зрѣлище, и мы еще долго въ молчаніи смотрѣли на блестящее свѣтило дня, какъ оно постепенно садилось за горою Кармелемъ и лобызало синія воды великаго моря.»

О горѣ Синайской и о тамошнемъ монастырѣ Св. Екатерины, столь хорошо описанныхъ еще недавно Руссеггеромъ, вышло новое сочиненіе, г. В. Барлетта (W. H. Bartlett), хотя и не имѣющее ученаго значенія, но все же привлекательное по нѣкоторымъ подробностямъ:

Forty Days in the Desert on the Track of the Israelites, or a Journey from Cairo to Wady Feiran to Mount Sinai and Petra. By the author of «Walks around Jerusalem». London 1848. Hall and Co. 218 стр. съ 45 иллюстр. б. 8.

Уже знакомый съ Востокомъ тремя прежними своими туда путешествіями, авторъ въ этотъ разъ имѣлъ особенно въ виду прослѣдить путь Израильтянъ чрезъ Пустыню. При изданіи же сказанной книги цѣлью его было представить болѣе живые очерки и впечатлѣнія мѣстностей, чѣмъ мысли, ими возбуждаемыя, и этой-то цѣли онъ вполнѣ достигъ.

Особенно живописно его описаніе долины Фейрана и прилежащей къ ней горы Сербала, одной изъ самыхъ романическихъ мѣстностей Аравіи, изображеніе Петры, дивной изсѣченной въ скалѣ столицы Эдома.

Весьма хорошо также описаніе всенощной въ монастырѣ Св. Екатерины, тихая торжественность которой составляла разительную противоположность съ свирѣпствовавшею въ эту самую ночь въ окрестной пустынѣ бурею. Впрочемъ, изъ донесенія г. Бартлетта видно, что число иноковъ этой знаменитой обители въ послѣдніе годы чрезвычайно уменьшилось: бо́льшую часть келлій авторъ нашелъ опустѣлыми; вмѣсто нѣсколькихъ сотъ отшельниковъ, считавшихся здѣсь въ прежніе года, едва осталось около 20. Самъ архіепископъ и настоятель монастыря не живетъ болѣе въ немъ. За-всѣмъ-тѣмъ, церковь, замѣчательная по древней своей византійской архитектурѣ и своему великолѣпію, тщательно содержится заботливостію благочестивыхъ иноковъ.

Синай и Обѣтованныя Мѣста въ послѣдніе годы были также посѣщены однимъ русскимъ путешественникомъ. (*) Одинъ изъ членовъ карантинной коммиссіи, отправленной въ 1842 году по Высочайшему повелѣнію на Востокъ для произведенія опытовъ противъ чумы, А. Уманецъ, по исполненіи этого порученія, отправился на Синай, а въ слѣдующемъ году посѣтилъ Іерусалимъ и его окрестности, Виѳлеемъ, монастырь Св. Саввы, Мертвое море, Іорданъ и Іерихонъ. По возвращеніи въ отечество, онъ, по вызову нынѣшняго г. Министра Народнаго Просвѣщенія, А. С. Норова, описалъ свое путешествіе подъ заглавіемъ:

(*) Изъ прежнихъ русскихъ посѣтителей Синая только одинъ пѣшеходецъ, Василій Григорьевичъ Барскій, уроженецъ кіевскій, монахъ антіохійскій, въ первой половинѣ прошедшаго столѣтія, оставилъ удовлетворительное описаніе своего путешествія.

Поѣздка на Синай, съ пріобщеніемъ отрывковъ о Египтѣ и Святой Землѣ, А. Уманца. Съ 3 картинами и 10 рисунками. С.-Петербургъ. Въ типографіи III Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. 1850. 2 части. 1-я IX, 289 и 2-я 372 стр. (б. 8.)

Строгое правдолюбіе и добросовѣстность отличаютъ этотъ разсказъ наблюдательнаго путешественника, пользовавшагося при составленіи его, кромѣ веденныхъ имъ на Востокѣ дневныхъ записокъ, также трудами своихъ предшественниковъ, а въ-особенности Робинсона и Смита. Всякій, безъ-сомнѣнія, съ участіемъ прочтетъ подробное описаніе самаго Синайскаго монастыря со всѣми его святынями и дикими и пустынными окрестностями.

Насчетъ положенія самой Синайской горы въ новѣйшее время возникли разныя несогласныя между собою мнѣнія. Уже Лепсіусъ изъявилъ предположеніе, что настоящій Синай есть отстоящая въ $37\frac{1}{2}$ верстахъ отъ Джебелъ-Лусы и Джебель-Екатерины гора Сербалъ. (*) Недавно явился новый защитникъ этого же мнѣнія, членъ Лондонскаго Географическаго Общества, г. Джонъ-Гоггъ (Hogg). Въ брошюрѣ:

Remarks and Additionals Views on Dr. Lepsius proofs that Mount Serbal is the true Mount Sinai; on the Wilderness of Sin, on the Manna of the Israelites and on the Sinaic Inscriptions. London 1849. 54 стр. 8., съ картою.

Онъ подтверждаетъ свое мнѣніе доводами, почерпнутыми изъ свидѣтельствъ древнихъ и новѣйшихъ писателей, а между прочимъ и характеромъ самой горы, которая снабжена правильными ступенями и многочисленными надписями, доказывающими, что она въ разныя времена была мѣстомъ поклоненія. Къ брошюрѣ приложена прекрасная карта Синайскаго полуострова, начертанная и выгравированная отличнымъ картографомъ Юзомъ (William Hughes).

Тотъ же самый авторъ, нѣсколько позднѣе этой брошюры, издалъ еще сочиненіе о географіи и геологіи Синайскаго полуострова и прилежащихъ къ нему странъ:

(*) Эта гипотеза изложена имъ въ любопытной статьѣ въ Bulletin de la Société de Géographie de Paris съ присовокупленіемъ карты, гдѣ онъ обозначаетъ принимаемое имъ за вѣрное положеніе Синая и Хорива.

On the geography and geology of the peninsula of Mount Sinai and the adjacent countries. Edinburgh. 1850.

Аравія хотя въ новѣйшее время и была изслѣдована многими и въ томъ числѣ отличными путешественниками, однако еще заключала въ своихъ таинственныхъ нѣдрахъ нѣкоторыя части, доселѣ не описанныя. (*) Восполненіе этихъ промежутковъ принялъ на себя гельсингфорскій профессоръ, оріенталистъ, докторъ Валлинъ (Wallin), предположивъ себѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, цѣлью усовершенствоваться въ арабскомъ языкѣ и ближе освоиться съ бытомъ мусульманъ. На этотъ конецъ онъ посѣтилъ сперва Египетъ, гдѣ пробылъ безъ малаго полтора года, съ исхода 1843 по апрѣль 1845 года. За симъ онъ предпринялъ первое свое странствіе въ пустыню Аравійскую, ограничившись, впрочемъ, только частію Синайскаго полуострова. Въ 1847 году онъ вторично посѣтилъ Египетъ и въ исходѣ этого года предпринялъ большое свое путешествіе по Аравіи. Отправясь, въ восточномъ одѣяніи, изъ Каира, онъ слѣдовалъ вдоль западнаго берега Синайскаго полуострова въ Аль-Туръ, а потомъ вдоль южнаго берега, до Аль-Шарма, безопасной гавани, состоящей въ частомъ сношеніи съ Аравіею. Послѣ бурной переправы, онъ достигъ Мувейлаха (Muweilah, или Moilah), на западномъ берегу Аравіи, одного изъ главныхъ мѣстъ на пути богомольцевъ изъ Египта въ Гиджасъ (Hijaz); отсюда, 20 февраля 1848, началось его странствіе по самой Аравіи. Проходя въ с.-в. направленіи гористою страною, онъ достигъ Тебука (Tabock), деревеньки на пути сирійскихъ пилигримовъ, оттуда на югъ къ вехабитскому племени Бени-Бели, а потомъ на сѣверо-востокъ, въ Тейму (Teima). Слѣдуя далѣе на востокъ, Валлинъ прибылъ въ Гаилъ (Hâil), главный городъ племени Бени-Шаммаръ, откуда по дорогѣ въ Багдадъ, песчаною степью Дакнэ, пересѣкаемою только низкими песчаными холмами, пробрался на сѣверъ въ Мешедъ-Али (Mashad Ali) и въ Багдадъ. Путешествіе это пролило новый свѣтъ на мало дотолѣ извѣстныя области Джи-

(*) Сѣверная пустыня Аравіи и разныя части Геджаса были описаны Буркгардомъ, область Іеменъ и другія мѣстности — Нибуромъ, область Уманъ — Вельстедомъ, часть Неджда и средней Аравіи — Садлеромъ и другими офицерами въ свитѣ Ибрагима-паши, въ 1819 году.

бель-Шаммаръ (Jibbel-Shammar) и Альгагару (Alhagara). (*) По возвращеніи своемъ на родину, Валлинъ, въ-слѣдствіе вызововъ Императорскаго и Королевскаго Лондонскаго Географическихъ Обществъ, предполагалъ совершить еще новое путешествіе въ Аравію для изслѣдованія въ-особенности областей Неджда, Умана и Махры, изъ которыхъ послѣдняя на юго-востокѣ Аравіи еще не видала у себя ни одного Европейца; но, къ великой потерѣ науки, планъ этотъ рушился преждевременною кончиною столь хорошо приготовленнаго къ этому предпріятію путешественника.

Съ другой стороны, изслѣдованіемъ Аравіи и вмѣстѣ Синайскаго полуострова и части Египта занимался, по порученію французскаго правительства, уже извѣстный своими путешествіями по Востоку Лоттенъ де-Лаваль (Lottin de Laval). Въ сопровожденіи нѣсколькихъ бедуиновъ племени Зауача (Zaouatcha), онъ, вдоль береговъ Иропольтскаго залива (Golf Héroopolite) прошелъ къ Моисеевымъ ключамъ, въ Синскую пустыню (le désert de Sin), въ Торъ и Расъ-Могаммедъ, а потомъ, направясь къ сѣверу для отысканія Уади-Геброна, прослѣдилъ весь горный кряжъ Фаратулъ (Faratul). Проникнувъ въ прославленную Св. Писаніемъ долину, онъ снялъ всѣ ея надписи, вмѣстѣ съ тѣми, которыя разсѣяны въ странѣ, называемой у Арабовъ Діаръ-Франги (Dyar Frangui). Потомъ, углубясь въ самую средину Синайскаго полуострова, собралъ онъ оттиски и копіи со всѣхъ найденныхъ имъ тамъ барельефовъ, надписей и четырехугольныхъ столбовъ. Оставивъ Синайскую обитель, г. Лоттенъ пробрался къ югу чрезъ пространную долину Уади-Цахары, гдѣ нашелъ множество надписей, а оттуда, поворотивъ къ западу, прошелъ къ Эланитскому заливу (Golfe Elanitique), насупротивъ архипелага морскихъ разбойниковъ

(*) Короткое донесеніе о немъ и карту маршрута см. въ Journal of the Royal Geogr. Soc. of London, vol. XXI. 1851. часть II стр. 293—344. Сверхъ-того недавно вышелъ въ Гельсингфорсѣ отрывокъ дневника перваго путешествія Валлина въ Аравію, подъ заглавіемъ: Georg Aug. Wallin första resa från Cairo till Arabiska öknen i April 1845. Fragment. Med en karta. 126 стр. въ 8. Можно ожидать, въ непродолжительномъ времени, появленія въ свѣтъ болѣе подробнаго донесенія о путешествіи Валлина, составляемаго изъ его писемъ и дневниковъ магистромъ Эльмгреномъ въ Гельсингфорсѣ.

(archipel des pirates); потомъ, взявъ снова на сѣверъ, 5 дней слѣдовалъ пустынными странами, въ которыхъ встрѣтилъ оазисы Даабскій и Нуэбскій (Daaѣ et Noueba). Не имѣя разрѣшенія распространить свои поиски далѣе Акабы (Akabah), онъ предпринялъ обратный путь чрезъ Гелатскія горы, могучій хребетъ, отдѣляющій Каменистую Аравію отъ Палестины, чрезъ пустыню Рамле (Ramlé), Сербутъ-эль-Кадемъ, Уади-эль-Гамръ и Уади-Гарандель.

Г. Лоттенъ де-Лаваль собралъ въ это путешествіе множество свѣдѣній, любопытныхъ для географіи, филологіи и изящныхъ искусствъ, между-прочимъ болѣе 900 надписей, по бо́льшей части еще не изданныхъ, на неизвѣстныхъ языкахъ, большое число барельефовъ, которые онъ намѣренъ вылить изъ алебастра или бронзы, и дивные монолиты (Stèles), испещренные египетскою живописью.

Отъ этихъ странъ, освященныхъ древностію, обратился онъ къ берегамъ Тигра и Евфрата, — краю, нѣкогда славившемуся баснословнымъ плодородіемъ своей почвы (*), могуществомъ своихъ царствъ, огромностью (**) и богатствомъ своихъ столицъ, которыхъ въ-послѣдствіи, до самаго новѣйшаго времени, едва были извѣстны пепелища.

Въ другомъ мѣстѣ было разсказано нами, какъ Французскій консулъ въ Моссулѣ, г. Ботта, въ 1843 году случаемъ былъ приведенъ къ открытію перваго памятника древняго Ассирійскаго царства; подобный же случай руководилъ и англійскаго его соперника Лейярда. Уже въ прежнія путеше-

(*) Изъ всѣхъ мнѣ извѣстныхъ странъ, — говоритъ Геродотъ, I, 193, — Вавилонія наиболѣе изобилуетъ житомъ: для виноградной лозы, смоковницы и маслины тучныя и знойныя ея равнины не созданы; но жита почва повсюду даетъ двухсотое, а въ лучшихъ мѣстахъ даже трехсотое зерно. По тщательнымъ справкамъ Нибура, самыя плодородныя страны Азіи нынѣ не даютъ такой жатвы. Около Багдада, Бассоры считается за необыкновенный урожай 20 зерно пшеницы, и онъ нигдѣ не слыхалъ въ Азіи объ урожаѣ, болѣе тридцатикратнаго (Beschreibung von Arabien, стр. 151 и слѣд.

(**) Ниневія, по свидѣтельству Страбона, XVI, стр. 1071, была больше Вавилона, а Вавилонъ больше всякаго нынѣшняго города на Востокѣ. По разсчету д'Анвиля, изъ показанія Діодора слѣдовало бы, что Вавилонъ по окружности относился къ Парижу какъ 5 : 2; а изъ показанія Геродота онъ былъ впятеро болѣе Парижа.

ствія по рѣкѣ Тигру, отъ Моссула до Багдада, онъ былъ пораженъ видомъ частыхъ насыпей или кургановъ вдоль по ея берегамъ и множествомъ преданій, носившихся объ этихъ мѣстностяхъ въ устахъ Арабовъ.... Но мы предпочитаемъ привести здѣсь собственный разсказъ Лейарда, тѣмъ болѣе, что онъ являетъ его намъ однимъ изъ самыхъ смѣлыхъ и пытливыхъ путешественниковъ нашего времени и вмѣстѣ съ тѣмъ бросаетъ много свѣта на характеръ самой мѣстности.

Въ началѣ своего сочиненія:

Ninіveh and its Remains, by Austin A. Layard. London 1849. Murray 2 vols. gr 8°, со многими иллюстраціями.

Онъ повѣствуетъ слѣдующее: «Когда я, осенью 1839 и зимою 1840 года, проѣзжалъ по Малой Азіи и Сиріи, то не оставлялъ не посѣщенными ни одного мѣстечка, освященнаго преданіемъ, ни одной развалины, ознаменованной исторіею. Со мною былъ столько же любознательный и воодушевленный товарищъ, какъ и я самъ. Нашъ дорожный скарбъ былъ очень простъ: мы ѣхали верхомъ, одни, безъ всякой другой защиты, кромѣ нашего оружія. Засѣдельный чемоданъ вмѣщалъ въ себѣ весь нашъ гардеробъ. Такъ, необремененные лишнею роскошью, не подвергаясь чужимъ толкамъ и пересудамъ, мы смѣшивались съ народомъ, легко свыкались съ его обычаями и могли безпрепятственно наслаждаться тѣми впечатлѣніями, какія невольно производятъ зрѣлища столь новыя и мѣста, столь богатыя разнообразными воспоминаніями. Насъ не путеводилъ никакой вожатый, не сопровождалъ никакой опытный драгоманъ, не предначертывалъ намъ маршрутовъ, и, не требуя отъ намѣстниковъ никакихъ одолженій, мы не имѣли нужды вступать съ пашами въ какія-либо объясненія. Съ благодарною радостью я еще теперь воспоминаю объ этихъ счастливыхъ дняхъ.

«Въ подобномъ же нарядѣ мы вскорѣ потомъ сдѣлали экскурсію по ту сторону Евфрата. Какое-то неодолимое стремленіе влекло насъ хотя мелькомъ обозрѣть край, который само преданіе и исторія ознаменовали какъ колыбель западной мудрости.... и мы 10 апрѣля прибыли въ Моссулъ.

«Короткимъ здѣсь пребываніемъ мы воспользовались для разныхъ поѣздокъ въ тамошнихъ окрестностяхъ. Мы посѣтили большія развалины на восточномъ берегу Тигра, всѣми принимаемыя за остатки Ниневіи. Мы проѣхали верхомъ также въ пустыню и остановились для ночлега въ арабской деревушкѣ Гаммумъ-Али, вокругъ которой еще видны слѣды одного древняго города. Здѣсь мы, съ вершины одной искусственной насыпи, могли обозрѣть пространную, отдѣленную отъ насъ рѣкою равнину. Къ востоку она была опоясана рядомъ высокихъ земляныхъ насыпей, изъ которыхъ одна пирамидально возвышалась надъ всѣми прочими. По ту сторону ея лишь слабо можно было разглядѣть воды Заба, и, судя по всему положенію, нельзя было не догадываться, что это та самая пирамида, которую описываетъ Ксенофонтъ и поблизости которой расположена была лагеремъ его десятитысячная рать. Окрестныя развалины были тѣ самыя, которыя за 22 столѣтія до насъ видѣлъ греческій полководецъ и которыя уже тогда были развалинами стариннаго города.

«На другое утро мы поѣхали далѣе въ Калагъ-Шергатъ и изслѣдовали его развалины почти цѣлый день, не сдѣлавъ другаго открытія, кромѣ того, что эта насыпь, вѣроятно, принадлежитъ тому же самому народу, какъ и городъ, котораго останки намъ представляетъ Нимродъ. За тѣмъ мы возвратились въ Моссулъ, убѣжденные въ томъ, что между развалинами есть большое различіе.»

Тщетно путешественникъ въ Мессопотаміи и Халдеѣ сталъ бы искать такихъ развалинъ, какія оставилъ за собою въ Малой Азіи и Сиріи. Здѣсь уже нѣтъ болѣе той граціозной колонны, которая такъ гордо возвышается изъ среды густой листвы мирта, дуба и олеандра, не видать ступеней амфитеатра, покрывающаго собою постепенную отлогость и глядящагося въ темносинія воды озеру подобной бухты, недостаетъ богато украшенныхъ капителей, выглядывающихъ изъ-подъ роскошной, покрывающей ихъ, зелени, а вмѣсто всей этой пышности и великолѣпія странника встрѣчаютъ унылая безобразная насыпь, возвышающаяся подобно холму изъ опаленной равнины, обломки глиняной скудели и случайно, кое-гдѣ обнаженная зимними дождями груда кирпичей. Путешественникъ

покинулъ ту страну, гдѣ природа очаровательна, гдѣ онъ могъ возсоздавать въ своемъ воображеніи какой-либо храмъ или театръ, почти недоумѣвая, притомъ, могли ли они во всей своей цѣлости столько же плѣнять чувства, какъ въ лежащихъ предъ нимъ грудахъ обломковъ. Онъ смотритъ теперь на нестройныя громады, изъ которыхъ тщетно старается вызвать какой-либо симметрическій образъ. Тѣмъ племенамъ, отъ которыхъ остались эти сооруженія, выпалъ совсѣмъ иной жребій, нежели Грекамъ и Римлянамъ: они не оставили по себѣ видимыхъ слѣдовъ своего образованія, своихъ искусствъ; ихъ вліяніе на міръ уже давно исчезло. Чѣмъ болѣе размышляешь о нихъ, тѣмъ сбивчивѣе становятся мысли, и съ этими развалинами согласуется и самая окрестность: опустошеніе граничитъ съ опустошеніемъ. Какое-то тяжкое чувство грусти преодолѣваетъ первое впечатлѣніе дивнаго; нигдѣ не видно предмета, который возвышалъ бы душу, говорилъ бы ей звуками отрады, голосомъ пріятнаго воспоминанія. Что, впрочемъ, относится до меня лично, — признаюсь, — эти огромныя земляныя насыпи Ассиріи сдѣлали на меня чрезвычайно глубокое впечатлѣніе, возбудили во мнѣ высокія мысли и важныя размышленія, и мнѣ суждено было видѣть ихъ не въ послѣдній разъ.

«Въ половинѣ апрѣля я оставилъ Моссулъ, чтобы отправиться въ Багдадъ и, плывя на плоту внизъ по Тигру, вторично увидѣлъ развалины Нимрода. Случай на этотъ разъ мнѣ болѣе благопріятствовалъ осмотрѣть ихъ. Мы подъѣхали къ нимъ подъ вечеръ. Зимній дождь облекъ земляную насыпь въ самую пышную зелень и украсилъ окрестные луга пестрыми цвѣтками. Посреди этихъ-то роскошныхъ злаковъ кое-гдѣ разбросаны были обломки кирпича, глиняныхъ издѣлій и алебастра съ клинообразными надписями. Помимо этихъ остатковъ, можно было бы принять эту насыпь за природный холмъ. Начиная отъ подошвы его, тянулся длинный рядъ послѣдовательныхъ узкихъ насыпей, еще по сю пору носившихъ видъ валовъ и образовавшихъ собою четырехугольникъ. Нѣсколько поодаль отъ нихъ протекала рѣка: волны ея, прибывшія отъ разлившихся на высотахъ Арменіи озеръ, съ пѣною дробились объ искусственную, поперекъ ихъ сооружен-

ную преграду. Быстро мы перенеслись через эту стремнину. Когда мы миновали опасность, судовщик объяснил мнѣ, что этотъ водопадъ произведенъ посредствомъ большой построенной Нимродомъ плотины. И подлинно, я имѣлъ тутъ передъ собою одинъ изъ тѣхъ памятниковъ великаго народа, которые попадаются во всѣхъ рѣкахъ Мессопотаміи, работу, предпринятую для постояннаго снабженія водою многочисленныхъ каналовъ, какъ бы сѣтью покрывающихъ всю здѣшнюю страну. Мой Арабъ объяснилъ мнѣ связь между этою плотиною и Атуромъ, намѣстникомъ Нимрода, и много разсказалъ мнѣ о судьбахъ царей этого края.

«Съ этого-то самаго дня я принялъ рѣшеніе точнѣе изслѣдовать эти развалины, коль скоро мнѣ позволятъ на то обстоятельства.»

Услышавъ, спустя нѣсколько времени, объ удачныхъ раскопкахъ Ботты, Лейярдъ немедленно и съ своей стороны принялся за дѣло. Поспѣшивъ по рѣкѣ Тигру въ Нимрудъ, онъ нашелъ въ деревнѣ Наифѣ одного бѣднаго Араба, который, склонясь на его предложенія, нанялъ для него нѣсколько работниковъ. Сначала строптивость, или, вѣрнѣе сказать, коварное корыстолюбіе извѣстнаго своею жестокостью паши мосульскаго Керита-Оглу, дѣлала ему большія затрудненія; но рѣдкая его настойчивость и терпѣніе одержали верхъ надъ всѣми препятствіями и были вознаграждены блистательнымъ успѣхомъ: онъ вскорѣ увидѣлъ выступающими наружу огромныя зданія съ большими барельефами и мраморныя плиты съ іероглифическимъ изображеніемъ достопамятныхъ битвъ или торжественныхъ жертвоприношеній. Къ счастію, прежній, недоброжелательный паша былъ смѣненъ, и мѣсто его занялъ другой, болѣе сговорчивый, Измаилъ-паша: съ тѣхъ поръ работы могли быть продолжаемы въ обширнѣйшемъ размѣрѣ. Къ тому же, ему удалось попасть на новый счастливый слѣдъ: это былъ одинъ изъ первыхъ дворцовъ Нимрода, «the earliest palace of Nimroud». Дивные образы появлялись одинъ за другимъ, почти совершенно невредимые: между-прочимъ, найдена была въ мусорѣ исполинская голова, которую Арабы, въ своемъ изумленіи, сочли за проявленіе самого Нимрода; кромѣ-того отыскали нѣсколько крылатыхъ львовъ съ чело-

вѣческимъ лицемъ, далѣе — колоссальнаго вола, также крылатаго, съ человѣческимъ же обликомъ; львиную травлю, которая, относительно къ рисовкѣ, группировкѣ фигуръ и свѣжести красокъ, была наилучшимъ изъ всѣхъ дотолѣ найденныхъ образцевъ ассирійскаго искусства. Краски, казалось, только-что были положены. И въ курганахъ Ниневіи также начаты были раскопки и отрыты многіе подобные же памятники, отлично сохранившіеся. Углубляясь въ разсматриваніе этихъ таинственныхъ эмблемъ, Лейярдъ, старается объяснить себѣ ихъ значеніе слѣдующимъ образомъ: народъ, еще не просвѣщенный откровеніемъ, искалъ въ окружающей его природѣ образовъ для воплощенія своего понятія о премудрости, могуществѣ и вездѣсущности Божества. Онъ не могъ найти лучшаго типа для выраженія мудрости, какъ голову человѣка, для означенія силы, какъ туловище льва или вола, для изображенія вездѣсущности, какъ крылій птицы. Итакъ, эти крылатые львы и волы не были суетными созданіями фантазіи: они носятъ на себѣ клеймо своего значенія. Они внушали благоговѣніе племенамъ, процвѣтавшимъ за 3000 лѣтъ предъ симъ. Чрезъ охраняемые ими порталы, цари, жрецы и воины приносили свои жертвы къ алтарямъ еще задолго до того времени, когда мудрость Востока проникла въ Грецію. Они были погребены, можетъ-быть, еще до основанія Вѣчнаго Города. Двадцать-пять вѣковъ они были сокрыты отъ взоровъ людей и теперь снова возстали изъ праха въ древнемъ своемъ величіи. Но какъ вокругъ нихъ измѣнилось зрѣлище! Роскошь и образованіе могучаго народа уступили мѣсто нищетѣ и невѣжеству немногихъ полуварварскихъ племенъ. Великолѣпіе храмовъ и богатство большихъ городовъ замѣнены развалинами и нескладными грудами земли Поверхъ тѣхъ чертоговъ, гдѣ стояли эти истуканы, прошелъ плугъ и нынѣ волновались колосья. Египетъ обладаетъ памятниками, не менѣе древними и не менѣе дивными; но они еще уцѣлѣли въ свидѣтельство прежней славы и могущества, между-тѣмъ, какъ памятники передо мною лишь теперь только явились изъ-подъ праха, чтобы свидѣтельствовать о словахъ пророка, что нѣкогда былъ «Ассуръ кипарисъ въ Ливанѣ, добръ отрасльми, и высокъ величествомъ и частъ покровомъ и средѣ облакъ

бысть власть его.... и вознесеся величество его паче всѣхъ древесъ польныхъ.... и подъ сѣнію его вселися все множество языковъ;» а нынѣ Ниневія опустѣла, «яко пустыня: и пожируютъ посредѣ ея стада, и вси звѣріе земніи и хамелеоны и ежеве во гнѣздахъ ея гнѣздятся; и звѣріе выютъ въ разсѣлинахъ ея и вранове во вратахъ ея, зане кедръ возношенія ея.» (*)

Между-тѣмъ, по ходатайству англійскаго посланника въ Константинополѣ, прибыло дозволеніе верховнаго визиря продолжать раскопки, и изъ Лондона подоспѣла, хотя, правда, довольно скудная, сумма на продолженіе работъ. Это снова подстрекнуло дѣятельность Лейярда: онъ самъ принялъ на себя управленіе работниками, которые, съ своей стороны, охотно подчинились благоразумнымъ его распоряженіямъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія: раскрыты были новые великолѣпные чертоги съ барельефами, живо изображавшими битвы и тому подобныя сцены, — какъ-то, между-прочимъ, переправу войска черезъ рѣку, въ томъ же самомъ видѣ, какъ она и понынѣ еще совершается черезъ Тигръ, при чемъ не забытъ даже евнухъ съ бичемъ, о которомъ упоминаетъ Геродотъ при повѣствованіи о переправѣ Ксеркса съ воинствомъ черезъ Геллеспонтъ; одинъ обелискъ съ 210 строками гвоздеобразныхъ письменъ и съ разными, напоминающими Индію, изображеніями; прекрасный женскій сфинксъ и саркофагъ съ остовомъ. Но все жестоко пострадало отъ разрушительной силы огня, и многое, даже самое желѣзо, распадалось отъ соприкосновенія съ воздухомъ. Вскорѣ начались и отправленія этихъ сокровищъ въ Англію. Съ особенными трудностями сопряжена была перевозка этихъ громоздкихъ предметовъ къ рѣкѣ Тигру, а потомъ и дальнѣйшее ихъ отправленіе по рѣкѣ. Къ самымъ замѣчательнымъ находкамъ принадлежатъ ряды могилъ съ саркофагами наверху находящагося внизу ихъ зданія, изъ чего слѣдуетъ заключить, что здѣсь, одно за другимъ, обитали два разныя поколѣнія: позднѣйшее поселилось на пепелищѣ уже давно исчезнувшаго съ лица земли, которое, судя по найденнымъ ба-

(*) Езекіиля XXXI, 3 и пр. — Софоніи II, 13 и 14.

рельефамъ, было весьма воинственнаго духа, осаждало и громило въ свое время города и твердыни.... Но какое здѣсь еще остается необъятное поле для открытій и изслѣдованій! Цѣлыя огромныя насыпи еще не затронуты; въ другихъ раскопки едва лишь начались, какъ-то у Куюн-джика, гдѣ Французскій консулъ Ботта не нашелъ ничего, а Лейярдъ попалъ на самые изумительные памятники, заставившіе его предполагать, что «здѣсь нѣкогда была одна изъ важнѣйшихъ частей Ниневіи, зданія которой были воздвигнуты однимъ изъ величайшихъ царей Ассирійскихъ.»

Разставаясь съ описательною частію открытыхъ на пепелищѣ древней Ниневіи памятниковъ, Лейярдъ еще разъ ведетъ читателя чрезъ развалины главнаго зданія, чтобы дать ему сколь можно ясное понятіе объ открытыхъ чертогахъ въ томъ видѣ, въ какомъ они находились, когда были вполнѣ имъ изслѣдованы... «Опускаясь въ главный окопъ футовъ на 20, мы внезапно находимъ себя въ виду пары колоссальныхъ львовъ, снабженныхъ крыльями и человѣческою головою и образующихъ порталъ. Оставляя за собою небольшой покой, гдѣ изваянія еще не достигли полной отдѣлки, мы, промежъ двухъ другихъ крылатыхъ львовъ, входимъ въ главный чертогъ. По обѣимъ сторонамъ нашимъ находятся гигантскія крылатыя изваянія одни съ орлиными головами, другія сплошь человѣческія, съ таинственными символами въ рукахъ. Налѣво находится другой порталъ, также образуемый крылатыми львами; но одинъ изъ нихъ низпровергнутъ поперекъ самаго входа, и мы едва имѣемъ довольно мѣста, чтобы пролѣзть изъ-подъ него. За этимъ порталомъ видны крылатая фигура и двѣ мраморныя плиты съ барельефами; но онѣ до того повреждены, что едва можно разобрать предметъ, ими изображаемый. Далѣе нѣтъ слѣдовъ стѣны, хотя и проведенъ тутъ глубокій окопъ. Противоположная сторона чертога также исчезла, и здѣсь виденъ только высокій земляной валъ. Но, пристально вглядываясь, мы открываемъ признаки каменной работы и скоро находимъ, что это—прочная стѣна, сложенная изъ кирпича, нынѣ одинаковаго цвѣта съ окружающею почвою и едва отъ нея отличающаяся.

«Алебастровыя плиты свергнуты съ прежняго ихъ положе-

нія; но онѣ снова подняты, и мы вступаемъ въ средину груды небольшихъ барельефовъ, изображающихъ колесницы, всадниковъ, битвы и осады. Можетъ-быть, работники впервые поднимаютъ плиту, и мы съ любопытствомъ стережемъ, какое она выведетъ наружу новое событіе ассирійской исторіи, или неизвѣстный обычай, или религіозный обрядъ.

«Пройдя около ста футовъ посреди этихъ разбросанныхъ памятниковъ древней исторіи и искусства, мы достигаемъ другаго портала, образуемаго колоссальными крылатыми волами изъ желтаго известняка. Одинъ изъ нихъ еще цѣлъ; но его товарищъ опрокинутъ и распался на куски. Большая человѣческая голова лежитъ у ногъ нашихъ.

«Мы прямо идемъ далѣе въ ту часть зданія, куда ведетъ этотъ порталъ. Миновавъ его, видимъ другаго крылатаго истукана, съ красивымъ цвѣткомъ въ рукѣ, который онъ, по-видимому, предлагаетъ въ жертву окрыленному волу. Тутъ мы замѣчаемъ царя, побѣждающаго въ травлѣ льва и буйвола, и осаду зàмка съ стѣнобитною машиною. Мы теперь достигли конца чертога и видимъ передъ собою тщательно отдѣланное прекрасное изваяніе, представляющее двухъ царей, стоящихъ передъ эмблемою божества и сопровождаемыхъ окрыленными фигурами. Между ними находится священное дерево. Въ виду этого барельефа—большая каменная платформа, на которой въ старину, можетъ-быть, стоялъ престолъ ассирійскаго монарха, когда онъ принималъ своихъ царедворцевъ или плѣнниковъ.

«Влѣвѣ замѣтенъ еще четвертый выходъ изъ чертога, образуемый другою парою львовъ. Пройдя между ними, мы очутились на краю глубокаго рва, къ сѣверу отъ котораго воздымается, высоко надъ нами, легкая пирамида. На стѣнахъ близъ этого рва видны изображенія плѣнниковъ, приносящихъ въ дань разные предметы, — серьги, запястья, обезьянъ, — а на самомъ краю рва лежатъ два огромные вола и двѣ крылатыя фигуры, около 14 футовъ вышиною.

«Но опоясывающій развалины съ этой стороны ровъ заставляетъ насъ вернуться къ желтымъ воламъ. Пробравшись чрезъ образуемый ими входъ, мы вступаемъ въ большую комнату, окруженную фигурами съ орлиною головою. На одномъ

ея концѣ находится дверь, охраняемая двумя жрецами или божествами, а въ серединѣ — другой порталъ, съ крылатыми волами. Куда ни обратимся, вездѣ увидимъ себя посреди лабиринта покоевъ, гдѣ легко можемъ заблудиться.... Мы можемъ странствовать чрезъ эти галлереи съ часъ или два, изумляясь дивной рѣзьбѣ или надписямъ вокругъ насъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ длинные ряды царей, сопровождаемыхъ своими евнухами и жрецами; тамъ строи крылатыхъ статуй, несущихъ разныя религіозныя эмблемы и, по-видимому, преклоняющіяся передъ мистическимъ древомъ. Другіе входы, образуемые крылатыми львами и волами, ведутъ насъ въ новые чертоги, и въ каждомъ изъ нихъ новые предметы поражаютъ наше любопытство. Наконецъ, утомленные, мы выходимъ изъ этого погребеннаго въ землѣ зданія окопомъ съ стороны противоположной тому, которымъ вошли, и мы опять очутились на голой площадкѣ. Тщетно мы ищемъ вокругъ себя слѣдовъ тѣхъ дивныхъ остатковъ, которые мы только-что видѣли, и намъ сдается, что мы видѣли только сонъ или слышали какую-нибудь волшебную сказку Востока.

«Иные, которые послѣ меня посѣтятъ мѣсто, гдѣ снова поросла трава поверхъ развалинъ ассирійскихъ дворцовъ, дѣйствительно, могутъ подозрѣвать, что я здѣсь разсказывалъ одно лишь сновидѣніе.»

Лейярдъ вдается въ своемъ сочиненіи также въ разныя гипотезы насчетъ образованія, обычаевъ и степени просвѣщенія древнихъ Ассиріянъ, въ той мѣрѣ, какъ это возможно при помощи дотолѣ сдѣланныхъ открытій. Между-прочимъ, онъ указываетъ и на слѣды египетскаго стиля, привившагося къ ассирійскому, — свидѣтельство живыхъ сношеній, господствовавшихъ между обѣими странами и ихъ властелинами. Одинъ изъ памятниковъ (стр. 209), можетъ-быть, относящійся къ 980 году до Р. Х., носитъ явную печать этой примѣси, а равнымъ-образомъ женскій сфинксъ, разные сосуды съ изображеніемъ лотоса, скарабеевъ и т. д. Древнѣйшіе памятники, кажется, доходятъ до 1200 года прежде Р. Х., а можетъ-быть и еще далѣе. При этомъ авторъ поставляетъ на видъ разные любопытные вопросы, какъ-то: о назначеніи разныхъ открытыхъ зданій, о матеріалѣ, изъ ко-

тораго они построены, о состояніи у Ассиріянъ искусствъ, которыя, какъ видно, достигли у нихъ значительной степени развитія, но въ-послѣдствіи скоро пришли въ упадокъ. Между ассирійскимъ и египетскимъ искусствомъ оказывается существенная разность, и, судя по разнымъ догадкамъ, оба народа были только наслѣдниками искусства, другаго давно исчезнувшаго, но очень образованнаго, побѣжденнаго ими народа, между-тѣмъ, какъ они, въ свою очередь, сами передали свое искусство своимъ побѣдителямъ — *Персамъ*, а чрезъ ихъ посредство, вѣроятно, и *Грекамъ*.

Но сочиненіе Лейярда являетъ высокій интересъ не по одной только археологической части: отъ такаго внимательнаго наблюдателя, пробывшаго лѣтъ девять на Востокѣ, можно было ожидать и многихъ другихъ свѣдѣній, и, дѣйствительно, географъ и этнографъ также найдутъ въ его книгѣ обильную для себя пищу. Такъ, онъ описываетъ въ ней, между-прочимъ, свои путешествія въ разныя части Курдистана и по этому поводу входитъ въ весьма любопытныя подробности о тамошнемъ народонаселеніи, о разныхъ сектахъ, какъ-то: Несторіанскихъ Грекахъ, Іезидахъ и пр. Для бо́льшаго удобства читателей, къ книгѣ придана очень хорошая карта.

Сверхъ-того Лейярдъ издалъ особо, въ великолѣпномъ видѣ, изображенія бо́льшей части вырытыхъ имъ памятниковъ, подъ заглавіемъ:

The Monuments of Ninivèh, from Drawings made on the spot. By Austen Henry Layard, Esqu. London 1849. J. Murray in fol. 100 рис. и 22 стр. текста.

Многіе изъ отрытыхъ Лейярдомъ на пепелищѣ Ниневіи предметовъ уже прибыли въ Англію и нынѣ выставлены на показъ въ особомъ музеумѣ. Коллекція эта состоитъ отчасти изъ разныхъ миѳическихъ и религіозныхъ эмблемъ, отчасти изъ принадлежностей верховной власти, отчасти, наконецъ, изъ статей домашняго быта древнихъ Ассиріянъ, и разнообразіемъ своимъ, какъ говорятъ, уже теперь превосходитъ доселѣ найденную въ египетскихъ катакомбахъ утварь. Подобнымъ не менѣе богатымъ музеумомъ ассирійскихъ древностей обладаетъ и столица Франціи. Но, при всемъ томъ, запасъ ихъ еще отнюдь не истощенъ, и какъ Ботта, такъ и Лейярдъ,

а по слѣдамъ ихъ и другіе намѣрены продолжать розыски на столь обильной почвѣ, пока это будетъ стоить труда.

Послѣ обильной жатвы, собранной на равнинахъ Мессопотаміи, можно было ожидать, что появятся также сочиненія, съ цѣлью сдѣлать труды и открытія первоначальныхъ изслѣдователей доступными и той части публики, которая не въ состояніи пользоваться дорогими твореніями самого Ботты и Лейярда. И, въ-самомъ-дѣлѣ, вслѣдъ за этими сочиненіями явилось нѣсколько другихъ, излагающихъ съ бо́льшею или ме́ньшею подробностью результаты прежнихъ розысканій. Изъ нихъ болѣе всего заслуживаютъ замѣчанія:

Niniveh and Persepolis: an Historical Sketch of Ancient Assyria and Persia, with an Account of the recent Researches in those Countries. By W. S. W. Vaux. M. A. London 1850. Hall, Virtue and Co. 441 стр. б. 8.

Notes from Niniveh, and Travels in Mesopotamia, Assyria etc. Syria. By the Rev. G. J. P. Fletcher. London 1850. Colburn. 2 vols. (43¼ листа въ 8.)

Не представляя никакихъ оригинальныхъ видовъ или глубокихъ ученыхъ розысканій, сочиненіе г. Во (Vaux) даетъ весьма удовлетворительный очеркъ новѣйшихъ наблюденій и открытій въ сказанномъ краю, а сверхъ-того короткій перечень исторіи Ассиріи и Персіи по руководству древнихъ классическихъ писателей и взглядъ на ученыя попытки Гротефенда, Ролинсона (Rawlinson), Бюрнуфа, Лассена, д-ра Гинкса (Hincks) и др. къ разъясненію ассирійскихъ, персидскихъ и мидійскихъ письменъ и древностей. Особенно отчетливо въ этой книгѣ описаніе уцѣлѣвшихъ памятниковъ Ассиріи и Персіи, первыхъ—на основаніи открытій Ботты въ Хорсабадѣ и Лейярда въ Нимрудѣ, а послѣднихъ — по руководству многоцѣннаго творенія сэра Р. Керъ-Портера и розысковъ Рича (Rich) и Анкетиля дю-Перрона (Anquétil du Perron).

Вторая книга есть сочиненіе англійскаго священника Флетчера, предпринявшаго путешествіе собственно для развѣдки нынѣшняго состоянія религіи и просвѣщенія между христіанскими церквами на Востокѣ. Она произошла изъ записокъ, веденныхъ имъ во время двухлѣтняго пребыванія въ Моссулѣ, и поѣздокъ оттуда въ разныя отдаленныя части

Ассиріи. Разсказы его о новѣйшихъ открытіяхъ имѣютъ отчасти цѣну, какъ донесеніе самовидца. Въ добавокъ ко всему этому, авторъ присовокупилъ короткій очеркъ исторіи Несторіянъ и якобитскихъ христіанъ и разныя изустныя преданія Востока.

Къ занимательнѣйшимъ для насъ частямъ сочиненія Флетчера принадлежитъ его взглядъ на ходъ развитія и на нынѣшнее состояніе Оттоманской имперіи (II тома глава I), и мы изложимъ здѣсь въ сжатомъ видѣ содержаніе этой главы.

За тысячу лѣтъ орда кочевыхъ Сарматовъ, выйдя изъ степей Татаріи, поселилась на сѣверѣ отъ Бухары въ странѣ, и понынѣ еще удерживающей имя Туркестана и гдѣ нѣсколько разбросанныхъ кочевыхъ племенъ еще доселѣ подъ названіемъ Туркомановъ хранятъ обычаи своихъ предковъ.... Но въ началѣ XI вѣка большинство Туркменовъ, отказавшись отъ кроткихъ и мирныхъ занятій своихъ отцовъ, промѣняли ихъ на болѣе блестящее поприще войны. Подъ знаменами Аббасидовъ, они оказали значительныя услуги во время персидской войны, и благодарные калифы отвели вѣрнымъ своимъ данникамъ нѣкоторыя изъ лучшихъ частей покореннаго ими края.

Вслѣдъ за водвореніемъ своимъ на чужой землѣ поселенцы съ готовностью приняли вѣру арабскихъ своихъ властителей.... Эта колонія въ Персіи скоро повлекла за собою новыя сонмища Туркменовъ, которые промѣняли дикій, бродячій свой образъ жизни и языческіе свои нравы на обаяніе полуобразованія и исламизма. Усилившись, такимъ-образомъ, первоначальные поселенцы скоро вошли съ прежними своими повелителями въ состязаніе о владычествѣ надъ Азіею, и уже въ 1055 году Тогрулъ-бей изъ туркменскаго рода Сельчуковъ сдѣлался обладателемъ Багдада, между-тѣмъ, какъ другіе вожди его народа распространили свои завоеванія на Малую Азію и Индію. Въ 1065 году намѣстникъ турецкаго султана Джелаледдина, выгнавъ изъ Сиріи Сарацыновъ, овладѣлъ Святымъ Градомъ, гдѣ совершилъ величайшія жестокости, возбудившія негодованіе христіанъ Европы. Послѣдовали крестовые походы, и мы навремя теряемъ изъ виду Туркменовъ, которыхъ буйная храбрость была затемнена завоеваніями

Саладина. Нѣсколько столѣтій позже мы уже видимъ ихъ обладателями Малой Азіи и Константинополя.

Со времени покоренія Греческой имперіи могущество Турокъ стало упадать постепенно. Сокрушенные въ своихъ посягательствахъ на Европу, оттоманскіе султаны скоро должны были ограничиться въ предѣлахъ завоеванныхъ ими странъ. Но и тутъ имъ оставалось довольно простора для удовлетворенія ненасытнаго ихъ честолюбія. Плодоносныя области Греціи и Малой Азіи были въ ихъ рукахъ, и равнины Ассиріи и Мессопотаміи приносили ихъ намѣстникамъ дань своего изобилія, нѣкогда достаточную для поддержанія двухъ могучихъ царствъ. Острова Родосъ и Кипръ покорствовали имъ, Египетъ и берегъ Африки, хотя по имени, признавали ихъ господство.

Но великіе султаны оттоманскіе были только завоевателями и не обладали даромъ законодательства. Они предоставляли подвластныя имъ области тиранству пашей, которые неограниченную свою власть употребляли только для накопленія богатствъ. Порта, правда, временно карала ихъ за неправосудіе; но и это служило только къ увеличенію зла. Ограбленныя и опустошенныя области находили, что угнетатель ихъ удаленъ и богатства его описаны въ казну, но неправедно пріобрѣтенное достояніе не было употребляемо па вознагражденіе причиненныхъ имъ обидъ. Все имущество низложенныхъ пашей обращалось въ сокровищницу султана, между-тѣмъ, какъ пожертвованіемъ большихъ суммъ политическій преступникъ нерѣдко выкупалъ себѣ пощаду. Нѣкоторые изъ губернаторовъ областей снискали себѣ довольно власти, чтобы противиться власти султана.

Но главное препятствіе образованію должно искать въ самомъ характерѣ исламизма. Преданные ему султаны обязаны были безпрестанно воевать съ христіанскими своими сосѣдами и требовать отъ покоренныхъ ими странъ или принятія корана, или истребленія мечемъ.... Къ тому же коранъ возстаетъ противъ всякаго рода искусства и считаетъ науку не за что иное, какъ за нѣкотораго рода волшебство. Помощь Европейцевъ долго была отвергаема съ презрѣніемъ, и такимъ-образомъ, между-тѣмъ, какъ Европа шла впередъ въ

своемъ образованіи, Турція въ началѣ XIX вѣка еще удерживала обычаи и учрежденія XIII столѣтія.

Но за всѣмъ тѣмъ въ ней медленно совершался большой внутренній переворотъ.

Первые предки Туркменовъ приняли ученіе ислама, повидимому, съ смѣшаннымъ чувствомъ любопытства и равнодушія. Но ихъ потомки съ большею ревностью предались заповѣдямъ вѣры, вмѣстѣ привлекательной для чувственности и подстрекавшей ихъ предпріимчивость. Турокъ, состоя, какъ онъ полагалъ, подъ защитою сверхъестественной силы, сражался съ усугубленнымъ изступленіемъ противъ тѣхъ, которыхъ считалъ врагами Бога.... Храбрость мослема была необходимымъ послѣдствіемъ его религіи; но она перестала воодушевлять его, когда было потрясено или ослаблено его упованіе на эту религію. Переставъ вѣровать, послѣдователь ислама пересталъ и завоевывать. Не основанное, какъ христіанство, на существенной истинѣ, а будучи плодомъ фанатизма, ученіе Магометово способно воспламенять въ пылу войны или битвы, но не принаровлено ко времени мира и спокойствія: слава ислама только и поддерживается остріемъ меча; но съ той самой поры, когда приверженецъ его останавливается на упоительномъ поприщѣ побѣдъ, для размышленія о началахъ своей вѣры, онъ впадаетъ въ скептицизмъ или равнодушіе.

Далѣе, не забудемъ, что система, подобная Магометовой, можетъ быть поддерживаема только непрерывнымъ успѣхомъ. Съ той поры, когда ему измѣняетъ счастіе, мослемъ начинаетъ колебаться въ предположеніи, что онъ есть исключительный любимецъ неба. Фанатическій поселянинъ внутри Имперіи все еще слѣпо вѣритъ, что его султанъ превыше всѣхъ прочихъ властителей земли, и что всѣ государи Европы его данники. Отнимите у него эту вѣру, и вся чара исчезнетъ. Онъ медленно пробудится къ тому сознанію, что его вѣра не есть по необходимости та самая побѣдоносная, съ неба ниспосланная система, которою онъ дотолѣ ее воображалъ себѣ, и мѣсто отчаяннаго сверхъ-человѣческаго мужества заступитъ какая-то угрюмая безнадежность.

Европейскія неудачи могутъ почесться первымъ шагомъ къ паденію османовъ; но знакомство ихъ съ возрастающи-

ми народами христіанства нанесло ихъ могуществу еще сильнѣйшій ударъ. Съ каждымъ днемъ становилось яснѣе, что христіанскія державы поднимались, тогда какъ Турція упадала на вѣсахъ народовъ.

Султанъ Махмудъ былъ государь, не лишенный дарованій и обладавшій большимъ честолюбіемъ, но не имѣлъ достаточно прочнаго ума для преобразователя. Чувствуя превосходство Европейцевъ и не будучи на столько слѣпымъ, чтобъ не видѣть препонъ, противополагаемыхъ ему на пути преобразованія исламомъ, онъ впалъ въ ошибочное мнѣніе, что первое можетъ быть достигнуто принятіемъ европейской тактики и европейской одежды, а второе преодолѣно ослабленіемъ вѣры въ народную религію, тогда-какъ у него еще ничего не было въ замѣнъ ея. Умъ, болѣе прозорливый, созналъ бы, что преобразованіе страны или племени тогда только можетъ быть успѣшнымъ, когда оно есть дальнѣйшее развитіе того, что̀ есть хорошаго въ прежнихъ учрежденіяхъ. Истинный преобразователь долженъ бережно собирать и хранить добрыя сѣмена прежнихъ вѣковъ и, исподволь расширяя благотворное ихъ вліяніе, дать вовремя восторжествовать имъ надъ дурными и вредными плевелами въ постановленіяхъ своего народа. Но онъ сдѣлалъ прямо тому противоположное. Схватясь съ опрометчивостью за чужое, онъ старался привить его къ системѣ, совершенно противоположной по своему характеру и обычаямъ западному міру. Предразсудки народа вопіяли противъ непристойнаго въ его глазахъ Франкскаго костюма; но Махмудъ не обращалъ вниманія на эти предубѣжденія. Вопреки ненависти османовъ къ живописнымъ ликамъ, онъ торжественно представилъ своимъ войскамъ портретъ свой и велѣлъ воздавать ему царскія почести. Многіе изъ его предшественниковъ раздѣляли съ нимъ склонность къ вину; но никто изъ нихъ не предавался ей съ такимъ пренебреженіемъ общаго мнѣнія.

За всѣмъ тѣмъ, исламизмъ продолжалъ быть вѣрою государства, и султанъ даже призвалъ его на помощь, когда, развернувъ знамя Магомета, вызвалъ всѣхъ Магометанъ итти подъ его сѣнью противъ возмутившихся янычаръ. Но жизнь и энергія системы, нѣкогда воодушевлявшей сыновъ Азіи, уже давно ослабѣли.

Учрежденіе низамъ-джедида или новаго регулярнаго войска довершило упадокъ духа. Это было явнымъ провозглашеніемъ, что тактика и военная система Европы превосходнѣе мужества, внушаемаго словами Магомета, и безпрестанное употребленіе христіанъ въ самыхъ высшихъ и наиболѣе отвѣтственныхъ мѣстахъ государственныхъ было въ прямомъ противорѣчіи съ преданіями вѣковъ, присвоивавшими военное званіе однимъ лишь мослемамъ.

Такъ, къ исходу Махмудова царствованія въ дѣлахъ Турціи воспослѣдовала совершенная перемѣна. Вмѣсто дорогаго развѣвавшагося одѣянія прежнихъ временъ, паши и губернаторы стали появляться въ европейскихъ мундирахъ; картины украшали жилища Турокъ; въ госпиталяхъ, къ ужасу улемовъ, введено было разсѣченіе труповъ, и, для бо́льшаго распространенія новыхъ реформъ, учреждены были газеты.

Вѣсти о преобразованіяхъ въ Турціи привлекли изъ разныхъ частей Европы большое число искателей приключеній, для содѣйствія новымъ начинаніямъ. Лица, изгнанныя изъ своего отечества, или тѣ, кому нечего было терять, разсчитывая на вѣрный выигрышъ отъ невѣжества османовъ, толпами устремились въ Турцію; весь дрязгъ Европы излился на несчастныхъ и на-время успѣвалъ посмѣяваться надъ ихъ легковѣріемъ.

Во всѣхъ частяхъ Турціи распространились лжеврачи, которыхъ мнимое искусство истребляло очень много людей. — Отставные сержанты, судостроители, всякій, кто только считалъ себя способнымъ услужить новопробудившейся ревности къ реформамъ, устремился въ турецкія владѣнія. Отъ этихъ пришельцевъ, естественно, нельзя было ожидать строгости нравовъ и обычаевъ. Иные обратились къ исламу для того, чтобы пользоваться привилегіею многоженства, другіе сохранили имя христіанъ, навлекая на него презрѣніе своими пороками. Неумѣренность и развратъ шли по слѣдамъ этихъ европейскихъ преобразователей, и поведеніе ихъ сдѣлалось до того предосудительнымъ, что сами Турки съ ужасомъ гнушались сообщества этихъ образцовъ просвѣщенія. Замѣчено было, что въ той мѣрѣ,

какъ городъ населялся иностранцами, онъ преуспѣвалъ въ нравственной порчѣ, и османлы стариннаго покроя съ торжествомъ указывали на этотъ фактъ, какъ на явное свидѣтельство дурныхъ плодовъ образованности невѣрныхъ.

«Молодые паши и сыновья почетнѣйшихъ турецкихъ семействъ, раздѣлявшіе празднества Махмуда, оказывали преобразовательнымъ его планамъ полное свое содѣйствіе. Изученіе французскаго, итальянскаго и даже англійскаго языковъ сдѣлалось моднымъ, и члены юной Турціи съ жадностью вбирали въ себя утонченность изъ газетъ и романовъ Европы. Тонкая завѣса религіи была постепенно устраняема, и, между-тѣмъ, какъ Турки старинной школы въ-точности наблюдали урочные часы молитвъ, даже посреди многолюднѣйшей толпы, молодые преобразованные османлы уклонялись отъ взоровъ народа, какъ бы стыдясь показать, что они сколько-нибудь исполняютъ долгъ благочестія.

«За пренебреженіемъ внѣшнихъ обрядовъ вѣры слѣдовало неповиновеніе къ нравственнымъ ея обязанностямъ, и превратность новой школы далеко превзошла собою болѣе умѣренное развращеніе прежнихъ временъ. Господствующее растлѣніе нравовъ породило жестокость и равнодушіе къ чувствованіямъ ближняго, и говорятъ, что несчастныя жертвы рынка невольниковъ ничего не страшатся столько, какъ попасть въ руки франковъ, или одного изъ преобразованныхъ Турокъ.

«Искони свойственное судилищамъ Востока взяточничество до того усилилось, что нынѣ едва ли случается дѣло передъ кадіемъ, гдѣ не взималась бы дань съ челобитчика и обвиненнаго, безъ разбора, за оказаніе правосудія! Путешественникъ по Азіатской Турціи пораженъ множествомъ раззоренныхъ деревень, которыя онъ встрѣчаетъ повсюду. Даже большіе города приходятъ въ упадокъ. Діарбекиръ, Низибисъ и Мосулъ были за четыре столѣтія цвѣтущими городами; нынѣ въ двухъ изъ нихъ мало найдется домовъ, которые не были бы въ болѣе или менѣе разрушенномъ состояніи, а древній Низибисъ, который Абульфеда описываетъ пространнымъ, многолюднымъ городомъ, вовсе исчезъ съ лица земли.

А за всѣмъ тѣмъ, на мѣсто прежнихъ цвѣтущихъ весей, нигдѣ не возникаетъ новыхъ.

«Оттоманскія владѣнія обитаемы разноплеменными народами, которые, бывъ отдѣлены одинъ отъ другаго предразсудками, всѣ соглашаются между собою въ общей ненависти къ османамъ.

«Курды и Арабы, хотя искренніе приверженцы ислама, питаютъ больше отвращенія къ Туркамъ, чѣмъ къ христіанамъ. Послѣдніе только нуждаются въ союзѣ, чтобы сдѣлаться страшными противниками турецкаго господства. Такимъ-образомъ, одна лишь непріязнь между разнородными стихіями оттоманскаго населенія препятствуетъ имъ соединиться противъ общаго врага. Но та же самая причина служитъ также непреоборимымъ препятствіемъ въ дѣлѣ преобразованія.

Надобно, впрочемъ, отдать справедливость, что, не-смотря на всѣ угнетенія, тиранство и невѣжество оттоманскихъ властей, Турокъ, какъ отдѣльное лицо, далекъ отъ участія въ порокахъ своихъ повелителей; онъ отъ природы ни жестокъ, ни алченъ, любитъ своихъ дѣтей и отнюдь не суровъ въ обращеніи съ своими женами. Если обычай его страны, невѣжество и дѣтскость восточныхъ женщинъ, не дозволяетъ ему обходиться съ ними по-европейски, то по крайней мѣрѣ онѣ рѣдко бываютъ жертвами звѣрства. Хотя и случаются примѣры безчеловѣчія, но они болѣе исходятъ отъ пашей и лицъ, облеченныхъ властью, въ жилахъ которыхъ рѣдко обращается чисто - оттоманская кровь. Они по бо́льшей части или сыны, или потомки рабовъ, или искателей приключеній съ Кавказа, перешедшіе къ исламу.

«Истый Турокъ ненавидитъ трудъ и тягости, сопряженныя съ властью: онъ любитъ проводить свои дни въ созерцаніи, возсѣдая на коврѣ и вдыхая въ себя дымъ своего чубука. Его нельзя укорить въ кровожадности, исключая, когда онъ сильно возбужденъ; но тогда онъ уже становится тигромъ. Онъ благотворителенъ даже до излишка, строгій блюститель предписаній своей вѣры и простодушенъ, какъ ребенокъ.»

Изъ другихъ посѣтителей Ниневіи и прилежащихъ къ ней странъ назовемъ британскаго флота лейтенанта Вальполя, издавшаго свои наблюденія въ двухъ сочиненіяхъ:

The Ansayrii. With Travels in the further East, including a Visit to Niniveh. By Lieut. the Hon. Frederic Walpole. R. N. London. 1851. 3 vols. (8) 66 листовъ, съ иллюстраціями.

Narrative of Travels in the East in 1850—51. By Lieut. the Hon. F. Walpole. R. N. London. 1851. Richard Bentley 2 vols. (8)

Въ обзорѣ съ 1838 по 1848 годъ, говорено было объ экспедиціи британской службы подполковника Чесни для изслѣдованія рѣкъ Евфрата и Тигра и для рѣшенія вопроса: не можно ли будетъ воспользоваться первою изъ нихъ къ сокращенію пути изъ Англіи въ Остъ-Индію? Въ-послѣдствіи проектъ этотъ былъ оставленъ, потому-что плаваніе пароходами по Чермному морю оказалось предпочтительнѣе. Здѣсь слѣдуетъ упомянуть, что, спустя лѣтъ около 13-ти по совершеніи этой экспедиціи, начальникъ ея издалъ отчетъ о ней подъ заглавіемъ:

The Expedition for the Survey of the River Euphrates and Tigris, carried on by Order of the British Government in the Years 1835, 1836, 1837; preceeded by geographical and historical Notices of the Regions situaded between the Rivers Nile and Indus, By Lieut.-Col. Chesney, Commander of the Expedition. Vol. I. II. London, Longmann and Co. 1850. 101½ листа, съ 40 гравюрами, съ многими политипажами, въ б. 8., и съ особымъ атласомъ изъ 13 картъ ин-фоліо.

Сочиненіе это есть важнѣйшее для гидрографіи западной Азіи, а именно четырехъ главныхъ ея рѣкъ: Галиса, Аракса, Тигра и Евфрата, которыя всѣ, проистекая на огромномъ плоскогорьѣ, идущемъ отъ Арарата къ Малой Азіи, изливаются въ Черное, Каспійское и Персидское моря. Особенно пояснено значеніе бассейна рѣки Евфрата, который раздѣляетъ западную Азію на двѣ почти равныя части: съ одной стороны лежитъ Малая Азія, Сирія, Аравія, а съ другой—Иранъ. Кромѣ того, авторъ касается также рѣки Инда. Обильныя географическія и этнографическія свѣдѣнія объ орошаемыхъ сказанными рѣками странахъ, многочисленныя данныя о торговлѣ между Европою и Азіею, любопытныя замѣтки о предметахъ

археологіи и исторіи, о литературѣ и зодчествѣ въ Персіи, Сиріи и Аравіи и, наконецъ, превосходныя приложенныя къ книгѣ карты придаютъ сочиненію г. Чесни высокое значеніе. Къ двумъ изданнымъ въ 1850 году томамъ авторъ обѣщаетъ присовокупить еще два, которые, вѣроятно, теперь уже изданы въ свѣтъ.

Переходя къ Персіи, мы должны прежде всего упомянуть о выходѣ въ свѣтъ описанія путешествія г. профессора Казанскаго Университета И. Н. Березина. Путешествіе это, какъ уже извѣстно читателю, кромѣ Персіи обнимало также Турцію, Сирію и Египетъ. Понынѣ вышедшіе томы его описанія носятъ заглавіе:

Путешествіе по Дагестану и Закавказью. Казань. Университетская типографія. 1849. 339 и 149 стр. въ 8 долю листа, съ рисунками и планами.

Путешествіе по сѣверной Персіи. Казань. 1852 г. Съ портретомъ покойнаго персидскаго шаха, большимъ планомъ Тегерана и другими планами и рисунками. Казань. 1852 г. Въ типографіи Губернскаго Правленія и Университетской. VIII и 347 стр. б. 8.

Знаніе языка страны во многомъ облегчило нашему ученому оріенталисту ближайшее знакомство съ нравами и обычаями ея жителей, и въ этомъ отношеніи книга г. Березина иногда являетъ нѣкотораго рода драматическій интересъ. Не представляя полной характеристики народа, авторъ, однако же, набросалъ нѣсколько чертъ, изъ которыхъ можно составить себѣ понятіе о характерѣ нынѣшнихъ Персіянъ. Онъ отдаетъ справедливость природнымъ ихъ дарованіямъ, изъ которыхъ главною считаетъ остроуміе, приписываетъ имъ также, въ нѣкоторомъ по-крайней-мѣрѣ отношеніи, изобрѣтательность и находчивость, но замѣчаетъ, что способности эти глохнутъ отъ недостатка въ образованіи и религіознаго фанатизма. Единственное поприще, на которомъ Иранецъ можетъ развивать умственныя свои силы, это — торговля; но и тутъ онъ не возвышается до сложныхъ операцій. Впрочемъ, онъ въ этой сферѣ предпріимчивѣе Турокъ и, ради торговыхъ выгодъ, нерѣдко поселяется въ Турціи, Египтѣ, Индіи и Россіи.

Изъ душевныхъ качествъ Персіянинъ славится на всемъ Востокѣ своею ласковостью, вѣжливостью, обходительностью

и особеннымъ тактомъ въ обращеніи съ людьми; нигдѣ, можетъ-быть, правила этикета не соблюдаются съ такою строгостію и нѣтъ такихъ оттѣнковъ въ обхожденіи съ гостями, чему не мало содѣйствуетъ выработанный въ этой сферѣ до утонченности языкъ. Добродушіе Персіянъ является въ ласковости ихъ къ служителямъ и снисходительности къ низшимъ. Добродѣтели, которыми нѣкогда, по свидѣтельству древнихъ историковъ (особенно Геродота), такъ славились Персы — правдолюбіе и простота нравовъ — потрясены и, по-видимому, уступили мѣсто свое противоположнымъ качествамъ.

За-всѣмъ-тѣмъ авторъ не отчаявается, подобно многимъ другимъ путешественникамъ, въ будущности Персіянъ, какъ народа; въ этомъ ему ручаются природныя ихъ дарованія и нѣкоторыя благія начала.

Судя по важности и занимательности этихъ двухъ первыхъ томовъ, можно навѣрно предсказать, что и прочія части, предназначаемыя описанію Оттоманской имперіи, будутъ не менѣе богаты свѣдѣніями, любопытными не только для образованнаго читателя вообще, но и въ-особенности для географа и этнографа. (*)

Болѣе ограниченную цѣль, и именно собраніе статистическихъ свѣдѣній о Персіи, имѣлъ г. подполковникъ И. Ф. Бларамбергъ, во время своего тамъ пребыванія съ 1837 по 1840 годъ. Свѣдѣнія эти, относящіяся, между-прочимъ, главнѣйше къ торговлѣ, недавно изданы Географическомъ Обществомъ въ VII томѣ его «Записокъ».

Не умолчимъ здѣсь объ описаніи путешествія по Персіи еще другаго нашего соотечественника, князя А. Д. Салтыкова:

Voyage en Perse par le prince Alexis Saltykoff. Paris. 1850.

Безъ всякихъ притязаній на ученость, она имѣетъ свою цѣну, какъ вѣрный и добросовѣстный разсказъ путешественника умнаго и свободнаго отъ всякихъ предубѣжденій о предметахъ и событіяхъ, которые онъ видѣлъ собственными своими глазами. Интересъ этого сочиненія еще возвышается ря-

---

(*) Лингвистическія изслѣдованія г. Березина, составлявшія главную цѣль его путешествія, имѣютъ быть изданы особо.

домъ вѣрныхъ изображеній быта посѣщенныхъ путешественникомъ мѣстностей.

О Гиляни, одной изъ самыхъ плодородныхъ, но вмѣстѣ и самыхъ нездоровыхъ областей Персіи, на югъ отъ Каспійскаго моря, доселѣ еще недостаточно описанной прежними ея посѣтителями Гмелиномъ, Ганвеемъ, Жоберомъ (Jaubert), Трезелемъ (Trezel), Фрезеромъ и Абботомъ, мы получили нѣсколько свѣдѣній чрезъ одного изъ нашихъ же единоземцевъ. А. Ходзько, жившій, въ качествѣ русскаго консула, нѣсколько лѣтъ въ главномъ городѣ этой области,囗ештѣ, и болѣе благопріятствуемый обстоятельствами, нежели его предшественники, собралъ объ этомъ краѣ нѣсколько географическихъ и историческихъ свѣдѣній, не лишенныхъ занимательности. (*)

О главномъ городѣ Гиляни онъ сообщаетъ слѣдующее.囗ештъ въ началѣ Софійской династіи былъ лишь незначительнымъ мѣстечкомъ. Выгодное его для торговли центральное положеніе не ускользнуло отъ прозорливости шаха Аббаса, который сдѣлалъ его главнымъ городомъ Гиляни. И въ-самомъ-дѣлѣ, на берегахъ Каспія не многія мѣста представляютъ столько удобства для торговли, какъ городъ囗ештъ. Онъ лежитъ въ одинаковомъ разстояніи съ одной стороны отъ предѣловъ Россіи, а съ другой — отъ Мазандерана (**); только шесть караванныхъ переходовъ отдѣляютъ его отъ Казвина (Cazvin), главной складки товаровъ Персіи, а разстояніе не болѣе $1^1/_2$ часовъ отъ Пиребизара, который открываетъ ему путь сообщенія водою съ Энзелійскою бухтою (la baie d'Enzèli), а слѣдовательно, и со всѣми портами Каспійскаго моря. Решть удержался на той степени, на которую возведенъ былъ Аббасомъ, и даже сдѣлалъ съ тѣхъ поръ нѣсколько успѣховъ. Хотя онъ, въ-слѣдствіе свирѣпствовавшей въ 1831 и 1832 годахъ чумы, лишился до $^1/_2$ своего народонаселенія, однако, еще считаетъ около 6,000 домовъ (***), дворецъ, 6 базаровъ, много медресъ и съ десятокъ мечетей. Всѣ улицы вымо-

(*) Они помѣщены въ Nouvelles Annales des Voyages 1849 года, часть 4-я, стр. 257—272.

(**) Мазандеранъ, можетъ-быть, вторая по плодородію провинція Персіи.

(***) По показанію Абботта, въ немъ было 1840 г. отъ 15 до 16,000 ж.

*

щены. Во время *ногана*, т.-е. собиранія шелковичныхъ червей, которое начинается въ исходѣ іюля, базары города представляютъ весьма оживленный видъ. Поселяне приходятъ туда сбывать избытокъ свой жатвы, платить подати, выдавать замужъ своихъ дочерей и т. д. Персидскіе, русскіе, армянскіе и греческіе спекуляторы и торговцы стекаются со всѣхъ сторонъ и въ городѣ господствуетъ большое движеніе, — зрѣлище, весьма рѣдкое въ городахъ Востока. Всѣ сдѣлки улаживаются тогда, смотря по возвышенію или пониженію цѣны на шелкъ. Ни палящій зной въ дневное время, ни туманы и мошки ночью не останавливаютъ хлопочущаго торговца. Но одно изъ величайшихъ неудобствъ города—это недостатокъ хорошей воды для питья. Какъ городъ лежитъ на слишкомъ большомъ возвышеніи сравнительно съ русломъ двухъ рѣкъ Гугер-руда и Сіахрудбара, опоясывающихъ его съ востока и запада, то жители вынуждены прибѣгать къ водѣ колодцевъ, которую лѣтомъ лучи солнца разогрѣваютъ и наполняютъ насѣкомыми. Съѣстные припасы въ изобиліи и довольно дешевы. Шелкъ рештскій, относительно къ красотѣ и добротѣ, только уступаетъ шелкамъ Тумека и Лахиджана.

Къ новѣйшимъ посѣщеніямъ Персіи принадлежитъ двукратное туда путешествіе уже извѣстнаго пребываніемъ своимъ въ Бухарѣ и описаніемъ этого ханства, Члена Географическаго Общества Н. В. Ханыкова. Первое изъ нихъ было направлено въ сѣверо-западную часть Персіи. Отбывъ изъ Тифлиса съ началомъ весны, 24 апрѣля 1848 года, путешественникъ посѣтилъ Тавризъ, а оттуда, черезъ Сеид-Абадскій челинъ (лугъ) и Гядуи-Чиплипъ, проѣхалъ къ соляному озеру Куру-Гюлю, потомъ каменистою тѣсниною поднялся на Гядуи-Кямбоханъ, звено, связывающее между собою хребты Савалана, Бузгуша и Сяхенда, и, чрезъ Серабъ и Ниръ, достигъ Ардебиля. Оттуда перешелъ онъ въ предѣлы Персидскаго Талыша, гдѣ измѣрилъ высоту нѣкоторыхъ изъ тамошнихъ горъ, между-прочимъ, Деманскій ледникъ въ 7,206 футовъ, а засимъ, чрезъ Русскій Талышъ, возвратился въ Тифлисъ. Объ этомъ путешествіи нѣкоторыя любопытныя подробности помѣщены въ «Вѣстникѣ» Географическаго Общества за 1849 годъ, выпускъ 6, стр. 229—238. Между-прочимъ, для географіи важно

объясненіе климата Тавриза, слывущаго однимъ изъ самыхъ здоровыхъ въ Персіи. Вторая поѣздка привела г. Ханыкова въ самыя дикія, но издревле знаменитыя благорастворенностью воздуха, обиліемъ почвы и красотою жителей страны Персидскаго Курдистана и древней Мидіи. (*) Оставивъ Тифлисъ, 17 марта 1852 года, путешественникъ взялъ направленіе въ Ордубадъ, который онъ называетъ райскимъ уголкомъ Закавказья, осмотрѣлъ развалины старой Джульфы и Гиляни близъ деревни Нижніе Азы и прибылъ, 8 мая, въ Тавризъ. Проведя здѣсь 18 дней, г. Ханыковъ, черезъ знаменитую въ-старину твердыню Гугерчинькале, перенесся въ Урмію, гдѣ встрѣтилъ американскихъ миссіонеровъ, занятыхъ распространеніемъ между несторіанами просвѣщенія (**), а оттуда вступилъ въ предѣлы Курдистана и, чрезъ Умну, Сулдузъ, славящійся плодородіемъ и воздѣланностью своей долины, и Суукъ-Булакъ, проѣхалъ въ Лахиджанъ. Между этими двумя мѣстечками путешественникъ коснулся водораздѣла рѣкъ, спускающихся въ Тигръ и Ефратъ, и рѣчекъ, впадающихъ въ Урмійское озеро. 27 іюня всходилъ онъ на вершину горы Хуринджъ. Проѣхавъ потомъ въ Пасову, главное мѣсто Лахиджана, г. Ханыковъ воротился въ Суукъ-Булакъ и отсюда, еще никѣмъ не посѣщенною дорогою чрезъ Саккызъ, перешелъ въ Синну, городъ еще не такъ давно основанный, но уже успѣвшій прійти въ упадокъ. Изъ Синны, миновавъ перевалъ Салаватъ, слѣдовалъ онъ по высокой плоской возвышенности до деревни Акъ-Булака, гдѣ увидѣлъ передъ собою остроконечную вершину Альвенда. 18 іюля Н. В. Ханыковъ прибылъ въ Хамаданъ, древнюю столицу Мидіи, Экбатану, которая, вѣроятно, также засыпана землею, какъ и столицы древней Ассиріи и Вавилоніи. (***) Отсюда предпринятъ былъ

(*) См. Страбона XI. 795—798, и Полибія V. 44.

(**) Они уже завели тамъ 74 школы и печатаютъ даже газету на сирійскомъ языкѣ.

(***) По показанію Морьера, Хамаданъ выстроенъ на нѣсколькихъ холмахъ. Г. Ханыковъ нашелъ ихъ только два. Стоило бы труда сдѣлать въ нихъ раскопки. Экбатана, по сказаніямъ Геродота, Полибія и др., славилась богатыми храмами и дворцами, а въ послѣдующія времена была любимымъ лѣтнимъ пребываніемъ царей персидскихъ и пароян-

обратный путь. Будемъ надѣяться, что ученый авторъ описанія Бухарскаго ханства найдетъ столько досуга, чтобы сообщить намъ и объ этихъ любопытныхъ частяхъ Азіи болѣе подробныя свои замѣтки и наблюденія. (Короткій отчетъ объ этомъ второмъ путешествіи г. Ханыкова въ Персію можно найти въ «Вѣстникѣ» за 1852 годъ, книжка V.)

Изъ числа новѣйшихъ иностранныхъ путешествій въ Персію самое значительное есть, безъ-сомнѣнія, извѣстнаго уже читателямъ нашимъ германскаго естествоиспытателя Морица Вагнера. Описаніе его недавно вышло изъ печати подъ заглавіемъ:

Wagner, Moritz. Reise nach Persien und dem Lande der Kurden. Leipzig Arnold. 1852. Въ 2 томахъ: первый VIII и 360 стр., а второй IV и 360 стр. б. 8. Къ сожалѣнію, мы не имѣли случая пользоваться этимъ сочиненіемъ, которое, между-прочимъ. въ особомъ приложеніи ко 2-му тому, сообщаетъ также свѣдѣнія объ этнографіи и естественной исторіи Западной Азіи.

Въ прежнемъ обзорѣ упомянуто было о путешествіи въ Персію двухъ французскихъ художниковъ: живописца Фландена и архитектора Коста, для изученія древнихъ памятниковъ этой страны. Недавно, по прошествіи 10 лѣтъ, вышелъ въ свѣтъ первый томъ описанія этого вояжа:

Voyage en Perse de E. Flandin, peintre, et P. Coste, architecte, attachés à l'ambassade de France en Perse pendant les années 1840 et 1841. Paris. 1851. 8.

Все сочиненіе будутъ заключать въ себѣ два тома текста съ картою; а сверхъ-того особую и весьма драгоцѣнную къ нему придачу составятъ снятые сказанными двумя художниками живописные виды страны, числомъ 100, и изображенія уцѣлѣвшихъ и вновь открытыхъ памятниковъ древне-персидскаго зодчества и ваянія, а равно снимки съ клинообразныхъ

скихъ, да и нынѣ Хамаданъ слыветъ раемъ Персіи и былъ, по этой причинѣ, воспѣваемъ персидскими стихотворцами. Во-всякомъ-случаѣ, удивительно, что отъ этой древней столицы не осталось никакихъ развалинъ.

надписей, съ топографическими планами и пояснительнымъ текстомъ, всего около 4 томовъ ин-фоліо.

Нельзя сомнѣваться, что эти изслѣдованія, вмѣстѣ съ открытіями Ботты и Лейярда въ Ниневіи и съ разгадкою клинообразныхъ письменъ Гротефенда, Ролинсона, Гинкса и другихъ, прольютъ новые неожиданные лучи свѣта на одинъ изъ важнѣйшихъ періодовъ древней исторіи.

Бухара, древняя цвѣтущая Согдіана, благодаря въ-особенности русскимъ путешественникамъ, становится намъ все болѣе и болѣе знакомою. Извѣстно, что сопутникъ г. академика Бэра, на Новую Землю, Александръ Леманнъ, въ 1841 году сопровождалъ отправленную русскимъ правительствомъ, по просьбѣ хана бухарскаго, золотоискательную экспедицію въ Бухару. Миссія пробыла въ предѣлахъ Ханства съ августа 1841 до весны 1842 года, и Леманнъ имѣлъ случай ознакомиться не только съ самою столицею, но и съ нѣкоторыми другими мѣстностями, между-прочимъ, съ нѣкогда столь знаменитымъ, богатымъ и многолюднымъ Самаркандомъ (*), съ прекрасною, еще не описанною до него Европейцами горною страною, омываемою верховьями Заревмана (до рѣки Фона). Къ сожалѣнію, ревностный естествоиспытатель не могъ самъ довести до надлежащей зрѣлости собранные имъ въ это путешествіе обильные плоды: онъ скончался, какъ извѣстно, на обратномъ пути. Обязанность эту приняла на себя Академія Наукъ, для которой покойный собиралъ свои коллекціи, и одинъ изъ ея членовъ, г. фонъ-Гельмерсенъ, изъ посмертныхъ записокъ Леманна составилъ, подъ заглавіемъ:

Alexander Lehmann's Reise nach Buchara und Samarkand in den Jahren 1841 und 1842. St.-Petersburg. 1852. 342 стр. въ 8. Съ 5 литогр. чертежами и картою, —

сколько можно отчетливое донесеніе о его путешествіи, пребываніи въ Бухарѣ и Самаркандѣ и сдѣланныхъ имъ наблюденіяхъ относительно климата, произведеній, состоянія

(*) Монгольскіе завоеватели опустошили этотъ городъ подобно многимъ другимъ. Съ тѣхъ поръ онъ снова поднялся при Тимурѣ, но уже въ первые вѣки по его смерти снова пришелъ въ упадокъ. De Guignes III. 55—59 и IV 1—71.

просвѣщенія, промышленности, нравовъ и обычаевъ страны. (Донесеніе это составляетъ 17-й томъ богатаго свѣдѣніями о Россіи и прилежащихъ къ ней странахъ Азіи сборника Академіи Наукъ: Beiträge zur Kenntniss des Russichen Reiches и проч.)

Но г. фонъ-Гельмерсенъ имѣлъ предъ собою, какъ видно, только черновыя записки, вездѣ требовавшія довершительной руки самого автора, а поэтому оставляющія желать еще многаго. Всего скуднѣе замѣтки о человѣкѣ въ Бухаріи: онѣ ограничиваются только нѣкоторыми очерками о состояніи тамъ просвѣщенія и нищенства и описаніемъ нѣсколькихъ обрядовъ. Между-прочимъ, мы можемъ догадаться изъ этихъ замѣтокъ, что и въ Бухарѣ, нѣкогда слывшей, по-крайней-мѣрѣ, по увѣренію жителей, средоточіемъ магометанской учености, или, собственно, богословія и славившейся многочисленностью своихъ медресъ (высшихъ школъ), образованіе съ нѣкотораго времени, также находится въ упадкѣ, какъ и на всемъ Востокѣ; хотя число школъ еще значительно (*), но запросъ на ученыя рукописи прежняго времени становится все рѣже и рѣже.

Ботаническая жатва покойнаго Леманна въ эту экспедицію обработана дерптскимъ профессоромъ г. Бунге, въ сочиненіи:

Alexandri Lehmanni reliquiae botanicae seu enumeratio plantarum in itinere per deserta Asiae mediae ab Al. Lehmann annis 1839—1842 collectorum, Scripsit Al. Bunge et. Dorpati. 1847,—

гдѣ указаны, между-прочимъ, разные новые роды и виды, въ-особенности свойственные степямъ Средней Азіи, которыми Леманнъ обогатилъ ботанику; сверхъ-того, сообщаются любопытныя свѣдѣнія также о распространеніи разныхъ европейскихъ растеній.

И съ Коканскимъ ханствомъ, этою гористою страною къ югу отъ внѣшнихъ сибирскихъ округовъ, спускающеюся раз-

---

(*) Число медресъ въ самой Бухарѣ Леманнъ полагаетъ до 110, а во всемъ Ханствѣ г. Ханыковъ — отъ 180 до 200, съ 15,000 до 16,000 учащихся, а сверхъ того отъ 1,800 до 2,000 первоначальныхъ школъ, съ 150,000 до 160,000 учащихся Итакъ, изъ населенія около 2 или $2^1/_2$ милліоновъ, число грамотныхъ составляетъ почти $^1/_8$ долю.

ными уступами отъ снѣжныхъ вершинъ Ала-Тау и Белуръ-Тага (*) до равнинъ Бухаріи и орошаемою верховьями Сыръ-Дарьи, мы можемъ надѣяться свести ближайшее знакомство съ тѣхъ поръ, какъ туда недавно проникло побѣдоносное оружіе русское.

Между-тѣмъ, довольно полный очеркъ этого малоизвѣстнаго края можно прочесть въ «Запискахъ» Русскаго Географическаго Общества, книжка III за 1849 г., стр. 176—216, подъ заглавіемъ: «Обозрѣніе Коканскаго ханства въ нынѣшнемъ его состояніи». Изъ этой статьи узнаемъ, между-прочимъ, слѣдующія любопытныя данныя:

Рѣка Сыръ-Дарья, совершающая бо́льшую часть своего теченія въ Коканіи, по словамъ туземцевъ, становится судоходною для небольшихъ лодокъ отъ самаго мѣста сліянія рѣчекъ Нарына и Гульшана, изъ которыхъ она собственно образуется. Нѣсколько пониже рѣка уже въ 200 саженъ шириною и далѣе постоянно увеличивается до 400 саженъ и, какъ утверждаютъ, не перестаетъ быть судоходною до самаго Аральскаго моря. Берега рѣки повсюду песчаны и безплодны, а потому важнѣйшіе города Коканіи лежатъ отъ нея въ нѣкоторомъ удаленіи; но, за-всѣмъ-тѣмъ, орошая посредствомъ проведенныхъ каналовъ, пахотныя поля, безъ того вовсе неспособныя къ обработкѣ, рѣка эта приноситъ странѣ чрезвычайную пользу.

Климатъ въ Коканіи, по гористому ея свойству, весьма разнообразенъ, но вообще здоровъ. Страна изобилуетъ минералами, которые, однако, по бо́льшей части остаются сокрытыми въ нѣдрахъ земли. Въ верховьяхъ Сыръ-Дарьи и втекающихъ въ нее рѣчекъ попадается золото самородками; въ горахъ Ала-Тау, въ двухъ дняхъ отъ города Намангака и нѣсколько далѣе, имѣются пріиски серебряной руды. Добываются также мѣдь и желѣзо,—послѣднее въ горахъ около Ходжанта и близъ Ташкента,—а равно и свинецъ. Кромѣ-того находятъ прекрасную бирюзу близъ города Исфары, въ иныхъ мѣстахъ

(*) Хребетъ этотъ, одинъ изъ высочайшихъ въ свѣтѣ, доходящій, какъ полагаютъ, до 20,000 футовъ высоты надъ моремъ, еще не былъ изслѣдованъ ни однимъ Европейцемъ.

лазурикъ и хорошій сердоликъ. Наконецъ, сѣра, селитра и соль въ изобиліи. Растительное царство богато плодовыми и, сверхъ-того, тутовыми деревьями и хлопчатникомъ. Всѣ почти роды хлѣба родятся изобильно. Главныя отрасли промышленности — шелководство и воздѣлываніе хлопчатой бумаги. Изъ царства животнаго водятся двугорбые верблюды, очень хорошая порода лошадей, тучные бараны, и козы, дающія хорошую шерсть и пухъ, изъ котораго дѣлаются очень цѣнныя шали.

Населеніе Коканіи первоначально состояло изъ Таджековъ, или Персовъ, къ которымъ въ-послѣдствіи присоединились разныя тюркскія племена, вторгшіяся въ ея предѣлы: Узбеки, Каракалпаки, Хазаки, или Киргизы, и Буруты. Все число жителей можно оцѣнить отъ $1^1/_2$ до 2 милліоновъ. Образъ управленія феодальный. Нынѣшній владѣтель, Мухаммедъ-Гали-ханъ, царствуетъ съ 1822 года. Войско коканское состоитъ изъ одной лишь конницы. Господствующій языкъ есть Тюрки, такъ-называемый джагатайскій, или восточно-турецкій; но Таджеки говорятъ древне-персидскимъ языкомъ. Въ городѣ Коканѣ есть школа, или медресе, считающая до 1,000 учащихся. Но для дальнѣйшаго усовершенствованія своего Коканцы отправляются въ Бухару и Самаркандъ. Весь доходъ хана коканскаго можно оцѣнить около 29,000,000 рублей ассиг.

Въ той же (III) книжкѣ «Записокъ» Русскаго Географическаго Общества помѣщена статья члена его Пл. А. Чихачева объ изслѣдованіи вершинъ Сыръ и Аму-Дарьи съ нагорной площади Памира,— страны, заслуживающей особеннаго замѣчанія, какъ наивысшей изъ всего большаго Татарскаго плоскогорья. Эта нагорная площадь, въ 15,600 футовъ вышиною, служа водораздѣломъ западной и восточной частей Средней Азіи, даетъ начало огромнымъ рѣкамъ и составляетъ собою средоточіе, откуда исходятъ главные горные хребты Средней Азіи. Эта, важная въ географическомъ отношеніи, страна, почти вовсе неизвѣстная, еще ожидаетъ къ себѣ любознательныхъ изыскателей, и главною цѣлью статьи г. Чихачева — подстрекнуть своихъ соотечественниковъ къ ея изслѣдованію.

Одна изъ любопытнѣйшихъ частей Азіи — безъ-сомнѣ-

нія, Тибетъ. Расположенный на тѣмени высочайшаго плоскогорья и опоясанный громаднѣйшими горными хребтами въ свѣтѣ, а вмѣстѣ-съ-тѣмъ обладая огромными рѣками и озерами, покрытый степями, отчасти отрывками большой степи Коби, и вообще безплодный, но не лишенный и плодородныхъ оазисовъ, пользуясь самымъ яснымъ, безоблачнымъ небомъ, но, притомъ, весьма суровымъ климатомъ, бѣдный важнѣйшими потребностями жизни, но богатый другими драгоцѣннѣйшими произведеніями природы, онъ можетъ почесться страною чудесъ и противоположностей, и, благодаря этой дивно-могучей своей природѣ, гдѣ все носитъ отпечатокъ величія и гдѣ встрѣчается столько крайностей, онъ, составляя собою какъ бы горный островъ, отвсюду окруженный, словно моремъ, многолюднѣйшими странами: Китаемъ, Индостаномъ и магометанскими владѣніями Западной Азіи, при всей своей собственной скудной населенности, умѣлъ сохранить какой-то особенный, ему одному свойственный характеръ.

Сами жители необыкновеннымъ своимъ образомъ жизни не мало содѣйствовали къ возвышенію значенія Тибета. Это — какъ бы колыбель шаманизма, на которую съ благоговѣніемъ взираетъ и бродячій Монголецъ пустыни, и удалой наѣздникъ степей, и осѣдлый Китаецъ, и Индусъ, и куда жрецы смежныхъ степныхъ странъ собираются на поклоненіе. Облекшись въ какую-то мистическую таинственность, Тибетъ, даже болѣе Китая и Японіи, остается неприступнымъ для всякаго успѣха образованности.

Но, за-всѣмъ-тѣмъ, столь сильно обаяніе религіозной природы Тибета, что ни одинъ изъ великихъ завоевателей, сколь ни безпредѣльно и ненасытно было его властолюбіе, не могъ покорить этой страны своему владычеству. Единаго слова какого-либо ламы или намека изъ Хлассы достаточно для того, чтобы заставить трепетать и самаго гордаго изъ Монголовъ. Даже ханы, повелѣвающіе десятками тысячь воиновъ, смиренно преклоняютъ главу свою во прахъ при видѣ одного изъ этихъ жрецовъ. Только Китай, съ которымъ Тибетъ, не взирая на громадныя горы, ихъ отдѣляющія, искони состоялъ въ дружной связи, лишь временно прерывав-

шейся войнами, и нынѣ сохраняетъ надъ этою страною нѣкоторый политическій перевѣсъ. (*)

На этотъ то во всѣхъ отношеніяхъ необыкновенный край, въ послѣднее пятилѣтіе, преимущественно была устремлена пытливость путешественниковъ по Азіи.

Здѣсь сначала укажемъ на усилія нѣкоторыхъ изъ христіанскихъ миссіонеровъ ближе освоиться съ Тибетомъ.

Одинъ изъ нихъ, извѣстный Гюцлафъ, во время продолжительнаго своего пребыванія въ Китаѣ, пользовался всѣми представлявшимися случаями для собиранія свѣдѣній объ этой странѣ, и донесеніе его представляетъ много новаго и любопытнаго. Прежде всего онъ даетъ нѣкоторое понятіе о границахъ Тибета и объ ихъ населеніи.

Сѣверо-восточная граница, сопричастная всѣмъ ужасамъ степи Коби, еще худо опредѣлена. Китайская пограничная линія, можетъ-быть, всего вѣрнѣе извѣстна. Миль на 80 географическихъ тянется отъ В. къ З. горный хребетъ, по ту сторону котораго, въ направленіи къ Хухунору, встрѣчается нѣсколько озеръ, солончаковъ и не менѣе 7 рѣкъ, которыя, спускаясь къ С.-В., теряются въ изсохшей почвѣ степей. Далѣе къ западу горы учащаются, направляясь на С. и на Ю. Тамъ и сямъ, послѣ дождливаго времени года, виднѣются кочевники съ ихъ стадами, пасущимися на скудной травѣ, или попадается на-встрѣчу караванъ идущихъ на поклоненіе въ

(*) Китай постоянно имѣетъ при дворѣ ханскомъ двухъ великихъ мандариновъ въ званіи кин-чай, т.-е. чрезвычайныхъ пословъ, или уполномоченныхъ. Эти лица имѣютъ назначеніе, въ опредѣленныхъ случаяхъ, приносить далай-ламѣ дары китайскаго императора и оказывать Тибету въ возникающихъ съ сосѣдами затрудненіяхъ свое содѣйствіе; но собственно цѣль этого постояннаго посольства—польстить религіознымъ вѣрованіямъ Монголовъ и сильнѣе привязать ихъ къ царствующей династіи, заставляя ихъ думать, что пекинское правительство питаетъ большое благоговѣніе къ божеству Будды-Ла. Кромѣ-того, Китай, съ помощью этихъ двухъ пословъ, легко можетъ блюсти за движеніями разныхъ сосѣдственныхъ народовъ. Эти двое китайскихъ мандариновъ и приданный имъ отрядъ войска содержатся на счетъ Пекинскаго двора и смѣняются чрезъ каждые три года новыми. См. Huc. Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine. 1850. Томъ II, стр. 267.

Хлассу путниковъ. Чѣмъ далѣе отъ Хухунора, тѣмъ пустыннѣе становится степь, пока она, наконецъ, не обращается въ одинъ безпредѣльный океанъ песковъ. Она проникаетъ на нѣсколько градусовъ въ Тибетъ до озера Тенкири (Тенгриноръ?), гдѣ горный кряжъ уже начинаетъ защищать страну отъ неистовства сѣверныхъ бурь. Ни одинъ караванъ уже болѣе не проходитъ этою страною, покинутою людьми и скотомъ и обреченною на одинокость.

Уже болѣе оживленный видъ являетъ с.-з. граница. Здѣсь почва довольно тверда для проложенія дорогъ, и мѣстами попадаются деревушки. И здѣсь, правда, еще воздымаются горные хребты, но все же видно болѣе зелени, и приближеніе къ Яркенду, Кашгару (Cashgar) и Хотену уже возвѣщается слѣдами образованной жизни.

Еще разнообразнѣе южная граница, но она обитаема дикимъ племенемъ Лаосовъ. Китайскіе писатели съ ужасомъ изображаютъ лютость ихъ нравовъ. Ни одинъ лама не смѣетъ приблизиться къ ихъ жилищамъ, и Тибетъ, не состоя съ ними почти ни въ какой связи, воздвигнулъ противъ ихъ набѣговъ твердыню (Туркепуна, Turkepoona), куда, въ случаѣ опасности, спасаются окрестные поселяне, со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Далѣе къ западу, по китайскимъ картамъ, течетъ, болѣе чѣмъ на 100 географическихъ миль, рѣка Наэтсу (Луднахтсеу, Ludnaghtseu), въ которую съ сѣвера вливается Моктсу (Moktsoo), образуя собою между этими горцами и Тибетомъ рубежъ, параллельный границѣ Ассама. Главное тамошнее горное племя, Мизми (Mismee), болѣе образованное, чѣмъ восточные горцы, состоитъ съ Тибетомъ въ нѣкоторомъ сношеніи, но не признаетъ надъ собою власти ламъ. Они производятъ нѣкотораго рода мѣновую торговлю, заимствуясь разными тибетскими и китайскими издѣліями. Тибетцы всѣмъ горнымъ племенамъ даютъ общее названіе Монъ (Mon), а Ассаму — имя Ашонгъ (Ashong).

Одно изъ посредствующихъ звеньевъ между Индостаномъ и Тибетомъ составляетъ Бутанъ (Bhootan), страна обширная, около 220 географическихъ миль длиною и около 90 шири-

ною, но вообще малолюдная. Жители ея мало разнятся, по наружному своему виду, отъ Тибетцевъ.

Къ сѣверу отъ Бутана лежитъ большая полоса безплодной гористой страны, обитаемой дикимъ племенемъ Х'локба (H'lokba), независимымъ отъ господства ламъ. Противъ ихъ нашествій построена на в. берегу Наэтсу крѣпость Тардсцонгъ (Tardszong). Граница обозначена тремя высокими горами: Чармоктаромъ, Чар-мок-чонгомъ и Тарпаломъ. Къ сѣверу и западу начинается обширное плоскогорье Тибетское.

Граница со стороны Нипала замѣчательна по своимъ озерамъ и вся населена кочевыми племенами, у которыхъ водятся значительныя стада рогатаго скота. Китайцы, снискавъ себѣ политическій перевѣсъ въ Тибетѣ, избрали Фари (Phari) главнымъ пограничнымъ мѣстомъ къ юго-востоку и ввели здѣсь строжайшую запретительную систему противъ всякаго сношенія съ иностранцами. Въ крѣпости расположенъ сильный гарнизонъ туземцевъ и нѣсколько манджурскихъ войскъ; командующій ими офицеръ отвѣчаетъ своею головою за недопущеніе чужеземцевъ.

Сиккимская граница простирается между рѣками Титсою (Teetsa) и Конке (Konke). Послѣдняя отчасти служитъ межею со стороны Нипала и въ Тибетѣ слыветъ подъ именемъ Нютсу (Newtsoo). При всей громадности горъ, съ послѣднею страною господствуютъ значительныя сношенія, и бо́льшая часть жителей признаетъ далай-ламу своимъ верховнымъ главою. На сѣверномъ берегу Нютсу, недавно основанъ китайскій военный постъ, и правительство строго блюдетъ за всякимъ движеніемъ иностранцевъ. Нютсу извивается вдоль плодоносной равнины, и *съ этой стороны доступъ въ Тибетъ довольно удобенъ.*

Часть Тибета, непосредственно прилежащая къ Британской Индіи, уже подробно описана другими; но Китайцы не имѣютъ яснаго понятія о границахъ своего сосѣда. Вдоль по этому рубежу возвышаются недоступныя вершины Чарчар-тсет-ше (Charchar-tset-she), Каэ-чаукаг-тсенъ (Kaechaou-kang-tseen), Тармоэ-чок-карпапу (Tarmoe-chok-korpapoo) и Ланг-чин-па-ки-рпу (Lang-chin-pa-kir-poo). Окрестная страна населена кочевниками. Здѣсь лежатъ прослав-

ленныя въ индѣйской миѳологіи озера Манасаровара, нынѣ Мападалая (Mapadalae), и Раванс-Градъ, нынѣ Лангка (Langka), равнымъ-образомъ источники трехъ замѣчательнѣйшихъ рѣкъ Азіи: Инда, Ганга и Дсангбо. По западной границѣ находятся значительные, защищенные крѣпкими стѣнами и сильнымъ гарнизономъ города Корнетомакъ, Ари и Тети (Teti).

Далѣе восточной части Тибета китайское вліяніе не простирается, и западный Тибетъ почти независимъ. Восточная граница Тибета еще не описана ни однимъ Европейцемъ.

Жители Сифана отъ природы безпокойное племя; но китайская политика пріучила ихъ къ покорности и трудолюбію. Едва вы ступите ногою въ тѣ владѣнія, на которыя простирается вліяніе Китая, какъ замѣчаете повсюду порядокъ, благоустройство и безопасность собственности.

Юго-восточные предѣлы со стороны Кашемира хорошо опредѣлены и описаны; но граница со стороны Индѣйскаго Кавказа менѣе извѣстна. Въ Бадакшанѣ, въ отмѣнно дикой, малоизвѣстной и едва ли посѣщенной Европейцами странѣ, перемѣшано много разныхъ племенъ. Сѣверо-западный кряжъ Гималаи образуетъ границу до 33° широты; а оттуда страна простирается миль на 140 до Пагалаке (Pahalake) и Белуртага (Belourtag). Далѣе всѣ границы неизвѣстны.

Въ-слѣдъ за тѣмъ Гюцлафъ переходитъ къ разсмотрѣнію рѣкъ Тибета, ихъ источниковъ и теченія, сообщаетъ свѣдѣнія, собранныя имъ объ источникахъ Инда, Сетледжа (Sutledge), Дсандпу (Dsandpoo), Гоанга (Hoangho) и Янг-се-кіанга (Yang se-kiang). Обращаясь потомъ къ горамъ Тибета, онъ замѣчаетъ, что иныя изъ нихъ превышаютъ громаднѣйшія вершины Гималайскаго хребта, посвящаетъ нѣсколько словъ обширнымъ озерамъ, которыми преисполненъ Тибетъ и которыя, въ соединеніи съ величавою ихъ окрестностью, предрасполагаютъ душу зрителя къ благоговѣнію; даетъ короткое, но любопытное описаніе столицы далай-ламы, Хлассы, которая своимъ характеромъ соотвѣтствуетъ оригинальности страны и заслуживаетъ замѣчанія, также какъ значительное торговое мѣсто; говоритъ и о нѣкоторыхъ окрестностяхъ Хлассы, о прекрасномъ паркѣ Дзомгео, съ его тѣнистыми кедрами и

кипарисами, посреди которыхъ течетъ быстрая рѣчка Дзангтсю — мѣстопребываніи, куда удаляется далай-лама лѣтомъ проводить свои дни въ глубокомъ размышленіи; о другой лѣтней резиденціи далай-ламы, знаменитой своею величавою окрестностью — Бграбунгъ (Bhraebung), при которомъ находится множество волхвовъ и школа съ 5,000 учащихся; Самей (Samei), съ его обширною типографіею, гдѣ увѣковѣчивается ученіе ламаизма и сотни работниковъ непрерывно заняты печатаніемъ книгъ для Тибетцевъ, Калмыковъ и Монголовъ; а вмѣстѣ съ тѣмъ находится огромный заводъ для приготовленія идоловъ, ладана (incense) и восковыхъ свѣчъ, которыя во множествѣ вывозятся изъ Тибета въ Китай.

Китайское правительство, какъ уже выше было замѣчено, съ бдительною ревностію употребляетъ всѣ мѣры, чтобы не допустить сношеній Тибета съ иностранцами, а въ-особенности съ Англичанами. Но скудость растительности въ нѣкоторыхъ областяхъ Тибета заставляетъ Китай смотрѣть сквозь пальцы на подвозъ хлѣба изъ Кашмира и Пенджаба. Въ замѣнъ того, Тибетъ преизобилуетъ разнаго рода минералами и, между-прочимъ, также золотомъ, котораго несмѣтныя сокровища собраны въ разныхъ капищахъ. Изъ Китая Тибетъ ежегодно получаетъ большое количество чаю, за который по бо̀льшей части расплачивается слитками золота. Производится также нѣкоторая торговля съ Россіею, и русскіе торговцы, пересѣкая небольшими караванами самую узкую часть Средне-Азійской степи, проникаютъ до самыхъ рынковъ Тибета, привозя туда въ-особенности кожи, шерстяныя ткани и стеклянныя издѣлія. (*)

(*) Торговля Тибета главнѣйше въ рукахъ Китайцевъ, которые сбываютъ туда свой чай, шелковыя и отчасти бумажныя матеріи, получая въ-замѣнъ золото, шерсть, свѣчи, ладанъ и идоловъ. Вся ихъ торговля простирается по цѣнѣ до 2,000,000 таэлей и возрастаетъ ежегодно. Послѣ Китайцевъ, важнѣйшіе по торговлѣ Нипальцы, которыхъ въ столицѣ Тибета поселилось отъ 2,000 до 3,000 человѣкъ: они занимаются торговлею или золотыхъ дѣлъ мастерствомъ. И ихъ обороты возрастаютъ. Далѣе слѣдуютъ Кашмирцы, которыхъ торговыя сношенія съ Тибетомъ съ недавняго времени очень увеличились; потомъ Монголы, Калмыки.

Что касается до состоянія просвѣщенія у Тибетцевъ, то они обладаютъ обширною литературою, которая, однако же, очень единообразна по своему содержанію, состоя по бо́льшей части изъ переводовъ буддистскихъ книгъ.

Въ-заключеніе своей статьи, Гюцлафъ сообщаетъ еще короткій очеркъ исторіи Тибета, нѣкоторыя статистическія данныя о его народонаселеніи, свѣдѣнія о соблюдаемыхъ при избраніи далай-ламы обрядахъ и, наконецъ, о вліяніи Китая на Тибетъ.

Китайцы содержатъ въ Хлассѣ, въ Хаши-Лумбо (Chashe-Lumboo), Тингри (Tingri) и Кіангѣ (Keang) немногочисленную военную силу и, по большой дорогѣ въ Китай, для поддержанія безопасности въ сообщеніяхъ, около 3,000 регулярнаго войска. Но, кромѣ-того, въ окрестностяхъ столицы расположенъ сильный отрядъ Монголовъ (Dam Mongols), который, по первому требованію китайскаго резидента въ Хлассѣ, готовъ ринуться на столицу. Нынѣшняя Манджурская династія бдительно хранитъ свое вліяніе на Тибетъ, потому-что оно даетъ ей власть надъ Монголами, а отъ этого зависитъ все существованіе Монархіи. Прежде утвержденія китайскаго господства въ Хлассѣ, Калмыки и Монголы безпрестанно бунтовали противъ Китая; но съ тѣхъ поръ, какъ далай-лама подчинился главѣ Небесной имперіи, миръ и спокойствіе воцарились между самыми грубыми и мятежными племенами. Это внезапное превращеніе строптивыхъ ордъ Монголіи и Зюнгоріи въ покорнѣйшихъ подданныхъ, по замѣчанію Гюцлафа, есть, можетъ-быть, безпримѣрное явленіе въ исторіи.

Придачу къ этой статьѣ о Тибетѣ составляютъ нѣкоторыя свѣдѣнія о Сифанѣ (Sefane), или Суфанѣ (Soofan), странѣ къ югу отъ Хухунора между Тибетомъ и Китаемъ. Она простирается градусовъ на 8 широты, отъ 28° до 36°, и орошена рѣкою Янгтсце (Yangtsze), или Кинша (Kinsha), берущею свое начало изъ Чур-кульскихъ (Choor-koole) горъ, подъ 33° широты, и превосходящею живописнымъ величіемъ своихъ береговъ всѣ рѣки въ свѣтѣ. Орошаемая этою рѣкою долина есть плодоноснѣйшая часть всей страны, отмѣнно богата пастбищами и превосходною почвою и имѣетъ много значительныхъ городовъ.

Южная часть Сифана къ сторонѣ Бирмы и Юннана почти

вовсе неизвѣстна. Тамъ есть, между-прочимъ, небольшое, состоящее изъ 14 кантоновъ владѣніе Амбоа (Amboa), родина многихъ ламъ, изъ которыхъ иные даже всходили на престолъ далай-ламскій, и другое небольшое владѣніе Кагунгъ (Kahung), обитаемое весьма промышленнымъ земледѣльческимъ племенемъ, между-тѣмъ, какъ къ Ю.-З. живутъ до самаго Ассама горныя племена Хлокба (H'lokba), — отъявленные дикари, недоступные никакому образованію. Они ведутъ кочевой образъ жизни и хотя не имѣютъ постоянныхъ пребываній, но пастбища ихъ тщательно размежеваны, для предупрежденія между разными ихъ колѣнами распрей.

Собранныя Гюцлафомъ о Тибетѣ изустнымъ путемъ свѣдѣнія подтверждаются двумя другими миссіонерами, а именно ордена Лазаристовъ изъ Франціи, которые имѣли случай сами проникнуть въ Китайскую Монголію и Тибетъ.

Имѣвъ собственно порученіе изслѣдовать Монгольскую Татарію, изучить нравы и бытъ тамошнихъ племенъ и проповѣдовать между ними евангеліе, оба эти миссіонера, именемъ Гюкъ (Huc) и Габе (Gabet), 3 августа 1844 года, выступили изъ Черноводской долины, въ бассейнѣ Спра-Морена, не взявъ съ собою для руководства въ этихъ пустыняхъ ничего кромѣ компаса, карты Небесной имперіи и, вмѣсто вожатаго, одного молодаго, довольно неопытнаго новокрещенца.

Первое мѣсто, которое они посѣтили, было Піэ-ліэ-Кеу, въ странѣ, принадлежащей къ татарскому княжеству Уніотъ (Ouniot). Эта страна претерпѣла большіе перевороты: сначала она была обитаема корейскими племенами; но, изгнанныя оттуда войною, они переселились на полуостровъ Корею. Еще понынѣ въ этой части Татаріи встрѣчаются пепелища большихъ городовъ, развалины зáмковъ, похожихъ на средневѣковые зáмки въ Европѣ, и разные памятники корейскаго

(*) Оба они первоначально принадлежали къ католической миссіи въ Пекинѣ. Но когда императоръ Кіа-Кингъ изгналъ ее оттуда, то она разсѣялась въ разныя стороны, а съ 1827 года перенесена въ Сивангъ, небольшую китайскую деревню къ сѣверу отъ Большой Стѣны, гдѣ вскорѣ пріобрѣла такое значеніе, что папа Григорій XIV, учредивъ тамъ въ 1842 г. особое викарство, усилилъ число миссіонеровъ, изъ среды которыхъ иные, и, между-прочимъ, оба вышепоименованные, отряжены были въ Монголію.

владычества. Съ половины XVII вѣка, Китайцы начали проникать въ эту страну. Тогда она еще была живописна; горы были покрыты густыми лѣсами, и всюду въ глуби долинъ, посреди тучныхъ пастбищъ, пестрѣлись палатки Монголовъ. Пріобрѣвъ участки земли по дешевой цѣнѣ, Китайцы принялись за расчистку степи; обработка земли болѣе и болѣе распространялась, и скоро Татары принуждены были покинуть эти мѣста и искать себѣ индѣ новыхъ пастбищъ. Съ тѣхъ поръ страна приняла совсѣмъ другой видъ: всѣ деревья были вырваны съ корнями, лѣса исчезли съ вершинъ холмовъ и горъ, луга были выжжены, и новые поселенцы спѣшили истощить плодородіе земли. Нынѣ эти мѣста почти сплошь заняты Китайцами.

Перейдя потомъ страну Гешектенъ, обильную серебромъ и золотомъ, но за-всѣмъ-тѣмъ крайне истощенную, они вступили въ самую воинственную изъ татарскихъ областей Китая—Чакаръ. Эта область, граничащая къ востоку Гешектеномъ, къ западу—Туметомъ, къ сѣверу—Суніутомъ, а къ югу—Большою Стѣною, имѣетъ 150 франц. лигъ (lieues) въ длину и 100 въ ширину. Всѣ ея жители воины и ежегодно получаютъ отъ императора опредѣленное жалованье; они раздѣлены на 8 хоругвей, отличающихся цвѣтами своихъ знаменъ. Итакъ, въ собственномъ смыслѣ, Чакаръ есть только обширный станъ, въ которомъ расположена запасная армія, готовая по первому сигналу итти противъ непріятеля. Здѣсь же на обширныхъ пастбищахъ содержатся многочисленныя превосходныя стада императора, состоящія изъ верблюдовъ, лошадей, воловъ и овецъ. Всего считается 360 табуновъ, и въ каждомъ по 1200 лошадей.

Дорогою въ Чакаръ миссіонеры коснулись города Толоннора (семи озеръ), именуемаго Китайцами — Лама-Міао, у Манджуровъ -- Надан-Омо, у Тибетцевъ — Тют-дунъ, а на иныхъ картахъ — Найман-суме. Не-смотря на безплодныя свои окрестности, городъ этотъ чрезвычайно многолюденъ и производитъ огромную торговлю; сюда именно привозятъ русскіе товары изъ Кяхты, которые потомъ расходятся по всей Имперіи. Самое большое число торговцевъ въ городѣ—изъ области Шан-си; но они обыкновенно не остаются здѣсь долго, а по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, накопивъ довольно денегъ,

возвращаются во-свояси. Въ этомъ обширномъ торговомъ мѣстѣ обыкновенно кончается тѣмъ, что Китайцы обогащаются, а Татары — приходятъ въ раззореніе.

Миновавъ небольшой китайскій торговый городъ Шаборте и посѣтивъ значительное ламайское капище Чорчи, гдѣ живетъ до 2000 ламъ, по бо́льшей части на иждивеніи императора, миссіонеры вступили въ Туметъ. При покореніи Китая Манджурскою династіею, повелитель Тумета оказалъ важное свое содѣйствіе и, въ возмездіе за свои услуги, получилъ прекрасныя страны къ сѣверу отъ Пекина, внѣ Большой Стѣны. Съ тѣхъ поръ они носятъ названіе восточнаго Тумета, а старинный Туметъ принялъ наименованіе западнаго. Они отдѣлены одинъ отъ другаго Чакаромъ.

Монголы западнаго Тумета не ведутъ, подобно жителямъ Чакара, бродячей пастушеской жизни, а воздѣлываютъ свои земли и преданы всѣмъ искусствамъ народовъ образованныхъ. Вообще они совершенно утратили первобытный типъ Монголовъ и болѣе или менѣе окитаились, такъ-что многіе изъ нихъ не знаютъ ни слова по-монгольски. Они даже презираютъ своихъ степныхъ собратій и смѣются надъ ними, что они скитаются въ пустынѣ, тогда-какъ могли бы жить въ довольствѣ, обработывая землю. Это, впрочемъ, и не удивительно, потому-что туземцы обитаютъ прекрасныя, хорошо орошенныя, плодородныя и удобныя къ земледѣлію равнины.

Послѣ трехдневныхъ переходовъ въ странѣ Тумета, путешественники достигли Ку-ку-хотона, или Синяго города, называемаго также Старымъ городомъ, для отличія отъ другаго Синяго же города, отстоящаго отъ него въ пяти лигахъ и именуемаго Новымъ городомъ. Ку-ку-хотонъ имѣетъ видъ правильный и одну большую красивую улицу, пересѣкающую его съ востока къ западу. Городъ обнесенъ величавою зубчатою стѣною. Гарнизонъ его состоитъ изъ Манджуровъ, которые, однако, совершенно позабыли языкъ своей родины. Черезъ полчаса ходьбы миссіонеры перешли изъ стараго Синяго города въ Новый—торговое мѣсто, далеко извѣстное въ Татаріи по своимъ ламайскимъ капищамъ.

Манджурская династія вообще отдаетъ ламаизму бо́льшія почести въ-сравненіи съ китайскими бонзами и, по-видимому,

старается увеличить въ Татаріи число ламъ. Опасаясь стариннаго могущества Монголовъ, она имѣетъ тѣмъ въ виду остановить въ Татаріи успѣхи народонаселенія.

Во время своего пребыванія въ Синемъ городѣ, миссіонеры имѣли случай бесѣдовать о дѣлахъ вѣры съ однимъ тибетскимъ ламою, и эта бесѣда еще болѣе утвердила ихъ въ намѣреніи посѣтить Хлассу, этотъ центръ свѣта, по словамъ ламъ, откуда лучи все болѣе и болѣе слабѣютъ, по мѣрѣ своего отъ него удаленія.

Переправясь потомъ не безъ большаго затрудненія чрезъ Гоан-го (Желтую рѣку), путники очутились въ песчаной странѣ Ортусовъ (Ордосъ). Эта страна, имѣющая 100 лигъ въ длину и 70 въ ширину и раздѣляемая на семь хоругвей, прежде принадлежала хану чакарскому; но, когда онъ покорился въ 1635 году манджурскимъ завоевателямъ, Ортусы послѣдовали его примѣру и были присоединены къ Имперіи, въ видѣ данниковъ.

Путешественники много должны были терпѣть здѣсь отъ жажды. Но хотя степь эта бѣдна водою и хорошими пастбищами, однакожъ не вовсе лишена животныхъ. Здѣсь много водится сѣрыхъ бѣлокъ, зайцевъ, прыткихъ козъ, а изъ птицъ — фазановъ. Но главное богатство края заключается въ его солончакахъ.

Путешественники посѣтили солончакъ Табы-куръ, богатое хранилище кристаллизованной соли, разработываемой сосѣдними Монголами. Все свидѣтельствовало, что въ до-историческія времена эта страна была покрыта водою, которая оставила здѣсь явные свои слѣды, видимые въ слоистомъ расположеніи земли, въ преобладаніи известковыхъ породъ и въ изобиліи раковинъ. Далѣе въ горномъ кряжѣ Гам-калъ они встрѣтили другія песчаныя пади (sablières), вовсе обнаженныя отъ всякой растительности, а еще гораздо пустыннѣе былъ хребетъ Муссуръ (Moussour), гдѣ путешественники съ трудомъ только могли пробираться посреди взгроможденныхъ льдовъ.

Взявъ потомъ свое направленіе на югъ и перешагнувъ Большую Стѣпу, миссіонеры возвратились въ Китай. Путешествіе ихъ простерлось до Кумбуна (Koumboun), гдѣ собрано 3000 ламъ. Пробывъ здѣсь съ полгода, для изученія

языка и догматовъ ламаизма, миссіонеры, въ августѣ 1845 года, оставили эту обитель и направились къ Голубому озеру, большому водохранилищу, упитанному солью и опоясанному плодоносными берегами, а 15 октября примкнули къ шедшему изъ Пекина въ Тибетъ каравану. Это былъ родъ странствующаго города, который состоялъ изъ 2000 человѣкъ и большаго числа верблюдовъ, муловъ и лошадей и каждый день мѣнялъ мѣсто своего пребыванія, всякій разъ снова раскидывая свои палатки.

Всего труднѣе былъ переходъ черезъ хребетъ Чугу (Chuga). Морозъ доходилъ до такой степени, что погибло много лошадей и другихъ животныхъ. Самъ Габе подвергся вліянію стужи: его посадили на верблюда, привязавъ къ горбу его веревками, и онъ только крѣпости своего сложенія обязанъ былъ сохраненіемъ жизни. Наконецъ холодъ сталъ убывать. Страна сдѣлалась менѣе дикою, племена встрѣчались болѣе осѣдлыя, и они вступили въ обработанную долину Пампу (Pampou), а оттуда, переступивъ еще послѣднюю гору, послѣ полутора-годоваго многотруднаго странствія, очутились въ знаменитой столицѣ Тибета, Хлассѣ, гдѣ, посреди множества зданій, гордо возвышается чертогъ далай-ламы.

Здѣсь они встрѣтили самый радушный пріемъ. По случаю малолѣтства нынѣшняго далай-ламы, одинъ изъ значительнѣйшихъ ламъ управляетъ государствомъ. Но пребывающій въ Хлассѣ китайскій коммиссаръ, или резидентъ, съ неудовольствіемъ видѣлъ этотъ ласковый пріемъ Европейцамъ и потребовалъ высылки ихъ оттуда.

Донесеніе лигаристовъ о пребываніи ихъ въ Хлассѣ и изгнаніе оттуда такъ любопытно и бросаетъ столь ясный свѣтъ на нынѣшнее состояніе Тибета и отношенія его къ Китаю, что мы не можемъ не привести здѣсь изъ него хотя нѣкоторыя черты.

«Хласса, какъ извѣстно, столица великаго ламы, обладателя Тибета и вмѣстѣ верховнаго жреца буддистовъ. Обширная торговля этого города привлекаетъ туда купцовъ изъ всѣхъ странъ Азіи, такъ-что главный городъ Тибета есть непрерывное сборище разныхъ народовъ, то прибывающихъ, то выбывающихъ.

«При самомъ пріѣздѣ нашемъ, мы не могли не замѣтить,

что внушимъ опасеніе, если насъ примутъ за Англичанъ, которыхъ весьма боятся, по причинѣ индѣйскихъ ихъ владѣній и недавнихъ побѣдъ надъ Китайцами. Чтобы предупредить всякое на этотъ счетъ опасеніе, мы тотчасъ же отправились къ тибетскихъ мѣстнымъ начальствамъ и объявили, что мы Французы и провозвѣстники христіанской вѣры. На другой день намъ сдѣланъ былъ вызовъ явиться къ первому министру, правителю государства во время малолѣтства далай-ламы, которому не болѣе 8-ми лѣтъ отъ роду. Онъ предложилъ намъ много вопросовъ насчетъ нашего отечества, имя котораго было ему вовсе неизвѣстно; ласковость и участіе, которыя онъ намъ оказывалъ, свидѣтельствовали о благопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ на него нашими отвѣтами. Переговоры, которые онъ потомъ имѣлъ съ турецкимъ намѣстникомъ (*), еще болѣе утвердили его въ добромъ къ намъ расположеніи, и онъ объявилъ намъ, что беретъ насъ подъ непосредственное свое покровительство, что мы можемъ свободно пребывать въ странѣ, и никто не будетъ имѣть права вмѣшиваться въ наши дѣла. Узнавъ, что мы по прибытіи своемъ могли достать только тѣсную и довольно неудобную квартиру, онъ даже простеръ свою благосклонность до того, что уступилъ намъ одинъ изъ своихъ домовъ, гдѣ намъ дозволено было устроить часовню и безпрепятственно отправлять свое богослуженіе. Наши отношенія къ правителю со дня на день становились искреннѣе. Онъ охотно бесѣдовалъ съ нами объ истинахъ христіанства и съ особеннымъ участіемъ распрашивалъ насъ объ отдаленныхъ государствахъ Европы.

«Но, по несчастію, въ Хлассѣ проживаетъ присланный туда отъ Пекинскаго двора мандаринъ, съ титуломъ чрезвычайнаго уполномоченнаго. Оффиціальная его обязанность — изъявлять далай-ламѣ дань поклоненія своего властелина, но притомъ онъ имѣетъ тайное порученіе блюсти за всѣми движеніями сосѣднихъ націй и немедленно доносить о нихъ своему правительству. Этотъ-то Китаецъ сталъ помышлять о средствахъ къ удаленію насъ изъ Хлассы. Для этой цѣли онъ старался внушить прави-

(*) Каждый изъ посѣщающихъ Хлассу народовъ имѣетъ тамъ своего намѣстника, или ходатая, который отвѣтствуетъ за поведеніе своихъ земляковъ. Тибетское правительство, не обращая вниманія на частныя лица, имѣетъ дѣло только съ ихъ ходатаями.

телю, что мы люди подозрительные, пришедшіе съ тайными политическими замыслами. Въ надеждѣ отыскать что-нибудь между нашими пожитками, что̀ могло бы послужить противъ насъ обвиненіемъ, онъ выслалъ людей, которые, прійдя къ намъ въ-расплохъ, запечатали все наше имущество, а насъ самихъ потащили въ китайскій приказъ. Послѣ унизительнаго допроса, принесены были туда же и наши вещи и, въ присутствіи правителя, подвержены были строжайшему осмотру. Досадуя на то, что не нашлось ничего въ подпору его подозрѣній, мандаринъ, для одного вида, наложилъ запрещеніе на свертокъ бумагъ, заключавшій въ себѣ наши грамоты и семейныя письма. Правитель, убѣжденный въ томъ, что въ нашемъ скарбѣ нѣтъ ничего подозрительнаго, спросилъ мандарина, что̀ онъ замѣтилъ противъ насъ. Онъ отвѣчалъ, что мы, по обыску, оказываемся людьми неопасными. Итакъ, мы воротились въ свою квартиру, льстя себя надеждою, что навсегда отдѣлались отъ китайскихъ козней.

«Нѣсколько дней насъ, дѣйствительно, оставили въ-покоѣ. Но китайскій посланникъ не могъ перенесть мысли, чтобы служители нетерпимой въ Китаѣ вѣры нашли у тибетскаго правительства благосклонный пріемъ. Итакъ, онъ самовластно далъ намъ приказаніе оставить Хлассу, подъ предлогомъ, что мы иностранцы. Отправясь немедленно въ китайскій судъ потребовать отчета въ такомъ обидномъ съ нами обхожденіи, мы объявили представителю пекинскаго двора, что, получивъ доступъ чрезъ мѣстныя власти, не признаемъ ни за нимъ, ни за кѣмъ-либо другимъ права поперечить нашему пребыванію, что онъ и самъ въ Тибетѣ чужой, какъ то явствуетъ изъ титула — чрезвычайнаго делегата, и, спросивъ его, по какому праву онъ исключаетъ Французовъ изъ страны, отверзтой всѣмъ націямъ, намекнули, что если даже иностранцы, по обычаю страны, высылаются изъ Хлассы, то насъ, мужей молитвы, въ Тибетѣ нельзя почитать чужими, и что уже это одно даетъ намъ право на защиту.

«Мандаринъ вовсе не ожидалъ, что мы станемъ такъ твердо опираться на законы страны и отношенія между хласскимъ правительствомъ и дворомъ Пекинскимъ; итакъ, онъ настоялъ болѣе на нашемъ качествѣ иностранцевъ, намекнувъ,

что намъ нельзя оставаться въ Тибетѣ какъ провозглашателямъ запрещенной китайскимъ императоромъ вѣры.»

Такимъ-образомъ, 26 февраля 1846 года, оба лазариста принуждены были оставить Хлассу, съ особеннымъ эскортомъ, который былъ имъ приданъ со стороны китайскаго мандарина. Путь, которымъ ихъ вели, былъ самый трудный и утомительный: ихъ заставили пройти Тибетъ и Китай во всю ихъ длину. Четыре мѣсяца, почти погребенные въ снѣгу, они должны были взбираться на едва доступныя горы или носиться надъ бездонными пропастями. Сопровождавшій ихъ военный мандаринъ изнемогъ отъ трудностей пути, хотя онъ и путешествовалъ въ носилкахъ, и когда они достигли китайской границы, то изъ ихъ эскорта выбыло 4 человѣка, умершихъ въ дорогѣ, не считая 8 человѣкъ, низвергнутыхъ въ пропасти. Впрочемъ, самимъ миссіонерамъ не причиняли никакого насилія. По прибытіи своемъ въ главный городъ Сычуана, они обратились къ тамошнему вице-королю, который сталъ громко порицать обращеніе съ ними коммиссара своего двора и, съ своей стороны, сдѣлалъ все возможное для облегченія дальнѣйшаго ихъ странствія отъ Сы-чуана до Кантона. Но подчиненные мандарины, которымъ были поручены эскортъ и продовольствіе миссіонеровъ, явили себя тѣмъ безжалостнѣе, особенно въ Гу-пе (Hu-pe), гдѣ просто смѣялись надъ оказаннымъ имъ въ Сы-чуанѣ снисхожденіемъ. «Къ чему — говорили они — щадить этихъ иноземцевъ? не зато ли, что они Французы? У насъ были въ рукахъ двое этой же націи, и мы ихъ безнаказанно истязали и убили.» Они намекали тѣмъ на участь двухъ французскихъ же лазаристовъ Кле (Clet) и Пербуара (Perboyre), которые, дѣйствительно, были преданы смерти въ Гу-пе. И подлинно: начиная съ этого города, увеличились трудности ихъ путешествія; ежедневно они должны были терпѣть отъ голода и оскорбленій черни, которую, повидимому, нарочно раздражали противъ нихъ. Совсѣмъ истощенные, они прибыли въ Кіан-си и, явясь къ намѣстнику, просили, чтобы имъ дозволено было продолжать путь свой одним и на собственный свой счетъ. Намѣстникъ изъявилъ крайнее свое изумленіе о худомъ съ ними обращеніи въ Гу-пе и увѣрилъ ихъ, что Кіан-си уже не подастъ имъ повода къ жалобамъ. И, въ-самомъ-дѣлѣ, начиная отъ Кіан-си, они

терпѣли гораздо менѣе. Около исхода сентября 1846 года, пройдя въ 7 мѣсяцевъ болѣе 700 лигъ, они прибыли въ Кантонъ.

Вскорѣ потомъ аббатъ Гюкъ отправился въ Европу и 7 января 1847 г. прибылъ въ Марсель, а оттуда поспѣшилъ въ Парижъ, гдѣ издалъ описаніе своего путешествія подъ заглавіемъ:

Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Tibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846, par M. Huc, prêtre-missionaire. 2 Tomes. Paris. 1850. 59½ лист. въ б. 8, съ картою Китая и подвластныхъ ему странъ, составленною А. Г. Дюфуромъ.

Посреди повѣствованія о самомъ ходѣ путешествія, въ книгѣ этой щедро расточены также любопытныя географическія и этнографическія свѣдѣнія, и мы, между-прочимъ, находимъ въ ней прекрасный общій очеркъ Татаріи, изъ котораго передадимъ здѣсь только существенное:

Слѣдуя общепринятому у самихъ Татаръ и Китайцевъ раздѣленію, авторъ отличаетъ восточныхъ Татаръ, или Манджуровъ (Тунг-та-цзе), отъ западныхъ, или Монголовъ (Си-тацзе). Границы Манджуріи явственны: къ сѣверу горы Хинганскія отдѣляютъ ее отъ Сибири, къ югу она простирается до залива Фу-Гай и Кореи, къ востоку до Японскаго моря, а къ западу порубежнымъ частоколомъ (*) и рукавомъ Сахалинъ-улы (par un embranchement du Sakhalien-Oula). Гораздо труднѣе въ-точности обозначить предѣлы Монголіи; но приблизительно ее можно помѣстить между 65° и 118° вост. долг. отъ Парижа и между 35° и 50° с. ш.

Не всѣ, однако, народы, заключающіеся въ обозначенныхъ границахъ Монголіи, слѣдуетъ считать Монголами. Нѣкоторымъ изъ нихъ это названіе можно присвоивать только съ извѣстными ограниченіями. Такъ, напр., къ с. з. Монголы нерѣдко сливаются съ Мусульманами, а къ югу съ Си-фанами, или Тибетцами. Всего вѣрнѣе различать эти народы, смотря по ихъ языку, нравамъ, религіи, наряду, а въ-особенности по тѣмъ именамъ, какія они придаютъ себѣ сами.

(*) На приложенной къ книгѣ картѣ онъ названъ Palissade du Léao-Tong, т.-е. частоколомъ Ляодунской области.

Многочисленнѣйшая, богатѣйшая и славнѣйшая въ исторіи отрасль Монголовъ суть Калхасы: они занимаютъ весь сѣверъ Монголіи, — страну огромную, объемлющую собою почти 200 лигъ — съ сѣвера на югъ, и около 500 — съ востока на западъ. Эта страна дѣлится на четыре большія провинціи, подвластныя четыремъ отдѣльнымъ ханамъ. Самыя же провинціи раздѣлены на 84 хоругви, по-китайски *ки*, а по-монгольски — *бошхонъ* (Bochkhon); каждая изъ этихъ хоругвей состоитъ подъ начальствомъ особаго князька. Это свѣтскіе правители страны; но, сверхъ-того, всѣ Калхасы признаютъ надъ собою власть гизонъ-тамбы, великаго ламы, Будды всѣхъ Монголовъ-Калхасовъ, которые поставляютъ себѣ за честь именоваться учениками ламы Куреня (Kouré bokte aïn chabi).

Южные Монголы не носятъ особеннаго имени, а просто называются по тому княжеству, къ которому они принадлежатъ. Такъ говорятъ: Монголы суніутскіе, гешектенскіе и пр. Южные Монголы состоятъ изъ 25 княжествъ, которые, такъ же, какъ и Калхасы, подраздѣляются на нѣсколько бошхоновъ. Главные суть: Ортусы, два колѣна Туметовъ, два колѣна Суніутовъ, Чакары, Карацины, Уніоты, Гешектенцы, Баринъ, Найманъ и Элеуты.

Южные Монголы, прилежащіе къ Большой Стѣнѣ, отъ частыхъ сношеній съ Китайцами, нѣсколько измѣнили свои нравы. Въ одеждѣ ихъ замѣтна нѣкоторая затѣйливость, а въ характерѣ — притязаніе на утонченности китайской вѣжливости. Утративъ добродушіе и непринужденность, свойственныя сѣвернымъ Монголамъ, они отчасти переняли у своихъ сосѣдей лукавство и напыщенность.

Къ юго-западу живутъ Монголы Хухунора, или Синяго озера. Они раскинуты въ окрестностяхъ этого озера, по много перемѣшаны съ Сифанами. Къ западу отъ Хухунора, по рѣкѣ Тсандаму, кочуютъ многочисленныя колѣна, называемыя Монголами тсандамскими. Но и еще далѣе, и даже въ самомъ сердцѣ Тибета, встрѣчаются монгольскія племена.

Татары-Торготы, нѣкогда обитавшіе близъ Кара-Корума, столицы монгольской во времена Чингисхановы, нынѣ живутъ на сѣверо-западѣ Монголіи. Въ 1672 году, все это племя перешло въ западную Азію, въ степи между Дономъ и Вол-

гою. Ханы торготскіе покорились Россіи. Но въ 1770 году племя Торготовъ, подъ предводительствомъ Обуши (Oboucha), переселясь къ рѣкѣ Или, поступило въ подданство Китая. Нынѣ княжество Или есть мѣсто ссылки китайскихъ преступниковъ, между-прочимъ христіанъ, не соглашающихся отступить отъ своей вѣры. Ссылочные водворили тамъ многія изъ произведеній Китая; собственно же Монголы продолжаютъ по-прежнему вести кочевую жизнь и пасти свои стада. Въ-особенности славятся верблюды торготскіе, превосходящіе величиною и силою верблюдовъ въ прочихъ частяхъ Монголіи.

Къ юго-западу отъ Торгота лежитъ Кашгаръ, страна прежде монгольская, но нынѣ уже вовсе омусульманившаяся. То же самое можно сказать и о народахъ на югъ отъ Небесныхъ горъ, или Тхян-Шана.

Многія ханства Монголіи болѣе или менѣе зависимы отъ манджурскаго императора. Это, нѣкоторымъ образомъ, вассалы Китая, который употребляетъ всѣ средства для сохраненія себѣ дружбы монгольскихъ князьковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ для ослабленія могущества этихъ страшныхъ для него кочевниковъ, — цѣль, достигаемая имъ посредствомъ вліянія на ламаизмъ Тибета и посредствомъ брачныхъ союзовъ съ ханскими фамиліями Монголіи.

Видъ Монголіи, вообще, дикъ и угрюмъ; нигдѣ взоры не услаждаются прелестью и разнообразіемъ ландшафтовъ. Единообразіе степи только прерывается оврагами, огромными расѣлинами земли или каменистыми безплодными холмами. Къ сѣверу, въ странѣ Калхасовъ, природа нѣсколько оживленнѣе. Лѣса рослыхъ деревъ украшаютъ вершины горъ и богатыя пастбища; равнины орошены рѣками. Но во время продолжительной зимы земля погребена подъ густою пеленою снѣга. Къ сторонѣ Большой Стѣны въ пустыню уже вкрадывается китайская промышленность, вездѣ возникаютъ города, пустоши обращаются въ нивы, и пастухи монгольскіе, по мѣрѣ расиространенія хлѣбопашества, болѣе и болѣе уклоняются къ сѣверу.

Бо̀льшая часть Монголіи занята песчаными равнинами. Здѣсь не встрѣтишь ни одного дерева; нѣсколько низенькихъ хрупкихъ травъ, съ трудомъ вырастающихъ изъ тощей поч-

вы, ползучій терновникъ и нѣсколько скудныхъ пучковъ вереска, — вотъ вся растительность, единственныя пастбища степи Гоби. Въ водѣ здѣсь большой недостатокъ; лишь изрѣдка попадается глубокій колодезь, вырытый для удобства каравановъ, тянущихся по этой несчастной странѣ.

Чрезвычайную стужу, господствующую въ Монголіи, можно объяснить себѣ троякою причиною: большимъ возвышеніемъ страны, селитряными веществами, которыми пропитана почва, и почти общимъ недостаткомъ обработки земли. Въ мѣстахъ, расчищенныхъ Китайцами подъ пашню, значительно возвысилась температура. По мѣрѣ разработки земель, теплота, такъ-сказать, прибываетъ изъ года въ годъ. Разныя кормовыя растенія, которыя прежде не могли созрѣвать по причинѣ холода, нынѣ поспѣваютъ превосходно.

Сообразивъ страшный климатъ Монголіи и всегда угрюмую, оледенѣлую ея природу, можно бы подумать, что жители ея должны быть чрезвычайно люты и свирѣпы,— и подлинно, наружный видъ ихъ какъ бы подтверждаетъ это мнѣніе. Монголъ имѣетъ лице плоское, скулы выдавшіяся, подбородокъ короткій и отодвинутый назадъ, лобъ покатый, глаза маленькіе, косые, цвѣта желтоватаго, волоса черные и жесткіе, бороду рѣдкую, кожу смуглую и отмѣнно грубую, ростъ средній, походку тяжелую, голосъ непріятный и хриплывый. Но, не-смотря на эту дикую наружность свою, Монголъ сердцемъ кротокъ и добродушенъ. Чрезвычайно робкій въ общежитіи, онъ, будучи однажды воодушевленъ изувѣрствомъ или желаніемъ мести, являетъ самое необузданное мужество. Простодушный и легковѣрный, какъ дитя, онъ также страстно любитъ разсказы и дивныя повѣсти. Встрѣча на пути ламы всегда принимается имъ за доброе предзнаменованіе.

Отвращеніе отъ труда и сидячей жизни, склонность къ грабежу и хищничеству, жестокость и развратъ, — вотъ пороки, въ которыхъ обыкновенно укоряютъ Монголовъ. Изображеніе ихъ, оставленное намъ старинными писателями, вѣроятно, не преувеличено: они всегда видѣли эти страшныя орды, влекущими въ-слѣдъ за собою убійство, грабежъ, пожары и всякаго рода бѣдствія. Но таковы ли еще понынѣ Монголы? Мы почти расположены сомнѣваться въ томъ. Вездѣ, гдѣ мы ихъ видѣли, мы находили

ихъ великодушными, откровенными, гостепріимными и хотя склонными, какъ дурно воспитанныя дѣти, къ похищенію вещицъ, имъ нравящихся, но отнюдь не пріобыкшихъ къ грабежу и разбою. Они, правда, гнушаются работы и сидячей жизни, какъ и прежде, и нравы ихъ очень вольны; но въ поведеніи ихъ болѣе непринужденности, чѣмъ разврата, и между ними рѣдки примѣры неистоваго и звѣрскаго сладострастія, которому столько преданы Китайцы.

Относительно Манджуровъ, или восточной отрасли Татаръ, находимъ у автора слѣдующія общія замѣтки:

Уже протекло два вѣка съ тѣхъ поръ, какъ Манджуры овладѣли Китаемъ, и, можно сказать, они въ-теченіе этого времени не переставали губить самихъ себя. Ихъ нравы, языкъ, самая страна, — все окитаилось, и нынѣ можно утверждать, что народность Манджуровъ погибла безнадежно.

Это объясняется ихъ исторіею. Со времени китайской династіи Минъ (1368 — 1644) Манджуры избрали себѣ, послѣ продолжительныхъ междоусобій, вождя, который соединилъ всѣ ихъ племена въ одно царство. Сдѣлавшись тѣмъ страшными двору Пекинскому, они, съ 1618 года, стали явно возставать противъ китайскихъ властителей, и вскорѣ Имперія была ниспровергнута многочисленными крамолами. Глава мятежниковъ осадилъ Пекинъ и овладѣлъ имъ. Самъ богдыханъ, не желая пережить своего царства, лишилъ себя жизни. Военачальникъ китайскій У-Сан-Куэй призвалъ Манджуровъ для укрощенія мятежниковъ. Они были обращены въ бѣгство. Но, между-тѣмъ, какъ китайскій вождь преслѣдовалъ ихъ на югѣ, татарскій военачальникъ возвратился въ Пекинъ и, заставъ престолъ празднымъ, самъ возсѣлъ на немъ.

До этого событія Большая Стѣна, бдительно охраняемая династіею Минъ, удерживала Манджуровъ отъ входа въ Китай; съ другой стороны, и Китайцамъ воспрещенъ былъ входъ въ Манджурію. Но послѣ покоренія Имперіи уже не стало границы, отдѣлявшей оба народа, и, по возстановленіи между ними свободнаго сообщенія, излишекъ населенія областей Пе-чи-ли и Шан-Тунъ нахлынулъ на Манджурію, подобно потоку. Татарскій военачальникъ, воцарившись въ Китаѣ, роздалъ Манджурамъ обильныя земли, съ условіемъ платежа ему ежегодной дани. Но, съ помощью лукавства и настой-

чивости, Китайцы успѣли завладѣть землями своихъ побѣдителей, оставивъ имъ только ихъ титулъ и тягости, такъ-что качество Манджура стало однимъ бременемъ, и, по мѣрѣ переселенія Китайцевъ за предѣлы Большой Стѣны, многіе Манджуры добровольно отреклись отъ своей народности.

Нынѣ упадокъ, или, собственно говоря, истребленіе манджурскаго народа совершается быстрѣе, чѣмъ когда-либо. До царствованія Тао-Куана, страны, орошаемыя рѣкою Зюнгари, были обитаемы Манджурами. Входъ туда не былъ дозволенъ Китайцамъ; но съ первыхъ лѣтъ нынѣшняго царствованія эти страны стали продавать, для пополненія оскудѣвшей казны. Китайцы устремились туда, какъ хищныя птицы, и въ нѣсколько лѣтъ изгладилось все, что только напоминало собою прежнихъ владѣльцевъ. Нынѣ въ Манджуріи нѣтъ ни одного города, ни одной деревни, которыя бы не были сплошь населены Китайцами.

Но посреди этого общаго преобразованія нѣсколько племенъ, а именно Си-по и Солоны, еще въ чистотѣ сохранили свой манджурскій типъ, и земли ихъ до сихъ поръ остались неприкосновенными со стороны Китайцевъ и ихъ воздѣлки. Они продолжаютъ жить по-прежнему подъ палатками и снабжать воинами армію императора. Однако, замѣчено, что частое ихъ появленіе въ Пекинѣ и пребываніе гарнизономъ въ областяхъ уже сильно поколебало прежніе ихъ наклонности и обычаи.

По овладѣніи Китаемъ, Манджуры наложили на побѣжденныхъ часть своей одежды и нѣкоторые изъ своихъ обычаевъ. Но Китайцы сдѣлали болѣе: они заставили побѣдителей перенять свой языкъ и свои нравы, и Манджуры только сохранили еще свою наклонность къ звѣриной охотѣ, къ ѣздѣ на лошадяхъ и къ стрѣльбѣ изъ лука.

Манджурія, орошаемая многими рѣками и ручьями, отъ природы плодородна. Съ тѣхъ же поръ, какъ обработка въ рукахъ Китайцевъ, почва обогатилась разными произведеніями, перенесенными туда изъ внутри Китая,—между-прочимъ рисъ, который хорошо преуспѣваетъ въ южной части Манджуріи, и родъ хлопчатника съ травянымъ стеблемъ, чрезвычайно изобильнаго хлопчатою бумагою.

Многія изъ географическихъ свѣдѣній книги г. Гюка относятся до частей собственнаго Китая и Тибета, которыхъ коснулось путешествіе. О самомъ Китаѣ миссіонеры, впрочемъ, предоставили себѣ, въ случаѣ досуга, подробнѣе распространиться впослѣдствіи.

Тибетцевъ Гюкъ изображаетъ отчасти какъ среднее звено между Монголами и Китайцами. Они имѣютъ волосы черные, бороду рѣдкую, глаза маленькіе и вытянутые, скулы выдавшіяся, носъ короткій, ротъ большой и тонкія губы; цвѣтъ тѣла у нихъ слегка смугловатый, — но въ высшихъ сословіяхъ попадаются лица столько же бѣлыя, какъ въ Европѣ. Ростъ у Тибетцевъ средній. Съ подвижностью и ловкостью Китайцевъ они соединяютъ силу и крѣпость Татаръ. Они находятъ большую утѣху въ гимнастическихъ упражненіяхъ, особенно въ пляскѣ; походка ихъ мѣрная и легкая. Прохаживаясь по улицамъ, они безпрестанно напѣваютъ народныя пѣсни. Въ характерѣ ихъ видны великодушіе и откровенность; храбрые на войнѣ, они мужественно презираютъ смерть. Будучи не менѣе религіозны, они менѣе легковѣрны, чѣмъ Монголы. Не много радѣя объ опрятности, они очень любятъ роскошь и пышные наряды.

Мужчины, хотя менѣе трудолюбивы, чѣмъ женщины, однако, не проводятъ своей жизни въ праздности. Одно изъ главныхъ ихъ занятій состоитъ въ пряжѣ и тканьѣ шерсти.

Женщины у нихъ пользуются большою свободою. Вмѣсто того, чтобы жить заключенными въ домахъ, онѣ ведутъ жизнь дѣятельную и трудолюбивую и, сверхъ заботъ хозяйственныхъ, занимаются мелкою торговлею, а въ деревняхъ принимаютъ большое участіе въ трудахъ земледѣльческихъ.

Въ 1847 году, снаряжена была со стороны англо-индѣйскаго правительства экспедиція въ Тибетъ, съ цѣлью опредѣлить, обще съ китайскими коммиссарами, границы между сейкскою областью Ладакомъ, хласскою провинціею и китайскимъ Тибетомъ и произвесть въ Гималаѣ и на сѣверъ отъ него разныя географическія, физическія и естественно-историческія изслѣдованія. Членами этой экспедиціи избраны были: опытный инженеръ-капитанъ Коннингамъ, лейтенантъ Генри Стрэчи (Strachey), уже извѣстный изслѣдованіемъ озера Мансоравари, и ботаникъ, д-ръ Томсонъ (Thompson). Данная ей инструкція

гласила: направясь вдоль по верхней долинѣ Сетледжа (Sutlej), перейти Гималаю чрезъ Нити-Гаутъ (Nitee Ghaut), потомъ, прослѣдивъ восточный и сѣверный рукава Сетледжа, итти на сѣверъ въ Яркендъ (Yarkand) и провести зиму въ Хотанѣ (Khoten); въ слѣдующемъ году продолжать розысканія далѣе на востокъ двумя путями: лейтенанту Стрэчи — прослѣдить верховья Инда до Гару (Garoo), за тѣмъ обратиться къ озеру Мансороварп и изслѣдовать теченіе рѣки Санъ-пу (Sanpoo), для удостовѣренія въ томъ, впадаетъ ли она въ Брамапутру, или въ Иравадди; а капитану Коннинггаму держаться болѣе къ сѣверу отъ Хотана до Хлассы и стараться, по возможности, проникнуть въ Китайскую имперію; обоимъ же потомъ сойтись въ Хлассѣ. Д-ру Томпсону, какъ естествоиспытателю экспедиціи, поручено было заниматься ботаническими, геологическими и физическими розысканіями.

Экспедиція тронулась изъ Симлы 2 августа 1847 года и взяла свое направленіе вверхъ по долинѣ Сетледжа въ Кенаверъ. Но вскорѣ оказалось, что китайское правительство, и безъ того не-хотя склонившееся на предложеніе Англичанъ относительно къ размежеванію границъ, вовсе не намѣрено было исполнить свое обѣщаніе.

Китайскіе коммиссары не явились въ назначенное для свиданія мѣсто, и со стороны Тибета оказано было явное сопротивленіе. Тщетно экспедиція, проникнувъ до предѣла Ханрана (Hangrang), пыталась пройти прямо черезъ часть Хласской области въ Ле (Lé, или Leh): она не была пропущена гартокскими вѣдомствами. Тогда, обратясь назадъ къ Нити, она, черезъ Паранскую тѣснину, на высотѣ 18,500 футовъ, перешла въ Рептеръ. Видя, что первоначальная цѣль ея не можетъ быть достигнута, экспедиція, согласно съ данною ей на этотъ случай инструкціею, распорядилась такъ, чтобы ей собрать сколько можно болѣе географическихъ и другихъ положительныхъ свѣдѣній.

Сообразно съ тѣмъ, лейтенантъ Стрэчи, отдѣлясь отъ своихъ спутниковъ въ Ченекѣ, рѣшился итти какъ можно далѣе на востокъ. Пройдя между Ганкомъ и Кенджелемъ, онъ пробрался въ Демджохъ на Индѣ, а оттуда, внизъ по этой рѣкѣ, въ Ле, гдѣ остался зимовать. Въ апрѣлѣ 1848 года,

онъ оставилъ Ле и, чрезъ Лазгунскую тѣснину, на высотѣ 18,500 футовъ, прошелъ до рѣки Шаека, а потомъ, по берегу ея, до города того же имени, въ мѣстѣ соединенія рѣкъ Шаека и Камдана. Начиная отсюда, рѣки Шаекъ и Индъ текутъ почти параллельно, раздѣленныя огромнымъ хребтомъ, гдѣ всѣ проходы выше Ле имѣютъ болѣе 18,000 футовъ высоты. Слѣдуя далѣе по Шаеку, Стрэчи прошелъ въ Дургукъ и Танкцзы (Tanktsee), а оттуда обратился къ озеру Пангонъ (Pangong), но, пробравшись недалеко вдоль озера, принужденъ былъ возвратиться въ Танкцзы. Потомъ чрезъ водораздѣльный кряжъ, тѣсниною Джунгта (Jungta), онъ перешелъ къ Инду, а оттуда воротился въ Ле. Снова оставя этотъ городъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, онъ чрезъ ущелье Гира (Hera), на высотѣ 18,600 ф., проникъ въ долину Идату къ С.-З. отъ озера Пангона. Отсюда, перешагнувъ ущелье Марси-Нинглакъ, на высотѣ 19,000 ф., Стрэчи спустился въ долину Джунъ-Семно (Jung-Cemno); далѣе, обратясь на востокъ, прошелъ въ Кьянъ (Kyan), а оттуда, никѣмъ еще не посѣщенными путями, къ солончакамъ на С.-З. отъ Родаха и, продолжая слѣдовать чрезъ Кіюнганскую тѣснину (Kyungang), достигъ лѣтняго кочевья пастуховъ, долины Митпалъ-Конма (Kongma), самаго восточнаго предѣла своего странствія. Отсюда лейтенантъ снова обратился къ Пангонскому озеру и въ долину Идату, переваломъ Нурла-Даса, въ 18,000 ф. высоты, и послѣ двухнедѣльнаго отдыха въ Попранѣ воротился въ Ладакъ. За тѣмъ, черезъ горные хребты Бурзи-Ланго и Кьянтанъ-Ланго, спустился онъ въ долину Паничочъ (Panychoche), а оттуда, ущельемъ Хо-и-Ланго (18,100 ф. вышины), въ Ороронцзы и, послѣ крайне утомительныхъ переходовъ, въ долину Шаека. Простирающуюся отъ Ороронцзы долину онъ описываетъ самою величественною, какую когда-либо видѣлъ: верстъ на 15, она опоясана почти отвѣсными гранитными утесами, столь гладкими, какъ будто бы они были полированы. Изъ Шаека Стрэчи направился обратно въ Ле, а оттуда, неизвѣстными дотолѣ путями чрезъ Тро-Морери и частію китайскихъ владѣній, до тѣснины Нити и, наконецъ, въ Альмору, въ предѣлахъ Остъ-индской Компаніи, сдѣлавъ такимъ-образомъ съ своей стороны все, что́ могъ, для исполненія возложеннаго на него порученія.

Однимъ изъ важнѣйшихъ результатовъ путешествія лейтенанта Стрэчи было — изслѣдованіе высоты, до какой встрѣчаются въ области Гималайскихъ горъ вѣчные снѣга. Уже Гумбольдтъ, въ своемъ Космосѣ (*), указываетъ на то обстоятельство, что граница вѣчныхъ снѣговъ на обоихъ склонахъ Гималаи различна, а именно: онъ принимаетъ ее на южномъ скатѣ въ вышинѣ 13,000 англ. (12,800 пар.) ф., а на сѣверномъ въ вышинѣ 15,600 англ. футовъ. Стрэчи, послѣ тщательнаго розысканія, подтверждаетъ разность снѣжной границы по сю и по ту сторону Гималаи; однако же, онъ находитъ, что южная ея окраина доходитъ до 15,500 англ. (14,543 пар.), а сѣверная до 18,500 англ. (17,357 пар.) футовъ, а на горахъ къ сѣверу отъ Сетледжа достигаетъ даже 19,000 англ. (17,820) пар. футовъ. Другимъ результатомъ путешествія его по Тибету было удостовѣреніе въ томъ, что всѣ большія равнины этой страны нечто иное, какъ изсохшее дно прежнихъ озеръ. (**) Оно состоитъ нынѣ изъ слоя крупнаго песку, отъ 800 до 1000 футовъ толщиною, въ которомъ рѣки вырыли себѣ свои русла до сказанной глубины. Весьма любопытны также сдѣланныя имъ замѣчанія, что водораздѣлъ главныхъ рѣкъ посѣщенныхъ имъ частей Гималаи, а вѣроятно, и всей его области, лежитъ къ сѣверу отъ черты наибольшаго возвышенія, и что въ Гималаѣ, такъ же, какъ и на Альпахъ, каждая долина, опускающаяся съ покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ горъ, имѣетъ въ самомъ началѣ своемъ ледникъ. Но самымъ важнымъ пріобрѣтеніемъ этого путешествія была составленная Стрэчи карта страны, принадлежащей къ самымъ гористымъ въ свѣтѣ, а именно — большой возвышенности Средней Азіи. Карта эта, начертанная съ величайшею отчетливостію въ-отношеніи къ топографическимъ подробностямъ, а особенно къ высотамъ мѣстъ и къ весьма важной, но вмѣстѣ очень

(*) См. 358 стр. 1-го тома нѣмецкаго подлинника и пояснительное къ тому мѣсту примѣчаніе, 75, на стр. 483.

(**) И Томпсонъ, описывая свой путь по Кенаверу, говоритъ: «Видно, что область Гималаи, или, вѣрнѣе сказать, весь Кенаверъ нѣкогда покрытъ были рядомъ озеръ: это явствуетъ изъ огромныхъ массъ осадочной глины, въ которой, даже на высочайшихъ горахъ, попадаются прѣсноводныя раковины.»

трудной для тамошняго края орографіи именъ, объемлетъ собою страну въ 500 миль длины и въ 150 ширины, изъ числа которыхъ путешественникъ самъ лично обозрѣлъ миль 400, а между ними до 200 въ недоступныхъ китайскихъ владѣніяхъ. Съ особеннымъ тщаніемъ означены на этой картѣ теченіе главныхъ отраслей Инда и Ганга, а равно и система тамошнихъ горъ, изъ которой, между-прочимъ, оказывается важное обстоятельство, что ни Куэнлунъ, ни Гималая не имѣютъ особаго существованія въ видѣ горныхъ хребтовъ, отдѣльно отъ главной возвышенной толщи Тибета, а напротивъ-того, эта гористая страна есть, по-видимому, только вершина великаго возвышенія надъ общимъ уровнемъ земли, и двѣ сказанныя цѣпи образуютъ сѣверный и южный фасы этого огромнаго горба земнаго. Внутренность и сѣверная часть этой толщи еще мало извѣстны, но, по мнѣнію капитана Стрэчи, раздробляются на массы горъ, съ чрезвычайно высокими долинами и горными гребнями (ridges). Капитанъ произвелъ весьма рачительныя геологическія наблюденія въ центральной части Гималаи, между рѣками Кали (Kalee) и Сетледжемъ, т.-е. на протяженіи 200 англ. миль въ длину, а въ ширину отъ Индѣйской равнины къ С.-З. на разстояніи 120 миль. (*) Кромѣ этого, Стрэчи собралъ, въ свои странствія, множество климатологическихъ, статистическихъ и другихъ данностей, бросающихъ ясный свѣтъ на физическій и нравственный бытъ страны, и изложилъ ихъ въ подробномъ донесеніи, которое, можно надѣяться, будетъ, въ скоромъ времени, напечатано. (**)

Между-тѣмъ, капитанъ Коннингамъ, по разлученіи съ лейтенантомъ Стрэчи, вмѣстѣ съ д-ромъ Томпсономъ, направился въ главный городъ Ладака, Ле (Lé), а потомъ, отдѣ-

---

(*) Объ этихъ наблюденіяхъ онъ читалъ въ 21-мъ собраніи Британскаго Общества для Споспѣшествованія Наукъ (British Association for the Advancement of Sciences) диссертацію, подъ заглавіемъ: On the Geology of a part of the Himalaya and Tibet.

(**) Въ воздаяніе столь необыкновенныхъ трудовъ, подъятыхъ лейтенантомъ, нынѣ капитаномъ, Стрэчи на пользу науки, Лондонское Географическое Общество, въ годичное свое собраніе 24 мая 1852 года, удостоило его золотою медалью (Victoria or Patron's gold Medal).

лясь отъ своего спутника, предался изслѣдованію древностей Кашмира, страны, не менѣе замѣчательной плѣнительностью своей природы, сколько и изяществомъ старинныхъ своихъ капищъ. Между-прочимъ, ему удалось сдѣлать нѣсколько любопытныхъ открытій, а именно: отыскать положеніе древней столицы Кашмира въ Пандистанѣ, — сокращеніе санскритскаго имени Пуранадшстаны, или Пуранадштана, т.-е. древней столицы, и удостовѣриться въ тождественности древняго Болора съ нынѣшнимъ Балти (Balti), или Малымъ Тибетомъ. Сверхъ-того, онъ собралъ много замѣчательнаго по части санскритской литературы и коллекціи словъ разныхъ нарѣчій языка Дарду.

Д-ръ Томпсонъ, съ своей стороны, рѣшился итти на сѣверъ отъ Ле къ Каракоруму, главной тѣснинѣ высокаго кряжа, отдѣляющаго Ладакъ отъ Яркенда, или Яркяни, во внутренней Азіи. Въ письмѣ къ своему брату въ Гласговѣ изъ Кашмира, отъ 8 окт. н. ст. 1848 года, онъ описываетъ трудности этого путешествія. Онъ избралъ дорогу, которою слѣдуютъ торговцы между Ладакомъ и Яркянью, единственные посѣтители этихъ странъ, потому-что Яркянь уже состоитъ подъ китайскимъ владычествомъ, не допускающимъ здѣсь никакого другаго образа сообщенія. Дорога эта отъ Ле сначала идетъ вверхъ долиною Нубры, а потомъ въ с.-в. направленіи чрезъ высокій гребень горы — Сассарское ущелье, которымъ проходилъ Томпсонъ, было на высотѣ около 18,000 англ. футовъ — въ долину рѣки Шейока (Shayok). Вся эта страна есть какъ бы одна горная пустыня, состоящая изъ снѣговъ и ледниковъ. Спускъ въ долину Шейока былъ чрезвычайно крутъ и затрудненъ сперва ледникомъ, а потомъ огромными моренами (moraines). Въ долинѣ Шейока караванъ расположился лагеремъ близъ Сассара, въ 15,500 англ. = 14,543 пар. ф. поверхъ моря, между-тѣмъ, какъ рѣка протекала у ногъ его въ глубинѣ 500 футовъ. Долина все болѣе и болѣе съуживалась и становилась утеснтѣе, а вдругъ, послѣ крутаго всхода, перешла въ обширную, волнообразную, засыпанную крупнымъ пескомъ равнину, верстъ на 12 — 15 длиною, откуда путешественникъ усмотрѣлъ на югъ цѣпь высокихъ снѣжныхъ горъ, непрерывавшихся къ В. и З., доколѣ

онъ могъ слѣдить глазами. Вышина этой равнины въ-сложности составляла 17,500, а мѣстами даже 18,000 англ. футовъ надъ уровнемъ моря, и это, по мнѣнію Томпсона, *самое высокое плоскогорье на землѣ*.

Горы, къ сѣверу опоясывающія эту равнину, всѣ округлены, не очень высоки и безснѣжны. Въ этихъ-то горахъ лежитъ тѣснина Каракорумская, цѣль путешествія д-ра Томпсона. Онъ достигъ ея послѣ однодневнаго перехода съ сѣвернаго края равнины 19 августа 1848 года. Высота тѣснины оказалась 18,604 англ. ф. = 17,458 пар. футовъ поверхъ моря. И она также лишена была снѣгу, и только по скатамъ горъ, возвышавшихся по бокамъ ея, да и то въ тѣснистыхъ лишь мѣстахъ, видны были клочья снѣгу, но не сплошные снѣга. Изъ-подъ самаго тѣмени ущелья истекаетъ горный потокъ, направляющій свои воды къ сѣверу. Его можно слѣдить глазами съ полмили, но потомъ онъ скрывается въ горахъ, съ этой стороны ограничивающихъ горизонтъ. Вдоль этого-то горнаго потока пролегаетъ дорога въ Яркянь.

У жителей Ладака и Нубры нѣтъ особаго названія для большаго снѣжнаго хребта, идущаго отъ В.-Ю.-З. къ З.-С.-С. и высочайшими своими вершинами досягающаго высоты, по ме́ньшей мѣрѣ, 24,000 англ. = 22,500 пар. футовъ. Имя Каракорума исключительно придается цѣпи на сѣверъ отъ плоскогорья, а въ особенности изслѣдованной Томпсономъ тѣснинѣ. Эта-то, нигдѣ, вѣроятно, не превышающая 20,000 или 21,000 англ. = 18,780 или 19,720 пар. футовъ, цѣпь есть, повидимому, отрогъ снѣжнаго хребта, отдѣляющійся отъ него верстахъ въ 35 или 40 на западъ отъ тѣснины; но замѣчательно, что именно эта цѣпь, хотя она и ниже южной, составляетъ водораздѣлъ между внутреннимъ, или яркяньскимъ бассейномъ и водною системою Инда.

Высокая нагорная равнина между обѣими этими цѣпями горъ, судя по геогностическимъ признакамъ, показалась д-ру Томпсону пересохшею котловиною бывшаго здѣсь въ древности озера.

Весьма богата была добыча Томпсона по части ботаники, особенно въ первую часть пути его между долинами Нубры и Шейока, и онъ встрѣтилъ тамъ не мало новыхъ для него по-

родъ, хотя, впрочемъ, почти сплошь европейскаго и сѣверно-азіатскаго типа. Всего замѣчательнѣе была порода Alsine, образующая густые, крѣпкіе кусты въ одинъ футъ и болѣе поперечникомъ. Оно впервые показалось на высотѣ 15,700 англ. = 14,730 пар. футовъ и прекратилось на высотѣ 18,000 англ. = 16,890 пар. ф., гдѣ оно большими зеленѣющими кустами одно только красовалось среди высокой нагорной равнины. Поверхъ высоты 17,000 англ. = 15,950 пар. футовъ Томпсонъ встрѣтилъ не болѣе 16 породъ, да и то по бо́льшей части изъ семейства крестоносныхъ (cruciferae).

О верховьяхъ Инда Томпсонъ въ другомъ мѣстѣ (*) даетъ слѣдующее понятіе:

«Къ сѣверу отъ Гималаи Индъ течетъ гористою, обнаженною отъ плоскихъ возвышенностей страною. Въ самой долинѣ высота, естественно, убываетъ, по мѣрѣ приближенія къ морю; но обступающія ее горы остаются одинаковой вышины, т.-е. отъ 18 до 20,000 футовъ, а нѣкоторыя вершины восходятъ еще выше. Главная долина и нѣкоторыя изъ боковыхъ лощинъ имѣютъ отъ 2 до 3 англ. миль ширины; но обыкновенно послѣднія суть нечто иное, какъ тѣсныя, крутыя ущелья. Начиная отъ вышины 12 — 13,000 и нисходя до 6000 футовъ, долина и побочныя ея отрасли иногда заключаютъ въ себѣ огромныя массы прѣсной воды. Индѣ попадаются раковины, и очевидно, что въ-старину большое озеро занимало собою всю страну отъ Ле верстъ до 60 ниже Искардо. На этомъ огромномъ протяженіи мало слѣдовъ обработанной земли: горы и бо́льшая часть долинъ совершенно пустынны. Вершины горъ покрыты снѣгомъ, а подножіе ихъ круто. Климатъ чрезвычайно сухъ. Зима сурова, но малоснѣжна, именно въ восточныхъ округахъ; къ низовьямъ же Инда количество снѣга значительно быстро возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ Индѣйской Гималаѣ. Лѣтомъ очень мало выпадаетъ дождя, хотя небо иногда подергивается облаками, и даже нельзя собственно сказать, чтобы шелъ дождь, а только по-временамъ накрапываетъ. Но, не взирая на эту сухость, человѣкъ умѣлъ въ этой пустынѣ воспользоваться и малѣйшею полосою удобной поч-

(*) Въ письмѣ къ В. Дж. Гукеру, въ London Journal of Botany.

вы: вездѣ, гдѣ только представляется площадка изрядной и достаточно орошаемой земли, можно быть увѣреннымъ встрѣтить деревушку и воздѣланныя поля. Если небо не посылаетъ дождя, то нужно орошать растенія, а воду добыть не трудно, потому-что горы превышаютъ границу вѣчнаго снѣга, и лѣтомъ стекаетъ съ нихъ обильная масса воды. По бо́льшей части здѣсь сѣютъ пшеницу и ячмень, — послѣдній до значительной высоты; сверхъ-того, также горохъ, бобы, горчицу, а въ низменныхъ теплыхъ мѣстахъ—одну или двѣ породы Panicum. Естественно, что въ такой пустынной странѣ природная растительность очень бѣдна. Я еще не могу въ-точности опредѣлить числа встрѣченныхъ мною породъ, но полагаю, что оно не превышаетъ 500. Обработанныя около деревень полосы являли роскошную растительность, и даже въ пустынѣ, въ-продолженіе около двухъ недѣль (по прибытіи Томпсона, т.-е. съ 22 іюня), было множество растеній; но позже они всѣ завяли и изсохли отъ зноя. Альпійская флора начинается на высотѣ около 14,000 футовъ, но ограничивается только берегами горныхъ ручьевъ и мѣстами, орошаемыми растаявшимъ снѣгомъ: растительность вообще носитъ характеръ сѣвера, а изобиліе въ астрагалахъ напоминаетъ флору Сибири.»

И въ другихъ мѣстахъ своихъ писемъ д-ръ Томпсонъ отзывается о верховьяхъ Инда подобнымъ же образомъ. Такъ, около впаденія рѣки Голе́ въ Индъ онъ говоритъ: «Индъ течетъ здѣсь, съ быстротою отъ $1^1/_2$ до 2 миль въ часъ, по обширной солонцеватой равнинѣ. Берега его чрезвычайно безплодны, такъ-что на протяженіи 25 миль я замѣтилъ не болѣе 45 видовъ растеній.» — А равнымъ-образомъ и о верхнемъ теченіи Сетледжа: «Самая долина Сетледжа вообще безплодна, такъ-что, за исключеніемъ ближайшихъ окрестностей деревень, рѣдко гдѣ увидишь дерево. Не менѣе того я былъ удивленъ, встрѣтивъ между горными растеніями, прозябавшими въ долинѣ, нѣкоторыя почти-исключительно европейскія.» — Представляя, въ другомъ мѣстѣ, общій очеркъ посѣщеннаго имъ плоскогорья, онъ говоритъ: «Съ 5 сентября мы находились никакъ не ниже 13,800 ф. надъ моремъ, а бо́льшею частію гораздо выше. Иногда мы проходили открытыми, гладкими равнинами; но вообще мѣстность была холмистая.

Нѣкоторыя изъ этихъ высокихъ равнинъ весьма обширны и казались совершенно горизонтальными, у другихъ была замѣтна незначительная покатость; послѣднія обыкновенно покрыты каменистою почвою, но на первыхъ вездѣ выступала наружу горная соль—явный знакъ, что эти равнины были нѣкогда ложемъ озеръ. Повсемѣстное безплодіе царствовало не только на горахъ, но и на каменистыхъ равнинахъ: тамъ, гдѣ поднимаются огромныя массы утесовъ, пытливый взоръ едва открывалъ кой-какія одиноко торчащія растенія. Вообще растительность держится лишь поблизости водъ, берега которыхъ по бо́льшей части болотисты и покрыты низкою травою. Въ такихъ мѣстахъ я сдѣлалъ нѣсколько замѣчательныхъ находокъ.»

До сихъ поръ, сколько намъ извѣстно, появились только письма доктора Томпсона въ разныхъ англійскихъ журналахъ такъ, напр., въ Гукеровомъ Journal of Botany, въ Journal of the Asiatic Society of Bengal. N. 187. February 1848, стр. 89—132, и въ другихъ. Но надобно съ нетерпѣніемъ ожидать скораго выхода въ свѣтъ полнаго донесенія о многостороннихъ розысканіяхъ столь опытнаго и внимательнаго наблюдателя.

Въ одно время съ этою экспедиціею въ Тибетъ, другъ и бывшій товарищъ Томпсона, докторъ Джозефъ Гукеръ (Hooker) (*), сынъ знаменитаго ботаника сэра Вильяма Гукера, нынѣ директора Королевскаго Ботаническаго Сада въ Кью (Kew), снаряженъ былъ для изслѣдованія, въ естественномъ и особенно ботаническомъ отношеніи, восточной части Гималаи. Гумбольдтъ, котораго онъ письменно предварилъ объ

(*) Изрѣдка сама судьба связываетъ людей одинаковостью склонностей, назначеній и даже участи, и такая дружба обыкновенно бываетъ на всю жизнь. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ тому примѣровъ Томпсонъ и младшій Гукеръ. Воспитанные оба въ одной и той же школѣ, а потомъ въ одной и той же коллегіи, оба избрали себѣ любимою наукою естественную исторію, преимущественно ботанику, оба въ одно время добыли академическую степень и выступили на поприще жизни какъ ботаники-путешественники: одинъ въ Остъ-Индіи, а другой у Южнаго полюса. Одинъ былъ заключенъ нѣсколько времени полярными льдами, а другой—въ плѣну у Афгановъ, изъ котораго удалось спастись лишь немногимъ, и оба послѣ годовъ разлуки и приключеній снова сошлись на одномъ и томъ же полѣ изслѣдованій.

этой экспедиціи, препоручилъ особенному его вниманію два предмета: во-первыхъ, опредѣленіе средней высоты плоскихъ возвышенностей Гималаи и Тибета, и, во-вторыхъ, измѣреніе линіи вѣчныхъ снѣговъ на южномъ и сѣверномъ склонахъ Гималайскаго хребта. (*)

Къ сожалѣнію своему, докторъ Гукеръ, по прибытіи въ Калькутту, узналъ, что Тибетская миссія, не достигши, по вышеобъясненной нами причинѣ, главной своей цѣли, разошлась въ разныя страны. Итакъ, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, онъ рѣшился на первый разъ заняться изслѣдованіемъ ближайшихъ странъ Гималаи (т.-е. къ югу отъ этого хребта). Но какъ время года было еще раннее, то онъ напередъ предпринялъ экскурсію въ низменную часть Индіи. Взявъ свое направленіе на западъ отъ Калькутты, онъ посѣтилъ угольныя формаціи въ области Бурдванъ. Изслѣдованіе ихъ доказало ему, что онѣ, по своему протяженію и положенію, могутъ быть сравнены съ формаціями Европы, но, по своимъ окаменѣлостямъ, совершенно отъ нихъ различны и, вѣроятно, принадлежатъ къ одной и той же эпохѣ съ прежде изслѣдованными имъ каменноугольными формаціями Австраліи.

Изъ области каменнаго угля путешественникъ поднялся на высокое плоскогорье, пересѣкающее весь Индостанъ, отъ Камбейскаго залива до самаго раздѣла водъ Гугли и Ганга. Это плоскогорье обыкновенно принимаютъ за составную часть Виндійскаго кряжа; но Гукеръ распозналъ въ немъ отдѣльную цѣпь, идущую параллельно сказанному кряжу. Виндія (Vindhya) состоитъ изъ песчаника, начиная отъ Кунара, сѣверо-восточнаго ея конца на Гангѣ, до Омеръ-Кунтука на

(*) О первой изъ этихъ задачь престарѣлый Несторъ космографіи пишетъ слѣдующимъ образомъ: Que je suis heureux d'apprendre, que vous allez pénétrer dans les belles vallées de l'Himalaya, et même au delà vers Ladak et les plateaux du Tibet, dont la hauteur moyenne, non confondue avec celle des cimes qui s'élèvent dans le plateau même est un objet digne de recherche; а вторую опредѣляетъ слѣдующими словами: Eclaircir le problème de la hauteur des neiges perpétuelles à la pente méridionale de l'Himalaya, en vous rappelant des données, que j'ai réunies dans le troisième volume de mon «Asie Centrale».

высотѣ 1,500 футовъ; а та цѣпь, которую обозрѣлъ Гукеръ — изъ гнейса и гранита, начиная отъ Гугли до того же самаго предѣла (Омеръ-Кунтука). Плоскогорье это имѣетъ среднюю высоту около 1,200 футовъ, возвышающихся отъ общаго уровня съ гранитными горами въ 3,000 футовъ. На одну изъ такихъ-то горъ всходилъ Гукеръ: вершина ея была 4,050 футовъ поверхъ моря. Здѣсь находится главное мѣстопребываніе Джаиновъ (Jain), на востокѣ Индіи, какъ гора Абоэ есть главная ихъ обитель на западѣ Индіи. Племя это, поклоняющееся Парусъ-Нату (Parus Nath), образуетъ собою переходную секту отъ буддистовъ къ брахманамъ.

На здѣшнихъ горахъ разсѣяны племена весьма различнаго происхожденія: Колы (Kols) и Бгилы (Bheels) внутренней Индіи, — племена, чрезвычайно робкія, уединяющіяся какъ другъ отъ друга, такъ и отъ общенія со всѣми другими людьми. Они, также, какъ и многочисленныя племена у подножія Гималаи, въ отдаленныхъ частяхъ хребта Виндійскаго, въ Батовомъ полуостровѣ и т. д., вѣроятно, остатки первобытнаго тамульскаго населенія, которые со времени вторженія Арійцевъ заняли свое мѣсто жительства въ непроходимыхъ дебряхъ горъ и въ болотистыхъ тростниковыхъ заросляхъ.

Подаваясь къ западу, Гукеръ нашелъ обрывы гранитнаго пояса къ долинѣ, чрезъ которую течетъ Соана, очень крутыми и отвѣсными и отъ 1,300—600 ф. вышиною. Самая же долина, въ 80—100 миль шириною, лежитъ въ уровень съ русломъ Ганга и отдѣляетъ состоящую изъ песчаника цѣпь Виндіи отъ Парусъ-Ната, тѣмени гранитной плоской возвышенности.

Начиная отъ восточнаго предѣла Виндійской цѣпи, Гукеръ слѣдовалъ миль около 200 далѣе вверхъ по долинѣ Соаны. Эта часть пути была чрезвычайно утомительна, по причинѣ недостатка дорогъ и суровости края. Въ-продолженіе этихъ странствій вдоль Соаны, онъ неоднократно всходилъ на Виндійскія горы, для ботаническихъ, геологическихъ и метеорологическихъ изслѣдованій, а наконецъ, оставивъ долину поверхъ крѣпости Биджегуръ (Bidjeghur) и перейдя чрезъ Виндію, спустился къ рѣкѣ Гангу, близъ Мирзапура. На всемъ этомъ пути онъ производилъ нивеллировку, съ по-

мощью барометра, наблюдая по 4 раза въ день инструментъ, а сверхъ-того еще термометръ, фотометръ и гигрометръ. И онъ также замѣтилъ на плоскогорьяхъ чрезвычайную сухость воздуха. Въ 10 дней февраля среднее количество сырости было 0,387, а однажды вечеромъ даже не болѣе 0,140. Во все это время не выпало ни одной росинки, хотя ночи были ясны и свѣтлы. Между-тѣмъ, въ равнинахъ около 1,000 футами ниже безпрестанно образовывалась роса, не-смотря на то, что сырость также не превышала 0,516.

Въ Мирзапурѣ ботаникъ нанялъ лодку и спустился по Гангу въ Бангульпоръ (Bhangulpore), а мимоходомъ посѣтилъ Бенаресъ и тамошнюю обсерваторію. Съ наступленіемъ же дождливаго времени года, онъ поспѣшилъ укрыться въ лечебной станціи (sanatorium) Дарджилингъ, лежащей въ самомъ ядрѣ Гималайскаго подгорья, на высотѣ 7,200 футовъ. Защищенная отъ снѣжной цѣпи грядою горъ отъ 8,000 до 10,000 футовъ вышиною, она пользуется весьма здоровымъ климатомъ. Что же касается до снѣжной цѣпи, то она воздымается огромною массою покрытыхъ снѣгомъ пиковъ, куполовъ и усѣченныхъ конусовъ до высоты 28,178 футовъ, а именно гора Кончин-джинга (Konchin-jinga), которая послѣ Давалагири, также найденнаго выше, чѣмъ прежде полагали, есть высочайшая въ свѣтѣ гора. (*) Чамалари, которая видна изъ ближайшихъ окрестностей Дарджилинга, доходитъ до высоты 24,000 футовъ.

(*) Насчетъ этихъ измѣреній гималайскихъ высотъ Гукеръ, въ письмѣ къ Гумбольдту, отъ 25 іюля 1848 года, говоритъ: «Измѣренія производились на 8 разныхъ станціяхъ, и результаты ихъ согласуются между собою съ самою незначительною разностью, а именно 200 футовъ и даже менѣе того; результаты двухъ станцій разнились даже однимъ только футомъ. Это была продолжительная, но дивно выполненная операція.» Въ другомъ, позднѣйшемъ письмѣ къ Гумбольдту, отъ 26 апрѣля 1849 г., онъ повѣряетъ эти показанія слѣдующимъ образомъ. «Относительно къ вопросамъ вашимъ о главныхъ высотахъ Гималая замѣчу:

1) Кончинъ, или Кинчин-джунга есть высочайшая изъ всѣхъ доселѣ съ точностью измѣренныхъ горъ: вышина ея составляетъ: а) по измѣренію трехъ тригонометрическихъ станцій въ равнинѣ, 28, 125, 28, 182 и 28192 ф.; б) по измѣреніямъ четырехъ станцій въ Гималайскомъ под-

Относительно къ вопросу о линіи снѣговъ, докторъ Гукеръ, въ письмѣ своемъ къ Гумбольдту отъ 25 іюля 1848 года, выражается такъ: «Снѣговая линія, безспорно, гораздо выше по сѣверную сторону великаго хребта, чѣмъ по южную, и точно по тѣмъ самымъ причинамъ, которыя вы приводите: по сильному испаренію и въ то же время по незначительной осадкѣ. Это, дѣйствительно, два явленія, господствующія вдоль всего хребта, и ихъ-то вліянію слѣдуетъ приписать изумительный фактъ, что снѣговая линія съ 20,000 футовъ, на засетледжскихъ горахъ подъ 36° сѣверной широты на С.-З. опускается до 15,000 футовъ въ горныхъ тѣснинахъ къ югу отъ Брахма-Путры, между Ассамомъ и Бирмою, въ широтѣ 27° на Ю. В., гдѣ находятся самыя южныя снѣговыя горы Азіи.» (*)

Не-смотря на упорное сопротивленіе Китайцевъ всякой попыткѣ Европейцевъ переступить ихъ предѣлы, докторъ Гукеръ успѣлъ обозрѣть границу со стороны Нипала и Бутана.

Насчетъ послѣдующихъ своихъ предпріятій докторъ Гукеръ, въ сказанномъ письмѣ, изъясняется такъ: «Теперь имѣю положительную надежду, что въ нынѣшнемъ октябрѣ можно

горѣ: 28,177, 4; 28183; 28162, 5 и 28,212 футовъ. Итакъ, средній выводъ 28,176, 6 ф. англ. = 4,406 туазамъ = 26,436 пар. ф.

2 Давалагири недавно снова измѣренъ полковникомъ Вô (Waugh). Онъ полагаетъ, что прежнія оцѣнки высоты этой горы слишкомъ низки, и что гора эта окажется столько же высокою, если не нѣсколько выше, какъ Кинчин-джинга.

3) Между Голаин-таномъ и Кинчиномъ есть гора, которую можно видѣть какъ съ Нипальской долины, гдѣ ее зовутъ Деоланга (Deodangha), такъ и изъ Сиккима. Она еще никогда не была измѣрена и даже не показана на картахъ. Но полковникъ Вô считаетъ ее еще не многимъ выше Кинчина и Давалагири.

4 О Джавари я не могу сообщить ничего новаго, но, во-всякомъ-случаѣ, его должно отнести къ второстепеннымъ высотамъ Гималаи. Полковникъ Вô полагаетъ, что между Давалагири, Деодангою и Кинчиномъ столько мало разницы, что никакая другая вершина не можетъ сравниться съ ними, и что всѣ эти три горы превышаютъ высоту 28,000 англ. = 26,270 пар. футовъ.»

(*) Сличи съ этимъ выше показанія Стрэчи, а болѣе повѣрки самого Гукера.

мнѣ будетъ посѣтить Кончин-джингу: правительство взялось выхлопотать мнѣ на-этотъ-конецъ дозволеніе свободно разъѣзжать по Сиккиму.» О предположеніяхъ же своихъ на 1849 годъ онъ пишетъ далѣе: «Я намѣренъ будущимъ лѣтомъ предпринять путешествіе въ верхній Ассамъ... Съ тѣхъ поръ, какъ мы завели тамъ чайныя плантаціи и торговыя связи съ тамошними племенами, Китайцы съ усугубленною строгостію стерегутъ Ассамскую границу, и мнѣ едва ли удастся съ восточной стороны Кимаона проникнуть въ Тибетъ; развѣ какое-нибудь неожиданное событіе откроетъ мнѣ путь туда.»

Но дурное время года и упорство сиккимскаго раджи не дозволили Гукеру исполнить первый изъ сказанныхъ плановъ; а потому, отложивъ это предпріятіе до другаго времени, онъ отправился въ Нипалъ. Этотъ путь провелъ его чрезъ двѣ еще вовсе неизвѣстныя тибетскія тѣснины, самыя восточныя къ Нипалу, и подалъ ему случай къ изслѣдованію сѣверо-западной, западной, юго-восточной, а наконецъ и южной грани вѣчныхъ снѣговъ въ тамошнихъ горахъ. Но трудность странствія была чрезвычайна. Въ одномъ мѣстѣ, на горѣ, въ 11,000 англ.=10,320 пар. футовъ, вышиною, его покинули всѣ его носильщики, и онъ самъ, разославъ всѣхъ прочихъ своихъ людей, въ дальнія деревни, за другими носильщиками, долженъ былъ пережидать ихъ возвращенія одинъ-одинешенекъ. Натуралистъ среди этихъ величавыхъ горъ занялся ботанизированіемъ и метеорологическими наблюденіями. Наконецъ новые носильщики прибыли, и онъ могъ снова продолжать свой путь. Пробираясь глубокими оврагами, онъ достигъ рѣки Тамбура и вверхъ по ней деревни Валлунгъ (Walloong), на высотѣ около 11,000 футовъ поверхъ моря, — главнаго мѣста племени Бготіа (Bhotias). Здѣсь его приняли съ большою недовѣрчивостью и никакъ не хотѣли-было пропустить далѣе, даже отказывались снабдить его съѣстными припасами. Но, къ счастію, онъ еще имѣлъ при себѣ съ дюжину людей изъ Бутана, и отчасти угрозами выхлопотали ему, не безъ большихъ, впрочемъ, затрудненій, пропускъ.

Спустя полтора дня пути, Гукеръ достигъ тѣснины, лежащей въ 12 англ. миляхъ на З.-С.-З. отъ вершины Кончин-джинга. Тѣмя этой тѣснины находится въ высотѣ 16,700

англ. = 15,670 пар. футовъ, но еще въ разстояніи трехъ дней пути отъ Тибетской равнины, потому-что она отдѣлена отъ этого мѣста двумя могучими хребтами, отраслями Кинчина. Горы и долины въ это время года были еще покрыты глубокимъ снѣгомъ.

Но это еще не была самая восточная изъ ведущихъ въ Тибетъ дефилей, а слѣдовательно, и не ближайшій къ Кинчину, достижимый въ восточномъ Нипалѣ, пунктъ. Поэтому-то Гукеръ, возвратясь въ Валлунгъ, рѣшился посѣтить и восточнѣйшую изъ долинъ, откуда ведетъ въ Тибетъ еще Канглачемская тѣснина. Но, по причинѣ глубокихъ снѣговъ, онъ съ трудомъ лишь достигъ высоты 16,000 англ. футовъ и, сдѣлавъ, на сколько было можно, съемку мѣстности, предпринялъ обратный путь въ Сиккимъ, чрезъ три отрога Кинчина. Можно себѣ представить, какъ трудно было это странствіе посреди самой глубокой зимы. Носильщики его (Coolies) дрожали отъ холода, и отрядъ нѣсколько ночей долженъ былъ проводить на бивуакѣ, подъ открытымъ небомъ. Къ тому же запасъ провизіи, который ему удалось добыть, былъ очень скуденъ, и мѣстами ихъ застигала жесточайшая вьюга. Но наконецъ, послѣ величайшихъ трудностей, они спустились въ долину Тистры, гдѣ Гукеръ, къ большой своей радости, встрѣтилъ своего друга доктора Кембеля, политическаго агента въ Дарджилингѣ, поспѣшившаго туда еще никѣмъ не посѣщенными путями.

Докторъ Кембель проводилъ его къ рѣкѣ Большому Ренджиту (great Rungeet). Кембель долженъ былъ отсюда воротиться въ Дарджилингъ, а Гукеръ, горя нетерпѣніемъ посѣтить южную часть Кинчина, продолжалъ свой путь далѣе.

«Все это путешествіе—пишетъ онъ Гумбольдту—вело меня страною, дотолѣ еще неизвѣданною, и хотя я исправный ходокъ, но ежедневно, среднимъ числомъ, могъ пройти не болѣе 5 англ. миль ($7\frac{1}{2}$ верстъ), въ прямой линіи, т.-е. съ часъ пути, не-смотря на то, что каждый день былъ въ дорогѣ отъ 5 до 6 часовъ.

«Метерологическія наблюденія я производилъ ежечасно, начиная отъ восхода солнца до 9 или 10 часовъ утра и отъ захожденія солнца до 10 часовъ вечера.... Но главною моею

заботою была ботаника, и, при собираніи растеній, я всегда старался отмѣчать ихъ употребленіе и туземныя названія на ботійскомъ, горкипскомъ и лепчинскомъ языкахъ, а сверхъ-того дѣлалъ измѣренія высотъ съ помощью барометра или секстанта. Коллекціи мои весьма богаты изъ умѣреннаго и субарктическаго пояса (subarctical zone), гдѣ на высотѣ отъ 10 до 12,000 футовъ, рядомъ съ породами пихты (Pinus) и поверхъ ихъ, Rhododendron растетъ цѣлыми лѣсами. Смоковница доходитъ до вышины 9,000 футовъ...... И по части геологіи я былъ довольно прилеженъ. Появленіе гранита, образующаго вершины всѣхъ горъ свыше 20,000 футовъ, и могучія его формы вдоль всей главной цѣпи и каждаго склона, каждаго отрога Кинчина дивно прекрасны. Отвѣсныя скалы слоистаго камня въ 4,000 футовъ толщины, ярко-краснаго цвѣта, въ такихъ изгибахъ, какъ я нигдѣ не встрѣчалъ, перерѣзаны гигантскими жилами кварца, порфира и пр. Отдѣльныя громады слюдистаго сланца и гнейса взгромождены до высоты 20,000 футовъ все въ такомъ величавомъ безпорядкѣ, что никакая память того удержать не можетъ. Я нигдѣ не видалъ известняка и окаменѣлостей: слюдистый и глинистый сланецъ, гнейсъ и гранитъ, — вотъ породы, изъ которыхъ состоитъ весь Гималайскій хребетъ. Полевой шпатъ изрѣдка попадается въ гранитѣ, руды не очень часто, — немного олова, желѣза, хрома и марганца. Я не находилъ ни прекрасныхъ минераловъ, ни вулканическихъ веществъ, но встрѣтилъ взамѣнъ ихъ теплый ключъ чистой воды.

«Я снялъ три поперечные профиля Гималаи, отъ гребня хребта до самаго края равнины, заключающіе въ себѣ много физическихъ, геологическихъ, метеорологическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ поясненій. Карта моя основана на астрономическихъ опредѣленіяхъ широтъ и многочисленныхъ измѣреніяхъ....

«Теперь я готовлюсь къ другой экскурсіи въ снѣговую область. Сопротивленіе раджи и дождевое время, правда, противупоставятъ мнѣ много препятствій; но я знаю народъ и люблю его, и если только найду носильщиковъ, довольно смѣлыхъ, чтобы перешагнуть со мною дефилеи, хотя бы числомъ не болѣе пяти человѣкъ, то я навѣрно измѣрю Тибетскую

равнину у подошвы Кинчина. Но бдительность Китайцевъ непреодолима, а народъ, сколько ни добръ и мужественъ во всякомъ другомъ отношенiи, боится своего раджи и Китайцевъ. Первый, при малѣйшемъ поводѣ, продаетъ ихъ семейства въ неволю въ Бутанъ.

«Отъ всѣхъ моихъ помышленiй о Верхнемъ Ассамѣ я отказался: они совершенно неисполнимы. Одинъ отправленный туда Годжсономъ вѣстникъ убитъ хладнокровно, да и климатъ тамошнiй не здоровъ.»

Но, противъ всякаго чаянiя, послѣ неоднократныхъ дипломатическихъ переговоровъ, усилiямъ и влiянiю генералъ-губернатора остъ-индскаго, лорда Дальгузи, резидента въ Дарджилингѣ, доктора Кемпбеля и Годжсона, удалось устранить препятствiя, сопротивлявшiяся вступленiю упорнаго британскаго естествоиспытателя въ Тибетъ, и онъ въ третьемъ своемъ письмѣ къ Гумбольдту, изъ Тунгу отъ 25 iюля 1849 года, могъ уже объявить съ торжествомъ:

«Я достигъ своей цѣли: я стоялъ на плоскогорьѣ Тибета, по ту сторону Сиккима, въ высотѣ 15,500 англ. футовъ, оставивъ за собою всѣ снѣговыя горы!...

Какимъ образомъ ему удалось преодолѣть строптивость мѣстнаго начальства, онъ презабавно разсказываетъ въ упомянутомъ письмѣ:

«Мы направились къ тѣснинѣ и вчера вступили въ Тибетъ, при чемъ мой прiятель *суба* лаченскiй вызвался быть моимъ путеводителемъ. Отговоркамъ его не было числа. Китайцы, говорилъ онъ, грозили отрубить ему голову, если онъ дозволитъ Европейцу перейти границу. Потомъ онъ обѣщалъ не скрывать отъ меня даже столько (указавъ на кончикъ своего мизинца) и изъявилъ готовность показать мнѣ все, даже свою жену, въ черной ея палаткѣ, на границѣ. Такъ повернулось дѣло, и Бутiйцы оказались столько же ласковыми, сообщительными и предупредительными, сколько до того были суровы и непреклонны.»

«Мѣсто, откуда я вамъ пишу—продолжаетъ Гукеръ—отстоитъ отъ тѣснины около 10 англ. миль. Мы имѣли съ собою тибетскихъ лошадокъ (ponies)... я, впрочемъ, бо́льшую часть дороги шелъ пѣшкомъ, для того, чтобы собрать новыя расте-

нія тибетскаго типа. Растительность скудна, но разнообразна. Тибетцы лѣтомъ переходятъ за границу для пастьбы своихъ *яковъ* (длинношерстныхъ воловъ), и тогда живутъ подъ шатрами изъ конскихъ волосъ. Мы видѣли двѣ изъ этихъ палатокъ.... Здѣшніе жители, во все лѣто, дѣлаютъ мало и питаются творогомъ, молокомъ и хлѣбомъ изъ Fagopyrum. Только зажиточные могутъ покупать рисъ.

«Нѣсколько миль далѣе мы достигли палатокъ Пеппина (субы лаченскаго) и очень ласково были приняты его женою и семействомъ. Всѣ усѣлись въ кружокъ посреди палатки на корточки, — я — во главѣ, на прекрасномъ китайскомъ коврѣ. Жена субы готовила чай (кирпичный), съ солью и масломъ; при этомъ щедро обносили творогомъ, жаренымъ рисомъ и толокномъ изъ маиса. Итакъ, мы пировали прероскошно, потому-что я страстный охотникъ до кирпичнаго чаю и творогу. Нашъ огонекъ поддерживали можжевельникомъ. Утварь была изъ глины диджарчскаго издѣлья (Dijarchi). Но вдругъ бѣдная моя канчинская собака, привязанная наружи, подняла страшный лай на большую бутійскую собаку, чудное животное, которое грозило сгрызть моего вѣрнаго Аргуса. Въ тоже самое мгновеніе раздался въ долинѣ страшный громовой ударъ. Спутники мои вскочили съ мѣстъ своихъ и закричали мнѣ, чтобы я послѣдовалъ ихъ примѣру, потому-что «горы обрушиваются» и настаетъ сильная гроза.

«Мы продолжали путь съ 5 или 6 англійскихъ миль. Шумъ низпадающихъ грудъ, съ одной стороны, съ Кинчинъ-Джова, а съ другой—съ Чамоимо, былъ, въ собственномъ смыслѣ слова, ужасенъ, такъ-что мнѣ, исключая сильнѣйшихъ ударовъ грома, никогда не приходилось слыхивать ничего подобнаго. Къ счастію, погода скоро прояснилась до того, что я могъ осмотрѣться вокругъ. Къ сѣверу нагорная равнина склонялась послѣдовательными, очень низкими грядами горъ, надъ которыми еще носились густые пары. На востокѣ небо было ясно, и въ этомъ направленіи тянулись низкіе гребни высокаго плоскогорья, лежащаго за большимъ хребтомъ. Къ юго-востоку круто возвышался Кинчинъ-Делоу, снѣжная масса съ плоскою вершиною, въ 20,000 англійскихъ футовъ вышиною. На юго-западѣ воздымался также покрытый снѣгомъ Чамаимо;

между-тѣмъ, какъ на югѣ плоская возвышенность спускалась между горъ въ Лаченскую долину. Итакъ, я стоялъ здѣсь, послѣ трехъ-мѣсячныхъ препонъ, въ тылу всей Гималайской цѣпи и на самомъ сѣверномъ протяженіи Средней Гималаи, потому-что это мѣсто гораздо сѣвернѣе Кинчин-Джонга и Чумари, или Нипальскихъ тѣснинъ, посѣщенныхъ мною въ прошлую зиму. Здѣсь я разрѣшилъ еще другую задачу — вышину снѣговой границы. Страннымъ покажется, если я скажу, что по всей дорогѣ, ни справа, ни слѣва, ни на большихъ горахъ, на высотѣ 15,000 футовъ, выше моей стоянки, не видно было ни одной снѣжинки. Въ Сиккимѣ, на индѣйской сторонѣ Гималаи, снѣговая граница ниже 15,000 англ. = 14,073 пар. футовъ поверхъ моря; на тибетской, или на сѣверномъ склонѣ, напротивъ-того, выше 16,000 англ. = 15,006 пар. футовъ. Радость моя, что я счастливо достигъ этого пункта, была велика, и я второпяхъ еще набросалъ панорамическій очеркъ окрестнаго ландшафта, на четырехъ большихъ листахъ инфоліо. . . . .

«Мои бѣдные Лепчи (Leptchas) дрожали, почти оцѣпенѣвъ отъ холода; поэтому я отдалъ имъ свою епанчу, будучи самъ всегда одѣтъ очень тепло. Полтора часа мы пробыли по ту сторону границы на тибетской землѣ и сдѣлали точныя барометрическія и разныя другія наблюденія.

«По возвращеніи нашемъ, погода совершенно выяснилась, и открывшійся моимъ взорамъ видъ на вышепоименованныя, почти отвѣсно возвышающіяся горы превзошелъ все дотолѣ мною встрѣченное. Горы эти вдругъ возвышаются футовъ на 6,000, выказывая изъ-за тумана свои стѣноподобные, покрытые льдомъ бока, свои конусообразныя, облеченныя толстымъ слоемъ снѣга вершины. Къ югу же, въ ущельѣ, горы опускаются до высоты незначительныхъ пригорковъ, чтобы потомъ въ параллели большой цѣпи, еще 20 милями южнѣе, снова подняться зубчатыми вершинами въ область вѣчнаго снѣга.

«Я очень желалъ бы пробыть здѣсь (въ Тунгу) нѣсколько времени; но нѣтъ никакой возможности получить съѣстные припасы.

«Люди мои держатъ себя очень хорошо, и я никогда не слыхалъ отъ нихъ ни малѣйшаго ропота....

«Что до меня самаго касается, то задача моя еще не разрѣшена и въ половину—я разумѣю относительно къ ботаникѣ— хотя я съ самаго ранняго утра до поздняго вечера занимаюсь собираніемъ и сушкою растеній, почти ни на что другое не удѣляя своего времени.»

Не довольствуясь этими успѣхами, неутомимый естествоиспытатель, спустя недѣль шесть послѣ этого, проникъ еще въ четвертый разъ въ Тибетъ, дотолѣ никѣмъ не посѣщенною тѣсниною. Въ письмѣ къ отцу своему, сэру Вильяму Дж. Гукеру, съ рѣки Лачунги, на границѣ Тибета, отъ 13 сентября 1849 года, онъ пишетъ объ этомъ слѣдующее:

«Донкіахская тѣснина (Donkiah pass), доселѣ неизвѣстный Европейцамъ проходъ, лежитъ подъ 12° сѣв. широты, немного на востокъ отъ 88° 30′ восточной долготы отъ Гринича. Высота ея 18,000 англ. = 16,890 франц. футовъ надъ уровнемъ моря. Отъ Нипальскихъ тѣснинъ она отличается тѣмъ, что образуетъ весьма тѣсное ущелье между горами Донкіахъ-Лахомъ въ 23,175 футовъ, съ востока, и Кинчин-Джоу въ 22,006 футовъ, съ запада. Къ сѣверу и югу отъ дефилеи простираются высокія равнины (въ 17,000 футовъ), изъ нѣдръ которыхъ воздымается эти горные колоссы. Съ одной стороны изъ озеръ у подножія Донкіаха беретъ свое начало рѣка Лачунгъ, а съ другой, тибетской, изъ другихъ озеръ, лежащихъ на плоской возвышенности Чоламо, вытекаетъ рѣка Лаченъ (Lachen).

«Съ вершены Донкіахской дефилеи мнѣ открылся превосходный видъ миль на 60 (90 верстъ) къ сѣверу, во внутрь Тибета. Впереди обширныя равнины, наносы песку и низкія утесистыя возвышенія, а за ними, доколѣ простирался взоръ, цѣпи каменистыхъ горъ, индѣ покрытыя снѣгомъ и сравнительно не слишкомъ высокія.» (Эту цѣпь горъ докторъ Гукеръ принимаетъ за водораздѣлъ Яруцзанботсіу (Yaroudzingbotsiu.)

Высота Тибетскаго плоскогорья, близъ Конгра-Ламы, 16,000, а близъ Чаламо — 17,000 англ. футовъ; но какъ послѣдній пунктъ лежитъ у самыхъ горъ, то первую цыфру, вѣроятно, можно почесть за среднюю.

Величавость горнаго зрѣлища неописанна: «Съ двухъ сторонъ, по словамъ Гукера, воздымаются угловатые гнейсовые утесы, тѣмя которыхъ покрыто снѣгами, опускающимися въ каждой трещинѣ особымъ ледникомъ. Передъ нами высится стѣна Кинчин-Джоу, почти отвѣснымъ ледникомъ, въ 4,000 футовъ вышины, подобно голубой завѣсѣ, развернувшейся отъ земли до самаго неба. На четвертой сторонѣ видимаго пространства нижняя часть долины замыкается крутою стѣною, сооруженною, до 500 футовъ вышины, изъ сброшенныхъ съ ледниковъ обломковъ; а внутри этихъ предѣловъ все являетъ хаосъ снѣжныхъ конусовъ и горныхъ глыбъ, выдающихся изъ-подъ снѣга футовъ на 50 или 60.

«Самая долина, почти повсюду въ двѣ мили ширпною, ни съ чѣмъ другимъ сравнена быть не можетъ, какъ съ кратеромъ огромнаго вулкана, небольшіе огненные конусы котораго внезапно были превращены въ ледъ. Сегодня я по бокамъ Донкіаха всходилъ до высоты 18,000 футовъ, въ самую средину угла снѣжныхъ вершинъ къ западу отъ Чумаларп, гдѣ сцена состоитъ изъ кратеровъ, равнинъ и снѣжныхъ горъ, какихъ не найдешь нигдѣ, кромѣ внутри полярнаго круга. Конечно, я ничего не видалъ такого, что́ можно было бы сравнить съ ледяными громадами страны Викторіи; но за-всѣмъ-тѣмъ горы здѣшняго края, а въ-особенности Кинчин-Джоу, неописанно величавы. Съ какой стороны ни всматриваешься въ этотъ колоссъ, онъ является твердыней изъ чистаго голубаго льду, въ 4,000 футовъ вышиною и отъ 6 до 8 миль длиною.»

Замѣчательно, что на самой окрайнѣ вѣчнаго снѣга, на высотѣ 16,000 футовъ, путешественникъ встрѣтилъ горячій ключъ, состоявшій изъ сѣроводороднаго газа, въ 112° Фаренгейта.

Въ другомъ, нѣсколько позднѣйшемъ письмѣ къ своему же отцу докторъ Гукеръ замѣчаетъ: «Я уже не считаю болѣе Гималаи связною цѣпью горъ, а только снѣжными отрогами гораздо высшей безснѣжной страны, которая вершинами пролегающихъ на югъ горныхъ отраслей ограждена отъ снѣгу. И докторъ Томсонъ, независимо отъ меня, составилъ себѣ такое же точно о Гималаѣ мнѣніе.»

Еще опредѣлительнѣе естествоиспытатель выражается насчетъ этого въ письмѣ къ Гумбольдту, отъ 23 сентября 1850 года, съ Хоссійскихъ горъ (Khossya mountains):

«Я нынѣ удостовѣрился въ томъ, что снѣжная Гималая не образуетъ особой горной цѣпи, а напротивъ-того, состоитъ изъ группъ снѣжныхъ вершинъ, которыя, далеко отдѣленныя одна отъ другой, суть части болѣе связной высокой цѣпи горъ, между большими снѣжными массами и рѣкою Яру-Цампу (Yarou-Tsampu).» (*)

(*) Это самое замѣчаніе, впрочемъ, сдѣлано было уже десятью годами прежде, капитаномъ Гуттономъ (Hutton). Въ геологическомъ своемъ донесеніи о долинѣ Сетледжа (Sutledje), написанномъ въ Кандагарѣ, 19 іюня 1840 года, онъ изъясняется на этотъ счетъ слѣдующимъ образомъ:

«Разсматриваемыя издалека съ равнины Индіи, эти горы, кажется, образуютъ одну длинную связную цѣпь, всю покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, — линію, которая, для отличія, по преимуществу прозвана была «снѣжною цѣпью» или «областью вѣчнаго снѣга». Но, вступивъ въ предѣлы самой Гималаи и поднявшись на вершину какой-либо части этой могучей цѣпи, зритель, къ удивленію своему, находитъ, что принимаемое имъ дотолѣ за одно снѣжное поле есть не иное что, какъ большое скопленіе далеко отстоящихъ одна отъ другой вершинъ, которыя какъ бы по нѣкоему оптическому обману сближаются тѣмъ разстояніемъ, въ какомъ глазъ привыкъ видѣть ихъ какъ одну только непрерывную линію. Но еще болѣе возрастаетъ его изумленіе, когда онъ замѣтитъ, что большая часть этой линіи, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, вовсе обнажена отъ снѣга, исключая въ глубокихъ, укрытыхъ долинахъ, куда лучи солнца проникаютъ лишь на нѣсколько часовъ въ день, и гдѣ стужа немедленно воспринимаетъ прежнее свое господство, кольскоро какая-нибудь высокая зубчатая вершина заградитъ собою лучи дневнаго свѣтила.

«Далеко за тою грядою, которую онъ прежде привыкъ считать за снѣжную цѣпь, взоръ его падаетъ на гигантскія грозныя массы, которыя, облечены будучи въ зимнюю одежду, отдѣльными своими вершинами воздымаются до высоты значительно большей въ-сравненіи съ главною центральною цѣпью, на которой онъ стоитъ.

«На далекомъ разстояніи вокругъ себя онъ видитъ эти крутые, могучіе верхи, которые въ грозномъ величіи возстаютъ изъ среды окружающихъ ихъ горъ, и тутъ впервые узнаетъ, что линія снѣжныхъ полянъ, которую онъ видѣлъ изъ равнины, есть не что иное, какъ только зимнее покрывало этихъ, часто весьма отдаленныхъ одна отъ другой, вершинъ, которыя предъ взорами зрителя, въ-слѣдствіе большаго разстоянія отъ него, сливаются въ одну длинную неразрывную гряду снѣжныхъ горъ.»

И здѣсь-то, посреди этого величавѣйшаго горнаго ландшафта природы, Гукеру привелось, послѣ десяти-лѣтней разлуки, снова сойтись съ товарищемъ своей юности, докторомъ Томпсономъ. Объ этомъ радостномъ свиданіи онъ пишетъ въ томъ же самомъ письмѣ своемъ къ Гумбольдту:

«Здѣсь присоединился ко мнѣ старинный другъ и школьный товарищъ мой, докторъ Томпсонъ, членъ Тибетской миссіи. Это человѣкъ истинно воодушевленный и самаго высокаго ученаго образованія. Независимо отъ меня, онъ составилъ себѣ такое же точно понятіе о Гималаѣ, какъ и я въ Сиккимѣ, и все, что̀ мы видимъ съ здѣшнихъ горъ (Хоссійскихъ), кажется, подтверждаетъ это мнѣніе.

«Докторъ Томпсонъ посѣтилъ Каракарумскую тѣснину и нашелъ ея положеніе точно соотвѣтствующимъ тому, какое показано на вашей картѣ внутренней Азіи. Онъ считаетъ Каракорумъ и Муцтахъ за дѣйствительное продолженіе оси, идущей къ сѣверо-западу отъ Мансаровара.»

О послѣдующихъ своихъ планахъ докторъ Гукеръ, въ концѣ этого письма, дѣлаетъ слѣдующіе намеки:

«Докторъ Томпсонъ и я будемъ продолжать здѣсь свои розысканія по ноябрь мѣсяцъ, а за тѣмъ, посѣтивъ еще Качаръ (Cachar), Читтагонгъ и Арраканъ, сядемъ на корабль въ Калькуттѣ, для возвращенія, будущею весною, въ Англію. Наши обоюдныя коллекціи будутъ огромны. Томпсонова состоитъ изъ 4,000 породъ равнинъ Индіи, Тибета, сѣверо-западной Гималаи, Кашмира и Лагора; моя заключаетъ въ себѣ почти столько же видовъ, собранныхъ въ Сиккимской Гималаѣ и въ Бенгаліи. Со времени соединенія нашего мы собрали болѣе 3,000 породъ и надѣемся еще добыть около 1,000 въ Читопагонгѣ и Арраканѣ. Растительность здѣсь дивная: съ однихъ Хоссійскихъ горъ у насъ собрано 20 породъ овса и столько же съ Гималаи.»

Изъ годичнаго отчета, читаннаго въ Королевскомъ Лондонскомъ Географическомъ Обществѣ, 24 мая 1852 года, сэромъ Родерикомъ Мурчисономъ, мы узнаемъ, что докторъ Гукеръ, по возвращеніи изъ своего путешествія, нынѣ занимается подробнымъ его описаніемъ, а вмѣстѣ изданіемъ въ свѣтъ двухъ изготовленныхъ имъ картъ: одной—путешествія его по

горамъ Хоссіи и Джинтси между Ассамскимъ Бурремпутеромъ и равнинами Бенгаліи, а другой — Сиккима и всей Гималаи, съ восточнымъ Нипаломъ съ примыкающими къ сѣверу частями Тибета.

И путешествіе Гукера, въ свою очередь, не менѣе содѣйствовало къ разъясненію природы Гималаи, какъ и изслѣдованія Томпсона и Стрэчи, послуживъ имъ важнымъ дополненіемъ, а отчасти и подтвержденіемъ. Его розысканія въ-особенности простирались, какъ мы видѣли выше, на предгорье этой цѣпи и внутреннія ея части, между 27 и 28° сѣверной широты до границъ Тибета.

О первой изъ этихъ частей онъ сообщаетъ слѣдующее понятіе: «Въ этомъ подгорьѣ Гималаи (Sub-Himalayah) нѣтъ никакой системы: оно все состоитъ изъ короткихъ кряжей, тянущихся въ разныхъ направленіяхъ и отдѣленныхъ одинъ отъ другаго глубокими крутыми оврагами, по которымъ прорываются горные потоки, низпадающіе въ равнину съ снѣжныхъ горъ. Индѣ подымаются горы изъ конгломерата и песчаника, опираясь на внѣшнюю основу гималайскаго подгорья, повсюду являющую широкія пространства колчедана на затвердѣлой глинѣ: пространства эти иногда въ 10 миль шириною. Сквозь эту почву пробивается вода многихъ горныхъ потоковъ и, насытясь ею, порождаетъ убійственныя міазмы, извѣстныя здѣсь подъ именемъ *терай*. Эта полоса въ виду Дарджилинга очень узка, а въ другихъ мѣстахъ вообще широка. Она покрыта высокою сахарою (Sacchara) и другими травами, а мѣстами — Dalbergia Sepoo и другими невысокими деревьями; Shorea robusta растетъ сплошь по внутренней окраинѣ этой полосы и поднимается на горы до высоты 2,000 футовъ или покрываетъ сухіе, выдающіеся въ равнину отроги ихъ. На высотѣ 4,000 футовъ тропическія формы замѣняются соотвѣтствующими климату; рододендроны подъ этою долготою (около 86° в. д. отъ Парижа) не встрѣчаются ниже 7,000 футовъ; восточнѣе и западнѣе они спускаются на высоту 4,500 футовъ и даже еще ниже. Каменныя породы у внѣшней основы горъ — слюдистый сланецъ съ гранитами, выше до 7,000 и до 11,000 футовъ—искривленные и косые слои гнейса; нѣсколько далѣе къ сѣверу я видѣлъ, въ долинахъ, хлоритъ и

кварцовый сланецъ, даже самый кварцъ. Я расположенъ думать, что всѣ эти роды скалъ переходятъ здѣсь взаимно одинъ въ другой; но какъ всѣ онѣ покрыты снѣгомъ, то это предположеніе доказать трудно. Долины хотя и круты, но обрывовъ почти не представляютъ. Въ Бутанѣ, къ востоку отъ здѣшнихъ горъ, первозданный известнякъ весьма обыкновененъ. Вулканическихъ горнокаменныхъ породъ я не встрѣчалъ, а въ глубокихъ горныхъ потокахъ находилъ только валуны траппа и рогово-обманковаго сланца. Напротивъ-того, въ Кемонѣ волканическіе камни встрѣчаются въ полномъ развитіи, а сверхъ-того также въ Нипалѣ, Сиккимѣ и Бутанѣ.»

Изъ замѣчаній доктора Гукера о самой Гималаѣ въ-особенности любопытно то, что̀ онъ говоритъ о группировкѣ этихъ горъ: «Между 80° и 90° вост. долготы отъ Гринича расположены по порядку слѣдующія массы: 1) Джавари, 2) Давалагири, 3) Госсаинтанъ, 4) Деоданга, 5) Канчинъ, 6) Чумалари и 7) двѣ безъименныя, еще въ-точности не измѣренныя вершины въ Бутанѣ. Годжсонъ нашелъ, что большія рѣки Гималайскаго подгорья берутъ свое начало въ этихъ горныхъ громадахъ, что воды всегда стекаютъ съ противоположныхъ скатовъ двухъ смежныхъ изъ поименованныхъ горъ и, сходясь вмѣстѣ, образуютъ въ Гималайскомъ предгорьѣ дельтообразные бассейны.»

Эти-то бассейны, по-видимому, чрезвычайно важны въ системѣ Гималаи, потому-что служатъ самымъ естественнымъ раздѣленіемъ хребта, какъ въ географическомъ и этнографическомъ, такъ-равно въ зоологическомъ и ботаническомъ отношеніяхъ.

Что касается до послѣдняго, т.-е. естественнаго вида Гималаи, то Гукеръ, въ одномъ изъ своихъ писемъ, выражается о немъ такъ: «Годжсонъ и я придумываемъ умственное раздѣленіе Гималайскаго хребта, во всемъ его протяженіи, на разныя области, къ которымъ можно было бы пріурочить ботаническія и зоологическія области его съ бо̀льшею опредѣлительностью, нежели обозначая ихъ одними (политическими) именами Нипала, Бутана и пр. Годжсонъ предложилъ раздѣлить весь хребетъ по географическому его протяженію посредствомъ

обращенныхъ другъ противъ друга дельтъ, образуемыхъ рѣками, или, точнѣе сказать, протоками рѣкъ. Такимъ-образомъ каждая область будетъ обнимать собою пространство между двумя преобладающими въ той именно части страны горами. Такъ, напримѣръ восточныя рѣки Госсаинтана, сливаясь съ западными стоками Давалагири, образуютъ рѣку Гандакъ; рѣки Голаинтапа и Канчин-Джонга — рѣку Кози, рѣки Канчин-Джонга и Холы, или Чамалари — бассейнъ рѣки Тисты. Тогда Годжсонъ займется зоологическимъ, а я—ботаническимъ опредѣленіемъ долинъ Тисты, Кози и Гандака, и, вѣроятно, при исполненіи этого плана, мы не встрѣтимъ затрудненій.»

Но насчетъ этого физическаго раздѣленія Гималаи мы можемъ здѣсь сослаться на весьма отчетливую статью самого Годжсона (*), посвятившаго много лѣтъ на изученіе этого хребта. Цѣль этой статьи—доказать, что и въ устройствѣ Гималаи, которая, при первомъ на нее взглядѣ, является зрителю хаосомъ горъ, господствуетъ нѣкоторая правильная система.

Объяснивъ, кáкъ собственно такъ-именуемая Гималая пролегаетъ почти въ направленіи меридіана отъ 78° до 94° восточной долготы отъ Гринича, вдоль линіи Гатовъ, или водораздѣла между Индіею и Тибетомъ, Годжсонъ показываетъ, какъ отъ этой линіи почти подъ прямымъ угломъ простираются отдѣльные отроги, въ которыхъ мы находимъ и всѣ почти главныя высоты Гималаи. Эти-то возвышенія и отроги ограничиваютъ и образуютъ собою бассейны важнѣйшихъ рѣкъ этого края, которыя въ-слѣдствіе того также имѣютъ свое теченіе подъ болѣе или менѣе прямыми углами относительно къ общей линіи залеганія главнаго хребта. Сказанныя возвышенія слѣдуютъ одно за другимъ отъ запада къ востоку въ слѣдующемъ порядкѣ: Джамнутра въ 25,669 англ. футовъ, Нанда-Деви въ 25,598, Давалагири, или Дгоула-гири въ 27,600, Госсаин-тайнъ въ 24,700, Кангшангъ (Канчин-Джонгъ), въ 28,176, Чумалари въ 23,929, Близнецы, въ

(*) Она сперва появилась въ августовской книжкѣ Journal of the Asiatic Society of Bengal 1849 года, а потомъ, съ нѣкоторыми добавками самого автора, въ 3 й книжкѣ Berghaus Geographisches Jahrbuch 1851 года.

21,600 и 21,476. Между ними-то залегаютъ слѣдующіе совершенно отдѣльные одинъ отъ другаго альпійскіе бассейны:

1) Рѣки Ганга, простирающіяся между пикомъ Джамнутри и пикомъ Нанда-Деви.

2) Рѣки Карнали, между Нанда-Деви и Давалагири.

3) Рѣки Гандака, между Давалагири и Госсаин-тайномъ.

4) Рѣки Кози, между Госсаин-Тайномъ и Канчин-Джонгою.

5) Рѣки Тишты (Tishta), между Канчин-Джонгой и Чумалари.

6) Рѣки Монасъ между Чумалари и двойною горою Близнецы, и

7) Рѣки Субгансри, которой западный рубежъ образуютъ Близнецы, а восточный еще не опредѣленъ.

Указавъ такимъ-образомъ естественное распредѣленіе Гималаи, авторъ вдается въ подробнѣйшій разборъ отдѣльныхъ рѣчныхъ системъ, ограничиваясь, впрочемъ, въ своей статьѣ только тремя средними бассейнами, а именно рѣкъ Карнали, Гандака и Кози. (*)

Карнали, величавая рѣка, берущая свое начало въ Тибетѣ, не подалеку отъ одного изъ истоковъ рѣки Сетледжа, принимаетъ въ себя съ запада рѣки Сарджу (Sarju), Гори, Кали, Свети-гангу, а съ востока—Бгери и Джингракъ, или Ратти. Въ этомъ бассейнѣ лежитъ недавно пріобрѣтенная Англичанами область Кемаонъ.

Второй бассейнъ — рѣки Гандака — образуется изъ семи рѣкъ: Сыти-Гандаки, Баригара, Нараяни, Марсіангди, Дарамди, Ганди и Трисула, отчего и называется у туземцевъ Сапт-Гандаки, бассейномъ семи Гандаковъ. Весь этотъ бассейнъ принадлежитъ къ новому королевству Нипалу.

И третій бассейнъ — рѣки Кози — также состоитъ изъ семи главныхъ притоковъ: Миламки, Бестіа-Кози, Тамба-Кози, Лиху, Дуд-Кози, Аруна и Тамора. У Нипальцевъ онъ поэтому слыветъ подъ именемъ Саптъ-Каузика, страны семи Кози.

(*) Въ западной части Гималаи нынѣ занимается изслѣдованіями полковникъ Вò (Waugh), а посему отъ него можно ожидать полнѣйшаго описанія бассейна рѣки Ганга. Бассейнъ рѣки Тишты былъ изслѣдованъ и описанъ докторомъ Гукеромъ.

Орошаемая этими тремя рѣками (Карнали, Гандакъ и Кози) страна объемлетъ собою весь Нипалъ и смежную съ нимъ часть Кемаона, т.-е. 800 миль центральной и самой характерической части Гималайскихъ горъ.

За тѣмъ Годжсонъ переходитъ къ изслѣдованію физической природы Гималаи и различаетъ въ ней три главныя области: нижнюю, начиная отъ равнинъ до высоты 4,000 футовъ поверхъ моря, среднюю — отъ 4,000 до 10,000 футовъ выше моря, верхнюю — отъ 10,000 до 16,000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. (*)

Относительно къ геологическому строенію верхняя область есть поясъ гранита и гнейса, средняя — поясъ гнейса и сланца, а нижняя — поясъ песчаника и дилувіальныхъ осыпей.

Въ-отношеніи къ растительности первый поясъ есть мѣстонахожденіе можжевельника, кедра, лиственницы, тиса, карликовыхъ рододендроновъ, солнцева цвѣта (Cistus), волошскаго орѣха, березы и высшихъ породъ хвойныхъ деревъ; второй — родина дуба, каштановаго дерева, магнолій, лавра, ольхи, древовиднаго рододендрона, вишни и груши, маслины, клена, бѣлаго и чернаго терновника, ясеня, илима, грабины, бузины, восковыхъ деревъ, камелій, древовидныхъ папоротниковъ нѣкоторыхъ породъ пальмъ (Chamaerops и пр.) и низшихъ видовъ хвойныхъ деревъ; третій — область бревенныхъ деревъ (Shorea), Syscus (Dalbergia), акацій, тундовъ (Cedrela), хлопчато-бумажнаго дерева (Bombix), смоковницы, разныхъ простыхъ пальмъ (Phoenix и пр.), древовиднаго папоротника и проч.

И этнографически эти три области разнствуютъ между собою: верхняя исключительно населена Бготіями, которыя

(*) И Риттеръ, въ своей Erdkunde, Asien II, стр. 586, раздѣляетъ Гималаю на 3 области, но не относительно къ высотѣ горъ, а къ географическому ихъ положенію, т.-е. Западная Гималая — отъ прорыва рѣки Инда до источниковъ Ганга и Джалауны, на югъ отъ священныхъ озеръ Манасы и Раванаграды съ истоками Сатадру и Инда, на сѣверной его сторонѣ. Это географически и исторически самая важная, по понятію Индусовъ, часть Гималаи. Средняя Гималая — оттуда до рѣки Тисты, и восточная — до восточныхъ истоковъ Брамапутры и до водораздѣльныхъ горъ на востокѣ Ассама.

живутъ вдоль всей линіи Гатовъ; средняя же и нижняя — многоразличными племенами.

Вообще статья Годжсона исполнена мѣткихъ и весьма поучительныхъ соображеній и можетъ почесться однимъ изъ важнѣйшихъ дополненій къ географическому и физическому нашему познанію Гималаи.

Касательно происхожденія Гималаи, укажемъ на приведенную уже нами статью Гуттона. (*)

Объяснивъ свойства Гималаи, сплошь состоящей изъ первозданныхъ каменныхъ породъ, между-тѣмъ, какъ на сѣверъ и югъ по обоимъ скатамъ хребта встрѣчаются пласты вторичныхъ формацій, обильные окаменѣлостями морскихъ и прѣсноводныхъ моллюсковъ, а далѣе на югъ у подошвы горъ — третичные, или дилувіальные слои, заключающіе въ себѣ множество окаменѣлостей нынѣ уже исчезнувшихъ породъ млекопитающихъ, нѣкогда водившися въ этомъ краю, и указавъ, что послѣднія очевидно должно отнести къ перевороту на земномъ шарѣ, — Гуттонъ продолжаетъ:

«Итакъ, мы можемъ принять, что когда океанъ выступилъ изъ своихъ предѣловъ и наводнилъ землю,— въ то самое время могучіе хребты Гималаи и другихъ горъ волканическою силою были подняты изъ нѣдръ земли, съ-тѣмъ, чтобы отбросить воды въ подобающіе имъ предѣлы и накопленіемъ на своихъ вершинахъ вѣчныхъ снѣговъ доставлять неизсякаемые запасы воды, для снабженія ею рѣкъ низменности и оплодотворенія почвы: ибо иначе (т.-е., если бы сказанныя горы были ниже) эти равнины пребывали бы навсегда тощими и безплодными, исключая времени періодическихъ монсуновъ, потому-что, въ знойныхъ климатахъ востока, на горахъ меньшей высоты снѣгъ не могъ бы держаться довольно долго, чтобы доставлять непрерывный запасъ для орошенія полей въ низменной части Индіи.

«Итакъ, мы видимъ, какъ даже въ устройствѣ горной цѣпи и въ снабженіи ея зимними снѣгами для пытливаго ума проявляется премудрость и всегдашняя благость Создателя.»

(*) Berghaus Geographisches Jahrbuch. книжка III, 1851 года, подъ заглавіемъ: Bericht über die geologische Beschaffenheit des Spiti-Thals и пр. vom Capitain Thomas Hutton.

Не въ одной Гималаѣ Англичане въ послѣдніе годы занимались геологическими розысканіями. Вскорѣ по покореніи ими Синда (*), а именно съ 1847 года, тогдашній главнокомандовавшій британскими военными силами въ Остъ-Индіи, сэръ Чарльсъ Непиръ (Napier), поручилъ капитану Викери (Vicary) заняться развѣдкою геологическихъ свойствъ и строенія нововоевавоеваннаго края. Изъ розысканій его оказалось, между-прочимъ, любопытное открытіе, что геологія Индіи во многомъ сходствуетъ съ геологіею Персіи и Египта, и что именно большая нуммулитовая формація, идущая отъ Египта чрезъ Багдадъ въ Персію, продолжается и въ Остъ-Индіи, образуя тамъ собою главную массу меридіанной цѣпи горъ вдоль праваго берега Инда. (**) Это же самое сходство замѣтно и въ растительности, и капитанъ Викери, при собираніи въ Синдѣ живыхъ растеній, нашелъ, что они состоятъ изъ индѣйскихъ формъ въ смѣси съ персидскими, арабскими и африканскими, а именно египетскими, — обстоятельство весьма замѣчательное, доказывающее, въ-соединеніи съ вышеприведенною одинаковостію нуммулитовой формаціи отъ Нила до самаго Инда, что какъ эти двѣ отдаленныя одна отъ другой страны нѣкогда были покрыты моремъ, оживленнымъ одинаковыми породами животныхъ, такъ и нынѣ, по осушеніи своемъ отъ моря, подпочва Синда и Египта, не прерываемая и не отдѣленная большими естественными преградами, ознаменована растительнымъ сходствомъ флоры въ обѣихъ странахъ.

Это же самое замѣчаніе подтверждается также изслѣдованіями отличнаго ботаника въ тѣхъ краяхъ, хирурга Стокса (Stokes). Онъ удостовѣрился въ томъ, что растительность Синдскихъ горъ (the hills of Scinde) сродна съ растительностью Аравіи и Персидскаго залива, столько близкихъ между

(*) Эта богатая своею почвою и скотоводствомъ (особенно верблюдами и овцами), удобная для торговли, но дотолѣ пренебреженная приморская область въ низовьяхъ Инда подпала британскому владычеству въ 1843 году; только одна небольшая ея часть — владѣніе пріязненнаго Англичанамъ эмира Али-Мурада, еще сохраняетъ независимость.

(**) Т. е. Халасскаго хребта, отдѣляющаго Синдъ отъ Белуджистана.

собою и по геологической своей природѣ и по географическому положенію. Онъ полагаетъ, что эта растительность должна сходствовать также съ растительностью Белуджистана и Кабула, особенно на сѣверѣ Синда, поверхъ Жикарпура, между-тѣмъ, какъ на югѣ около Куррачи (Kurrachee) она наиболѣе сходствуетъ съ растительностію Аравіи. Песчаная часть Синда, безплодныя ея степи и берега рѣкъ и ихъ притоковъ, отъ дѣйствія одинаковыхъ причинъ и внѣшнихъ вліяній, имѣетъ растенія, сходныя съ Египтомъ, а съ другой стороны, въ-слѣдствіе непосредственной соприкосновенности, — также съ Пенджабомъ и страною между Дельги и Сетледжемъ.

Остъ-Индія обладаетъ огромными рѣками, которыя далеко не приносятъ еще странѣ той пользы, какую могли бы доставлять при надлежащемъ на нихъ развитіи судоходства. Гангъ, длиною болѣе 3,000 верстъ, судоходенъ отъ Аллахабада до Калькутты, т.-е. на протяженіи 1,180 верстъ; Индъ, не уступающій въ длинѣ Миссисипи, доступенъ для пароходовъ на протяженіи 1,500 верстъ, а со включеніемъ своихъ рукавовъ судоходенъ на 4,200 верстъ (т.-е. нѣсколько болѣе, чѣмъ на всю длину Волги), между-тѣмъ, пароходное сообщеніе какъ по этимъ, такъ и по другимъ тамошнимъ рѣкамъ еще, можно сказать, находится въ своемъ дѣтствѣ. (*)

Съ цѣлью обратить вниманіе британскаго правительства на большую пользу, какую можно было бы извлечь изъ этихъ рѣкъ развитіемъ и усовершенствованіемъ на нихъ судоходства, двое искусныхъ инженеровъ изложили свои планы по этому предмету въ двухъ сочиненіяхъ:

Account of recent improvements in the system of navigating the Ganges by Iron Steam vessels, by Albert Robinson. London. и Indian river navigation. By John Bourne. London.

Первое изъ нихъ ограничивается одною только рѣкою Гангомъ. Авторъ его, г. Робинсонъ, бывшій много лѣтъ инжене-

---

(*) Въ 1834 году Остъ-Индская Компанія, правда, устроила на Гангѣ нѣсколько желѣзныхъ пароходовъ; но они исключительно употреблялись для буксированія судовъ. Въ Америкѣ на одномъ Миссисипи нынѣ ходитъ до 800 пароходовъ.

ромъ въ Америкѣ, по прибытіи своемъ въ Индію, не могъ не замѣтить, какъ удобна сказанная рѣка для пароваго по ней сообщенія, и тутъ же взялся завести тамъ такое же пароходство, какое онъ видѣлъ на рѣкахъ Соединенныхъ Штатовъ. Изслѣдовавъ напередъ ширину и глубину рѣки на протяженіи 1200 верстъ и удостовѣрясь въ исполнимости своего предпріятія, онъ составилъ чертежи предполагаемыхъ имъ судовъ и отправилъ ихъ въ Англію, гдѣ они были тщательно исполнены на верфи Ферберна (Fairbairn), въ рѣкѣ Темзѣ. Немедленно по доставкѣ ихъ въ Индію онъ озаботился пріучить туземныхъ работниковъ къ службѣ на пароходахъ, что̂ и удалось ему превыше чаянія. (*) Въ 1849 году уже отъ шести до семи его пароходовъ поддерживали регулярное и скорое сообщеніе по рѣкѣ Гангу. Желая отвратить неудобство, происходящее отъ мелководія рѣки во время самаго низкаго въ ней уровня, когда она мѣстами не глубже трехъ футовъ, онъ предлагаетъ вырыть въ пескѣ на днѣ рѣки каналы и укрѣпить ихъ бамбуковымъ тростникомъ, въ каковомъ случаѣ песокъ немедленно будетъ увлеченъ теченіемъ. По его, основанному на опытѣ, убѣжденію, это потребуетъ небольшихъ только издержекъ, и тогда можно будетъ плыть по рѣкѣ во всякое время года, тогда какъ нынѣ суда удерживаются мелководіемъ по нѣскольку дней.

Авторъ второй брошюры, г. Борнъ (Bourne), состоящій инженеромъ при учреждаемыхъ въ Индіи желѣзныхъ дорогахъ, высказываетъ въ ней свое убѣжденіе, что въ тамошнемъ краю пароходство еще долго будетъ имѣть рѣшительное преимущество передъ желѣзными дорогами, уже по той причинѣ, что сообщеніе водою сопряжено съ гораздо меньшими издержками. Поэтому-то онъ совѣтуетъ распространить благодѣяніе пароходства не на однѣ только рѣки Гангъ и Индъ, но также на Годаверп (въ 1250 верстъ) и на Нербедду (въ 1050 верстъ длиною) и, на-этотъ-конецъ, придумалъ родъ легкихъ судовъ, идущихъ не глубже 1 фута въ водѣ и снабженныхъ

(*) Вотъ еще новое доказательство, что сто̂итъ только угадать способности туземца для того, чтобы изъ тягостнаго тунеядца обратить его въ полезное орудіе образованности.

колесами для перекатыванія ихъ черезъ отмели, — усовершенствованіе, которое можетъ способствовать распространенію пароходства и на такія воды, которыя дотолѣ, по чрезвычайной ихъ мелкости, были ему еще недоступны.

Сверхъ-того, сочиненіе г. Борна сообщаетъ много весьма любопытныхъ свѣдѣній относительно къ рѣчной торговлѣ Индіи и разныя мысли къ вящшему ея расширенію. Между-прочимъ замѣчателенъ планъ его — для бо́льшаго оживленія торговли по рѣкѣ Инду, колонизировать въ его верховьяхъ Кашмиръ посредствомъ военныхъ поселеній! (*)

Бо́льшая часть посѣщающихъ Индію лицъ, естественно, состоитъ изъ Англичанъ. Кромѣ уже приведенныхъ нами путешествій Стрэчи, Томпсона, Гукера и Годжсона, имѣвшихъ собственно цѣлью изслѣдованіе Гималаи, слѣдуетъ здѣсь упомянуть о многихъ другихъ, направленныхъ въ разныя части собственной Индіи; но, прежде нежели будемъ говорить о нихъ, укажемъ на одно сочиненіе, которое можетъ служить хорошимъ введеніемъ и руководствомъ къ познанію Индостана:

The Hindoos: imluding a general description of India, its Government, Religion, Manners and Customs; the Fine Arts, Architecture and Literature. With a general outline of the History of Hindostan. With Illustrations, from drawings by William Westall. R. A. London. Nattali and Bond. (2 тома, 1-й въ 399, а 2-й въ 386 стр. въ малую осьмушку).

Хотя мы въ этой книгѣ довольно страннымъ образомъ не находимъ ни имени ея автора, ни года изданія, ни какого-либо предисловія, которое могло бы поставить насъ на ту точку, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на нее, однако же, видно, что она почерпнута изъ достовѣрныхъ новѣйшихъ источниковъ и написана съ большимъ раченіемъ, такъ-что можетъ почесться весьма удовлетворительнымъ обзоромъ страны.

(*) Не лучше ли было бы для этой цѣли привести въ исполненіе планъ, который имѣлъ, уже за 500 лѣтъ предъ симъ, Ферози III (въ 1355 году) — соединить каналомъ самый важный рукавъ Инда, Сетледжъ, съ самымъ западнымъ притокомъ Ганга, Джумною, чѣмъ установилось бы одно изъ обширнѣйшихъ внутреннихъ судоходствъ на всемъ земномъ шарѣ.

Чтобы яснѣе представить намъ общее очертаніе Индіи, авторъ ставитъ насъ лицемъ къ сѣверу на крайнюю оконечность мыса Коморина, въ разстояніи около 8 градусовъ отъ экватора. По лѣвую сторону берегъ простирается чрезъ 16° широты до устьевъ Инда, а по правую, въ сѣверо-восточномъ направленіи, до мѣста сліянія Буремпутера съ Гангомъ. Начиная отъ этой точки, самый Буремпутеръ образуетъ границу до Гималайскихъ горъ, которыя, пролегая съ небольшимъ уклоненіемъ къ сѣверо-западу, отдѣляютъ Бенгалію, Удъ, Дельги, Лагоръ и Кашмиръ отъ Тибета. Къ западу естественную грань Индіи составляетъ Индъ, отъ прорыва его чрезъ Гималаю, до 24° сѣв. широты, гдѣ впадаетъ онъ въ океанъ.... Поверхность Индіи еще не дознана съ достовѣрностью; но Гамильтонъ, имѣющій въ этомъ отношеніи большой вѣсъ, оцѣниваетъ ее около 1,280,000 англ. кв. миль. Эта обширная страна вмѣщаетъ въ себѣ самыя высокія горы, нѣкоторыя изъ огромнѣйшихъ и знаменитѣйшихъ рѣкъ и, рядомъ одно подлѣ другаго, самыя плодородныя и самыя безплодныя мѣста земнаго шара....

Въ Индіи, собственно говоря, нѣтъ ни весны, ни осени, ни лѣта, ни зимы, а только два времени года: одно — дождливое, а другое — сухое. Первое, во внутренней и въ западной частяхъ полуострова, продолжается съ апрѣля и мая по исходъ октября. Все остальное время года вообще нѣтъ ни дождей, ни даже облаковъ. Въ засуху солнце мало-по-малу опаляетъ всѣ низкія растенія и травы равнины, такъ-что страна, за исключеніемъ лѣсовъ и кустарниковъ, кажется какъ бы скошеннымъ полемъ. Отъ сильнаго зноя, глинистая почва трескается и являетъ огромныя разсѣлины, въ нѣсколько футовъ глубиною. Тогда путешествіе въ Индіи становится тягостнымъ, потому-что, кромѣ жара и голаго вида страны, вѣтеръ нерѣдко взвиваетъ облака пыли. Но, по наступленіи дождей, обнаженныя равнины съ волшебною быстротой покрываются зеленью: одной почти ночи достаточно для того, чтобы пробудить спящія былинки и растенія и преобразовать пыльную равнину въ плодоносный лугъ.

Но эта прекрасная растительность въ низовьяхъ страны весьма непродолжительна. Съ наступленіемъ почти всеобщаго

разлива рѣкъ, луга понимаются водою. Густая завѣса тучь, сквозь которую лучи солнца лишь изрѣдка пробиваются на мгновеніе, виситъ надъ страною цѣлыя недѣли, разрѣшаясь безпрестанными ливнями и ежеминутно возобновляясь свѣжими массами паровъ изъ океана. Начало и окончаніе дождливаго времени года обозначаются страшными грозами, а въ-особенности его прекращеніе, когда вѣтры порываются съ юга на сѣверъ, чтобы согнать съ суши тяжелые пары. Въ-продолженіе дождей, когда можно было бы ожидать, что воздухъ освѣжится пріятною прохладой, нерѣдко настаетъ удушливый жаръ, болѣе утомительный, чѣмъ гораздо высшая температура во время засухи. Но, за-всѣмъ-тѣмъ, не будь этихъ ливней, Индія была бы вовсе неспособна къ обитанію: частное ихъ прекращеніе влечетъ за собою голодъ, а совершенный ихъ недостатокъ въ нѣсколько лѣтъ обратилъ бы весь полуостровъ въ пустыню.

Хотя Индія главнѣйше лежитъ въ предѣлахъ жаркаго пояса, однако являетъ почти всѣ возможные оттѣнки климата. Нѣкоторыя изъ ея областей нестерпимо знойны, между-тѣмъ какъ другія необитаемы по причинѣ стужи. Въ иныхъ мѣстахъ, какъ-то въ Серкарахъ (in the Circars), дожди продолжаются 8 мѣсяцевъ, а въ другихъ, на томъ же самомъ берегу, не долѣе 2 мѣсяцевъ. Бенгалія подвержена чрезвычайнымъ переходамъ отъ непрерывающихся дождей до нестерпимаго зноя, и отъ ясной, почти ослѣпительной атмосферы до тяжелыхъ и вредныхъ тумановъ, а потому неблагопріятна здоровью. Берегъ Коромандельскій суше и жарче Малабарскаго, гдѣ въ странахъ, изобильныхъ тѣсными ущельями и заглохшими лѣсами, есть много нездоровыхъ мѣстностей. Вообще высокая пустынная страна между Гангомъ и Пенджабомъ, несмотря на множество рѣкъ и потоковъ, надѣлена болѣе прохладнымъ и здоровымъ климатомъ, и островъ Бомбей, нѣкогда слывшій могилою Европейцевъ (*), нынѣ сталъ сравнительно здоровымъ. Обширныя пустыни между Индомъ и Гузератомъ, по засухѣ и безплодію, много сходствуютъ съ Пустынною Аравіею, но не питаютъ ни одного изъ смѣ-

(*) Forster's Journey from Bengal to Petersbourgh.

лыхъ племенъ, которыя дѣлаютъ аравійскія степи обителью приволья. Въ нѣкоторыхъ изъ помянутыхъ пустынь, какъ-то между Будиноромъ и Альмарою, преизобилуютъ терновые и смолистые кустарники; но въ бо́льшей части не видно ничего, кромѣ низкихъ холмовъ, между-тѣмъ, какъ тучи песку, взвиваемаго знойнымъ южнымъ вѣтромъ, затемняютъ воздухъ и нерѣдко погребаютъ подъ собой дома и обработанныя поля, окаймляющія пустыню. Пустыя пространства и скалистыя цѣпи горъ, пересѣкающія полуостровъ въ разныхъ направленіяхъ, суть почти единственныя невоздѣланныя мѣста: все прочее покрыто роскошными лугами, пастбищами, рисовыми полями, садами или лѣсомъ.

Изъ числа англійскихъ путешествій въ разныя отдѣльныя части Индіи наиболѣе замѣчанія заслуживаютъ два, исполненныя миссіонерами: одно — священникомъ Вильямомъ Бойерсомъ, проживавшимъ долгое время въ Бенаресѣ и на сѣверѣ Индіи, а другое — священникомъ секты методистовъ, Вильямомъ Артуромъ, дѣйствовавшимъ въ Мисорѣ. Описанія этихъ путешествій изданы подъ заглавіемъ:

Recollections of Northern India with Observations on the Origin, Customs and Moral Sentiments of the Hindoos and Remarks on the country and principal places on the Ganges, et By the Rev. W. Buyers, Missionary at Benares, author of «Letters on India» et London. 1848. John Snow XII и 548 стр. б. 8.;

A Mission to the Mysore; with Scenes and Facts illustrative of India, its People and its Religion. By the Rev. William Artur, Wesleyan Minister. Second Thousand. London. Partridge and Oakey. 1850. XI и 560 стр. въ мал. 8.

Авторъ перваго сочиненія предположилъ себѣ главною задачею ближе изучить нравственное состояніе Индусовъ. Передъ отъѣздомъ его въ Индію, одинъ ученый другъ его изъявилъ желаніе, что «весьма полезно было бы узнать, въ какой мѣрѣ между тамошними язычниками распространено нравственное сознаніе, потому-что это бросило бы нѣкоторый свѣтъ на трудный вопросъ относительно нравственной ихъ отвѣтственности.» Этого предмета миссіонеръ не упускалъ изъ виду въ-продолженіе занятій въ Бенаресѣ, мѣстности,

наиболѣе способной для развѣдки истинныхъ чувствованій Индусовъ, потому-что ученые брамины этого знаменитаго города считаются высшимъ авторитетомъ во всемъ касающемся до индуизма. По возвращеніи своемъ въ Англію, онъ намѣренъ былъ написать краткія замѣтки о нравственныхъ чувствованіяхъ Индусовъ, но, по настоянію своихъ друзей, распространилъ свой планъ и на другіе предметы относительно страны и народа, съ которыми имѣлъ случай ближе освоиться. Такимъ-образомъ произошла вышеприведенная книга, дающая читателю живые очерки края и его обитателей, составленные на основаніи, отчасти, дневника во время своихъ странствованій, а отчасти воспоминаній о зрѣлищахъ и лицахъ, не легко изглаживающихся изъ памяти.

Послѣ краткаго описанія Мадраса и Калькутты, авторъ излагаетъ свое путешествіе вверхъ по Гуглею и Гангу въ сѣверо-западныя провинціи Британской Индіи и съ особенною подробностью распространяется о Бенаресѣ и его достопримѣчательностяхъ.

Но главную и наиболѣе обработанную часть составляетъ изслѣдованіе нравственнаго быта Индіи. При этомъ розысканіи авторъ взялъ за основу законы Ману, поясняя ихъ собственными своими наблюденіями. Результатъ его изслѣдованія вообще благопріятнѣе для Индусовъ, чѣмъ господствующее объ этомъ предметѣ мнѣніе писателей: онъ нашелъ, что Индусы вовсе не такъ чужды нравственныхъ понятій и основаній, какъ многіе объ нихъ провозглашаютъ, и хотя мѣрило нравственности въ Индіи весьма недостаточно, но оно отнюдь не такъ низко, какъ обыкновенно полагаютъ. Нѣтъ почти ничего, что̀ почитается за преступленіе въ Англіи, что̀ не было бы разсматриваемо въ томъ же самомъ свѣтѣ также въ Индіи; а съ другой стороны, благосклонность, умѣренность, кротость, правдолюбіе, честность, вѣрность, признательность, благотворительность, покорность властямъ и родителямъ внушаются народу индѣйскими моралистами такъ же, какъ и христіанскими.

Для вящшаго подтвержденія своего отзыва объ Индусахъ, авторъ обращается къ исторіи и доказываетъ, что хотя пер-

вобытные жители Индіи и были, по всей вѣроятности, Хамова колѣна, но въ-послѣдствіи они были вытѣснены изъ своихъ мѣстъ жительства и отброшены на югъ и востокъ племенами чистѣйшей кавказской крови, которыя въ-теченіе вѣковъ болѣе и болѣе устремлялись къ богатымъ, плодоноснымъ странамъ Ганга. Переселенія эти, по-видимому, послѣдовавшія изъ древней образованной Бактріи и изъ обширныхъ, высокихъ равнинъ Бухары, Кашгара и Тибета чрезъ рѣку Индъ и ущелія Гималаи, по мнѣнію автора, повели къ учрежденію двухъ высшихъ кастъ Индіи: духовной — браминовъ, и военной—шатріевъ, которые, усвоивъ себѣ всю власть и оградивъ себя отъ смѣшенія съ другими, низшими кастами, передали Индіи не только свою вѣру, но и гражданственность.

Отъ этого-то въ религіозныхъ книгахъ Индусовъ и въ самомъ сознаніи народа мы находимъ прекрасныя нравственныя начала и практическія истины, свойственныя уже извѣстной степени образованія. И вообще Индусовъ никоимъ образомъ нельзя винить въ недостаткѣ различенія между добромъ и зломъ; но это сознаніе ослабляется съ одной стороны слѣпою ихъ вѣрою въ фатализмъ, а съ другой — многочисленными лазейками религіозной и нравственной ихъ системы. А это-то самое, по-видимому, и оказало такое вліяніе на характеръ народа, что ввергло его въ совершенную апатію насчетъ будущности.

Въ-заключеніе авторъ замѣчаетъ, что система мнѣній и вѣрованій столь древняя и многосложная, какова индѣйская, не скоро можетъ быть ниспровергнута, тѣмъ-болѣе, что она весьма тѣсно приспособлена къ фантастическому характеру народа. Но онъ находитъ, что хотя массы индѣйскаго общества неподвижнѣе, чѣмъ въ бо́льшей части другихъ странъ, однако же, въ-теченіе немногихъ послѣднихъ годовъ оказываются признаки значительной перемѣны. Независимо отъ прямаго вліянія христіанства, къ потрясенію въ Индіи язычества содѣйствуютъ и разныя косвенныя причины, какъ-то: распространеніе скептицизма и охлажденіе или равнодушіе къ прежней вѣрѣ.

Но по этой-то самой причинѣ авторъ считаетъ весьма важнымъ усугубить въ Индіи усилія христіанства, дабы на-

родъ, пошатнувшійся въ вѣрѣ своихъ праотцевъ, не предался въ жертву безвѣрію. На этотъ конецъ онъ, съ своей точки зрѣнія, предлагаетъ разныя мѣры, а именно: тщательнѣйшій выборъ ревностныхъ, добросовѣстныхъ и неукоризненныхъ миссіонеровъ, воспитаніе уроженцевъ въ началахъ христіанства, съ-тѣмъ, чтобы они современемъ могли сами распространять евангельское ученіе между своими земляками, учрежденіе сильныхъ и дѣятельныхъ миссій въ главныхъ центральныхъ мѣстахъ Индіи, и т. д. Въ конечномъ преуспѣяніи христіанства въ Индіи авторъ не сомнѣвается, но считаетъ это дѣломъ времени. Много препятствій, прежде считавшихся неодолимыми, уже устранены, — между-прочимъ, еще недавно столь сильное предубѣжденіе Индусовъ насчетъ воспитанія женскаго пола. Въ иныхъ частяхъ Индіи нынѣ туземцы по собственному своему вызову учреждаютъ женскія школы. Но за-всѣмъ-тѣмъ предстоятъ еще чрезвычайныя трудности, чтобы окончательно побѣдить двѣ столь могущественныя системы, каковы индуизмъ и исламизмъ.

Авторъ предвидитъ неизбѣжность жестокой борьбы, которая, по его словамъ, уже и началась въ самомъ дѣлѣ; ибо нѣтъ почти ни одной формы невѣрія, пантеизма и атеизма, которая не была бы нынѣ въ дѣйствіи въ Индіи. Для противудѣйствія имъ должны быть употреблены со стороны христіанскаго міра величайшія напряженія. Успѣхи европейской науки и письменности, подъ покровительствомъ индѣйскаго правительства, и общее образованіе, болѣе и болѣе распространяющееся между разными сословіями народа, въ-слѣдствіе возрастающихъ сношеній съ Европою, подготовляютъ въ Индіи великую общественную перемѣну.

Другой названный нами миссіонеръ, В. Артуръ, посвятилъ главное свое вниманіе религіозному быту Индіи, и мы встрѣчаемъ въ его книгѣ много любопытныхъ данныхъ по этому предмету. Не раздѣляя мнѣнія сангвиниковъ, которые ожидаютъ скораго уничтоженія идолопоклонства во всей Индіи, авторъ, однакожь, указываетъ на разныя знаменія, предвѣщающія это событіе, хотя и въ отдаленномъ еще періодѣ времени. Прежнее благоговѣніе къ шастрамъ (священнымъ книгамъ Индусовъ), боязнь передъ своими жрецами и вѣрованіе въ божества касты сильно потрясены; вокругъ

всѣхъ старинныхъ миссій большое число Индусовъ презираетъ господствующее суевѣріе, и это чувство очень усиливается; вѣрный взглядъ на христіанство и предрасположеніе въ его пользу распространяются ежедневно; многіе изъ туземцевъ обратились въ христіанскую вѣру, а нѣкоторые изъ нихъ уже сами дѣятельно участвуютъ въ ея распространеніи. Съ другой стороны, лишь изрѣдка сооружаются новыя капища или проявляется какой-либо знакъ въ пользу индуизма, и въ самой его системѣ, наконецъ, нельзя не замѣтить явныхъ признаковъ упадка. Но не надобно забывать, что многіе изъ индѣйскихъ народовъ еще не получили отъ христіанства ни малѣйшаго впечатлѣнія, кромѣ развѣ косвеннымъ путемъ, и если нельзя утверждать, что вообще въ Индостанѣ браманизмъ и ученіе кастъ нынѣ столько же тверды, какъ лѣтъ за 50, то въ нѣкоторыхъ мѣстахъ перемѣна еще очень незначительна, и тамъ является она результатомъ не непосредственныхъ усилій христіанъ, а только политическихъ событій, мѣръ христіанскаго вліянія вообще и постепеннаго распространенія новыхъ чувствованій и образа мыслей. Итакъ, судя по всѣмъ этимъ симптомамъ, нельзя отрицать, что браминство клонится къ своему упадку, и никто не сознаетъ этого живѣе, какъ сами брамины.

Въ подкрѣпленіе этихъ замѣчаній, авторъ приводитъ изъ выходящаго съ нѣкотораго времени «Ежегодника Миссій» (Yearbook of Missions) слѣдующія числительныя данныя. Въ-теченіе послѣднихъ 10 лѣтъ миссіонеры болѣе и болѣе прибываютъ въ Индію, такъ что нынѣ ихъ считается въ дѣйствіи около 300; въ этомъ числѣ, кромѣ Англичанъ, считается также много Нѣмцевъ и Американцевъ. Подъ ихъ вліяніемъ большое число туземцевъ занимается распространеніемъ св. Евангелія, нѣкоторые въ званіи священниковъ, другіе — катехетовъ, и наконецъ, — содержателей школъ. Весь итогъ ихъ, вѣроятно, простирается до 1000. Но изъ числа школьныхъ учителей иные не христіане, а только занимаются свѣтскимъ преподаваніемъ въ заведеніяхъ, учрежденныхъ съ цѣлію водворенія христіанства. Что же касается до числа дѣйствительно обращенныхъ въ христіанство лицъ, то его очень трудно опредѣлить; но вообще замѣчено, что послѣднія 7 лѣтъ были въ этомъ отношеніи успѣшнѣе всѣхъ предъидущихъ. Въ разныхъ частяхъ сѣверной Индіи, хотя и не воспослѣдо-

вало общаго движенія, однако, къ числу христіанскихъ исповѣдниковъ присоединилось довольно новыхъ. Въ этой области, имѣющей нѣсколько менѣе 1 милліона жителей, въ особенности дѣйствовали два общества миссіонеровъ, связанныя съ англиканскою церковью. Въ одной станціи находятся 1 миссіонеръ, 9 катехетовъ и 28 туземныхъ учителей; въ другой — 1 миссіонеръ 16 катехетовъ и 24 туземныхъ учителя. По утвержденію мадрасскаго епископа въ южной области Тинневелли, христіанская община въ 4½ года удвоилась, и прибыль ея въ это время равняется прибыли 54 предшествовавшихъ годовъ. Здѣсь замѣтенъ наибольшій успѣхъ. При всей своей бѣдности, эти новообращенцы щедро участвовали въ подпискахъ для разныхъ христіанскихъ цѣлей. Нѣсколько прочныхъ церквей построено на ихъ иждивеніи. Общій итогъ Индусовъ, принявшихъ святое крещеніе, авторъ приблизительно оцѣниваетъ въ 30,000 или около одной тысячи подъ вліяніемъ каждаго отдѣльнаго миссіонера. И въ смежной области Траванакоре миссіи Лондонскаго Общества дѣйствовали не безъ успѣха: тамъ считается до 17,000 лицъ, регулярно пользующихся наставленіемъ евангельскимъ. Епископъ калькутскій изъявляетъ, можетъ-быть, слишкомъ сангвиническую надежду, что если слѣдующія 10 лѣтъ будутъ въ той же мѣрѣ успѣшны, какъ истекшее десятилѣтіе, то въ одномъ Индостанѣ будетъ около полу-милліона лицъ, обучающихся христіанству, а въ-теченіе лѣтъ еще около 40 или 50 все народонаселеніе Британской Индіи будетъ обращено въ христіанскую вѣру.

Въ другомъ мѣстѣ своей книги (стр. 238 и пр.), авторъ излагаетъ выгоды Индіи передъ другими языческими странами для распространенія христіанства. Народъ учтивъ и вѣжливъ, подвластенъ христіанской державѣ и уповаетъ на ея силу и благоразуміе. Индусы принимаютъ Европейца съ почтеніемъ и откровенностью; города и селенія ихъ столько же открыты миссіонеру, какъ и брамину. Онъ можетъ приходить во всякое время, останавливаться на любомъ мѣстѣ и бесѣдовать по произволу. Для него всѣ дѣла останавливаются на рынкѣ, удовольствіе — во время праздненства; даже у дверей капища онъ можетъ объяснять свои догматы подлѣ кумира, передъ которымъ поклоняется народъ.... Вездѣ его ожидаетъ не

только безопасность, но и почтеніе. Никогда не бывало поприща, столько отверзтаго посреди большой языческой страны, и никогда не будетъ болѣе обширнаго, исключая развѣ въ Китаѣ. На этомъ полѣ все соединяется, чтобы возбудить къ нему участіе: прекрасная страна, обезображенная непристойными идолами, кроткіе нравы, искаженные страшною превратностью, и быстрый умъ, омраченный неистовымъ суевѣріемъ. Разумность, кротость и вѣжливость народа дѣлаютъ мракъ ихъ язычества еще въ тысячу разъ болѣе ощутительнымъ. Здѣсь нѣтъ дикаго согласія между ихъ суевѣріемъ и нравами. Васъ поражаетъ неестественное сочетаніе воспитанія и невѣжества, внѣшней образованности и уничиженія. Человѣкъ вѣжливо вамъ кланяется, разсуждаетъ объ отвлеченныхъ предметахъ, забавляетъ васъ поэтическими вымыслами, вычисляетъ затмѣнія луны и солнца — и поклоняется змѣямъ! Это контрастъ гораздо болѣе разительный, чѣмъ видѣть то же самое дѣйствіе, производимое дикаремъ, никогда не носившимъ одежды и не знающимъ письменъ. Это образованное, утонченное идолопоклонство есть самое вопіющее событіе въ свѣтѣ. Омраченіе Индусовъ требуетъ ихъ просвѣтлѣнія евангеліемъ; воспріимчивость ихъ сама-собою къ тому вызываетъ.

О прочихъ англійскихъ путешествіяхъ по Индостану мы можемъ упомянуть здѣсь только въ короткихъ словахъ:

Journal of a Winter's tour in India: with a visit to the court of Nepaul. By the Hon. Capt. Francis Egerton R. N. with illustrations. 2 vols.

Дневникъ, въ которомъ переданы бѣглыя замѣтки путешествія, продолжавшагося не болѣе одной зимы и обнявшаго, кромѣ самой Индіи и особенно дворовъ Непальскаго и Аудскаго, также островъ Цейлонъ, гдѣ авторъ между-прочимъ всходилъ на высочайшую изъ тамошнихъ вершинъ — гору Педро-Делагалла.

A Journey to Katmandou (the Capital of Nepaul) with the Camp of Jung Bahadoor, including a sketch of the Nepalese ambassador at home. By Laurence Oliphant.

Авторъ этой книги имѣлъ случай вблизи видѣть и наблюдать бытъ Непальцевъ: онъ совершилъ свое путешествіе

туда по приглашенію бывшаго въ Англіи непальскимъ посланникомъ Джонса Багадура и, проживъ два мѣсяца у этого вельможи, имѣлъ доступъ какъ ко Двору, такъ и въ кругахъ особъ высшаго сословія, съ которыми между прочими раздѣлялъ удовольствія травли на дикихъ звѣрей.

Ten Years in India: or the Life of a Young Officer. By Captain Albert Hervey, 40-th Madras Infantery. 3 vols. small 8.

Произведеніе пера молодаго офицера, по бо́льшей части описывающаго собственныя свои приключенія и странствія въ разныхъ частяхъ Индіи во время десятилѣтняго тамъ служенія. При всей нерѣдко преизбыточной плодовитости своего содержанія, оно отличается похвальною прямотою и откровенностью и иногда даетъ намъ такіе взгляды на тамошній бытъ и отношенія, которыхъ нельзя найти и въ болѣе полновѣсныхъ сочиненіяхъ. Такъ, напр., мы узнаемъ изъ него, между-прочимъ, что бо́льшая часть тамошнихъ высшихъ офицеровъ (officers now on the staff), занимающихъ самыя важныя мѣста почти во всѣхъ отрасляхъ управленія, мало или вовсе несвѣдущи въ языкѣ туземцевъ, и авторъ въ подтвержденіе этого приводитъ много примѣровъ явнаго неправосудія, жестокости и безпорядковъ, которые неминуемо должны быть слѣдствіемъ такого незнанія. А, между-тѣмъ, въ Англіи существуетъ заведеніе, гдѣ каждый отправляющійся въ Индію офицеръ долженъ подвергнуться испытанію въ языкѣ той страны!

Sketches of India; with Notes on the Seasons, Scenery and Society of Bombay, Elephanta and Salsette by H. Moses. M. D. With a View of Bombay. London. 1850. 300 стр. (8)

Бассейнъ рѣки Кабула и ея притоковъ, — треугольникъ образуемый съ сѣвера и запада хребтомъ Гинду-Коша, съ юга горами Тира, или Хейберъ, а съ востока рѣкою Индомъ — составляетъ предметъ обширной статьи извѣстнаго оріенталиста-путешественника фонъ-Гюгеля, въ мемуарахъ Вѣнской Академіи Наукъ, подъ заглавіемъ: Das Kabul-Becken und die Gebirge zwischen dem Hindu Kosch und der Sutlej. Von Freiherrn Karl von Hügel. См. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften zu Wien. Philosophisch-historische Classe. 2. Bd. 1. Abtheilung, стр. 119 — 190, съ тремя картами и 2—13 d. 3. Abth., стр. 73 до 109.

Кромѣ географическаго взгляда на эту страну, ученый авторъ даетъ также довольно подробный очеркъ ея исторіи.

Весьма рѣдко Индія избирается метою путешествія со стороны нашихъ соотечественниковъ, и кромѣ предпріимчиваго тверскаго купца Аѳанасія Никитина, бывшаго тамъ въ исходѣ XV столѣтія, и даровитаго виртуоза Герасима Степановича Лебедева, проведшаго въ той странѣ около 12 лѣтъ, въ концѣ прошлаго вѣка, не слыхать ни о какомъ другомъ предпріятіи въ этотъ край, представляющій для Русскаго столь много привлекательнаго, какъ въ-отношеніи своей природы, такъ и вѣры, обычаевъ и торговли. Тѣмъ болѣе мы радуемся, что въ нынѣшній разъ можемъ украсить свою лѣтопись именемъ просвѣщеннаго русскаго вельможи, привлеченнаго туда любознательностію. Свѣтлѣйшій князь Алексѣй Дмитріевичъ Салтыковъ дважды посѣтилъ Индію путемъ Египта (въ 1841—43 и 1845 — 46 годахъ) и, избороздивъ ее въ разныхъ направленіяхъ и вмѣстѣ побывавъ и на островѣ Цейлонѣ, издалъ описаніе своихъ странствій подъ заглавіемъ:

Lettres sur l'Inde. Paris. 375 стр. въ 8

съ 32 превосходно исполненными имъ самимъ и отлично литографированными рисунками. И это сочиненіе князя Салтыкова отличается тѣми же самыми достоинствами, какъ вышеприведенное нами описаніе путешествія его въ Персію — вѣрнымъ и добросовѣстнымъ разсказомъ о томъ, что онъ встрѣтилъ на своемъ пути достопримѣчательнаго.

Гораздо менѣе, нежели съ Индостаномъ, Европа знакома съ странами по ту сторону Ганга, или такъ-называемыми индо-китайскими государствами. Объ одномъ изъ важнѣйшихъ, Кохинхинѣ, покойный миссіонеръ д-ръ Гюцлафъ сообщилъ Королевскому Лондонскому Географическому Обществу довольно пространную статью. (*) Изъ нея мы узнаемъ, что Кохинхинская имперія нынѣ состоитъ изъ четырехъ главныхъ частей: собственно Кохинхины, или Данг-тронгъ, т.-е. внутренней области, Тонкина, или Данг-гной, т.-е. внѣшней области, Тсіампы, или Чампы, и Камбоджи. Сверхъ-

(*) Она помѣщена въ Journal of the Royal Geographical Society of London 1849 года, часть II, стр. 85 — 143, подъ заглавіемъ: Geography of the Cochin-Chinese Empire.

того, къ ней принадлежатъ страны Мойскихъ горцевъ (The Moï mountaineers), между Кохинхиною и Камбоджею, отъ 10° 40′ до 16° сѣв. широты, и страна Лаосовъ, въ самой срединѣ полуострова.

Всего богаче растительностью Камбоджа : это относительно къ рису — главной пищѣ тамошняго народа, какъ и во всей южной Азіи — житница Имперіи. Тонкинъ, хотя и производитъ его еще болѣе, но, по причинѣ густой своей населенности, менѣе отпускаетъ за собственныя свои границы. Изъ деревъ на западномъ берегу Камбоджи ростетъ полезное тиковое дерево, или индѣйскій дубъ (Teak-tree), изъ котораго Гаинамцы строятъ свои джонки. Кромѣ-того, Камбоджа, во многихъ своихъ частяхъ, въ изобиліи производитъ тутовое дерево для разведенія шелковичнаго червя. Тсіампа обладаетъ произведеніемъ, высоко цѣнимымъ во всей Азіи — аламбикомъ, или алоемъ (aloekylum agallochum, eagle-wood or alambuc), употребляемымъ, по своему благоуханію, вмѣсто ѳиміама, для куренія передъ идолами. Дерево это подъ старость, въ корнѣ и вообще во всей нижней части своей, напитано бываетъ ароматическимъ масломъ, сообщающимъ ему при горѣніи самый пріятный запахъ. Истертое въ порошокъ, оно, съ нѣкоторою примѣсью гумми, намазывается на небольшія палочки; въ такомъ видѣ въ Китаѣ обыкновенно употребляется оно при богослуженіи; но лучшіе куски дерева не поступаютъ въ продажу, а раздаются въ подарокъ князьямъ и вельможамъ.

Къ сѣверу въ направленіи къ Юннану имѣются богатые золотые, а поблизости Ших-лы (Shich-la) и Нунганчова (Nunganchow), двухъ пограничныхъ китайскихъ городовъ, и неподалеку отъ Малунга — обильнѣйшіе серебряные рудники. Золото находятъ среди безплодныхъ, почти неприступныхъ горъ въ такомъ количествѣ, что оно вознаграждаетъ трудъ разработки. О значительности серебряныхъ же рудниковъ можно судить изъ того, что въ нихъ ежедневно занято болѣе ста тысячь работниковъ, и правительство ежегодно добываетъ этого метала безъ малаго на одинъ милліонъ таэлей. Тамъ же находятся и желѣзные рудники.

Въ-слѣдствіе чрезвычайнаго своего плодородія, Кохинхина имѣетъ весьма многочисленное населеніе, которое Гюцлафъ оцѣняетъ по-крайней-мѣрѣ отъ 12 до 15 милліоновъ, и на-

родъ, такъ же, какъ и Китайцы, очень трудолюбивъ. Страна вдоль береговъ моря и между рѣками болотиста, но обитаема прилежными рыбаками, которые не только снабжаютъ бѣдныя сословія во внутренности, рѣдко употребляющія мясо, потребными съѣстными припасами, но и вывозятъ множество рыбы въ Китай; сами же они по бо́льшей части питаются аллигаторами, которыхъ ловятъ и, изрубивъ на куски, продаютъ на рынкахъ, какъ говядину.

Главную внѣшнюю торговлю Кохинхина отправляетъ съ Китайцами, которыхъ джонки пріѣзжаютъ въ Саичонъ, Фаифо, Гюэ, Кашо, или Кашао, и нѣкоторые другіе, менѣе значительные порты. Всѣхъ этихъ судовъ считается до 300, съ грузомъ отъ 150 до 6,000 пикулей (peculs). Главныя статьи отпуска составляютъ выше исчисленныя произведенія, а привозъ состоитъ изъ шелковыхъ тканей, чаю, — впрочемъ, не высокаго достоинства, — грубой фарфоровой китайской посуды и множества другихъ китайскихъ издѣлій, какъ-то: бумажныхъ матерій, бумаги и т. д. Изъ Сингапора же и разныхъ другихъ портовъ привозятъ желѣзо, опій, шерстяныя и бумажныя ткани, кожи, стальныя издѣлія и пр.

Страна обильно орошена рѣками, изъ которыхъ главнѣйшая — Зонг-Ка, происшедшая изъ сліянія Ли-Сеена (Li-Sëen) и Зонг-шая.

Внутренніе обороты, сверхъ-того, весьма облегчаются каналами и дорогами, построенными въ исходѣ прошлаго вѣка, по побужденію знаменитаго епископа адранскаго.

Въ-заключеніе своей статьи Гюцлафъ сообщаетъ еще краткій, но удовлетворительный очеркъ исторіи Кохинхинской имперіи и нѣсколько статистическихъ свѣдѣній, между-прочимъ, о разныхъ племенахъ, ее населяющихъ.

Тотъ же самый миссіонеръ сообщилъ Лондонскому Географическому Обществу еще двѣ другія статьи, ме́ньшаго объема: одну — о независимыхъ Лаосахъ (the country of the Free Laos) (*), а другую — о границахъ Китая съ Бирмою (Frontiers of China towards Birmah). (**)

(*) Она напечатана въ Journal of the Royal Geographical Society of London, vol. XIX, part 1, 1849, стр. 33—42.

(**) Тамъ же, стр. 42—49.

Лаосы принадлежатъ къ наименѣе извѣстнымъ народамъ Азіи, хотя это многолюдное племя имѣетъ свою исторію, начинающуюся вскорѣ послѣ нашего лѣтосчисленія. Незамѣтно распространившись по всему нынѣ ими обитаемому полуострову, они очистили страну отъ гигантскихъ ея деревъ и отъ преизбыточной растительности, а вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлались искусными рудокопами и добыли бóльшую часть золота, серебра и мѣди, нынѣ обращающагося въ Аннамѣ, Китаѣ и Сіамѣ.

Они раздѣляются на нѣсколько племенъ, которыя говорятъ почти всѣ однимъ и тѣмъ же самымъ языкомъ, съ немногими только измѣненіями, и достигли различной степени образованія. На сѣверѣ они простираются до горъ Юн-нана, Квеичу, Гунана и Кваг-си, гдѣ извѣстны подъ именемъ Іау, Меангси и Лолосовъ. Бóльшая ихъ часть подчинилась вліянію китайской образованности и признаетъ надъ собою власть мандариновъ; но другія племена въ глубинѣ страны еще сохранили свою независимость. На границѣ Китая и полуострова они живутъ въ многочисленныхъ городахъ, почти безъ всякой связи между собою. Здѣсь они мирны и трудолюбивы, но, однажды ожесточенные, защищаются съ отчаянною твердостью. Къ сторонѣ Ассама, гдѣ Лаосы перемѣшались съ западными племенами вдоль по границѣ Тибета, они всего грубѣе и необразованнѣе и часто вступаютъ въ распри съ южными своими сосѣдами. Тамъ они носятъ названіе Моамареасовъ, Назасовъ, Сингфусовъ и пр. Вдоль всего теченія Иравадди, между Бирмою и рѣкою Салуэномъ (Saluen), до Мартабанскаго залива и сѣверо-западной границы Сіама, они подвластны Бирманской имперіи. Современемъ, вѣроятно, Англичане заведутъ торговую связь съ Мартабаномъ.

Та же самая горная цѣпь, которая отдѣляетъ Кохинхину отъ Мойской области, пересѣкаетъ и страну Лаосовъ во всю ея длину. На восточномъ склонѣ этихъ горъ протекаетъ много рѣкъ, берущихъ свое направленіе въ Тонкинъ. Западную же сторону образуетъ Гимагпа, классическая страна Лаосовъ, часто воспѣваемая въ ихъ народныхъ преданіяхъ. Какъ эти пѣсни очень древни и Лаосы имѣютъ рядъ лѣтописей, начинающихся нѣсколькими годами послѣ Р. Х., то образованіе ихъ должно отнести къ весьма отдаленной эпохѣ, — можетъ-

быть, къ періоду, послѣдовавшему вскорѣ за восшествіемъ на китайскій престолъ Ганской династіи (около 150 лѣтъ до Р. Х.). Образованность же перешла къ нимъ изъ Индіи, и шанское племя только поздно покорилось вліянію буддизма.

Горы содержатъ въ себѣ золото, серебро, мѣдь и желѣзо; также открыты въ нихъ олово и свинецъ, — только въ небольшомъ количествѣ. Металлы главнѣйше отправляются въ Китай, и лишь весьма мало ихъ вымѣнивается въ Тонкинѣ, Бирмѣ и Сіамѣ. Въ лѣсахъ водится роскошное лаковое дерево; но плодовыхъ деревъ мало; изъ пальмъ только опахаловая можетъ устоять противъ суроваго, въ-слѣдствіе большой возвышенности земли, климата. Рисъ отличной доброты, но мало воздѣлывается.

Изъ царства животныхъ особенно многочисленны волы, которые здѣсь хотя и малорослы, однако же, очень сильны и пригодны къ землепашеству. Лаосы вывозятъ много рогатаго скота въ Аву. Лошади отличнаго качества, и главная военная сила Лаосовъ состоитъ въ конницѣ.

Лаосы равнинъ занимаются хлѣбопашествомъ, а въ горахъ — рудокопствомъ. Они очень предпріимчивы и закалены противъ всѣхъ тягостей жизни. На утлыхъ судахъ своихъ они пускаются внизъ по рѣкамъ и производятъ торговлю съ Китаемъ.

Образъ правленія въ сѣверныхъ областяхъ патріархальный, и владычество Китая только поименное. Въ-отношеніи къ старшимъ у нихъ господствуетъ строжайшая подчиненность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и большая привязанность. Вообще народъ очень мужественъ. Мужчины средняго роста, но приземисты, съ китайскими чертами лица и желтымъ цвѣтомъ кожи; женщины стройны и красивы. Вопреки обычаю Востока, они не только не подвластны мужьямъ своимъ, но еще управляютъ всѣмъ хозяйствомъ и отличаются цѣломудріемъ и пристойностью. Каждая изъ нихъ имѣетъ свой ткацкій приборъ и сама воздѣлываетъ на немъ какъ шелковыя, такъ и бумажныя ткани, для домашняго своего обихода.

Часть страны на востокъ отъ горнаго кряжа гораздо обширнѣе и заключаетъ въ себѣ самыя лучшія земли всего владѣнія Лаосовъ. Здѣсь уроженцы смѣшаны съ тонкинскими племенами и принадлежатъ къ образованнѣйшимъ изъ всѣхъ

Лаосовъ. Властелины этой страны содержатъ для своей защиты небольшую армію, конница которой пріобрѣла себѣ нѣкоторую знаменитость. Они никогда не были порабощены подъ чуждое иго. Прельщаемые богатствомъ страны въ драгоцѣнныхъ металлахъ, Китайцы неоднократно пытались покорить ихъ своему владычеству, но всегда безъ успѣха, отчего въ народѣ хранится повѣрье, что страна независимыхъ Лаосовъ никогда не можетъ быть завоевана, по причинѣ страшныхъ, стерегущихъ къ ней доступъ, чудовищъ.

Другая вышеупомянутая нами статья Гюцлафа собственно также относится къ Лаосамъ. Бо́льшая часть юго-западной границы Китая къ сторонѣ Бирмы обитаема племенами лаосскаго происхожденія. Это — населеніе, соревнующее съ Китайцами въ трудолюбіи и рачительномъ воздѣлываніи полей. Но другая часть этой границы населена племенами монгольскаго происхожденія, не имѣющими ничего общаго съ Лаосами — ни въ языкѣ, ни въ вѣрѣ; они храбры, воинственны и слѣпо преданы ламаизму. Нѣкоторыя изъ этихъ странъ неизвѣстны даже китайскимъ торговцамъ и состоятъ подъ собственными своими туземными князьями, отвергающими власть надъ собою мандариновъ.

О бирманской границѣ наши познанія очень скудны. Наилучше обработанная часть есть восточная; но жители подвержены большимъ угнетеніямъ со стороны бирманскаго правительства. Многіе изъ Лаосовъ посѣщаютъ, съ произведеніями своей страны, Рангунскую ярмонку, хотя отстоящую отъ нихъ на сорокъ дней пути; а въ недавнемъ времени они открыли себѣ сообщеніе съ Мартабаномъ и если будутъ пользоваться безопасностью лицъ и собственности, то, вѣроятно, станутъ приходить на этотъ рынокъ еще въ бо́льшемъ числѣ за европейскими издѣліями.

Самый важный пунктъ къ юго-западу отъ Юн-нана есть Баму (Bamoo), главное мѣсто складки торговли между Бирмою и Китаемъ. Онъ лежитъ подъ 24° 9′ широты и 96° 45′ долготы, на рѣкѣ Иравадди, при самомъ впаденіи въ нее Гае-пиха (Hae-pih). Жители главнѣйше состоятъ изъ Лаосовъ; но важнѣйшие купцы — Китайцы и отчасти Бирмане. Сюда стекаются сотни торговцевъ изъ Юн-нана, и нѣкоторые изъ нихъ, до прибытія каравановъ, посѣщаютъ даже Амерапуру. Сообще-

ніе, по-видимому, не трудно; вообще это — единственный съ этой стороны удобный путь въ Китай, который уже издавна былъ извѣстенъ и Монголамъ.

Китайскій императоръ Кіен-лонгъ, побѣдоносный противъ Туркомановъ на сѣверо-западѣ, услышавъ о сокровищахъ юга, возъимѣлъ намѣреніе покорить себѣ Бирму и съ этою цѣлію двукратно посылалъ туда сильное войско (въ 1765 и 1767 годахъ), отчасти по подстреканію и при содѣйствіи лаосскихъ князьковъ; но оба раза Китайцы, изнуренные болѣзнями и голодомъ, претерпѣли пораженіе. Въ 1787 году въ Бирму прибыло китайское посольство, для возстановленія между обоими государствами прежнихъ границъ и политическихъ сношеній, и лаосскія племена снова возвратились подъ бирманское владычество. Съ тѣхъ поръ Кіен-лонгъ отказался отъ честолюбивыхъ замысловъ распространить свое могущество до предѣловъ Индостана.

Отъ одного французскаго миссіонера, г. Лакрампа (Lacrampe) (*), мы получили нѣсколько собранныхъ имъ, въ двухлѣтнее его пребываніе на самомъ мѣстѣ, свѣдѣній о племенахъ Каріійцевъ (tribus Karianes) въ Пегу.

«Каріецъ строитъ себѣ небольшое свое жилье въ глуши лѣсовъ и всегда на берегу рѣки или ручья. Какъ оно назначено служить ему пріютомъ только на одинъ годъ, то онъ при постройкѣ его вовсе не заботится ни о прочности, ни объ удобствѣ. Рѣдко двѣ такія хижины находятся вмѣстѣ: обыкновенно онѣ одиноки и уединенны. Въ ближней окрестности, Каріецъ срубаетъ на обширное пространство лѣсъ и, сжегши, по предварительной высушкѣ, деревья, бросаетъ въ нѣдра такимъ образомъ подготовленной новины сѣмяна риса, составляющаго главное средство его существованія. Но прежде уборки жатвы ему приходится перенести много трудовъ. Сверхъ обыкновенныхъ заботъ, требуемыхъ всякою жатвою, онъ долженъ защитить свои посѣвы отъ зловредныхъ животныхъ и рыскать день и ночь по окрестности, для удаленія отъ нихъ ланей и вепрей. Наконецъ, по уборкѣ жатвы, Каріійцы

(*) Письмо его, отъ 18 февраля 1847 года, къ монсиньору Бушо (Boucho, vicaire apostolaire de la Malaisie), помѣщено въ Nouvelles Annales des Voyages, 1849, томъ 2-й, стр. 170 и сл.

идутъ выбирать себѣ другое удобное мѣсто жительства, иногда очень далеко отъ прежняго. Перенося туда небольшіе свои запасы, они снова принимаются строить себѣ избушку (chalet) и расчищать другое поле. Непостижимо, сколько тяжкихъ трудовъ переносятъ эти бѣдные люди: мужья, жены и дѣти,—всѣ работаютъ съ безпримѣрною настойчивостью. Вся жизнь ихъ проходитъ въ безпрерывныхъ тягостяхъ. Присоедините къ этому тяжкому образу жизни еще мало существенную пищу, главную основу которой составляетъ, какъ выше сказано, рисъ, и вы можете себѣ объяснить причину преждевременной ихъ дряхлости и тощій, удрученный видъ, столь рѣзко противуположный благородной, непринужденной осанкѣ Бирмановъ.

«Зато, въ-слѣдствіе такой трудовой, воздержной жизни и чисто совершеннаго ихъ одиночества, посреди лѣсовъ, мы видимъ у нихъ большую чистоту нравовъ и истинно патріархальное простодушіе. Какъ и всѣ народы Азіи, Карійцы очень гостепріимны. Они вмѣняютъ себѣ въ особенное счастіе принимать насъ подъ скромнымъ своимъ кровомъ, очень къ намъ вѣжливы и всегда готовы служить намъ. Понимая очень хорошо, что мы жрецы, они чтутъ въ насъ священный санъ, въ который мы облечены.»

Впрочемъ, не должно забывать, что и здѣсь, какъ вообще въ южной Азіи, вліяніе надъ умами туземцевъ оспариваютъ себѣ двѣ христіанскія пропаганды: одна — католическая, а другая — протестантская, и какъ обѣ другъ другу непріязненны, то это не мало ослабляетъ благодѣтельное впечатлѣніе, которое онѣ иначе оказывали бы на нихъ въ гораздо бо́льшей мѣрѣ. Это-то самое соперничество нерѣдко бываетъ также причиною явныхъ противорѣчій, которыя мы замѣчаемъ въ сужденіяхъ миссіонеровъ насчетъ характера туземцевъ. Такъ и авторъ приведеннаго нами здѣсь письма, восхваляя одну часть Карійцевъ, столько же порицаетъ другую, приписывая дурныя ихъ свойства вліянію на нихъ миссіонеровъ противной партіи: «вездѣ, говоритъ онъ, куда не проникли анабаптисты, Карійцы просты, неспособны къ обману и знаютъ несправедливость только изъ тѣхъ обидъ, какія имъ причиняютъ Бирманы.» Сколько въ этомъ заключается истины, объ этомъ можно судить только по безпристрастномъ выслушаніи обѣихъ сторонъ; но, во-всякомъ-случаѣ, нельзя не сожалѣть, что святое

дѣло христіанства является этимъ еще неиспорченнымъ чадамъ природы подъ двоякою личиною. (*)

Отъ другаго католическаго миссіонера, г. Бигандэ (Bigandet), мы узнаемъ нѣсколько любопытныхъ свѣдѣній о племенахъ, обитающихъ во внутренности Малайскаго полуострова. (**)

«Отъ самаго южнаго конца азіатскаго материка до сѣверной оконечности королевства Кведахъ (Quédah), въ равнинахъ и по склонамъ большой цѣпи горъ, раздѣляющей полуостровъ Малайку на двѣ равныя части съ сѣвера на югъ, скитаются племена, извѣстныя подъ разными названіями, какъ-то: на югѣ — Оранг-Беннары, или люди, живущіе къ сторонѣ Трансану, Оранг-Убу, т.-е. люди верховій рѣкъ, Оранг-гютанги (Orang-hutang), люди лѣсовъ, Кахты и Оранг-Семанги. Племена эти, безъ всякаго сомнѣнія, остатки переселенцевъ, которые мало-по-малу были вытѣснены въ глубь страны, начиная съ XII столѣтія, по мѣрѣ того, какъ вдоль береговъ Малайцы стали заводить свои колоніи.

«Но, вопреки одинаковому ихъ происхожденію между этими племенами не существуетъ ни частыхъ, ни тѣсныхъ сношеній: иныя изъ нихъ живутъ совершенно отдѣльно, вовсе чуждаясь другъ друга. Къ-тому же они утратили свой первобытный языкъ и приняли языкъ своихъ поработителей,

(*) О дѣйствіяхъ на полуостровѣ по ту сторону Ганга католиковъ мы узнаемъ изъ статьи одного издавна тамъ поселившагося Европейца (см. Das Ausland 1848, часть I, № 39) слѣдующее: Римско-католическая церковь уже съ 1583 года обратила на эту страну свое вниманіе: въ 1615 году туда прибыли іезуиты, въ послѣдствіи испанскіе доминиканцы въ большомъ числѣ, а въ 1666 г. тамъ поселились члены Парижской Иностранной Миссіи (Mission Etrangère). Съ тѣхъ поръ изъ этого учрежденія мало-по-малу было отправлено 16 епископовъ и 80 миссіонеровъ въ Кохинхину и 17 епископовъ и 47 миссіонеровъ въ Тонкинъ. Число католиковъ въ обѣихъ странахъ нынѣ показывается до 360,000, и, по словамъ (миссіонера) ле-Февра, въ одномъ Тонкинѣ считается до 80 туземныхъ священниковъ. Но въ новѣйшее время изданы противъ католиковъ строжайшіе законы и возникли жестокія гоненія. Повелѣніе схватывать немедленно миссіонеровъ и заключать въ темницу исполняется съ величайшею строгостью, а поэтому нельзя опредѣлить, сколько ихъ нынѣ еще остается въ этомъ краю.

(**) См. Nouv. Ann. des voyages. 1849 Tome I, стр. 80.

произнося его по-своему, такъ-что онъ съ перваго разу кажется вовсе особеннымъ нарѣчіемъ. За-всѣмъ-тѣмъ они сохранили еще немного первобытныхъ словъ, которыя, если будутъ современемъ собраны въ одинъ общій словарь, укажутъ на колыбель нѣкогда большаго народа, у котораго, впрочемъ, не осталось ни памятниковъ, ни преданій, могущихъ руководить изыскателя въ трудныхъ его изслѣдованіяхъ.

«Ведя бродячую жизнь, эти туземцы не берутъ себѣ времени для постройки хотя нѣсколько удобныхъ жилищъ. Нѣсколько бревенъ, сплоченныхъ вмѣстѣ въ видѣ пола, нѣсколько древесныхъ сучьевъ намѣсто стѣнъ, а поверхъ всего этого жалкая крыша, — вотъ весь ихъ домъ. Жакуны (Jakuns) иногда устроиваютъ себѣ жилище на вершинахъ высокихъ деревъ въ высотѣ 60 и даже болѣе футовъ, куда взмащиваются по лѣстницѣ.

«Эти дикари питаются всѣмъ, что̀ ни попадается имъ подъ руки: собаками, обезьянами и птицами, которыхъ ловятъ силками или убиваютъ стрѣлою, далѣе — разнаго рода кореньями и луковичными растеніями, въ изобиліи у нихъ водящимися. Сорочинское пшено разводятъ только по мѣрѣ самой настоятельной потребности. Вообще они предпочитаютъ регулярному труду — хотя и тяжкую, зато привольную жизнь звѣролова.

«Главное ихъ оружіе — копья, парангъ, криссъ и сумпитанъ, родъ самострѣла, состоящаго изъ дула въ 5 — 7 футовъ длины, въ которое они влагаютъ небольшую стрѣлу и потомъ силою дыханія пускаютъ шаговъ на 60 съ чрезвычайною мѣткостью.

«Между первобытными племенами есть иныя независимыя; но бо̀льшая часть признаетъ надъ собою власть ма̀лайскихъ раджей, въ предѣлахъ которыхъ живутъ разсѣянно тамъ и сямъ. Раджи эти даютъ имъ начальниковъ, или батиновъ (Batins) своего поколѣнія, предоставляя имъ, впрочемъ, за опредѣленную, вносимую натурою пошлину, жить сообразно съ обычаями предковъ.

«Числа ихъ народонаселенія въ-точности опредѣлить невозможно. Показанія объ этомъ Малайцевъ чрезвычайно преувеличены: если вѣрить имъ, то первобытные жители водятся тысячами на всѣхъ пунктахъ полуострова. Но тутъ Малай-

цы, кажется, введены въ заблужденіе бродячею ихъ жизнью. По моей оцѣнкѣ, все число этихъ дикарей не превышаетъ нѣсколько тысячь, да и эта цыфра должна убывать безпрестанно, если этимъ дряхлѣющимъ племенамъ не прійдутъ на помощь какія-либо особенно благопріятныя обстоятельства. Собственная стихія человѣка — общество. По мѣрѣ удаленія отъ него онъ постепенно перерождается, болѣе и болѣе утрачивая какъ физическія, такъ и нравственныя отличія. Каріяне (Carians) Тенстерима, обитатели Никобарскаго берега, а въ особенности племена, о которыхъ идетъ рѣчь въ этой статьѣ, всѣ сознаются въ томъ, что уже съ давнихъ лѣтъ относительное ихъ народонаселеніе безпрерывно убываетъ. И я не сомнѣваюсь, что черезъ нѣсколько лѣтъ дикое племя, обитающее Мерги (Merghy), вовсе исчезнетъ, если не будетъ связано съ прочимъ родомъ человѣческимъ какими-либо особыми путями Провидѣнія.

«Религія этихъ коренныхъ жителей преисполнена грубаго суевѣрія . . . ., но, впрочемъ, они отличаются наивностью, простосердечіемъ и природною веселостью. Несмотря на робкій снаружи видъ свой, они ведутъ привольную жизнь въ глуши своихъ дубравъ. Почтительные, безъ раболѣпства, они въ бесѣдѣ принимаютъ тонъ обрывистый и торопливый (précipité), противорѣчащій обычной ихъ кротости. Своимъ простодушіемъ, откровенностью и скромностью дикарь Малайскаго полуострова напоминаетъ лучшія свойства Карійца, но, подобно ему, любитъ крѣпкіе напитки. Онъ живетъ безъ всякой заботы и попеченія о будущемъ, и ничто, кажется, не въ состояніи потрясти его равнодушіе ко всему случающемуся въ жизни.

«Народъ съ такимъ счастливымъ характеромъ открываетъ ревности миссіонеровъ обширное поприще. Г. Фавръ былъ первый, который отважился проникнуть въ ихъ лѣса, для предварительнаго изученія тамошней мѣстности и ея обитателей, и какъ донесеніе его было благопріятно, то епископъ Бушо (Bouchot) снарядилъ туда г. Бори (Borie), который уже посѣтилъ народъ на разныхъ пунктахъ и изъявляетъ надежду, что въ этихъ простодушныхъ и прямыхъ сердцахъ скоро взойдетъ сѣмя евангельскаго ученія. И нельзя не желать этого, потому-что это было бы единственнымъ сред-

ствомъ спасти эти чада пустыни отъ конечнаго ихъ истребленія.»

Островъ Цейлонъ вѣрно и подробно описанъ въ сочиненіи:

Ceylon and the Cingalese: their History, Government and Religion; the Antiquities, Institutions, Products etc. By H. Ch. Sirr. M. A. Late Deputy, Queens Advocate in the Iland of Ceylon. 2 vols. London. 1850. 47 листовъ въ 8-ю д., со многими изображеніями.

Авторъ его, состоя нѣсколько лѣтъ въ званіи королевскаго адвоката въ южной части Цейлона, имѣлъ случай дѣлать много поѣздокъ въ разныхъ направленіяхъ и короче ознакомиться съ природою острова и бытомъ его жителей. По возвращеніи въ Англію, онъ издалъ въ свѣтъ сказанное описаніе, съ цѣлью раскрыть богатства этого прекраснаго острова и обратить вниманіе на его еще не развитые источники. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ даетъ общіе очерки страны, сообщаетъ свѣдѣнія о правѣ, характерѣ и обычаяхъ смѣшаннаго ея населенія и знакомитъ насъ съ ея знаменитыми древностями, литературою и исторіею отъ древнѣйшихъ временъ до послѣдняго тамъ возмущенія, надѣлавшаго столько шума въ Англіи. Изъ донесенія его мы узнаемъ о многихъ улучшеніяхъ, введенныхъ тамъ съ недавняго времени Англичанами: о разведеніи разныхъ усадебъ, проложеніи дорогъ, постройкѣ мостовъ и т. д. Между-прочимъ, чрезъ быструю рѣку Магавелли-ганга (Mahavelli-ganga) перекинутъ мостъ объ одной только аркѣ, въ 205 футовъ длиною. Самое плѣнительное понятіе авторъ даетъ намъ о высокой нагорной равнинѣ Ньюера-Эллія (Newera Ellia), возвышающейся до 6,300 футовъ надъ моремъ и имѣющей столь здоровый климатъ, что Англичане завели здѣсь одну изъ главныхъ своихъ колоній. Хотя это мѣсто отстоитъ отъ экватора не болѣе 7 градусовъ, но ничто здѣсь не напоминаетъ о тропикахъ, а напротивъ-того, преуспѣваютъ всѣ плоды, овощи и растенія умѣреннаго климата, и больные, сюда переносимые для исцѣленія, скоро возстановляютъ утраченныя свои силы и здоровье. Городъ Ньюера-Эллія лежитъ посреди равнины, надъ которою, въ разныхъ направленіяхъ, возвышаются плоскогорья незамѣтными склонами и пригорками, на которыхъ раскинуты разные

дома и дачи. Съ сосѣднихъ горъ низвергаются непрерывающіеся ни въ какое время года водопады, и чистыя струи самой здоровой воды протекаютъ по долинамъ, между-тѣмъ, какъ холмы одѣты драгоцѣнными деревьями. Весь этотъ ландшафтъ состоя на протяженіи нѣсколькихъ миль изъ обильно орошаемыхъ и разнообразныхъ равнинъ, холмовъ и долинъ, имѣетъ видъ натуральнаго парка, гдѣ Европеецъ можетъ прохаживаться во всякое время дня. Во всей этой странѣ, съ ноября по исходъ апрѣля, термометръ рѣдко поднимается выше 65° Фаренг. ($14{,}_6$ Р.) и хотя ночью довольно часто бываютъ холода, но о снѣгѣ никогда не слыхивано; температура зимнихъ мѣсяцевъ равняется атмосферѣ прекраснаго октября въ Англіи, а лѣтніе мѣсяцы соединяютъ пріятную теплоту августа съ благодатными дождями апрѣля. Однимъ словомъ, здѣсь вовсе не знаютъ удручительной тягости тропическаго климата.

Для тѣхъ, кто пожелаетъ ближе и точнѣе ознакомиться съ статистическимъ и политическимъ положеніемъ острова, а равно и съ его исторіею, мы укажемъ на книгу:

An Historical, Political and Statistical Account of Ceylon and its Dependencies. By C. Pridham. London. Bone. 1849, 2 vols. $56^1/_2$ лист. (б. 8), съ 1 картою.

Авторъ этого сочиненія, въ собраніи Лондонскаго Этнологическаго Общества, 20 іюня 1849 года, читалъ любопытную статью о первобытныхъ жителяхъ острова Цейлона, *Яккахъ*, нынѣ извѣстныхъ подъ именемъ *Ведда* (Veddas, Veddahs, Vaddags, или Bedas). Это населеніе занимаетъ собою внутреннія части острова и раздѣляется на два главные отдѣла: *лѣсныхъ*, или *дикихъ*, обитающихъ въ первобытныхъ лѣсахъ, по бо́льшей части разсѣянно (попарно), безъ всякихъ слѣдовъ образованія и какого-либо политическаго устройства, и *сельскихъ*, живущихъ селеніями и занимающихся воздѣлываніемъ, на малыхъ участкахъ, маиса, — переходное звено между первыми и Сингалезами. Отъ послѣднихъ Ведды отличаются какимъ-то особенно дикимъ выраженіемъ лица и густыми, косматыми волосами; ростомъ они рѣдко выше 5 футовъ 5 вершковъ, — впрочемъ, стройнаго тѣлосложенія и живаго темперамента. Нынѣ это племя еще занимаетъ страну около 2,000 кв. миль; но оно без-

престанно стѣсняется распространеніемъ, съ одной стороны, скотоводства между тамульскимъ и арабскимъ населеніемъ острова, а съ другой — размноженіемъ кокосовыхъ усадебъ. Какъ осколокъ древнѣйшаго населенія Цейлона, еще въ полнотѣ сохранившій первоначальный типъ, языкъ и нравы своихъ предковъ, они заслуживаютъ особеннаго вниманія лингвиста и этнолога.

Съ религіознымъ бытомъ острова насъ знакомитъ сочиненіе:

Bishop of Colombo's Journal in Ceylon. London. 1851. 160 стр. въ 12-ю долю листа.

Литература сочиненій о Срединной имперіи снова обогатилась нѣсколькими важными дополненіями. Мы встрѣчаемъ на этомъ полѣ нѣсколько почетныхъ именъ, съ которыми были знакомы уже прежде. Одинъ изъ первыхъ знатоковъ Китая, игравшій тамъ столь важную роль, какъ посредникъ между тамошнею англійскою миссіею и китайскимъ правительствомъ, сэръ Джонъ Френсисъ Девисъ, издалъ, въ дополненіе къ прежнимъ своимъ трудамъ о Китаѣ, сочиненіе:

China during the war and since the peace. By Sir John Francis Davies. F. R. S. 2 vols.

первый томъ котораго посвященъ описанію войны между Англіею и Китаемъ отчасти на основаніи оффиціальныхъ китайскихъ документовъ, попавшихъ въ руки Англичанъ и разобранныхъ миссіонеромъ Гюцлафомъ, а второй томъ представляетъ любопытный отчетъ объ управленіи Девисомъ англо-китайскою миссіею въ первыя пять или шесть лѣтъ по заключеніи мира, когда Китайцы всѣми способами старались уклониться отъ исполненія его условій и ихъ, слѣдовательно, приходилось безпрестанно понуждать къ тому, не обращаясь снова къ силѣ оружія. Сверхъ-того, авторъ приложилъ къ своей книгѣ особую главу объ индо-китайскихъ странахъ, — Японіи, Аннамѣ, или Кохинхинѣ, Сіамѣ и Кореѣ.

Руководствуясь этимъ капитальнымъ авторомъ о Китаѣ, представимъ здѣсь хотя самое сжатое извлеченіе изъ пятой главы его сочиненія: China and the Chinese, заключающей въ себѣ географическій очеркъ страны.

«Китай былъ топографически снятъ іезуитами, на основаніи тригонометрическихъ началъ, съ такою точностью, что въ

этой описи мало требуется поправокъ, и, за исключеніемъ англійскихъ владѣній въ Индіи, ни одной части Азіи не имѣется такая хорошая съемка, какъ Срединной имперіи.

«Но съ тѣхъ поръ въ раздѣленіи страны воспослѣдовала перемѣна. Китай, вмѣсто 15 областей, нынѣ состоитъ изъ 18, что̀ произошло отъ подраздѣленія трехъ наибо́льшихъ провинцій: Кіанг-нанъ раздѣленъ на Кіанг-су и Ган-гва, Гу-куангъ на Гу-нангъ и Гу-пи, а западный отдѣлъ области Шен-си расширенъ и прозванъ Кан-со. Эти 18 областей занимаютъ собою пространство около 2,300 географическихъ миль съ сѣвера на югъ и около 20 градусовъ долготы съ востока на западъ.

«Нѣтъ въ свѣтѣ страны такого объема, которая была бы въ такой мѣрѣ благопріятствуема климатомъ. Но, находясь на востокѣ большаго материка, Китай слѣдуетъ общему закону подобныхъ климатовъ, представляя въ разныя времена года крайности стужи и зноя, какихъ нельзя бы было ожидать отъ нихъ, судя по широтѣ.... За-всѣмъ-тѣмъ климатъ очень здоровъ, безъ-сомнѣнія, въ-слѣдствіе распространенія обработки земли и стока водъ. Въ подтвержденіе Гумбольдтовыхъ замѣчаній объ изотермическихъ линіяхъ можно присовокупить, что французскіе миссіонеры были поражены сходствомъ климата и произведеній сѣвернаго Китая, Татаріи и восточнаго берега Сѣверной Америки.... Возвышеніе всей поверхности Китая не одинаково, и страна по бо́льшей части восходитъ террасами отъ моря къ западу; горъ же особенно значительной вышины (въ собственномъ Китаѣ), кажется, не имѣется. Есть только двѣ главныя цѣпи: одна изъ нихъ идетъ отъ Юн-нана вдоль границъ Куи-чау и Куанг-си къ сѣверу отъ Кантонской области, гдѣ чрезъ Милингское ущелье прорублена дорога, а оттуда—въ сѣверо-восточномъ направленіи чрезъ Фо-кіенъ до Чи-кіанга. Бо́льшая часть хребта къ сѣверу отъ Кантонской области населена Міаут-се, племенемъ, которое никогда не было совершенно покорено Татарами. (*) Второй главный хребетъ тянется

(*) Хорошее описаніе этихъ замѣчательныхъ горцевъ и политики богдыхановъ въ-отношеніи къ нимъ можно прочесть у іезуита Пареннэна (Parennir), въ Lettres édifiantes et curieuses. Не бывъ въ состояніи покорить Міаот-се силою оружія, правительство построило города и крѣ-

отъ Се-чуэна до Шен-си и заставляетъ Гоанго (Желтую рѣку) сдѣлать большой поворотъ къ сѣверу чрезъ Китайскую Стѣну. Сверхъ-того, имѣются довольно высокія горы на западъ отъ Пекина къ сторонѣ Шан-си. Но равнины, изъ среды которыхъ онѣ воздымаются, не много выше уровня морскаго.

Обѣ главныя рѣки Китая въ географической исторіи земнаго шара занимаютъ высокую степень. Длиною онѣ уступаютъ только Амазонской рѣкѣ и Миссисипи (прибавимъ, еще Нилу). Янгсе-кіангъ протекаетъ въ Коконорѣ, странѣ между Тибетомъ и Китаемъ, потомъ вдругъ, обратясь къ югу, дѣлаетъ сильный поворотъ чрезъ области Юн-нанъ и Сечуэнъ, за симъ течетъ къ с.-в. и в., а далѣе, обогнувъ къ югу, вбираетъ въ себя воды величайшаго изъ озеръ китайскихъ, Тонг-тинг-іу, а наконецъ, послуживъ стокомъ еще другаго большаго озера, Поянг-гу, въ области Кинг-си, течетъ почти къ с.-в. и, по ту сторону Нанкина, впадаетъ въ море, ровно подъ 32° широты.

И Гоанго, Желтая рѣка, вытекаетъ изъ области Коконора, неподалеку отъ истоковъ Янг-те-кіанга, но столь же внезапно сворачиваетъ къ сѣверу, какъ Синяя рѣка къ югу, и, пройдя чрезъ Большую Стѣну, огибаетъ область Ортусовъ. Потомъ, снова пробившись чрезъ Стѣну, она устремляется прямо къ югу, по границѣ между Шан-си и Шен-си, послѣ него, круто повернувъ къ западу, вливается въ океанъ, подъ 34° широты. По причинѣ быстрины своей, эти рѣки въ бо̀льшей части своего теченія несудоходны. Замѣчательно, что обѣ эти огромныя рѣки Китая, взявъ свое начало вблизи одна другой и разойдясь за тѣмъ, въ противоположномъ направленіи, на цѣлые 75 градусовъ широты, достигаютъ моря въ разстояніи одна отъ другой не болѣе двухъ градусовъ широты.

Берегъ Китая къ югу отъ мыса Шантонга, исключая близъ устьевъ двухъ сказанныхъ рѣкъ, вообще крутъ и утесистъ. Область Пекинская есть песчаная равнина, и ограничивающій ее заливъ очень плосокъ, такъ-что большое судно не можетъ

постцы у подошвы тѣхъ тѣснинъ, чрезъ которыя они вторгаются въ равнины. Но это не удерживаетъ ихъ нашествій. Вообще эти отношенія изобличаютъ большую слабость китайскаго правительства, которое успѣшнѣе дѣйствуетъ козними и переговорами, чѣмъ оружіемъ.

подойти къ берегу на разстояніе нѣсколькихъ миль. Весь берегъ Имперіи изобилуетъ безопасными, удобными гаванями, и вообще море отъ устья Пекинской рѣки до Чусана столь же свободно отъ опасностей, какъ какое-либо море въ другой части свѣта.

Что касается до внутреннихъ сообщеній, то Китайцы, благодаря своему Императорскому каналу, почти совершенно независимы отъ прибрежнаго судоходства. Каналъ этотъ, относительно своего протяженія и громадности предпріятія, не имѣетъ себѣ подобнаго въ свѣтѣ. Онъ былъ, какъ извѣстно, главнѣйше твореніемъ Коблай-хана и непосредственныхъ его преемниковъ изъ династіи Юэна. Въ написанной въ 1307 году и изданной Гаммеромъ и Клапротомъ рукописи монгольскаго историка Рашидъ-эд-дина, находимъ слѣдующее о немъ извѣстіе: «Каналъ простирается отъ Хадалыка (Пекина) до Хин-се (*) и Се-туна; суда могутъ ходить по немъ, и длина его 40 сутокъ. По прибытіи своемъ къ шлюзамъ, суда, какой бы ни было величины, поднимаются посредствомъ машинъ, а потомъ, съ другой стороны, спускаются въ воду.» Это описаніе и понынѣ еще совершенно вѣрно.

Главная заслуга этого великаго сооруженія состоитъ въ томъ, что оно служитъ отводнымъ каналомъ для болотистой страны, чрезъ которую протекаетъ отъ Тіен-тсина до Янс-ти-кіанга. Будучи проведенъ чрезъ самыя низменныя мѣста и состоя въ сообщеніи съ сосѣдственными странами посредствомъ гатей, каналъ этотъ послужилъ къ удобренію многихъ земель, которыя иначе оставались бы неосушимыми топями.

Изъ числа областей, на которыя дѣлится Китай, Девисъ считаетъ Кіанг-нанъ богатѣйшею, а именно по причинѣ шелковыхъ ея тканей и лакированныхъ издѣлій, которыя преимущественно изготовляются въ Су-чау. Нанкинъ, древняя столица, была промѣнена на Пекинъ императоромъ Юнг-ло въ XV вѣкѣ, и нынѣшняя династія удерживаетъ новую столицу по причинѣ близости ея къ Мугдену, родинѣ династіи; но Нанкинъ, по положенію своему, ближе къ срединѣ Имперіи и, по превосходству климата, болѣе способенъ содѣйствовать

(*) Кинг-се, или главный городъ, нынѣшній Ганг-чоу-фу, бывшая столица династіи Сунгъ.

благосостоянію Имперіи. Въ округѣ Гоэ-чау-фу, южнѣйшаго города этой области, водится наилучшій зеленый чай, и та самая земля, на которой онъ ростетъ, служитъ также къ выдѣлкѣ фарфора. Смежная область Кіанг-си есть самая восхитительная по климату и красотамъ природы. Озеро Поянгъ, почти равняющееся морю, съ запада опоясано прекраснѣйшими горными ландшафтами.

Область Че-Кіангъ соревнуетъ съ Кіанг-наномъ въ шелководствѣ, и земля здѣсь часто усажена молодыми тутовыми деревьями, которыя безпрестанно возобновляются для улучшенія доброты шелка. Область Фо-кіенъ, долѣе всѣхъ сохранившая свою независимость отъ Манджурцевъ, славится своими матросами, которыми главнѣйше и снабжаетъ императорскія джонки. Ей принадлежитъ бо́льшая часть мореходныхъ торговыхъ джонокъ.

Если изданія Девиса свидѣтельствуютъ о продолжительномъ знакомствѣ автора ихъ съ Китаемъ, то другія сочиненія, о которыхъ мы намѣрены говорить здѣсь, были плодами болѣе или менѣе бѣглаго посѣщенія страны.

Прежде всего укажемъ на небольшую, но весьма поучительную брошюру:

A glance at the Interior of China obtained during a journey through the silk and green tea districts, taken in 1845.

Не назвавшійся по имени, авторъ ея, по прибытіи своемъ, 26 марта 1845 года, въ Шанг-гаи (Shang-haè), промѣнявъ европейскій свой нарядъ на китайскій, предпринялъ весьма опасное въ это время путешествіе во внутрь страны. Цѣлью его было обозрѣть области, наиболѣе славящіяся шелководствомъ и разведеніемъ зеленаго чайнаго куста. Поэтому онъ, нанявъ нѣсколько носильщиковъ и вожатыхъ, въ-видѣ странствующаго китайскаго торговца, направилъ свой путь въ Гоу-Чоу (Hoo-Chow), главное мѣсто шелководства въ Китаѣ, куда и прибылъ 1 апрѣля. Любители этой важной отрасли промышленности, конечно, будутъ ему особенно благодарны за довольно подробныя о ней свѣдѣнія, извлеченныя имъ изъ китайскаго источника, а именно изъ руководства, лишь недавно передъ тѣмъ изданнаго главнымъ сборщикомъ податей въ тамошней области, для поощренія жителей къ ея распростра-

нению у себя и усовершенствованію шелководства, вмѣстѣ съ изображеніемъ употребительнѣйшихъ при томъ снарядовъ. Потомъ, пройдя сверхъ разныхъ селеній, многолюдные города Квантин-гоу, Го-лу-хи (Ho-loo-khé), Нинг-кво-гинъ (Ning-kwo-heen), Тсеи-хи (Tsei-khe), Гвуи-Чоу (Hwuy-Chow) и, взявъ оттуда направленіе къ югу, достигъ, 11 апрѣля, Тон-хи (Tun-k'he), на рѣкѣ Гин-кеангго, впадающей въ Гвуи-Чоу, города около $4^1/_2$ верстъ длиною, имѣющаго болѣе 100,000 жителей, — одного изъ обширнѣйшихъ рынковъ въ областяхъ зеленаго чаю. Здѣсь живутъ самые главные гуртовые торговцы чаемъ. Скупая въ окрестной странѣ чаи, они, по надлежащемъ ихъ приготовленіи и разсортированіи, отправляютъ ихъ водою чрезъ Гвуи-Чоу въ Шанг-гаи, или чрезъ гряду холмовъ къ западу отъ Тон-ки къ рѣкѣ, вливающейся въ озеро По-янгъ, а оттуда на югъ въ Кантонъ. Въ городѣ Тонки, находятся огромные чайные магазины, и ежегодный оттуда отпускъ чаю, въ вышеуказанныхъ направленіяхъ, доходитъ отъ 700 до 800 чоповъ (chop). Возвратный путь свой въ Шанг-гаи путешественникъ совершилъ отчасти сухимъ путемъ, а отчасти водою, между-прочимъ, по величавой рѣкѣ Янг-тси-Кіангу, и 14 мая благополучно воротился въ мѣсто своего отправленія.

Для тѣхъ, кто желаетъ путешествовать внутри Китая, весьма пригодятся указанія автора насчетъ приготовленія къ подобному странствію требующейся для того одежды, пищи и образа ѣды Китайцевъ, тамошнихъ гостинницъ и чайныхъ домовъ, способовъ путешествія водою и сухимъ путемъ, необходимаго короткаго знакомства съ языкомъ страны, выбора вожатыхъ и т. д. Вообще изъ этой книги видно, что путешествіе по Китаю, не-смотря на многія удобства, какъ-то: по бо́льшей части хорошія дороги, гостинницы и пр., для иностранца сопряжено съ немалыми трудностями и опасностями.

Другая книга, заслуживающая здѣсь упоминанія, есть сочиненіе флота-лейтенанта Форбса:

Five Years in China, from 1842 to 1847 with an Account of the occupation of the Islands of Labuan and Borneo, by Her M's orders. By Lieut. F. E. Forbes. R. N. London 1848. Rich Bentley. IX и 405 стр. въ б. 8.

Крейсировавъ въ-теченіе 5 лѣтъ, 1842—1847 г., на военномъ суднѣ Бонета у береговъ китайскихъ, авторъ имѣлъ случай совершить нѣсколько поѣздокъ во внутренность Китая и собрать разныя любопытныя свѣдѣнія о странѣ и ея жителяхъ, которыя и передастъ здѣсь безъ всякихъ притязаній на полноту или строгую послѣдовательность. О военныхъ дѣйствіяхъ въ Китаѣ, которыхъ онъ былъ самъ свидѣтелемъ и дѣятельнымъ участникомъ, онъ не касается, въ предположеніи, что они уже описаны другимъ какимъ-либо лѣтописцемъ, а только ограничивается замѣтками о самой странѣ и о нравахъ, обычаяхъ и особенностяхъ ея жителей,

Имѣвъ въ виду, между-прочимъ, какъ любитель нумизматики, собрать коллекцію китайскихъ монетъ (*), г. Форбсъ, во время своихъ поѣздокъ во внутрь страны, входилъ въ сношенія съ лицами разныхъ сословій, отъ губернатора провинціи до обывателя самой скромной лачуги, а поэтому могъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе о характерѣ народа.

Такое сближеніе привело его къ совершенно другому мнѣнію о Китайцахъ, нежели какое онъ составилъ себѣ изъ чужихъ донесеній. Едва только прекратились непріязненныя дѣйствія и миновало весьма естественное раздраженіе послѣ претерпѣннаго пораженія, какъ авторъ увидѣлъ себя посреди одного изъ любезнѣйшихъ, ласковѣйшихъ и гостепріимнѣйшихъ населеній земнаго шара, — народа, который въ такой же мѣрѣ опередилъ Европу въ иныхъ отношеніяхъ, какъ онъ отсталъ отъ нея въ другихъ, и полагаетъ, что по мѣрѣ ближайшаго взаимнаго знакомства обѣ стороны убѣдятся, что онѣ вовсе не такіе варвары, какими они доселѣ считали другъ друга. (**)

Кромѣ случаевъ личнаго знакомства съ туземцами, между-прочимъ, и съ знатными лицами, къ которымъ такъ труденъ въ Китаѣ доступъ, автору въ-особенности пригодилось знакомство съ бывшимъ въ Нингпо, въ званіи китайскаго тол-

---

(*) Авторъ обѣщаетъ издать въ свѣтъ описаніе этой значительной коллекціи, вмѣстѣ съ замѣтками одного ученаго Китайца.

(**) И покойный докторъ Моррисонъ, который лучше зналъ Китайцевъ, чѣмъ бо́льшая часть Европейцевъ, составилъ себѣ о нихъ выгодное мнѣніе: «въ Китаѣ, говоритъ онъ, есть многое, что́ можно порицать, но также не мало чему можно поучиться.»

мача г. Томомъ (Thom), много лѣтъ проживавшимъ въ Китаѣ, гдѣ онъ прежде занимался выгодною торговлею. Въ случаяхъ же недоумѣнія не малую пользу приносило г. Форбсу періодическое изданіе, выходящее въ Гонг-Конгѣ подъ заглавіемъ The Chinese Repository и заслуживающее быть болѣе извѣстнымъ въ Европѣ, какъ драгоцѣнная энциклопедія точныхъ мѣстныхъ познаній о странѣ.

Чтобы дать понятіе о китайскихъ городахъ, болѣе или менѣе похожихъ одинъ на другой, г. Форбсъ сперва подробно описываетъ Шанг-гай, какъ обширнѣйшій и важнѣйшій для Европейцевъ портъ Небесной имперіи.

Изъ этого описанія видно, что число судовъ, приходящихъ въ этотъ портъ подъ исходъ юго-западнаго монсуна, доходитъ отъ 3—4000 большаго размѣра. Туземныя эти суда привозятъ сюда по большей части произведенія Зунда, т.-е. Сингапора, Малакки и Пуло-Пинанга, между-тѣмъ, какъ множество другихъ большихъ и мелкихъ судовъ занимается каботажною торговлею.

И г. Форбсъ полагаетъ, что Шанг-гай, по центральному своему положенію на берегу рѣки, впадающей въ Янг-тсе-кіангъ, вблизи Императорскаго канала и въ серединѣ разстоянія между Пекиномъ и Кантономъ, долженъ въ нѣсколько лѣтъ сдѣлаться единственнымъ китайскимъ портомъ для реальной торговли съ иностранцами.

Изъ прочихъ открытыхъ Европейцамъ портовъ, Амой слишкомъ удаленъ отъ шелковыхъ и чайныхъ областей, чтобы представлять выгоду для иностранной торговли; Фу-чеу-фу подлежитъ тому же самому неудобству, а притомъ главнѣйше населенъ Татарами, неблагопріятствующими иностранцамъ; Нинг-по, по близости своей къ несравненно важнѣйшему порту Шанг-гаи, еще не могъ пріобрѣсть себѣ довольно значенія для основанія въ немъ хотя одного купеческаго дома. (*)

(*) Изъ сравнительной таблицы британской торговли въ пяти китайскихъ портахъ за 1845 годъ, сообщаемой въ приложеніи къ книгѣ

Итакъ, въ настоящее время вся торговля почти ограничивается Кантономъ и Шанг-гаемъ; но выгоды положенія послѣдняго изъ нихъ вмѣстѣ съ гостепріимнымъ, радушнымъ характеромъ его жителей должны современемъ возвысить его значеніе и обезпечить ему монополію. (*)

Въ Кантонѣ англійскій негоціантъ живетъ почти какъ заключенный въ своемъ домѣ: ему открыто только нѣсколько улицъ для прогулки; да и тамъ онъ подверженъ оскорбленіямъ неистовой, назойливой черни. Опытъ доказалъ, что онъ не безопасенъ отъ нея даже въ собственномъ своемъ домѣ. Въ Шанг-гаѣ, напротивъ-того, онъ окруженъ обществомъ мирнымъ и дружелюбнымъ, гдѣ преступленія такъ рѣдки, что, по показанію тамошняго гражданскаго губернатора, Кунгъ-Му-кіу, въ девяти-лѣтнее управленіе имъ столь многолюднымъ населеніемъ, совершена тамъ только одна смертная казнь. Притомъ же, городъ всегда доступенъ иностранцу наравнѣ съ туземцами, и онъ гораздо менѣе подверженъ здѣсь какому-либо оскорбленію, чѣмъ въ любой странѣ земнаго шара.

Третья сюда относящаяся книга принадлежитъ уже извѣстному намъ по описанію острова Цейлона англійскому правовѣду Генри-Чарльзу Сэрру:

(стр. 402), мы усматриваемъ, какой перевѣсъ Кантонъ и Шанг-гаи имѣютъ передъ прочими тремя портами:

	Число тоннъ.	Привозъ ф. ст.	Отпускъ ф. ст.
Кантонъ.	86,087	2,321,692	4,492,370
Амой.	6,655	147,494	15,478
Фу-чеу-фу.	765	43,981	40.293
Нинг-по.	1,926	10,398	17,495
Шанг гаи.	15,971	1,082,207	1,259,091
		3,605,772	5,824,727

(*) Въ противность этому мнѣнію, прусскій путешественникъ Грубе полагаетъ, что Кантонъ всегда будетъ имѣть перевѣсъ уже по своему богатству и бо́льшей смышлености жителей, а особенно по благоустроеннымъ давнишнимъ своимъ связямъ съ внутренними областями Имперіи, по бо́льшей доступности судоходству и удобствамъ для торговли, какихъ не представляетъ ни одинъ изъ прочихъ городовъ; но и онъ свидѣтельствуетъ, что тамошняя чернь груба, безпокойна и недоброжелательна, и безопасность ненадежна, отъ крайней слабости управленія. См. Grube Reise nach China und Indien 1848. Стр. 257.

China and the Chinesa: Their Religion, Character, Customs and Manufactures: the Evils arising from the Opium Trade: with a Glance at our religious, moral, political und commercial intercourse with the country, by Henry Charles Sirr, M. A. of. Lincoln 's Inn, Barrister at Law. London William S. Orr et Co. 1849 г. 2 тома: 1-й X и 457, 2-й VIII и 443 стр. ǒ. 8.

Кромѣ описанія открытыхъ британской торговлѣ портовъ, авторъ распространяется о поверхности земли, географическомъ положеніи и раздѣленіи Имперіи, о ея климатѣ, произведеніяхъ и богатствѣ, о народѣ китайскомъ, о его наружныхъ и внутреннихъ качествахъ, одеждѣ и жилищахъ, о состояніи сельскаго хозяйсева, о разведеніи чая, шелководствѣ и разныхъ другихъ отрасляхъ промышленности, а равно ремеслахъ и искусствахъ, о нравахъ и обычаяхъ разныхъ сословій, о просвѣщеніи, литературѣ и религіи, даетъ краткій очеркъ исторіи Китая, введенія и распространенія тамъ христіанства, торговли съ Китаемъ, образа управленія и сообщаетъ много любопытныхъ замѣтокъ о послѣднихъ политическихъ событіяхъ въ Китаѣ.

Авторъ, между-прочимъ, осуждаетъ англійскую дипломацію въ томъ, что она избрала мѣстомъ для поселенія въ Китаѣ островъ Гонг-Конгъ. Ссылаясь, кромѣ собственнаго своего наблюденія, на авторитетъ отличнѣйшихъ новѣйшихъ писателей о Китаѣ: англійскаго священника Джорджа Смита, Макферсона, Форчуна, статистика Монтгомери-Мартина, онъ доказываетъ, что Гонг-Конгъ есть самое неблагопріятное для здоровья и невыгодное по своему безплодію мѣсто, тогда-какъ островъ Чусанъ, который былъ временно въ рукахъ Англичанъ, какъ по своему географическому положенію, такъ и по здоровому своему климату и своей производительности, былъ бы гораздо выгоднѣе для политическихъ и коммерческихъ видовъ Великобританіи.

Вотъ описаніе, какое Сэрръ даетъ о первомъ изъ этихъ двухъ острововъ:

Гонг-Конгъ, одинъ изъ той купы острововъ, которые у Португальцевъ именуются разбойничьими (Ladrones), есть безплодная страна, которая хотя мѣстами и воздѣлана настойчивымъ трудолюбіемъ Китайцевъ, но едва вознаграждаетъ работу земледѣльца. Отъ самаго берега возвышается голая уте-

систая гора до высоты отъ 1,000—2,000 ф. поверхъ моря. По склону ея построенъ непрерывный рядъ домовъ и отдѣльныхъ загородныхъ зданій, составляющихъ собою городъ Викторію, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно водились ядовитыя змѣи. Островъ искони пользовался у Китайцевъ дурною молвою, какъ одна изъ самыхъ вредныхъ для здоровья мѣстностей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и какъ притонъ морскихъ разбойниковъ, воровъ и всякаго сброда людей. И подлинно, городъ во время его занятія британскими войсками главнѣйше состоялъ изъ этого разряда обывателей, числомъ до 8,000, и хотя многіе изъ нихъ оставили городъ, но все еще ненадежность собственности въ Гонг-Конгѣ остается пословицею, и смѣлыя попытки пиратовъ безпрестанно случаются вблизи порта и даже внутри его, въ-виду англійскихъ военныхъ судовъ.

Островъ столько же бѣденъ пособіями, сколько незначителенъ по своей величинѣ. Онъ всего около 15 верстъ длиною и въ половину этого шириною и относительно своего продовольствія состоитъ въ зависимости отъ противулежащей на материкѣ деревни Коу-луна. Самый же островъ весьма мало содѣйствуетъ къ поддержанію жителей, такъ-что если китайскимъ вѣдомствамъ вздумается пріостановить доставку на островъ провизіи, какъ-то было разъ въ 1845 году и какъ то до 1848 года постоянно дѣлалось съ Макао, то колонія, если не снабжена необыкновеннымъ запасомъ, должна будетъ или согласиться на любую, требуемую съ нихъ цѣну за свѣжіе припасы, или просто умереть съ голода.

Климатъ Гонг-Конга самый гибельный для Европейцевъ во всемъ Китаѣ. Дожди продолжаются около трехъ мѣсяцевъ (съ мая по августъ), а по прекращеніи ихъ обнаруживаются міазмы и начинается самое вредное для здоровья время года. Гонг-конгская лихорадка оказалась бичемъ болѣе страшнымъ, чѣмъ холера, и смертность между британскими войсками, съ самой первой ихъ высадки на островъ, въ 1840 году, по исходѣ 1848 года, была чрезвычайна. (*)

Еще сильнѣе авторъ возстаетъ противъ потворствованія потайной торговлѣ опіемъ. Конечно, прибыль отъ нея очень

(*) Въ исходѣ ноября 1848 года, отданъ былъ приказъ, чтобы солдаты жили на особо отведенныхъ для нихъ судахъ, и эта мѣра, кажется, нѣсколько пріостановила дѣйствіе лихорадокъ.

велика: мы узнаемъ, между-прочимъ, что одинъ только торговый домъ выигралъ ею въ 30 лѣтъ три милліона фунтовъ стерлинг. (около 72 милліоновъ рублей ассиг.); но авторъ по справедливости замѣчаетъ, что, не говоря уже о недобросовѣстности этой торговли, самый интересъ Англіи требуетъ ея прекращенія, потому-что, по мѣрѣ распространенія въ Китаѣ гибельной страсти къ куренію опія (*), народъ становится менѣе способнымъ къ промышленной производительности, и, слѣдовательно, вся торговля съ Китаемъ должна современемъ пострадать существенно.

Въ главѣ о народонаселеніи Китая, Сэрръ разбираетъ характеръ народа и, между отличительными добрыми качествами Китайцевъ, приводитъ нѣжность родителей къ своему чаду и повиновеніе дѣтей родителямъ, уваженіе къ знаніямъ и учености, почтеніе къ старшимъ, покорность закону, гостепріимство, большую настойчивость и трудолюбіе; но, съ другой стороны, онъ находитъ, что нѣтъ въ свѣтѣ народа, болѣе склоннаго къ разврату, какъ Китайцы. Другая преобладающая въ нихъ склонность — страсть къ барышу; а въ-слѣдствіе того они неразборчивы въ средствахъ къ его достиженію. Будучи недовѣрчивы ко всему, они вмѣстѣ съ тѣмъ чрезвычайно хитры и завистливы. Подобострастные къ старшимъ себя даже до раболѣпства, они жестоки и несправедливы къ своимъ подчиненнымъ, и всѣ сословія отъ высшаго до низшаго преданы игрѣ, обману и какому-то слѣпому фатализму.

Гораздо поверхностнѣе вышеприведенныхъ сочиненій книга:

A Voyage to China, including a visit to the Bombay Presidency; the Mahratta country; the Cave temples of Western India, Singapore, the straits of Malacca and Sunde and the Cape of Good Hope. By Doctor Berncastle, Member of the Royal College of Physicians. London 1850 William Shoberl. Въ 2 томахъ:

(*) Въ какой мѣрѣ она усилилась, это можно усмотрѣть изъ помѣщенной, на стр. 279 втораго тома, таблицы: съ 1820 года до 1845 число лицъ, ежедневно потребляющихъ свыше 3 кандариновъ, т.-е около 7½ зеренъ опія, увеличилось болѣе, нежели восьмеро, т.-е. съ 365,699 — до свыше 3 милліоновъ. Въ одинъ Фу-чау-фу ежегодно привозится на 2½ долларовъ опія, и въ одномъ этомъ городѣ имѣется болѣе ста домовъ, посвященныхъ его куренію.

первый томъ XVIII и 294, а второй 284 стр., въ малую осьмушку.

Это — разсказъ врача, исполнившаго давнишнее свое желаніе видѣть Востокъ и посѣтить Небесную имперію. Пребываніе его въ Китаѣ продолжалось менѣе полугода (съ іюля по 18 декабря 1849 г.), и онъ успѣлъ побывать только на южномъ берегу страны: въ Гонг-Конгѣ, Вампоа, Кантонѣ и Макао. Естественно, что отъ столь краткаго визита нельзя ожидать какихъ-либо важныхъ замѣчаній о странѣ и ея жителяхъ.

Мы узнаемъ между-прочимъ, что смертность въ Гонг-Конгскомъ гарнизонѣ съ нѣкотораго времени, въ-слѣдствіе перевода казармъ въ другое, болѣе благопріятное помѣщеніе, уменьшилась значительно. По этому поводу авторъ, какъ медикъ, даетъ благонамѣренный совѣтъ, чтобы при выборѣ мѣстностей для построенія казармъ всегда было сперва спрашиваемо мнѣніе опытнаго врача. Это, говоритъ онъ, сберегло бы Англіи много людей и лишнихъ издержекъ.

Изъ большаго числа миссіонеровъ въ Китаѣ, самый дѣятельный былъ, безъ сомнѣнія, недавно скончавшійся Гюцлафъ.

Придерживаясь мысли, что Китай и прилежащія къ нему страны Восточной Азіи не иначе могутъ быть обращены въ христіанство, какъ посредствомъ туземныхъ, посвященныхъ въ Евангеліе проповѣдниковъ, и что участіе въ этомъ дѣлѣ Европейцевъ должно главнѣйше ограничиваться управленіемъ этихъ миссіонерскихъ усилій и необходимыми, особенно въ началѣ, денежными и другими пособіями — онъ основалъ въ Гонг-Конгѣ общество подъ именемъ Китайскаго. Это общество поставляетъ себѣ предметомъ образовать изъ числа уроженцевъ ревностныхъ проповѣдниковъ слова Божія и съ ихъ помощью распространять въ народѣ знакомство съ Евангеліемъ. На этотъ конецъ, члены общества и обращенные имъ неофиты переносятся въ разныя области огромной Имперіи и смежныя съ нею страны, стараясь повсюду дѣйствовать на умы язычниковъ какъ живымъ словомъ, такъ и раздачею перевода Св. Писанія и разныхъ религіозныхъ трактатовъ.

Мы уже сообщили о первыхъ дѣйствіяхъ Гюцлафа на

этомъ поприщѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ указали и на тѣ услуги, которыми ему обязана географія. Но главная его дѣятельность началась съ заключенія Нанкинскаго мира.

Донесенія самого миссіонера о ходѣ этихъ дѣйствій были имъ ежемѣсячно доставляемы Китайскому Обществу и печатаемы въ его журналѣ. (*) Въ 1850 же году всѣ эти отчеты были собраны воедино и изданы подъ заглавіемъ:

Gaihan's (Karl Gützlaffs Chinesische Berichte von der Mitte des Jahres 1842 bis zum Schluss des Jahres 1846. Herausg., von dem Vorstande der chinesischen Stiftung. Cassel 1850. VIII и 376 стр. въ малую 8, съ реестромъ отъ стр. 377—390. Эти донесенія начинаются съ Англо-Китайской войны, т.-е. съ появленія англійскаго флота, въ іюнѣ 1840 г., на водахъ китайскихъ и доведены до исхода 1846 года, а посему объемлютъ собою самое любопытное для насъ время распаденія въ Китаѣ идолопоклонства и перваго, по-видимому, прочнаго водворенія тамъ христіанства. Мы видимъ изъ нихъ, какъ миссіонеры начинаютъ сперва дѣйствовать въ ближайшихъ къ Гонг-Конгу мѣстностяхъ, а потомъ расширяютъ кругъ своихъ усилій все далѣе и далѣе, переносясь, разумѣется въ китайскомъ костюмѣ, или посылая своихъ новобранцевъ въ болѣе отдаленныя мѣста по разнымъ направленіямъ, какъ вездѣ стекаются къ нимъ сонмы туземцевъ, съ участіемъ внимая изъ устъ ихъ слово живительнаго ученія и какъ во многихъ мѣстахъ брошенное ими сѣмя падаетъ не на вовсе неблагодарную почву.

Одно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ Гюцлафъ имѣлъ наиболѣе успѣха, было Нинг-По. Онъ пробылъ здѣсь семь мѣсяцевъ, почти каждый день проповѣдывая Евангеліе, и говоритъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ (стр. 12), «что ни въ какомъ другомъ городѣ не нашелъ столько людей, внимательныхъ къ его проповѣдямъ и между которыми можно было бы трудиться съ такою отрадою.» Здѣсь у него былъ типографскій станокъ, и онъ печаталъ свои переводы и сочиненія, между-прочимъ, изданіе житія Іисуса Христа. Вообще Гюцлафъ свидѣтельствуетъ, что народъ весьма желалъ войти въ ближайшія сно-

(*) Calver Monatsblätter.

шенія съ Европейцами; но правительство противилось тому всѣми силами (стр. 30).

Изъ всѣхъ же городовъ наиболѣе непріязненнымъ христіанству Гюцлафъ признаетъ Кантонъ. Посѣтивъ это мѣсто въ исходѣ 1843 года, спустя 6 лѣтъ послѣ перваго своего тамъ пребыванія, онъ, впрочемъ, нашелъ его весьма измѣнившимся. Городъ уже совершенно оправился отъ претерпѣнной имъ продолжительной блокады, а потомъ осады крѣпости, отъ значительной денежной пени, взятой съ него въ наказаніе за его возстаніе, и отъ пожара, истребившаго бо́льшую часть предмѣстій, и былъ наполненъ гораздо бо́льшимъ числомъ цвѣтущихъ магазиновъ, нежели прежде; жители сдѣлались ласковѣе, и не слышно было отовсюду ругательнаго «фанквей (Fankwei) — иностранный чортъ — которое прежде бывало безпрестанно раздавалось въ ушахъ иностранцевъ.

Сопровождая пароходную экспедицію для изслѣдованія Янг-тсе-Кіанга, Гюцлафъ имѣлъ случай проникнуть въ глубь страны. «Чѣмъ далѣе мы плыли вверхъ—говоритъ онъ—тѣмъ болѣе удивлялись богатству и обилію обоихъ береговъ и величавости этой рѣки, ширина и глубина которой необыкновенны... Жители были очень ласковы.»

Намѣреніе Гюцлафа было совершить путешествіе къ истокамъ Янг-тсе-Кіанга, а потомъ, чрезъ Коконоръ, Тибетъ и Самаркандъ, пробраться въ Обѣтованную Землю и оттуда возвратиться въ Европу. Но онъ былъ удержанъ англійскимъ начальствомъ въ Китаѣ, какъ слишкомъ необходимое, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, орудіе.

По заключеніи мира, Гюцлафъ отправился на островъ Чусанъ, гдѣ уже бывалъ прежде и гдѣ его помнили еще очень многіе. Ходя изъ дома въ домъ, онъ раздавалъ новые трактаты, которые и были охотно принимаемы и читаемы. Кромѣ того онъ говорилъ на китайскомъ языкѣ проповѣди, которыя были слушаемы съ величайшимъ вниманіемъ даже китайскими учителями. Здѣсь Гюцлафъ принялся за новое изданіе Новаго Завѣта и печатаніе Ветхаго (*), а кромѣ того и дру-

---

(*) Замѣтимъ, однако, что уже прежде Св. Писаніе было переведено на китайскій языкъ; а именно извѣстный синологъ докторъ Моррисонъ, въ 1814 году, перевелъ весь Новый Завѣтъ, а въ 1819, вмѣстѣ съ докторомъ Мильномъ (Milne) — всю Библію.

гихъ сочиненій на китайскомъ языкѣ, между-прочимъ, общаго землеописанія. Въ своихъ сношеніяхъ съ жителями онъ являлся не какъ повелитель, а какъ другъ и наставникъ. Онъ основалъ тамъ также часовню, которая почти всегда была полна слушателей, по бо́льшей части изъ средняго сословія. Въ собраніяхъ каждый изъ слушателей читалъ въ-слухъ какое-либо мѣсто религіознаго трактата, а за симъ миссіонеръ входилъ въ объясненіе и подробное изложеніе прочитаннаго. Идолопоклонство было до-того потрясено на этомъ островѣ, что никто уже не вѣрилъ болѣе въ кумиры, которые, напротивъ-того, были предметомъ насмѣшекъ. Городъ Тинг-гай, главный на островѣ Чусанѣ, Гюцлафъ засталъ въ весьма цвѣтущемъ состояніи, особенно торговлю, и отъ опустошеній войны не осталось ни слѣда. Самую природу острова онъ описываетъ прекрасною и отмѣнно разнообразною, отъ множества величественныхъ горъ, тѣсныхъ ущелій и роскошныхъ долинъ. Къ сѣверу отъ Чусана простирается купа острововъ, гораздо болѣе многочисленная, чѣмъ показано на самыхъ лучшихъ картахъ.

По открытіи всѣхъ пяти гаваней торговлѣ и установленіи коммерческихъ дѣлъ, лондонскіе миссіонеры раздѣлились по двое на каждый портъ, за исключеніемъ Амоя, который выбрали себѣ Американцы. Даже дамы посвящали себя дѣлу миссіи; между-прочимъ, съ особеннымъ рвеніемъ одна богатая миссъ Альдерсей (Aldersey), дѣйствовавшая прежде въ Сурабаѣ на островѣ Явѣ и имѣвшая съ собою двухъ молодыхъ дѣвушекъ китайскаго происхожденія, воспитанныхъ ею въ христіанствѣ. Миссіонеры разныхъ исповѣданій — протестанты, гернгутеры, англиканцы, католики (*), пресвитеріяне,

(*) О римско-католическихъ миссіяхъ въ Китаѣ Гюцлафъ сообщаетъ слѣдующія данныя. Вся Китайская имперія раздѣлена на три епархіи: Макао, Нанкинъ и Пекинъ, а сверхъ-того — на викарства Чу-кіангъ, Гукuангъ, Шан-тунгъ, Шан-ги, Ют-панъ, Фо-кіенъ, Се-чуанъ, Ліеу-тунъ, Монголію и Корею. Въ столицѣ миссія препоручена французскимъ лазаристамъ; но ихъ тамъ не допускаютъ. Подъ вѣдомствомъ нанкинскаго епископа состоитъ весь Средній Китай, гдѣ считается наиболѣе неофитовъ. Глава этой епархіи — итальянскій епископъ Бези. Французская миссія заботится о распространеніи католицизма въ Се-чуанѣ, западной области Китая, примыкающей къ Кокопору. Тамъ считается значительное

перекрещенцы — соперничествовали между собою въ распространеніи сѣмянъ своего ученія на открывшейся имъ новинѣ.

На островѣ Гонг-Конгѣ, гдѣ Гюцлафъ пробылъ наиболѣе времени, миссіонеры нашли для себя болѣе благопріятную почву, нежели можно было ожидать по вышеприведеннымъ отзывамъ о его жителяхъ. Особенно онъ хвалитъ округъ Квей-шенъ на востокѣ острова, страну, хотя и перерѣзанную горами, но плодородную и очень населенную. Трудолюбивые, но бѣдные жители его, принадлежащіе къ китайскому племени Гакка, мирнаго и скромнаго нрава и весьма склонны къ принятію утѣшительнаго ученія Спасителя. Дѣятельность Англичанъ на островѣ Гонг-Конгѣ чрезвычайна: они издержали большія суммы, на построеніе тамъ нѣсколькихъ церквей, часовенъ и обширныхъ госпиталей и содержатъ школу, учрежденную покойнымъ Моррисономъ, первоначально для обученія 30, а потомъ распространенную па 60 учащихся и стоящую ежегодно отъ 5 до 6,000 фунтовъ стерлинговъ. По словамъ Гюцлафа, въ Гонг-Конгѣ даже китайскія женщины посѣщаютъ часовню, что̀ дотолѣ было въ Китаѣ неслыханнымъ дѣломъ.

Изъ другой книги: Ghina, its post History and future Hopes; by W. G. Rhind. London 1850. VI. 198 стр. въ 12 долю, которая, впрочемъ, есть только выборка изъ разныхъ новѣйшихъ сочиненій, мы почерпаемъ, отчасти въ дополненіе уже выше приведенныхъ, слѣдующія свѣдѣнія о нынѣшнемъ состояніи христіанскихъ миссій въ Китаѣ.

Миссіонерное общество англійской церкви имѣетъ, кромѣ епископа и нѣсколькихъ каплановъ въ Гонг-Конгѣ, свои миссіи въ Гонг-Конгѣ, Фу-чоу-фу, Нинг-по и Шанг-гаѣ, въ каждомъ изъ послѣднихъ трехъ мѣстъ по двое миссіонеровъ, а въ Гонг-Конгѣ одного. Лондонское Миссіонерное Общество,

---

число обращенныхъ въ христіанство и около 500 монаховъ католическаго исповѣданія. Французской миссіи подвѣдомственны также недавняя миссія Юн-нанская, а равно Ліау-тунгъ, Манджурія, Монголія и Корея, откуда она посылаетъ своихъ членовъ и на острова Лу-чу, для приготовленія къ будущей Японской миссіи. Но ревностнѣйшихъ своихъ миссіонеровъ Франція посылаетъ въ Чу-кингъ, на югъ отъ рѣки Тсіен-танга.

уже дѣйствующее въ Китаѣ съ полвѣка, содержитъ свои станціи въ Гонг-Конгѣ, съ 4 миссіонерами и 1 медикомъ, въ Кантонѣ, съ 2 миссіонерами и 1 врачемъ, въ Амоѣ, съ 3 миссіонерами и 1 врачемъ (здѣсь, между-прочимъ, оно завело также женскую школу, гдѣ, подъ вѣдѣніемъ миссіонерки г-жи Юнгъ, обучается 15 молодыхъ урожденокъ), въ Шанг-гаѣ, съ 6 миссіонерами (въ томъ числѣ извѣстные Медгорстъ и Мильнъ), 1 медикомъ и 1 управляющимъ типографіею. Тамошняя церковь еженедѣльно посѣщается отъ 800 до 1,000 слушателями. Шотландская церковь имѣетъ одного весьма дѣятельнаго миссіонера въ Гонг-Конгѣ (доктора Борнса.) Большое Шведское Миссіонерное Общество, пользующееся покровительствомъ своего короля, въ іюлѣ 1849 года, отправило въ Китай двоихъ членовъ. О числѣ миссіонеровъ изъ Сѣверной Америки недостаетъ статистическихъ свѣдѣній; но обѣ главныя тамошнія церкви, епископская и баптистская, уже, съ нѣкотораго времени, имѣютъ въ Китаѣ ревностныхъ проповѣдниковъ христіанства, изъ среды которыхъ стóитъ здѣсь только назвать недавно скончавшагося неутомимаго священника Абеля.

Если мы присоединимъ къ этому еще упомянутое нами, основанное Гюцлафомъ, въ 1844 году, Общество Членовъ Базельской Миссіи и вышеисчисленныя католическія миссіи, то не можемъ не удивляться дѣятельности на этомъ поприщѣ разныхъ христіанскихъ исповѣданій, и хотя мы не раздѣляемъ всѣхъ сангвиническихъ надеждъ миссіонеровъ, которыхъ донесенія вообще слѣдуетъ принимать съ нѣкоторою разборчивостью, однакожь, должны сознаться, что они посѣяли на дальнемъ востокѣ много благихъ сѣмянъ.

Естественно, что торговля съ Китаемъ (*) и состояніе тамошней промышленности должны были преимущественно обратить на себя вниманіе Европейцевъ. Этому предмету отчасти исключительно посвящены слѣдующія сочиненія:

Chinas Handel, Industri och Staats författ ning, jimte underrättelser om Chinernes folkbildning, seder och bruk, samt

---

(*) О важности китайской торговли можно судить уже изъ того, что одни Англичане въ 1845 году вывезли оттуда серебромъ и товарами на 310 милліоновъ руб. ассиг.

Notiser on Japan, Siam, m. fl orter, of C. T. Liljevalch. Met 4 kolorerade och 2 okolorerade plancher. Stockholm 1848 (Bekmann. Bonnier.) V. 407 стр. б. 8.

Gützlaff. Ueber die Handelsverhältnisse im Oestlichen Asien. Vortrag gehalten zu Berlin. 1850. 20 стр. 8.

и въ-особенности составленныя съ большимъ тщаніемъ и знаніемъ дѣла донесенія разныхъ членовъ Французской Коммиссіи въ Китаѣ, имѣющей, какъ извѣстно, главною цѣлью собрать положительныя свѣдѣнія о китайской торговлѣ, состояніи разныхъ отраслей тамошней промышленности и господствующемъ вкусѣ и потребностяхъ туземцевъ. Сюда относятся, кромѣ, уже приведеннаго нами въ предъидущемъ обзорѣ, сочиненія Гаусманна, слѣдующія:

Etude pratique du commerce d'importation de la Chine; par Isidore Hedde, Ed. Renard, A. Haussmann et N. Randot, délégués commerciant attachés à la mission de France en Chine. Paris. Renard 1849. 17½ листовъ (б. 8.). (*)

Description de l'agriculture et du tissage en Chine, par Isidore Hedde. Paris. 1850 Broch. in 8.

Description méthodique de divers produits recueillis dans un voyage en Chine de 1843 à 1846; par Isidore Hedde.

Главное достоинство этихъ статей состоитъ въ томъ, что бо́льшая часть сообщаемыхъ ими свѣдѣній была собрана на самомъ мѣстѣ у тамошнихъ производителей, потребителей и торговцевъ и, по-возможности, повѣрена самими авторами, которые, на этотъ конецъ, посѣщали разныя мануфактуры, мастерскія и лавки въ Кантонѣ и не преминули воспользо-

(*) Относительно этого предмета, изъ прежнихъ писателей можно найти нѣкоторыя свѣдѣнія у Бланкара (Blancard), въ 1806, де-Гиня (de-Guignes) въ 1808, Ренуара (Renouard de Sainte-Croix), въ 1810, и Мельбурна (Milburn), въ 1813 году; но свѣдѣнія эти хотя вообще довольно точны, слишкомъ коротки и неудовлетворительны насчетъ указаній о происхожденіи разныхъ статей торговли, ихъ добротѣ, цѣны и пр. Нѣсколько обширнѣе свѣдѣнія, собранныя Моррисономъ, въ его Imports and exports of Canton и въ Chinese Repository, февраль 1834 г., томъ II, стр. 447—442; но они по бо́льшей части извлечены изъ Мильборна, Кравфурда и словарей Маккуллоха и Гупера (Hooper). Эти же свѣдѣнія, но исправленныя и пополненныя С. Вилльямомъ Вельсомъ (Wells), вновь были отпечатаны въ Chinese commercial Guide 1844 (стр. 100—144). Слич. также прежній обзоръ.

ваться также опытностью англійскихъ, американскихъ и голландскихъ негоціантовъ, а равно и свѣдѣніями, разбросанными въ разныхъ китайскихъ энциклопедіяхъ.

Извѣстно, что, съ нѣкотораго времени, Англичане усиливаются ввести въ своихъ и Индѣйскихъ владѣніяхъ, особенно въ Ассамѣ, разведеніе чайнаго куста, листья котораго сдѣлались необходимою потребностью Европейцевъ. Первая къ тому попытка была сдѣлана докторомъ Ройлемъ (Royle), въ Сѣверной Индіи, а потомъ далѣе развита его преемникомъ, въ Сахаранпурскомъ саду. Успѣхъ вполнѣ соотвѣтствовалъ ожиданіямъ, и получены были столь хорошіе образцы какъ зеленаго, такъ и чернаго чаю, что можно было надѣяться найти имъ готовый сбытъ въ Индіи и Европѣ. Это побудило директоровъ Остъ-Индской Компаніи, по представленію генералъ-губернатора, лорда Гардинга, употребить 10,000 ф. ст. (около 240,000 руб. асс.), въ одинъ годъ, для дальнѣйшаго размноженія этихъ усадьбъ. О послѣдствіяхъ этихъ мѣръ мы узнаемъ изъ книги:

An Account of the Cultivation and Manufacture of Tea in China, derived from Personal Observation during an Official Residence in that Country from 1804 to 1828 and illustrated by the best Authorities, Chinese as well as European; with Remarks on the Experiments now making for the Introduction of the Culture of the Tea tree in other Parts of the world. By Samuel Ball, Esqu. late Inspector of Teas te the Hon. United East India Company, in China. Longman. 282 стр. 8.

Изъ этого сочиненія можно въ подробности изучить способы, употребляемые Китайцами какъ для разведенія чайнаго куста, такъ и для приготовленія разныхъ сортовъ чаю. Между-прочимъ, мы узнаемъ, что зеленые сорты происходятъ отъ простой сушки чайныхъ листьевъ, отчего они долѣе сохраняютъ какъ вяжущія свойства, такъ и горькій вкусъ этого растенія. Черные же сорты чаю обязаны болѣе нѣжными своими свойствами нѣкотораго рода броженію, которому подвергаютъ чайные листья.

Для вящшаго распространенія этой новой отрасли промышленности въ своихъ владѣніяхъ, Остъ-Индская Компанія пригласила въ свою службу извѣстнаго своимъ путешествіемъ

въ Китай ботаника Форчуна (Fortune) (*) и вторично отправила его, въ 1848 году, въ Китай для полученія оттуда растеній и сѣмянъ для чайныхъ своихъ усадебъ въ Гималайскихъ горахъ.

Въ англійскихъ газетахъ были помѣщены письма Форчуна изъ этого втораго его путешествія по Китаю, въ которыхъ онъ, между-прочимъ, дѣлаетъ любопытныя сравненія нынѣшняго быта нѣкоторыхъ китайскихъ городовъ съ состояніемъ ихъ во время перваго его тамъ пребыванія. Такъ, напр. онъ пишетъ о перемѣнахъ, воспослѣдовавшихъ въ-теченіе пяти лѣтъ съ большимъ торговымъ городомъ Шанг-гаи, слѣдующее:

«Когда я въ первый разъ посѣтилъ этотъ городъ, который я уже въ то время обозначилъ мѣстомъ, наиболѣе важнымъ для англійской и американской торговли,—война только-что благополучно кончилась. У Китайцевъ былъ вынужденъ Нанкинскій договоръ. Первое коммерческое судно только-что поднималось по рѣкѣ, въ Шангаи поселилась пара англійскихъ купцовъ, и мы жили въ жалкихъ китайскихъ домишкахъ, ѣли, по китайскому обычаю, съ помощью палочекъ (вмѣсто ножей и вилокъ), часто были промачиваемы въ своихъ постеляхъ дождемъ до костей и едва не погибли съ холоду. Въ морозы ничего не было необыкновеннаго, если мы утромъ находили полъ своей комнаты покрытый снѣгомъ. Таково было положеніе дѣлъ въ зиму съ 1843 на 44 годъ.

«Въ сентябрѣ прошлаго года (1848), я, проведя между-тѣмъ три года въ Англіи, снова очутился на рѣкѣ Шанг-гаѣ, въ китайскомъ суднѣ, плывшемъ въ этотъ городъ. Первое, что встрѣтилось моимъ глазамъ по приближеніи къ городу, былъ цѣлый лѣсъ мачтъ, и, надобно замѣтить, не однѣхъ только джонокъ, которыя прежде столько поразили меня, а красивыхъ купеческихъ судовъ, по бо́льшей части изъ Англіи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Въ это время стояло на якорѣ 26 большихъ судовъ, изъ которыхъ многія были нагружены издѣліями нашихъ мануфактурныхъ округовъ и предполагали возвратиться во-свояси съ

(*) Онъ былъ прежде директоромъ Ботаническаго Сада въ Чельсеѣ (Chelsea).

чаемъ и шелковыми матеріями. Но еще больше возрасло мое удивленіе, когда я увидѣлъ самый берегъ. Не неизвѣстно было мнѣ, что тамъ построено нѣсколько англійскихъ и американскихъ домовъ; даже передъ тѣмъ самымъ, какъ я оставилъ Китай, строилось одинъ или два такихъ. Но теперь я, вмѣсто жалкихъ китайскихъ лачугъ, полей, засѣянныхъ хлопчато-бумажнымъ кустомъ, и кладбищъ, увидѣлъ цѣлый новый городъ значительнаго пространства. Китайцы мало-по-малу, со всѣми своими семействами, своимъ имуществомъ и всѣмъ имъ принадлежащимъ, удаляются въ глубь страны, — почти такъ же, какъ сѣверо-американскіе Индѣйцы, только съ тою большою разницею, что они добровольно покидаютъ свои жилища и получаютъ за то отъ иностранцевъ хорошую плату.

«Весьма занимательно наблюдать группы китайскихъ купцовъ, приходящихъ изъ внутренности страны, для посѣщенія Шангая. Изумленіе изображается на ихъ широкихъ лицахъ, во время ихъ прогулокъ на берегу рѣки. Длинные ряды англійскихъ судовъ, дома чужеземцевъ, ихъ собаки, лошади, — все это возбуждаетъ ихъ удивленіе еще болѣе, чѣмъ сами иностранцы. Гг. Дентъ, Биль (Beale) и Комп., которымъ принадлежитъ самый красивый домъ въ Шанг-гаѣ, часто получаютъ визиты любознательныхъ Китайцевъ, которые просятъ о дозволеніи осмотрѣть ихъ жилище, и которымъ всякій разъ оказываютъ самый ласковый пріемъ. Гости всегда уходятъ весьма довольные, и можно надѣяться, что ближайшее знакомство съ комфортомъ и утонченностями европейской жизни внушитъ «просвѣщеннымъ Китайцамъ» нѣсколько благопріятнѣйшее понятіе объ «иноземныхъ варварахъ».

Изъ числа новѣйшихъ русскихъ сочиненій о Китаѣ, можемъ указать на путешествіе туда горныхъ инженеровъ полковника Ковалевскаго и на издаваемые Азіатскимъ Департаментомъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ «Труды Россійской Духовной Миссіи въ Пекинѣ», обѣщающіе, судя по ихъ началу, сдѣлаться обильнымъ источникомъ разнообразныхъ и основательныхъ свѣдѣній о Небесной имперіи.

Въ дополненіе къ выше приведеннымъ нами свѣдѣніямъ о сопредѣльной съ Россіею части Китая — Манджуріи (см. стр. 294), сообщимъ здѣсь еще нѣсколько другихъ, до-

ставленныхъ однимъ молодымъ корейскимъ перекрещенцемъ, именемъ Андрей Киман-Кима. Получивъ свое образованіе въ Макао и хорошо освоившись, кромѣ природнаго своего языка, съ китайскимъ, французскимъ и латинскимъ, онъ былъ отправленъ со стороны миссіонера-лазариста, епископа Беллинскаго и апостольскаго викарія Кореи и острововъ Ліеу-Кіеу въ татарское мѣстечко Гунгъ-Чунгъ, при впаденіи въ Японское море рѣки Микіангъ, отдѣляющей Манджурію отъ полуострова. Мѣсто это выбрано было потому, что оно, по значительной своей торговлѣ съ Кореею, представляло наибольшее удобство для сношеній съ тамошними исповѣдниками христіанства. Въ этомъ путешествіи онъ былъ сопровождаемъ однимъ крещенымъ Китайцемъ, и нѣсколько другихъ христіанъ, его единоземцевъ, съ своей стороны обѣщали прибыть въ Гунгъ-Чунъ и войти съ нимъ въ сношеніе, по условленному знаку. О своемъ пути туда и объ этихъ-то сношеніяхъ Киман-Кимъ доноситъ епископу въ слѣдующемъ письмѣ отъ 15 декабря 1844 года (*):

«Разставшись съ вами, мы сѣли въ свои нарты и въ нѣсколько часовъ достигли Хуанг-ченг-ти, гдѣ остались ночевать; на другой день, перешагнувъ столбовую границу, мы вступили въ Манджурію....

«Первый городъ, куда мы прибыли, въ февралѣ мѣсяцѣ, былъ Гиринъ (Gchirin), главное мѣсто области того же имени и пребываніе гіанг-кіуна, или командующаго расположенными тамъ войсками генерала. Городъ этотъ лежитъ на восточномъ берегу рѣки Зюнгари (**), которая еще была вся покрыта льдомъ, и защищенъ высокимъ горнымъ кряжемъ отъ холоднаго сѣвернаго вѣтра. Какъ и почти всѣ провинціальные города Китая, онъ не представляетъ ничего особенно достопримѣчательнаго; это просто неправильное скопище одно-этажныхъ, кирпичныхъ или каменныхъ домовъ съ соломенными крышами. Жители его — Китайцы и Манджуры; но большинство на сторонѣ первыхъ. Говорятъ, что все населеніе доходитъ до 600,000; но, по причинѣ обыкновен-

---

(*) Оно напечатано въ Nouvelles Annales Voyages. 1847. Январьская и Февральская книжки.

(**) Одного изъ притоковъ Амура.

наго преувеличенія китайскихъ счисленій, можно, я полагаю, сократить это число цѣлыми тремя-четвертями, такъ-что выйдетъ 150,000. Улицы весьма оживлены, и торговля процвѣтаетъ. Гиринъ есть складочное мѣсто чрезвычайнаго множества разнообразнаго пушнаго товара, бумажныхъ и шелковыхъ тканей и искусственныхъ цвѣтовъ, которыми женщины всѣхъ сословій украшаютъ себѣ волосы, и сверхъ-того еще строеваго лѣса, получаемаго изъ императорскихъ лѣсовъ, отстоящихъ недалеко отъ Гирина и образующихъ какъ бы естественную преграду между Небесною имперіею и полуостровомъ Корейскимъ. Лѣса эти простираются съ востока на западъ въ длину болѣе 60 льё; протяженіе же ихъ въ ширину съ сѣвера на югъ мнѣ неизвѣстно.

«Въ сообществѣ нѣсколькихъ купцовъ, мы на партахъ поднялись вверхъ по рѣкѣ Зюнгари, а потомъ по другой рѣкѣ, называемой у Китайцевъ Му-туанъ. Въ опредѣленныхъ разстояніяхъ по берегамъ ея находятся гостинницы. Однажды мы были обрадованы, встрѣтивъ одну такую, содержимую христіанами. Хозяева приняли насъ какъ братьевъ и не только отказались отъ всякой платы, но еще снабдили насъ въ дорогу разными припасами.

«Тамъ мы продолжали путь свой то по льду, то вдоль берега рѣкъ. Направо и налѣво возвышались высокія горы, увѣнчанныя гигантскими деревьями, и населенныя тиграми, барсами, медвѣдями, волками и другими лютыми звѣрями, которые всѣ считаютъ странника вѣрною своею добычею. Горе тому неосторожному, кто отважится углубиться въ чащу этой страшной пустыни! Намъ разсказывали, что въ прошлую зиму около 80 человѣкъ и болѣе ста воловъ и лошадей были растерзаны этими хищными звѣрями. По этой причинѣ, путешественники въ эту дорогу пускаются только многочисленными, хорошо вооруженными караванами. Что до насъ касается, то мы образовали хотя и небольшую, но все же достаточно страшную врагамъ дружину. Если эти животныя нападаютъ на людей, то, наоборотъ, и человѣкъ ведетъ съ ними непрерывную истребительную войну. Каждый годъ императоръ высылаетъ въ эти лѣса цѣлую армію охотниковъ.

«Ровно мѣсяцъ спустя послѣ разлуки съ вами, мы прибыли къ цѣли нашего странствія. Гунг-Чунъ есть только деревня,

обитаемая не болѣе, какъ сотнею манджурскихъ семействъ. За исключеніемъ Піен-Мена на югѣ, это единственное мѣсто, гдѣ Китай находится въ соприкосновеніи съ Кореею. Мандаринъ 2-го разряда, родомъ Манджурецъ, съ командою отъ 200 до 300 солдатъ, исправляетъ здѣсь должность пристава. Издалека стекается сюда множество китайскихъ торговцевъ, приносящихъ Корейцамъ трубки, кожу, оленьи рога, медъ, лошадей, ословъ, муловъ, собакъ и кошекъ и вымѣнивающихъ у нихъ за то корзины, кухонную посуду, рисъ, жито, свиней, бумагу, рогожи, рогатый скотъ, мягкую рухлядь и небольшой породы, но весьма цѣнимыхъ по ихъ прыткости лошадей. Эта торговля производится только разъ черезъ каждые два года, въ видѣ ярмонки, и должна быть окончена въ полсутки. Главный оборотъ совершается въ Кіен-Венѣ, ближайшемъ корейскомъ городкѣ, въ разстояніи около 4 льё отъ Гунг-Чуна. Если же къ наступленію ночи Китайцы еще не возвратились черезъ границу, то корейскіе солдаты выгоняютъ ихъ изъ города обнаженными саблями. Нѣсколько китайскихъ мандариновъ изъ Мукдена, Гирина, Нингустры и Гунг-Чуна пользуются нѣкоторою льготою: имъ позволено торговать каждый годъ, и на отправленіе сдѣлокъ дается 5 дней, — но не иначе, какъ подъ строгимъ надзоромъ, и ночь они должны проводить внѣ корейской границы.

«Этими-то немногими часами, въ продолженіе которыхъ дозволено производить торговлю, ограничивается все сношеніе между обоими народами. Всякаго же, кто внѣ этого времени перешагнетъ границу съ чьей бы то ни было стороны, берутъ подъ стражу, или безпощадно убиваютъ на мѣстѣ. Эта взаимная ненависть обѣихъ націй возникла, впрочемъ, лишь съ недавняго времени, а именно съ тѣхъ поръ, какъ Китайцы стали дѣлать нашествія на полуостровъ, похищая тамъ женъ и дѣтей.

«Гунгъ-Чунъ извѣстенъ также по своей торговлѣ товаромъ, расходящимся по всему Китаю: это—гаи-чаи (морская трава), находимая близъ береговъ въ Японскомъ морѣ. Добычею этой травы занимаются водолазы, которые, съ мѣшками около пояса, бросаются въ море, а потомъ добытую ими траву, въ лодкахъ, перевозятъ на берегъ и сваливаютъ на возы, для отправленія во внутрь Китая. У Китайцевъ гаи-чаи почитается боль-

шимъ лакомствомъ, и оттого всѣ дороги покрыты возами этого продукта.

«. . . . При отъѣздѣ моемъ вамъ благоугодно было вызвать меня къ сообщенію вамъ моихъ замѣтокъ о той странѣ, чрезъ которую мнѣ прійдется проходить. Основываясь на собственныхъ моихъ наблюденіяхъ, на справкахъ у другихъ лицъ и на воспоминаніи сохранившагося еще у меня въ памяти изъ школъ моей родины, я могу сдѣлать вамъ слѣдующія краткія сообщенія:

«Собственно так-называемые Манджуры въ весьма маломъ числѣ разсѣяны по обширной странѣ, которая, однако, врядъ ли такъ велика, какъ ее изображаетъ лежащая предо мною европейская карта. Она едва ли простирается за 46° широты. Къ западу она отдѣлена отъ Монголіи столбовою границею и рѣкою Зюнгари, къ сѣверу граничитъ съ небольшими владѣніями У-киновъ и Ту-Пи-Латсе, къ востоку — Японскимъ моремъ, а къ югу — Кореею. Съ тѣхъ поръ, какъ Манджуры завоевали Китай, собственная ихъ страна опустѣла. Одна часть ея покрыта огромными лѣсами, гдѣ путешествующій не встрѣчаетъ ни одного человѣческаго существа; остальная занята военными постами, если такъ можно назвать небольшое число, далеко разбросанныхъ одно отъ другаго, манджурскихъ семействъ. Эти семейства содержатся на императорскомъ иждивеніи и не смѣютъ заниматься земледѣліемъ. Они вообще, кажется, оставлены тамъ для того только, чтобы быть тамъ и говорить, впрочемъ, не весьма воинственнымъ, далеко въ глуши своихъ нагорныхъ лѣсовъ живущимъ сосѣдямъ: «не сходите сюда — страна уже занята.» Сверхъ-того, также разбросанно, живутъ тамъ и Китайцы, которые, на перекоръ запрещенію, занимаются воздѣлываніемъ земли и продаютъ манджурскимъ Татарамъ потребный для нихъ хлѣбъ. Вообще Манджурія, кажется, очень плодородна, что̀ уже явствуетъ изъ роскошной тамошней травы, достигающей роста человѣческаго. Заселенныя страны производятъ маисъ, просо, гречиху и пшеницу, но послѣднюю только скудно, — вѣроятно, по причинѣ большой влажности почвы и частыхъ тумановъ.

«Причиною нынѣшняго опустѣнія Манджуріи я полагаю слѣдующее. Родоначальникъ царствующей въ Китаѣ Манджур-

ской династіи, при завоеваніи Имперіи, нашелъ сообразнымъ съ политикой переселить въ покоренный край всѣхъ своихъ единоплеменниковъ. Итакъ, онъ увелъ съ собою въ Китай всѣхъ воиновъ съ семействами ихъ, т. е. всѣхъ своихъ подданныхъ. Въ одномъ только округѣ Леао-Тонгъ онъ оставилъ небольшое число, а всѣхъ прочихъ водворилъ въ главнѣйшихъ городахъ Китая. Такимъ-образомъ онъ обезпечилъ за собою обладаніе этими городами, перемѣстивъ туда новое населеніе, которое находило свой интересъ въ поддержаніи къ нему повиновенія, въ подавленіи мятежей въ самомъ ихъ зародышѣ и въ упроченіи его престола. Это положеніе дѣлъ сохранилось и понынѣ. Несмотря на то, что Китайцы и Манджуры живутъ уже два столѣтія въ однѣхъ и тѣхъ же стѣнахъ города и говорятъ однимъ и тѣмъ же языкомъ, они, однакожь, все еще не слились между собою. Каждый изъ обоихъ народовъ гордится чистотою своего происхожденія. А поэтому при входѣ въ какую-либо гостинницу или при вступленіи въ разговоръ съ чужимъ человѣкомъ обыкновенно слышенъ вопросъ: Ни ше, Мингъ шё, (кто ты таковъ?—Китаецъ или Манджурецъ?) Первыхъ обозначаютъ именемъ династіи Мингъ, а послѣднихъ — словомъ хоругвь, потому-что Манджуры были первоначально раздѣлены на 8 колѣнъ, изъ которыхъ каждое придерживалось извѣстнаго знамени, имя котораго и до сихъ поръ сохранилось.

«Манджуры не имѣютъ своей собственной (національной) литературы. Писанныя на ихъ языкѣ сочиненія переведены съ китайскаго, на какой конецъ въ Пекинѣ имѣется особое вѣдомство. Они даже лишены собственныхъ письменъ и пользуются монгольскими. Оттого-то языкъ ихъ исподоволь теряется, и нынѣ уже немного остается такихъ, которые говорятъ имъ. Лѣтъ черезъ сто онъ вовсе выйдетъ изъ употребленія и сохранится въ однѣхъ только книгахъ. Онъ имѣетъ много сходства съ нашимъ (корейскимъ) языкомъ, а именно оттого, что за нѣсколько столѣтій корейское владычество простиралось далеко за предѣлы Манджуріи, и обѣ страны слиты были въ одно государство, населенное въ то время однимъ и тѣмъ же самымъ народомъ.

«О вышеупомянутыхъ пограничныхъ народахъ У-кин и Ту-Пи-Латсе (Татарахъ съ рыбами и шкурами) я могъ собрать

только немного свѣдѣній. Послѣдніе носятъ это китайское имя оттого, что одежда ихъ состоитъ изъ рыбьихъ шкуръ. Они скитаются въ лѣсахъ по берегамъ Зюнгари, живутъ рыболовствомъ и звѣринымъ промысломъ и сбываютъ свою рыбу и пушной товаръ Китайцамъ. Эта торговля совершается зимою, когда замороженую рыбу можно перевозить миль за 200 и далѣе. Ту-Пи-Латсе вымѣниваютъ на свой товаръ разныя ткани, рисъ и перегнанную изъ проса водку. Они говорятъ своимъ языкомъ и не подвластны Китаю, а потому и не дозволяютъ входа въ свои владѣнія какимъ бы то ни было иноземцамъ. У Китайцевъ они слывутъ очень нечистоплотными, что́, можетъ-быть, и правда; но, чтобы имѣть право укорять другихъ, не худо бы и имъ самимъ болѣе заботиться объ опрятности.

«По ту сторону владѣнія Ту-Пи-Латсе, до самой границы Азіатской Россіи, есть, вѣроятно, и другія кочевыя орды. На югъ къ морю есть страна, именуемая Та-Чо-Су, родъ независимаго урочища, гдѣ искони скитается множество китайскихъ бродягъ, отчасти изъ любви къ приволью, а отчасти, какъ бѣглые преступники. Впрочемъ, они, сколько извѣстно, имѣютъ выбраннаго изъ ихъ среды главу и сговорились между собою заживо зарывать въ землю всякаго убійцу. Женъ своихъ они похищаютъ, откуда ни случится.

«Но я возвращаюсь къ донесенію о моемъ путешествіи 20 числа перваго мѣсяца, корейскій мандаринъ кіен-ванскій провозгласилъ въ Гунг-Чунѣ, что на слѣдующій день имѣетъ быть ярмонка. Съ самаго утра я поспѣшилъ туда съ своимъ спутникомъ. Всѣ ведущія въ городъ дороги были наполнены людьми, чрезъ толпы которыхъ пробирались мы, держа въ рукахъ своихъ бѣлый платокъ, а за поясомъ — мѣшочекъ чаю. Это былъ тотъ условный знакъ, по которому должны были узнать насъ посланные со стороны корейскихъ христіанъ. Но мы вошли въ городъ и опять вышли изъ него, не встрѣтивъ жданыхъ. Прошло нѣсколько часовъ, и мы уже стали-было нѣсколько безпокоиться. Наконецъ, когда мы повели нашихъ лошадей поить къ ручейку, шагахъ въ 300 отъ города, мы увидѣли незнакомца, замѣтившаго наши знаки и приближавшагося къ намъ. Я заговорилъ съ нимъ по-китайски; но онъ не понялъ меня. Тогда я спросилъ его по-корейски: какъ зо-

вутъ тебя? — Меня зовутъ Ганъ, былъ отвѣтъ. Послѣдователь ли ты христіанства? — Да. — За симъ онъ повелъ насъ къ своимъ товарищамъ. Ихъ было четверо, и они уже съ мѣсяцъ ждали нашего прибытія. Къ сожалѣнію, мы не могли долго разговаривать, потому что отовсюду были окружены Китайцами, которые, казалось, не мало были встревожены таинственностью нашихъ разговоровъ. Итакъ, осторожно коснувшись религіозныхъ нашихъ дѣлъ, мы обратились къ торгашамъ, чтобы продать имъ своихъ лошадей.

«Все, что я узналъ о христіанахъ, состоитъ въ томъ, что со времени послѣдняго гоненія корейская церковь пользовалась нѣкоторою терпимостью; но большое число вѣрующихъ удалилось въ южныя области, гдѣ они менѣе подвержены притѣсненіямъ. Лишь недавно еще нѣсколько семействъ перешло къ христіанству. Но скрывать у себя долгое время европейскаго миссіонера очень трудно; впрочемъ, наши новые знакомцы увѣряли, что готовы употребить все, чтобы достойнымъ образомъ принять его. Для введенія же его въ страну они полагали Піен-Менъ менѣе опаснымъ, чѣмъ Гунг-Чунъ, потому-что, пробираясь съ сѣвера, онъ, кромѣ трудности перехода чрезъ границу, долженъ еще пересѣчь страну во всю ея длину.

«Послѣ трогательнаго съ обѣихъ сторонъ прощанья, мы возвратились въ городъ и скрылись въ толпѣ.

«Рынокъ кіен-ванскій представляетъ замѣчательное зрѣлище. Продавцы не смѣютъ немедленно по своемъ прибытіи раскладывать свой товаръ, а должны выжидать сигнала для начатія торговли. Этотъ знакъ дается около полудня, барабаннымъ боемъ и водруженіемъ знамени. Въ-слѣдъ за тѣмъ, мгновенно всѣ Китайцы, Корейцы, Татары вторгаются на площадь. Всѣ говорятъ каждый на своемъ языкѣ, крича такъ страшно, что гулъ раздается въ окрестныхъ горахъ. Но все время торга продолжается много что 4 или 5 часовъ. Толкотня, споры, щедро удѣляемые удары въ ребра, совершаемыя почти насильственно покражи придаютъ городу видъ не столько ярмонки, сколько взятой приступомъ и преданной на разграбленіе крѣпости. Вечеромъ иностранцамъ дается знакъ къ удаленію: они поспѣшно оставляютъ городъ, въ томъ же самомъ безпорядкѣ. Кто при этомъ замѣшкается, того си-

лою выгонять солдаты. Мы сами съ трудомъ выбрались изъ этой суматохи.

«Послѣ короткаго пребыванія въ Гунг-Чунѣ, мы, перейдя пограничную рѣку Мин-кіангъ, снова очутились въ Манджуріи.» (*)

Между-тѣмъ, какъ Китай становится изъ года въ годъ доступнѣе Европейцамъ, Японія все еще дѣйствуетъ при прежней своей исключительной системѣ противу всѣхъ рыже-власыхъ варваровъ, кромѣ Голландцевъ въ Нангасаки. Всѣ сдѣланныя, въ новѣйшее время, попытки къ заведенію связей съ этою изолированною имперіею оказались безуспѣшными. Нельзя, однакожь, не коснуться здѣсь этихъ покушеній, потому-что они все же проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на тамошнія отношенія. Они были производимы съ пяти разныхъ странъ: со стороны Союзныхъ Штатовъ Сѣверной Америки, Франціи, Великобританіи, Россіи и даже самой Голландіи.

Уже въ 1837 году американскій капитанъ Инджерсоль (Ingersoll), по порученію своего правительства, посѣтилъ, на суднѣ «Моррисонъ», Японію, въ надеждѣ завести съ нею дружественныя и торговыя связи. Имѣя съ собою семь спасенныхъ отъ кораблекрушенія Японцевъ, онъ надѣялся возвращеніемъ ихъ въ отчизну доставить себѣ хорошій пріемъ. Но ожиданіе это не сбылось: едва онъ бросилъ якорь въ заливѣ Іеддо, какъ былъ встрѣченъ пушечнымъ огнемъ, а потому направился къ южному берегу Японіи, въ область Самума, гдѣ высадилъ на берегъ семерыхъ вышесказанныхъ Японцевъ. Они были допрошены японскимъ чиновникомъ, который въ-слѣдъ за тѣмъ послалъ ихъ показанія въ Кагосиму, мѣстопребываніе самумскаго правителя. Спустя пять дней, воспослѣдовалъ рѣшительный отказъ, поддерживаемый военною силою: американское судно ружейными выстрѣлами принуждено было удалиться. Отвѣтъ, хотя и не опубликованный, сколько извѣстно, состоялъ въ томъ, «что ни въ одномъ японскомъ

(*) По совершеніи этого путешествія, Киман-Кимъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ спутниковъ, отправился въ южную Корею, для проповѣдованія тамъ Евангелія; но, узнанный и изобличенный въ двухъ вещахъ, наистрожайшее запрещенныхъ въ Кореѣ, въ сношеніи съ Китайцами и исповѣдываніи чужой вѣры, онъ былъ преданъ казни, со всѣми его сподвижниками.

портѣ, кромѣ Нангасаки, не будутъ принимаемы иностранныя суда, и что японскіе подданные, гдѣ бы ни претерпѣли крушеніе, должны быть возвращаемы только на нидерландскихъ и китайскихъ судахъ.» (*)

Въ 1846 году возобновлена была попытка отъ имени президента Соединенныхъ Штатовъ. Коммодоръ Биддль, съ линейнымъ кораблемъ въ 80 пушекъ и фрегатомъ, предсталъ на рейдъ города Іеддо, съ письмомъ на имя императора, для установленія между обоими, сопредѣльными Большому океану государствами торговыхъ сношеній. Едва оба судна стали на якорѣ, какъ они были окружены нѣсколькими вооруженными джонками и множествомъ мелкихъ судовъ. Двое офицеровъ, взойдя на палубу корабля, носившаго коммодорскій флагъ, водрузили на кормѣ и носу его по небольшому жезлу съ какимъ-то бандеролемъ. Коммодоръ, сначала-было допустившій этотъ обрядъ, вскорѣ, узнавъ, что это былъ знакъ запрета всякаго сообщенія, какъ съ сушею, такъ и между обоими судами, велѣлъ снять жезлы, безъ всякаго со стороны японскихъ офицеровъ сопротивленія. Лишь только шлюпъ линейнаго корабля хотѣлъ направиться къ фрегату, онъ былъ окруженъ мелкими судами, которыя, однакожь, дали ему свободный проходъ, когда коммодоръ велѣлъ судамъ своимъ итти далѣе. Письмо президента было отправлено во дворецъ императора, въ недальнемъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ стояли Американцы. Въ ожиданіи отвѣта, японскіе офицеры бесѣдовали съ коммодоромъ при посредничествѣ одного японскаго толмача, очень хорошо знавшаго по-голландски. Обращеніе ихъ было вѣжливо и отнюдь не оскорбительно. Спустя нѣсколько времени, прибылъ отказъ на всѣ предложенія Американцевъ. Суда снялись съ якоря, и, по случаю безвѣтрія, коммодоръ принялъ предложенное ему гребными судами буксированіе до выхода изъ порта.

Попытка Французовъ относится къ тому же самому времени. Она была сдѣлана крейсировавшимъ тогда въ китай-

(*) Подобный же отвѣтъ данъ былъ, въ 1792 году, русскому моряку, который, по повелѣнію Императрицы Екатерины II, привезъ избѣгшихъ крушеніе Японцевъ въ Шатсмэй, главный портъ Іеддо, и такой же точно приказъ врученъ былъ, въ 1805 году, русскому посланнику Рязанову.

скихъ водахъ адмираломъ Сесилемъ (Cecil), но не оффиціально, а по собственному его побужденію, съ цѣлью показать Японскому двору, что и Франція имѣетъ большія военныя суда съ воинственнымъ экипажемъ, который, въ случаѣ нужды, постоитъ за права своего государства и пользы своихъ согражданъ. Выйдя, 18 іюля 1846 г., изъ порта Мельвиля, адміралъ, 28 того же мѣсяца, явился съ своею эскадрою въ Нангасаки. Едва суда утромъ того дня бросили якорь на рейдѣ, какъ увидѣли себя окруженными множествомъ судовъ, на которыхъ прибыла толпа любопытныхъ съ товарами, овощами, дичью и свѣжими съѣстными припасами, предлагаемыми на продажу. Въ числѣ этихъ джонокъ было нѣсколько лучше убранныхъ, нежели прочія. На нихъ находились офицеры съ ихъ свитою. Не изъявляя ни малѣйшей недовѣрчивости или высокомѣрія, они просили адмирала, во имя законовъ своей страны и ради собственной своей жизни, не дѣлать высадки на берегъ. Впрочемъ, они были очень вѣжливы, обязались снабжать суда всѣмъ, что имъ нужно и особенно любопытствовали осмотрѣть эти могучія военныя машины, для бо́льшей части изъ нихъ вовсе неизвѣстныя. Адмиралъ велѣлъ водить ихъ повсюду и показывать имъ все въ подробности: помѣщеніе, провизію, маневры, пушки, оружія и даже способъ ихъ употребленія. Нѣкоторыя изъ нихъ были приглашены къ обѣду и оставались до поздняго вечера.

Съ наступленіемъ ночи весь берегъ былъ освѣщенъ множествомъ огней; замѣтно было большое движеніе на сушѣ, а особенно въ крѣпостцахъ и батареяхъ, которыми отвсюду окруженъ прекрасный Нангасакскій портъ. Впрочемъ, это со стороны Японцевъ было ничто иное, какъ только мѣры предосторожности, потому-что съ разсвѣтомъ дня прежніе посѣтители воротились на корабль въ сопровожденіи еще многихъ другихъ. Все обошлось, какъ и наканунѣ: та же самая вѣжливость, то же самое мирное расположеніе и то же самое любопытство насчетъ всего, что̀ бросалось въ глаза.

Когда кончились всѣ ихъ распросы и все было внесено въ записныя ихъ книжки, — между ними было нѣсколько писцовъ, которые не переставали записывать цѣлый день, — адмиралъ объявилъ, что онъ достаточно запасся продоволь-

ствіемъ, а посему намѣренъ сняться съ якоря, чтобы продолжать свой курсъ далѣе.

Такимъ-образомъ это было со стороны адмирала Сесиля только мирною демонстраціею, чтобы показать Японіи морскія силы Франціи и вліяніе, какое флагъ ея имѣетъ на водахъ Китая и Японіи.

Замѣтимъ, что двумя годами раньше (въ 1844) и король нидерландскій собственноручнымъ письмомъ обращался ко двору Іеддскому, движимый при этомъ, сверхъ желанія расширить сношенія собственнаго своего государства съ Японіею (*), также безкорыстными видами общей пользы. Въ письмѣ къ императору японскому, король Вильгельмъ II поставлялъ на видъ, что, при безпрестанно расширяющихся сношеніяхъ народовъ между собою, Японія не можетъ долго оставаться изолированною, а посему сдѣлаетъ лучше, открывъ добровольно порты свои иностранной торговлѣ. Но и на этотъ дружескій совѣтъ единственнаго европейскаго монарха, съ которымъ Японцы поддерживаютъ нѣкоторыя связи, данъ былъ рѣшительный отказъ, въ томъ смыслѣ, что японское правительство не намѣрено уклоняться отъ однажды принятаго имъ порядка вещей.

Нѣсколько лѣтъ дѣла съ Японіею оставались все въ томъ же самомъ неподвижномъ положеніи, когда внезапное открытіе въ Калифорніи золотыхъ пріисковъ и пробудившаяся въ-слѣдствіе того, и по заселеніи Орегона, новая жизнь въ этихъ странахъ Америки снова обратили вниманіе свѣта на Японію. Съ умноженіемъ числа судовъ, посѣщающихъ западный берегъ Америки, должны были увеличиться также прикосновенія съ Японіею, хотя бы только въ-слѣдствіе болѣе частыхъ кораблекрушеній у ея береговъ. Стоило сдѣлать попытку, не будетъ ли наконецъ со стороны Японіи сдѣлана нѣкоторая уступка обстоятельствамъ вре-

(*) Сношенія эти, еще въ началѣ XVII вѣка столько процвѣтавшія, нынѣ, какъ извѣстно, ограничиваются только двумя судами, ежегодно приходящими изъ Батавіи на островъ Дезиму, близъ Нангасаки, и производящими оборотъ не болѣе, какъ на 3 милліона рублей ассигнаціями, за что Голландія еще должна платить дань по 60,000 руб. ассигнаціями ежегодно.

мени. Съ этою цѣлью, въ 1849 году, по порученію Британскаго Адмиралтейства, 12-ти-пушечный куттеръ «Морякъ», подъ командою капитана Маттисона (Matthison), приставъ къ берегу Японіи, бросилъ якорь передъ городомъ Орагавою, въ 25 миляхъ отъ Іеддо и 3 милями далѣе, чѣмъ когда-либо проникало чужое судно. На всемъ пути своемъ и вдоль берега капитанъ дѣлалъ промѣры глубины. Увѣдомивъ, чрезъ японскаго толмача, мѣстныя начальства о цѣли своего прибытія, онъ послалъ губернатору карточку на китайскомъ языкѣ съ просьбою о принятіи его. Губернаторъ отвѣчалъ, что изъ вѣжливости и для удовлетворенія своего любопытства онъ самъ прибудетъ на англійское судно, но если позволитъ пройти ему еще далѣе вверхъ, то неминуемо будетъ лишенъ жизни. Въ 8 миляхъ отъ мыса Мизàки, образующаго юго-западный конецъ залива, прибыло 10 лодокъ, каждая нагруженная 20 человѣками и 5 мандаринами. Капитанъ пригласилъ послѣднихъ на бортъ своего судна, гдѣ они вручили ему написанную на французскомъ и голландскомъ языкахъ бумагу, предостерегавшую его не крейсировать и не бросать якоря вблизи залива. Но, увидѣвъ, что капитанъ рѣшился итти далѣе, во что́ бы то ни стало, Японцы вызвались буксировать его. Къ ночи куттеръ былъ окруженъ нѣсколькими лодками, крѣпостцы были освѣщены, и сотни вооруженныхъ джонокъ собрались у берега. По этой причинѣ, капитанъ велѣлъ зарядить свои пушки, а лодкамъ отойти на нѣкоторое разстояніе. Толмачъ былъ въ величайшемъ ужасѣ и говорилъ, что если Англичане пристанутъ къ берегу, то Японцы убьютъ ихъ всѣхъ, и онъ самъ будетъ преданъ мучительной смерти. Орагава, по видимому, ключъ къ столицѣ Японіи, имѣетъ до 20,000 жителей. Всѣ идущія въ Іеддо или отправляющіяся оттуда джонки должны останавливаться у здѣшней таможни. Съ небольшою силою можно отрѣзать у столицы всю торговлю. Мандарины обращались съ капитаномъ весьма вѣжливо и старались всячески его вывѣдывать, но сами отказывались дать ему какія-либо свѣдѣнія. Они сняли чертежи разныхъ частей судна, доставили Англичанамъ свѣжую воду, овощи и яица, но безпрестанно спрашивали, когда они оставятъ берегъ.

Съ 1851 года занимаются въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣ-

верной Америки снаряженіемъ новой экспедиціи въ Японію, но не съ воинственною цѣлью, а съ-тѣмъ, чтобы употребить всѣ усилія для заключенія дружественнаго трактата, по которому дозволено бы было американскимъ судамъ заводить, въ извѣстныхъ мѣстахъ на берегу, склади каменнаго угля, запасаться свѣжею водою и провіантомъ, вести торговлю и т. д.

Эта экспедиція, подъ начальствомъ коммодора Перри, уже сдѣлала, какъ извѣстно, первое свое посѣщеніе у береговъ Японіи, но покамѣстъ только съ-тѣмъ, чтобы объявить императору о своей цѣли и дать ему срокъ зрѣло обсудить вопросъ и принять свое рѣшеніе. Письмо президента Союзныхъ Штатовъ было принято и препровождено въ столицу Іеддо; но еще не воспослѣдовало отвѣта. Время вскорѣ покажетъ, какое дѣйствіе будетъ имѣть эта вѣра на непреклонную до сихъ поръ политику двора Іеддскаго.

Столь же неудачна была и новѣйшая попытка со стороны Правителя Россійско-Американской Компаніи. По распоряженію его, командиръ корабля «Князь Меншиковъ», русскій шкиперъ Линденбергъ, 29 мая 1852 года, оставилъ Ново-Архангельскій портъ, чтобы перевезти въ японскую гавань Симода на островѣ Ниппонѣ 7 человѣкъ Японцевъ, спасшихся отъ крушенія на берегахъ русскихъ. Замедленное въ своемъ плаваніи противными вѣтрами и штилями, судно не прежде 28 іюля достигло мѣста своего назначенія и, не останавливаясь на рейдѣ, вошло прямо въ гавань, чтобы отнять у Японцевъ возможность запретить входъ въ нее. Городъ Симода, значительный какъ складочное мѣсто на пути джонокъ изъ Нангасаки въ Іеддо, лежитъ при небольшой, но довольно глубокой рѣчкѣ на западномъ берегу залива того же имени, берега котораго, опоясанные высокими горами, хорошо обработаны и представляютъ живописный видъ.

Судно немедленно было окружено множествомъ любопытныхъ, спѣшившихъ осмотрѣть его до прибытія губернатора. Вскорѣ явился и этотъ сановникъ, въ сопровожденіи большой свиты офицеровъ и чиновниковъ, и, сдѣлавъ допросъ 7 Японцамъ, осмотрѣлъ судно и велѣлъ все подробно записывать; но письмо отъ правителя колоній онъ отказался принять и лишь съ трудомъ согласился снять съ него копію, для отправ-

ленія въ Іеддо. Эти посѣщенія, распросы, осмотры, записываніе всего видѣннаго и слышаннаго и снимание рисунковъ продолжались ежедневно съ обычною вѣжливостью. Всѣ потребные припасы доставлялись на судно безвозмездно, и вообще Японцы оказывали большое радушіе и благодарность. Наконецъ 1 августа прибылъ на корабль губернаторъ города Одовара и, собравъ вокругъ себя привезенныхъ Японцевъ, объявилъ имъ, что не смѣетъ принять ихъ, и что они должны на кораблѣ отправиться далѣе, а командиру Линденбергу сказалъ, что какъ портъ Симода не открытъ для иностранцевъ, то онъ не можетъ войти съ нимъ въ какія-либо сношенія, а посему проситъ его немедленно выйти въ море. Въ-слѣдствіе такого рѣшительнаго отказа, Линденбергъ оставилъ портъ и, высадивъ Японцевъ, по настоятельному ихъ желанію, на берегъ, въ одной недальной бухтѣ, простился съ упорною, недоступною Японіею. (См. Морской Сборникъ 1853, № 8.)

По части азійской этнографіи особеннаго замѣчанія заслуживаетъ читанная въ Лондонской Королевской Академіи Наукъ (Royal Institution), 10 марта 1848 года, извѣстнымъ лингвистомъ д-ромъ Р. Латгамомъ (Latham) статья о сродствѣ народовъ Кавказа съ прочими племенами земнаго шара. Въ началѣ своего разсужденія, ученый этнографъ обращаетъ вниманіе на замѣчательное обстоятельство, что народы Кавказа состоятъ въ разительномъ контрастѣ со всѣми сопредѣльными имъ племенами. Турецкое племя къ сѣверу и востоку распространено на огромномъ протяженіи до береговъ Ледовитаго моря; персидское, на югѣ — до предѣловъ Индостана; русское, на западѣ, также занимаетъ обширнѣйшее пространство (здѣсь слѣдовало бы упомянуть и объ Армянахъ, далеко распространенныхъ къ юго-западу). Въ срединѣ между ними племена Кавказа являются совершенно изолированною отраслью съ рѣзко очертанною характеристикою и съ многочисленными видоизмѣненіями. Гиббонъ въ своемъ отчетѣ о Лазійской войнѣ принимаетъ до 300 нарѣчій кавказскаго народонаселенія; другіе, позднѣйшіе писатели — 70. Г. Латгамъ, опираясь главнѣйше на Клапротовы труды (Sprach-Atlas и Asia Polyglotte), допускаетъ не болѣе пяти отдѣльныхъ группъ, а именно 1) осетинскія нарѣчія, которыя Клапротъ производитъ отъ древней мидійской колоніи и отъ извѣстныхъ въ исторіи сред-

ших вѣковъ Алановъ, а Розенъ, отвергая мидійское ихъ происхожденіе, причисляетъ къ индо-европейскому корню; д-ръ же Латгамъ, не раздѣляя этого мнѣнія, считаетъ ихъ просто кавказскаго происхожденія. 2) Грузинскія нарѣчія: карталинское, суанійское, ласійское и мингрельское. Сродные между собою, они разнствуютъ отъ всякаго другаго языка. 3) Лезгинскія нарѣчія, подраздѣляющіяся на аварское, казикуманское, акушское и курское, изъ числа которыхъ иныя еще болѣе развѣтвляются, какъ-то: аварское на араканское, дидоское, ангучское и пр. Чеченскія нарѣчія, куда относится чеченское, ингушское, тумійское. 5) Черкесскія нарѣчія, къ которымъ принадлежитъ адигское, или собственно черкесское, абхазское и тапантское (Tapanta). Переходя потомъ къ разсмотрѣнію сродства всѣхъ этихъ нарѣчій съ другими языками, авторъ сперва замѣчаетъ, что они не имѣютъ никакого сходства съ ближайшими къ нимъ по географическому положенію русскимъ, турецкимъ, персидскимъ и армянскимъ. Производить ихъ отъ египетскихъ нѣтъ никакого историческаго основанія. Также мнѣніе Бонна, почитающаго ихъ отраслью индо-европейскаго корня, по словамъ Латгама, не подтверждается ни свидѣтельствомъ языка, ни физіологіею. Мнѣніе Клапрота относительно сродства кавказскихъ нарѣчій съ сибирскими языками авторъ допускаетъ, не считая, однакожь, этого сродства ближайшимъ. Болѣе всего, по собственному мнѣнію Латгама, нарѣчія Кавказа сходствуютъ съ односложными языками, изъ которыхъ ближайшій по своему положенію — тибетскій. Между-прочимъ, замѣчательно сходство въ именахъ числительныхъ. Какъ бы то ни было, но гипотеза англійскаго лингвиста заслуживаетъ ближайшаго разсмотрѣнія

Изъ другихъ вопросовъ азійской этнографіи въ новѣйшее время наиболѣе занималъ изслѣдователей вопросъ о происхожденіи Финновъ и о томъ мѣстѣ, какое они занимаютъ въ ряду прочихъ націй. Полное разрѣшеніе этого вопроса требуетъ еще обширныхъ розысканій историческихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ; но до исполненія этого труда любопытно внять на этотъ счетъ голосу одного изъ нашихъ ученыхъ, долго занимавшагося этимъ предметомъ, — покойнаго Кастрена.

Въ одной статьѣ, читанной имъ въ Литературномъ Обществѣ

Гельсинфоргскомъ, 9 ноября 1844 года, онъ изложилъ свое мнѣніе объ этомъ вопросѣ въ весьма ясной послѣдовательности. Оно заключается въ-сущности въ слѣдующемъ: (*)

Извѣстно, что финскіе народы, съ тѣхъ поръ, какъ о нихъ имѣются достовѣрныя историческія свѣдѣнія, жили далеко разбросанные: одни — въ Азіи, другіе — въ разныхъ частяхъ Европы. Слѣды ихъ найдены въ Скандинавіи и Даніи, въ Германіи и Англіи. Немалое пространство Европейской Россіи и Западной Сибири и понынѣ населено Финнами. Ядро народонаселенія Венгріи принадлежатъ тому же самому племени.

Для объясненія вопроса о первоначальной колыбели Финновъ нужно напередъ изслѣдовать, какое мѣсто они занимаютъ въ семействѣ рода человѣческаго. Мнѣнія объ этомъ различны: одни причисляютъ ихъ къ желтому, или монгольскому, другіе — къ бѣлому, кавказскому, или индо-германскому, а еще другіе — къ особому сѣверному, или полярному племени. Кастренъ, съ своей стороны, полагаетъ, что народы финскіе, турецкіе и самоѣдскіе образуютъ собою сомкнутую группу, составляющую, такъ-сказать, среднее звено между желтымъ и бѣлымъ, монгольскимъ и кавказскимъ племенами. Сродство между Финнами и Турками уже давно принято учеными лингвистами и еще въ новѣйшее время подтверждено также въ естественно-историческомъ отношеніи, профессоромъ Рецiусомъ, въ Стокгольмѣ. Насчетъ же сродства Финновъ съ Самоѣдами, послѣ новѣйшихъ лингвистическихъ и этнографическихъ розысканій уже не остается никакого сомнѣнія. Болѣе, нежели тысячелѣтнее сношеніе многихъ племенъ финскихъ со славянскими и германскими, во многомъ измѣнило первоначальную ихъ природу; но сходство ихъ съ Турками и Самоѣдами несомнѣнно.

Многолѣтнія изысканія относительно языка, исторіи и всего быта Самоѣдовъ привели Кастрена къ тому убѣжденію, что племя это вышло изъ Верхней Азіи и первоначально имѣло тамъ свою осѣдлость въ Саянскихъ горахъ, или около верховьевъ Енисейской рѣчной системы, гдѣ и нынѣ еще жи-

(*) Она переведена и на нѣмецкій языкъ г., Шифнеромъ, подъ заглавіемъ: Ueber die Ursitze des Finnischen Volkes.

ветъ много небольшихъ самоѣдскихъ племенъ, посреди турецкихъ и монгольскихъ народовъ, и одинъ изъ нихъ даже еще сохранилъ свой языкъ и свою національность, всѣ же еще помнятъ самоѣдское свое происхожденіе.

У разныхъ азійскихъ народовъ существуетъ преданіе, что въ началѣ временъ они обитали около большаго горнаго хребта, откуда въ-послѣдствіи переселились въ низменныя страны. Это преданіе, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свое основаніе и указываетъ на то большое наводненіе, которое, по единогласному свидѣтельству столь многихъ народовъ, заставило людей искать спасенія на высочайшихъ горахъ. Греки, Евреи, Китайцы, Тибетцы, Индусы даже самые Американцы имѣютъ свое преданіе о потопѣ.

Весьма вѣроятно, что досягающій облаковъ Саянскій хребетъ служилъ Самоѣдамъ въ эту эпоху пристанищемъ; по крайней-мѣрѣ дознано, что послѣдніе о нихъ историческіе слѣды теряются въ этой мѣстности.

Продолженіе Саянскаго хребта составляетъ группа Западнаго Алтая, ядро котораго, Великій Алтай, простирается между истоками Оби и Иртыша. Другой могучій отрогъ Алтая, Тангну-Ола, тянется къ югу отъ Енисея, недалеко отъ Саянскихъ горъ. Китайскіе историки переносятъ первоначальную обитель Турокъ къ Большому Алтаю и Тангну-Олѣ. Клапротъ и Риттеръ полагаютъ, что эти горы были убѣжищемъ Турокъ во время потопа. Какъ бы то ни было, но это племя искони имѣло тамъ свою отчизну. Это самое подтверждаетъ и одинъ туземный историкъ, Абулгази-Багадуръ-ханъ, именно повѣствующій, что родоначальникъ Османовъ, по имени Турокъ, сынъ Яфетовъ, поселился въ Алтайскихъ горахъ, поблизости озера Иссиколь, перейдя туда изъ обѣтованной страны.

Итакъ, сама исторія указываетъ на общую родину Турокъ и Самоѣдовъ въ Западной Верхней Азіи, у Саянскихъ, горъ и у Западнаго Алтая, около истоковъ Оби, Иртыша, Енисея. Тамъ же, по сродству своему съ Турками и Самоѣдами, вѣроятно, жили первоначально и Финны. Внимательно слѣдивъ за ихъ странствованіями, Кастренъ нашелъ по-крайней-мѣрѣ, что тутъ теряются и послѣдніе слѣды Финновъ. Здѣсь еще

живетъ въ устахъ народа преданіе о свѣтлоокомъ племени, по имени Аккарахъ, которое будто бы въ старину обитало въ этой странѣ и соорудило тѣ древніе курганы, которые повсюду разбросаны въ степи. И китайская исторія также упоминаетъ о свѣтлорусомъ племени, жившемъ къ сѣверу отъ горы Тангну-Ола, южнѣе которой обитали Турки. Весьма не невѣроятно, что подъ этимъ блѣднорусымъ племенемъ должно разумѣть Финновъ, потому-что во всѣ времена свѣтлорусый цвѣтъ былъ признаваемъ главнымъ признакомъ Финновъ. Замѣчанія заслуживаетъ также то, что внутри области Енисея находится одно мѣсто Суми, почти буквально согласующееся съ обычнымъ въ Финляндіи именемъ Суоми. (*)

Къ тому же самому мнѣнію касательно происхожденія отъ одного корня Финновъ и Турковъ приведены были и другіе ученые лингвисты, какъ-то: Рёригъ (Röhrig)—своими изслѣдованіями о сравнительной филологіи языковъ Средней Азіи, Келльгренъ — въ одной диссертаціи о сродствѣ Финновъ съ Турками, и Шоттъ, въ Берлинѣ, продолжительно занимавшійся тѣмъ же самымъ вопросомъ. Докторъ Келльгренъ даже идетъ еще далѣе, причисляя къ единоплеменникамъ Финновъ также Монголовъ; а докторъ Шоттъ полагаетъ, что изъ Алтая вышли четыре отрасли одного и того же самаго корня, а именно Тунгусы, Монголы, Финны и Турки. Причардъ, въ статьѣ On the Ethnography of High Asia, (въ IX томѣ Journal of the Royal Geogr. Society of London, 1839, часть II), замѣчаетъ, что языки турецкій, монгольскій и тунгусскій основаны на одинаковыхъ грамматическихъ началахъ. Простотою своего строенія и недостаткомъ собственно такъ-называемыхъ флекцій (inflections), которыя въ нихъ замѣняются приставкою частицъ; они приближаются къ характеру односложныхъ языковъ китайскаго корня, но вмѣстѣ съ тѣмъ разнятся какъ отъ семитическихъ языковъ, которые измѣняютъ двусложные свои корни и изобилуютъ предлогами и союзами, такъ и отъ индо-европейскихъ, которые столько богаты флекціею и словосоставленіемъ и допускаютъ измѣненія въ началѣ словъ. Согласно съ этимъ, по мнѣнію иныхъ филологовъ и, между-

(*) Финны, какъ извѣстно, сами себя называютъ Суома лайзетъ, т.-е. обитателями болотъ.

прочимъ, также нашего ученаго монголиста въ Казани, г. Ковалевскаго, група монголо-тюрко-финнскихъ языковъ, относительно грамматическаго своего строенія, занимаетъ середину между языками односложными, каковъ китайскій, обозначающими разныя отношенія понятій между собою приставками, и языками индо-европейскими, пользующимися на этотъ конецъ флекціею.

И южная Азія представляетъ весьма занимательную для этнографіи проблему: это — вопросъ о томъ, въ какомъ отношеніи состоитъ первобытное населеніе Индіи къ вытѣснившимъ его изъ первоначальныхъ мѣстъ жительства Индусамъ? Дознано, что въ глубочайшей древности Индія была населена грубымъ, необразованнымъ племенемъ. Изъ древнѣйшаго письменнаго памятника Индіи, Ведъ, явствуетъ, что говорившіе санскритскимъ языкомъ и пришедшіе изъ странъ болѣе сѣверныхъ, Индусы, въ то время, когда были писаны эти священныя ихъ книги, занимали страну семи рѣкъ, т.-е. нынѣшній Пенджабъ. Позже, во время составленія книги законовъ Ману, Индусы уже проникли до хребта Виндіи; далѣе этого предѣла жили поганые варвары, въ странахъ, куда было заповѣдано вступать поклонникамъ Брамы. Еще во время сочиненія Рамаяны, когда Сѣверная Индія уже пользовалась довольно высокимъ образованіемъ, Южная Индія была покрыта лѣсомъ и обитаема людьми необразованными. Гомеръ и Геродотъ упоминаютъ о черныхъ жителяхъ Индіи. Но позже Индусы, перейдя за Виндійскія горы, разлились и по Декканскому полуострову. Но въ горахъ Виндіи и Аравали, въ срединѣ Индіи, въ странѣ Гондовъ и въ пребрежныхъ болотахъ еще уцѣлѣли осколки первобытнаго населенія.

Разъяснить отношеніе ихъ къ Индусамъ можно было не иначе, какъ подробнымъ и тщательнымъ изслѣдованіемъ этихъ разбросанныхъ остатковъ въ этнографическомъ и лингвистическомъ отношеніяхъ. За разрѣшеніе этой задачи принялись, съ недавняго времени, Англичане. Первый на этомъ полѣ науки былъ, сколько намъ извѣстно, полковникъ Бриггсъ (Brigss). Сличивъ между собою примѣты племенъ, которыя еще можно принять за потомковъ первобытнаго населенія Индіи, онъ заключилъ, что всѣ не-санскритскіе народы Индіи принадлежатъ къ одному и тому же племени. Тогда-

какъ Индусы обладаютъ уже значительною имъ свойственною культурою и образованіемъ, всѣ не-санскритскія поколѣнія лишены ихъ, и бóльшая часть изъ нихъ, состоя даже на самой низшей ступени образованности, принадлежитъ къ самымъ жалкимъ твореніямъ въ свѣтѣ. Понятія ихъ о божествѣ самыя грубыя: иныя поклоняются тигру, какъ главному божеству, другіе — богу земли. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ даже вовсе не знаютъ одежды и ходятъ нагіе. Индусы питаютъ къ нимъ презрѣніе и гнушаются ими.

Всѣ эти племена отличаются грубостью, дикостью и хищничествомъ, — впрочемъ, гостепріимны, слѣпо преданы своимъ предводителямъ и свято хранятъ данное слово. Окруженныя почти отвсюду Индусами, они остались непричастными ихъ образованію, да и не мудрено, потому-что, Индусы, какъ извѣстно, исключаютъ всѣ низшія касты, и тѣмъ болѣе эти отверженныя племена, отъ всякаго участія въ своихъ искусствахъ и наукахъ.

Племена, которыя, по мнѣнію Бриггса, слѣдуетъ причислить къ потомкамъ первоселенцевъ нынѣшней Индіи, слѣдующія. На сѣверѣ между обитателями Мервара два племени: Меръ и Мина. Они хранили свою независимость противъ всѣхъ прежнихъ завоевателей, и только Англичанамъ удалось обуздать ихъ. Часть ихъ приняла магометанскую вѣру, удержавъ, впрочемъ, всѣ свои нравы и обычаи. Въ Кандежѣ и въ сѣверной части страны Мараттовъ—Бгиллы, на пространствѣ земли около 27,600 англ. □ миль. Въ Гузератѣ-Кулисы, на пространствѣ 25,890 англ. □ миль. Въ странѣ, гдѣ говорятъ маратскимъ языкомъ — Рамози, далѣе къ югу — племя Бедаровъ. Но самый занимательный остатокъ этого населенія — невольники Южной Индіи и къ сѣверу до Мадраса. Получивъ отъ Британскаго Парламента освобожденіе отъ невольничества, они не пользуются этимъ правомъ, изъ привязанности къ своимъ господамъ.

Предположеніе Бриггса относительно тождества всѣхъ не-санскритскихъ племенъ Индіи было подтверждено также преемниками его на томъ же самомъ полѣ изслѣдованія: Стифенсономъ, который издалъ объ этомъ предметѣ сочиненіе въ 1847 году, и полковникомъ Годжсономъ, начавшимъ

свои розысканія съ Гималайскихъ горъ и разобравшимъ предметъ съ наибольшею подробностью. Сочиненіе его, котораго въ 1848 году вышелъ первый томъ, заключающій въ себѣ наблюденія о правахъ, языкѣ и исторіи трехъ племенъ (Кочъ, Бодо и Дгималъ), будетъ, безъ-сомнѣнія, самымъ удовлетворительнымъ, тѣмъ-болѣе, что авторъ не ограничился въ немъ результатомъ собственнаго своего изученія, а пользовался также содѣйствіемъ многихъ лицъ, живущихъ вблизи разныхъ первобытныхъ племенъ.

III. АФРИКА.

=

Der Grad der Ausbildung der Natur eines Landes bestimmt den Grad der Cultur seiner Bevölkerung und die Richtung seiner Geschichte.

Prof. Dr. Reuter.

И Африка въ-сравненіи съ Европою имѣетъ характеръ *толщи*, притомъ еще болѣе сжатой, сосредоточенной и гораздо болѣе единообразной, чѣмъ Азія.

Уже изъ этого можно заключить, что народонаселеніе этой части свѣта должно, съ одной стороны, во многомъ сходствовать съ азійскимъ, а съ другой—быть несравненно единообразнѣе, чѣмъ послѣднее.

Сходство африканскаго народонаселенія съ азійскимъ оказывается въ томъ, что и племена Африки живутъ отдѣльно одно отъ другаго, безъ общей какой-либо политической между собою связи, по бо̀льшей части въ кочевомъ состояніи и почти въ безпрерывной враждѣ другъ съ другомъ, почему и исторія ихъ (за исключеніемъ въ-древности египетской) также лишена всякаго высшаго политическаго значенія и всемірнаго вліянія.

Единообразіе африканскихъ племенъ обнаруживается какъ въ физической, такъ и въ духовной ихъ природѣ и въ выраженіи обѣихъ — языкѣ.

Сходство наружнаго вида разныхъ отраслей африканскаго населенія значительнѣе, чѣмъ въ какой-либо другой части свѣта. Негры сѣверной, южной, восточной и западной частей Средней Африки представляютъ въ своемъ тѣлосложеніи одинакія основныя формы, и, если мы замѣчаемъ между ними также большое разнообразіе физіономіи, то эти оттѣнки, вѣроятно, произошли отъ примѣси къ нимъ другихъ разнородныхъ племенъ.

Хотя въ Африкѣ, по-видимому, и не происходило такого прилива и смѣшенія племенъ, какіе мы замѣтили въ Европѣ, однако же и эта часть свѣта не могла обойтись безъ того, чтобы не заимствовать извнѣ разныхъ стихій.

Принявъ Негра за чистѣйшій первообразъ африканскаго люда, мы замѣчаемъ тѣмъ вящшее отъ него отступленіе, чѣмъ болѣе, отдаляясь отъ средины Африки, приближаемся къ берегамъ моря, гдѣ примѣсь чужой крови, естественно, долженствовала быть наибольшею.

Сѣверъ Африки, уже по той причинѣ, что прилежитъ къ Средиземному морю, этому главному пути сообщенія въ древности, искони былъ наиболѣе подверженъ вліянію иноземнаго элемента. Финикіяне, Греки, Римляне, Вандалы, Готѳы, Арабы, Турки, Испанцы и Французы смѣнялись въ господствѣ надъ сѣверными берегами Африки. Основную часть населенія сѣверной Африки, вѣроятно, составляютъ Берберы, отъ которыхъ и произошло самое названіе варварійскихъ владѣній. Это древніе Эѳіопцы, въ Египтѣ извѣстные подъ именемъ Нубійцевъ, по-видимому, помѣсь Негровъ съ семитическими племенами, съ которыми сѣверъ Африки искони состоялъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Финикіяне привили имъ любовь къ торговлѣ; питомцы ихъ Карѳагеняне распростерли свое вліяніе далеко во внутренность материка — въ самую Нигрицію. Въ-послѣдствіи и яфетическія племена, Греки и Римляне, посѣяли между ними нѣкоторыя сѣмена образованія. Но главную печать на народонаселеніе этой части Африки наложили Арабы и Турки. Арабы, которыхъ господство началось съ 712 года, ввели здѣсь, вмѣстѣ съ своею вѣрою и своими обы-

чаями, свой языкъ и свое образованіе. Разлившись сначала по странамъ Нила у горъ Атласа, на сѣверѣ и по восточному берегу до Софалы, они мало-по-малу распространили исламъ по всей западной степи, черезъ Сенегалъ, Гамбію до самаго Нигера, въ бо̀льшей части восточной степи (Сахель) и даже въ нѣкоторыхъ странахъ Западной и Средней Нигриціи, въ Дар-Фурѣ, Моббѣ, Баггерми, Борну, въ царствѣ Фелласовъ и пр. Весь сѣверъ Африки перемѣнилъ чрезъ нихъ свои наименованія; одна значительная часть его даже получила отъ нихъ свое имя — Мавританія. Горцы самой сѣверной Африки, такъ-называемаго Телля, Кабилы, жители сѣверной пустыни, Бедуины и обыватели удоловъ Атласа и береговыхъ странъ сѣверо-восточной Африки, Мавры (*), доселѣ вполнѣ сохраняютъ свой арабскій типъ, хотя и забыли по бо̀льшей части прежнее свое образованіе. Причиною послѣдняго явленія былъ скорый упадокъ арабскаго могущества, а въ-послѣдствіи, съ первой половины XVI вѣка, утвержденіе здѣсь новаго господства Турокъ, которые придали сѣверной Африкѣ характеръ хищническій. Но вообще крайній сѣверъ Африки еще во многомъ сходствуетъ съ Европою. Физіономія земли, ея климатъ и растительность сближаютъ ее съ Пиренейскимъ полуостровомъ. Человѣкъ еще не имѣетъ ни рунообразныхъ волосъ, ни физіономіи, ни цвѣта кожи Негра. Онъ болѣе походитъ на южнаго Европейца и, принадлежа съ нимъ къ одному и тому же самому племени, дѣйствительно, образуетъ какъ бы среднее звено между чистымъ Африканцемъ и Европейцемъ. Далѣе во внутрь къ сторонѣ Сахары скитаются два хищническія кочевыя

(*) Это въ настоящее время самые строгіе изъ мусульманъ. Главою ихъ можно почесть султановъ марокскихъ, которые ведутъ свой родъ отъ Магомета. Наслѣдственная ревность къ христіанамъ, ихъ сосѣдамъ, питала въ нихъ тотъ строгій магометанизмъ, который нынѣ, въ-слѣдствіе войны, обратился въ фанатизмъ. Потомки Магомета находятся въ главѣ всякаго возстанія противъ Французовъ и всегда состоятъ въ связи съ разными религіозными братствами мусульманъ. Священный марабутъ обыкновенно бываетъ основателемъ подобныхъ братствъ: таковы были Абдель-Кадеръ эль-Джалали, Мулей Таджебъ (Tajeb), Гамедъ Тиджани (Tidjani). Особенно почитается первый изъ нихъ, отъ котораго происходитъ древнѣйшій орденъ въ сѣверной Африкѣ. Халифъ ордена Мулей Таджеба всегда избирается изъ марокской императорской фамиліи. См. Daumas, Le Sahara Algérien. Paris. 1845.

племени: 1) къ востоку между Феццаномъ и Борну, Тиббосы, приближающіеся къ Неграмъ и имѣющіе черный цвѣтъ кожи; они состоятъ изъ многихъ племенъ, живутъ въ пещерахъ и мазанкахъ, одѣваются въ звѣриныя шкуры, но, впрочемъ, нравомъ добродушны; многіе изъ нихъ исповѣдуютъ исламъ, и главное ихъ мѣсто есть Бильша; 2) къ западу — Туарики, ведущіе свое происхожденіе отъ Турокъ. Они питаютъ презрѣніе къ Арабамъ, которые за исключеніемъ нѣкоторыхъ, наиболѣе воинственныхъ колѣнъ, вообще боятся ихъ, — носятъ родъ чалмы, почти вовсе закрывающей ихъ лице, и, по обычаю Турокъ, длинные усы, широкое черное верхнее платье и широкіе шальвары. Стада верблюдовъ и овецъ составляютъ главное ихъ богатство. Отправляясь на травлю даже до береговъ Нигера и раскидывая свои шатры вблизи селеній, они наводятъ страхъ на большіе города, а въ-особенности на богатые. По показанію Ричардсона, сѣверная граница Туариковъ начинается въ разстояніи около дня пути къ югу отъ Гадамеса; къ западу они попадаются по всей дорогѣ, до самаго Тимбукту, а на востокѣ — начиная отъ Ггата до Дамергу. На этомъ огромномъ пространствѣ Сахары они владѣютъ нѣсколькими большими городами и земледѣльческими округами; главные суть на востокѣ: Ггатъ, Агиръ и Агадесъ, а на западѣ — Туатъ и Тимбукту. Около Туата и Агира, по-видимому, уже начинается ихъ смѣшеніе съ Неграми: здѣсь они особенно многочисленны, но уже изнѣжены и кротче нравомъ; они самые торговые изъ Туариковъ, и болѣе $^{1}/_{5}$ всей торговли южной Сахары находится въ ихъ рукахъ. (*) При всемъ сказанномъ

(*) Еще Горнеманнъ (томъ I, стр. 352) замѣтилъ, что между Туариками на южной каймѣ Сахары есть иные, совершенно черные, но безъ негрской физіономіи. Клапертонъ (Travels, стр. 195) встрѣтилъ помѣсь Туариковъ и Негровъ въ Магаріѣ, близъ Сакату, а Дома (Daumas, Le Sahara Algérien, стр. 276) говоритъ, что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ даже внутри области Туата замѣтно явное потемнѣніе цвѣта кожи по мѣрѣ приближенія къ югу, такъ что въ самой южной части этой страны, области Тикиделътъ, Туарики, въ-слѣдствіе всеобщаго смѣшенія съ Негритянками, очень близки къ самымъ сѣвернымъ Неграмъ материка, но за-всѣмъ-тѣмъ въ главныхъ своихъ чертахъ удерживаютъ туарикскій типъ: имѣютъ еще орлиный носъ, тонкія губы и выгнутыя ноги (des pieds cambrés). Объ этомъ смѣшеніи Туариковъ съ Неграми свидѣтельствуютъ и новѣйшіе путешественники внутри Африки: Бартъ и Овервегъ. Первый

нами сходствѣ ихъ съ Турками, кажется несомнѣннымъ, что нѣкоторыя изъ племенъ Туариковъ произошли отъ примѣси арабской крови. Это даже положительно утверждаетъ Бартъ о проводникахъ своего каравана — Тенилькумахъ (Tenilkum). Этотъ небольшой отдѣлъ туарикскаго племени явно отличается отъ прочихъ своихъ единоплеменниковъ. Они очень стройны, хотя и не коренасты, съ весьма пріятными чертами лица, не имѣющими въ себѣ ничего египетскаго или турецкаго, а скорѣе нѣчто греческое, — люди, на слово и мужество которыхъ можно полагаться, отчего они и служатъ преимущественно вожатыми въ степи между Феццаномъ и Суданомъ. Находясь въ частыхъ сношеніяхъ съ береговыми жителями, они гораздо обходительнѣе и довѣрчивѣе къ иностранцамъ, а между собою составляютъ родъ дружины, которой члены, принадлежа къ строгой асцетической сектѣ эль-Медани, одного благочестиваго араба изъ Медины, стоятъ другъ за друга какъ братья и пользуются высокимъ уваженіемъ, какъ родъ марибутовъ. Къ сожалѣнію, это столь важное для торговли и образованія Африки племя, о которомъ Бартъ именно говоритъ, что они по своему мѣсту жительства въ Феццанѣ, вѣ-

изъ нихъ говоритъ, что въ жителяхъ Агадеса, а равно во всемъ населеніи юго-восточнаго Агира, а въ-особенности Тин-Теллуса, замѣтна сильная примѣсь негрской крови. Онъ полагаетъ, что эта страна была изстари обитаема черными племенами, которыя даже и сохранили особенный свой языкъ. Этотъ языкъ «эмгедезіе» (Emghedesie) отнюдь не есть только нарѣчіе тарзійскаго (туарикскаго) языка, ниже берберскаго или гаусскаго, а самостоятельный идіомъ, тотъ же самый, которымъ говорятъ народы Тимбукту и восточныхъ частей Бамбарры, изъ чего Бартъ выводитъ заключеніе, что здѣшнее народонаселеніе одинаковаго начала съ бамбарскимъ и, можетъ быть, осколокъ большаго народа, который въ древности, до появленія Туариковъ, владѣлъ всею этою страною. Овервегъ въ странѣ между Синдеромъ и Маріади нашелъ племя, составляющее среднее звено между Туариками и Неграми и именуемое Буссаве (Bussawe), или Бугай (Bugajje): это—потомки келайскихъ, кельгерскихъ, итезанскихъ невольниковъ; потому что дѣти невольниковъ здѣсь обыкновенно свободны и поселяются въ равнинахъ южнѣе Асбена. Они чернаго цвѣта, немного свѣтлѣе Негровъ, а впрочемъ тщательно хранятъ туарикскіе свои обычаи: закрываютъ себѣ лице чернымъ платкомъ, носятъ ту же самую одежду, такое же оружіе и обыкновенно говорятъ по-гаусски. У Туариковъ и Габе, (т.-е. черныхъ) они слывутъ ворами и хищниками. Какъ города этого племени, Овервегъ обозначаетъ Тассаву, Маріади, Чиберри.

роятно, получили примѣсь арабской крови, не превышаетъ числомъ около 400 человѣкъ. Главное мѣсто Тенилькумовъ и пребываніе ихъ шейха есть Тигчеруртинъ, миляхъ въ 20 къ западу отъ Мурзука. Другая же часть ихъ живетъ въ Уади-Ггарби, и еще часть — въ Субга (Subga) Всѣ они довольно зажиточны, обладая многочисленными стадами верблюдовъ и козъ. Самое воинственное племя Туариковъ — Гагаръ (Hagar), всего до 500 человѣкъ, способныхъ носить оружіе, живутъ единственно взыманіемъ съ проѣзжихъ каравановъ особой дани, или пошлины (гумрукъ), за даруемое имъ охраненіе. Вообще Туариковъ можно назвать пиратами, или хищными рыцарями пустыни (*), и, по мнѣнію Барта, они происходятъ отъ переселившейся сюда, лѣтъ за 800 или 900, съ востока воинственной касты, которая покорила себѣ туземное черное населеніе Имрадъ, или Мератахъ, обитавшее до ихъ прибытія западную полосу степи. Бо́льшая часть изъ нихъ, особенно поколѣніе Гагаръ, очень красивы и имѣютъ крѣпкое тѣлосложеніе и бѣлый цвѣтъ кожи, между-тѣмъ, какъ другія поколѣнія Туариковъ вблизи Большой Степи по цвѣту кожи подходятъ къ самымъ темнымъ Неграмъ.

Итакъ, мы видимъ сѣверъ Африки, сходный, и по физической своей природѣ съ одной стороны съ Европою, а съ другой съ Азіею (потому-что крайній сѣверъ, какъ выше объяснено, сходствуетъ съ Пиренейскимъ полуостровомъ, а степь Сахару можно нѣкоторымъ-образомъ почесть продолженіемъ азійскихъ степей), – въ обладаніи народовъ отчасти европейскаго, отчасти же азіатскаго происхожденія.

Въ-противоположность сѣверной Африкѣ, средняя ея часть, пространство къ югу отъ степи Сахары и къ сѣверу отъ австральной Африки, по обѣ стороны экватора, между 15° сѣверной и 15° южной широты, уже по причинѣ чисто африканскаго тропическаго своего климата, составляетъ настоящую отчизну чисто-африканскаго люда, Негровъ. Многія изъ ихъ племенъ намъ еще вовсе незнакомы или извѣстны только по слуху. Изъ числа доселѣ изслѣдованныхъ племенъ чистѣйшій типъ Негра имѣютъ: обширный народъ Іолофовъ (или Джоло-

---

(*) Такъ ихъ согласно называютъ Дома́, Кареттъ, де-Кастелланъ и Бартъ.

фовъ) въ низовьяхъ Сенегала, — Бамбарра, въ верховьяхъ Нигера или Кворры, — Феллаты въ Борну и самое образованное и промышленное изъ племенъ негрскихъ, — Мандинго, распространившее свою власть на всю страну Конго и имѣющее въ своихъ рукахъ всю торговлю слоновою костью и золотомъ. Носъ у нихъ округленный, губы толсты, волосы мелковаты и курчавы, грудь полная, а кожа бархатиста и цвѣта самаго темнаго, какъ черное дерево (*); они отличаются отъ другихъ племенъ негрскихъ, особенно южно-африканскихъ, опрятностью (**), страстію къ убранству и дѣятельностью; очень живы, говорливы, общежительны и гостепріимны, и тамъ, гдѣ не испорчены чужимъ вліяніемъ, довѣрчивы и честны. Особенною красотою и стройностью тѣла отличаются на западѣ Негры гвинейскіе, жители около Сіерра-Леоне и Ашанти, а на востокѣ — Негры Берта. Но большая полоса Средней Африки отъ 10° сѣверной до 10° южной параллели, страна, по-видимому, самая гористая и наиболѣе орошаемая, самая знойная и самая холодная, а поэтому, вѣроятно, самая производительная и самая богатая всей Африки (***), остается намъ еще почти вовсе неизвѣстною, какъ по физической своей природѣ, такъ и по своему населенію, и только новѣйшія экспедиціи Ребманна, Карпфа и доктора Барта пролили на нѣкоторыя ея части нѣсколько лучей свѣта. (См. далѣе, самыя путешествія.)

На югѣ Африки всего далѣе отъ чистаго негрскаго типа отступаютъ Готтентоты, въ которыхъ скорѣе замѣтно нѣчто азіатское, почему иные и считаютъ ихъ происшедшими отъ переселенія туда въ весьма раннія времена какой-либо отрасли Монголовъ или Китайцевъ. Цвѣтъ кожи у нихъ желтый; во-

---

(*) Черноту кожи Негра приписываютъ соединенному вліянію палящихъ лучей солнца, чрезвычайной сухости африканскаго материка и исключительно растительной пищи Негровъ.

(**) Калье разсказываетъ, что Негры Мандинго тщательно моются и купаются, и по бо̀льшей части въ теплой водѣ, напередъ приготовляемой женами, съ тѣмъ, чтобы мужья по ихъ возвращеніи вечеромъ въ свои дома могли ею немедленно пользоваться (Caillié, II, 43, 51). Также Бамбарры купаются каждое утро (тамъ же, стр. 153). Мандинго и Бамбарры приготовляютъ изъ пальмоваго масла родъ мыла, которымъ стираютъ свои платья. (Тамъ же, стр. 114. Winterbottom, стр. 85.)

(***) Fresnel въ Bulletin de la Société de Géographie 1850. Tome XIV, стр. 342.

лосы хотя и шерстисты, какъ у Негра, но гораздо жестче и не покрываютъ черепа единообразно, а отдѣльными пучками. Нравъ ихъ чрезвычайно общежителенъ (*); но вмѣстѣ съ тѣмъ они крайне безпечны, неопрятны и падки до крѣпкихъ напитковъ. Впрочемъ, ими легко управлять, если только обходиться съ ними съ нѣкоторою ласкою и твердостью. Въ службѣ Европейцевъ они оказали себя пригодными къ разнымъ занятіямъ, и, между-прочимъ, храбрыми солдатами. На самой сѣверной межѣ Капской колоніи скитаются Бушманы, отверженное племя Готтентотовъ, отличающееся почти карликовымъ своимъ ростомъ (мужчины не выше 5, женщины 4 фут.), особеннымъ безобразіемъ (короткій и тупой носъ ихъ до-того вдался въ лице, что они могутъ отрѣзать себѣ кусокъ пищи передъ самымъ ртомъ, не задѣвая носа), а притомъ необыкновенною подвижностью физіономіи и тѣлодвиженій и прожорливостью, что придаетъ имъ чрезвычайное сходство съ ихъ земляками, обезьянами, такъ-что можно почти поклясться, что они всему научились отъ нихъ. (См. Лихтенштейна, II, стр. 365.) По всему видно, что это племя, въ-слѣдствіе отчужденія отъ другихъ, впало въ нѣкотораго рода одичалость. Отъ сліянія Готтентотовъ и Негровъ произошли Каффры, имя которыхъ дано имъ исламитскими Арабами и означаетъ еретиковъ. Цвѣтъ лица ихъ склоняется къ бурому, и чело болѣе выдается впередъ, нежели у Негра, съ которымъ они сходствуютъ толстыми своими губами и кудрявыми волосами, а равно силою, ростомъ и стройностью. Они живутъ вмѣстѣ, ордами, подобно Монголамъ, и до 1819 состояли подъ однимъ общимъ королемъ, но съ тѣхъ поръ раздѣлились на два королевства: Амахахабе и Амагкалека, которыя независимы одно отъ другаго, но мало-по-малу раздѣлились на множество небольшихъ племенъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ своего князька, хотя и признающаго надъ собою господство короля, но почти неограниченно властвующаго въ своей ордѣ. Самое важное и воинственное изъ каффрскихъ племенъ есть Гриква, населяющее мѣста по берегамъ Гарипа на протяженіи

(*) «Нѣтъ твари болѣе общежительной, какъ нынѣшній Готтентотъ», пишетъ объ нихъ Непиръ. См. Napier, Excursions in Southern Africa. 1849.

болѣе тысячи верстъ. Числомъ до 20,000, они занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, обладаютъ большими стадами рогатаго скота и лошадей. Какъ они, по рыцарскому своему характеру, служатъ нѣкоторымъ оплотомъ противъ дикихъ ордъ внутренней Африки, то англійское правительство признало ихъ независимыми. Другое племя Каффровъ, Бичуаны, занимаютъ внутренность Каффрской Земли. Они очень многочисленны и подраздѣляются на нѣсколько отраслей, изъ которыхъ одна, впрочемъ, наименѣе людная, Батлапы, или Батчапы, считающая около 10,000 душъ, уже обращена къ христіанству.

Чѣмъ далѣе къ сѣверу отъ Мыса Доброй Надежды, тѣмъ болѣе племена приближаются къ чисто-негрскому типу. Каффрское племя Дамара, живущее къ сѣверу отъ готтентотскаго племени Намаква, уже гороздо смуглѣе въ-сравненіи съ Готтентотомъ, и хотя изрѣдка, но уже склоняется къ основнымъ формамъ Негра. Недавно лишь посѣщенное Галтономъ, обитающее къ сѣверу отъ Дамара и чрезвычайно занимательное по миролюбивымъ своимъ нравамъ и занятіямъ, племя Овампо, кажется, служитъ дальнѣйшимъ переходнымъ звеномъ къ Негру центральной Африки. Такъ и по свидѣтельству Ливингттона, открывшаго, въ 1849 году, озеро Ньями, тамошніе обитатели Бакоба (Bakoba), или Багейге (Bageige), гораздо чернѣе цвѣтомъ кожи, чѣмъ живущіе къ югу отъ нихъ Бичуаны: это, по-видимому, посредническое звено между Каффрами и Неграми, подобно какъ, на сѣверѣ, Буссаве (Bussane), или Бугайе (Bugajje), составляютъ среднее звено между Туариками и Черными.

На восточномъ берегу Африки явно замѣтна примѣсь симитическаго элемента, отчасти, можетъ-быть, еще древнихъ Финикіянъ, какъ-то между Остронеграми къ югу отъ экватора (*), отчасти же Арабовъ; это особенно касается обитателей берега Сомали, на западѣ и на югѣ отъ мыса Гвардофуи, т.-е. отъ Расъ-эль-Хейле (Ras-el-Khyle) на восточномъ берегу до Цейлы (Zeylah), насупротивъ Адена и до рѣки Веббы на югѣ (**), а равно и жителей берега Суагели, что̀ видно уже изъ

(*) Такъ полагаетъ Фробервилль. См. далѣе.

(**) Сомали, по преданію, ведутъ свой родъ отъ шеиха Исааха, изъ Гадрамаути въ южной Аравіи, который, поселясь на берегу Сомали,

ихъ языка, а не менѣе того изъ ихъ физіономіи, нравовъ и обычаевъ. Такъ, Сомали говорятъ по-арабски, а языкъ суагельскій есть смѣшеніе арабскаго и африканскаго. Вообще кажется, Суагелы составляютъ переходное звено, клонясь по наружности болѣе къ арабскому, а по внутреннимъ своимъ качествамъ къ африканскому племени: они стройны и крѣпкаго тѣлосложенія, подобно племенамъ кавказскимъ, но, въ противоположность важному, степенному Арабу, веселы и беззаботны, какъ Негры, а вмѣстѣ съ тѣмъ миролюбивы, добродушны и вѣжливы. Хотя у нихъ нѣтъ недостатка въ пѣсняхъ, но они далеко не имѣютъ того поэтическаго дара, какъ Арабы. И народы Абиссиніи, и отчасти Нубіи, по-видимому, должны быть симитическаго происхожденія. Описаніе, какое французскій путешественникъ Комбъ (Voyage en Egypte, en Nubie etc., tom. II, стр. 161) даетъ о женщинахъ Абиссиніи и Нубіи, замѣчательныхъ чистотою облика и стройностью тѣла, явно напоминаетъ собою арабскій типъ. О женщинахъ верхней Нубіи тотъ же самый путешественникъ замѣчаетъ, что онѣ сходствуютъ съ женщинами Сомали на восточномъ берегу. Другія же, болѣе внутреннія племена восточной Африки уже приближаются къ чисто-негрскому. Таковы, напримѣръ, Галласы, народъ могущественный, вышедшій изъ гористой страны во внутренности и въ новѣйшія времена съ одной стороны глубоко проникшій въ Абиссинію (*), а съ другой утвердившійся вдоль по восточному берегу отъ экватора до 4° южной параллели. Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ Галласовъ, какъ-то: Иза-Сомалъ и Гидръ-Бирзи, состоятъ въ безпрерыв-

---

близъ Метты, женился на тамошней уроженкѣ и имѣлъ отъ нея трехъ сыновей: Габр-Авала, Габр-Джергаджиса и Габр'тэль Джалеха, родоначальниковъ трехъ племенъ, нынѣ живущихъ отъ Метты до Джибель-Эльмиса. (См. Lieut Cruttenden on Eastern Africa въ Journ of the Geogr. Soc. 1848. T. XVIII, ч. 1. стр. 136.)

(*) Полагаютъ, что Галласы впервые появились въ Абиссиніи въ 1563 году, въ царствованіе Мелек-Сегеда (см. Bruce Travels, т. III, стр. 236). Но въ абиссинскихъ лѣтописяхъ о нихъ упоминается почти столѣтіемъ раньше. (См. Ruppell Reise in Abyssinien т. II, стр. 357.) Сначала они явились въ Бали, самой отдаленной юго восточной области Абиссиніи, а нынѣ занимаютъ Энарею, Џамотъ, Годжансъ, Шоу, Анготъ (Angot), Амгару, Біегамидеръ (Biegamider), и самъ Рас-Али, держащій бразды правленія въ Гондарѣ, есть природный Галла.

ной борьбѣ съ арабскими племенами страны Сомали. Наконецъ, еще третья отрасль населенія восточной Африки примыкаетъ къ южнымъ племенамъ этой части свѣта. Такъ, Міао, къ западу отъ мыса Дельгадо подъ 10° ю. ш., и Макуа, нѣсколько далѣе на югъ вблизи Мозамбика, болѣе склоняются къ племени Каффровъ и Бичуановъ. Міао не имѣютъ ни сплющеннаго носа, ни выдающихся скулъ, ни чернаго цвѣта настоящаго Негра, а напротивъ-того цвѣтъ кожи буроватый, лобъ благообразный и лице смѣлое, выразительное; а Макуа говорятъ языкомъ, во многомъ сходнымъ съ каффрскимъ; между-тѣмъ какъ Меремонгаосы, одно изъ самыхъ промышленныхъ и образованныхъ племенъ во внутренности восточной Африки (вѣроятно, горцы), и Мовица, Мукаманго, Моомоэги и пр., живущіе по верховьямъ рѣкъ на плоской возвышенности этой части материка, по своему сложенію и свѣтло-бурому цвѣту, приближаются къ племени Зула (Амагула). Сюда же Фробервилль причисляетъ также воинственное племя Мабсити, сдѣлавшееся съ нѣкотораго времени страшнымъ населенію праваго берега Замбезы.

Въ народонаселеніи западной Африки нельзя не узнать примѣси европейскихъ племенъ, какъ-то особенно въ Португальскихъ владѣніяхъ. Даже между самыми Феллатами въ Гаулѣ и Фулагами въ Сенегамбіи, хотя и сохраняющими еще во многомъ наружный типъ Негровъ, надобно подозрѣвать нѣкоторое смѣшеніе съ болѣе образованными маврскими племенами, а именно по особенной ихъ живости ума, любознательности, дѣятельности, промышленности и отчасти даже чувству своего достоинства, которое вовсе чуждо бо́льшей части Негровъ. (*)

Что, наконецъ, касается острова Мадахаскара, то здѣсь, по-видимому, въ глубокой древности произошло смѣшеніе Негровъ съ Малайцами, а позже, можетъ-быть, также съ Арабами. Первобытное, чисто-негрское населеніе, кажется, вовсе исчезло. Говасы въ серединѣ острова, по языку своему и оливковому цвѣту кожи, явно склоняются къ малайскому, а Сакалавы на западномъ берегу острова — къ негрскому племени.

Всѣ эти отдѣльныя племена Африки живутъ почти въ не-

(*) См. Kriegk, Die Völkerstämme etc.

престанной войнѣ между собою. И въ этомъ, къ стыду образованности, слѣдуетъ преимущественно обвинить корыстолюбіе Европейца, ибо съ тѣхъ поръ, какъ вывозъ Негровъ сдѣлался постоянною статьею торговли (съ 1617 года), недовѣрчивость и взаимная вражда поселились между простодушными и миролюбивыми по первоначальному своему характеру Африканцами, и каждое болѣе сильное племя старается удовлетворять своимъ потребностямъ хищническими набѣгами на слабѣйшихъ своихъ сосѣдей и похищеніемъ въ плѣнъ, а потомъ продажею своихъ ближнихъ.

Съ другой стороны, единственную общую связь африканскихъ племенъ между собою составляетъ торговля, такъ-какъ и вообще любостяжаніе есть одна изъ самыхъ главныхъ чертъ въ характерѣ Африканца. Никакое другое племя добровольно не продаетъ, по-крайней-мѣрѣ, въ такомъ множествѣ, своихъ чадъ чужеземцамъ, для пріобрѣтенія этою цѣною того, чтó имъ нравится, какъ Африканцы. У нихъ однихъ этотъ обычай водится съ незапамятныхъ временъ. Была пора, когда торговля Африки имѣла всемірное значеніе. Карѳагеняне, наслѣдовавъ торговый духъ отъ своихъ родоначальниковъ, Финикіянъ, посылали свои флоты не только по всему Средиземному морю, но даже далеко за предѣлы Геркулесовыхъ столбовъ до самыхъ прибрежій Балтики. Болѣе двухъ вѣковъ продолжался торговый перевѣсъ Карѳагена и, можетъ-быть, онъ удержалъ бы его еще долѣе, если бы, опознаваясь въ своемъ назначеніи, не вздумалъ соперничествовать съ Римомъ въ господствѣ надъ вселенною. Позже на сѣверѣ Африки возвысилась торговля Александріи, въ-слѣдствіе выгоднаго ея положенія при устьѣ Нила—у порога трехъ частей свѣта. Она вскорѣ сдѣлалась складочнымъ мѣстомъ дорогихъ произведеній Остъ-Индіи, пряностей Цейлана, черныхъ невольниковъ Африки и, давъ въ то же время пріютъ наукѣ, оказала самое величавое вліяніе какъ на ходъ всемірной торговли, такъ и на образованіе человѣчества вообще. Значеніе Александріи на всемірномъ рынкѣ впервые было потрясено соперничествомъ Византіи, которая завладѣла всею торговлею Чернаго моря и внутренней Азіи. Но все еще за нею оставалась важная торговля съ Остъ-Индіею. Другой ударъ нанесенъ былъ ей завоеваніями Арабовъ, которые на-время вовсе

закрыли рынокъ Александріи. Но, вполнѣ постигая всю важность этого мѣста, они вскорѣ снова открыли его европейскимъ судамъ. Послѣ паденія арабскаго могущества Александрія снова ожила во время крестовыхъ походовъ, однако же не надолго. Открытіе морскаго пути въ Остъ-Индію окончательно подрыло коммерческую важность Александріи.

Нынѣ въ самой Африкѣ существуетъ почти только внутренняя торговля. Она здѣсь всегда производилась дѣятельно, но въ-особенности расцвѣла со временъ Арабовъ, найдя себѣ у нихъ сильную опору въ религіи. Ежегодные караваны молельщиковъ соединяютъ западъ съ востокомъ, отъ Магадора въ Марокко до Мекки въ Аравіи; обыкновенно богатые купцы ожидаютъ выступленія въ путь каравана богомольцевъ, чтобы вмѣстѣ съ ними отправлять драгоцѣннѣйшіе свои товары. Но и бѣдные пѣшкомъ идутъ вслѣдъ за медленнымъ шествіемъ верблюдовъ, съ своею скудною долею во всеобщемъ вкладѣ. Съ другой стороны, торговыя потребности безпрестанно привлекаютъ караваны изъ всѣхъ частей Африки, особенно къ берегамъ Средиземнаго моря. Вся жизнь Африканца какъ бы разсчитана по этому движенію каравановъ. Такъ, съ нимъ соображается кочевая жизнь племенъ Сахары. Зимою и весною они собираются около тѣхъ мѣстъ степи, гдѣ имѣется свѣжая вода и зелень, но, пробывъ на одномъ такомъ угодьѣ не долѣе 3 или 4 дней, снова разбираютъ свои ставки и переносятся въ другое мѣсто. Къ исходу весны они проходятъ чрезъ города, служащіе складкою торговли. Навьючивъ здѣсь своихъ верблюдовъ финиками и шерстяными тканями, они отправляются съ своими женами, стадами и палатками, въ видѣ цѣлаго кочующаго города, на сѣверъ, потому-что въ это время въ Сахарѣ бываетъ засуха, а въ Теллѣ созрѣваютъ хлѣба. Въ-продолженіе лѣта они вымѣниваютъ тамъ свои финики и шерстяныя матеріи на хлѣбъ, шерсть, овецъ и масло; а между-тѣмъ стада ихъ свободно блуждаютъ по полямъ. Подъ исходъ же лѣта они снова навьючиваютъ верблюдовъ, разбираютъ свои палатки и опять направляются къ югу, короткими дневными переходами и около средины октября, ко времени созрѣванія финиковъ, обратно поспѣваютъ въ Сахару. Цѣлый мѣсяцъ проходитъ въ уборкѣ этого плода; а въ слѣдующемъ мѣсяцѣ они мѣняютъ ячмень, пшеницу, сырую

шерсть на свѣжіе финики и изготовленныя ихъ женами шерстяныя ткани; потомъ снова переносятся въ привольныя для скота мѣстности, а съ наступленіемъ слѣдующаго лѣта возобновляютъ прежній круговоротъ торговли. (*)

Торговля отчасти можетъ служить также мѣриломъ образованія. Такъ, на югѣ Африки, гдѣ народъ еще дикъ, она находится на самой низшей степени: здѣсь всѣ сношенія ограничиваются временнымъ обмѣномъ товаровъ, и при такихъ случаяхъ для Каффра все продажно, лишь бы онъ могъ удовлетворить минутному своему вожделѣнію. Лихтенштейнъ въ свое путешествіе самъ видѣлъ, какъ Бичуаны за небольшой кусокъ крученаго табаку наперерывъ отдавали кольца, серьги, ожерелья, галагаи (родъ дротиковъ), всякую утварь и большіе куски слоновой кости. У собственно негрскихъ народовъ, въ средней Африкѣ, искони водится благоустроенная торговля, которая идетъ своими извѣстными путями, сосредочиваясь въ опредѣленныхъ мѣстахъ: Тимбукту, Джинна, Саккату, Кано, Кука и другіе города суть центры, куда устремляются караваны отъ крайнихъ прибрежій для промѣна европейскихъ и африканскихъ товаровъ на произведенія внутреннихъ странъ.

Торговля Африки состоитъ въ рукахъ нѣкоторыхъ опредѣленныхъ племенъ, которыя въ-слѣдствіе этого и суть самыя образованныя части тамошняго населенія. Таковымъ на сѣверѣ, кромѣ Евреевъ и Мавровъ, мы уже выше видѣли племя Тенелькумъ; на западѣ сношенія съ внутренностью страны главнѣйше производятся многочисленными племенами Негровъ, Мандинго и Фулаговъ, а сверхъ-того магометанскими купцами, извѣстными надъ именемъ Сараколетовъ, встрѣчаемыми во всѣхъ почти странахъ Негровъ и пользующимися славою опытныхъ и свѣдущихъ торговцевъ; на востокѣ же купечествуютъ Фурійцы (жители Дарфура) и Сомаули. Послѣдніе даже владѣютъ нѣсколькими судами, которыми производятъ активную торговлю между Абиссиніею, восточною Африкою и Аравіею. Арабское племя Гибберти (Ghibberti), поселившееся между Данкали, служитъ посредни-

(*) См. Le Sahara Algérien. Etudes Géographiques etc., par le Lieutenant-Colonel Daumas. Paris. 1845

комъ торговли между Абиссиніею и Азіею; а Мовица (Moviza) завладѣли всею торговлею внутренней Мономотапы. (*)

Но торговля въ странѣ, гдѣ она составляетъ почти единственный (главный) предметъ занятій народа, служитъ не менѣе того также мѣриломъ нравственнаго быта. Если мы сравнимъ торговлю Африки съ торговлею прочихъ частей свѣта, то встрѣтимъ одно разительное явленіе, способное болѣе всего бросить свѣтъ на характеръ Африканца. Самою главною и прибыточною отраслью торговли Африки въ новѣйшее время сдѣлался — Негръ. Всѣ усилія просвѣщенной филантропіи, вся политика правительствъ, уже съ нѣкотораго времени устремленная на то, чтобы подавить этотъ постыдный для человѣчества промыслъ, всѣ издержки и вся кровь, израсходованныя для его искорененія, до сихъ поръ оставались безуспѣшными, и розысканія комитета Нижняго Парламента въ Англіи, наряженнаго около половины 1848 года, привели къ тому горестному результату, что «никакія измѣненія въ насильственной системѣ къ подавленію торга Неграми не въ состояніи искоренить зла». Доселѣ принятыя строгія мѣры не измѣнили положенія дѣла, а развѣ еще увеличили бѣдствія: негрскіе властители, видя себя лишенными средствъ сбывать своихъ невольниковъ, стали убивать ихъ, а контрабандисты придумываютъ все новыя средства къ извлеченію себѣ пользы и при нынѣшнихъ невыгодныхъ для нихъ обстоятельствахъ (**). Доколѣ власти Африки склонны продавать, а португальскіе и другіе купцы — покупать невольниковъ, ничто не можетъ положить предѣлъ гнусному ремеслу.

Итакъ, послѣ того, кажется, остается одно только средство — улучшеніе внутренняго быта самой Африки. По мѣрѣ того, какъ возрастетъ вопросъ на разнообразныя и цѣн-

---

(*) Lichtenstein.... т. 2, стр. 503.

(**) Если они прежде строили для транспорта невольниковъ суда просторныя и удобныя къ принятію множества людей, то нынѣ, напротивъ того, строятъ суда остроносыя, способныя къ скорѣйшему ходу и на которыхъ Негры въ-слѣдствіе этого гораздо болѣе стѣснены, а посему и умираютъ въ бóльшемъ числѣ. Обыкновенно изъ четырехъ такихъ судовъ избѣгаетъ бдительности преслѣдователей три; но полагая даже, что ихъ ускользнетъ только два, то уже этого достаточно, чтобы вознаградить контрабандиста за претерпѣнныя потери.

ныя произведенія африканской природы, Негръ будетъ употреблять болѣе и болѣе старанія на ихъ размноженіе; намѣсто прежней лѣни и беззаботности водворится полезная дѣятельность; жизнь человѣческая пріобрѣтетъ новую цѣнность, прекратятся губительные набѣги и войны, и мѣсто взаимной ненависти займутъ взаимная пріязнь и уваженіе. Сѣверо-Американцы основали на берегу Африки колонію свободныхъ Негровъ, перевозя туда ежегодно извѣстное число черныхъ невольниковъ изъ своей страны. На этотъ конецъ правительство Союзныхъ Штатовъ учредило правильное сообщеніе пароходами съ Африкою и всячески поощряетъ переселеніе свободныхъ Негровъ изъ всѣхъ частей Союза. Съ другой стороны, основалось тамъ общество капиталистовъ, которое пріобрѣло себѣ на западномъ берегу Африки полосу земли между 4° 21′ и 7° сѣв. широты для пріюта освобожденнымъ Неграмъ-невольникамъ. Колонія эта, заведенная въ 1820 году, спустя 30 лѣтъ уже считала до 7000 перевезенныхъ туда изъ Америки вольныхъ Негровъ. (*) Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ планъ возвращенія Африкѣ сынов ея, уже пріученныхъ къ правильной работѣ, къ ремесламъ и земледѣлію, а вмѣстѣ получившихъ нѣкоторыя начала нравственнаго и религіознаго образованія, окажетъ самое дѣйствительное вліяніе на улучшеніе быта Африки, потому-что эта колонія сдѣлается ядромъ, откуда лучи просвѣщенія распространятся далеко во внутренность материка.

Отъ картографіи Африки естественно нельзя ожидать такаго обилія новыхъ явленій, какое мы видѣли въ Европѣ и Азіи; но и она не переставала быть предметомъ вниманія географовъ, и особенно въ Англіи и Франціи вышло нѣсколько замѣчательныхъ къ ней дополненій.

Болѣе всего новыхъ картъ Африки издано Англійскимъ Гидрографическимъ Депо. Здѣсь мы можемъ привести 4 и 5 листы общей карты береговъ африканскаго материка (**); изъ описей сѣверной части — карту берега отъ мыса Феррата до

(*) Это переселеніе, по-видимому, чрезвычайно возрастаетъ: въ 1853 году въ одномъ мѣсяцѣ (апрѣлѣ) было перевезено изъ Штатовъ до 800 Негровъ. Торговля юной колоніи развивается быстро; ежегодный отпускъ оттуда товаровъ уже доходитъ до $^1/_2$ милліона долларовъ.

(**) Chart of the Coast of Africa Sheets 4 and 5.

мыса Карбонъ ([1]), карту залива Мазари ([2]), карту Бензертскихъ озеръ ([3]) и другую Бензертской дороги ([4]); изъ картъ западнаго берега — карту отъ Гибралтарскаго пролива до рѣки Гамбіи ([5]) и 4 листа (15 до 19) берега отъ мыса Св. Павла до рѣки Нигера ([6]), также карты рѣкъ Габуна ([7]), карты Тангерскаго ([8]) и Симонова залива ([9]); карту устьевъ рѣки Бонги ([10]) и другую устьевъ рѣки Буффало ([11]), карту Биджугскихъ острововъ на 3 листахъ ([12]), карты Большаго Рыбьяго ([13]) и Малаго Рыбьяго залива ([14]) и карту теченій у береговъ Гвинеи ([15]); Изъ картъ восточнаго берега — карту берега отъ Мозамбика до залива Помба ([16]), карту залива Помбы ([17]), карту берега отъ мыса Дельгадо до Квилоа ([18]), карту берега отъ залива Мазангзани до острововъ Примейры ([19]), карту берега отъ мыса Чалы до залива Квигоо ([20]); карту гавани Оибо, съ очеркомъ портовъ Кокбурна, Джорджа и Чакчака. ([21])

Всего недостаточнѣе до сихъ поръ были карты южнаго берега Африки и даже самой Капской колоніи, отчего въ тамошнихъ моряхъ происходили столь частыя кораблекрушенія.

([1]) Chart of the Coast from Cape Ferrat to Cape Carbon.

([2]) Chart of Mazari-Bay.

([3]) Chart of the Benzert Lakes.

([4]) Chart of the Benzert Road.

([5]) Chart of the Coast from the Strait of Gibraltar to the River Gambia.

([6]) Chart of the idest Coast of Africa Steets 15 to 18 inclusive. Cape St Paul to the River Niger 4 Sheets. 1848.

([7]) Chart of the River Gaboon.

([8]) Chart of Tangier Bay 1849.

([9]) Chart of Simon's Bay.

([10]) Chart of the Mouths of the River Bonga.

([11]) Chart of the Mouths of the River Buffalo.

([12]) Chart of the Bijouga Islands. 3 Sheets.

([13]) Chart of the Great Fish Bay.

([14]) Chart of the Little Fish Bay.

([15]) Chart of Guinea Currents.

([16]) Chart of the Coart fsom Mazambique to Pomba Bay.

([17]) Chart of Pomba Bay.

([18]) Chart of the Coart fsom Cape Delgado to Quiloa.

([19]) Chart of the Coast from Massangzani Bay to Primeira Islands.

([20]) Chart of the Coast from Chala Point to Kwyhoo Bay.

([21]) Chart of Oibo Harbour with a Suetch of Cockburn, George and Chakchak Ports.

Нынѣ составлена на мѣстѣ прекрасная генеральная карта Капской колоніи г. Голлемъ, сокращеніе которой вскорѣ будетъ издано Арроусмитомъ; сверхъ-того Арроусмитъ приготовилъ къ изданію карту Южной Африки, начиная отъ экватора до 19° южной широты, составленную извѣстнымъ изслѣдователемъ африканской географіи Кулей (Cooley); онъ же (Арроусмитъ) въ 1849 году издалъ карту юго-восточной части Африки, заключающую въ себѣ страны къ востоку отъ линіи, проведенной отъ залива Альгоа до вновь открытаго озера Ньями,— карту, географическія положенія которой основаны на измѣреніяхъ, сдѣланныхъ въ путешествіе д-ра Андрью Смита. ([1])

Нѣсколько раньше вышла карта внутренней страны отъ залива Алькоа до рѣки Большаго Коя, составляющей восточную границу англійскихъ владѣній, вмѣстѣ съ прилежащею Страною Каффровъ. Особая карта британской части Страны Каффровъ, на основаніи военной съемки капитана Джервойса, издана въ 1849 году, на 3 листахъ, Джономъ Арроусмитомъ. ([2]) Наконецъ къ этому ряду картъ, изданныхъ въ Англіи, еще слѣдуетъ присоединить карту Нижняго Египта вмѣстѣ съ Синаемъ и Каменистою Аравіею, Петерманна ([3]), его же карту странъ по теченію Нила и части Аравіи ([4]); общую карту Африки Югса ([5]) и карту острова Мадагаскара, начертанную Арроусмитомъ на основаніи съемки, эскизовъ и изустныхъ свѣдѣній, сообщенныхъ полковникомъ Лойдомъ, на 1 листѣ большаго формата ([6]); а изъ картъ древней Африки—изданную

([1]) Map. of South-Eastern Portion of Africa, comprehending the Countries east of a line drawn from Algoa Bay to the newly discovered Lake Ngami, based upon the Geographical positions obtained during D-r Andrew Smith's Travel. By John Arrowsmith. London. 1849. 1 sheet.

([2]) Maps of British Caffraria from a Military Survey communicated by Capt. Jervois. R. E. By John Arrowsmith. London. 1849 3 sheets.

([3]) Map of Lower Egypt, Sinai and Aravia Petraea By A. Petermann. F. R G. S.

([4]) Map of the Countries of the Nile and Part of Aravia. By Aug. Petermann.

([5]) Map of Africa. by W. Hughes.

([6]) Map of Island of Madagascar from Survey, Sketches and oral informations, communicated by Colonel Lloyd Constructed by John Arrowsmith. London. 1 great sheet.

въ 1848 году карту древняго Египта во времена Антонина Пія, въ 140 году по Р. X. (1)

Во Франціи со стороны Военнаго Министерства изданы карта провинцій Константины и Орана въ масштабѣ 1:400,000 окрестностей Алжира и Бонье въ масштабѣ 1:200,000. Полковникъ Лапи (Lapie) исправилъ карту Алжиріи и изготовилъ карту всей области Телля въ масштабѣ 1:200,000, на основаніи исполненной французскими инженерами тріангуляціи. Дюфуръ издал ъкарту Алжиріи на 1 большомъ листѣ. 1846 г. (2) Буффаръ— атласъ Алжиріи изъ 11 картъ, съ 2 листами пояснительнаго текста (3), и онъ же — топографическую карту Алжиріи (4); полковникъ Бодуэнъ (Baudoin) — карту Марокксой Имперіи въ масштабѣ 1: 1,500,000 и карту Туниса въ масштабѣ 1: 200,000. — Изъ гидрографическихъ картъ вышли: карта западнаго берега Африки между Гибралтарскимъ проливомъ и мысомъ Гиръ (Ghir) и другая отъ этого мыса до мыса Боядоръ, 1849; карта Мостаганемскаго порта и устья рѣки Шелифа, 1849; планъ Алжирскаго порта, 1848; планы Оранскаго порта, Тенецской гавани и Шершельскаго порта, планъ Бужійскаго порта, планъ порта Бонье и порта де-ла-Калле; карта входа въ рѣку Нунесъ, на западномъ берегу Африки (5); карта острова и канала Св. Маріи близъ Мадагаскара, 1819 (6), карта островов Иль-де-Франса и Бурбона, 1850 (7), карта береговъ острова Бурбона и карты разныхъ отдѣльныхъ частей этого острова, 1850. Флота лейтенанты Боайе и Дюбюркуа составили, на основаніи рекогносцировокъ, произведенныхъ ими въ 1844 и 1819 годахъ, эскизъ рѣкъ Ассеніи, Большаго Бассама и Таноэ, или Тендо, и ихъ притоковъ. (8)

---

(1) Map of Ancient Egypt under Antoninus Pius A. D. 140. By Samuel Sharpe. 1848.

(2) Algérie par Dufour. Paris. 1816.

(3) Atlas de l'Algérie dressé par Bouffard sur les documents et les plus recents renseignements empruntés aux cartes publiées par le dépôt de la guerre. Avec une carte de la grande Kabylie par Daumas et Fabar. Paris. 1817.

(4) Carte topographique de l'Algérie dressée par Bouffard. Paris. 1847.

(5) Carte de l'entrée du Reò Nunez (côte occidentale de l'Afrique).

(6) Carte de l'isle et du canal de S-te Marie 1849.

(7) Cartes des Iles de France et de la Réunion 1850.

(8) Croquis des rivières Assenie, Grand Bassam et Tanoé ou Tendo et

Изъ картъ, изданныхъ во Франціи разными частными лицами, замѣтимъ: составленную г. Раффенелемъ карту части западнаго берега Африки ([1]), начертанную г. Бертранъ-Боканде карту Португальской Гвинеи, 1849 ([2]); изготовленную гг. Праксомъ и Рену въ масштабѣ 1 : 2,000,000 карту регенства Триполійскаго и главнѣйшихъ торговыхъ путей внутренней Африки, 1850 ([3]); карту Дарфура, изданную д-ромъ Перрономъ, по указаніямъ Могаммеда эль-Тунзи. ([4]) Здѣсь же замѣтимъ мореходныя описанія и свѣдѣнія относительно разныхъ береговъ Африки, изданныя гг. Буэ-Вильоме, Кергалле и другими. ([5])

Изъ картъ Африки, вышедшихъ въ Германіи, особеннаго замѣчанія заслуживаютъ: изданная въ 1848 году Кипертомъ,

---

de leurs affluents, d'après les reconnaissances faites en 1844 et 1849 par MM. Boyer et Duburquois, lieutenants de vaisseau sous les ordres du Cte Bouet-Willaumez, commandant la division navale des côtes d'Afrique, въ Bulletin de la Soc. Géogr. tome XIII. 1850.

([1]) Carte d'une partie de l'Afrique occidentale, dressée d'après les autorités les plus nouvelles et ses propres observations par Raffenel. 1 feuille.

([2]) Carte de la Guinée portugaise, rédigée par M. Bertrand Bocande. 1849, въ Bull. de la Soc. Géogr. tome XI. 1849.

([3]) Carte de la Régence de Tripoli et des principales routes commerciales de l'intérieur de l'Afrique, dressée par MM. Prax et Renou. Paris 1850, въ Bull. de la Soc. Géogr. tome XIV. 1850.

([4]) Essai de Carte du Dâr-al-For ou Dâr-Four; par M-r Perron D. M. P Kaire 1841. D'après les indications de Scheikh Mohammed el Tounsy.

([5]) Description nautique des côtes de l'Algérie, par Bérard. 1850. Description nautique des côtes de l'Afrique occidentale, comprises entre le Sénégal et l'Equateur, par M. E. Bouet-Willaumez. 2 édit. 1849 (8). Description nautique de la côte occidentale de l'Afrique depuis le Cap Roxo jusqu'aux îles de Los (Los Idolos?), comprenant l'archipel des Bisagos, par M. Ch. Philippe de Kerhallet. 1849. Description nautique de la côte occidentale d'Afrique comprise entre le Cap Lopez et le Cap de Bonne Espérance 1850. Renseignements sur la partie de la Côte occidentalé de l'Afrique, comprise entre le Cap Negro et le Cap Lopez. Description de l'archipel des Açores, par M. Ch. Phil. de Kerhallet Paris 1851. Ledoyen. 8$^3/_4$ л. б. 8 и въ-особенности Manuel de la navigation à la côte occidentale d'Afrique. Par M. Ch. Phil. de Kerhallet. Capit. de frégate. 3 тома, съ 120 планами и 350 видами береговъ. Renseignements nautiques sur Nossi-bé, Nossi-Mitscou, Bavatoube etc. (на с.-з. берегу о. Мадагаскара) et sur l'île Mayotte par Jehenne, capitaine de corvette, commandant la gabarre la Prévoyante. Paris 1850 (8) 68 стр. (извлечено изъ Annales Maritimes et Coloniales, Mars 1848.

на основаніи новѣйшихъ и достовѣрнѣйшихъ свѣдѣній, карта странъ, орошаемыхъ Ниломъ (она кромѣ Египта объемлетъ также Нубію и Абиссинію), карта сѣверной Африки, а именно владѣній Феца и Марокко, Алжиріи, Туниса и Триполи, степи Сахары и Канарскихъ и Азорскихъ острововъ, составленная Вейландомъ и исправленная Кипертомъ, 1850 ([1]), и Вейланда карта западной части Средней Африки, также исправленная Кипертомъ, 1846 ([2]), общія карты Африки Киперта, 1850, на 1 листѣ ([3]), и Гека, 1850, также на 1 листѣ. ([4])

Обзоръ путешествій по Африкѣ въ послѣднее пятилѣтіе мы начнемъ съ Египта, какъ продолженія востока. Любознательные умы образованнѣйшихъ государствъ, въ бóльшемъ числѣ чѣмъ когда-либо, стекаются на этомъ неистощимомъ и всегда привлекательномъ поприщѣ розысканія.

Прежде всего упомянемъ объ изслѣдованіяхъ, сдѣланныхъ въ этой странѣ нашими единоземцами. О горнопромышленной экспедиціи полковника Е. П. Ковалевскаго въ Фагогло было уже сказано въ предъидущемъ обзорѣ. Нынѣ слѣдуетъ донести о двухъ почти въ одно и то же самое время совершенныхъ путешествіяхъ, изъ которыхъ одно имѣло предметомъ науки естественныя, а другое — болѣе спеціальное розысканіе.

Въ исходѣ 1847 года, Географическое Общество, пользуясь экспедиціею г. полковника Ковалевскаго, положило отправить вмѣстѣ съ нею, при содѣйствіи Академіи Наукъ и Ботаническаго Сада, молодаго натуралиста для изслѣдованія Египта, а въ особенности долины Нила, въ этнографическомъ и естественно-историческомъ отношеніяхъ и собранія коллекціи естественныхъ предметовъ. Выборъ палъ на недавно окончившаго курсъ въ здѣшнемъ Университетѣ г. магистра Ценковскаго.

Прибывъ, въ половинѣ декабря, къ берегамъ Египта, путешественникъ, по кратковременномъ пребываніи въ Алексан-

---

([1]) Karte des nordwestlichen Africa, enthaltend die Staaten von Fez und Marocco, Algier, Tunis und Tripolis, die Sahara, Kanaren und Azorischen Inseln* von L. S. Weiland berichtigt von H. Kiepert. Weimar 1850.

([2]) Westliches Mittel-Africa, Senegambien, Sudan, Ober-Guinea und einen Theil der Sahara umfassend, gezeichnet von L. X. Weiland, berichtigt von G. Kiepert. Weimar 1846

([3]) General-Karte von Africa, gez. von Kiepert. Weimar 1850. 1 Blatt.

([4]) Karte von Africa, gez. von G. Heck. Leipzig. 1850. 1 Blatt.

дріи и Каирѣ, 20 января 1848 года предпринялъ вмѣстѣ съ полковникомъ Ковалевскимъ плаваніе по Нилу въ Верхній Египетъ, а потомъ, отдѣлясь отъ него, поселился въ главномъ мѣстѣ области Фагогла, деревнѣ Россеросъ, или Россересъ. Отсюда онъ дѣлалъ экскурсіи въ окрестныя горы и къ устьямъ Тумата, для собиранія тамошней флоры и фауны. Желаніе его отправиться съ караваномъ вверхъ по Бѣлому Нилу не могло быть исполнено, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ; но въ-замѣнъ того ему удалось посѣтить сѣверо-восточный Суданъ и южный Кордофанъ. По окончаніи своихъ изслѣдованій, г. Ценковскій, чрезъ Александрію и Тріестъ, возвратился въ Россію.

Географическое Общество получило отъ него два донесенія: общій очеркъ Нубіи и отчасти Египта (*) и обзоръ сѣверо-восточнаго Судана, — оба, исполненныя любопытныхъ и меткихъ замѣчаній о произведеніяхъ царства растительнаго и животнаго, о разныхъ племенахъ жителей тамошняго края, ихъ образѣ жизни, нравахъ, обычаяхъ.

Другое русское путешествіе въ Египетъ имѣло цѣлью ближайшее изслѣдованіе на самомъ мѣстѣ чумы и причинъ, ее зарождающихъ на Востокѣ. На этотъ конецъ наряжена была, по Высочайшему повелѣнію, отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ экспедиція, главное участіе въ которой принялъ д-ръ А. А. Рафаловичъ. Отправясь весною 1846 года изъ Одессы въ Стамбулъ, онъ провелъ тамъ 4½ мѣсяца, а потомъ, черезъ Смирну, перешелъ въ Египетъ. Послѣ краткаго пребыванія въ Александріи, путешественникъ остановился на нѣкоторое время въ Каирѣ, для изученія арабскаго языка, необходимаго для непосредственныхъ сношеній съ туземцами, а потомъ, въ-продолженіе зимы 1846 и части 1847 года, занимался изслѣдованіями въ Нижнемъ Египтѣ. Посѣтивъ вслѣдъ затѣмъ Палестину и Сирію, онъ чрезъ Бейрутъ воротился въ Александрію и по Нилу отправился въ Верхній Египетъ и Нижнюю Нубію. Вторые пороги Нила были предѣломъ его путешествія на югъ. Оттуда онъ возвратился въ Каиръ и, проведя здѣсь конецъ 1847 и первые два мѣсяца слѣдующаго

(*) Онъ напечатанъ въ Географическихъ Извѣстіяхъ 1850 г. Выпускъ второй, стр. 20 — 22.

года, принялся за ближайшее изученіе внутренности Дельты, а около средины марта прибылъ въ Александрію для участія въ консультаціи по случаю умственнаго разстройства престарѣлаго Паши египетскаго Мехмеда-Али. Посѣтивъ потомъ еще лѣтомъ того же года Тунисъ и Алжирію и коснувшись Италіи и Испаніи, д-ръ Рафаловичъ черезъ Францію и Сѣверную Германію вернулся въ С.-Петербургъ къ концу 1848 года.

Кромѣ главной своей цѣли — основательнаго изученія чумы, путешественникъ не упускалъ изъ виду также изслѣдованій географическихъ, особенно по части климатологіи, статистики и этнографіи, и очень много поучительныхъ и любопытныхъ свѣдѣній по этимъ отраслямъ науки разсѣяны въ донесеніяхъ и отдѣльныхъ статьяхъ, доставленныхъ имъ изъ путешествія и напечатанныхъ въ Запискахъ Географическаго Общества (*), въ Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, въ Отечественныхъ Запискахъ (**) и въ разныхъ иностранныхъ журналахъ (***). Главною же его заботою по возвращеніи въ отечество было изданіе въ свѣтъ путевыхъ его записокъ. Онѣ были разсчитаны на четыре тома; но ему суждено было кончить только 1-й томъ, подъ заглавіемъ:

Путешествіе по Нижнему Египту и внутреннимъ областямъ Дельты, А. Рафаловича, съ картою и планами. С.-Петербургъ. 1850. XII и 433 стр. (8).

Сочиненіе это по-справедливости оцѣнено какъ одно изъ важнѣйшихъ для познанія современнаго состоянія Египта. Воспослѣдовавшая 2 мая 1851 года преждевременная смерть автора лишила ученый свѣтъ продолженія этого труда, въ которомъ онъ предполагалъ передать свои замѣтки о Константинополѣ, Смирнѣ, Сиріи, Палестинѣ, Верхнемъ Египтѣ, Нубіи, Тунисѣ и Алжиріи.

Высокій этнографическій и отчасти историческій интересъ представляетъ новая книга уже извѣстнаго своимъ участіемъ въ экспедиціи къ отысканію истоковъ Бѣлаго Нила Фердинанда Верне, подъ заглавіемъ:

(*) Этнографическія замѣтки о Нубійцахъ, въ IV книжкѣ, 55 стр.

(**) Этнографическія замѣтки о Константинополѣ.

(***) Между-прочимъ въ Courrier de Marseille — статья о Нижнемъ Египтѣ въ медицинскомъ и административномъ отношеніяхъ.

Feldzug von Sennaar nach Taka, Basa und Beni-Amer, mit besonderem Hinblick auf die Völker von Bellad-Sudan, von Ferdinand Werne, Verf. und Gefährter der «Expedition zur Entdeckung der Quellen des weissen Nil.» Stuttgart. 1851. Hofbuchdruckerei. VI и 272 стр. б. 8, съ 3 литографир. рисунками и 1 картою.

Авторъ ея, вмѣстѣ съ своимъ братомъ Іосифомъ Верне, врачемъ, состоя въ службѣ генералъ-губернатора Белладъ-Судана, командира египетскаго войска, Ахмеда-Паши, принималъ участіе въ походѣ Египтянъ въ страны къ западу отъ Хартума, отторгнутыя Мегметомъ-Али въ 1820 году отъ Дарфура, и излагаетъ здѣсь свои замѣчанія о мѣстностяхъ и населеніяхъ, мало или почти вовсе неизвѣстныхъ Европейцамъ, между 18° и 14° сѣв. шир. и 38° и 31° вос. долготы. Особенно замѣчательны свѣдѣнія о богатомъ и сильномъ арабскомъ племени Бени-Амеръ, или Бени-Гамръ, о Вехабитахъ (Wahabis), которымъ извѣстно употребленіе огнестрѣльнаго оружія, и о разныхъ народахъ къ западу отъ области Белладъ-Судана. Приданная къ книгѣ карта изображаетъ горную цѣпь Касселахъ эль-Лусъ.

Давно и съ нетерпѣніемъ ожидаемое описаніе путешествія прусскаго археолога г. Лепсіуса, совершеннаго, какъ извѣстно, по повелѣнію нынѣшняго короля прусскаго, Фридриха-Вильгельма IV, съ 1842 по 1845 годъ (*), наконецъ вышло изъ печати, подъ заглавіемъ:

Briefe aus Aegypten, Aethyopien und der Halbinsel Sinai von Dr. Richard Lepsius. Berlin. 1852. Verlag von Wilhelm Hertz. XII и 356 стр. въ большую осьмушку. Съ картою Египта и Нубіи.

Какъ само путешествіе было предпринято главнѣйше съ *историческою* цѣлью, такъ и въ этихъ письмахъ преобладаетъ интересъ *историческій*. Путешественникъ смотритъ на всѣ памятники страны Фараоновъ съ свѣточемъ исторіи въ рукѣ

(*) Короткій предварительный отчетъ объ этой экспедиціи изданъ былъ подъ заглавіемъ:

Vorläufige Nachricht über die Expedition nach Aegypten und Aethyopien ihre Ergebnisse und deren Publication. Von Dr. Lepsius. Berlin. Nicolai. 1849. 36 стр. (4)

и съ помощію его старается разъяснить какъ происхожденіе ихъ, по большей части сокрытое во мракѣ временъ, такъ и дальнѣйшій ходъ ихъ развитія. Система эта, при такихъ глубокихъ познаніяхъ, какими обладаетъ авторъ, послужила вѣрнѣйшимъ путемъ къ опредѣленію значенія каждаго отдѣльнаго памятника въ исторіи.

Чтобы дать здѣсь нѣкоторое понятіе о методѣ, которой слѣдовалъ г. Лепсіусъ въ своихъ розыскапіяхъ, мы сообщимъ отрывокъ одного изъ этихъ писемъ, а именно того, въ которомъ идетъ рѣчь о его изслѣдованіяхъ въ древней столицѣ Фараоновъ — Ѳивахъ.

Ѳивы, 28 февраля 1845.

Уже болѣе четверти года мы обитаемъ нашъ ѳивскій акрополисъ на холмѣ Квурнскомъ (Qurna), ревностно, каждый посвоему, занимаясь съ утра до вечера изслѣдованіемъ и описаніемъ важнѣйшихъ памятниковъ, копированіемъ надписей и сниманіемъ плановъ, и до сихъ поръ не были въ-состояніи окончить хотя одну, ливійскую сторону, гдѣ намъ, правда, предлежатъ къ изслѣдованію 12 капищъ, 25 гробницъ царей, 15 гробницъ царскихъ женъ или дочерей и несмѣтное число частныхъ гробницъ. Восточная сторона, съ своими 36, отчасти еще уцѣлѣвшими зданіями, потребуетъ не меньше времени. А за-всѣмъ-тѣмъ въ Ѳивахъ болѣе сдѣлано, чѣмъ гдѣ-либо прежними путешественниками и экспедиціями, а именно французско-тосканскою, которыхъ работы мы повсюду только сличали и дополняли, а не передѣлывали вновь. Но и тутъ мы отнюдь не воображаемъ, чтобы хотя нѣкоторымъ-образомъ истощили несмѣтное богатство памятниковъ. Кто придетъ сюда послѣ насъ съ новыми познаніями и съ результатами далѣе развитой науки, тотъ найдетъ и новыя сокровища и извлечетъ изъ тѣхъ же самыхъ памятниковъ новое поученіе....

Обозрѣніе ѳивскихъ памятниковъ всего естественнѣе начать съ развалинъ Карнакскихъ. Здѣсь находилось великое государственное капище, посвященное Аммону-Ра, и именно мѣстному богу, прозваннаго по его имени, Аммонова града (Но-Аммонъ, Діосполисъ). Апъ, а съ членомъ женскаго рода Тапъ, было отдѣльнымъ капищемъ Аммона, и изъ него Греки составили имя города Θῆβαι, Thebe. Съ этимъ храмомъ свя-

зана вся исторія египетскаго царства, съ самаго возвышенія Аммонова города въ одну изъ двухъ столицъ государства. Всѣ династіи наперерывъ соперничествовали между собою въ славѣ содѣйствовать къ расширенію, украшенію или возстановленію этого національнаго капища.

Храмъ этотъ былъ основанъ при первой ѳивской династіи египетскаго царства, 12-ой у Манетоса, первымъ ея царемъ, могучимъ Сезуртезеномъ I, въ седьмомъ столѣтіи третьяго тысячелѣтія до Р. Х., и еще понынѣ являетъ въ своей срединѣ нѣсколько развалинъ того времени вмѣстѣ съ именемъ этого царя. При непосредственно затѣмъ слѣдовавшихъ династіяхъ, которыя нѣсколько вѣковъ стонали подъ ярмомъ побѣдоноснаго наслѣдственнаго врага, и это капище, безъ-сомнѣнія, осиротѣло, и ничего не сохранилось изъ этого времени. Но когда первый царь 17-ой династіи, Амозисъ, въ 17 вѣкѣ до Р. Х., успѣлъ свергнуть съ себя иго гиксосовъ (царей-пастырей), то уже два его преемника Аменофисъ I и Тутмозисъ I, около остатковъ древнѣйшаго капища, соорудили величавый храмъ изъ многихъ палатъ и съ пространнымъ дворомъ, вмѣстѣ съ принадлежащими къ нимъ пилонами, передъ которыми Тутмозисъ I воздвигъ два обелиска. Два другіе пилона были построены при томъ же самомъ царѣ, подъ прямымъ угломъ съ луксорскимъ храмомъ. Тутмозисъ III и его сестра увеличили этотъ храмъ сзади чертогомъ, покоящимся на 56 колоннахъ, со многими другими палатами. Слѣдующіе цари отчасти довершили храмъ спереди, а отчасти построили новые отдѣльные храмы вблизи и соорудили еще два другіе большіе пилона къ юго-западу отъ Тутмозисовыхъ, такъ-что нынѣ съ этой стороны 4 высокіе пилона образуютъ величественный входъ къ главному капищу.

Еще болѣе храмъ былъ расширенъ въ XV и XVI столѣтіяхъ до Р. Х., великими фараонами 19-ой династіи. Сетосъ I, отецъ Рамзеса-Міамуна, къ первоначальной оси храма пристроилъ самую величавую залу съ колоннами, какую едва ли когда видали Египетъ или какая-либо другая страна. Каменная крыша, прикрывающая собою пространство въ 164 фута глубины и 320 футовъ ширины, поддерживается 134 колоннами. Каждая изъ 12 среднихъ колоннъ 36 футовъ въ окружности и до архитрава въ 66 футовъ вышиною; прочія колонны—въ 40 футовъ

вышины и 27 футовъ окружностью. Невозможно описать глубокое впечатлѣніе, которое испытываетъ всякій при входѣ въ этотъ лѣсъ столповъ и при переходѣ изъ одного ихъ ряда въ другой, посреди величавыхъ то въ-цѣлости, то въ-половину выдающихся ликовъ боговъ и царей, изображенныхъ на колоннахъ. Всѣ площадки покрыты пестрыми, отчасти рельефными, отчасти углубленными, скульптурами, которыя, однако, были уже довершены преемниками построителя, а именно по бо́льшей части его сыномъ Рамзесомъ-Міамуномъ. Передъ этимъ гипостилемъ въ-послѣдствіи еще былъ заложенъ большой дворъ, по бокамъ украшенный колоннадами, съ красивымъ пилономъ.

Этимъ довершенъ былъ главный храмъ. Длина его составляла 1170 футовъ, не считая рядовъ сфинксовъ передъ крайнимъ его пилономъ и особаго зданія, которое Рамзесъ-Міамунъ пристроилъ къ задней стѣнѣ храма. Вмѣстѣ съ этими расширеніями, вся длина составитъ безъ малаго 2,000 футовъ. Позднѣйшія династіи, желая и съ своей стороны содѣйствовать къ возвеличенію этого средоточія ѳивскаго богослуженія, начали воздвигать отдѣльные ме́ньшіе храмы на большой площади, окруженной круглою стѣною.

Глава 20-ой династіи, Рамзесъ III, походы котораго въ Азіи въ XV вѣкѣ до Р. Х. едва уступали походамъ его знаменитыхъ предшественниковъ Сетоса I и Рамзеса II, построилъ особый храмъ съ окруженнымъ колоннадою дворомъ и гипостилемъ свыше 200 футовъ длиною, а въ нѣкоторомъ разстояніи — еще бо́льшее капище для сына Аммонова Хензу. Послѣднее было довершено послѣдовавшими царями его династіи и царственными жрецами 21-ой династіи, которые присовокупили къ нему дворъ съ колоннадою и пилонъ. Изъ 22-ой династіи извѣстенъ Шешенкъ I, воинственный царь, завоевавшій около 970 года до Р. Х. Іерусалимъ. Его азійскіе походы изображены на южной наружной стѣнѣ большаго храма, гдѣ онъ ведетъ къ Аммону 140 покоренныхъ имъ городовъ и областей въ-видѣ плѣнниковъ.

При двухъ сказанныхъ династіяхъ жрецовъ, послѣдовавшихъ непосредственно за Рамессидами и происходившихъ не изъ Ѳивъ, а изъ Нижняго Египта, пало могущество царства, и послѣ кратковременной 23-ей династіи наступилъ, по-ви-

димому, переворотъ. Изъ 24-ой династіи доселѣ извѣстенъ только одинъ царь, при которомъ воспослѣдовало вторженіе Эѳіопцевъ, образующихъ собою 25-ую династію. Шабакъ и Тарака царствовали въ началѣ VII вѣка: они, хотя и пришли изъ Эѳіопіи, но царствовали по египетскому обычаю и не замедлили оказать свое поклоненіе египетскому царю боговъ. Имена ихъ попадаются на нѣсколькихъ мѣньшихъ храмахъ Карнака. Послѣдній изъ двухъ сказанныхъ царей добровольно возвратился въ Эѳіопію и предоставилъ египетское царство туземнымъ его властелинамъ.

Тогда на престолѣ снова воцарилась вытѣсненная Саитская династія и въ VII и въ VI вѣкахъ еще разъ развила прежній весь блескъ. Она впервые открыла Египетъ мирнымъ сношеніямъ съ южными странами; Греки стали селиться въ Египтѣ, процвѣла торговля и накопила новыя несмѣтныя богатства, какія прежде добывались только войною Но это процвѣтаніе было только искусственное: сила народа уже давно была истощена, и искусство обнаружилось болѣе въ роскоши, чѣмъ во внутреннемъ достоинствѣ. Скоро и этотъ послѣдній цвѣтущій періодъ миновалъ. Страна не могла противиться натиску Персовъ: въ 525 г. она была покорена Камбизомъ, который неистовствовалъ въ ней съ варварскимъ фанатизмомъ. Многіе памятники были разрушены, и ничто не построено вновь; по-крайней-мѣрѣ ничто не сохранилось, даже изъ долговременнаго, болѣе кроткаго царствованія Дарія, котораго одинъ храмъ или по-крайней-мѣрѣ изваянія съ его именемъ встрѣчаются только въ оазисѣ Каргехскомъ. При Даріѣ II, ровно сто лѣтъ послѣ начала Персидской династіи, Египетъ еще разъ сдѣлался независимымъ, и мы сейчасъ снова находимъ также имена туземныхъ царей въ храмахъ карнакскихъ; послѣ быстрой смѣны трехъ династій въ теченіе 64 лѣтъ, Египетъ вторично подпалъ подъ владычество Персовъ, которые вскорѣ затѣмъ, въ 992 году, уступили его Александру Македонскому. Съ тѣхъ поръ страна должна была привыкать къ чужому господству. Утративъ навсегда народную свою независимость, она переходила изъ однѣхъ рукъ въ другія, и послѣдовавшія всегда были хуже прежнихъ до нынѣшняго дня.

ще подъ властью Македонянъ и Грековъ Египетъ имѣлъ довольно жизненной силы, чтобы сохранить свою вѣру и свои

учрежденія древнимъ обычнымъ образомъ. Иностранные властелины во всемъ шли по слѣдамъ древнихъ Фараоновъ. И Карнакъ въ томъ свидѣтель. Мы находимъ здѣсь имена Александра и Филиппа Аридея, которые предшествовали Птоломеямъ въ возстановленіи того, что было разрушено Персами. Александръ возобновилъ заднее, Филиппъ — переднее отдѣленіе большаго храма. Птоломеи присовокупили изваянія, возстановили другія части и даже заново воздвигли нѣсколько пристроекъ, — съ значительными издержками, но, конечно, уже не въ величавомъ египетско-классическомъ стилѣ древности. Даже послѣдняя эпоха отживающаго египетства, время римскаго господства, еще имѣетъ въ Карнакѣ своихъ представителей въ цѣломъ рядѣ изображеній, исполненныхъ при Кесарѣ Августѣ.

Такимъ-образомъ это достопамятное мѣсто, которое изъ маленькаго храма въ-теченіе двухъ съ половиною тысячелѣтій разрослось до цѣлаго города храмовъ на пространствѣ одной четверти географической мили въ длину и болѣе 2,000 футовъ въ ширину, вмѣстѣ представляетъ почти непрерывный рядъ и занимательное мѣрило исторіи всего ново-египетскаго царства, начиная отъ его возникновенія изъ стараго царства до упадка его подъ римскимъ владычествомъ. Почти въ той же самой мѣрѣ, какъ династіи и отдѣльные цари представлены въ храмѣ Карнака или въ его окрестности, они и выдаются впередъ или теряются изъ виду въ исторіи Египта.

Чувство невольной грусти овладѣло путешественникомъ, когда онъ, по осмотрѣ величавыхъ еще въ своихъ развалинахъ зданій древнихъ Ѳивъ, посѣтилъ небольшую коптскую церковь, одиноко стоящую посреди обширной равнины къ югу отъ Мединетъ-Габу, и засталъ здѣсь престарѣлаго коптскаго священника, управляющаго церковью, и многочисленное его семейство, едва умѣвшаго читать по-коптски. «Это-то, восклицаетъ онъ, эпигоны, истые, неподмѣшанные потомки того древняго народа Фараоновъ, который нѣкогда покорилъ себѣ Азію и Эѳіопію и приводилъ своихъ плѣнниковъ съ сѣвера и юга въ большой чертогъ Карнакскій, къ стопамъ Аммона.

O Aegypte, Aegypte! religionum tuarum solae supererunt fabulæ, æque incredibiles posteris, solaque supererunt verba lapi-

dibus incisa tua pia facta narrantibus, et inhabitabit Aegyptum Scythus aut Indusaut aliquis talis, id est vicina barbaria. (*)

«Мы теперь знаемъ, — присовокупляетъ г. Лепсіусъ, — кто этотъ *иной кто-либо*, котораго еще не могъ назвать Гермесъ Трисмегистосъ: это — Турокъ, нынѣ опустошительно властвующій на поляхъ Озириса.»

А между-тѣмъ природа Египта осталась все такою же, какъ была за тысячелѣтія!

Несравненно прекрасенъ и привлекателенъ—говоритъ Лепсіусъ, въ концѣ того же самаго письма — видъ (съ холма эль-Курнскаго) въ Ѳивскую равнину. Взоръ отсюда, а еще полнѣе — съ вершины башни, господствуетъ надъ всѣмъ, что́ еще осталось отъ древнихъ Ѳивъ. Передъ нами великолѣпныя развалины Мемноній отъ Курны налѣво до высокихъ пилоновъ, которые направо превышаютъ черный курганъ Мединетъ-Габускій; далѣе — зеленая, окруженная широкимъ Ниломъ поляна, изъ среды которой вправо возвышаются одинокіе колоссы Аменофиса, а по ту сторону рѣки—группы храмовъ карнакскихъ и луксорскихъ, позади которыхъ равнина еще стелется на нѣсколько часовъ до рѣзко-очертанныхъ волнистыхъ линій аравійскихъ горъ, надъ которыми мы каждое утро видимъ сверкающими первые лучи солнца и дивное изобиліе красокъ разливающихся по долинѣ и по каменистой пустынѣ вокругъ насъ. Я ни съ чѣмъ другимъ не могу сравнить этого поразительнаго зрѣлища; но оно напоминаетъ мнѣ ту картину, которою я два года сряду наслаждался изъ своего окна со скалы Тарпейской, и которая обнимала собою весь древній Римъ, начиная отъ Авентина и Тибра у его подошвы до самаго Квиринала и, по ту сторону холма, волнообразную Кампанью, съ прекраснымъ, разительно похожимъ на здѣшній, профилемъ Албанскихъ горъ въ отдаленьи.

Въ послѣднихъ своихъ письмахъ ученый археологъ опи-

(*) «О Египетъ, Египетъ! отъ всѣхъ твоихъ вѣрованій останутся только басни, равно невѣроятныя потомкамъ, и уцѣлѣютъ только слова, вырѣзанныя на камняхъ, повѣствующихъ о твоихъ подвигахъ, и будетъ обитать Египетъ Скиѳъ, или Индѣецъ, или иной кто-либо изъ сосѣднихъ варваровъ». Apuleji Asclepius, sive dialogus Hermetis Trismegisti. c. 24.

сываетъ свою поѣздку на Синайскій полуостровъ и въ Палестину.

Сверхъ-того г. Лепсіусъ, для лучшаго удовлетворенія любителей древности, предпринялъ великолѣпное изданіе снятыхъ художниками экспедиціи и превосходно исполненныхъ изображеній древнихъ памятниковъ Египта и Нубіи до самаго Мероэ, съ ихъ описаніемъ, подъ заглавіемъ:

Denkmäler aus Aegypten und Aethyopien, nach den Zeichnungen der von S. M. dem Könige von Preussen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern Gesandten und 1842 — 45 ausgeführten wissenschaftlichen Expedition auf Befahl S. M. des Königs herausgegebenu und erläutert von D. Lepsius. Berlin. 1849. In fol.

Это драгоцѣнное сочиненіе, по объявленію самого автора, будетъ заключать въ себѣ свыше 800 чертежей самаго большаго формата и вполнѣ представитъ добытые въ это путешествіе результаты, относящіеся къ ваянію, зодчеству и топографіи, вмѣстѣ съ пояснительнымъ текстомъ.

Древности Египта и Нубіи были также предметомъ ближайшаго разсмотрѣнія извѣстнаго французскаго ученаго г. Ж. Ампера, посѣтившаго эти страны почти въ одно время съ Лепсіусомъ.

Занимательныя и краснорѣчивыя письма объ этомъ путешествіи были помѣщены въ разныхъ французскихъ и другихъ журналахъ. И здѣсь особенно приклекательно и подробно донесеніе его объ уцѣлѣвшихъ развалинахъ Ѳивъ и ихъ окрестностей, — развалинахъ, которыя и до сихъ поръ своею величавостью превосходятъ все, что только осталось отъ древности не въ одномъ только Египтѣ, но, можетъ-быть, и въ цѣломъ свѣтѣ. А какъ наша цѣль здѣсь доставить читателю, кромѣ общаго обзора путешествій, также хотя бѣглый взглядъ на видъ самой страны, то мы дозволяемъ себѣ извлечь изъ донесенія г. Ампера сжатый очеркъ одной изъ замѣчательнѣйшихъ развалинъ сказанной мѣстности.

Замѣтивъ, что Ѳивы, подобно Парижу, построены на обѣихъ сторонахъ рѣки, г. Амперъ бросаетъ на развалины города общій взглядъ, начиная свое исчисленіе съ праваго, т.-е. восточнаго, берега Нила. Здѣсь впервые встрѣчается Карнакъ, заключающій въ себѣ самыя грандіозныя сооруже-

нія древняго Египта; отсюда уставленная сфинксами дорога ведетъ къ Луксорскому дворцу. На лѣвомъ берегу, почти насупротивъ Карнака, лежитъ дворецъ Гурнахскій (Gurnah); далѣе вверхъ, но нѣсколько поодаль отъ берега — гробница, которую иные считали за знаменитый мавзолей Озимандія, но Шамполіонъ призналъ ее твореніемъ Рамзеса Великаго и назвалъ Раммеумъ. Еще нѣсколько далѣе вверхъ видны колоссы Мемнона, а наконецъ, въ нѣкоторомъ отдаленіи — Мединетъ-Габу, гдѣ, какъ и въ Карнакѣ, соединено множество зданій разнаго рода и времени. Эти-то пункты надобно удерживать въ-виду, чтобы не заблудиться въ обширной равнинѣ, въ которой раскинуты были Ѳивы. Памятники, менѣе важные, легко группируются около этихъ пяти замѣчательнѣйшихъ. Четыре изъ нихъ носятъ названіе деревень, которыя возникли вблизи нихъ. Со временъ Страбона Ѳивы были раздѣлены на нѣсколько деревень, а Ювеналъ уже засталъ городъ въ развалинахъ.

Ѳивы на лѣвомъ берегу опоясаны цѣпью холмовъ, наполненныхъ безчисленнымъ множествомъ надгробныхъ гротовъ. За этою грядою холмовъ лежитъ параллельная Нилу долина, заключающая въ себѣ гробницы царей — огромныя высѣченныя въ скалѣ подземелья. Собственно же городъ Аммона, или Юпитера, Діосполисъ Грековъ, занималъ правый, восточный берегъ; лѣвый берегъ примыкалъ къ некрополису, городу усопшихъ, который, какъ и всегда, лежалъ къ западу, потому-что страна захожденія солнца была страною мертвыхъ.

Послѣ этого, весьма яснаго, общаго обзора топографіи Ѳивъ, авторъ обращается къ описанію отдѣльныхъ частей столицы и начинаетъ съ величавѣйшихъ и изящнѣйшихъ — съ Карнака. «Пройдя чрезъ небольшую пальмовую рощицу, встрѣчаемъ могучій Пилонъ (врата), почти столько же широкій, какъ полъ-фасада дворца Инвалидовъ въ Парижѣ, и вышиною съ Вандомскую колонну. Чрезъ эти врата вступаешь въ огромное пространство, посреди котораго находится 12 колоннъ, которыя всѣ, за исключеніемъ одной, ниспровергнуты землетрясеніемъ. У порога большой залы еще стоитъ колоссальная, но изувѣченная статуя: это — истуканъ Рамзеса Великаго, котораго называютъ Сезострисомъ, хотя онъ и не есть настоящій древній царь этого имени. Я вхожу въ эту

большую залу, и зрѣлище, представляющееся моимъ взорамъ, превосходитъ все, что я когда-либо видалъ на землѣ. Вилькинсонъ нимало не преувеличиваетъ, называя это самою величественною развалиною древнихъ и новыхъ временъ. Шампольіонъ при видѣ этого чуда древности былъ какъ бы ослѣпленъ и уничтоженъ: «Египтяне — пишетъ онъ при этомъ зрѣлищѣ — составляли планы, какъ-будто они были исполинами во сто футовъ роста, и фантазія, далеко возносясь превыше всѣхъ нашихъ европейскихъ колоннадъ, безсильно падаетъ у подножія ста-сорока колоннъ Карнакскаго чертога.» Да вообразятъ себѣ 134 колонны такой же толщины (11 футовъ въ поперечникѣ) и почти такой же вышины (70 футовъ), какъ Вандомская, покрытыя барельефами и надписями. Капители — 65 футовъ въ окружности, зала — 319 футовъ длиною и болѣе 150 шириною. Ни время, ни оба завоевательныя племени, варварскихъ пастуховъ и фанатическихъ Персовъ, послѣдовательно опустошившихъ Египетъ, ни самое землетрясеніе, ниспровергшее вышесказанныя колонны двора, не могли сокрушить этихъ столповъ. Эта зала была совершенно покрыта, и еще видно одно изъ оконъ, ее освѣщавшихъ. Это не былъ храмъ, а огромное мѣсто сборища, которое Греки называли панегирисомъ.

Большой чертогъ Карнакскій довершенъ былъ Рамзесомъ Сезострисомъ, но почти совершенно отстроенъ еще отцомъ его Сиѳосомъ (Sethos), подвиги котораго изображены на стѣнахъ зданія. Это цѣлая эпопея въ барельефахъ, героемъ которой былъ Фараонъ Сиѳосъ, — настоящая изсѣченная на камнѣ Сиѳеида.

По ту сторону этого дивнаго чертога въ Карнакѣ еще находится много другихъ памятниковъ, отчасти довольно хорошо сохранившихся; но они въ величавости далеко уступаютъ чертогу.... Мы оставили жилище гигантовъ и возвратились въ среду людей....

Проникнувъ далѣе чрезъ эти развалины, приходишь къ одному мѣсту, гдѣ, за нѣсколько вѣковъ до сооруженія Сиѳосомъ колоссальной залы, были воздвигнуты древнѣйшія зданія Карнака. Здѣсь было капище первыхъ Фараоновъ 18-ой династіи; здѣсь же еще древнѣйшій царь, Озортасенъ 1, двѣнадцатой династіи, до вторженія пастушескихъ племенъ, па-

черталъ свое имя на колоннахъ, которыя избѣгли опустошенія завоевателей. Остатки этой эпохи драгоцѣнны по ихъ рѣдкости: они переносятъ насъ въ періодъ египетской исторіи, падающій много столѣтій послѣ царей пирамидъ, но который все еще именуется временемъ древняго царства въ-сличеніи съ сравнительно новѣйшимъ временемъ, когда были построены величественные памятники Ѳивъ, съ вѣкомъ Тутмозиса и Рамзеса, который самъ почти 1500 годами старѣе христіанскаго лѣтосчисленія. Здѣсь по-истинѣ вѣка взгромождены надъ вѣками, какъ развалины надъ развалинами. Къ тому же еще слѣдуетъ замѣтить, что колонны, носящія имена Озортасена 1 изъ двѣнадцатой династіи, а равно гіероглифы на обелискѣ въ Геліополисѣ, достаточно доказываютъ, что искусство и просвѣщеніе въ Египтѣ достигли тогда высокой степени, когда страна подпала власти варварскаго чужаго народа, именуемаго пастухами, которые не оставили въ-цѣлости ни единаго храма, но 500-лѣтнимъ ярмомъ своимъ не могли подавить духа Египта, потому что едва пастухи были изгнаны, какъ Египтяне, въ порывѣ новаго возрожденія, соорудили дивныя зданія Карнака.

Это-то время, послѣдовавшее за изгнаніемъ варваровъ, было тѣмъ періодомъ, когда египетское искусство быстро достигло высшаго своего развитія: вѣкъ Тутмозиса — вѣкъ изящнаго, довершеннаго, а вѣкъ Рамзеса — вѣкъ величественнаго, грандіознаго. Здѣсь обыкновенный ходъ искусствъ выворочепъ на-изнанку: прекрасное предшествуетъ высокому, Пракситель—Фидіасу. Но, конечно, не должно забывать и того, что въ глубокой древности Египта былъ другой вѣкъ первобытнаго величія, въ-сравненіи съ которымъ исчезаютъ даже великіе карнакскіе чертоги, — отдаленный вѣкъ пирамидъ. Да, впрочемъ, и самый вѣкъ Тутмозиса не былъ лишенъ величія. Сфинксъ подлѣ пирамидъ есть колоссальное изображеніе Тутмозиса III, и имя этого царя начертано на величайшемъ обелискѣ, нынѣ находящемся предъ церковью Св. Іоанна Латеранскаго въ Римѣ.»

Мы извлекли здѣсь только одинъ, и притомъ сокращенный, отрывокъ изъ донесеній Ампера объ Египтѣ; но, конечно, всякій любитель искусствъ и древности не безъ удовольствія

прочтетъ всѣ эти письма, полныя занимательныхъ подробностей и остроумныхъ мыслей.

И Америка принимаетъ живое участіе въ древностяхъ Египта : мы получили оттуда описаніе путешествія по этой странѣ одного умнаго и образованнаго священника, г. Спенсера :

The East. Sketches of Travels in Egypt and the Holy Land.

Хотя онъ и не привезъ съ собою того запаса учености, какъ вышеприведенные нами изыскатели, и вообще оставилъ Союзные Штаты вовсе неприготовленный къ путешествію въ Египетъ, потому-что имѣлъ собственно цѣлью только посѣтить Европу, но мы тѣмъ-не-менѣе привѣтствуемъ его книгу съ радушіемъ , какъ донесеніе здравомыслящаго и благонамѣреннаго очевидца.

Не распространяясь здѣсь о пребываніи автора въ Александріи и Каирѣ , о плаваніи его по Нилу и о замѣткахъ его относительно коптской церкви , мы остановимся на слѣдующемъ отрывкѣ, касающемся древнихъ Ѳивъ и подтверждающемъ то впечатлѣніе тамошнихъ развалинъ , которое столь живо выразилъ Амперъ :

«Хотя мы обыкновенно прилагаемъ имя Ѳивъ большому городу, нѣкогда первенствовавшему въ Египтѣ, однакожь вы вѣрно знаете, что нынѣ нѣтъ города, который соотвѣтствовалъ бы этому названію , а только разныя деревни, какъ-то : Луксоръ, Карнакъ, Мединетъ-Габу и пр., которыя занимаютъ мѣсто древней столицы Фараоновъ. Во времена персидскаго завоевателя Камбиза , за 525 лѣтъ до Р. Х., Ѳивы претерпѣли ударъ , отъ котораго никогда уже болѣе не оправились , потому-что сынъ Кировъ не щадилъ никакихъ усилій для разрушенія гордыхъ памятниковъ египетскаго могущества и славы и съ рвеніемъ, болѣе похожимъ на безумное бѣшенство, нежели на что-либо другое, старался обратить въ развалины столицу страны, имъ покоренной. Въ-послѣдствіи времени еще одинъ изъ Птоломеевъ, въ 116 г. до Р. Х., по случаю возстанія противъ его власти Ѳивъ , обрушилъ на этотъ городъ всю тяжесть своего мщенія, такъ-что, безъ-сомнѣнія, не менѣе вреда, нанесеннаго храмамъ и памятникамъ Ѳивъ, слѣдуетъ приписать глубокой и ненавистной мести Птоломея Лаѳира, какъ и ненависти Персовъ къ религіозной

системѣ, гнусной въ ихъ глазахъ.... Оставивъ Луксоръ, путешественникъ садится на своего мула и, проѣхавъ около трехъ верстъ къ югу, прибываетъ въ Карнакъ, гдѣ, безъ-сомнѣнія, находятся самые древніе остатки славы и величія Ѳивъ, и гдѣ послѣдовательные монархи древности расточили всѣ свои попеченія, чтобы наперерывъ одинъ передъ другимъ украсить столицу новыми зданіями и передать свое имя отдаленнѣйшему потомству. Посѣтивъ это мѣсто послѣ всѣхъ прочихъ примѣчательностей, путешественникъ находитъ, что Карнакъпревосходитъ все, что̀ онъ могъ вообразить себѣ, и онъ на-время пребываетъ внѣ себя отъ изумленія, проходя между развалинами, покрывающими такое огромное пространство и свидѣтельствующими о прежней степени славы и величія, далеко превышающей все, что̀ свѣтъ видѣлъ съ тѣхъ поръ. Онъ проводитъ здѣсь нѣсколько дней, стараясь добыть ясное понятіе о томъ, что̀ видитъ передъ собою, и, съ сожалѣніемъ покидая эти мѣста, въ урочное для него время, съ стыдомъ сознается, какъ мало онъ послѣ всего успѣлъ изучить здѣсь и сколько онъ неспособенъ говорить съ нѣкоторою точностью о томъ, что̀ тутъ заключается. Онъ убѣждается, что для надлежащей оцѣнки Ѳивъ надобно поселиться здѣсь и, хорошо приготовясь предварительнымъ изученіемъ исторіи и древностей Египта, посвятить цѣлые мѣсяцы тамъ, гдѣ онъ довольствовался только днями и даже часами.»

Путешествіе по Египту и Нубіи болѣе и болѣе дѣлается прогулкою. Одинъ изъ новѣйшихъ посѣтителей этихъ странъ, Англичанинъ Джорджъ Мелли, отправился туда цѣлымъ семействомъ, а именно съ отцомъ и матерью, съ братомъ и сестрою. По осмотрѣ Каира, онъ предпринялъ на двухъ баркахъ свое плаваніе вверхъ по Нилу, спустя съ небольшимъ мѣсяцъ достигъ Уади-Халфы, гдѣ начинаются пороги Нила, а потомъ, миновавъ второй порогъ, прибылъ въ Донголу, откуда странствіе шло чрезъ Нубійскую пустыню и степь Бакоду до Меравека. Вблизи послѣдняго мѣста путешественники обозрѣли развалины древней Напаты и во множествѣ находящіяся въ ея окрестностяхъ пирамиды, которыя, однако, по бо̀льшей части меньше египетскихъ. Черезъ мѣсяцъ по отбытіи изъ Уади-Халфы, г. Мелли увидѣлъ себя въ Хартумѣ, при сліяніи обоихъ главныхъ рукавовъ Нила Синяго и Бѣлаго.

Отсюда онъ предпринялъ обратное плаваніе по Нилу до Бербе, для барометрическаго измѣренія уровня страны. Положеніе Хартума онъ опредѣлилъ въ 1472 фута надъ моремъ, что почти равняется показанію Руссегера (1431 футъ).

Подробности этого путешествія можно прочесть въ книгѣ:

Khartoom and the Blue and the White Nile by George Melly. London. 1851. 2 тома.

Въ числѣ писавшихъ объ Египтѣ въ истекшее пятилѣтіе мы встрѣчаемъ также одну даму, уже извѣстную своимъ путешествіемъ по Сѣверной Америкѣ и другими сочиненіями — англійскую писательницу миссъ Мартино. Нынѣшнее ея путешествіе началось съ Египта и чрезъ Аравійскую степь простерлось на Обѣтованную Землю. Описаніе ея имѣетъ заглавіе:

Eastern Life, Present and Past. By. Harriet Martineau. London. 1848. Mokon. 3 тома.

Отъ такой умной и ученой писательницы, какъ дѣвица Мартино, можно быть увѣрену, что донесеніе ея о странствіи по столь занимательнымъ странамъ не ограничится одними поверхностными взглядами, а тѣмъ-менѣе сухимъ только дневникомъ. Чтобы придать ему болѣе вѣсу, путешественница включила въ свои страницы поучительные общіе обзоры и историческіе очерки, доказывающіе, какъ ревностно она старалась еще прежде отправленія своего въ путь ближе изучить житейскій и политическій бытъ тѣхъ странъ, которыя намѣрена была посѣтить.

Въ-заключеніе ряда книгъ, касающихся страны Фараоновъ, укажемъ еще на нѣмецкій переводъ сочиненія Лена о бытѣ новѣйшаго Египта:

Lane, Ludwig William, Sitten und Gebräuche der heutigen Egypter. Nach der 3-ten Originalausgabe aus dem Engl. übersetzt von Dr. Jul. Theod. Zenker. 3 Bde. 16. XXXII и 700 стр., съ 64 гравюрами. Leipzig, 1852. Дук., и на книгу:

Gentz, Wilf. Briefe aus Aegypten und Nubien. Berlin. 1853. XVIII и 215 стр. 8.

Въ Абиссиніи двое братьевъ Аббади (Antoine et Arnauld d'Abbadie) продолжали начатыя ими еще съ 1837 года изслѣдованія, и какъ путешествіе ихъ кончилось не прежде исхода 1848 года, то мы сочли обязанностью своею упомянуть здѣсь

объ немъ нѣсколько подробнѣе, чѣмъ въ предъидущемъ обзорѣ. (*)

Оба брата, вознамѣрясь ближе изучить Абиссинію, 1 октября 1837 года, отправились изъ Франціи сперва въ Каиръ, чтобы напередъ ознакомиться съ языками тамошнихъ странъ. Послѣ 2-хъ-мѣсячнаго тамъ пребыванія, они, пересѣкши Черное море съ сѣвера на югъ, въ январѣ 1838 года, прибыли въ Мусаву (Muçawa), первый портъ Абиссиніи, и запасшись здѣсь всѣмъ нужнымъ для своего предпріятія, въ исходѣ марта пустились въ путь, съ намѣреніемъ проникнуть въ королевство Тигрэ (Tigray). 30 марта они съ высоты близъ Элея (Hoelay) бросили первый взглядъ на гористыя страны, которыя долженствовали быть позорищемъ ихъ изслѣдованій.

Переправясь чрезъ рѣку Такаце, братья Аббади, не безъ непріятныхъ испытаній со стороны мѣстныхъ вѣдомствъ, 28 мая достигли Гондара, столицы Абиссиніи.

Это мѣсто они избрали исходною точкою своихъ предпріятій, а поэтому должны были прежде всего освоиться съ языкомъ эмарнскимъ (langue aemarna), общеупотребительнымъ въ Абиссиніи. Но какъ средства ихъ почти вовсе истощились, то старшій изъ братьевъ, Антуанъ, рѣшился воротиться во Францію, для пріобрѣтенія всего нужнаго для экспедиціи. По прибытіи въ Парижъ, онъ, въ засѣданіи Географическаго Общества 5 апрѣля 1839 года, сообщилъ короткое донесеніе объ этой первой ихъ попыткѣ.

Между-тѣмъ, младшій братъ проникнулъ въ страну Годжамъ (Godjam) и мужествомъ, а равно талантами своими, умѣлъ снискать благосклонность тамошняго правителя, даяка Гозо, состоящаго подъ верховнымъ владычествомъ Расъ-Али (Ras-Ali), повелителя гондарскаго. Принявъ участіе въ походахъ правителя противъ его непріятелей, онъ едва имѣлъ время заниматься учеными изслѣдованіями, но, впрочемъ, успѣлъ барометрически опредѣлить уровень Нижняго Аббая,

---

(*) Нижеслѣдующія свѣдѣнія почерпнуты изъ донесенія г. Досси (Daussy), докладчика коммиссіи, наряженной Парижскимъ Географическимъ Обществомъ для присужденія премія 1850 года за важнѣйшее открытіе по части наукъ географическихъ.

сдѣлать нѣсколько наблюденій широты и собрать кое-какіе лингвистическіе документы.

По прибытіи снова старшаго брата, оба они, весною 1840 года, отправились сперва въ Адву (или Адову), гдѣ астрономически опредѣлили широту и долготу мѣста и положили первое прочное основаніе картѣ тамошней страны. Засимъ Антуанъ Аббади занялся изслѣдованіемъ странъ къ сѣверо-востоку отъ Мусави, бывшихъ еще почти вовсе неизвѣстными. Во время этой экскурсіи онъ имѣлъ несчастіе лишиться одного глаза и впасть въ тяжкую болѣзнь, заставившую его итти въ Аденъ, а оттуда въ Каиръ, для своего леченія.

На возвратномъ своемъ пути въ Абиссинію, онъ посѣтилъ Берберу, портъ на берегу Сомали, гдѣ пробылъ 2 мѣсяца, для изученія тамошняго (сомальскаго) языка и проложенія себѣ новаго пути; а именно онъ имѣлъ намѣреніе пройти на югъ отъ Шои и, чрезъ небольшое христіанское владѣніе Гураге (Gurage), въ Энарею (Inarya), — но ему не удалось достигнуть этой цѣли. Пребываніе его въ Берберѣ, впрочемъ, не было потеряно для науки: онъ собралъ словарь тамошняго нарѣчія, родословныя сомальскаго племени и нѣсколько маршрутовъ внутренности страны.

Вслѣдъ затѣмъ оба брата вздумали посѣтить королевство Шоу (Choa) и на этотъ конецъ, въ январѣ 1841 года, переселись въ портъ Таджуру (Tujurah); но, испытавъ и въ этомъ неудачу, они, послѣ трехмѣсячнаго тамъ пребыванія, должны были покинуть этотъ планъ: небольшой словарь нарѣчія афарскаго (Afar) и разныя свѣдѣнія объ этомъ краѣ — вотъ все, что́ они могли добыть въ свое пребываніе въ Таджурѣ.

Между-тѣмъ, въ политическомъ бытѣ сѣверной Абиссиніи воспослѣдовали большія перемѣны. Даякъ Уби (Ubi), готовясь къ войнѣ съ Расъ-Али, вступилъ въ союзъ съ покровителемъ обоихъ Аббади, даякомъ Гозо. Итакъ, имъ открылась надежда на исполненіе давно затѣяннаго ими плана проникнуть въ отдаленнѣйшія части Абиссиніи; но въ это самое время прибытіе кофтскаго епископа (aboun), назначеннаго главою Аксумской епархіи, противопоставило имъ новыя трудности. Не-смотря на то, Арно Аббади, пользуясь хорошимъ своимъ знакомствомъ съ нравами и обычаями края, успѣлъ пробраться въ верхнюю Абиссинію и пробылъ нѣ-

сколько времени въ Айлатѣ (Aylat), гдѣ собралъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о рѣкахъ тамошней страны и опредѣлилъ долготу мѣста, а потомъ, 2 января 1842 года, прибылъ на плоскую возвышенность Абиссиніи, въ городъ Адву. Но пораженіе и взятіе въ плѣнъ даяка Уби повергло весь край во всеобщую тревогу. Антуанъ лишь по долгомъ укрывательствѣ могъ отправиться въ Гондаръ.

Эту столицу, еще за 5 лѣтъ до того столь цвѣтущую, онъ нашелъ совершенно измѣнившеюся. Нѣкоторыя изъ самыхъ людныхъ ея частей были совершенно опустошены войною. Онъ пробылъ здѣсь по исходъ 1842 года, занимаясь изученіемъ эфіопскихъ нарѣчій, измѣреніемъ двухъ базисовъ для тригонометрической своей сѣти, разными астрономическими наблюденіями и собираніемъ рѣдкихъ рукописей. Потомъ онъ сдѣлалъ экскурсію къ озеру Тану (Tana), посѣтилъ одинъ изъ самыхъ большихъ городовъ Абиссиніи Кварату (Quarata) и, прослѣдивъ берега сказаннаго озера, возвратился въ Гондаръ; 30 декабря 1842 г., съ обычнымъ караваномъ молельщиковъ, проникъ въ знаменитый своими церквами городъ Лалибалу (Lalibala). Въ-продолженіе этой весьма трудной экскурсіи онъ переправился чрезъ рѣку Такаце, близъ ея истока, и измѣрилъ высоты Ласты, области Абиссиніи, гдѣ, по словамъ туземцевъ, на горахъ всегда остается снѣгъ.

За симъ снова возвратясь въ Гондаръ, онъ, 27 февраля, предпринялъ поѣздку въ Годжамъ, а именно въ-слѣдствіе даннаго ему епископомъ аксунскимъ порученія примирить Расъ-Али съ даякомъ Годжанскимъ, жестоко воевавшими между собою. Здѣсь онъ встрѣтилъ своего брата Арно, который между-тѣмъ возвратился туда, но, не-смотря на сильное вліяніе послѣдняго, не имѣлъ успѣха въ главной цѣли своего посольства.

Тѣмъ съ бо́льшимъ жаромъ онъ принялся за прежній свой проектъ — проникнуть въ Энарію, гдѣ, по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, долженъ былъ находиться одинъ изъ главныхъ истоковъ Бѣлаго Нила. 19 мая 1843 года онъ пустился туда въ дорогу съ однимъ караваномъ. Миновавъ Асандибо, онъ пересѣкъ пустыню, отдѣляющую Гудру отъ владѣній племени Джимма, самаго знаменитаго изъ всѣхъ Галласовъ. Это была пло́ская возвышенность, полого спускавшаяся съ Гудру и

весьма круто къ сторонѣ Гибе. Далѣе караванъ вступилъ въ Легу (Lega), оставивъ влѣвѣ гору Кункъ (Kunc), замѣчательную, почти одинокую высоту, которую Аббади принялъ за исходную точку для опредѣленія долготъ въ Большомъ Дамо (Damot).

20 іюня караванъ оставилъ за собою степь, окружающую небольшое королевство Лимму, котораго Энарійская долина образуетъ самую богатую и знатнѣйшую часть, и прибылъ въ Саку. Здѣсь г. Аббади былъ принятъ королемъ Абба-Боггибо въ торжественной аудіенціи. Необыкновенное появленіе въ этомъ дальномъ краю иностранца не могло не возбудить недовѣрчивости, и, дѣйствительно, его задержали 3 мѣсяца въ самомъ стѣснительномъ положеніи. Съ другой стороны, вліяніе, которое естественно пріобрѣлъ себѣ Европеецъ, подстрекало въ разныхъ мелкихъ владѣтеляхъ страны любопытство ознакомиться съ нимъ. Такъ, король каффрскій просилъ Аббу Боггибо прислать къ нему этого таинственнаго бѣлаго. Благодаря такому участію, Аббади могъ отправиться въ Каффу, куда еще не проникалъ ни одинъ Европеецъ. Страна, лежавшая на пути къ столицѣ этого королевства, Бонги, напомнила ему своею роскошною растительностію прекрасные лѣса Бразиліи. Онъ пробылъ въ этой странѣ двѣ недѣли и, произведя тамъ нѣсколько астрономическихъ и гипсометрическихъ наблюденій, 19 декабря возвратился съ своимъ эскортомъ въ Саку. Отсюда онъ былъ выпущенъ не прежде 25 февраля 1844 года, да и то единственно по ходатайству его брата и въ-слѣдствіе угрозы задерживать въ Годжамѣ ежегодно отправляющіеся въ Энарею караваны. Оказанное ему со стороны правителя годжанскаго вниманіе дозволило ему, уклонившись отъ обыкновеннаго караваннаго пути, посѣтить сѣверный склонъ хребта Барэ почти до самой горы Балбаллы. 10 апрѣля 1844 года онъ снова прибылъ въ Годжамъ.

Между-тѣмъ, подъятая даякомъ Гозо противъ Расъ-Али война кончилась несчастливо; онъ самъ попался въ плѣнъ, и Арно Аббади поспѣшилъ къ повелителю Гондара для исходатайствованія свободы плѣненному своему покровителю. Старшій же Аббади воспользовался этимъ промежуткомъ времени, для посѣщенія въ Сакалѣ (Sagala), того мѣста, которое почитается у Абиссинцевъ источникомъ Аббая. Отсюда онъ

перешелъ въ Багину (Baguina), къ западнымъ Агавамъ, и, проследивъ западный берегъ озера Таны, 30 іюля 1844 года воротился въ Гондаръ.

Здѣсь оба брата занялись тщательнымъ сличеніемъ между собою всѣхъ свѣдѣній, собранныхъ ими насчетъ разныхъ притоковъ Бѣлаго Нила, чтобы распознать, который изъ нихъ долженъ почесться главнымъ и, слѣдовательно, настоящимъ источникомъ этой рѣки. Они удостовѣрились въ томъ, что рѣка Годжабъ (Godjab), спирально извивающаяся около Каффы, въ-соединеніи съ Умою (Uma), образуетъ восточный рукавъ, который, по мнѣнію Арно (Arnauld), есть главный притокъ Бѣлаго Нила, а поэтому долженъ почесться настоящимъ источникомъ Нила. Въ-слѣдствіе этого они рѣшились, вопреки всѣмъ трудностямъ и опасностямъ, предпринять вторичную поѣздку въ Энарею для изслѣдованія искомыхъ истоковъ. (*)

Послѣ нужныхъ приготовленіи старшій Аббади, 18 февраля 1845 года, оставилъ столицу Абиссиніи. Въ Кваратѣ (Quarata), на берегу озера Таны, онъ повѣрилъ широту этого мѣста и снялъ азимуты высотъ къ сѣверу отъ Гондара. Вскорѣ за нимъ отправился въ Энарею и младшій его братъ, съ дипломатическимъ порученіемъ отъ короля Расъ-Али къ повелителю энарейскому. Пустившись на этотъ разъ въ путь не съ караваномъ, а въ-сопровожденіи двухъ только невольниковъ и трехъ слугъ, Антуанъ Аббади снова проникъ въ страну Джимму, а спустя 10 дней перешагнулъ границу королевства Лиммы, гдѣ находился предметъ его розысканія. Два мѣсяца были употреблены на собираніе свѣдѣній относительно разныхъ притоковъ Бѣлой Рѣки и наконецъ, послѣ многихъ поисковъ, Антуанъ Аббади разузналъ въ рѣкѣ Гибе, вытекающей изъ Бабійскаго лѣсу въ нѣсколькихъ льё южнѣе Саки, главный притокъ рѣки Умо, которая, превосходя Годжамъ и обиліемъ водъ, и обширностью бассейна, показалась ему главнымъ

(*) По утвержденію г. Аббади, рѣка Нилъ, нѣсколько южнѣе того мѣста, до котораго доплылъ по ней г. Арно (Arnauld), образуетъ большой поворотъ къ В, а потомъ къ С, гдѣ сливается съ Умою, которая нѣсколько выше принимаетъ названіе Гибе, истоки которой гг. Аббади отыскали въ Бабійскомъ лѣсу, въ Энареѣ. Но, по мнѣнію другихъ, существуетъ еще другой, болѣе значительный притокъ, идущій съ юга.

рукавомъ Бѣлой Рѣки. Согласно съ этой гипотезой, значительная эта рѣка беретъ свое начало въ скромномъ источникѣ, въ нѣсколько сантиметровъ шириною, у подошвы горы Боры (à l'intersection des deux contreforts du mont Bora). Совершивъ, по старинному обычаю, жертвоприношеніе источнику рѣки, путешественникъ, 19 января 1846 года, опредѣлилъ его положеніе.

Безпрестанныя междоусобія мелкихъ владѣтелей этого края чрезвычайно затруднили его возвратный путь, и онъ не прежде 20 апрѣля 1847 года снова достигъ Гондара. Отсюда онъ поспѣшилъ въ Мулаву, чтобы снова войти въ сношеніе съ Европою, и тамъ, къ немалой радости своей, засталъ младшаго своего брата Шарля Аббади, прибывшаго туда нарочно для того, чтобы узнать о судьбѣ своихъ братьевъ, которыхъ во Франціи уже считали погибшими.

По возвращеніи своемъ въ Гондаръ, старшій Аббади сдѣлалъ еще нѣсколько наблюденій, чтобы еще болѣе связать позиціи Багемидира съ позиціями Адвы, которыя онъ опредѣлилъ за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, а потомъ для довершенія карты озера Таны еще разъ посѣтилъ его берега. Но тутъ жестокая глазная болѣзнь заставила его прекратить свои изслѣдованія и покинуть Абиссинію. Итакъ, перевезши въ Мулаву всѣ свои коллекціи (въ томъ числѣ 200 рукописей) и свои записки, онъ, 3 октября 1848 года, оставилъ этотъ портъ; а вскорѣ за нимъ послѣдовали и его братья, и они послѣ 11-лѣтняго путешествія снова возвратились во Францію.

Главною заслугою братьевъ Аббади должно почесть многочисленныя ихъ астрономическія, а вмѣстѣ съ тѣмъ метеорологическія и гипсометрическія наблюденія; конечно, также лингвистика и этнографія не останутся отъ нихъ безъ значительнаго обогащенія, и нельзя не пожелать, чтобы предложеніе коммиссіи, разсматривавшей ихъ труды, объ изданіи въ свѣтъ ихъ записокъ было выполнено безъ отлагательства времени.

Что же касается до открытія братьевъ Аббади, то оно подало поводъ къ живѣйшему спору. Соперникъ ихъ, докторъ Чарльзъ Беке, занимавшійся, какъ извѣстно, много лѣтъ въ

Нубіи и Абиссиніи подобными же розысканіями, выдалъ путешествіе Аббади въ Каффу въ 1843 и 1844 годахъ за простой вымыслъ, и когда противъ этого возсталъ Аббади въ англійскихъ и французскихъ журналахъ, то докторъ Беке напечаталъ подробное возраженіе подъ заглавіемъ:

An Enquiry into M. Antoine d'Abbadie's Journey to Kaffa, in the years 1843 and 1844, to dis cover the Source of the Nile. By Charles T. Beke. London. 1850. 8. 56 стр., —

гдѣ доказываетъ, что мнимый рукавъ Нила есть не что иное, какъ притокъ Нила, который, проистекши изъ Абиссиніи, достигаетъ его подъ 9° 20′ с. ш., и что путешествіе Аббади къ источникамъ Нила несбыточно и донесеніе его исполнено противорѣчій. (*)

Между-тѣмъ, Франція недавно успѣла сдѣлать въ Абиссиніи немаловажное ученое пріобрѣтеніе. Извѣстно, что уже съ нѣкотораго времени тамъ водворился одинъ естествоиспытатель изъ Виртемберга, докторъ Шимперъ, которому царь тигрскій Убіэ ввѣрилъ въ управленіе область Античо (Antitscho). Докторъ Шимперъ, непрерывно пользующійся особенною благосклонностью своего повелителя, для котораго онъ, между-прочимъ, строитъ укрѣпленный замокъ на высотѣ около 9,000 футовъ, близъ деревни Дебръ-Эски, не перестаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ трудиться и для науки и постоянно собираетъ коллекціи естественныхъ произведеній тамошняго края. Но онъ долгое время лишенъ былъ всякаго пособія изъ своей родины. Нынѣ же Парижскій Натуральный Музеумъ присвоилъ себѣ этого ревностнаго естествоиспытателя, который уже доставилъ ему драгоцѣнныя собранія ботаническихъ и геологическихъ предметовъ. Это самое подало ему средства и поводъ ближе изучить природу разныхъ частей Абиссиніи и, между-прочимъ, гористой страны Семенъ, которая со временъ Рюппеля не была посѣщена ни однимъ изслѣдователемъ. Нѣкоторыя донесенія его объ Абиссиніи помѣщены въ Запи-

---

(*) Споръ этотъ, веденный съ обѣихъ сторонъ съ большимъ ожесточеніемъ и поддержанный въ пользу г. Аббади журналомъ Парижскаго Географическаго Общества, даже дошелъ до того, что докторъ Беке отправилъ этому Обществу назадъ свой членскій дипломъ.

скахъ Вѣнской Академіи Наукъ и отпечатаны также отдѣльно въ брошюрѣ:

Schimper Dr. (W. P.) Berichte aus und über Abyssinien. Let. 8. 15 S. Wien. Braumüller. 1852.

О самомъ восточномъ концѣ Африки мы получили ученое и весьма любопытное розысканіе извѣстнаго своими изслѣдованіями по части африканской географіи Кулея. (*)

Замѣтивъ, что весь восточный уголъ Африки къ югу отъ Абенскаго залива, на протяженіи около 900 верстъ, слылъ у древнихъ подъ названіемъ страны мурры, страны ладана и страны корицы, а самый крайній его конецъ — подъ именемъ ароматнаго (Aromata), онъ выводитъ изъ этого весьма естественное заключеніе, что весь означенный край былъ тогда извѣстенъ, какъ главный источникъ всѣхъ благовонныхъ произведеній, отъ которыхъ заимствованы сказанныя названія. А между-тѣмъ африканская торговля пряностями и ароматами, въ-слѣдствіе скрытности тѣхъ, чрезъ руки которыхъ она проходила, оставалась неизвѣстною въ-теченіе вѣковъ, пока монополія Арабовъ въ тамошнихъ водахъ не была сокрушена Греками и Римлянами. Статья Кулея имѣетъ цѣлью доказать, что вышепоименованныя пахучія вещества, особенно корица, главнѣйше добывались изъ сѣверной части страны, нынѣ обитаемой племенемъ Сомали (Somàli), на восточномъ углу Африки, и что торговля этими произведеніями началась съ весьма ранняго періода времени.

Ошибка тѣхъ, которые доселѣ писали о торговлѣ древнихъ пряностями, состояла въ томъ, что они предполагали, будто имя корицы во всѣ времена и повсюду придавалось одному и тому же самому товару. А между-тѣмъ, есть разные виды лавроваго дерева, способные производить корицу. Кромѣ цейлонской породы: Cinnamomum Zeylanicum, малабарской — Laurus Cassia, вѣроятно, только разности перваго, и тамаль-

---

(*) Изъ статьи, читанной въ собраніи Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества 23 апрѣля 1849 года подъ заглавіемъ: On the Regio Cinnamomifera of the Ancients. By W. Desborough Cooley, и помѣщенной въ Journal of the Royal Geogr. Part. Soc. of London, vol XIX, II, 1849 г., стр. 166—192, съ небольшою картою.

ской — Cinnamomum Tomala. имѣются еще китайскія и японскія породы: Cinn. dulce и Cinn. Laureirii. Послѣднее дерево, растущее въ горахъ къ западу отъ Кохинхины и въ Японіи, даетъ корицу, гораздо болѣе прянную и выше цѣнимую, чѣмъ цейлонская.

Цейлонская корица, по-видимому, оставалась неизвѣстною въ торговлѣ до VI вѣка нашего лѣтосчисленія, и даже еще въ XIII вѣкѣ сами Цейлонцы мало обращали на нее вниманія. Напротивъ-того, есть доводы, заставляющіе предполагать, что Китайцы были первые торговцы этою пряностію. У Персіянъ корица носитъ названіе дарчини (Darchini), т.-е. китайскаго дерева, очевидно потому, что она получалась ими сухопутно изъ Китая. Самое европейское названіе корицы, Cinnamon, которое филологами толкуется столь многоразлично, вѣроятно, значитъ не что иное, какъ китайская корица (Chinese amomum), сходно съ персидскимъ дарчини, подъ каковымъ именемъ эта пряность, вѣроятно, была добываема Евреями и Финикіянами.

Первый изъ древнихъ писателей, упоминающій о торговлѣ корицею, былъ Геродотъ. Онъ извѣщаетъ насъ, что самая южная обитаемая страна есть Аравія, одна только производящая мурру, ладанъ, кассію, киннамомъ и ладанъ. Но надобно знать, что имя Аравіи у Геродота не ограничивается однимъ полуостровомъ, нынѣ такъ-называемымъ. Въ его глазахъ Аравійскій заливъ, или Чермное море, не отдѣлялъ Азіи отъ Африки или Аравіи отъ Египта, а входилъ въ глубь Аравіи, которая отдѣлялась отъ Ливіи Египетскою долиною или, вообще говоря, Ниломъ. Слѣдовательно, подъ Аравіею въ вышеприведенномъ мѣстѣ онъ разумѣлъ восточный уголъ Африки.

Плиній, уже знакомый съ двоякимъ смысломъ названія Аравіи, именно замѣчаетъ, что кассія и киннамомъ суть произведенія не Аравійскаго полуострова, а противолежащихъ береговъ Африки, или Троглодитики. Первый дающій точное описаніе положенія страны корицы былъ Эратосѳенъ, хранитель Александрійской Библіотеки при Птоломеѣ Эвергетѣ. По его словамъ, она лежала въ 5000 стадіяхъ отъ Деирскаго пролива (Бабъ-эль-Мандебъ), гдѣ берегъ идетъ сначала къ югу, а потомъ къ востоку. Страбонъ, повторяя это показаніе съ раз-

ными прибавками изъ другихъ авторовъ, упоминаетъ о Южномъ мысѣ или рогѣ (Notu Keras), можетъ-быть, мысѣ Аширъ, или Гардафуи, какъ о дальнѣйшемъ извѣстномъ концѣ на берегу страны корицы. Южнымъ онъ, вѣроятно, назвалъ этотъ мысъ, опираясь на Геродота, сказавшаго, что самый южный конецъ земли находится въ благовонной Аравіи. Но замѣчательно, какъ знаменитый географъ ни слова не говоритъ о томъ, что эта отдаленная страна обязана своимъ названіемъ цѣннымъ своимъ произведеніямъ, а напротивъ-того о Счастливой Аравіи отзывается въ самыхъ преувеличенныхъ выраженіяхъ, какъ о странѣ благоуханій, дающей мурру, ладанъ и корицу, присовокупляя, что Сабеяне употребляли ароматное дерево этихъ драгоцѣнныхъ растеній вмѣсто топлива и производили выгодный торгъ пряностями и душистыми смолами, которыя, какъ онъ замѣчаетъ, родятся не только у нихъ, но и въ *Эѳіопіи*.

Это же самое описаніе Счастливой Аравіи повторяетъ Плиній, замѣчая, что ладанъ растетъ только въ Аравіи; кассія же и киннамомъ свойственны не одной этой странѣ, но и Троглодитикѣ, т.-е. нынѣшнему берегу Сомали.

И Птоломей, 80 лѣтъ спустя, обозначаетъ страну корицы въ Африкѣ. Еще полувѣкомъ позже, авторъ Periplus Maris Erythraes (Арріанъ) говоритъ, что африканскій берегъ отъ Авалитеса (Aualites) до Опоне (Opone), т.-е. отъ пролива до Гафуна, въ изобиліи снабжалъ разными пряностями, а вмѣстѣ съ тѣмъ кассіею, смолами и ладаномъ наилучшихъ сортовъ, и знакомитъ насъ съ важнымъ фактомъ, что Счастливая Аравія обязана была своею славою и богатствомъ внѣшней своей торговлѣ; онъ указываетъ также, окуда именно Арабы брали иные изъ своихъ драгоцѣнныхъ товаровъ, изъ чего мы усматриваемъ, что Арабы уже весьма рано распространили свою власть на берегахъ Африки не столько силою оружія, сколько мирнымъ вліяніемъ торговли и естественно связанной съ нею постепенной колонизаціи. Восточная Африка — говоритъ онъ — по какому-то старинному праву, подвластна Мофарату (арабскому владѣтелю) и посѣщается изъ Музы судами Арабовъ, которые узами брака роднятся съ туземцами.

Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ явствуетъ, что упомяну-

тыя пряности получались изъ Варваріи, восточной части Троглодитскаго берега, или, какъ ее нынѣ зовутъ, Страны Сомали.

Но отчего же этотъ фактъ столь долгое время укрывался отъ пытливости ученыхъ? Это Кулей объясняетъ такъ: Сабеяне, обитатели Счастливой Аравіи и повелители противоположнаго обильнаго пряностями берега Африки, искони торговавшіе съ Индіею и, вѣроятно, вывозившіе оттуда также корицу, вытѣснили на своихъ рынкахъ соперничество африканской корицы, и какъ купеческій этотъ народъ торговалъ лучшими сортами всѣхъ пряностей, то ихъ страна, Arabia Felix, прослыла единственною родиною сказанныхъ произведеній.

Но когда побѣды Александра Великаго потрясли старинныя системы восточной политики и торговли и Греки со временъ Птоломеевъ дѣятельно принялись за торговлю Чермнаго моря, тогда пряныя произведенія африканскаго берега сдѣлались извѣстнѣе, и Сабеяне вмѣстѣ съ транзитною своею торговлею мамо-по-малу утратили главный источникъ своего благосостоянія, — между-тѣмъ, какъ противолежащій берегъ Африки, издавна именуемый ароматнымъ, сталъ оправдывать свое названіе, снабжая римскій міръ корицею и кассіею и разными душистыми смолами и куреніями. Послѣ паденія Римской имперіи всею торговлею съ Востокомъ завладѣли Персы, особенно со временъ Хозроя I и основанія Бассоры вторымъ Калифомъ, и торгъ этотъ принялъ новое направленіе — чрезъ Персидскій заливъ, а Чермное море было покинуто. Такимъ-образомъ упадокъ и, можетъ-быть, совершенное прекращеніе торга африканскими пряностями, вѣроятно, начались съ исхода VI вѣка, и эта отрасль промышленности отошла къ Малабару, который дешевою цѣною могъ добывать корицу изъ лѣсовъ Цейлона.

Вообще вся статья Кулея, хотя и основана отчасти на гипотезахъ, требующихъ дальнѣйшаго подтвержденія, заслуживаетъ короткаго съ нею знакомства.

Дѣятельности Европейцевъ открывается на восточномъ берегу Африки новое поприще, обѣщающее въ непродолжительномъ времени большія выгоды какъ торговлѣ, такъ и самой наукѣ. Вся огромная береговая полоса на 22 градуса про-

тяженія по обѣ стороны экватора отъ мыса Гардафуи, въ виду Адена, до мыса Дельгадо, насупротивъ сѣвернаго конца острова Мадагаскара, нынѣ состоитъ во власти имама москатскаго. Торговля Европейцевъ на этомъ берегу изъ года въ годъ пріобрѣтаетъ болѣе значенія. Сбывая здѣсь почти всякій товаръ свой, они извлекаютъ отсюда слоновую кость въ большомъ количествѣ — до 6000 клыковъ ежегодно — драгоцѣнныя шкуры звѣрей, копалъ, разныя пряности, и т. д., между-тѣмъ, какъ сами туземцы ведутъ торговлю только съ Аравіею, Мадагаскаромъ и Индіею. Имамъ вообще охотно вступаетъ въ сношенія съ властителями образованныхъ націй и отъ-времени-до-времени посылаетъ имъ въ даръ прекрасныхъ арабскихъ и персидскихъ лошадей, получая отъ нихъ въ-замѣнъ разные предметы роскоши и искусства.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, а именно въ 1844 году, на этомъ берегу, на гребнѣ горъ около 37 верстъ къ з.-с.-з. отъ Момбаса, въ мѣстоположеніи, пользующемся прохладнымъ и здоровымъ климатомъ, основана миссіонерская станція Рабаи М'пія, которую двое изъ самыхъ дѣятельныхъ и ученыхъ миссіонеровъ англиканской церкви, Ребманнъ и Крапфъ, избрали своимъ пріютомъ, съ цѣлью дѣйствовать отсюда подъ щитомъ имама на внутренность Африки. Оба они уже совершили нѣсколько путешествій въ глубь материка, въ страны, дотолѣ еще неизвѣстныя.

Путешествіе перваго изъ нихъ, въ маѣ 1848 года, привело къ довольно неожиданному открытію — существованія снѣжной горы въ одной изъ самыхъ знойныхъ частей Африки. Отправясь изъ вышесказанной станціи на западъ, онъ проникъ на 45—50 нѣмецкихъ миль до Килемы въ странѣ Джаггѣ (Dshagga), гдѣ увидѣлъ гору Килли-Манджаро, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ и состоящую, по его мнѣнію, въ-связи съ Лунными горами (Dshebel Ghumer). Онъ самъ въ дневникѣ своемъ изъясняется насчетъ этого открытія слѣдующими словами: (*)

11 мая. Джаггскія горы мало-по-малу явственнѣе предстали

(*) Дневникъ этотъ напечатанъ въ журналѣ: Church Missionary Intelligencer. 1849. Майская книжка, стр. 12 и сл.

нашимъ взорамъ. Около 10 часовъ я замѣтилъ на верхушкѣ одной высокой горы что-то бѣлое. Сначала я подумалъ-было, что это бѣлое облако — предположеніе, въ которомъ подтвердилъ меня и мой вожатый. Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ далѣе, я уже не могъ довольствоваться этимъ объясненіемъ, и, между-тѣмъ, какъ я вторично обратился съ вопросомъ къ моему проводнику, едва вслушиваясь на его отвѣтъ, что это бѣлое пятно, вѣроятно, состоитъ изъ *холода*, вдругъ во мнѣ мелькнула мысль, что это долженъ быть снѣгъ. Тутъ разомъ мнѣ объяснились всѣ дивные разсказы, которые я слыхалъ про золотую и серебряную гору Килли-Манджаро, недоступную будто-бы по причинѣ злыхъ духовъ, которые уже убили многихъ пытавшихся взойти на ея вершину. Ясное дѣло, что отъ большой стужи, вовсе неизвѣстной бѣднымъ туземцамъ, полунагіе смѣльчаки должны были замерзнуть при восхожденіи на гору.

Нѣсколько далѣе онъ пишетъ. 12 мая. Около 5 часовъ пополудни мы перешли въ бродъ другую рѣку, именуемую Гона, которая гораздо шире, чѣмъ Лоони, очень быстра теченіемъ и, судя по студености ея воды, должна проистекать изъ покрытаго вѣчнымъ снѣгомъ Килли-Манджаро.

Нельзя не сожалѣть, что миссіонеръ Ребманнъ не былъ снабженъ въ это путешествіе никакими инструментами, ни даже зрительною трубою или часами, отчего разсказъ его о столь любопытномъ фактѣ отзывается большою неопредѣлительностію, и, дѣйствительно, онъ возбудилъ сомнѣніе нѣкоторыхъ географовъ, между-прочимъ столь свѣдущаго въ географіи Африки Десборо Кулея (Desborough Cooley), который прямо отвергнулъ существованіе въ Африкѣ подъ тропиками покрытой вѣчнымъ снѣгомъ горы (*), основываясь главнѣйше на томъ, что еслибы Килли-Манджаро былъ въ-самомъ-дѣлѣ снѣжною горою, то онъ, далеко превосходя въ вышинѣ Монбланъ и соперничествуя съ вершинами Перуанскихъ Андовъ, долженъ бы быть видимъ при утреннемъ солнцѣ на

(*) См. Athenaeum, № 1125, May 19, 1849. стр. 517, гдѣ въ-заключеніе сказано: To conclude therefore I deny altogether the existence of snow on Kilimandjaro.

разстоянiи по-крайней-мѣрѣ 150 географическихъ миль, а Ребманнъ, который изъ Джагги видѣлъ лежащiя на морскомъ берегу вершины Вассiенскiя въ-разстоянiи 7 дней пути, не замѣтилъ Килли-Манджаро даже на половинномъ разстоянiи. Подобнаго же мнѣнiя и Джемсъ Ричардсонъ. Онъ полагаетъ, что Ребманнъ, вѣроятно, принялъ за снѣгъ бѣлѣющiяся облака или случайное окрашенiе горнаго темени. Что же касается до холода, присовокупляетъ онъ довольно плоско, то я въ Африкѣ часто всходилъ на горы и всегда находилъ, что на нихъ по-мѣрѣ восхожденiя постепенно становилось холоднѣе, а посему жители Джагги естественно должны были отвѣчать, что вершина горы холодна. (*)

Съ другой стороны, неоднократно нами упомянутый изслѣдователь Абиссинiи д-ръ Беке (Beke) съ жаромъ вступился за достовѣрность показанiя своего единоземца и, догадываясь, что видѣнная Ребманномъ гора есть та самая «Бѣлая» гора, о которой упоминаетъ Аббади, по свидѣтельству извѣстнаго своими странствованiями по Африкѣ барона фонъ-Мюллера, рѣшительно утверждалъ, что покрытая снѣгомъ гора Килли-Манджаро есть фактъ, не подлежащiй ни малѣйшему сомнѣнiю. (**)

Въ то время, какъ еще между географами продолжались споры и толки о новомъ открытiи, самъ почтенный миссiонеръ разрѣшилъ всякое насчетъ его сомнѣнiе вторымъ своимъ путешествiемъ въ Джаггу, въ исходѣ 1848 г., о которомъ въ журналѣ Church Missionary Intelligence, отъ 1 ноября 1848 года, сообщаются слѣдующiя подробности:

Достигнувъ Килемы, крайняго предѣла предъидущей своей экскурсiи, г. Ребманнъ и его спутники (онъ былъ сопровождаемъ на этотъ разъ 8 человѣками) продолжали подаваться впередъ въ направленiи къ Маджаме. Миль 7 или 8 дорога шла на с.-з. къ Килли-Манджаро страною, которая постепенно возвышалась такъ же, какъ и передъ тѣмъ пройденныя миссiонеромъ десять миль отъ подошвы Джаггскихъ

(*) См. брошюру: Decline of Geographical discovery, by James Richardson. London. 1849. Стр. 48.

(**) The snow-capped Mountain Killi Mandjaro is a fact beyond all question.

горъ. Въ разстояніи отъ нея миль около 18 стужа была столь же велика, какъ и въ Европѣ въ ноябрѣ мѣсяцѣ, да и не мудрено, потому-что путешественникъ былъ тогда такъ близокъ къ горѣ Килли-Джаггаро (т.-е. Большой горѣ), что могъ явственно разсмотрѣть ее даже при свѣтѣ луны.

На другой день, пройдя нѣсколько миль далѣе въ томъ же самомъ направленіи, странники вступили въ лѣсистую нагорную область, гдѣ стезя пролегала прямо къ западу, пока они достигли Маджаме. Въ этой части дорога шла безпрестанно то съ горы, то въ гору. Совершивъ миль съ 12, Ребманнъ прибылъ въ принадлежащую къ Джаггѣ область Уру, страну, перерѣзанную лощинами отъ 1500 до 2000 футовъ глубиною и во всякое время года орошаемую ручьями, питающимися изъ обильныхъ снѣговъ на темени горы. Въ полторы сутки небольшой караванъ миновалъ между Киллемою и Джаггою съ дюжину рѣкъ, которыя всѣ были богаты водою, имѣя въ средней сложности около 5 дюймовъ глубины и 12 футовъ ширины; а какъ это было среди сухаго времени года, то онѣ должны бы быть вовсе изсякшими, еслибъ не проистекали изъ вѣчныхъ снѣговъ.

Подвигаясь къ Маджаме, они достигли прекрасной рѣки Уэріуэри, текущей по каменистому дну въ лощинѣ около 150 фут. глубиною и 30 до 40 саженъ шириною. Рѣка въ это время года наполняла собою около половины всей рытвины, а какъ послѣдняя была совершенно открыта со стороны снѣжной горы, то путешественникъ почувствовалъ такой холодъ, что счелъ за благо закутаться въ свое покрывало, а люди его развели большой огонь, чтобы согрѣться.

Переправясь чрезъ рѣку Уэріуэри, Ребманнъ увидѣлъ себя въ странѣ Маджаме, гдѣ пробылъ нѣсколько времени въ разстояніи 3 или 4 миль отъ подножія горы. Свѣдѣнія его на этотъ разъ гораздо положительнѣе. По описанію его, гора состоитъ изъ двухъ вершинъ, отдѣляющихся отъ главной толщи и воздымающихся въ область вѣчнаго снѣга. Восточная вершина ниже и оканчивается нѣсколькими остроконечіями. Въ дождливое время года снѣгъ покрываетъ эти пики и опускается довольно низко; но въ сухое онъ иногда сходитъ вовсе, а въ промежутки времени удерживается только мѣстами.

Западная вершина никогда не обнажается отъ снѣга. Обѣ главы отстоятъ одна отъ другой миль на 10—12, а разстояніе между ними имѣетъ видъ сѣдла и, сколько могъ узнать Ребманнъ, никогда не покрывается снѣгомъ.

Миссіонеръ повѣряетъ здѣсь ошибку перваго своего дневника, — ошибку, въ которую онъ, впрочемъ, былъ вовлеченъ невѣжествомъ мусульманскаго своего проводника, Бгана-Кери, — а именно, будто у жителей Джагги нѣтъ слова для означенія снѣга, и будто они вовсе не знаютъ объ этомъ веществѣ. Въ это второе свое путешествіе онъ узналъ отъ самихъ туземцевъ, что у нихъ снѣгъ означается словомъ *кибо.* Они очень хорошо знали, что кибо есть не что иное, какъ вода, и что изъ него берутъ свое начало много рѣкъ. Дѣйствительно Ребманнъ удостовѣрился въ это путешествіе, что изливающаяся противъ Зангвебара въ море рѣка Вангани беретъ свое начало въ снѣжной водѣ, стекающей съ горы Килли-Манджаро.

На всемъ пути своемъ миссіонеръ принимаемъ былъ туземцами весьма ласково, и вообще онъ даетъ о нихъ самый благопріятный отзывъ: этотъ народъ — говоритъ онъ — не такъ дикъ, чтобы пребываніе въ ихъ странѣ одного или двухъ человѣкъ могло быть опаснымъ. Напротивъ-того, у нихъ характеръ спокойный, важный и степенный, какъ обыкновенно у горцевъ.

Поощренный успѣхомъ этихъ двухъ экскурсій, предпріимчивый миссіонеръ, 5 апрѣля 1849 года, отважился изъ станціи своей на третью попытку во внутрь страны, съ цѣлью проникнуть на этотъ разъ до озера въ Уніамези (Лунной странѣ), гдѣ онъ надѣется собрать свѣдѣнія о дальнѣйшихъ внутреннихъ странахъ и откуда намѣренъ, буде посчастливится, пробраться къ западному берегу материка. (*)

И второй изъ миссіонеровъ станціи Раббаи М'пія, докторъ Крапфъ, совершилъ нѣсколько экскурсій въ области Зангвебара. Лѣтомъ 1848 года онъ прослѣдилъ трактъ на юго-

---

(*) И объ этомъ путешествіи Ребманна, продолжавшемся 3 мѣсяца, можно найти донесенія въ журналѣ Church Missionary Intelligence 1849 года. Іюльская книжка, стр. 54 и 8.

западъ отъ станціи до Усамбары, а въ ноябрѣ и декабрѣ слѣдующаго года, избравъ противоположное направленіе — въ страну Укамбу, въ 600 верстахъ отъ миссіонерскаго поста, дошелъ до Китуя, главнаго города племени Укамбани, почти подъ 1° южной широты и 37° восточной долготы. Въ это послѣднее путешествіе онъ сдѣлалъ весьма важныя открытія и, между-прочимъ, вполнѣ подтвердилъ сдѣланное его сподвижникомъ открытіе африканскаго Монблана. Изъ Китуя Крапфъ въ разстояніи шести переходовъ отъ этого города, а по показанію туземцевъ 10 дней пути отъ Килли-Манджаро, усмотрѣлъ еще другую снѣжную горную цѣпь Кенію (Kaenia), простиравшуюся отъ в. къ с.-з. и равнымъ-образомъ покрытую снѣгомъ. Изъ сѣверо-восточной части этой цѣпи выходятъ значительная рѣка Дана, или Дена, притокъ рѣки Ози (Ozee), или Поколани, и другія рѣки, впадающія въ заливъ Формозу. Дана, въ разстояніи 75 верстъ къ з.-с.-з. отъ Китуя, въ сухое время года имѣетъ 200 ярдовъ ширины и 5 футовъ глубины и теченіе ея въ море не прерывается ни скалами, ни порогами. По увѣренію туземцевъ, изъ сѣвернаго склона горы Кеніи вытекаетъ другая рѣка, берущая свое направленіе въ страну Бѣлаго Народа. На юго-западъ отъ горы Кеніи, въ странѣ Кикулу (Кеклуи), находится высокій волканъ, въ полномъ дѣйствіи, а на западъ страна безлѣсная, волканическаго характера, именемъ Мугаме. Народъ Укамбани не принадлежитъ къ племени Негровъ, трудолюбивъ и охотно работаетъ изъ платы. (*)

По новѣйшимъ извѣстіямъ, отважный миссіонеръ, 10 іюля 1851 года сдѣлалъ новое покушеніе, поставивъ себѣ на этотъ разъ гораздо обширнѣйшую задачу, а именно: пройти около параллели 5 градуса южной широты поперекъ всей Африки, для основанія цѣлаго ряда миссіонерскихъ станцій до западнаго берега, но скоро непредвидѣнными обстоятельствами принужденъ былъ оставить свой замыслъ. Впрочемъ, какъ говорятъ, ему удалось и въ эту попытку собрать нѣсколько

(*) Дальнѣйшія свѣдѣніи Крапфа о жителяхъ восточнаго берега см. далѣе, въ концѣ Африки.

новыхъ данныхъ, между-прочимъ относительно истоковъ Нила.

Объ островѣ Занзибарѣ, нынѣшнемъ мѣстопребыванiи Саида Бенг-Султана, имама москатскаго, мы встрѣчаемъ нѣсколько новѣйшихъ свѣдѣнiй въ книгѣ одного сѣверо-американскаго китолова:

Etchings of a whaling cruise, with notes of a sejourn on the island of Zanzibar, by I. Ross Browne.

Островъ этотъ, который, какъ извѣстно, лежитъ въ Индѣйскомъ океанѣ, въ разстоянiи около 4 испанскихъ морскихъ миль отъ восточнаго берега, между 5° и 7° ю. ш. и 39° и 41° в. д., имѣетъ 30 часовъ длины и отъ 8—10 часовъ ширины. Онъ вообще плоскаго вида, и лишь тамъ-и-сямъ попадаются волнообразныя возвышенности. Текучей воды на немъ очень мало. Единственный его городъ, Н'гуга (N'guga), лежитъ почти въ самой срединѣ острова, подъ 6° 10′ ю. ш., и съ морской стороны являетъ прiятное зрѣлище. Тамошнiй замокъ съ его укрѣпленiями построенъ еще Португальцами, прежними владѣльцами острова. Многiя зданiя построены изъ камня и выбѣлены. Всего великолѣпнѣе сераль имама, дворецъ въ старинномъ восточномъ стилѣ, красующiйся посреди коричневыхъ, оранжевыхъ и мангосовыхъ деревъ. Водопроводъ изъ ближней рѣки Мотонеи, протекающей чрезъ самый дворецъ, распространяетъ въ немъ всегдашнюю прохладу.

Имамъ перенесъ свою резиденцiю въ Занзибаръ по той причинѣ, что Маскатъ даже для Араба нестерпимъ знойностью своего климата. Власть его распространяется на Сокотру, Занзибаръ, Момбасу (*), Пембу и нѣсколько меньшихъ мѣстечекъ, а въ самой Аравiи ему подвластенъ только Маскатъ съ ближайшею его окрестностью. (**) Одаренный предпрiимчивостью и умѣнiемъ распознавать способныхъ людей, онъ мало-по-малу основалъ государство, котораго отдѣльные пункты далеко разбросаны отъ Персидскаго залива почти до

(*) Островъ Момбаса, подъ 4° ю. ш., съ 1824 года принадлежалъ Англичанамъ, но они уступили его имаму маскатскому, въ надеждѣ снискать тѣмъ еще бо́льшiя права на его дружбу.

(**) Кушенбергеръ несправедливо называетъ его повелителемъ всѣхъ южно-арабскихъ, абиссинскихъ и восточно-африканскихъ гаваней.

самой параллели Мадагаскара. При всей своей старости, онъ еще ѣздитъ верхомъ, какъ юноша, имѣетъ величавую осанку и довольно дѣятеленъ. Еженедѣльно раза два онъ или верхомъ, или на лодкѣ посѣщаетъ городъ. Ничто столько не льститъ его тщеславію, какъ если великія европейскія державы вступаютъ съ нимъ въ дипломатическія сношенія и посылаютъ ему свои дары.

Островъ Занзибаръ по своему положенію есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ для судоходства и торговли. Это лучшее пристанище судовъ, идущихъ чрезъ Мозамбикскій каналъ въ Чермное море, Персидскій заливъ и Индѣйскій океанъ. Климатъ и вода здѣсь не такъ вредны, какъ въ Мозамбикѣ. Къ-тому же это, за изъятіемъ нѣсколько далѣе лежащаго и также подвластнаго имаму острова Пембье, плодовитѣйшій изъ восточно-африканскихъ острововъ. Всѣ плоды въ Н'гугѣ дешевле, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ портѣ Индѣйскаго океана.

Торгъ невольниками запрещенъ имамомъ въ-слѣдствіе особаго трактата, заключеннаго съ Великобританіею 10 сентября 1822 г. и позже возобновленнаго въ августѣ 1839 года. (*) Сношенія иностранцевъ съ туземными купцами безпрепятственны; пошлины и взиманія ихъ опредѣлены съ большою точностью. Таможня приноситъ имаму до 156,000 доллеровъ ежегоднаго дохода. Кромѣ Англичанъ съ имамомъ заключили договоръ также Сѣверо-Американцы, потому-что ихъ китоловы нерѣдко пристаютъ въ Занзибарѣ.

Число жителей въ городѣ Н'гугѣ доходитъ до 60,000; въ томъ счету довольно богатыхъ Арабовъ, имѣющихъ у себя по нѣскольку сотъ и даже до тысячи невольниковъ. На всемъ же островѣ народонаселенія 150,000 душъ.

(*) Но за-всѣмъ-тѣмъ торговыя выгоды, кажется, заставляютъ Англію смотрѣть сквозь пальцы на дѣйствія имама, который, вопреки сказаннымъ договорамъ, терпитъ на этомъ обширномъ берегу, конечно, весьма прибыльный для него торгъ неграми. На берегу можно пріобрѣсть невольника рубля за 2 или 3 серебромъ, а торговцы на каждаго изъ нихъ выигрываютъ отъ 40 до 50 рублей серебромъ чистаго барыша. Мусульмане въ оправданіе торга невольниками говорятъ, что Негры этимъ путемъ снискиваютъ себѣ познаніе ислама; но это одинъ только предлогъ, а главная при этомъ дѣйствующая пружина, явно, корысть.

Мозамбикъ былъ предметомъ продолжительнаго изслѣдованія одного прусскаго естествоиспытателя, доктора Петера. Оставивъ Берлинъ 1 сентября 1842 года, онъ 23 декабря, на португальскомъ кораблѣ, отплылъ изъ Лиссабона и по 80-дневномъ плаваніи достигъ Санъ-Паоло де-Лоандо, главнаго города королевства Анголы. Здѣсь онъ пробылъ около 6 недѣль и въ это время совершилъ нѣсколько экскурсій во внутрь страны, въ исходѣ же апрѣля 1843 года отправился въ Мозамбикъ, куда прибылъ послѣ 8-недѣльнаго плаванія. Вскорѣ потомъ ему представился случай, въ свитѣ генералъ-губернатора, обозрѣть островъ Мозамбикъ, Квилимане, Занзибаръ и Коморскіе острова; а въ маѣ 1844 года онъ сдѣлалъ поѣздку во внутренность страны. Приключившійся съ нимъ, послѣ 15-мѣсячнаго безвреднаго пребыванія въ Африкѣ, припадокъ лихорадки побудилъ его итти на Мысъ Доброй Надежды. Вскорѣ оправясь тамъ, въ самомъ здоровомъ климатѣ всего земнаго шара, онъ снова возвратился въ Квимимане, а 5 ноября предпринялъ путешествіе во внутреннія страны, сперва въ португальскій портъ Сенну (Senna), потомъ чрезъ хребетъ Лупату въ Тете (Tete), послѣднюю колонію Португальцевъ въ этой области, которая величиною втрое больше всей Португаліи — а оттуда еще къ водопадамъ Каурабелы и къ золотымъ пріискамъ Мачинги (Machinga), Маканги и Мономотапы. Въ маѣ 1846 года онъ воротился въ главный городъ Мозамбикъ, откуда еще посѣтилъ гавани Ингамбани, Софалу (древній Офиръ) и Лауренцо-Марквесъ а въ 1847 году острова Кверимбы, къ сѣверу отъ Мозамбика, подъ 10° 12° ю. ш., и наконецъ, послѣ $4^1/_2$-годоваго пребыванія, оставилъ восточный берегъ Африки и, коснувшись Остъ-Индіи, а именно Бомбея и Гои, чрезъ Египетъ, въ 1848 году, возвратился въ свое отечество.

Много драгоцѣнныхъ собраній естественныхъ предметовъ, отчасти присланныхъ путешественникомъ изъ Африки, отчасти уже привезенныхъ имъ съ собою, послужили не малымъ обогащеніемъ Берлинскаго Музеума. (*)

(*) Краткій отчетъ объ этомъ путешествіи можно найти въ Monatsberichte über die Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde in Berlin.

Съ юга Африки сдѣланъ важный шагъ впередъ открытіемъ во внутренности страны двухъ большихъ озеръ. Уже издавна носились слухи о существованіи обширнаго озера въ южной Африкѣ. Первые португальскіе поселенцы въ этой части материка знали о немъ отъ туземцевъ и не преминули внести его на первыхъ своихъ картахъ того края. Оттуда это озеро вѣроятно, перешло и въ бо́льшую часть старинныхъ картъ. Но д'Анвилль не включилъ озера въ свой атласъ, явно по недостатку дальнѣйшихъ о немъ свѣдѣній, и съ тѣхъ поръ оно вовсе исчезло съ картъ Африки. Путешествіе съ Мыса Доброй Надежды Андрея Смита (Andreew Smith), въ 1834 году, имѣло цѣлью открыть забытое озеро. Проникнувъ до Курумана, станціи ревностнаго миссіонера Моффата, онъ вмѣстѣ съ нимъ прошелъ страну Зуласовъ (Zooola), до 23° ю. ш., но тутъ принужденъ былъ прекратить дальнѣйшее слѣдованіе. Послѣ него отряженный Лондонскимъ Географическимъ Обществомъ капитанъ сэръ Джемсъ Александръ проникъ съ юга Африки далѣе всѣхъ на сѣверъ; но какъ онъ держался болѣе вблизи западнаго берега, то естественно не могъ попасть на озеро.

Новѣйшимъ его открытіемъ мы главнѣйше обязаны миссіонеру Давиду Ливингстону. Давно уже задумавъ отыскать озеро, о которомъ онъ также слыхалъ отъ тамошнихъ уроженцевъ, онъ наконецъ въ 1849 году могъ приступить къ исполненію своего плана, благодаря щедротамъ гг. Освелля и Муррея, которые и сопровождали его въ это путешествіе, и ревностному ихъ содѣйствію онъ самъ главнѣйше приписываетъ успѣхъ своего предпріятія.

Изъ письма Ливингстона къ секретарю Лондонскаго Миссіонернаго Общества мы заимствуемъ объ этомъ замѣчательномъ открытіи слѣдующія подробности:

Берега Цонги, 23 сентября 1849 года.

1 іюня я оставилъ станцію свою въ Колобенгѣ (*), рѣшив-

2-te Reise, томъ 5, стр. 261—272. Тамъ же помѣщено письмо доктора Петера къ Риттеру, отъ 5 мая 1847, съ острова Ибо, на восточномъ берегу Африки, почти подъ 12° ю. ш., о географіи и торговлѣ этой страны.

(*) Всего далѣе во внутрь южной Африки выдвинутый постъ миссіонеровъ, подъ 26° в. д. отъ Гринича и 24° 48′ ю. ш.

шись привести въ исполненіе давнишній планъ свой—открыть къ сѣверу новое поприще проповѣдыванію Слова Божія. Дѣло шло о томъ, чтобы перенестись за предѣлы обширной степи, ограничивающей насъ съ запада, сѣверо-запада и сѣвера, большой препоны нашимъ успѣхамъ, предъ которою донынѣ останавливались Европейцы, какъ передъ неодолимою преградою.

Въ минувшемъ году два отряда Гриквасовъ (Griquas), съ 30 повозками, намѣреваясь совершить этотъ переходъ, дѣлали съ разныхъ пунктовъ неоднократныя упорныя усилія. Но, несмотря на свычку ихъ съ климатомъ, они всякій разъ отъ недостатка воды принуждаемы были воротиться назадъ.

Двое изъ нашихъ соотчичей, гг. Муррей и Освелль, которыхъ я предувѣдомилъ о своемъ желаніи проникнуть до большаго озера, по ту сторону степи, нарочно прибыли изъ Англіи для того, чтобы принять участіе въ этомъ путешествіи. Въ то самое время, какъ я ожидалъ ихъ, пришло ко мнѣ нѣсколько человѣкъ племени Батавановъ, обитающихъ берега этого озера, съ усильнымъ приглашеніемъ со стороны ихъ властителя посѣтить его. Они вызвались проводить меня. Но какъ путь, которымъ они пришли въ Колобенгъ, не удобенъ для повозокъ, то я, отблагодаривъ ихъ за доброе ихъ предложеніе, рѣшился избрать путь, правда, болѣе длинный, но которымъ обыкновенно слѣдуютъ Бамангуэатосы (Bamangueatos). А какъ мнѣ нужны были проводники, то я нанялъ нѣсколько Бакуиновъ (Bakuines), обѣщавъ имъ для большаго ихъ поощренія привезти въ своей повозкѣ всю слоновую кость, которую они добудутъ для своихъ властителей. И я не могу не отдать имъ справедливости, что они вѣрно исполнили свой долгъ.

Проѣхавъ миль съ 300 (450 верстъ), мы 4 іюля прибыли къ берегамъ величавой рѣки, которой туземцы даютъ имя Цонги. Слѣдуя извилинами ея теченія, мы совершили еще съ 300 миль и наконецъ, въ первыхъ числахъ августа, очутились на берегу озера Ньями, гдѣ были приняты Батаванами.

Народъ, здѣсь обитающій, есть племя, совершенно различное отъ Бичуановъ. Его зовутъ Бикобасами, или Байсіесами

(Bayécyés). Первое изъ этихъ названій, означающее *рабовъ*, имъ придаютъ Бичуаны; они же сами величаютъ себя вторымъ именемъ, которое значитъ *люди*. Цвѣтомъ лица они темнѣе Бичуановъ, и изъ 300 словъ ихъ языка, которыя мнѣ довелось сличить, только 21 сходно съ бичуанскими. (*) Они плаваютъ по рѣкамъ и озерамъ въ ладьяхъ (canots), выдолбленныхъ изъ ствола дерева, ловятъ рыбу тенетами, сдѣланными изъ тростника, въ изобиліи растущаго по берегамъ, и бьютъ гиппопотамовъ прикрѣпленными къ веревкамъ баграми. Мы были не мало изумлены откровеннымъ и дружелюбнымъ обхожденіемъ этихъ моряковъ внутренней Африки. Многіе изъ нихъ плавно говорятъ по-сечуански. Между-тѣмъ, какъ наша повозка ѣхала вдоль берега, я сѣлъ въ утлый ихъ челнокъ и посѣтилъ небольшія, построенныя ими посреди камыша, деревушки. Берега Цонги прекраснѣе всѣхъ, которые я видѣлъ, исключая рѣки Клейдъ (въ Шотландіи). Они покрыты гигантскими деревьями, намъ вовсе неизвѣстными, изъ которыхъ иныя приносятъ плоды. Я измѣрилъ одно изъ нихъ изъ породы боабаба: оно имѣло отъ 70 до 76 англ. фут. въ окружности.

Чѣмъ далѣе мы плыли внизъ по рѣкѣ, тѣмъ болѣе она расширялась передъ нами. Мѣстами она, между двойною стѣною камыша, опоясывающею ея берега, тамъ, гдѣ они низки, разливается болѣе, нежели на 100 саженъ (verges) въ ширину. Вода чиста, какъ кристаллъ, и очень холодна, особенно тамъ, гдѣ выше вливаются другія большія рѣки съ сѣвера....

Къ особенностямъ рѣки Цонги принадлежитъ то, что уровень ея періодически то прибываетъ, то убываетъ. Со времени нашего сюда пріѣзда вода прибыла безъ малаго на 3 фута, несмотря на то, что время года нынѣ сухое. А что эта прибыль происходитъ не отъ дождей, это достаточно доказываетъ чистота воды. Прозрачность и прохлада ея возрастали помѣрѣ того, какъ мы приближались къ тому мѣсту, гдѣ Цонга принимаетъ въ себя воды Тамунаклы (Tamunakle), рѣки,

---

(*) По мнѣнію Освелля (Oswell), Байсіесы должны быть единоплеменны Дамарамъ. «They must come from the Damara side, I fancy. Journal of the Royal Geogr. Soc. of London. vol. XX part 1. p. 149.

идущей съ сѣвера, откуда ей очевидно приходитъ прибыль. Въ мѣстѣ сліянія воздухъ былъ такъ свѣжъ, что придалъ намъ необыкновенный аппетитъ, хотя мы были не выше 2000 ф. надъ поверхностью моря. Всѣ эти обстоятельства заставляютъ меня полагать, что эта прибыль воды въ началѣ и въ-продолженіе сухаго времени года происходитъ не отъ чего-либо другаго, какъ отъ таянія снѣговъ, изъ чего явно, что эти рѣки берутъ свое начало въ гористой странѣ. Въ этой догадкѣ меня еще подтверждаютъ нѣкоторыя изъ показаній Байсіесовъ. Но если спросить ихъ самихъ, то они разсказываютъ, что одинъ великій властелинъ, по имени Мацекава, живущій къ сѣверу отъ нихъ, ежегодно убиваетъ человѣка, трупъ котораго потомъ бросаютъ въ Тамунакле, и что послѣ этого всякій разъ начинаетъ прибывать вода.

Согласно съ показаніемъ всѣхъ туземцевъ, берега рѣки къ сѣверу населены Байсіесами и нѣкоторыми другими племенами. Посѣтивъ Батавановъ и изслѣдовавъ самую широкую часть озера, мы покусились-было направиться къ одному изъ этихъ племенъ; но всѣ африканскіе владѣтели согласны между собою въ томъ, что неохотно видятъ иностранцевъ, проникающихъ далѣе странъ, ими самими обитаемыхъ. Когда властелинъ Батавановъ свѣдалъ о нашемъ намѣреніи, то далъ приказаніе всѣмъ своимъ подданнымъ собраться на противоположномъ берегу Цонги, въ томъ мѣстѣ, гдѣ намъ надлежало переправиться чрезъ нее. А между-тѣмъ у насъ былъ весьма благовидный предлогъ. Одинъ изъ вождей, именемъ Себатоанъ, живущій въ 10 дняхъ пути къ сѣверу отъ Батавановъ, однажды спасъ жизнь Сешелу (Sechele), властителю Колобенга, и этотъ, пользуясь нашимъ путешествіемъ, просилъ насъ передать отъ его имени разные дары своему избавителю.

Во всѣхъ селеніяхъ, разбросанныхъ по берегамъ озера и, кажется, также вдоль по рѣкамъ къ сѣверу, есть множество предметовъ, почитаемыхъ святынею или служащихъ вмѣсто чары. Когда я однажды спросилъ туземцевъ, какое имя они даютъ Верховному Существу, всѣ необинуясь произнесли слово Ориджа (Oreeja). Они назвали мнѣ также имя перваго человѣка и первой женщины, присовокупивъ къ тому разныя преданія о потопѣ.

Имя открытаго нами озера — Ньями, т.-е. большая вода. Прекрасное это водохранилище лежитъ, сколько мы могли опредѣлить его положеніе, подъ 20° 20′ ю. ш. и 24° в. д. (*) Мы прослѣдили его берега только миль на 6; но говорятъ, что оно около 70 миль длиною и на другомъ своемъ концѣ вбираетъ въ себя воды другой рѣки, подобной Цонгѣ. Цонга течетъ къ сѣверо-востоку. Берега ея до-того заросли камышемъ и шиповникомъ, что въ-разстояніи около 270 верстъ отъ озера мы нашлись вынужденными оставить свои повозки, за исключеніемъ Освеллевой, въ которой и проѣхали остальное разстояніе. Безъ этой предосторожности волы наши, вѣроятно, не были бы въ-состояніи совершить обратный путь.

Изъ другаго донесенія объ этомъ путешествіи мы узнаемъ нѣчто о характерѣ пустыни, отдѣляющей Колобенго отъ рѣки Цонги. Она состоитъ изъ огромной равнины, или, точнѣе сказать, степи, въ которой нѣтъ недостатка ни въ деревьяхъ, ни въ животныхъ, ни даже въ людяхъ, но недостатокъ воды, какъ текучей, такъ и стоячей, въ такой степени, что путешественники и вьючный ихъ скотъ иногда томились жаждою по четыре дня сряду. Первую текучую воду они встрѣтили подъ 21° 40° ю. ш.; туземцы называли ее мококунгъ—водой проводника. Почва равнины состоитъ изъ слоя песку въ 2 до 3 футовъ толщины. Подъ этимъ слоемъ должна находиться глина, на которой сбирается атмосферическая вода, потому что жители пустыни, если хотятъ добыть воды, вставляютъ въ песокъ до самаго глинистаго пласта камышевую трубку и чрезъ нее втягиваютъ въ себя воду.

Преобладающая въ этой странѣ болѣзнь, по замѣчанію Ливингстона, не есть лихорадка, а родъ воспаленія легкаго. Коль-скоро вѣтеръ подуетъ съ нѣкоторою силою, то изъ глубины небольшихъ изсохшихъ озеръ или прудовъ поднимается такой вихрь пыли, что атмосфера отъ нея какъ бы совершенно желтѣетъ, и невозможно распознавать предметы въ разстояніи трехъ какихъ-либо верстъ. Эта пыль причиняетъ

(*) По другому донесенію, озера Ньями лежитъ подъ 19° ю. ш., въ разстояніи 560 миль (840 верстъ) отъ Колобенга.

27

жестокое раздраженіе глазъ, а какъ порою вѣтеръ дуетъ почти непрерывно, то зарождаются разныя болѣзни. Ливингстонъ замѣтилъ у туземцевъ довольно частый кашель, вовсе неизвѣстный въ Колобенгѣ. Лѣтомъ воздухъ наполненъ сонмищами комаровъ. Впрочемъ, степь не вездѣ имѣетъ видъ пустыни: мѣстами бананы и пальмы придаютъ ландшафту видъ, напоминающій собою Индію. Вообще страна показалась путешественникамъ превосходною.

Исполнивъ смѣлый подвигъ свой, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ въ лѣтописяхъ южно-африканскихъ путешествій, Ливингстонъ, съ своими спутниками, 10 октября, счастливо возвратился въ Колобенгу.

Донесенія какъ его самого, такъ и Освелля объ этомъ странствіи помѣщены въ I части XX книжки Журнала Королевскаго Лондонскаго Географическаго Общества, и въ объясненіе къ нимъ приложена карта ихъ маршрута, гравированная Джономъ Арроусмитомъ.

По свѣдѣнію, сообщенному Лондонскимъ Миссіонерскимъ Обществомъ тамошнему Географическому Обществу въ засѣданіи 10 февраля 1837 года, миссіонеру Ливингстону удалось въ странѣ Бичуановъ открыть еще другое, бо́льшее озеро — Макоко, лежащее въ 150 — 200 англ. миляхъ къ сѣверу отъ Ньями и занимающее въ себѣ нѣсколько большихъ обитаемыхъ островов. На одномъ изъ нихъ пребываетъ одинъ изъ могущественнѣйшихъ властителей тамошнихъ бичуанскихъ племенъ, которыя состоятъ въ сношеніяхъ съ португальскими колоніями на атлантическомъ берегу. Озеро Макоко соединено съ Ньями рѣкою Теоге, и, судя по быстротѣ ея теченія, надо бы предполагать, что одно изъ этихъ озеръ гораздо выше другаго; но въ донесеніи не было сказано, течетъ ли Теоге въ озеро Ньями, или въ Макоко. Г. Освелль прослѣдилъ на довольно большое разстояніе къ сѣверо-западу рѣку Ури (Ouгу) и открылъ еще другую рѣку, притокъ Ури.

Съ другой стороны, одинъ богатый Англичанинъ, Франсисъ Гальтонъ (Galton), страстный любитель охоты, вмѣстѣ съ шведкимъ естествоиспытателемъ Андерсомъ, въ апрѣлѣ 1850 года отправился изъ Англіи въ заливъ Альгоа, съ тою цѣлію, чтобы оттуда пробраться къ новооткрытому озеру

Ньями, подробно описать его и, въ-случаѣ возможности, пройти далѣе къ сѣверу по одной изъ вытекающихъ изъ него рѣкъ. Не бывъ, однако, въ-состояніи съ этой стороны пробраться къ озеру Ньями, а именно изъ опасенія Боэровъ, которые, взбунтовавшись противъ губернатора колоніи, безпокоили всю страну къ сѣверу отъ Оранской рѣки, — онъ нанялъ судно въ Китовый заливъ (Walfish Bay), на западномъ берегу южной Африки. По прибытіи туда онъ пустился въ дорогу съ значительнымъ числомъ повозокъ, лошадей, муловъ и съ провизіею на полтора года, сопровождаемый кромѣ вышепоименованнаго спутника еще семью слугами, говорившими на разныхъ африканскихъ языкахъ. Сверхъ-того, онъ везъ съ собою множество подарковъ и вещей для обмѣна, безъ чего внутри Африки и путешествовать нельзя: ружья, ножи, шпаги, зеркала, зажигательныя стекла, варганы, кольца, запястья, бусы и всякаго рода украшенія.

20 августа 1850 г. Гальтонъ присталъ въ Китовомъ заливѣ и оттуда направился къ миссіи Шлеппманнсдорфъ, пріятно расположенной на островку среди рѣки Квизипа. Снявъ здѣсь карту Китоваго залива, онъ пустился съ своимъ небольшимъ караваномъ къ берегамъ Свакопа, рѣки, образующей собою границу между странами Дамара и Намаква и вдоль которой идетъ единственная проходимая здѣсь во всякое время года дорога отъ моря во внутрь материка. Въ исходѣ сентября достигнута была миссіонерская станція Очимбингуэ, гдѣ Гальтонъ услышалъ, къ немалому своему ужасу, что не задолго передъ тѣмъ Готтентоты племени Намаква сдѣлали нападеніе на ближайшую оттуда (въ-разстояніи 3 сутокъ) станцію Шмеленсъ-Гофнунгъ, убили жившихъ тамъ Дамаровъ и такъ застращали тамошняго миссіонера, что онъ оставилъ это мѣсто. Слѣдствіемъ этого нападенія было то, что Дамары съ своимъ скотомъ со страху удалились далеко во внутрь страны, и что къ сѣверу отъ Свакопа едва можно было ожидать встрѣтить пасущіяся стада. Это побуждало путешественника направиться нѣсколько южнѣе къ Бармену, главной станціи миссіонеровъ. Скоро онъ достигъ этого пункта и былъ хорошо принятъ г. Ганомъ, родомъ изъ Россіи, женатымъ на англичанкѣ, основателемъ этой станціи и вообще

миссіонеромъ, пользующимся большимъ вліяніемъ. (*) Здѣсь же онъ встрѣтилъ миссіонера Колба, спасшагося сюда съ своею женою изъ недавно раззоренной станціи. Отъ одного туземца Галтонъ узналъ, что въ-разстояніи около 10 дней пути къ сѣверо-востоку лежитъ большое озеро Оманбонде и въ той сторонѣ живутъ Овампо, земледѣльческій народъ, по мнѣнію Дамаровъ, очень образованный. Онъ рѣшился отыскать это озеро и посѣтить сказанный народъ. Путь его туда шелъ къ сѣверу чрезъ высокую нагорную равнину 6,000 футовъ выше моря. На этой площади возвышались конусообразно горы Оматоко, Коніати и др. Оставивъ одинъ изъ притоковъ Свакопа, путешественникъ встрѣтилъ другую рѣку — Окароскаке, протекавшую въ противоположномъ направленіи, и они послѣдовали за ея теченіемъ. Но путь оказался гораздо продолжительнѣе, чѣмъ ему прежде сказывали. 18 марта онъ увидѣлъ вполнѣ предъ собою два высокіе конуса Оматоко; далѣе къ сѣверу достигъ горы Эшуамено, съ вершины которой ему открылся обширный видъ. Къ югу явственно видна была гора Діамботоду, лежащая верстахъ въ 37 отъ Шмеленсъ-Гофнунгъ. Къ сѣверу простиралась широкая равнина самаго пустыннаго вида, между-тѣмъ, какъ къ востоку земля была покрыта травою и деревьями. Галтонъ рѣшился въ этомъ послѣднемъ направленіи пересѣчь равнину. Миновавъ гору Джа-Кабаку, онъ слѣдовалъ вдоль русла рѣки Очиронджуба. 2 апрѣля экспедиція встрѣтила одного Дамара, который вызвался проводить ее къ озеру Оманбонде. Но каково было ихъ удивленіе, когда, прибывъ, 5 апрѣля, къ самому мѣсту, они вмѣсто великолѣпнаго озера увидѣли передъ собою только изсохшую ложбину. Дѣло состояло въ томъ, что страна Дамара послѣ дождевой поры имѣетъ совсѣмъ другой видъ, какъ послѣ засухи. Они же, къ-несчастію, путешествовали въ самое знойное время года.

Галтонъ пробылъ 2 дня близъ Оманбонде и изготовилъ карту тамошней мѣстности. 17 апрѣля онъ прибылъ въ Ока-

---

(*) Г. Ганъ, между-прочимъ, составилъ довольно подробную грамматику и словарь языка Дамара, которые въ 1852 г. отправлены были имъ въ Германію.

мабути, на сѣверной границѣ страны Дамара. Изъ свѣдѣній, собранныхъ имъ объ этомъ краѣ, оказывается, что жители его сами называютъ себя не Дамара, а «Овагареро», т.-е. веселый народъ. Это, кажется, горцы-Дамара. Тѣхъ же, которые живутъ далѣе внутрь страны, они называютъ «Овампантіеру, т.-е. обманщиками, — по какой же причинѣ, этого Галтонъ узнать не могъ. У Готтентотовъ племени Намаква они вообще слывутъ подъ именемъ Дамупъ: изъ этого-то Голландцы составили имя Дамара, подъ каковымъ они и понынѣ извѣстны Европейцамъ. Они народъ дикій, воинственный и исполненный самаго грубаго суевѣрія.

Со вступленіемъ въ страну Овампо перемѣнился и характеръ растительности. Мѣсто низкаго кустарника заняли прекрасные строевые лѣса и безчисленныя пальмы всякой величины, и передъ взорами путешественника разстилались, подобно необозримому морю, желтѣющія нивы. Имя всей этой страны Ондонга. 7 іюня Галтонъ наконецъ достигъ главнаго селенія племени Овампо, также носящаго имя Ондонга и лежащаго близъ рѣки Нурса (Nourse) (?), подъ 17° 58′ ю. ш. и 21° восточной долготы, въ-разстояніи около 2,400 верстъ къ сѣверу отъ Китоваго залива. Король этого племени, именемъ Нангоро, отличается необыкновеннымъ дородствомъ, но, впрочемъ, нрава добродушнаго и довольно хорошо принялъ новыхъ пришельцевъ.

Какъ между-тѣмъ истощился весь запасъ мѣновыхъ вещей экспедиціи, то Галтонъ по неволѣ долженъ былъ отказаться отъ своего намѣренія проникнуть далѣе на сѣверъ къ большой рѣкѣ, о которой онъ слышалъ, что она образуется отъ слiянія трехъ другихъ потоковъ, въ странѣ, обитаемой народомъ Овабундма. Къ тому же Нангоро, оказавшійся впослѣдствіи недовѣрчивымъ къ иностранцамъ, настаивалъ на возвращеніи ихъ въ Дамару.

О народѣ Овампо Галтонъ отзывается съ большою похвалою. «Со мною, какъ съ иноземцемъ — говоритъ онъ — они не обходились съ полною искренностью, и это весьма естественно. Но между собою отношенія ихъ совсѣмъ другія. Они народъ веселый, добродушный и очень привязаны къ домашеству. Я не замѣтилъ между ними бѣдности; каждый былъ, по-види-

мому, доволенъ, — а старымъ людямъ оказывается особенная рачительность и уваженіе. Если Африка назначена сдѣлаться образованною, то я не сомнѣваюсь, что страна Овампо будетъ важнымъ пунктомъ къ образованію южной ея части. Климатъ очень здоровый, и положеніе страны весьма выгодно къ распространенію ея вліянія... Очень желательно, чтобы какой-нибудь изслѣдователь сдѣлалъ попытку съ моря, изъ Рыбьяго залива, проникнуть во внутрь страны.» Нѣсколько далѣе авторъ присовокупляетъ: «Овампо имѣютъ гораздо болѣе притязаній на участіе бѣлыхъ, чѣмъ Дамара, потому-что они во многихъ отношеніяхъ очень нравственный народъ, а къ тому же, кажется, очень любознательны»... «Овампо съ большимъ презрѣніемъ смотрятъ на Дамара, и, сколько я могъ узнать, нѣтъ примѣра, чтобы овампская женщина вышла замужъ за Дамара и поселилась въ его странѣ, между-тѣмъ, какъ обратные случаи весьма обыкновенны.»

15 іюня Галтонъ оставилъ Нангоро и предпринялъ обратное свое шествіе. Послѣ 49-дневнаго перехода (въ томъ числѣ 9 дней отдыха), онъ 4 августа снова достигъ станціи Барменъ.

Какъ миссіонеры дожидались корабля изъ Европы не ранѣе декабря мѣсяца, то Галтонъ воспользовался этимъ временемъ для совершенія еще поѣздки къ востоку, чтобы еще болѣе ознакомиться съ Готтентотами, а вмѣстѣ съ тѣмъ изслѣдовать, не найдется ли въ этомъ направленіи путь къ новооткрытому озеру Ньями, чрезъ пустыню Каррикари, которую ему описывали непроходимою. Онъ, дѣйствительно, проникъ на четыре градуса долготы до мѣста, называемаго Тунобисъ, или Очомбинда; но отсюда, 10 октября по настоянію сопровождавшихъ его Готтентотовъ, принужденъ былъ возвратиться, убѣдившись, впрочемъ, что нѣтъ никакого препятствія къ достиженію этимъ путемъ озера Ньями. По увѣренію Бушмановъ, весь остатокъ дороги до озера такого же свойства, какъ и страна, ими пройденная: песчаный грунтъ съ перемежающимися обыкновенно изсохшими болотами или покрытый деревьями, но не довольно густо, чтобы нельзя было пробираться впередъ съ повозкою.

5 декабря Галтонъ снова прибылъ къ Китовому заливу,

благополучно совершилъ продолжительное и трудное путешествіе по странамъ, отчасти вовсе неизвѣстнымъ, и не потерявъ даже ни одного изъ своихъ людей, ни болѣзнью, ни насиліемъ, хотя они въ началѣ пути были вовсе не пріучены къ работѣ и очень строптивы.

Описаніе этого путешествія было издано на англійскомъ языкѣ и вышло также въ нѣмецкомъ переводѣ, подъ заглавіемъ:

Bericht eines Forschers im Tropischen Süd-Africa von Francis Galton. Aus dem Englischen. Nebst 5 Abbildungen in Thondruck, 1 Tafel mit 6 Kupfern und einer Buntdruck-Karte. Leipzig. Dyk'sche Buchhandlung. 1854. XII и 180 стр. б. 8.

Къ книгѣ приложены 2 карты (на одномъ и томъ же листкѣ): одна—небольшая, всей Африки, съ указаніемъ маршрутовъ 23 совершенныхъ въ ней главнѣйшихъ путешествій, а другая — въ нѣсколько бо́льшемъ масштабѣ, страны Дамара и прилежащихъ къ ней земель, съ показаніемъ маршрута странствія самого автора.

Въ самой книгѣ разсѣяно много любопытныхъ замѣтокъ о животныхъ пройденнаго края, объ образѣ ихъ жизни и о травлѣ на нихъ — замѣчанія, доказывающія немалую наблюдательность автора по этой части.

Собранныя Галтономъ о Дамарѣ и Овампо свѣдѣнія отчасти подтверждаются и пополняются одною статьею, читанною въ Лондонскомъ Этнологическомъ Обществѣ 15 января 1851 года подъ заглавіемъ: On the Damara Country by F. N. Kolbe (вѣроятно, того самаго миссіонера, который, какъ мы выше видѣли, былъ жертвою нападенія Готтентотовъ).

Страна, слывущая подъ именемъ Дамары, сказано въ этой статьѣ, обитаема двумя племенами Кафровъ: Овагереро и Овампантера. Она граничитъ къ западу Атлантическимъ океаномъ, къ югу племенами Большихъ Намаква (great Namaquas) и дамарскихъ горцевъ; сѣверные же и восточные ея предѣлы еще въ-точности не дознаны; извѣстно только, что къ востоку обитаетъ племя Оватжаона (Ovatjaona), у береговъ недавно открытаго озера, а къ сѣверу—Овампо (Ovampo), племя негровъ, судя по языку, сходное съ Дамара, осѣдлое въ большихъ деревняхъ и не чуждое ремесламъ и земледѣлію. Оно состоитъ

подъ управленіемъ своего особаго короля и занимается торгомъ невольниками. (*) Южная часть страны гориста (**), сѣверная же состоитъ изъ пространныхъ равнинъ, поросшихъ шиповникомъ, травою и мелкимъ кустарникомъ. Рѣки періодически прибываютъ, и, въ-сравненіи съ страною Намаква, Дамара можетъ почесться обильно орошаемою водами. По берегамъ рѣкъ растутъ высокія, могучія деревья, по бо́льшей части изъ рода акацій. Къ тому же уроженцы, въ-добавокъ къ многочисленнымъ источникамъ, вырыли у себя столько колодцевъ, что въ водѣ странникъ не встрѣчаетъ недостатка. Народонаселеніе въ Дамарѣ достигаетъ до 40,000 душъ. Физическое ихъ сложеніе, нравы, обычаи, вѣрованія и языкъ свидѣтельствуютъ, что они принадлежатъ къ Каффрамъ. Чуждаясь земледѣлія, они ведутъ жизнь кочевую и обладаютъ большими стадами овецъ, которыя доставляютъ имъ вмѣстѣ и пищу, и одежду, почему они и не ощущаютъ необходимости въ торговлѣ. Ассагаи и другія желѣзныя орудія они получаютъ отъ сѣверныхъ своихъ сосѣдей, Овампо или съ Мыса Доброй Надежды, чрезъ посредство племени Намаква. Народъ Дамара раздѣленъ на нѣсколько племенъ, изъ которыхъ каждое состоитъ подъ начальствомъ своего особаго вождя, имѣющаго подъ своимъ вѣдомствомъ другихъ ему подвластныхъ начальниковъ. Каждый изъ послѣднихъ управляетъ цѣлою деревнею, обыкновенно состоящею изъ 100 — 400 душъ. Вожди уважаютъ обычаи и преданія своихъ предковъ и вообще властвуютъ довольно кротко. У нихъ водятся обычаи обрѣзанія, жертвоприношенія звѣрей и молитвы тѣнямъ усопшихъ.

Если путешествія Ливингстона и Галтона послужили къ значительному расширенію географическаго нашего познанія

(*) Галтонъ утверждаетъ противное тому. Онъ именно говоритъ (стр. 130 нѣмец. перевода, 1854): «Я дѣлалъ много справокъ, производится ли между Овампо и Португальцами невольничій торгъ, и всегда получалъ отрицательный отвѣтъ. Позже я слышалъ въ С. Еленѣ, что южнѣе Бенгуэлы не вывозятъ невольниковъ, потому-что они, еслибъ и были оттуда вывозимы, умираютъ съ тоски по родинѣ.»

(**) Съ нагорною частью Дамары (Hill Damaras) недавно ознакомило насъ путешествіе сэра Джемса Александра (см. прежній обзоръ).

о южной Африкѣ, то къ обогащенію нашихъ свѣдѣній о естественной ея исторіи наиболѣе содѣйствовало сочиненіе:

Journal of a Residence at the Cape of Good Hope; with Excursions into the Interior, and Notes on the Natural History and the Native Tribes By Charles J. F. Banbury. London. Murray. 1848.

Авторъ его, отличный ботаникъ, по назначеніи сэра Джоржа Непира, въ исходѣ 1837 года, губернаторомъ колоніи на Мысѣ Доброй Надежды, отправленъ былъ туда съ нарочною цѣлью изслѣдовать естественное состояніе страны. Онъ пробылъ въ Колоніи годъ и 2 мѣсяца, дѣлалъ частыя экскурсіи во внутрь ея и занимался собираніемъ не только растительныхъ, но и вообще естественныхъ ея произведеній, а сверхъ-того также изслѣдованіемъ статистическаго и политическаго ея быта. Разныя обстоятельства замедлили выходъ въ свѣтъ описанія его путешествія. Но когда возобновившаяся съ Каффрами война обратила на Капскую колонію всеобщее вниманіе свѣта, авторъ поспѣшилъ предать тисненію собранные имъ обильные матеріалы, имѣющіе особую цѣну также какъ и очеркъ политическихъ событій колоніи до времени назначенія снова губернаторомъ ея сэра Гарри Смита.

Первое впечатлѣніе при видѣ капскихъ береговъ авторъ описываетъ слѣдующимъ образомъ:

«Когда мы приблизились съ юго-запада, намъ открылся превосходный видъ прекрасной гористой береговой линіи, простирающейся отъ Столоваго залива до собственно такъ-называемаго Мыса Доброй Надежды, и я съ немалымъ участіемъ впервые взглянулъ на материкъ Африки. Меня поразили чрезвычайная смѣлость и вышина всего этого берега; горы внезапно воздымаются изъ нѣдръ моря въ видѣ крутыхъ, угрюмыхъ, голыхъ скалъ послѣдовательными террасами и громадными утесами съ скудными только слѣдами растительности. Гребни ихъ суровы и зубчаты, но безъ тѣхъ заостренныхъ пиковъ, которые берегамъ Бразиліи придаютъ столь своеобразный характеръ. Они напомнили намъ собою нѣкоторыя изъ низкихъ вторичныхъ грядъ Альповъ. Плывя въ ясный день вдоль самаго берега, мы видѣли эти горы въ великолѣпномъ освѣщеніи: яркій свѣтъ полуденнаго солнца на утесахъ и выступахъ, а глубокія бразды крутыхъ стѣнъ въ самой

мрачной тѣни, между-тѣмъ, какъ у ихъ подножія съ пѣною разбивался яростный бурунъ. Едва кое-гдѣ виднѣлся слабый отливъ зелени: все, что не было голымъ утесомъ, имѣло бурый оттѣнокъ засохшей и вывѣтрившейся растительности, и только подъ горою, называемою Львинымъ Туловищемъ, окаймляющею заливъ съ юго-запада, я усмотрѣлъ нѣсколько садовъ и плантацій, оживляющихъ собою пустынный ландшафтъ. Знаменитая Столовая гора, поразительная своимъ величіемъ, образуетъ, по-видимому, высочайшую вершину всей горной цѣпи; но она съ этой точки зрѣнія не являетъ того столоваго вида, которому обязана своимъ названіемъ, а скорѣе, разсматриваемая издали, въ общемъ своемъ очертаніи напоминаетъ вамъ Салисбуріііские обрывы (Crags), вблизи Эдинбурга.»

Что касается до самаго города, то онъ, расположенный на плоскомъ берегу, почти у самой воды, не представляетъ ничего живописнаго въ-сравненіи съ окрестною страною; но населеніе его замѣчательно.

Пестрая смѣсь англійскаго и чужаго во всемъ, что ни бросается въ глаза, есть одна изъ разительнѣйшихъ особенностей города. Множество надписей на вывѣскахъ лавокъ и магазиновъ написаны по-англійски, а равно бо́льшая часть объявленій, торговыхъ фирмъ и т. д., и на каждомъ шагу встрѣчаются англійскія физіономіи. Все это представляетъ странную противоположность съ чуждымъ видомъ города и пестрою толпою разнаго цвѣта націй, его населяющихъ: Голландцевъ, Малайцевъ, Негровъ, Готтентотовъ и помѣсей ихъ въ самыхъ многоразличныхъ оттѣнкахъ. Всѣ громоздкія клади, какъ-то: вино, строевой лѣсъ и проч., взваливаютъ на длинныя, низкія телѣги, запряженныя 12, 14 волами, и еще болѣе, которыми правитъ одинъ только Готтентотъ съ помощью предлиннаго бамбуковаго бича. Повозки же, на которыхъ перевозятъ мелкіе товары, обыкновенно запряжены лошадьми, иногда скачущими во всю прыть. Капштадтъ защищенъ крѣпкою цитаделью и нѣкоторымъ числомъ мѐньшихъ фортовъ. Вслѣдствіе положенія своего на полуденномъ солнцѣ и у самаго подножія голыхъ скалъ, городъ подверженъ чрезвычайному зною; но главную муку въ сухое время года составляетъ пыль,

безпрерывно взвиваемая на воздухъ и почти нестерпимая при сильномъ южномъ вѣтрѣ (*): она затмѣваетъ собою всю атмосферу, проникаетъ во всякую вещь, засоряетъ всѣ скважины тѣла, наполняетъ вамъ глаза, мараетъ платье и портитъ всю домашнюю утварь и книги. Стволы деревъ въ городѣ получаютъ отъ нея видъ, какъ-будто они выкрашены красною охрою, и самая зелень до половины покрывается красноватою корою.

Немедленно по своемъ прибытіи, Банбури принялся за ботаническія изслѣдованія. Въ ближайшемъ сосѣдствѣ Мыса господствуетъ недостатокъ въ большихъ деревьяхъ. Прекрасное серебристое дерево (Leucadendron argenteum, Witteboom), одно только изъ крупныхъ породъ свойственно Мысу Доброй Надежды, и оно здѣсь очень распространено. Есть цѣлый лѣсъ этого дерева, получившій отъ него и свое названіе и простирающійся отъ Чертовой горы — возвышеніе налѣво отъ Капштадта — до самой Столовой горы. Это дерево отличается серебристою бѣлизною своихъ листьевъ, которые, колыхаемые вѣтромъ, представляютъ самый пышный и граціозный видъ. Оно достигаетъ вышины отъ 30 до 40 футовъ и имѣетъ довольно прямо восходящія, не разстилающіяся въ ширину вѣтви. Дерево его мягко и хрупко и ни къ чему не пригодно, кромѣ на топливо. Кора очень терпка и, кажется, содержитъ въ себѣ много дубильнаго вещества.

Если непосредственная окрестность Капштадта обнажена отъ деревьевъ, то, напротивъ-того, въ глубь страны простираются огромные лѣса. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ — дубрава на Рыбьей рѣкѣ (Fish river), бывшей прежде межею Колоніи. Онъ тянется по обѣимъ сторонамъ рѣки отъ 6 до 20 миль шириною, въ пустынной, весьма гористой странѣ, служащей естественнымъ оплотомъ туземцевъ и убѣжищемъ лютыхъ звѣрей. Авторъ описываетъ его слѣдущимъ образомъ:

«Нигдѣ въ свѣтѣ я не видалъ чего-либо, что̀ могло бы сравниться съ лѣсомъ на Рыбной рѣкѣ, и врядъ ли гдѣ найдется страна, столь непроникаемая или которую такъ трудно было бы расчистить. Растительность здѣсь такъ сочна, что огонь не производитъ на нее никакого дѣйствія, даже въ

(*) Странно, отчего не вздумаютъ вымостить улицы Капштадта!

самое сухое время года; а притомъ она такъ сильна и густа, что не иначе можно проложить себѣ чрезъ нее дорогу, какъ дѣлая на каждомъ шагу просѣки, за исключеніемъ тѣхъ тропинокъ, которыя проложены дикими звѣрями. Каффры чрезвычайно ловки въ странствіи по этому лѣсу: подобно змѣямъ, они пропалзываютъ чрезъ эти чащи, куда никакой бѣлый не можетъ за ними слѣдовать, и этотъ притонъ, столь далеко простирающійся вдоль границы, для нихъ чрезвычайно выгоденъ въ хищническихъ и непріязненныхъ ихъ набѣгахъ, потому-что они могутъ здѣсь собираться, подходить мили на двѣ къ Грагамстоуну, не бывъ никѣмъ замѣчены. Еще лѣтъ за 20 въ этомъ лѣсу водились во множествѣ слоны и другіе лютые звѣри. Кларкъ (Clarke) однажды видѣлъ, близъ Trompeter-Drift, миляхъ въ 30 (45 верстъ) отъ Грагамстоуна 50 слоновъ вдругъ. Но дѣятельная война, веденная противъ нихъ европейскими поселенцами для добычи слоновой кости, учащенныя путешествія чрезъ эту пустыню людей и вьючнаго скота и непрестанныя битвы въ лѣсу во время послѣдней войны съ Каффрами истребили слоновъ въ-конецъ. Нынѣ, говорятъ, во всемъ лѣсу Рыбьей рѣки уже не осталось болѣе ни одного слона. Носорогъ и буйволъ еще водятся въ немъ; но послѣдній, опаснѣйшее изъ всѣхъ дикихъ звѣрей этой страны, также сталъ весьма рѣдкимъ. Гиппопотамъ, или, какъ его здѣсь зовутъ Голландцы, морская корова, хотя и убылъ въ числѣ, но еще попадается близъ устьевъ рѣки. Всѣ большія породы сернъ (Antilope) сдѣлались гораздо рѣже, чѣмъ были прежде внутри предѣловъ Колоніи, а иныя вовсе исчезли. Высокія, открытыя столовыя равнины, называемыя Бунтебокскими (Buntebocks flats) и лежащія къ сѣверу отъ Зимней горы, и по сю пору еще слывутъ раздольемъ звѣролововъ. Многіе бывшіе тамъ на охотѣ офицеры увѣряли меня, что тамъ водится изумительное множество дикихъ четвероногихъ, особенно кваггъ (Quagga), гну (Gnus) и дикихъ сернъ. Левъ, говорятъ, рѣдко нападаетъ на человѣка, особенно на бѣлаго, исключая развѣ когда его раздражатъ: встрепенувшись, онъ обыкновенно уходитъ медленными шагами, съ чувствомъ своего превосходства въ силѣ и ненарушимаго спокойствія, какъ бы выражая тѣмъ: «я тебя не трону, но только не тронь и меня.» Если же его преслѣ-

дуютъ и стрѣляютъ по немъ, то онъ съ своей стороны начинаетъ наступать съ большимъ бѣшенствомъ. Я все былъ того мнѣнія, что онъ ведетъ жизнь одинокую; но офицеры, травившіе его въ Бунтебокскихъ равнинахъ, всѣ согласны въ томъ показаніи, что обыкновенно видѣли его толпами, иногда даже по семи и осьми вмѣстѣ.

Любопытны замѣчанія автора о Каффрахъ, этихъ дикаряхъ, сдѣлавшихся столь грозными врагами англійской колоніи на Мысѣ Доброй Надежды и еще недавно возбуждавшихъ тамъ живѣйшія опасенія:

«Обыкновенно — говоритъ Банбури — полагали, что Каффры принадлежатъ къ негрскому племени рода человѣческаго; но характеристическія отличія этого племени, за исключеніемъ руннообразныхъ волосъ, у Каффровъ выражены далеко не такъ рѣзко и опредѣлительно, какъ у природныхъ жителей Гвинеи и Мозамбика; губы не такъ толсты, носъ менѣе сплюснутъ, нижняя часть лица (скула) не въ такой мѣрѣ выдается впередъ, и чело нерѣдко столько же развито и высоко, какъ у Европейца. Цвѣтъ кожи у бо́льшей части изъ тѣхъ, которыхъ я видѣлъ, показался мнѣ темно-смуглымъ, иногда подходящимъ къ черному, между-тѣмъ, какъ у другихъ онъ имѣетъ отливъ желтоватый или красноватый. Впрочемъ, они до-того окрашиваютъ себѣ кожу красною охрою, что не легко судить о натуральномъ ея цвѣтѣ. Мужчины вообще стройны и хотя не очень рослы, однакожь весьма пропорціональнаго сложенія; и дѣйствительно, изящныя ихъ формы и легкія, непринужденныя позы нерѣдко напоминаютъ собою древнія статуи. Впрочемъ, они отличаются болѣе ловкостью, нежели силою. Одежды они никакой не носятъ, кромѣ накидываемой на плечи звѣриной шкуры, или *каросса*, да и то единственно для защиты отъ вѣтра, а не для покрытія какой-либо части тѣла. Шкуры, изъ которыхъ приготовляются эти епанчи, такъ выдѣланы, что онѣ становятся мягки и гибки, какъ перчаточная кожа, и принимаютъ цвѣтъ искрасна-бурый, непріятный для глазъ. Каффры называютъ эти епанчи *ингубо;* слово *кароссъ*, кажется, заимствовано Готтентотами у Голландцевъ. Многіе изъ вождей каффрскихъ носятъ епанчи изъ барсовой шкуры, на которой оставляютъ шерсть. Въ торжественныхъ

случаяхъ они красятъ себѣ волосы красною охрою. Женскій полъ у Каффровъ въ наружности уступаетъ мужскому и относительно одежды различается тѣмъ, что всегда носитъ кожаную шапку, въ видѣ чалмы, украшенную бусами и металлическими пуговицами. Епанча женщинъ обыкновенно также украшена тѣми же самыми вещами и охватываетъ все тѣло, отъ шеи до лодыжекъ. Всѣ Каффры въ Блондрифтѣ, за исключеніемъ вождей, были вооружены національнымъ ихъ оружіемъ—легкимъ копьемъ, или дротикомъ, именуемымъ у нихъ *умконто*, а у колонистовъ — *всагай*.... Но бо́льшая часть этого народа нынѣ уже снабжена огнестрѣльнымъ оружіемъ, и хотя покамѣсть только немногіе умѣютъ имъ владѣть, однако, нѣтъ причинъ, чтобы Каффры современемъ не сдѣлались столько же искусными стрѣлками, какъ сѣверо-американскіе Индѣйцы, и тогда они въ лѣсу будутъ самыми страшными врагами.»

Распространеніемъ нашихъ познаній о естественной исторіи Южной Африки мы также обязаны одному шведскому натуралисту. Въ 1838 году, изъ Швеціи, на иждивеніи короля, отправленъ былъ І. А. Вальбергъ, братъ извѣстнаго стокгольмскаго энтомолога и ботаника, въ Южную Африку для собиранія тамъ естественныхъ предметовъ, въ-особенности по части геологіи. Пробывъ въ тѣхъ краяхъ 8 лѣтъ и успѣвъ въ это время собрать богатыя коллекціи по всѣмъ отраслямъ зоологіи, онъ счастливо возвратился въ свое отечество, хотя въ газетахъ и разглашали-было, что онъ убитъ Каффрами. Чрезвычайно обильно, между-прочимъ, собраніе привезенныхъ имъ съ собою насѣкомыхъ, а именно: жесткокрылыхъ 2,534, полужесткокрылыхъ 523, полужесткокрылыхъ съ прямыми крыльями (прямокрылыхъ? orthoptères) 120, чешуекрылыхъ 528, сѣтчатокрылыхъ 40, тайнокрылыхъ 356, двукрылыхъ 622, безкрылыхъ 17, тысященогихъ 8 и паукообразныхъ 32. Часть этой коллекціи, а именно 326 породъ жуковъ, была обработана энтомологомъ Богеманомъ, подъ заглавіемъ:

Insecta Caffraria annis 1838—1845, a I. A. Wahlberg collecta. Descripsit Car. H. Boheman. Pars I. Coleoptera. Carabici, Hydrocanthari, Gyrinii et Staphylinii Holmiae. Sumptibus Regiis. (Fritze.) 1848. 297 стр. б. 8.

Издано ли было въ свѣтъ описаніе самаго путешествія, намъ неизвѣстно.

Изображеніемъ быта Капской колоніи, между-прочимъ, особенно въ военномъ отношеніи, занимается книга англійскаго подполковника Элерса Неппра:

E. Elers Napier 's Excursions in Southern Africa. London. 1850. Shoberl. 2 vols 850 pages small 8-vo with Portraits of Sir H. Smith. Sir B. d'Urban etc.

Болѣе съ промышленной точки разсматривается Колонія въ книгахъ:

Natal, Cape of Good Hope, a Grazing, Agricultural and Cotton growing Country. By I. S. Christopher, of Natal. With a Map, an Appendix, and a Vocabulary of the Natal Language. London. 1858. 146 стр. б. 8.

Reis naar en verblijf aan de Kap an te Natal, gedurende het jaar 1846 en 1847. In brieven door M. de Voght. Kampen. 1850. van Hulst. б. 8.

Past and Future Emigration or the Book of the Cape. Edited by the Author of «Five Years in Kafirland». London. 1849. 300 стр. (8)

Иныхъ изъ тѣхъ, которые углубляются въ пустыни Африки, влечетъ туда не столько жажда любознательности, сколько просто страсть къ приключеніямъ звѣроловной жизни. Къ этому разряду принадлежалъ, извѣстный потомъ своимъ посольствомъ въ Шоу, Гаррисъ, который прежде этого путешествія провелъ нѣсколько лѣтъ въ травлѣ львовъ, тигровъ и другихъ лютыхъ звѣрей въ Южной Африкѣ и пріобрѣлъ себѣ славу великаго ловца. Но эту славу еще далеко затмилъ собою въ недавнее время Шотландецъ Куммингъ (Cumming). Происходя изъ стариннаго дворянскаго рода — отецъ его былъ баронъ — онъ съ молодости такъ пристрастился къ охотѣ, что когда былъ опредѣленъ лейтенантомъ въ конно-егерскій полкъ на Мысѣ Доброй Надежды, то промѣнялъ военную службу на привольную жизнь въ пустыняхъ внутренней Африки. Нѣсколько лѣтъ онъ исключительно жилъ отъ добычи своего ружья и обыкновенно послѣ отлучки 10 или 12 мѣсяцевъ возвращался въ Колонію съ повозками, нагруженными слоновою костью, шкурами звѣрей и страусовыми

перьями, продажею которыхъ выручалъ нѣсколько сотъ фунтовъ стерлинговъ. Разсказываютъ, что въ эти походы онъ носилъ одежду туземцевъ и совершенно придерживался ихъ нравовъ, странствуя налегкѣ по образцу Каффровъ. По возвращеніи же въ Колонію всякій разъ являлся онъ въ самомъ странномъ нарядѣ и нерѣдко приводилъ жителей Грагамстоуна въ удивленіе живописною одеждою среднихъ вѣковъ или временъ Карла I. Подполковникъ Элерсъ Непиръ (Elers Napier), авторъ книги Excursiins in Southern Africa, видѣлъ его тамъ и разсказываетъ свою съ нимъ встрѣчу слѣдующимъ образомъ: «Однажды вскорѣ по моемъ прибытіи въ Грагамстоунъ, прогуливаясь подъ тѣнью прекрасныхъ молодыхъ дубовъ, растущихъ по обѣимъ сторонамъ главной улицы Грагамстоуна, я увидѣлъ одного атлетическаго молодаго человѣка, котораго необыкновенный нарядъ привлекъ къ себѣ мое вниманіе. Одежда его состояла изъ пары грубыхъ Veldschoenen, бѣлыхъ брюкъ и рубашки безъ жилета и камзола; крѣпкостянутый кожаный поясъ обнималъ станъ его, а на головѣ у него была шляпа съ широкими полями, украшенная хвостами шакала и богатыми страусовыми перьями. Я воображалъ себѣ «побѣдителя львовъ» косматымъ, смуглымъ мужчиною нѣсколько въ родѣ разбойниковъ Сальватора Розы, съ громовымъ голосомъ и ухватками дикаря,—словомъ, истиннымъ Морокомъ; но каково же было мое изумленіе, когда я увидѣлъ совершенно тому противное. Передо мною стоялъ рослый, молодой человѣкъ лѣтъ 26, благородной осанки и хотя геркулесовскаго сложенія, но за-всѣмъ-тѣмъ весьма красивый, съ прекрасною головою, съ роскошными желтоватыми, шелковистыми кудрями, небрежно развѣвавшимися по лицу почти женской красоты, съ прелестными голубыми глазами, въ которыхъ выражалось добродушіе. Когда онъ говорилъ, пріятные, серебристые звуки его голоса соревновали съ мягкостью женскаго голоса. Я вступилъ съ нимъ въ разговоръ и сдѣлалъ ему нѣсколько комплиментовъ насчетъ благопріобрѣтенной имъ молвы. Онъ принялъ ихъ съ улыбкой и тѣмъ же мягкимъ, привлекательнымъ голосомъ замѣтилъ: «вы, вѣроятно, слышали, что я сдѣлался настоящимъ чудакомъ; но я полагаю, пока то не будетъ въ тягость другимъ, воль-

нымъ избирать себѣ свой собственный образъ жизни, потому-что, предаваясь страннической жизни, которая всегда была мнѣ по нраву, пріобрѣтаю порядочный доходъ, который даетъ мнѣ возможность слѣдовать моимъ наклонностямъ. Мои телѣги теперь нагружены слоновою костью, страусовыми перьями и другими статьями, которыя принесутъ мнѣ, можетъ-быть, съ тысячу фунтовъ стерлинговъ барыша. Это добыча одного года потѣхи, и по выручкѣ этихъ денегъ я буду въ-состояніи снова замѣнить немалое число воловъ и лошадей, которыхъ я лишился, и приготовиться для предпринятія новыхъ травлей.» Онъ потомъ разсказывалъ мнѣ много о своихъ охотахъ, что́ очень забавляло меня. Говорятъ, что этотъ неутомимый ловецъ ведетъ регулярный дневникъ всему, что́ онъ видитъ и дѣлаетъ. Вѣроятно, онъ о состояніи внутренней Африки, о видѣ страны, о нравахъ и характерѣ ея жителей знаетъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой, потому-что онъ проникъ на нѣсколько сотъ миль далѣе въ глубь ея, чѣмъ доселѣ кто-либо изъ бѣлыхъ.

Нынѣ, однако, этотъ Нимвродъ нашего вѣка оставилъ свое ремесло и поселился въ Лондонѣ, гдѣ основалъ изъ своихъ трофей особый музеумъ, открытый для публики. О богатырскихъ его подвигахъ можно судить изъ того, что онъ убилъ всего не менѣе 18 львовъ, 28 черныхъ и 39 бѣлыхъ носороговъ, 75 гиппопотамовъ и 105 слоновъ.

Куммингъ, при всей своей страсти къ ловитвѣ, дѣйствительно находилъ время вести журналъ своимъ похожденіямъ, о которомъ упоминаетъ Непиръ, и записки эти, конечно, въ-особенности любопытныя для знатока и любителя охоты, но и не вовсе безполезныя для зоолога, изданы въ свѣтъ подъ заглавіемъ:

Five Years of a Hunter's life in the Far Interior of South-Africa; by Ronaleyn Gordon Cumming of Altyre. 2 vols. London. 1850. (б. 8.) Съ иллюстраціями.

Съ тропическою частью юго-западной Африки — португальскими владѣніями: Бенгуэлою и Анголою, насъ знакомитъ сочиненіе:

Die Portugiesischen Besitzungen in Süd-West-Afrika. Ein Reisebericht von G. Tams, Dr. med. et chir. Mit einem Vorworte

von Professor Dr Carl Ritter. Hamburg. Verlag von Robert Kittler. 1845. VI и 205 стр. въ б. 8.

Риттеръ отзывается объ этомъ сочиненіи какъ о самомъ поучительномъ, вышедшемъ въ новѣйшее время объ этой части Африки.

Имѣвъ случай просмотрѣть эту книгу, которой въ прежнемъ обзорѣ могли привести только заглавіе, постараемся дать здѣсь о ней краткій отчетъ.

Она обязана своимъ появленіемъ въ свѣтъ экспедиціи, снаряженной, въ 1841 году, португальскимъ генеральнымъ консуломъ въ Альтонѣ, Рибейро досъ-Сантосъ, съ цѣлью посѣтить берегъ Анголы и завязать съ нимъ мѣновую торговлю. Привлеченный занимательностью такого предпріятія, авторъ книги, докторъ Тамсъ, рѣшился сопровождать экспедицію, въ качествѣ корабельнаго врача; а сверхъ-того къ ней присоединились еще двое молодыхъ натуралистовъ: г. Гросбендперъ изъ Гамбурга, какъ энтомологъ, и г. Вреде изъ Ганновера, какъ ботаникъ.

Шесть судовъ были обильно нагружены самыми разнообразными европейскими товарами, способными удовлетворить потребностямъ какъ уроженцевъ страны, такъ и поселившихся тамъ Европейцевъ. Кромѣ огнестрѣльнаго пороха, свинца и всякаго рода оружій и ремесленныхъ орудій, грузъ состоялъ изъ легкихъ матерій и выбоекъ всякаго цвѣта, особенно голубаго, наиболѣе любимаго у Негровъ, изъ полотенъ, платковъ и т. д. Не были забыты и предметы роскоши. всякаго рода украшенія, особенно бусы, вина португальскія и французскія, табакъ, разныя фарфоровыя издѣлія, гармоники, варганы, которыми нельзя было довольно запастись, и т. д.

Необыкновенность такой большой торговой экспедиціи, снаряженной иждивеніемъ одного только частнаго лица, привлекла къ себѣ вниманіе болѣе полъ-Европы и подала поводъ къ разнымъ догадкамъ и толкамъ. Воображали, что огромныя издержки предпріятія не могли быть покрыты иначе, какъ выгодами торговли невольниками, и англійскіе газетчики не посовѣстились объявить этотъ торгъ единственно цѣлью экспедиціи.

28 іюня 1841 года, суда отплыли изъ Альтоны и ровно черезъ мѣсяцъ достигли Порто-Санто, одного изъ небольшихъ островов Мадейры, а 5 августа—самаго сѣвернаго изъ острововъ Зеленаго мыса, Сентъ-Антона, который, состоя изъ сѣрой лавы, много сходствуетъ съ островами Мадейры и Канарскими. Авторъ былъ восхищенъ прелестнымъ видомъ этого островка, который изобилуетъ превосходнымъ кофе, сахарнымъ тростникомъ и виноградною лозою. Но плачевное состояніе торговли и промышленности не позволяетъ пользоваться всѣми выгодами отъ этихъ даровъ природы, которые до сего времени удовлетворяютъ только мѣстнымъ потребностямъ. Печальную противоположность съ этимъ островомъ образуетъ смежный съ нимъ С-тъ-Винценте, котораго выжженныя солнцемъ, почти вовсе почернѣлыя скалы съ округленными вершинами совершенно лишены растительности. За-всѣмъ-тѣмъ онъ слыветъ самымъ здоровымъ изъ всѣхъ острововъ Зеленаго мыса. Оставивъ этотъ островъ, суда экспедиціи послѣ 8-недѣльнаго плаванія, впервые увидѣли 10 октября 1841 года африканскій берегъ, а именно Бенгуэлу, и въ слѣдующій вошли въ прекрасную, хорошо защищенную противъ всѣхъ вѣтровъ гавань этого города, одну изъ лучшихъ всего западнаго берега Африки.

Городъ Бенгуэла, особенно съ моря, производитъ пріятное впечатлѣніе. Онъ расположенъ въ прелестной долинѣ, отчасти окруженной песчаными горами первой береговой террасы, и отдѣльныя кровли его, обставленныя густою зеленью, выглядываютъ какъ бы увеселительные домики изъ роскошнаго сада. Не очень отдаленная рѣка Катульбелла придаетъ этой горной котловинѣ чрезвычайное плодородіе; высокія кокосовыя пальмы заслоняютъ собою бо́льшую часть города.

Докторъ Тамсъ нашелъ городъ гораздо обширнѣе, чѣмъ полагалъ. Улицы широки, правильны и прямы, но являютъ болѣе развалинъ, чѣмъ обитаемыхъ домовъ. Это происходитъ оттого, что лѣтъ за 5 или 6 одно дикое племя,—вѣроятно, Ягга — напавъ на городъ, предало его грабежу и раззоренію и потомъ снова удалилось съ большою добычей.

Въ Бенгуэлѣ главный торгъ невольниками, и имъ занимаются, за исключеніемъ 2 или 3 Итальянцевъ, только Порту-

гальцы. Въ 1838 году было вывезено до 20,000 невольниковъ, и это число въ послѣдніе годы, кажется, еще увеличилось.

По показанію губернатора, въ Бенгуэлѣ до 3,000 жителей, и $\frac{1}{3}$ состоитъ изъ бѣлыхъ и мулаттовъ; число первыхъ считается около 300. Климатъ чрезвычайно вреденъ, а именно свирѣпствуютъ жестокія желудочныя лихорадки. По этой-то причинѣ уже нѣсколько лѣтъ идетъ рѣчь о перенесеніи главнаго мѣста управленія Бенгуэлоской губерніи въ болѣе южную колонію Моссамедесъ, пользующуюся здоровымъ климатомъ, отличною гаванью и богатствомъ всѣхъ африканскихъ произведеній. Вообще на всемъ извѣстномъ берегу нѣтъ пункта, болѣе удобнаго для географическихъ путешествій и изслѣдованій натуралиста, какъ Моссамедесъ, и всякій другой народъ, кромѣ Португальцевъ, вѣрно извлекъ бы изъ него значительныя выгоды.

Весьма характеристично то, что̀ авторъ сообщаетъ объ образѣ жизни тамошнихъ бѣлыхъ и Негровъ. При всемъ своемъ изобиліи въ самыхъ цѣнныхъ произведеніяхъ всѣхъ трехъ царствъ природы, Бенгуэла почти не представляетъ никакихъ слѣдовъ промышленной или вообще высшей дѣятельности, и это авторъ главнѣйше приписываетъ невольничьему торгу. «Много прибыли и мало работы» — девизъ тамошнихъ Португальцевъ; а для Негра также величайшее блаженство есть жизнь безъ труда.

Послѣднему расточительная природа само-собою подаетъ все, что̀ нужно для удовлетворенія его потребностей; а любовь его къ роскоши достаточно удовлетворяется, хотя и весьма скудною, его долею въ барышахъ торга невольниками. У здѣшняго же Европейца одно только желаніе и одна потребность — деньги. Рай ли, или пустыня вокругъ него, это ему все-равно. Также неразборчивъ онъ и въ средствахъ къ достиженію своей цѣли. Такой образъ мыслей его находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что здѣшніе бѣлые состоятъ по большой части изъ преступниковъ, сосланныхъ сюда изъ Лиссабона въ заточеніе.

Послѣ 17-ти-дневнаго пребыванія въ Бенгуэлѣ, докторъ Тамсъ посѣтилъ Ново-Редондо, лежащее нѣсколько далѣе къ

сѣверу и обыкновенно достигаемое изъ Бенгуэлы въ однѣ сутки плаванія. Изобиліе во всѣхъ африканскихъ произведеніяхъ могло бы сдѣлать это мѣсто однимъ изъ значительныхъ на берегу, но у него недостаетъ гавани, и это-то самое главнѣйше причиною, что вся его торговля въ рукахъ одного только лица, Николао Табано, урожденнаго Неаполитанца, но сосланнаго сюда изъ Португаліи. Онъ живетъ здѣсь уже 23 года и такъ свыкся съ здѣшнимъ климатомъ и образомъ жизни, что не желаетъ болѣе возвратиться въ Европу, хотя ссылка его уже давно отмѣнена. Наживъ себѣ имѣніе, оцѣняемое свыше 20,000,000 піастровъ, онъ господствуетъ надъ всѣми тамошними жителями. Число Европейцевъ въ Ново-Редондо не свыше 10, и между ними 6 природныхъ Итальянцевъ. Прочіе жители—Негры, живущіе въ большой бѣдности. За нѣсколько лѣтъ это мѣсто получило крѣпостцу и своего коменданта; но весь гарнизонъ состоитъ только изъ 6 человѣкъ. Сказанный Табано содержитъ однако подъ оружіемъ около 25 человѣкъ своего собственнаго войска.

31 октября экспедиція оставила Ново-Редондо и направилась къ Лоандѣ, главному и знатнѣйшему городу португальскаго владычества въ Африкѣ. 4 ноября она вступила въ тамошній портъ.

И Лоанда съ морской стороны представляетъ прекрасный видъ: онъ построенъ амфитеатромъ отъ подошвы береговой террасы, здѣсь подходящей къ самому морю, до ея вершины. Видъ этотъ, говорятъ, имѣетъ нѣкоторое сходство съ видомъ Багіи въ Бразиліи. Со стороны моря городъ защищенъ тремя сильными крѣпостями; но съ сухаго пути онъ вовсе не укрѣпленъ. Гавань довольно удобна и можетъ вмѣстить въ себѣ нѣсколько сотъ судовъ, но не достаточно безопасна отъ сильныхъ западныхъ вѣтровъ. И здѣсь, какъ и въ Бенгуэлѣ, главную статью отпуска составляютъ невольники. Городъ гораздо красивѣе Бенгуэлы и почти сплошь состоитъ изъ хорошо устроенныхъ кирпичныхъ домовъ, обыкновенно въ два этажа.

Докторъ Тамсъ пробылъ въ Лоандѣ 7 недѣль и имѣлъ случай сдѣлать разныя наблюденія о тамошнемъ бытѣ. 4 января 1842 года предпринято было обратное плаваніе въ Бенгуэлу.

Сколько ни благополучно шла до сихъ поръ экспедиція,

исходъ ея долженъ былъ ознаменоваться разными несчастіями. Уже на четвертый день по отбытіи изъ Лоанды на главномъ суднѣ «Васко де-Гама» обнаружилась тифозная лихорадка, и за нѣсколько часовъ до прибытія въ Бенгуэлу самъ г. досъ-Сантосъ сдѣлался ея жертвою, а съ нимъ вмѣстѣ экспедиція лишилась своего вождя и своей души. Въ Бенгуэлѣ докторъ Тамсъ узналъ о внезапно воспослѣдовавшей въ Ново-Редондо кончинѣ ботаника экспедиціи, г. Вреде, и засталъ другаго ея естествоиспытателя, г. Гросбендиера, борющагося со смертью.

Послѣ этихъ горестныхъ утратъ докторъ Тамсъ долженъ былъ покинуть свою мысль пробыть еще долѣе въ Бенгуэлѣ, для продолженія своихъ коллекцій; оставалось только помышлять о возвращеніи въ Европу. 28 января судно снялось съ якоря, и, посѣтивъ еще небольшое, дотолѣ почти вовсе неизвѣстное, небольшое негрское королевство Амбризъ (Ambriz), экспедиція направилась обратно въ Европу. 10 марта она достигла небольшаго острова Аннабона, купленнаго въ 1843 году Англіею у Испанцевъ, а 31 мая снова бросила якорь въ Альтонѣ.

Къ любопытнѣйшимъ частямъ брошюры принадлежитъ глава о естественныхъ произведеніяхъ Анголы. Всѣ португальскія владѣнія этого берега изобилуютъ разнообразнѣйшими произведеніями природы. (*) Менѣе всего еще изслѣдовано царство ископаемое; а по причинѣ невѣроятнаго нерадѣнія и невѣжества Португальцевъ также царства животныхъ и растеній еще сравнительно мало извѣстны. Между-тѣмъ, почва повсюду покрыта полезными растеніями; обширныя поля самаго лучшаго хлопчатника стоятъ на ряду съ прекраснѣйшими рощами превосходнаго строеваго лѣса; изъ густыхъ кущей акацій, которыхъ вѣтви даютъ въ изобиліи гумми, тамъ-и-сямъ проглядываютъ высокоствольныя евфорбіи; большія усадьбы алоэ смѣняются прекраснѣйшими кактусами; дивное дерево Ricinus вездѣ во множествѣ приноситъ свои маслистые плоды; драгоцѣнный индиго дико растетъ по

(*) Только Лоанда показалась автору менѣе плодородною, чѣмъ прочія мѣстности этого берега.

всѣмъ дорогамъ, часто покрывая собою большія пространства; въ нѣкоторыхъ странахъ растетъ дикій кофе, качествами, какъ говорятъ, превосходнѣе бразильскаго; берега бо́льшей части рѣкъ изобилуютъ, кромѣ бамбуковъ и другаго рода тростниковъ, сахарнымъ тростникомъ и пр. Словомъ, едва ли можно себѣ вообразить бо́льшаго расточительства природы, како́е встрѣчается на каждомъ шагу берега или по-крайней мѣрѣ въ небольшомъ отъ него разстояніи. (*)

Выгоды благоразумнаго пользованія такими добровольными дарами природы были бы неисчислимы, и если бы только торгъ невольниками пересталъ подавлять собою всякій другой интересъ, то Ангола вскорѣ стала бы снабжать европейскіе рынки драгоцѣнными лекарственными снадобьями, превосходнымъ лѣсомъ и многими другими важными статьями. Еще ни одинъ ботаникъ не сообщилъ намъ сколько-нибудь точныя свѣдѣнія о богатствѣ здѣшнихъ лѣсовъ.

Относительно уроженцевъ этого берега, авторъ изъявляетъ мнѣніе, отчасти противорѣчащее обыкновенному о нихъ сужденію. Прибывъ туда изъ Европы съ невыгодными предубѣжденіями насчетъ Негровъ, онъ послѣ краткаго пребыванія убѣдился, что только плачевныя обстоятельства виною глубокаго ихъ униженія. Мнѣніе, будто Негръ одаренъ отъ природы ме́ньшими способностями, авторъ считаетъ болѣе возникшимъ изъ торговыхъ разсчетовъ, чѣмъ основаннымъ на самой истинѣ. Онъ, напротивъ-того, полагаетъ, что конгскій Негръ столько же способенъ къ развитію, какъ и Кавказецъ, но ему только недостаетъ воспитанія. Тогда въ непродолжительномъ времени пренебреженная почва могла бы доставлять всѣ потребныя произведенія въ размѣрахъ далеко выше мѣстной потребности, и всякая тор-

---

(*) Согласно съ этимъ, и Iosè Ioaquim Lopez de Lima говоритъ въ своемъ сочиненіи о португальскихъ владѣніяхъ въ Западной Африкѣ, 1846 г. (стр. 196): къ югу отъ рѣки Лонги лежитъ плодоносная область Бенгуэла, гдѣ вмѣсто песчаныхъ равнинъ являются взорамъ обильныя, орошенныя горными потоками паствы, покрытыя рогатымъ скотомъ и овцами, главнымъ богатствомъ пастушескаго народонаселенія. Почва производитъ всѣ породы хлѣбныхъ растеній и плодовъ Африки, Америки и Европы, и т. д.

говля Неграми сдѣлалась бы излишнею. Между прибрежными жителями не преуспѣваетъ никакая промышленность и едва замѣтны слѣды какой-либо умственной дѣятельности, потому-что здѣсь каждый Негръ непосредственно или посредственно снискиваетъ себѣ пропитаніе въ торгѣ невольниками. Но внутри, гдѣ это не есть исключительное ремесло, сравнительно, процвѣтаютъ ремесла и искусства, и, напримѣръ, произведенія трудолюбивыхъ обитателей Матамбы и Кассанге всюду цѣнятся и восхваляются. Но самый явный доводъ въ пользу Негровъ есть небольшое государство Либерія, всѣми дѣлами котораго, кромѣ бѣлаго губернатора, управляютъ черные чиновники.

О Португальской Гвинеѣ, странѣ, имѣвшей въ цвѣтущія времена Португаліи гораздо обширнѣйшіе предѣлы, а именно обнимавшей собою всю южную Сенегамбію отъ мыса Св. Маріи до мыса Тагрина, но нынѣ ограничивающейся однимъ только пространствомъ земли отъ рѣки Казамансы на сѣверѣ до рѣки Гебы на югѣ, можно вскорѣ ожидать подробнаго сочиненія отъ Французскаго путешественника Бертранъ Боканде, проведшаго тамъ долгое время и собравшаго, въ-продолженіе многократныхъ своихъ экскурсій во внутренность края, обильный о немъ запасъ географическихъ и этнографическихъ свѣдѣній. Принужденный обстоятельствами снова возвратиться туда, г. Бертранъ Боканде отложилъ подробное описаніе страны до другаго, болѣе досужаго времени, но предварительно, благодаря настоянію нѣкоторыхъ друзей науки, для повѣрки прежнихъ, довольно невѣрныхъ картъ, набросалъ эскизъ этой части Гвинеи, съ присовокупленіемъ нѣсколькихъ бѣглыхъ замѣчаній о топографіи, физической географіи, народонаселеніи, языкахъ и европейскихъ колоніяхъ края. Замѣтки эти (*) заставляютъ многаго ожидать отъ самаго сочиненія. Съ особеннымъ удовольствіемъ мы прочли слѣдующій эскизъ физической природы Португальской Гвинеи.

«Окинувъ взорами карту этой части западнаго берега Африки и принявъ въ соображеніе многочисленные ея острова и

(*) Онѣ помѣщены въ Bulletin de la Société de Géographie de Paris. 1849. Tome XI, стр. 265 — 322, и Tome XII, стр. 57 — 94.

обиліе водъ, ее окружающихъ, можно было бы предполагать, что эта страна способна сдѣлаться одною изъ богатѣйшихъ въ свѣтѣ.

«И дѣйствительно она мгновенно пользуется дивнымъ плодородіемъ. Когда тощая земля, послѣ шестимѣсячной засухи, оросится дождями первыхъ бурь, всѣ скрывающіяся въ нѣдрахъ ея сѣмяна начинаютъ развиваться съ удивительною быстротою: обнаженная почва немедленно облекается густою зеленью, за ростомъ которой можно, такъ-сказать, слѣдить глазами. Нѣсколькихъ дней достаточно, чтобы совершилось это чудное превращеніе. Природа какъ бы выходитъ изъ долгаго своего оцѣпенѣнія, чтобы воскреснуть къ новой жизни. На другой же день послѣ первыхъ дождей само-собою появляется множество насѣкомыхъ; они жужжатъ въ воздухѣ и смѣшиваютъ блескъ своихъ красокъ съ зеленью растеній. Птицы наряжаются въ яркія свои одежды и привѣшиваютъ къ сучьямъ деревъ свои гнѣзда въ видѣ улитки, для защищенія своихъ птенцовъ отъ непогоды. Онѣ вьютъ ихъ такъ близко одно къ другому, что иныя деревья издали кажутся какъ бы согбенными подъ тяжестью огромныхъ плодовъ. Пѣніе этихъ тысячецвѣтныхъ пернатыхъ, благоуханіе цвѣтовъ, колоритъ дикихъ плодовъ на ряду съ яркими цвѣтами и зеленью роскошной растительности, — все возвѣщаетъ оживленіе природы; повсюду она расточаетъ жизнь, и человѣку нужно только не много взборонить землю, чтобы вскорѣ сторично собрать ввѣренныя ей зерна. Но воды, продолжая ниспадать все въ бóльшемъ изобиліи, наводняютъ почву; онѣ скопляются въ низменностяхъ и лощинахъ, превращая ихъ въ болота, и разливаются, прорывая себѣ русло, чтобы соединиться съ водами моря, которое оттого прибываетъ у береговъ своихъ. Въ то время, которое обыкновенно называютъ прекрасною порою года, хотя оно унылостью природы скорѣе напоминаетъ собою зиму другихъ климатовъ, земля снова изсыхаетъ; смежныя съ моремъ равнины остаются покрыты густымъ слоемъ соли и производятъ только африканскую смокву (des mesembrianthèmes), которая голубоватою своею зеленью заслоняетъ почву; лощины, гдѣ единственно еще оставались дождевыя воды, пребываютъ насыщенными минеральною щелочною

солью въ смѣси съ тощею глиною. На луговыхъ равнинахъ высокія травы съ живучими корнями, придающія имъ видъ обширныхъ пашенъ, вскорѣ опаляются солнцемъ, и жители, чтобы согнать съ нихъ змѣй и лютыхъ звѣрей, ищущихъ себѣ тамъ убѣжища, производятъ огромный степной пожаръ. Только у береговъ мангифера (rhizophora mangle), листья которой дѣлаютъ морскую воду прѣсною и перегоняя ее и осаждая на своей поверхности соль, увѣнчиваютъ страну широкимъ поясомъ. Переплетаясь своими вѣтвями до самой верхушки, онѣ образуютъ густую завѣсу изъ зелени, составляющую пріятный отдыхъ для глазъ и украшающую всегдашнимъ, но обманчивымъ своимъ цвѣтомъ уже помертвѣлую природу. Только большія деревья лѣсовъ, вбирая въ себя длинными своими корнями влагу изъ глубины почвы, противостоятъ засухѣ. Правда, сохраняя свое листвіе, они уже не украшаются болѣе цвѣтами, но все же прикрываютъ сѣнью своею кустарники и защищаютъ многочисленныя, переплетшіяся съ ихъ вѣтвями, ліаны. Нельзя не удивляться этимъ лѣсамъ, гдѣ растутъ египетскій баланитъ, сенегальское финиковое дерево (datarium Senegalense), carapa touloucana, Khaya Senegalensis, parinarium excelsum, pterocarpus ecinaceus, adansonia digitata и проч., а превыше ихъ всѣхъ eriodendron infructuosum еще воздымаетъ величественный свой куполъ. Его одного, посаженнаго посреди деревни, достаточно, чтобы пріосѣнить всю публичную площадь и служить страннику издалека указателемъ, подобно какъ у насъ колокольни. Вбирающія въ себя пищу изъ воздуха пальмы, phoenix spinosa, lontarus flabelliformis, elais guineensis, продолжая красоваться своею маковкою, еще сохраняютъ въ себѣ довольно соку, для того, чтобы питать какъ себя самихъ, такъ и жителей освѣжительнымъ, охмѣляющимъ напиткомъ, служащимъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ и пищею.»

Изъ всѣхъ мѣстъ на берегу Гвинеи нынѣ наиболѣе посѣщается Европейцами Бонни. Объ этомъ смертельномъ по своему климату, но любопытномъ въ торговомъ отношеніи мѣстѣ мы знаемъ кое-что новаго изъ брошюры:

Einige Notizen über Bonng an der Küste von Guinea, seine Sprache und seine Bewohner. Mit einem Glossarium von Hermann

Köler. M. D. Göttingen, gedruckt in der Dietrichschen Univ.-Buchdruckerei. 1848. IV и 182 б. 8.

Бонни, или Околлома, лежитъ подъ 4° 28′ с. ш., на лѣвомъ берегу р. Бонни, около 18 морскихъ миль отъ ея устья. Население города простирается до 5,000, изъ которыхъ бо́льшая часть невольники. Это — главное мѣсто своей области и для Европейца важнѣйшій торговый пункъ во всей дельтѣ Нигера. Этимъ преимуществомъ онъ обязанъ глубинѣ своей рѣки, глубинѣ воды на барѣ и обширной, безопасной якорной стоянкѣ въ рѣкѣ. По этой-то причинѣ сюда приходитъ болѣе судовъ, чѣмъ во всѣ прочія мѣста дельты: Бенинъ, Старый Калабаръ, Новый Калабаръ и пр. вмѣстѣ взятыя. Прежде это былъ значительнѣйшій рынокъ для торга Неграми, а нынѣ онъ сдѣлался главнымъ мѣстомъ для торговли пальмовымъ масломъ. Особенно Ливерпуль, который вообще ведетъ болѣе $^5/_6$ всей англійской торговли съ Африкою, имѣетъ здѣсь наибо́льшее число представителей, и, за исключеніемъ развѣ 2 или 3 судовъ изъ Бристоля и изрѣдка судна изъ Лондона, всѣ приходящія сюда подъ англійскимъ флагомъ суда—оттуда. Еще во время процвѣтанія торга Неграми Ливерпуль состоялъ въ живѣйшей торговой связи съ этимъ берегомъ и отчасти обязанъ ему своимъ быстрымъ возвышеніемъ. Хотя торговля пальмовымъ масломъ и не столь выгодна, какъ прежде невольничій торгъ, однако, участники все еще значительно выигрываютъ, такъ-что въ блогопріятномъ случаѣ судно отъ 400 до 500 тоннъ даетъ чистаго барыша отъ 5000 до 8000 ф. стерл. Бочка пальмоваго масла въ 210 — 220 галлоновъ въ самомъ Бонни обходится отъ 11 до 17 ф. ст., а въ Ливерпулѣ продается отъ 37 до 46. Кромѣ англійскихъ судовъ, въ Бонни только изрѣдка видно французское или американское, а другихъ сюда не приходитъ.

О Золотомъ берегѣ миссіонеръ Германнъ Галлёръ (Halleur), пробывшій тамъ долго времени, сообщилъ Берлинскому Обществу Землевѣдѣнія довольно подробное донесеніе, изъ котораго извлечемъ здѣсь слѣдующій очеркъ физическаго вида западной и восточной частей этой страны.

Вся западная часть берега пересѣкается низкими грядами холмовъ, главнѣйше въ направленіи отъ ю.-з. къ с.-в. Чѣмъ

далѣе къ востоку, тѣмъ они становятся выше. Отъ главнаго хребта идутъ въ разныхъ направленіяхъ побочныя отрасли, которыя отчасти постепенно теряются въ сѣверныхъ низменностяхъ, отчасти же, особенно къ югу, образуютъ крутые обрывы, о которые съ страшною силою дробятся морскія волны. Горы состоятъ изъ гранита, въ которомъ, однако, встрѣчаются и огромныя толщи кварца. Изъ нѣдръ этихъ горъ проистекаетъ множество рѣкъ и ручьевъ, которые текутъ то медленно, то довольно порывисто по долинамъ, орошая и оплодотворяя землю. Эта часть берега несомнѣнно принадлежитъ къ самымъ плодороднымъ странамъ въ свѣтѣ; жаль только, что здѣсь ничего болѣе не разводятъ, кромѣ ямса, сарочинскаго пшена и пизанга, которыя здѣсь преуспѣваютъ почти сами-собою, не требуя со стороны человѣка большой работы. Вся страна покрыта почти непроницаемыми первобытными лѣсами. Изъ числа деревъ одно особенно отличается своею огромностію и толщиною, достигая нерѣдко вышины болѣе 100 футовъ и толщины внизу у ствола отъ 16 до 20 футовъ въ поперечникѣ. Дерево это очень мягко и служитъ Неграмъ для выдѣлки изъ него лодокъ. Онѣ дѣлаются такой величины, что вмѣщаютъ въ себѣ до 25 человѣкъ и отъ 6 до 7 оксофтовъ рому или пальмоваго масла. У Англичанъ это дерево называется шелково-бумажнымъ (Silk-cotton-Tree), потому-что осенью доставляетъ родъ хлопчатки, столько же легкой и блестящей, какъ шелкъ. Но полезнѣйшее изъ всѣхъ здѣшнихъ деревъ есть масличная пальма, дарующая Негру все, въ чемъ онъ только нуждается. Изъ стеблей его онъ строитъ себѣ свои жилища; изъ сѣткообразной ткани подъ стеблями листьевъ дѣлаетъ щетки; самые листья служатъ кормомъ для овецъ и козъ; сокъ дерева даетъ превосходное пальмовое вино, которое добывается почти такимъ же образомъ, какъ сокъ березы, съ тѣмъ только различіемъ, что все дерево вырывается изъ земли. Дерево отъ 6 до 8 лѣтъ возрастомъ въ-теченіе 5 недѣль доставляетъ около $1\frac{1}{2}$ кварты вина. Но всего полезнѣе самое масло. Негры не могутъ обойтись безъ него почти при каждой яствѣ. Несмотря на огромное его потребленіе въ самой странѣ, они еще болѣе продаютъ его Европейцамъ, выручая отъ нихъ въ-замѣнъ ружья, порохъ, свинецъ, ромъ, простыя бумажныя ткани,

табакъ, бусы, зеркала, духи и помаду. Масло добывается весьма просто изъ прѣлыхъ пальмовыхъ орѣховъ. Сверхъ-того въ лѣсахъ имѣется еще много другихъ прекрасныхъ деревъ, весьма годныхъ, между-прочимъ, для постройки мебели; но покамѣсть они употребляются единствено на топливо.

Въ рѣзкой противоположности съ западною частію находится восточная часть Золотаго берега. Здѣсь видна почти непрерывная, песчаная плоская равнина, гдѣ не растетъ ничего кромѣ мелкаго кустарника. Почва близъ самаго берега такъ безплодна, что на ней ничто не преуспѣваетъ. Поэтому Негры принуждены заводить свои плантаціи далѣе — во внутренности страны. Надобно предполагать, что эта песчаная равнина первоначально была покрыта моремъ. Во многихъ мѣстахъ явственно можно распознать осадки разныхъ породъ земли, лежащихъ одна надъ другою болѣе или менѣе толстыми слоями и заключающихъ въ себѣ остатки морскихъ раковинъ. Кокосовая пальма, которая, впрочемъ, водится только на берегу въ соленой почвѣ, здѣсь хорошо преуспѣваетъ.

Съ жизнью Негра на западномъ берегу Африки и съ плачевною его долею въ неволѣ миссіонеръ знакомитъ насъ въ небольшой брошюрѣ:

Das Leben der Neger West-Africa's mit Rücksicht auf den Sklavenhandel. Ein Vortrag gehalten am 21. April 1850 von Hermann Gallene. Berlin. 1850. Hertz. 40 стр. (б. 8.)

Объ этомъ же предметѣ и о торговлѣ западнаго берега вообще мы узнаемъ много новаго изъ сочиненія:

Commerce et traite des noirs aux côtes occidentales d'Afrique par E. Bouët-Villaumez, capitaine de vaisseau. Paris, imprimerie nationale. 1848. VII, 230 стр., съ 2 картами. (б. 8.)

Авторъ его, г. Буэ-Вильоме, неоднократно посѣщалъ западный берегъ Африки. Состоя съ 1837 по 1839 годъ въ званіи командира французскаго брига la Malouine, онъ имѣлъ порученіе въ-точности изслѣдовать этотъ берегъ для заведенія съ тамошними жителями торговыхъ сношеній. По возвращеніи оттуда, онъ представилъ правительству своему подробное донесеніе о состояніи тамошняго края, его средствахъ и источникахъ, и о той пользѣ, какую могли бы извлечь изъ него французская промышленность и торговля.

Между-тѣмъ, какъ донесеніе это разсматривалось Торговою Палатою, авторъ совершилъ вторичную гидро-географическую экспедицію въ тѣ же самыя воды и, назначенный въ 1841 году командиромъ морской станціи береговъ Африки, снялъ въ-теченіе этого и послѣдующаго года 15 точныхъ плановъ наиболѣе посѣщаемыхъ тамошнихъ рейдовъ и рѣкъ, а съ 1843 года возведенный въ званіе губернатора французскихъ колоній на Сенегалѣ—имѣлъ много случаевъ къ обогащенію и повѣркѣ собранныхъ имъ по части торговли замѣтокъ и между-прочимъ въ 1843 и 1844 годахъ объѣхалъ на пароходѣ весь тамошній берегъ для развѣдки мѣстъ, гдѣ невольничьи суда наиболѣе отправляютъ свое постыдное ремесло. Навтическія наблюденія, сдѣланныя имъ во время этого плаванія, еще прежде были изданы имъ подъ заглавіемъ:

Description nautique des côtes de l'Afrique occidentale. Paris 1845. 8.

Въ предлежащей же книгѣ авторъ сообщаетъ свои изслѣдованія относительно торговли вообще и въ-особенности невольниками на тамошнихъ берегахъ. Особенно важенъ первый ея отдѣлъ, гдѣ разсмотрѣны торговыя отношенія 1200 мѣстъ, которыя г. Буэ самъ посѣтилъ вдоль берега, начиная изъ Сенъ-Луи до Бенгуэны. Сверхъ обильнаго матеріала по главному своему предмету—торговлѣ, онъ изложилъ здѣсь также много поучительнаго по части географіи вообще, а равно физическаго и нравственнаго быта жителей. Между-прочимъ мы узнаемъ, что торговый оборотъ Франціи съ колоніею на Сенегалѣ въ послѣдніе годы (до 1848) чрезвычайно возвысился. Въ 1840 году онъ не превышалъ 11,832,919 франковъ, а въ 1846 уже усилился до 23,880,139 фран. Такой успѣхъ капитанъ единственно приписываетъ системѣ свободной торговли. Въ той же мѣрѣ возрасла и торговля Франціи съ независимыми владѣніями этого берега, а именно съ 1,743,117 франк. въ 1840 до 10,502,380 франк. въ 1846 году. Но, по мнѣнію г. Буэ, она могла бы возвыситься еще болѣе, и онъ предлагаетъ на этотъ конецъ разныя мѣры. Во второмъ отдѣлѣ своей книги авторъ разсматриваетъ торгъ невольниками. Послѣ историческаго введенія къ этому предмету, онъ даетъ рядъ весьма точныхъ показаній касательно покупки

невольниковъ и жестокаго съ ними обращенія на главнѣйшихъ рынкахъ, собранныхъ самимъ авторомъ въ плаванія его вдоль по берегамъ Африки. Для отвращенія зла капитанъ Буэ совѣтуетъ, чтобы Франція развила въ бо́льшемъ масштабѣ африканскую колонію, которой онъ самъ положилъ первую основу въ Сенъ-Луи на Сенегалѣ, съ-тѣмъ, чтобы тамъ образовать нѣсколько сотъ молодыхъ людей со всѣхъ концовъ Африки. Отправленные потомъ въ родѣ миссіонеровъ на свою родину, они могли бы тамъ посѣять первыя сѣмяна образованности. Систему же крейсированія онъ считаетъ вовсе безсильною для совершеннаго подавленія этого торга, а именно по причинѣ множества мѣстъ, гдѣ ихъ содержатъ и сажаютъ на суда для отправки въ разныя мѣста ихъ назначенія. Съ другой стороны, полезно было бы завести большія торговыя сношенія съ самыми негрскими племенами. Тогда народы внутренней Африки мало-по-малу свыклись бы съ тою идеею, что для нихъ гораздо легче и выгоднѣе добывать свои европейскія потребности мѣною естественныхъ своихъ произведеній, нежели торгомъ невольниками, и такимъ-образомъ этотъ промыселъ исподволь прекратился бы самъ собою. Немаловажную придачу къ книгѣ г. Буэ-Вильоме составляютъ приложенныя къ ней карта Сенегамбіи и генеральная карта западнаго берега Африки вообще.

Любопытнымъ дополненіемъ къ свѣдѣніямъ капитана Буэ относительно къ торгу Неграми на западномъ африканскомъ берегу служитъ сочиненіе англійскаго командора Форбса:

Six month's service in the African blockade from April to October 1848 in comand of H. M. S. Bonetta, by Commander Forbes. London. 1849.

Начальствуя военнымъ кораблемъ «Бонеттою», командированнымъ въ 1848 году для блокады береговъ Африки, съ цѣлью препятствовать вывозу изъ нея невольниковъ, капитанъ Форбсъ имѣлъ случай наблюдать ходъ этой торговли. И его отзывъ служитъ намъ подтвержденіемъ въ томъ, что принятая морскими державами мѣра едва ли сколько содѣйствовала къ смягченію судьбы несчастныхъ Негровъ. Напротивъ-того, мы видимъ, что къ извѣстнымъ уже прежнимъ жестокостямъ торговцевъ во время заключенія невольниковъ въ тѣ-

сномъ пространствѣ сюда еще присоединились новыя муки, которыя послѣдніе должны претерпѣвать въ то время, когда ихъ гонятъ съ одного мѣста берега на другое для отысканія гдѣ-либо гавани, гдѣ алчные сребролюбцы могли бы укрыться отъ бдительности блокадныхъ эскадръ. Изъ книги Форбса мы узнаемъ нѣкоторыя мало извѣстныя доселѣ подробности объ американской колоніи Либеріи.

Область независимаго штата Либеріи куплена была въ 1823 году Американскимъ Обществомъ Колонизаціи у племени Дагіа за небольшое количество табаку, рому, 50 кусковъ сукна, 25 боченковъ пороху и ящикъ съ ружьями. Вскорѣ по завладѣніи страною американскіе покупатели должны были присовокупить еще нѣсколько подарковъ, для поддержанія мира съ туземцами. Колонія, сначала весьма незначительная, съ тѣхъ поръ очень разрослась и нынѣ уже занимаетъ всю область отъ мыса Моунта до мыса Вальмасъ, считая въ своихъ границахъ около 80,000 жителей. Колонисты по бóльшей части состоятъ изъ свободныхъ Негровъ, присланныхъ сюда изъ Соединенныхъ Штатовъ Обществомъ Колонизаціи, которое сверхъ издержекъ перевоза принимаетъ также содержаніе ихъ въ первые полгода. По истеченіи этого срока поселенцы должны пещись о себѣ сами. Въ первое время положено было взимать съ приходящихъ туда судовъ пошлину; но это встрѣтило большія затрудненія, потому-что англійскіе купцы отказывались платить ее, подъ тѣмъ предлогомъ, что Американцы не имѣютъ права на берегу Африки основать колонію и взыскивать пошлины. Это-то самое побудило новую колонію объявить себя независимою, чтò и воспослѣдовало 29 іюля 1847 года. Впрочемъ, колонія, назвавшись Либеріею, приняла флагъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ президенты избранъ былъ мулатъ Робертсъ. Въ новомъ этомъ штатѣ выходятъ двѣ газеты: «Либерійскій Вѣстникъ» и «Свѣтильникъ Африки». Послѣдній, издаваемый миссіонерами, есть óрганъ правительства. Главныя статьи отпуска изъ Либеріи составляютъ пальмовое масло, камышевое дерево и слоновая кость. Но кромѣ этихъ даровъ природы почва богата и разными другими, разведенными трудолюбіемъ колонистовъ. По всему кажется, что этому новому штату суждена лучшая будущность,

нежели обоимъ негрскимъ штатамъ на островѣ Сенъ-Доминго. Во-всякомъ-случаѣ примѣръ его будетъ оказывать гораздо благодѣтельнѣйшее дѣйствіе на уничтоженіе торга невольниками, чѣмъ дотолѣ могли всѣ блокадныя мѣры Англичанъ.

Изъ Французской Сенегамбіи мы узнаемъ о весьма любопытномъ путешествіи, предпринятомъ оттуда во внутрь страны. Одинъ изъ офицеровъ тамошняго корпуса спагіевъ, г. Геккаръ (Hecquart), хорошо знакомый съ нарѣчіями окружающихъ туземныхъ племенъ, въ 1850 году отправился изъ французской конторы Большаго Бассама (Grand Bassam) въ страну Горцевъ, съ-тѣмъ, чтобы удостовѣриться, дѣйствительно ли рѣка Акба, какъ то увѣряютъ туземцы, есть только рукавъ Нигера. Въ первую свою попытку, оставленный всѣми своими вожатыми, онъ нашелся вынужденнымъ воротиться одинъ въ Большой Бассамъ, а оттуда въ Горею. Но, снабженный новыми средствами и инструкціями, онъ снова пустился въ путь 1 сентября 1850 года изъ мѣстечка Седгіу (Sédhiou) на рѣкѣ Казамансѣ.

Проплывъ вверхъ по этой рѣкѣ до Камако (Kamako), крайняго предѣла ея судоходства, онъ перешелъ волокомъ разстояніе, отдѣляющее Казамансу отъ Гамбіи, и на этомъ пути посѣтилъ источникъ Ріо-Санъ-Куду (Rio San Coudou), рѣки Св. Григорія (rivière de Saint Grégoire) и устье Бинтама (du marigot de Bintam).

Поднявшись потомъ вверхъ по Гамбіи до Фататенды, Геккаръ прибылъ къ берегамъ Ріо-Гранде въ Каде, деревню, до которой дошелъ Молліенъ, миновавъ Мане, Пакези и Верхній Кабу. Въ Каде онъ былъ совершенно ограбленъ хищниками, но за-всѣмъ-тѣмъ продолжалъ путь свой до Тимбо въ странѣ Фута-Діаллонъ. Удержанный въ плѣну тамошнимъ альмани (almani), онъ, однакожь, успѣлъ, хотя мелькомъ, обозрѣть эту большую и богатую страну.

Съ наступленіемъ зимнихъ проливныхъ дождей путешественникъ, лишенный всѣхъ средствъ къ продолженію своихъ розысканій, долженъ былъ вернуться въ Сенъ-Луи. Но вскорѣ любознательность увлекла его въ новую попытку. 23 іюня 1851 года онъ предпринялъ оттуда третью свою экскурсію и, послѣ 45-дневнаго странствія среди всякаго рода

мукъ и лишеній, достигъ наконецъ Сенудебу, покрытый рубищемъ и изнуренный усталостью. На возвратномъ своемъ пути онъ посѣтилъ Тенду, Ніоколо, Каманъ и Бокду и изслѣдовалъ источники Сенегала, Гамбіи, Фалеме и Ріо-Гранде. Намѣренія же своего проникнуть въ Тимбукту онъ не могъ исполнить.

Это путешествіе имѣло послѣдствіемъ открытіе торговыхъ связей между Французскою Сенегамбіею и одною изъ внутреннихъ странъ. Альмани Умаръ уже прислалъ во французскія конторы на Сенегалѣ свои караваны, и его посланники воротились оттуда въ свою отчизну, щедро надѣленные дарами и весьма довольные встрѣченнымъ ими со стороны французскихъ вѣдомствъ пріемомъ.

О торговлѣ и бытѣ странъ, прилежащихъ къ Гвинейскому заливу и далѣе къ сѣверу, распространяются также два сочиненія, извѣстныя намъ только по заглавію:

Trade et Travels in the Gulf of Guinea, Western Africa, with an Account of the Manners, Habits etc. By J. Smith. London. 1851. 240 стр. (б. 12.)

Life, Scenery and Customs in Sierra Leone and the Gambia. By Thom. Eyre Poole. D. D. London. 2 vols. 39½ листовъ.

Изъ туземныхъ владѣній на западномъ берегу Африки съ нѣкотораго времени особенно усилился Дагомей, затмивъ собою даже еще недавно столь могущественное царство Ашантіевъ. (*) Это государство, лежащее на невольничьемъ берегу Гвинеи, вдоль южнаго и восточнаго склоновъ той плоской возвышенности, изъ которой проистекаютъ Нигеръ; Гамбія и другія большія рѣки, правда, стало возрастать еще съ начала XVIII столѣтія, когда воинственный царь его Гуадиса Прудо присоединилъ къ нему нѣсколько смежныхъ владѣній, а именно Вейдахъ (Weidah), Ардру и др.; но на степень нынѣшняго

(*) Основанное въ 1808 году племенемъ воинственныхъ горцевъ, царство Ашантіевъ вскорѣ, особенно по покореніи сильнѣйшаго до того на западномъ берегу негрскаго племени Фантисовъ, достигло такой власти, что сдѣлалось страшнымъ даже Европейцамъ. Но со времени послѣдней войны съ Англіею и усиленія Дагомея вліяніе его значительно поколебалось.

своего могущества оно было возведено только настоящимъ своимъ властелиномъ — Гого, который безпрестанными своими набѣгами на сосѣдственныя племена расширилъ предѣлы его до-того, что оно нынѣ заключается между рѣками Нигеромъ и Вольтою и Конгскимъ хребтомъ. Усиливъ свое царство хищничествомъ, онъ и поддерживаетъ его тѣмъ же самымъ средствомъ: главный его доходъ составляетъ торгъ невольниками, который онъ привелъ въ нѣкотораго рода систему, предпринимая на этотъ конецъ каждый годъ своимъ войскомъ нашествія на своихъ сосѣдей.

Въ первомъ обзорѣ упомянуто было о путешествіи въ Дагомей въ 1845—46 Англичанина Донкена (Duncan), одного изъ уцѣлѣвшихъ остатковъ несчастной Нигрской экспедиціи. Назначенный въ возмездіе за оказанныя имъ услуги британскимъ вице-консуломъ въ Вейдахѣ, онъ, осенью 1849 года, предпринялъ вторичное въ Дагомей путешествіе, въ сопровожденіи флота лейтенанта Форбса, съ порученіемъ своего правительства заключить съ королемъ дагомейскимъ договоръ для прекращенія торга невольниками, на каковой конецъ лейтенантъ Форбсъ снабженъ былъ письмомъ главноначальствующаго флотомъ. 12 октября оба посланника, въ сопровожденіи толмачей и свиты Негровъ, несшихъ боченки рому, мѣшки съ раковинами (cowry shells) и другіе предметы, назначенные въ даръ королю, отправились изъ Вейдаха (Whydah), морскаго порта дагомейскаго, и послѣ четырехъ-дневнаго перехода достигли лежащей въ 135 верстахъ оттуда во внутренности страны столицы дагомейской Адомея. И въ этотъ разъ Донкенъ и его спутникъ были встрѣчены королемъ Гого съ большимъ почетомъ. Благосклонно принявъ поднесенные ему дары, онъ роскошно угостилъ эмиссаровъ и показалъ имъ всѣ достопримѣчательности своей столицы, между-прочимъ свою тѣлохранительную стражу, исключительно составленную изъ женщинъ. (*) Но главная цѣль миссіи не была достигнута. Не

(*) Амазонское это войско, дѣятельно участвующее и въ набѣгахъ короля дагомейскаго, впрочемъ недавняго происхожденія. Оно впервые заведено дѣдомъ нынѣшняго короля, Ада Гунзу (Hoonzoo) въ 1774—1789 года.

рѣшаясь отказаться отъ торговли, приносящей ему столько выгодъ, король уклонился вступить по этому предмету въ переговоры, сказавъ по прочтеніи врученнаго ему письма, что это дѣло слишкомъ важно, чтобы не быть подвергнутымъ на разсмотрѣніе палавера (сейма), а поэтому пригласилъ эмиссаровъ возвратиться въ слѣдующемъ маѣ, мѣсяцѣ, когда начнутся обряды (the customs), ежегодное торжество въ Дагомеѣ, во время котораго обсуживаются и всѣ важныя дѣла. Итакъ, оба посланные принуждены были возвратиться съ этимъ уклончивымъ отвѣтомъ.

Къ назначенному королемъ сроку оба эмиссара снова отправились въ Адомей, гдѣ пробыли съ 26 мая по 6 іюля 1850 года. Во все это время продолжался рядъ празднествъ и совѣщаній, на которыхъ всякій рязъ лично присутствовалъ самъ король. Въ-заключеніе церемоній посланные были приглашены къ главному торжеству — раздачѣ даровъ, на которомъ между прочими, раздаваемыми народу, дарами сукномъ, крѣпкими напитками, раковинами и т. д. были также живые плѣнники, обреченные на закланіе и растерзаніе толпою. Съ трудомъ только британскіе уполномоченные успѣли спасти отъ такой участи троихъ изъ числа 14 несчастныхъ жертвъ, обѣщавъ за каждаго изъ нихъ по 100 доллеровъ. (*)

Но и въ этотъ разъ миссія осталась безъ успѣха. Въ оправданіе своего отказа король сослался на давность народнаго обычая и примѣръ своихъ предковъ и сосѣдственныхъ племенъ. Касательно же мѣръ, предложенныхъ ему въ замѣнъ торга невольниками, а именно регулярной торговли пальмовымъ масломъ и взиманія пошлинъ съ другихъ націй, Гого отвѣчалъ, что введеніе этихъ мѣръ потребовало бы долгаго времени. Впрочемъ, онъ изъявилъ свою готовность обратить Дагомей въ большую земледѣльческую націю, если ему ука-

(*) Эти звѣрскія жертвоприношенія людей у Дагомейцевъ описываютъ и прежніе путешественники: Дюпюи, Лердъ (Laird), Жиро (Giraud), Боудичъ и Ландеръ. Жиро, бывшій въ Дагомеѣ въ 1836 году, разсказываютъ, что въ его присутствіи въ одинъ праздникъ заколоты были отъ 5—600 подданныхъ короля (не-плѣнныхъ). Иные были обезглавлены; другіе, низверженные съ высокой стѣны, были подхватываемы на штыки, и все это для общей потѣхи.

жутъ средства къ исполненію этого, и выразилъ свое желаніе оставаться въ дружественныхъ сношеніяхъ съ Великобританіею и вмѣстѣ съ тѣмъ свое согласіе принять у себя британскаго консула и даже нѣсколькихъ миссіонеровъ.

Вскорѣ по возвращеніи изъ этого посольства Донкенъ занемогъ тяжкою болѣзнію, отъ которой уже не оправился. Спутникъ его, лейтенантъ Фредерикъ Форбсъ, сохранилъ намъ любопытный разсказъ объ этихъ двухъ миссіяхъ подъ заглавіемъ:

Dahomey and the Dahomans: being the Journal of two missions to the king of Dahomey and residence at his capital in the years 1849 und 1850, by Frederick E. Forbes. Com. 2-N. London. Longman et Co. 1851. 2 vols. (*)

Относительно географіи и статистики Дагомея мы узнаемъ изъ этой книги между-прочимъ, что это царство простирается около 240 верстъ съ в. на з. и около 300 отъ морскаго берега во внутрь, до крайняго своего рубежа — Конгскаго хребта. Страна, при всемъ своемъ богатствѣ въ естественныхъ произведеніяхъ, малолюдна, а именно въ-слѣдствіе непрестанныхъ опустошительныхъ войнъ и травлей невольниковъ, продолжающихся уже болѣе столѣтія. Все число жителей едва ли превышаетъ 200,000 человѣкъ обоего пола, изъ которыхъ только 20,000 свободныхъ. На столицу Адамей приходится около 30,000 жителей. Армія дагомейская состоитъ изъ 12,000 человѣкъ регулярнаго войска, въ томъ счету около 5,000 женщинъ. Но въ случаѣ нужды король можетъ набрать до 20,000 человѣкъ обоего пола, при чемъ замѣчательно, что женщины на войнѣ еще превосходятъ свирѣпостью мужчинъ. Кромѣ земледѣлія, отправляемаго хотя и въ большихъ размѣрахъ, но не весьма исправно, и нѣкоторыхъ отраслей мануфактурной промышленности, народъ только занимается войною и травлею невольниковъ. Послѣдняя

(*) Изъ числа прежнихъ описаній Дагомея наиболѣе замѣчательны: Дальцеля (Dalzel) History of Dahomey, an inland kingdom of Africa, London, 1795, Норриса, котораго донесеніе помѣщено въ Magazin von Reisebeschreibungen, Berlin, 1791 Br. V., и Донкена.

обыкновенно предпринимается въ ноябрѣ и декабрѣ мѣсяцахъ, и добыча отъ нея составляетъ единственный доходъ короля.

И Форбсъ также обсуживаетъ вопросъ относительно торга невольниками. Единственное къ прекращенію его средство онъ, кромѣ строгой поддержки блокады, видитъ въ распространеніи между Неграми просвѣщенія. Это, по его мнѣнію, можетъ быть достигнуто съ одной стороны воспитаніемъ, а съ другой поощреніемъ такихъ отраслей торговли, которыя окажутся для туземцевъ выгоднѣе торга невольниками. Въ этомъ отношеніи онъ многаго ожидаетъ отъ примѣра сосѣднихъ народовъ. Гранича съ одной стороны съ дельтою Нигера, а съ другой съ царствомъ Ашантіевъ, Дагомей лежитъ, такъ-сказать, въ самой серединѣ между двумя главными столпами невольничьяго торга. Между-тѣмъ какъ въ Дагомеѣ рѣдко ввозятся шелковыя издѣлія и на тамошнемъ рынкѣ встрѣчаются только оборыши торговли, цѣна которымъ еще значительно возвышается надбавочною пошлиною и фрахтомъ за провозъ изъ Бразиліи, у сосѣдей совсѣмъ иное дѣло. У нихъ выбираются самыя лучшія статьи: индѣйскіе и китайскіе шелки, дорогіе кораллы, шампанское и другія цѣнныя вина, серебряныя и золотыя украшенія, — словомъ, всѣ высшіе предметы торговли, въ наибольшемъ ихъ совершенствѣ привозятся на величайшихъ въ свѣтѣ судахъ въ рѣку Бонни и другія смежныя воды въ обмѣнъ на пальмовое масло.

Книга г. Форбса распространяется также о естественныхъ произведеніяхъ Дагомея, а сверхъ-того о бытѣ народа и всемъ сюда относящемся. Между-прочимъ, онъ сообщаетъ довольно подробный словарь дагомейскаго языка. Но въ-особенности замѣчательно сдѣланное имъ открытіе, что внутри Африки существуетъ языкъ, устроенный на такихъ фонетическихъ началахъ, которыя даютъ возможность выражать разныя африканскія нарѣчія письменами. Этотъ языкъ, именуемый Baria Vahie, лѣтъ за 20 изобрѣтенъ былъ восемью Неграми безъ всякаго содѣйствія Европейцевъ — доводъ, приводимый авторомъ въ доказательство того, что Негры вовсе не лишены общей способности къ образованію.

Г. Форбсъ привезъ съ собою изъ этого путешествія маленькую африканскую дѣвочку, съ большими дарованіями,

плѣнницу, подаренную ему королемъ Гого, и говоритъ, что сама англійская королева приняла на себя попеченіе объ этой интересной Негритянкѣ, которой дано имя Сара Форбсъ-Бонетта.

Алчность и своекорыстіе, по-видимому, составляютъ существенную черту въ характерѣ береговаго Африканца. Если независимыя владѣнія среднихъ прибрежій Африки главнѣйше живутъ набѣгами на своихъ сосѣдей и продажею негрскихъ невольниковъ христіанамъ, то независимыя государства сѣвернаго берега искали главной своей добычи въ морскомъ разбоѣ, взымая дань съ христіанскихъ державъ и даже забирая въ плѣнъ самихъ христіанъ. (*) Къ славѣ XIX столѣтія относится, что нынѣ этому постыдному ремеслу почти вовсе положенъ конецъ. Изъ разбойничьихъ державъ прежней Варваріи только Марокко еще придерживается стариннаго обычая (**), питая самую непримиримую ненависть къ христіанамъ; но могущество марокскихъ султановъ, нѣкогда простиравшееся даже на Тимбукту, нынѣ уже очень потрясено.

Эта замѣчательная имперія въ послѣдніе годы была посѣщена извѣстнымъ членомъ англійскаго парламента Урквартомъ, посвятившимъ ея соображенію бо́льшую часть своего сочиненія:

The Pillars of Hercules or a Narrative of Travels in Spain and Marocco in 1848. Въ David Urquhart, Esqu. M. P. London. 1850. Richard Bentley. 2 vols. 460 и 464 стр. б. 8.

Какъ страстный почитатель Востока (***), авторъ имѣетъ особенное благоговѣніе къ Марокской имперіи. «Варварія — говоритъ онъ въ предисловіи—къ привлекательности неизвѣстнаго и оригинальнаго края вообще присоединяетъ еще особенную, по причинѣ своей связи съ страною, которая изъ

(*) Сначала они захватывали только испанскіе корабли, но, начиная съ XVI вѣка, распространили свой морской разбой на всѣ христіанскія суда вообще.

(**) Въ Тунисѣ морской разбой прекратился со времени занятія Французами Алжиріи, и самое невольничество отмѣнено въ немъ съ 1842 года. Триполи также не занимается болѣе пиратствомъ.

(***) См. прежнія его сочиненія: Turkey and its Ressources и the Spirit of the East.

всѣхъ другихъ имѣетъ право на нашу любовь, т.-е. съ Ханааномъ. Съ Варваріею тѣсно переплетена исторія разныхъ великихъ, древнихъ и таинственныхъ племенъ: Ханаанитовъ, Евреевъ, Кельтовъ и Сарацынъ. Она сдѣлалась послѣднимъ пріютомъ Филистимлянъ. Жиды въ другихъ странахъ, принявъ обычаи туземнаго населенія, утратили свой первобытный типъ, который можно видѣть только въ Варваріи, гдѣ еще продолжаетъ жить Іудея, вовсе изглаженная въ Азіи. Здѣсь еще поднесь можно найти тотъ народъ, который обратилъ Испанію въ садъ, научилъ ее вмѣстѣ искусствамъ войны и мира, а оттуда распространилъ это познаніе и по остальной Европѣ.... здѣсь исторія какъ бы безмолствуетъ; но тотъ же самый монументальный характеръ принадлежитъ нравамъ, обычаямъ и преданію. Поэтому-то я не поколебался посвятить значительное мѣсто этимъ розысканіямъ, наиболѣе меня привлекавшимъ въ моихъ экскурсіяхъ, которыя казались болѣе странствіемъ чрезъ отдаленные вѣка, нежели чрезъ новыя земли.»

Далѣе авторъ отводитъ Марокхской имперіи одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ исторіи. «Марокко столько же разнится отъ Востока, какъ Востокъ отъ Европы; но она имѣетъ не одну только прелесть разнообразія. Эта страна кажется общею колыбелью обоихъ: вы внезапно поражены предметами, которые уносятъ васъ въ самыя раннія времена или даютъ вамъ ключъ къ уразумѣнію самыхъ обще-распространенныхъ изъ нынѣшнихъ обычаевъ. Возбужденное въ васъ сначала праздное любопытство скоро обращается въ сознаніе важности каждой отдѣльной бездѣлицы.»

Уже въ Гибралтарѣ авторъ нашелъ, что главныя тамошнія укрѣпленія, и понынѣ еще удивляющія свѣтъ своею силою и прочностью, относятся ко временамъ Мавровъ, и что, исключая тѣ части, гдѣ нужно приложеніе пороха или которыя вовсе излишни для обороны, Мавры сдѣлали Гибралтаръ тѣмъ, что́ онъ есть нынѣ. (*) Маврамъ это мѣсто обязано своею

(*) На перекоръ общему мнѣнію, г. Урквартъ считаетъ Гибралтаръ для Англіи однимъ только тягостнымъ бременемъ: Гибралтаръ, по его словамъ, не господствуетъ надъ проливомъ, не представляетъ средствъ къ починкѣ флота, не даетъ защиты судамъ въ-случаѣ войны, не оказы-

славою и крѣпостію, и для нихъ оно имѣло значеніе, потому-что они изъ Африки дѣлали свои нашествія на Испанію. По прибытіи на марокккскую почву, видъ садовъ, именуемыхъ китанъ, верстахъ въ 4 или 5 отъ Тетуана, при всемъ ихъ нынѣшнемъ запущеніи, своимъ устройствомъ, способомъ своего орошенія, раздѣльнымъ своимъ просторомъ (они такъ устроены, что можно вездѣ, даже въ крытыхъ аллеяхъ, проѣзжать по нимъ верхомъ) и, наконецъ, красивыми своими пристройками напомнили ему тотъ народъ, который впервые ввелъ въ Испаніи садоводство, или, собственно говоря, обратилъ Испанію въ садъ. Посѣщеніе Алджезираса, для осады котораго нѣкогда, такъ же, какъ для осады Трои, собрались цари изблизи и издалека, привело его къ той мысли, что употребленіе пороха и бомбъ (*) было уже извѣстно Маврамъ задолго до изобрѣтенія его Бартольдомъ Шварцомъ и, вѣроятно, какъ и бумага, перешло къ нимъ изъ Китая. Употребленіе мавританскихъ бань даетъ ему поводъ распространиться, въ особой главѣ, о чистоплотности, о превосходствѣ въ этомъ отношеніи Востока передъ Западомъ и о пользѣ введенія народныхъ бань въ Англіи, при чемъ онъ ссылается на примѣръ Россіи. (**) При видѣ мавританской палатки онъ замѣчаетъ, что, не говоря уже о великолѣпіи и грандіозности, а судя по одной только пользѣ и удобству, онъ не зналъ, что́ такое есть палатка, доколѣ не увидѣлъ марокккскихъ шатровъ. Ознакомившись съ домашнимъ бытомъ жителей Сахары, онъ даже сомнѣвается, чтобы женщина въ Англіи или въ Европѣ

ваетъ никакой выгоды, а, напротивъ того, вредитъ британской торговлѣ (по причинѣ явно благопріятствуемой имъ контрбанды), не даетъ средствъ къ угроженію Испаніи, а только раздражаетъ ее, и, въ заключеніи, стоилъ и до сихъ поръ еще стоитъ Англіи несмѣтныхъ суммъ.

(*) Г. Урквартъ самъ при осмотрѣ укрѣпленій Алджезираса нашелъ близъ нихъ въ водѣ большія ядра и изъ нихъ одно въ 20 дюймовъ въ поперечникѣ и около 700 ф. вѣсомъ, и хотя соглашается, что они могли быть пущены изъ каменометницы (Catapulta), но присовокупляетъ, что огнестрѣльный порохъ несомнѣнно былъ извѣстенъ въ то время мусульманамъ.

(**) Эта мысль, какъ извѣстно, приведена дѣйствительно въ исполненіи. Въ Лондонѣ и другихъ большихъ городахъ заведены для простолюдиновъ публичныя бани.

вообще была счастливѣе жены Араба въ пустынѣ! Однимъ словомъ, читая книгу г. Уркварта, нельзя объяснить себѣ, какимъ образомъ страна, имѣющая за собою столько преимуществъ, могла навлечь на себя нареканіе Варваріи. Мы находимъ, впрочемъ, на этотъ счетъ нѣкоторую оговорку у самого автора. «Сравнивать стариннаго Мавританца съ нынѣшнимъ африканскимъ Мавромъ почти значитъ то же самое, что сравнивать нынѣшняго Британца съ нагими (по-вѣроятности) его предками. Но я сомнѣваюсь, чтобы прежній блескъ вовсе исчезъ. Взгляните на Мавра: не замѣчаете ли вы достоинства въ его осанкѣ, величія въ его нарядѣ? Издѣлія мароккскихъ станковъ и понынѣ еще равняются въ изяществѣ и вкусѣ тканямъ любой страны, если не превосходятъ ихъ. Въ Тетуанѣ нынѣ еще дѣлаются тѣ мозаики, которыми украшена Алгамбра. Ученость, правда, удалилась; но развѣ это есть что-либо существенное въ величіи? Если народъ погружается въ варварство, то онъ дѣлается равнодушнымъ къ чести: онъ заненавидитъ самого себя, болѣе нежели своего врага или завоевателя. Но не таковъ Мавританецъ.

Изъ всего вышеприведеннаго можно видѣть, что г. Уркквартъ рѣшился смотрѣть на свой предметъ, во чтὸ бы то ни стало, только съ свѣтлой точки; да и онъ самъ изъясняется насчетъ этого оптимистскаго начала своего въ слѣдующихъ словахъ: «Есть правило, содѣлывающее намъ не только путешествіе, но и самую жизнь пріятною: оно заключается въ томъ, чтобы искать и видѣть въ другихъ только то, чтὸ хорошо и полезно, съ-тѣмъ, чтобы исправлять или, по-крайней-мѣрѣ, понять то, чтὸ есть въ насъ самихъ безполезнаго или ошибочнаго», и въ другомъ мѣстѣ: «Безразсуденъ тотъ, кто судитъ объ обычаяхъ другихъ народовъ по обычаямъ своей собственной страны. Полезный путешественникъ и наблюдатель начнетъ съ совершенно тому противоположнаго конца. Онъ отложитъ въ сторону всякія попытки къ сличенію; онъ будетъ избѣгать всякой мысли или сужденія и главнѣйше начнетъ съ того, чтобы отчудиться отъ собственныхъ своихъ привычекъ и образа мыслей, для того, чтобы перенестись въ бытъ той страны, которую онъ посѣщаетъ. А этого онъ достигнетъ, если постарается чувствовать, какъ сами туземцы,

чего никогда не успѣетъ, если вздумаетъ размышлять о нихъ.»

Естественно, что отъ путешествія г. Уркварта не надобно ожидать положительныхъ географическихъ и статистическихъ данныхъ, которыя и вообще довольно трудно добыть о такомъ краѣ, каковъ Марокко. Въ этомъ отношеніи главнымъ источникомъ все еще остается сочиненіе бывшаго тамъ 6 лѣтъ шведскимъ консуломъ Граберга де-Гемсо (*) и Эмиля Рену. (**) Но, во-всякомъ-случаѣ, книга г. Уркварта, по причинѣ короткаго знакомства автора съ Востокомъ вообще, не лишена интереса.

Другое дѣло въ смежной Алжиріи. Здѣсь съ тѣхъ поръ, какъ это, въ прежнія времена, главное гнѣздо морскаго разбоя подведено подъ систему европейской цивилизаціи, нельзя жаловаться на недостатокъ въ статистическихъ цыфрахъ.

О нынѣшнемъ состояніи этой колоніи и арабскаго ея населенія въ 1851 году представленъ былъ со стороны военнаго министра оффиціальный отчетъ, довольно полное извлеченіе изъ котораго помѣщено въ январьской книжкѣ 1852 г. Nouvelles Annales des Voyages. Пропуская историческій обзоръ постепеннаго въ Алжиріи развитія французскаго владычества и изложеніе введеннаго тамъ Французами образа управленія и гражданскаго устройства, мы остановимся здѣсь на нѣкоторыхъ географическихъ и статистическихъ данныхъ этого отчета, наиболѣе способныхъ объяснить намъ настоящее положеніе колоніи.

Поверхность Алжиріи, со включеніемъ Телля и Сахары, считается около 390,000 □ километровъ, т.-е. почти $^4/_5$ всей Франціи. На этомъ пространствѣ земли обитаетъ около 3 милліоновъ душъ, раздѣленныхъ на 1145 колѣнъ (tribes). Не вся эта страна, однако, покорена французскимъ оружіемъ: нѣкоторыя изъ племенъ Кабиловъ на берегу между Деллессомъ и Филиппвилемъ еще хранятъ свою независимость. На долю Сахары изъ вышеприведеннаго пространства земли приходится 253,000 километровъ. Здѣсь народонаселеніе гораздо

(*) Specchio geografico e statistico dell'imperio di Marocco. Genova. 1834

(**) E. Renou, Description géographique de l'empire de Maroc. Paris. 1846. (8)

рѣже, чѣмъ въ Теллѣ, и во всей этой обширной степи, нынѣ болѣе или менѣе признающей надъ собою господство Французовъ, едва нѣсколько постовъ заняты французскими войсками.

Въ собственно Алжирской области считается 290 колѣнъ, въ числѣ 900,000 душъ, поселенныхъ на пространствѣ земли въ 113,000 □ километровъ. Изъ нихъ 175 колѣнъ состоятъ подъ непосредственнымъ управленіемъ Французовъ, т.-е. приписаны къ камендантамъ разныхъ отдѣльныхъ округовъ; 87 признаютъ надъ собою власть Франціи, болѣе или менѣе сохраняя еще свой собственный образъ управленія, а 28, именно кабильскихъ колѣнъ, еще не были покорены. Франція содержитъ въ этой области до 510 всадниковъ и пѣхотинцевъ изъ среды самихъ Арабовъ. Въ самомъ Алжирѣ при особѣ генералъ-губернатора состоитъ Главное Бюро (bureau politique des affaires arabes), гдѣ сосредоточиваются дѣла по управленію и высшей администраціи племенъ. Собственно же администраціею области вѣдаетъ дивизіонное управленіе, которому подчинены 5 арабскихъ бюро перваго и 5 втораго разряда, 3 калифа, 5 башъ-ага и 20 ага.

Оранская область объемлетъ 102,000 □ километровъ земли и 600,000 душъ жителей, распредѣленныхъ на 275 колѣнъ, изъ числа которыхъ 202 состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ, а 73 еще имѣютъ своихъ собственныхъ главныхъ начальниковъ, впрочемъ, зависимыхъ отъ Франціи; изъ нихъ 3 калифа (одинъ въ Теллѣ) и 22 аги. 335 Арабовъ числятся въ военной службѣ.

Область Константинская имѣетъ 175,000 □ километровъ земли и 1,300,000 жителей, въ числѣ 580 колѣнъ, изъ которыхъ 60 еще не покорены, а именно въ прибрежныхъ горахъ между Буджеею и Филиппвиллемъ. Въ этой области содержится 260 человѣкъ вспомогательнаго войска изъ среды самихъ Арабовъ.

Итакъ, вліяніе Франціи простирается на 897 колѣнъ, населяющихъ самыя плодородныя части Алжиріи, вдоль по большимъ трактамъ торговли и главнымъ протокамъ водъ. 88 колѣнъ еще остаются въ независимости.

Собранный Франціею съ Алжиріи доходъ составлялъ:

	1849	1850	
Въ Алжирской области .	1,864,000	871,000	
— Оранской.	1,882,000	865,000	
— Константинской. . .	2,464,000	2,753,000	франковъ.
	6,210,000	4,489,000	

При чемъ, однако, конечно, должно принять въ соображеніе, что арабскій людъ въ Алжиріи былъ раззоренъ многолѣтнею войною и разными бѣдствіями, какъ-то : засухою, саранчею и пр., а поэтому требовалъ со стороны французскаго правительства большой пощады.

Къ числу выгодъ, извлекаемыхъ Франціею изъ обладанія Алжиріею, принадлежитъ содѣйствіе туземныхъ племенъ въ военныхъ операціяхъ. Арабы, допускаемые сперва въ отрядъ зуавовъ, потомъ въ эскадроны спагіевъ, а наконецъ въ баталіоны туземныхъ стрѣлковъ, храбро сражались въ рядахъ Французовъ и сдѣлали хорошіе успѣхи въ европейской дисциплинѣ, а многіе изъ нихъ научились говорить по-французски. Итакъ, эти воины могутъ современемъ сдѣлаться важнымъ орудіемъ для образованія туземцевъ.

Но главной выгоды Франція можетъ ожидать отъ плодородія страны, которая нѣкогда принадлежала къ первымъ житницамъ въ свѣтѣ. Объ этомъ мы узнаемъ много любопытнаго изъ прекраснаго мемуара, представленнаго въ 1847 году Парижской Академіи Наукъ г. Гарди (Hardy): о климатѣ Алжиріи.

Климатъ этой страны состоитъ изъ двухъ крайностей: сухаго, теплаго и дождливаго, холоднаго, ненастнаго времени года. Въ-продолженіе послѣдняго температура, отъ вліянія сѣверныхъ вѣтровъ, понижается до + 2° и въ укромныхъ мѣстахъ удерживается на + 8° до + 10°. Вообще тамошній климатъ много зависитъ отъ господствующихъ вѣтровъ. Количество дождей убываетъ по-мѣрѣ удаленія отъ Океана; наиболѣе его выпадаетъ въ зимніе мѣсяцы. Съ наступленіемъ осенняго равноденствія начинаются и дожди, возрастая до исхода декабря, а потомъ до средины мая убываютъ, смѣняясь продолжительною засухою. Въ Алжиріи, какъ и въ Провансѣ, наибольшее количество дождя выпадаетъ въ самые холодные мѣсяцы, когда онъ оказываетъ мало вліянія на

растительность; въ средней Европѣ — напротивъ-того, въ самые теплые мѣсяцы, когда стекаются всѣ обстоятельства для благопріятнаго развитія растительности.

Деревянистыя растенія Алжиріи состоятъ изъ трехъ группъ: вдоль по рѣкамъ и въ лощинахъ растутъ деревья съ опадающими листьями—тополи, ольхи, ясени и вязы; вторую группу образуютъ агавы (Agaves), кактусы и пальмы, питомцы знойнаго пояса; третью группу образуютъ деревья съ вѣчнозеленѣющими, жесткими кожеобразными листьями: они противостоятъ вліянію ненастья, засухи и зноя, какъ-то: европейская маслина, Philtyreae, Pistacia Terebinthus, Lentiscus и др. Они покрываютъ собою всѣ сухія отлогости холмовъ.

Насчетъ роста деревъ г. Гарди дѣлаетъ замѣчаніе, что онъ идетъ болѣе въ ширину, чѣмъ въ вышину, отчего широкія ихъ вершины являютъ совсѣмъ особый видъ. Иныя деревья, правда, сначала отъ благопріятныхъ внѣшнихъ обстоятельствъ сильнѣе разростаются, но по достиженіи извѣстной вышины вершины ихъ начинаютъ сохнуть, а вѣтви расширяться въ горизонтальномъ направленіи. Авторъ приписываетъ это тому обстоятельству, что, вѣроятно, надъ поверхностью земли находится слой воздуха, который препятствуетъ произрастанію и вредность котораго поддерживается воздушными токами степи. Западная и сѣверная стороны горъ или вовсе обнажены, или покрыты малорослымъ кустарникомъ: Quercus conifera и Pistacia Lentiscus. Только въ углубленіяхъ попадаются высокія деревья, да и то болѣе на южномъ и восточномъ склонахъ. Причиною тому сѣверные вѣтры, отъ которыхъ не всегда защищены даже восточная и южная покатости. И на пахатныхъ земляхъ замѣтно пагубное вліяніе этихъ вѣтровъ: между-тѣмъ, какъ, при равныхъ условіяхъ почвы, подверженныя сѣверному вѣтру пашни даютъ только скудный урожай, онъ, при благопріятномъ положеніи, бываетъ вчетверо и впятеро больше.

Основываясь на этомъ наблюденіи, авторъ предлагаетъ для защиты усадьбъ разводить деревья, а именно такимъ образомъ, чтобы въ-разстояніи около ста метровъ слѣдовали кипарисы, маслины, затѣмъ тутовыя, а наконецъ плодовыя деревья; въ промежуткахъ уже сѣять разные злаки.

Все будущее плодородіе Алжиріи, по мнѣнію г. Гарди, зависитъ отъ надлежащаго расплода деревъ; нынѣ же весь выпадающій дождь или сбирается въ болотахъ, или стекаетъ въ текучія воды, тогда-какъ имъ можно бы съ большою выгодою воспользоваться для улучшенія земледѣлія.

Изъ отчета военнаго министра о состояніи Алжиріи за 1846 годъ мы узнаемъ, что въ этой колоніи уже приступлено къ осуществленію этой полезной идеи, а именно въ томъ году уже было основано въ Алжиріи 15 разсадниковъ. Они размѣщены въ главныхъ центрахъ народонаселенія, и назначено развести лѣса, рощи и деревья въ такихъ мѣстностяхъ, которыя доселѣ были лишены ихъ. На этотъ конецъ выбраны такія породы деревъ, которыя всего лучше преуспѣваютъ въ Алжиріи, особенно плодовыя и другія цѣнныя деревья: множество ихъ уже посажено вдоль большихъ и проселочныхъ дорогъ, на публичныхъ площадяхъ, гульбищахъ и по берегамъ рѣкъ. Усадьбы эти не мало способствуютъ здоровью и благосостоянію жителей.

Съ ископаемою природою Алжиріи насъ знакомитъ сочиненіе:

Richesse minérale de l'Algérie, par H. Fournel, Ingénieur en chef des mines de l'Algérie pendant les années 1843—46. Publié par ordre du Gouvernement. Tome I. Paris. 1850. 62½ листа б. 4.

Оно было плодомъ изслѣдованій, произведенныхъ имъ на самомъ мѣстѣ съ 1843 по 1846 годъ, съ цѣлью узнать, какую пользу можно будетъ извлечь изъ ископаемыхъ веществъ колоніи.

Изслѣдованіе это убѣдило его въ неосновательности мнѣнія, будто Алжирія бѣдна относительно къ минеральному царству. Одна Константинская область, которая, конечно, есть самая богатая изъ всѣхъ, заключаетъ въ себѣ важныя мѣстонахожденія превосходнаго мрамора (*), селитры, гипса, соли, желѣза, свинца, мѣди и антимонія, и надѣются также отыскать въ ней каменный уголь. Главное богатство колоніи, со-

---

(*) Еще недавно открытъ тамъ родъ прозрачнаго мрамора, похожаго на опалъ и годнаго на изготовленіе камей.

ставляютъ многочисленные и обильные желѣзные рудники горы Эдоу (Edough), близъ Боны, и горъ Фельфела (monts Felfela), неподалеку отъ Филиппвиля, которые, по мнѣнію Френеля, были уже разрабатываемы Вандалами. Рудники въ окрестностяхъ Боны доставляютъ магнитное желѣзо, котораго вовсе недостаетъ во Франціи и которымъ столько славится Швеція. Добываніе этой руды не сопряжено съ большими трудностями; но, по причинѣ недостатка въ топливѣ на мѣстѣ, ее нужно будетъ перевозить во Францію. Фурнель считаетъ еще нерѣшеннымъ, можно ли изъ алжирской руды выдѣлывать такой отличный булатъ, какъ изъ шведской; но, вовсякомъ-случаѣ, онъ полагаетъ, что она дастъ лучшей доброты желѣзо. Въ тѣхъ же самыхъ горахъ (Эдоускихъ и Фельфельскихъ) находятся и огромныя ломки мрамора, годнаго на статуи. Сверхъ-того, въ окрестностяхъ Константины находятъ литографическій камень, вблизи Гвельты киноварь, а около Сетифа соленые ключи, въ Тебесѣ (Tebeça), въ Сахарѣ, жерновой камень, и т. д.

Авторъ сообщаетъ весьма любопытныя свѣдѣнія объ артезіанскихъ колодцахъ въ оазисѣ Туггуртскомъ и высказываетъ мнѣніе, что эти колодцы современемъ могутъ оказать важное вліяніе на образованіе Алжиріи.

Книга Фурнеля не лишена также занимательности и по части самой географіи. Между-прочимъ, она даетъ намъ слѣдующее понятіе объ Атласѣ (стр. 7):

«Атласъ не образуетъ собою двухъ отдѣльныхъ и неравныхъ цѣпей, которыя можно было бы, по словамъ Птолемея, обозначить именами Большаго и Малаго Атласа: это, напротивъ-того, одна только цѣпь, идущая съ ю.-з. къ с.-в. между Средиземнымъ моремъ и Сахарскимъ архипелагомъ, составляющимъ границу Большой Степи. Цѣпь эта начинается у океана, который отъ нея получилъ свое названіе, и оканчивается у Малаго Сирта (Габесскаго залива, golfe de Gabes).

Главная толща Атласа принадлежитъ къ двумъ ярусамъ мѣловой земли (de tarrain crétacé), опирающимся на кристаллическія земли Сахела (de Sahel). Темя Атласа, шириною около 200 километровъ, состоитъ изъ плоскихъ возвышенностей, неправильно разбросанныхъ между многочисленными цѣпями скалъ и горъ, и вездѣ прорѣзана узкими лощинами, оврагами

и разсѣлинами, глубоко вдающимися въ нѣдра горъ. Съ сѣвера къ сторонѣ Степи Атласъ оканчивается крутыми и высокими обрывами.

Г. Фурнель въ 1844 году произвелъ барометрическую нивеллировку всей цѣпи Атласа съ сѣвера на югъ (*), изъ которой, между-прочимъ, оказывается, что оазисъ Бискра, или Цабъ (le Zab), у подошвы Атласа возвышается не болѣе 100 метровъ надъ уровнемъ моря.

Въ медицинскомъ отношеніи весьма замѣчательно сочиненіе Мартэна и Фолей, подъ заглавіемъ:

Histoire statistique de la colonisation algérienne au point de vue du peuplement et de l'hygiène; par MM. A. E. Victor Martin, médecin ord. à l'hôpital militaire du Dey, et L. E. Foley, médecin à l'hôpital civil d'Alger. Paris. 1851. Germer-Baillière. $22^3/_4$ листа, съ 12 табл., б. 8.

Сочиненіе, удостоенное отъ Парижской Академіи Наукъ Монтіоновской премін и напечатанное по приказанію военнаго министра.

Труды коммиссіи, которая, какъ извѣстно, по порученію королевско-французскаго правительства, съ 1840 по 1845 годъ занималась ученымъ изслѣдованіемъ Алжиріи, подвигаются впередъ, хотя уже не такъ быстро, какъ въ началѣ. Перваго отдѣла — наукъ историко-географическихъ — вышло описаніе собственно такъ-называемой Кабиліи, г. Каретта, и археологическая часть г. Деламара, а втораго—физико-естественныхъ наукъ — ботаническая часть, составленная гг. Бори де-Сенъ Венсанъ и Бюрье де-Мезонневъ:

Exploration scientifique de l'Algérie pendant les années 1840, 41, 42 ... Sciences historiques et géographiques, t. IV. Etudes sur la Kabylie proprement dite, par E. Carette, capitaine de génie etc. Paris, imprimerie nationale. 1849. 32 листа (8), и

Того же—Archéologie par Ad. H. Al. Delamare, chef d'escadron d'artillerie. Paris. 1850. (8)

Того же — Sciences physiques. Botanique par MM. Bory de St-

(*) Результаты этой нивеллировки напечатаны въ XX томѣ Comptes rendus de l'Académie des Sciences de Paris.

Vincent et Durieu de-Maisonneuve. Paris. 1849. 539 стр., со многими раскрашенными табл. б. 4.

Весьма важное для географа, а въ-особенности гидрографа, дополненіе къ познанію Алжиріи составляетъ изданное отъ французскаго Военнаго Министерства обозрѣніе тамошнихъ портовъ, подъ заглавіемъ:

Etudes sur les ports de l'Algérie, par M. A. Lieussou, ingénieur-hydrographe. 1 vol. in 8. Paris. 1850.

Личный обзоръ и изслѣдованіе прибрежій Средиземнаго моря были предметомъ путешествія, совершеннаго въ 1845, 46 и 47 годахъ докторомъ Гейнрихомъ Бартомъ, родомъ изъ Гамбурга. Первый, относящійся до Африки, томъ описанія этого странствія изданъ подъ заглавіемъ:

Wanderungen durch die Küstenländer des Mittelmeeres, ausgeführt in den Jahren 1845, 1846 und 1847 von Dr. Heinrich Barth. In zwei Bänden. Erster Bd. das Nordafricanische Gestadeland. Berlin. 1849. Verlag von W. Hertz 8. Также подъ особымъ заглавіемъ: Wanderungen durch das Punische und Kyrenäische Küstenland oder Moegrab, Africa und Barka, von Dr. H. Barth. Съ картою.

Ревностно занимаясь съ самой юности историческимъ изученіемъ древностей, авторъ пожелалъ обозрѣть собственными глазами важнѣйшія колыбели древняго образованія. Еще въ бытность свою студентомъ онъ посѣтилъ Италію и Сицилію. Здѣсь развилась въ немъ мысль изучить собственною наглядностью тотъ водный бассейнъ, около котораго, какъ бы около огромнаго базара, расположеннаго между тремя частями свѣта, главнѣйше была сосредочена и вращалась исторія древности. Однакожь, прежде исполненія этого плана онъ рѣшился посѣтить Англію, отчасти для изученія собранныхъ тамъ сокровищъ древности, отчасти же для снисканія себѣ британскаго покровительства въ своемъ дальновидномъ предпріятіи. Два мѣсяца были имъ употреблены на изученіе богатыхъ литературныхъ и пластическихъ памятниковъ Британскаго музея, обозрѣніе египетскихъ, фигальскихъ, аѳинскихъ и лишь недавно передъ тѣмъ привезенныхъ ликійскихъ древностей, осмотръ огромнаго монетнаго кабинета и предварительное ознакомленіе съ арабскимъ языкомъ. Затѣмъ онъ перешелъ во Францію, которую избраздилъ въ разныхъ на-

правленіяхъ съ сѣвера на югъ, до процвѣтающей ещ епонынѣ своею торговлею колоніи Фокейцевъ—Марсели. Потомъ, перенесясь чрезъ Пиренеи, онъ объѣхалъ Испанію, а оттуда переправился въ Африку.

Здѣсь докторъ Бартъ сначала обозрѣлъ часть западнаго берега, начиная отъ Тангера до Рабата и Салы, крайняго юго-западнаго предѣла римскаго владычества. Характеръ этой части Марокко, а въ-особенности около Тангера, онъ описываетъ во многомъ сходнымъ съ Андалузіею, съ тою только разностью, что бо́льшее количество кактусовыхъ растеній придаетъ ей болѣе южный видъ.

30 августа 1845 года докторъ Бартъ изъ Аликанте, въ Испаніи, предпринялъ вторичную поѣздку въ Африку и на этотъ разъ обозрѣлъ сѣверный ея берегъ отъ Алжира до Туниса, этой «очаровательной невѣсты Востока», какъ ее назвалъ одинъ восточный историкъ (*), названіе, которое Бартъ, однако же, не нашелъ справедливымъ. Въ окрестностяхъ Туниса вниманіе его было въ-особенности привлечено развалинами столицы одного изъ могущественнѣйшихъ государствъ древняго міра, которое пало оттого, что вздумало подавить римско-эллинскій элементъ образованія симетически-восточною своею стихіею. Отсюда онъ прослѣдилъ сѣверный берегъ далѣе къ востоку до Серакеса, а потомъ, возвратясь въ Тунисъ, переправился въ Мальту, этотъ «оазисъ въ морѣ, соединяющемъ между собою материки Стараго Свѣта, назначенный отъ самой природы посредникомъ въ торговыхъ ихъ сношеніяхъ между собою».

По краткомъ здѣсь пребываніи путешественникъ въ третій разъ возвратился въ Африку и отъ Туниса продолжалъ свое изслѣдованіе сѣвернаго берега до Триполи, а оттуда до крайней границы тунисскаго владѣнія. Но, здѣсь на самомъ рубежѣ двухъ пашалыковъ: Трипольскаго и Египетскаго, сборищѣ самыхъ буйныхъ бродягъ, которые, не обработывая земли и не обладая стадами, только и живутъ однимъ грабежемъ, его постигло приключеніе, едва не стоившее ему жизни. 7 іюня 1846 года, когда онъ съ своимъ небольшимъ эскор-

---

(*) Мухамедъ-бенъ Аби-Эръ Раини эль-Кируани.

томъ достигъ Акабетъ-эль-Кебиры, прохода, откуда съ нижней террасы Мармарики обыкновенно спускаются къ берегу, на него напала шайка этихъ хищныхъ Бедуиновъ и послѣ долгой, но тщетной обороны отняла у него весь его дорожный скарбъ; такимъ-образомъ онъ лишился не только своего дагерротипа, но и своихъ эскизовъ и надписей и всего своего дневника и успѣлъ спасти лишь нѣсколько бумагъ и бѣглыхъ замѣтокъ, которыя носилъ при себѣ и которыя находились въ поклажѣ на одномъ изъ верблюдовъ, не тронутомъ грабителями. Если онъ избѣгъ при этомъ нападеніи смерти, то главнѣйше обязанъ тѣмъ вѣрности своего слуги, природнаго Туписца, Хамебъ-бенъ Бель Казема, котораго благородному образу мыслей и характеру онъ въ концѣ своей книги публично воздаетъ благодарность.

Не безъ труда и опасности добравшись до Александріи, г. Бартъ, по исцѣленіи своихъ ранъ, возвратился на свою родину.

Сколь ни прискорбна была для него потеря его путевыхъ записокъ, однако же, онъ старался, по-возможности, вознаградить ее отчасти изъ памяти, отчасти же при помощи своихъ писемъ къ роднымъ и небольшихъ спасенныхъ имъ отрывковъ. Итакъ, ему удалось начертить, хотя, конечно, далеко не полный, но все же вѣрный очеркъ своего путешествія, заключающійся въ вышеприведенной нами книгѣ. Предоставивъ болѣе досужему времени подробнѣйшую разработку собранныхъ имъ свѣдѣній, авторъ ограничивается здѣсь только историко-географическими замѣтками, въ числѣ которыхъ мы находимъ довольно подробную топографію древняго Карѳагена и Утики и пресловутыхъ въ-старину Сиртовъ, песчаныхъ отмелей между мысомъ Мзарата и Птолемаидою.

Потеря дневника не могла остаться безъ вліянія и на приложенную къ сочиненію карту посѣщеннаго имъ сѣвернаго прибрежія Африки; но нельзя не отдать автору справедливости, что онъ старался возстановить ее, пользуясь лучшими, какъ англійскими, такъ и въ-особенности исполненными по занятіи Алжира французскими относительными матеріалами. За превосходство графической отдѣлки карты ручается имя Мальмана.

Но это странствіе вдоль сѣверной окраины Африки долженствовало служить только приготовленіемъ къ другому, несравненно важнѣйшему путешествію доктора Барта, которое поставило его имя въ главѣ самыхъ смѣлыхъ изслѣдователей этой части свѣта.

Желаніе распространить свои торговыя связи какъ можно далѣе въ глубь Африки и тѣмъ самымъ содѣйствовать къ отмѣнѣ торга невольниками побудило британское правительство снарядить новую экспедицію для заведенія таковыхъ сношеній съ разными внутренними племенами и, буде можно, заключенія торговыхъ договоровъ съ владѣльцами странъ вдоль по рѣкамъ между Триполи и озеромъ Чадою, а особенно съ султаномъ борнускимъ. Управленіе этою экспедиціею, первоначально разсчитанною на два года, ввѣрено было недавно возвратившемуся изъ путешествія своего по Сахарѣ Джемсу Ричардсону. Но, въ-слѣдствіе счастливой мысли географа Петерманна, планъ предпріятія былъ распространенъ и на разныя ученыя розысканія, между-прочимъ на изслѣдованіе озера Чады, и, по предстательству Гумбольдта, Леопольда фонъ-Буха и прусскаго посланника въ Лондонѣ Бунзена, на этотъ конецъ къ ней присоединено было еще двое германскихъ ученыхъ: докторъ Бартъ, хорошо освоившійся съ климатомъ Африки и языкомъ арабскимъ и уже извѣстный по энергіи характера и по разнообразію своихъ познаній, и докторъ Овервегъ, также родомъ изъ Гамбурга, молодой геогностъ, ученикъ славнаго минералога Розе. Первому поручено было производство географическихъ, этнографическихъ и лингвистическихъ изслѣдованій. (*) Кромѣ разныхъ инструментовъ, какъ-то: хронометровъ, барометровъ, секстантовъ, компасовъ, и проч., экспедиція должна была еще вести съ собою складной ботъ для изслѣдованія озера Чады.

Посѣтивъ, для предварительныхъ пріуготовленій, Лондонъ и Парижъ, оба германскіе ученые, 8 декабря н. ст. 1849 г., сѣли на пароходъ въ Марсели и послѣ трехъ-дневной переправы въ Филиппвилѣ вступили на почву Африки, а оттуда,

---

(*) Къ сожалѣнію, экспедиціи не было съ самаго начала придано также натуралиста по части ботаники и зоологіи.

коснувшись Боны 15 того же мѣсяца, прибыли въ Тунисъ, гдѣ докторъ Бартъ вторично обозрѣлъ развалины Карѳагена. Запасшись въ Тунисѣ потребною для путешествія по Судану одеждою и обувью и нанявъ тамъ слугу Мухамеда-бенъ-Бикла, родомъ изъ Гобера въ Афну (Гауссѣ) на озерѣ Чаддѣ, знавшаго по-арабски, французски и итальянски (*), они сухимъ путемъ отправились изъ Туниса въ Триполи для изслѣдованія этой части берега Африки. Не заставъ еще въ Триполи главы экспедиціи, они съ 3 по 24 февраля сдѣлали экскурсію въ Гатріанскія горы, окаймляющія къ югу триполь-скую береговую низменность, и убѣдились, что эти горы, идущія въ разстояніи 10—12 нѣмецкихъ миль отъ берега, съ 363 къ в.-ю.-в., не составляютъ собою отдѣльнаго хребта, а только скатъ къ сѣверу береговой плоской возвышенности сѣверной Африки. Горы эти дѣлятся на 3 отрасли: западную, т.-е. Джебелъ, или Іефранскія горы, Гаріанскія горы прямо къ югу отъ Триполи, и восточную, т.-е. Тархонскія горы, простирающіяся до Месураты. Гряды невысокихъ холмовъ служатъ переходомъ отъ взморья къ сказаннымъ горамъ. Среднее возвышеніе плоской возвышенности — около 2,150 англ. ф., а наибо́льшая ея высота 2,800. Геогностическій ея характеръ единообразенъ и носитъ печать мѣловой формаціи: горизонтально наслоенные пласты главнѣйше состоятъ изъ разныхъ видовъ известняка и мелкозернистаго песчаника. (**) Отдавая отчетъ объ этой экскурсіи въ Гаріанскія горы, въ письмѣ своемъ къ Гумбольдту отъ 22 марта, докторъ Бартъ говоритъ: «Если бы нашею цѣлью не была средняя Африка, то любопытною задачею было бы прослѣдить эту покатость, начиная отъ Марокко до Египта, для объясненія отношенія, въ какомъ прибрежная страна состоитъ къ Сахарѣ.

Между-тѣмъ 31 января 1850 года въ Триполи прибылъ и начальникъ экспедиціи. Но какъ подобнаго рода предпріятіе не могло быть начато опрометчивымъ образомъ, то еще прошло нѣсколько времени въ необходимыхъ приготовленіяхъ,

---

(*) Въ-послѣдствіи они наняли еще другаго слугу, родомъ изъ Баггерми, а въ Мурзукѣ еще третьяго, по происхожденію изъ Дарфура.

(**) Формація эта, какъ мы увидимъ, непрерывно продолжается на 3½° широты до южнаго ската плоской возвышенности Гаммады.

а притомъ еще не прибыли инструменты и назначенный для плаванія по озеру Чаддѣ ботъ (*); такъ-что они не могли двинуться въ путь прежде 30 марта.

Кромѣ главы экспедиціи и двухъ его германскихъ спутниковъ съ ихъ слугами, караванъ состоялъ изъ переводчика Юсуфа Мокни, двухъ чаучей, арабскихъ всадниковъ, въ родѣ тѣлохранителей, и нѣкотораго числа свободныхъ Негровъ, воспользовавшихся этимъ случаемъ для возвращенія на свою родину — въ Суданъ, Борну и Мандару.

Взявъ на этотъ разъ свое направленіе другимъ трактомъ, нежели въ первое свое путешествіе по Сахарѣ, а именно прямо на югъ, Ричардсонъ слѣдовалъ еще не посѣщенною въ новѣйшее время Европейцами дорогою чрезъ плоскую возвышенность, посреди которой, однако, кое-гдѣ встрѣтили остатки римскихъ колоннъ и памятниковъ.

На югъ отъ ключа Табуніагскаго (Taboониah), около 30° 21′ широты, путешественники вступили на другое, еще высшее плоскошаріе—Гамаду, огромную степь, простирающуюся около 110 миль (203,720 метровъ) къ югу. Здѣсь взорамъ нигдѣ не представляется ни дерево, ни колодезь, и лишь тамъ-и-сямъ въ оврагѣ проглядываетъ самая тощая растительность. Земля усѣяна небольшими каменьями, изъ которыхъ, съ несказаннымъ трудомъ, воздвигнуты невысокія пирамиды, для руководства верблюдовожатымъ во время дня, тогда-какъ ночью они соображаются съ звѣздами. Единообразіе пути было еще утомительнѣе самаго напряженія ходьбы: формація и этой плоской возвышенности во всемъ сходствовала съ выше нами описанною: ничего болѣе кромѣ известняка и песчаника.

Послѣ шести-дневнаго перехода, экспедиція простилась съ этою угрюмою, безводною степью; она достигла южнаго ската плоскогорья, которое, подъ 28° 30′ сѣв. ш., отвѣсными стѣнами спускается въ долину эль-Гаси (Ouadi el-Hassi). Отсюда шест-

---

(*) Ботъ этотъ былъ выстроенъ на Мальтской верфи и присланъ въ Триполи, распиленный на двѣ половины. Но потомъ, для удобства перевозки, оказалось нужнымъ распилить каждую половину еще на двѣ части. Обвернутыя сѣтами, эти части были положены на спины двухъ большихъ верблюдовъ и такимъ-образомъ счастливо достигли мѣста своего назначенія.

віе продолжается на 60 географическихъ миль по другому, не столько уже высокому и пространному плоскогорью въ направленіи ю.-ю.-в. Здѣсь уже было болѣе разнообразно: почва состояла изъ черцаго песчаника и желтаго песку, изъ среды котораго конусами самыхъ причудливыхъ формъ торчали черныя скалы, похожія на базальтъ. Мрачность этихъ угрюмыхъ скалъ пріятно умѣряется желтымъ пескомъ, безъ котораго весь Феццанъ былъ бы мертвою пустынею, потому-что въ этомъ-то самомъ пескѣ и растутъ пальмы, а въ лощинахъ (ouadi), которыя ими наполнены, попадаются колодцы. Противоположносcь этихъ плодоносныхъ, оживленныхъ мѣстъ съ пустынею содѣлываетъ ихъ для путешествующаго истиннымъ раемъ.

Хотя трактъ, которымъ слѣдовала экспедиція, былъ гораздо труднѣе, чѣмъ прежде извѣстный; но онъваженъ не только, какъ болѣе обыкновенный путь каравановъ (*), но и потому, что привелъ къ правильнѣйшему познанію о всей огромной странѣ между Гадамесомъ и восточною дорогою чрезъ Сокну. Главный, добытый этимъ переходомъ географическій фактъ заключается въ томъ, что на всемъ этомъ пути не тянется съ в. на з. никакого горнаго кряжа, а, напротивъ-того, все пространство между Табуніякомъ и колодцемъ эль-Гасси выполняетъ собою огромная, голая, каменистая плоская возвышенность, разстилаясь, какъ говорятъ, на двадцать дней пути къ юго-западу.

Пересѣкши еще одно плоскогорье, экспедиція достигла Мурзуна, главнаго города Феццанскаго пашалыка, въ 630

(*) По словамъ Ричардсона, нынѣ имѣется четыре главные тракта караванной торговли отъ Варварійскаго берега во внутренность Африки, а именно въ Вадай, Борну, Суданъ и Тимбукту. Изъ Вадая идетъ въ Бенгази, чрезъ каждые два года, караванъ съ большимъ числомъ невольниковъ, съ слоновою костью и страусовыми перьями; изъ Борну, черезъ Феццанъ, главнѣйше посылаютъ невольниковъ, а сверхъ-того и слоновую кость; изъ Судана торгуютъ невольниками, александрійскимъ листомъ, слоновою костью, воскомъ, индиго, шкурами звѣрей и проч. Тимбукту нынѣ отправляетъ въ Триполи главнѣйше золото, нѣсколько воску и слоновой кости. Изъ этого видно, что торговля Неграми дѣятельно продолжается по тремъ изъ этихъ трактовъ, и только одинъ, тимбуктускій, отъ него воздерживается.

верстахъ отъ Триполи. Это, по донесенію Ричардсона, есть страшная песчаная трущоба (a dreadful sandpit), отвсюду окруженная песчаными холмами, что́ вмѣстѣ съ находящимися вблизи города соляными озерами, дѣлаетъ климатъ его нездоровымъ и въ-особенности пагубнымъ для Европейца; только съ недавняго времени сдѣланы здѣсь нѣкоторыя улучшенія. Къ счастію, ни одинъ изъ членовъ экспедиціи не заболѣлъ. Несмотря на вредность климата, Англія имѣетъ въ Мурзукѣ своего консула, Галуффи (Gagliuffi). Онъ снабдилъ Ричардсона разными товарами, отчасти для обмѣна въ Суданѣ и Борну, отчасти же для раздачи вмѣсто подарковъ въ Борну, Беггарми, Мандарахѣ, Логганѣ (Loggan) и проч.

Ричардсонъ пишетъ, что надъ всѣмъ пашалыкомъ Феццанскимъ отоманское иго тяготѣетъ самымъ жестокимъ образомъ: оно хотя и держитъ народъ въ порядкѣ, но подавляетъ его тяжкими налогами, пошлинами и т. д. Въ-слѣдствіе сего Феццанцы даже жалѣютъ о совершенной анархіи прежняго арабскаго управленія. Все населеніе Феццана, по послѣднему турецкому счисленію, не превышаетъ 26,000 душъ, и въ томъ числѣ не болѣе 11,000 женскаго пола. Только главный городъ, Мурзукъ, нѣсколько поднялся въ послѣднее время. Феццанъ производитъ довольно дѣятельную торговлю невольниками. Они отправляются въ Константинополь, и замѣчательно, что за перевозку ихъ изъ внутри Африки не взимается никакой пошлины, тогда-какъ предметы законной торговли платятъ двойную пошлину, а именно по $12^1/_2$ процентовъ, въ Феццанѣ и въ Триполи.

Изъ устъ туземцевъ путешественники собрали разныя свѣдѣнія о внутренней Африкѣ. Между-прочимъ они узнали отъ своего слуги, одного Негра изъ Баггерме (Bagherme), что къ югу отъ этой страны есть народъ Кафировъ (т.-е. не исповѣдующихъ мусульманской вѣры, или еретиковъ), которые носятъ одежду, обладаютъ многочисленными стадами рогатаго скота и имѣютъ желѣзное орудіе (сѣкиры), ими самими выдѣлываемое. Самая же страна гориста и каждую зиму покрывается снѣгомъ. Если сличить эти показанія съ новѣйшими данными разныхъ другихъ путешественниковъ, какъ-то: Ребманна, Кулея, Ливингстона, и съ свѣдѣніями, собранными Френелемъ (см. ниже), то нельзя не согласиться съ догадкою

иныхъ географовъ, что внутренность Африки состоитъ изъ огромной плоской возвышенности, простирающейся почти непрерывно отъ горъ Мендежи къ югу отъ озера Чадды до Мыса Доброй Надежды и обитаемой въ своей срединѣ племенами, болѣе образованными, чѣмъ прочіе Африканцы, можетъ-быть, за исключеніемъ только Абиссинцевъ, и что эта выпуклость земли, по причинѣ своего возвышенія, имѣетъ климатъ болѣе сходный съ европейскимъ, чѣмъ съ тропическимъ, подобно плоской возвышенности Андесовъ въ южной Америкѣ.

Докторъ Бартъ прислалъ изъ Мурзука въ Лондонъ прекрасную, составленную имъ въ большомъ масштабѣ, карту окрестностей Триполи и гористой страны къ югу отъ этого города, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ.

12 іюня Овервегъ и Бартъ оставили Мурзукъ, взявъ свое направленіе на Аггадесъ (Aghadès), а Ричардсонъ еще остался тамъ, пережидая прибытія изъ Ггатъ эскорты Туариковъ, подъ начальствомъ престарѣлаго Гатиты, уже прежде сопровождавшаго въ Ггатъ Уднея и Клаппертона. Наконецъ, послѣ долгой траты времени, и онъ, 25 іюня, могъ продолжать путь свой; но, по причинѣ дряхлости проводника, переходъ въ Ггатъ, обыкновенно требующій не болѣе 12 дней, могъ быть совершенъ только въ 35 сутокъ. Это замедленіе было, впрочемъ, хотя нѣсколько вознаграждено открытіемъ древнихъ изваяній въ Уади-Талазага (Talazaghaa), въ 30 верстахъ къ западу отъ Уади-Элауэна (Ouady-Elaouen), отстоящаго на 165 верстъ отъ Мурзука. Одно изъ нихъ состояло изъ двухъ фигуръ человѣческихъ съ птичьею и воловьею головами, вооруженныхъ копьями, щитами и стрѣлами и сражающихся за какого-то ребенка. Другое есть превосходная группа быковъ, идущихъ къ своему пойлу. Изваянія эти, далеко превосходящія отдѣлкою другія во множествѣ найденныя новѣйшими путешественниками, гдѣ главную роль обыкновенно играютъ верблюды, напоминаютъ собою древне-египетское искусство и, можетъ-быть, относятся къ тому періоду исторіи Ливіи, когда тамъ еще не знали верблюдовъ, а употребляли вмѣсто нихъ воловъ.

Сверхъ-того путешественники собрали много свѣдѣній о физическомъ свойствѣ, геогнозіи и естественной исторіи страны между Мурзукомъ и Ггатомъ. Начиная отъ Мурзука,

страна возвышается къ западу до Уади-Телиссаре, откуде потомъ спускается въ глубокую лощину Уади-Талья (Talja), идущую съ сѣвера на югъ параллельно Уади-Ггату. Между обоими уадисами тянется цѣпь крутыхъ холмовъ, которая, такъ же, какъ и возвышенная часть плоскогорья къ востоку, состоитъ, подобно грядѣ холмовъ между Триполи и Мурзукомъ, изъ чернаго песчаника (grès) поверхъ слоевъ известняка и мергеля. Вершины этихъ холмовъ образуютъ собою гребень, острый, какъ лезвее ножа, такъ-что нельзя и помышлять о переходѣ чрезъ нихъ. Что касается до растительной физіономіи этого края, путешественникъ въ богатыхъ уадисахъ нашелъ бо́льшее изобиліе злаковыхъ растеній, чѣмъ встрѣчали дотолѣ. Изъ деревъ мѣсто финиковой пальмы заняли талга (talha) и летебъ (letheb). Воды въ колодцахъ довольно, и попадаются даже пруды и лужи, остающіеся отъ сильныхъ проливней. Окрестная страна была оживлена стаями болотныхъ дергачей, привлеченныхъ туда водою, и разныхъ мелкихъ птицъ, а равно газелей, зайцевъ, лисицъ и проч.

Въ Элауэнѣ (Elauen) Ричардсонъ и Гатита наконецъ застигли прочихъ членовъ экспедиціи и 18 іюля всѣ вмѣстѣ прибыли въ Ггатъ. Это мѣсто лежитъ въ широкой лощинѣ того же имени — Уадп Ггатъ — среди бо́льшихъ и ме́ньшихъ группъ пальмъ и саній (Sanien) и имѣетъ живописную окрестность. Здѣсь пребываетъ до 30 туарикскихъ шейховъ, изъ которыхъ каждый считаетъ себя независимымъ, содержа извѣстное число вооруженныхъ воиновъ и рабовъ и живя исключительно данью, взымаемою съ суданскихъ каравановъ за дозволеніе проѣзда чрезъ ихъ владѣніе. Это взиманіе дани приведено шейхами въ полную систему, не мало для нихъ прибыльную, а именно всякій, кто проѣзжаетъ одною изъ четырехъ большихъ дорогъ въ Аиръ, Тимбукту, Туатъ и Гадамесъ, долженъ имѣть своего «друга» (сега́ба), которому предоставлены права взиманія дани. Сахебомъ Англичанъ въ настоящую экспедицію былъ вышепомянутый Гатита. Буде же кто лишенъ такого покровителя, всякій Туарикъ считаетъ себя вправѣ взять съ него дань, т.-е. просто ограбить его, или отослать обратно. Да не подумаютъ, впрочемъ, чтобы подобное покровительство спасало путешественника отъ всякихъ дальнѣйшихъ хлопотъ. Хотя экспедиція Ричардсона и

внесла Гатитѣ большую дань, однакожь, тѣмъ-не-менѣе была безпрестанно тревожима новыми притязаніями какъ со стороны его самого, такъ и людей его.

Послѣ пребыванія одной недѣли, экспедиція, 25 іюля, вышла изъ Ггата и, начиная отсюда, вступила въ страну совершенно неизвѣстную, еще не посѣщенную ногою Европейца. 2 дня спустя она примкнула къ Келойскому каравану, который долженъ былъ проводить ее въ Тинъ-Теллустъ, мѣстечко въ Аирѣ, служащее мѣстопребываніемъ келойскаго султана Эннора. 31 іюля экспедиція прибыла въ Аггери. Начиная отъ этого мѣста измѣняется геогностическій характеръ страны: путешественники перешли изъ области песчаника въ область гранита. Мѣсто прежняго горизонтальнаго напластованія заступили округленныя горы. Самая почва состояла уже изъ разныхъ гранитныхъ породъ съ преобладаніемъ гнейса, который образуетъ здѣсь крутые стѣнообразные гребни въ направленіи съ ю.-з. къ с.-в. Первозданныя кристаллическія горы перемѣшаны съ слюдистымъ сланцемъ и громадными утесами гранита. Самая дорога, начиная отъ Ггата, постепенно повышалась, состоя изъ горной тропинки, ведшей черезъ холмы, плоскія возвышенности и глубокіе овраги. Вездѣ, гдѣ уадисы расширяются и, въ-слѣдствіе дождей, покрыты отторгнутыми отъ утесовъ каменьями и пескомъ, деревья и вся растительность скудны. Съ половины августа ощутительно стало вліяніе суданскихъ дождей, которые, по словамъ туземцевъ, продолжаются по исходъ сентября; атмосфера сдѣлалась влажною, а вечера и утренники сопровождались туманами. Нерѣдко свирѣпствовала буря и выпадали сильные дожди, подъ вліяніемъ которыхъ видъ уадисовъ совершенно измѣнялся.

22 августа экспедиція прибыла въ Тарадиситъ, небольшое мѣстечко подъ 20° 30′ с. ш. и 9° 20′ в. д. отъ Гринича, и, пересѣкши такимъ-образомъ всю Сахару, увидѣла себя на границѣ Аира, или Агира (Air, Ageer), какъ онъ нынѣ слыветъ у Туариковъ, или Асбена, какъ его изстари именуютъ Суданцы, — могущественнѣйшаго въ этой части Африки, послѣ Борну, царства, никогда еще не изслѣдованнаго Европейцами.

До сихъ-поръ экспедиція, смотря по обстоятельствамъ, шла, какъ нельзя лучше, и хотя уже въ Ггатѣ оказались слѣды изувѣрства жителей, но путешественники, кромѣ на-

зоймивости своихъ вождей, не претерпѣвали значительныхъ безпокойствъ. Въ Тараджитѣ они впервые были встревожены слухами насчетъ замышляемаго противъ нихъ со стороны Гагаровъ (Hagars) нападенія. Въ упованіи, однако, на вѣрность своего эскорта, они рѣшились продолжать свой маршъ, во что̀ бы то ни стало. Притомъ же собранныя ими о настоящемъ положеніи самаго Судана и Борну свѣдѣнія были очень успокоительны: въ обѣихъ странахъ они могли быть увѣрены найти твердое правительство, установленное въ первой Феллатами и ихъ султаномъ, а во второй арабскими племенами и ихъ шеихомъ Анемуръ эль-Канеми (Anemour el Kanemy), отчего и странствіе карабановъ въ обоихъ государствахъ почти совершенно безопасно. Но скоро они должны были испытать, что вышесказанные слухи не вовсе были лишены основанія. На самой границѣ Агира они подверглись яростному нападенію сильной шайки Туариковъ и только своей рѣшительности обязаны были спасеніемъ отъ погибели.

По прибытіи въ Селуфдетъ, первое мѣстечко царства Агира, Овервегъ, въ письмѣ къ Риттеру отъ 28 августа, такъ описываетъ это приключеніе: «Наконецъ мы оставили за собою Большую Пустыню и прибыли къ рубежамъ Судана. Мы здѣсь какъ бы въ новомъ для насъ мірѣ, посреди роскошной зелени, которой лишены были столь долгое время. Мы видимъ новыхъ животныхъ, и палатки наши раскинуты посреди шатровъ самихъ обитателей Агира. Но хотя скучный походъ нашъ черезъ степь уже кончился, однакожь, мы еще не можемъ довольно собраться съ духомъ, чтобы спокойно размышлять о томъ, что̀ мы всѣ претерпѣли. Событія и опасности послѣднихъ дней еще слишкомъ живо впечатлѣны въ нашей памяти, и мы даже по сю пору еще не можемъ сказать, чтобы достигли безопаснаго пріюта. Послѣдніе 10 дней, переходя опасныя границы Асгаровъ, Гагарскихъ Туариковъ и Келойцевъ, мы проводили почти въ непрерывной битвѣ, и днемъ и ночью насъ преслѣдовали и окружали многочисленныя шайки Гагаровъ, которые, разъѣзжая на своихъ мегарахъ (meharis) (*), угрожали ограбить и убить насъ. 25 августа

(*) Родъ прыткихъ двугорбыхъ верблюдовъ въ степи Сахарѣ.

мы были атакованы вооруженнымъ отрядомъ около 40 человѣкъ; а въ послѣднюю ночь нашъ караванъ долженъ былъ бороться съ цѣлою сотнею враговъ. Сначала они требовали жизни всѣхъ христіанъ въ караванѣ, потомъ, чтобы христіане немедленно приняли мусульманскую вѣру или, въ случаѣ отказа, возвратились въ Ггатъ. Но наконецъ мы успѣли отдѣлаться значительнымъ выкупомъ, стоившимъ намъ лучшихъ нашихъ товаровъ; а что мы не лишились всѣхъ своихъ пожитковъ, инструментовъ и даже самой жизни, этимъ мы обязаны дѣятельному посредничеству Келойцевъ и храбрости Тенелькумскихъ Туариковъ, оберегателей нашей поклажи. Послѣдніе имѣли всего 14 ружей; но это дѣлало ихъ грозными въ глазахъ непріятеля. Здѣсь, въ Селуфіетѣ, скопищѣ хижинъ, построенныхъ изъ дерна, есть по-крайней-мѣрѣ нѣкотораго рода правительство, подъ начальствомъ нѣсколькихъ Марабутовъ и главы ихъ шерифа, пилигрима изъ Мекки. Мы здѣсь сохраннѣе, чѣмъ въ уадисахъ, гдѣ всякій Гагаръ считаетъ себя за шеиха. Дня черезъ три мы надѣемся достигнуть Тинъ-Теллуста, столицы Э-Нура, султана Келойцевъ, гдѣ, вѣроятно, найдемъ еще болѣе безопасности.»

Въ припискѣ къ этому письму, отъ 29 августа, сказано: «Туземцы начали-было оказывать себя непріязненными; но Марабуты, отыскавъ въ коранѣ что-то въ нашу пользу, даруютъ намъ свою защиту, обѣщая невредимо доставить насъ въ Тинъ-Теллустъ.»

4 сентября караванъ дѣйствительно сохранно достигъ этого мѣста; но здѣсь онъ долженъ былъ пережидать выздоровленія престарѣлаго шеиха Э-Нура, который за значительную сумму обѣщалъ самъ вмѣстѣ съ своими сыновьями препроводить его въ Цендеръ, въ руки тамошняго борнускаго губернатора Сераи-Ибрагима.

Природу Агира Бартъ описываетъ довольно неблагопріятною: это—скалистая, суровая и, повидимому, довольно безплодная страна. Жители ея, въ числѣ отъ 50 до 60,000 душъ, раскинуты бо́льшими или ме́ньшими группами въ 60 мѣстечкахъ, и главный ихъ промыселъ состоитъ въ торговлѣ солью, которую они достаютъ изъ Бильмы, заимствуясь за нее, какъ главною своею пищею — турецкою пшеницею и рисомъ, такъ

и своею одеждою, изъ Судана. Каждый годъ два раза Келойцы закупаютъ соль въ отстоящей отъ нихъ въ 15 суткахъ къ в.-с.-в. подъ 60° сѣв. ш. Бильмы и перевозятъ въ Суданъ, гдѣ недостаетъ этой необходимой для человѣка приправы. При этомъ случаѣ обыкновенно пускается въ путь цѣлое племя, иногда караваномъ въ 10,000 верблюдовъ, оставляя во свояcяхъ развѣ однихъ только старцевъ и женъ.

Ричардсонъ составилъ въ Тинъ-Теллустѣ словарь келойскаго нарѣчія, — въ числѣ около тысячи словъ, — по собственному его утвержденію, самый обильный запасъ, собранный имъ о какомъ-либо изъ нарѣчій Африки. Келойцы, главное изъ племенъ, населяющихъ Агиръ, по мнѣнію Ричардсона, суть смѣсь Берберовъ, т.-е. первобытныхъ обитателей сѣвернаго берега Африки, со всѣми племенами и ихъ оттѣнками во внутренности этой части свѣта. По этой-то причинѣ они менѣе горды и упорны, чѣмъ Туарики Гатскіе, которые болѣе чистой берберской породы, но съ съ другой стороны гораздо чувствительнѣе и склоннѣе къ воровству. Они вообще рослы и расторопны и цвѣтомъ тѣла, равно-какъ и чертами лица, подходятъ къ Европейцамъ; но другіе изъ нихъ черны, какъ Негры.

Овервегъ астрономически опредѣлилъ положеніе Тинъ-Теллуста и нашелъ широту его 18° 34′ 0″; а д-ръ Бартъ воспользовался продолжительною остановкою въ этомъ мѣстѣ для экскурсіи въ Агадесъ, главный городъ Агира, которую и совершилъ благополучно, въ сопровожденіи храбраго Гаммы (Hamma), зятя шеиха Э-Нура, употребивъ на переходъ туда одну недѣлю и около шести дней на возвратный путь. Два донесенія его о поѣздкѣ въ Агадесъ и о самомъ городѣ (*) служатъ весьма любопытною добавкою къ нашему познанію этой части Африки, тѣмъ болѣе, что ему удалось, съ помощью одного жившаго уже три года въ Агадесѣ ученаго, Туати-Абд-Аллака, пріобрѣсть довольно подробное свѣдѣніе о городѣ, его исторіи и отношеніяхъ, а равно окрестныхъ странахъ и въ особенности о Туарикахъ.

(*) Они помѣщены въ Journal of the Géographical Socity of London. Томъ XXI, стр. 161 — 166 и 142 — 153.

Агадесъ, весьма важный пунктъ, какъ центръ расходящихся оттуда въ разныхъ направленіяхъ дорогъ, былъ встарину богатымъ и большимъ городомъ, имѣвшимъ около 3 миль въ окружности и отъ 50 до 60,000 жителей, и еще въ началѣ нынѣшняго вѣка считалъ ихъ отъ 20 до 30,000. Но въ это время онъ былъ покинутъ бо́льшею частью своихъ жителей, которые разбрелись по разнымъ мѣстамъ Гауссы, гдѣ жизнь гораздо дешевле. Нынѣ городъ имѣетъ видъ почти разрушеннаго и запущеннаго мѣста и едва ли вмѣщаетъ въ себѣ около 700 обитаемыхъ домовъ съ 7 — 8,000 жителями обоего пола. Обыватели—или купцы, или ремесленники. Первые посѣщаютъ только рынки Касины, Тасавы, Марадеха, Кано и Сакату. Торговля же съ Тимбукту вовсе прекратилась. Промышленность Агадеса главнѣйше ограничивается выдѣлкою кожанаго товара: обуви, сѣделъ, сумокъ и т. д., и ковровъ. Вся же торговля этого мѣста состоитъ въ оборотахъ жизненными припасами, гулупомъ (родомъ проса). Вообще Агадесъ не удобенъ для торговли, и вся его важность заключается въ томъ, что онъ лежитъ на самой прямой дорогѣ въ Сакату и въ западный Суданъ, а слѣдовательно есть центральный пунктъ юго-западной части, такъ-называемой, Большой Степи.

Послѣ 3-мѣсячнаго пребыванія, экспедиція наконецъ оставила Тинъ-Теллустъ и въ началѣ января 1851 г. прибыла въ равнину Дамергу (Damergu). Здѣсь члены ея раздѣлились, избравъ каждый особый путь: Ричардсонъ пошелъ прямо на Борну, а именно въ столицу этого государства, Куку; Бартъ въ Тессаву (Tessaua) и Кашну (Kaschnâ), а Овервегъ на западъ, въ почти вовсе неизвѣстную дотолѣ страну Адаръ. Всѣ еще были здоровы и исполнены надежды.

Но чрезвычайныя трудности и опасности, претерпѣнныя въ эту экспедицію, подрыли хотя и крѣпкое, но уже потрясенное продолжительными африканскими странствіями сложеніе неустрашимаго ея главы, а знойность климата довершила начатое разрушеніе его здоровья: не дойдя 12-дневнаго перехода до цѣли своего пути, Куки, онъ занемогъ и 4 марта въ Унгурутуѣ (Ungurutua), деревенькѣ въ 6-дневныхъ переходахъ отъ столицы Борну, присоединилъ свое имя къ длинному ряду тѣхъ изъ своихъ предшественниковъ,

которые своею жизнью заплатили дань губительному климату Африки. Султанъ борнускій изъявилъ живѣйшую печаль по его кончинѣ и велѣлъ похоронить его со всѣми подобавшими ему почестями. (*)

Между-тѣмъ д-ръ Бартъ въ началѣ февраля мѣсяца прибылъ въ Кано, главный городъ, принадлежащій къ царству Гаусскихъ Феллатовъ, обширной области того же имени. Несмотря на постигшую его въ этомъ мѣстѣ лихорадку, онъ успѣлъ изучить гаусскій языкъ и собрать о тамошней почти вовсе неизвѣстной странѣ и прилежащихъ къ ней владѣніяхъ разныя свѣдѣнія. Послѣ пребыванія тамъ около мѣсяца онъ своротилъ въ Борну и 15 марта вступилъ въ первое мѣсто этого царства, Гуммель, гдѣ принялся за изученіе борнускаго языка.

2 апрѣля онъ прибылъ въ столицу Борну и здѣсь былъ пораженъ вѣстію о кончинѣ Ричардсона. Положеніе его было самое затруднительное. Внезапная смерть главы экспедиціи привела людей ея въ совершенное разстройство и отчаяніе: вмѣсто того, чтобы готовиться къ дальнѣйшему пути, они только и говорили о возвращеніи во-свояси. Онъ самъ не только былъ лишенъ всѣхъ средствъ, но еще засталъ въ Кукѣ долгъ въ 300 доллеровъ. Несмотря на то, онъ не уронилъ духа и, принявъ этотъ ударъ за тѣмъ бо́льшее побужденіе къ новымъ усиліямъ, рѣшился употребить съ своей стороны все для достойнаго выполненія возложенныхъ на него надеждъ. Къ счастію, здѣшній шейхъ былъ очень хорошо расположенъ въ пользу экспедиціи. Самое же мѣсто было весьма благопріятно для собиранія справокъ о разныхъ мѣстахъ средней

(*) Оставшійся послѣ Ричардсона обильный дневникъ и разныя отдѣльныя его записки и донесенія были изданы подъ редакціею Бейля Сентъ-Джона (Beyle St John) въ книгѣ: Narrative of à Mission to Central Africa performed in the Years 1850—51 under the orders and at the expence of her Majesty's Government by the late James Richardson etc. In two vols. London. Chapman and Hall 1853, 1 томъ XXVIII и 343 стр., съ небольшою картою маршрута экспедиціи; 2-й томъ VIII и 358 стр. въ 8-ю д. л. При составленіи отчета объ этомъ путешествіи, мы пользовались отчасти этою книгою, отчасти же письмами Барта и Овервега, собранными въ Журналѣ Берлинскаго Географическаго Общества.

Африки, тѣмъ болѣе, что въ это время года здѣсь собираются люди изъ всѣхъ странъ западной Африки, одни для странствія на богомолье въ Мекку, а другіе на возвратномъ своемъ пути оттуда. Къ-тому-же ему удалось ознакомиться съ однимъ уроженцемъ сѣверо-западной Африки, именемъ Ахмедъ Бель-Маджебъ, который былъ 5 разъ въ Адамавѣ и сообщилъ ему много весьма любопытныхъ свѣдѣній. Въ-ожиданіи Овервега, онъ съ 23 по 27 апрѣля совершилъ предварительную экскурсію къ озеру Чаддѣ, которое нашелъ болѣе похожимъ на болото, какимъ его ознаменовываетъ уже Птолемей.

Д-ръ Овервегъ, съ своей стороны, въ это время совершилъ поѣздку въ Маріади, въ 8 дняхъ пути къ востоку отъ Синдера, и въ Гоберъ и въ обоихъ мѣстахъ былъ хорошо принятъ. Въ странѣ между Сандеромъ и Маріади онъ встрѣтилъ племя Булаве, или Бугайе, замѣчательное какъ среднее звено между Туариками и Неграми. Пробывъ въ Маріади и Гоберѣ 2 мѣсяца, въ-продолженіе которыхъ пользовался весьма хорошимъ здоровьемъ и каждый день ходилъ съ туземцами на охоту, онъ воротился въ Синдеръ и 10 апрѣля предпринялъ оттуда путь свой въ Борну. 6 мая онъ достигъ Куки и, къ своему удовольствію, нашелъ тамъ своего сопутника въ вожделѣнномъ здравіи и въ благопріятномъ положеніи, потому-что шеихъ Омеръ и могущественный его визирь Гаджъ-Беширъ, гордясь имѣть у себя англійское посольство, готовы были всячески содѣйствовать его видамъ.

Пользуясь этимъ покровительствомъ, д-ръ Бартъ 29 мая, снабженный эскортомъ и письмомъ со стороны шеиха, отправился въ Адамаву, куда еще не проникалъ ни одинъ Европеецъ. 22 іюня онъ достигъ главнаго города этой страны, Іолы (Yola), въ 510 верстахъ южнѣе Куки, гдѣ былъ хорошо встрѣченъ жителями; но султанъ адамавскій, изъ опасенія къ Англичанамъ и шеиху борнускому, дозволилъ ему пробыть въ своей столицѣ не болѣе 3 дней, оказавъ ему, впрочемъ, всевозможное вниманіе и почести

За-всѣмъ-тѣмъ д-ръ Бартъ успѣлъ астрономически опредѣлить положеніе Іолы и нѣкоторыхъ другихъ пунктовъ и набросать карту Адамавы. Самую страну онъ описываетъ прекрасною: она богата пространными, весьма плодородными ло-

щинами и, будучи орошаема дождями въ-продолженіе 7 мѣсяцевъ, очень обильна пастбищами, а въ-слѣдствіе того и стадами. Эти-то стада и невольники составляютъ единственное богатство владѣльцевъ Адамавы, которые живутъ почти въ ежедневной распрѣ съ языческими горцами. Всѣ горы въ Адамавѣ, а равно въ Мондарѣ, за исключеніемъ Мендифа и нѣсколькихъ пиковъ вблизи его, состоящихъ изъ голаго известняка, гранитны и до верху покрыты деревьями, а ровныя мѣста обработаны. Обыкновенное произведеніе страны есть гафухли (Ghapuhly); а сверхъ-того воздѣлываютъ также рисъ. Бартъ полагаетъ, что Адамава не лишена и золота; по-крайней-мѣрѣ его увѣряли, что этотъ металлъ промываютъ въ рѣкѣ Бенуэ. Снѣжныхъ горъ онъ не встрѣтилъ, и виденный имъ, въ разстояніи около 100 миль, Алантига, по его соображенію, не превышаетъ 9—10,000 футовъ.

Въ бытность свою въ Кукѣ и Адамавѣ путешественникъ собралъ много маршрутовъ гористыхъ странъ къ югу отъ Куки и Кано, а на пути въ Адамаву имѣлъ случай сдѣлать гидрографическое открытіе: 4 дня до вступленія своего въ Іолу, онъ перешелъ двѣ изъ главныхъ рѣкъ Адамавы въ точкѣ ихъ слiянія. Бенуэ и Фаро, изъ которыхъ первая, текущая изъ Судана съ ю.-з., показалась ему значительною рѣкою (въ $^1/_2$ англ. мили — $^3/_4$ версты ширины и 10 фут. глубины), а вторая, нѣсколько меньшая (въ $^5/_{12}$ англ. миль ширины и отъ 3—4 фут. глубины), была только притокомъ Беноэ. По словамъ туземцевъ, Беноэ беретъ свое начало въ девяти дняхъ пути отъ того мѣста, въ которомъ онъ совершилъ свою переправу черезъ эту рѣку, и она есть только верховье доселѣ извѣстной лишь при своемъ впаденіи въ Нигеръ (пониже Потингаха) большой рѣки Чадды.

Между-тѣмъ, докторъ Овервегъ, съ своей стороны, приступилъ къ выполненію одной изъ задачъ экспедиціи — изслѣдованію озера Чадды. Съ помощью арабскихъ плотниковъ сложены были отдѣльныя части перевезеннаго къ берегамъ озера не безъ большихъ трудностей складнаго бота «Лордъ Пальмерстонъ», и 18 іюня онъ началъ свое плаваніе изъ Бриха, въ 8 миляхъ отъ Куки, единственнаго мѣста, гдѣ жители Борну состоятъ въ временныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ непріязненнымъ имъ племенемъ Биддума, обитающимъ

острова Чадды. Случайно, въ это самое время въ Брихѣ находились двѣ ладьи Буддумовъ. Овервегъ вступилъ съ ними въ дружественное сношеніе и нанялъ нѣсколько изъ нихъ въ матросы и толмачи и даже успѣлъ склонить одного остаться въ его службѣ. Сопровождаемой обѣими биддумскими лодками, онъ достигъ отстоящаго отъ Бриха въ 12 миляхъ перваго изъ островов̠ъ въ озерѣ, которыхъ всего считается до 100 большихъ. Они покрыты лѣсомъ и населены Биддумами, имѣющими многочисленныя стада рогатаго скота и козъ. По берегамъ водится много крокодиловъ и гиппопотамовъ. Озеро Овервегъ нашелъ гораздо ме́ньшимъ, чѣмъ показано у Денгама, а именно разстояніе отъ Бриха до восточнаго берега составляетъ только 60 миль (нѣмецкихъ?), тогда-какъ оно на Денгамовой картѣ вдвое больше. Можетъ-быть, эта разность въ показаніяхъ основана на самомъ свойствѣ озера, которое есть огромный бассейнъ, широко разливающійся въ дождливое время, а напротивъ того, очень испаряющійся во время засухи, такъ-что онъ иногда кажется совершенно высохшимъ. Среднюю глубину озера Овервегъ нашелъ отъ 10—15 футовъ и воду его свѣжею и прозрачною. Онъ приставалъ къ нѣкоторымъ изъ острововъ и нашелъ на нихъ многолюдныя деревни, жителями которыхъ былъ встрѣченъ очень ласково, благодаря быстрому ходу своего бота, который, несмотря на свѣжесть вѣтра, могъ плавать во всѣхъ направленіяхъ; онъ въ 9 сутокъ достигъ главнаго мѣста Биддумовъ, жители котораго также приняли его съ большими почестями и не могли довольно надивиться странной для нихъ постройкѣ его судна. 8 августа онъ возвратился въ Куку, употребивъ 7 недѣль на изслѣдованіе озера. Къ сожалѣнію, непріязненныя обстоятельства не позволили ему обозрѣть озеро сухимъ путемъ.

По письмамъ изъ Куки отъ 21 августа 1851 г., путешественники намѣрены были уклониться отъ прежде предполагаемаго ими болѣе южнаго пути, а именно для того, чтобы проникнуть въ Боргу, гористую страну къ с.-в. отъ озера Чадды, куда еще не досягалъ ни одинъ Европеецъ. Страна эта, обитаемая могущественнымъ племенемъ Уэладъ-Солиманъ, состоящимъ въ тѣсныхъ связяхъ съ Борну, чрезвычайно любопытна, какъ одно изъ посредническихъ звеньевъ между бассейнами Чадды и рѣки Нила. Пользуясь смутнымъ

положеніемъ Ваддая, въ-слѣдствіе недавней кончины тамошняго султана, Борнусцы намѣрены были сдѣлать на этотъ край нашествіе, и оба путешественника надѣялись, что имъ удастся, подъ ихъ защитою, изслѣдовать царство Ваддайское, занимающее собою восточныя прибрежья Чадскаго озера. Объ этихъ своихъ предположеніяхъ докторъ Бартъ говоритъ въ сказанномъ письмѣ. «Во-всякомъ-случаѣ, я ожидаю, что чистый воздухъ, хорошая ключевая вода, финики и верблюжье молоко страны Боргу будутъ намъ спасительны, и что мы освѣжимся тамъ новыми силами для продолженія нашего пути.» Шейхъ борнускій съ готовностью вызвался дать имъ эскортъ изъ 20 вооруженныхъ Арабовъ и рекомендательныя письма къ властителю Боргу. Разстояніе туда, по расчисленію доктора Барта, составляло одинъ мѣсяцъ пути, и онъ надѣялся совершить всю экспедицію въ три мѣсяца. По возвращеніи же изъ Боргу, и по обозрѣніи восточныхъ частей Чадскаго озера, онъ предполагалъ приступить къ исполненію второй части своего проекта — пройти отъ Куки къ Луннымъ горамъ и къ восточному берегу Африки. По собраннымъ имъ справкамъ, онъ полагалъ, что путь болѣе южный въ направленіи къ озеру Ніяли представитъ менѣе затрудненій, нежели прямой трактъ на Момбазу въ направленіи къ ю.-в., потому-что въ области Ніяли есть много хорошо населенныхъ могущественныхъ царствъ, обильныхъ рѣками и лѣсами и очень плодородныхъ. Прежде оставленія Борну, Овервегъ намѣренъ былъ отослать въ Англію весь итогъ сдѣланныхъ имъ астрономическихъ, метеорологическихъ и гипсометрическихъ наблюденій — достояніе, неоцѣненное для науки, потому-что, говоря здѣсь только о первыхъ, мы не имѣемъ ничего кромѣ астрономическихъ опредѣленій Лейона, Денгама и Клаппертона, да и то только приблизительныхъ, особенно въ-отношеніи къ долготѣ; оба же путешественника хорошо снабжены были инструментами изъ Королевской Берлинской Обсерваторіи.

Въ другомъ, нѣсколько позднѣйшемъ, письмѣ къ доктору Беке, отъ 1 сентября 1851 года, докторъ Бартъ увѣдомляетъ, что, по снаряженіи всего необходимаго для экспедиціи онъ намѣренъ чрезъ недѣлю оставить съ своимъ спутникомъ Куку, гдѣ уже начинала свирѣпствовать лихорадка. Извѣщая вмѣстѣ

съ тѣмъ, что онъ воспользовался своимъ пребываніемъ въ Кукѣ, для приведенія въ порядокъ своего дневника путешествія въ Іолу и для начертанія карты этого пути и вообще всѣхъ собранныхъ имъ маршрутовъ неизвѣстной страны между Жари и Кварою (Kwara), сообщаетъ позиціи слѣдующихъ мѣстъ своего пути: Іола подъ 8° 2′ с. ш. и 13° 5′ в. д. отъ Гринича; Тепе, (Taepe), мѣсто сліянія двухъ рѣкъ, 8° 12′ с. ш. и 13° 17′ в. д.; Уба (Uba), сѣверное пограничное мѣсто Адамавы, 9° 45′ с. ш. и 14° 1′ в. д.; Удже-Казукула (Uje Kasukula) 11° 20′ с. ш. и 14° 1′ в. д. Далѣе онъ пишетъ, что успѣлъ собрать столько пунктовъ на рѣкѣ Бенуэ (Benue), что можетъ почти съ совершенною точностью внести на карту все теченіе этой рѣки, и вообще доставилъ себѣ сѣть маршрутовъ, доходящихъ почти до самаго экватора. Въ-заключеніе же онъ изъявляетъ надежду, что скоро будетъ въ-состояніи ознакомить свѣтъ съ страною Канемъ, въ прежніе вѣки столь могущественной, когда еще Энджимія (Enjimie) былъ ея столицею, а въ-послѣдствіи времени распавшеюся на нѣсколько отдѣльныхъ царствъ, изъ которыхъ одно есть Борну; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ настаиваетъ на необходимости снабдить экспедицію новыми пособіями.

Англійское правительство предупредило это желаніе. Узнавъ объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ экспедиціи, оно назначило ей въ добавокъ къ прежде ассигнованной суммѣ еще 800 фунт. стерл., а сверхъ-того, по требованію доктора Овервега, отправило разные товары, наиболѣе соотвѣтствующіе вкусу и потребностямъ обитателей внутренней Африки, какъ-то: ножи, ножницы, иголки, часы, табакерки съ музыкою, маленькія зеркала, шелковыя ткани и кольца изъ серебра и вообще бѣлаго металла, который они предпочитаютъ золоту.

Съ тѣхъ поръ почти въ-продолженіе цѣлаго года не имѣлось отъ путешественниковъ никакого извѣстія, и уже начали-было безпокоиться насчетъ ихъ участи; наконецъ прусское правительство получило донесеніе доктора Овервега отъ 15 августа 1852 года, изъ котораго мы узнаемъ о дальнѣйшихъ судьбахъ экспедиціи. Оба путешественника принимали участіе въ походѣ, предпринятомъ шейхомъ борнускимъ и его союзниками въ страны на востокъ отъ озера Чадды, въ надеждѣ воспользоваться этимъ случаемъ для развѣдки Боргу и

Ваддая. Но не подалеку отъ озера войско шеиха претерпѣло пораженіе, и Бартъ и Овервегъ только скорымъ бѣгствомъ успѣли спасти свои инструменты. По возвращеніи своемъ въ Куку, они присоединились къ новой радзіи (набѣгу), противъ султана Мандары, страны къ югу отъ Борну, уже извѣстной изъ донесенія майора Денгама. Войско состояло изъ 10,000 всадниковъ и почти такого же числа пѣхотинцевъ, не считая многочисленнаго обоза. Этотъ походъ имѣлъ болѣе успѣха, чѣмъ прежній. Путешественники могли проникнуть гораздо далѣе впередъ, нежели Денгамъ, и остановились не прежде, какъ по достиженіи значительной рѣки Сербенели (Serbenel). Въ январѣ 1852 года войско воротилось съ обильною добычею, состоявшею изъ 5,000 невольниковъ и 10,000 головъ скота. Пройденную ими страну путешественники описываютъ весьма плодородною и богатою.

Съ марта по исходъ мая мѣсяца докторъ Овервегъ совершилъ экскурсію въ юго-западномъ направленіи и дошелъ до 150 миль отъ Якобы, столицы Феллатовъ; а докторъ Бартъ, между-тѣмъ, посѣтилъ могучее царство Багирми (Beghirmi) на юго-востокѣ. Въ письмѣ своемъ къ г. Петерману въ Лондонъ отъ 20 августа, онъ увѣдомляетъ о благополучномъ своемъ возвращеніи въ Куку, по изслѣдованіи большой полосы земли между озеромъ Чаддою и рѣкою Ниломъ до славнаго города Магены, или Массены (Masena). Этотъ городъ, котораго онъ достигъ 28 апрѣля, лежитъ на рѣкѣ Шары, или Азу, потомъ текущей къ озеру Чаддѣ. Рѣка Шары въ Массенѣ 600 англ. локтей шириною. Теченіе ея около $4^1/_2$ верстъ въ часъ, и вообще это есть великолѣпный потокъ, простирающійся до самаго бассейна рѣки Нила. Рѣка же, идущая чрезъ страну Логгене (у Денгама Логгунъ) къ западу, отъ Багирми, не есть Шары, какъ то́ прежде предполагали, а одинъ изъ ея притоковъ. Названіе этой рѣки — Логгеме, а въ верховьяхъ — Сербенеллъ. Пониже Куссери, мѣстечка, уже извѣстнаго Денгаму, Логгене сливается съ рѣкою Шары.

Хотя Бартъ и не пользовался въ Багирми благопріятнымъ пріемомъ и ему не было дозволено изслѣдовать эту страну собственными своими глазами, однако онъ успѣлъ не только начертать подробное описаніе этого края и смежныхъ съ нимъ къ югу языческихъ странъ, а равно Ваддая, и внести

ихъ на карту, но и собрать обстоятельныя историческія свѣдѣнія объ обѣихъ странахъ, начиная съ введенія въ нихъ исламизма. Сверхъ-того, онъ составилъ обильные словари языковъ Логгене, Багирми (Таръ-Барма) и Ваддая (бора Мабангъ) и менѣе полные словари, каждый около 250 словъ, осьми разныхъ другихъ нарѣчій; а наконецъ сдѣлалъ справки насчетъ рѣкъ и водораздѣловъ въ этой части Африки. Свиданіе съ товарищемъ было тѣмъ радостнѣе, что въ этомъ промежуткѣ времени прибыли изъ Англіи и Пруссіи пособія, которыхъ они были вовсе лишены въ-теченіе почти цѣлаго года, съ іюля 1851 по іюнь 1852 года, и они уже были доведены до самой крайности, истративъ на походахъ всѣ собственныя свои средства. Они все еще пользовались особымъ покровительствомъ визиря Борнускаго, довольно образованнаго мусульманина, и подъ его защитою собрали коллекцію туземныхъ произведеній для отправки въ Европу. Все еще упорствуя въ своемъ намѣреніи, пройти весь Африканскій материкъ поперегъ до Индѣйскаго океана, они полагали употребить на это дальнѣйшіе три года; но изъявляли желаніе, чтобы, между-тѣмъ, и другіе путешественники съ западнаго берега южнѣе экватора, изъ Паоло до Лоанда, или вверхъ по Чадду были посланы имъ на встрѣчу.

Въ-слѣдствіе этого-то желанія, прусское правительство въ-согласіи съ британскимъ рѣшилось отправить новаго естествоиспытателя, ботаника доктора Фогеля, и двухъ инженеровъ въ средину Африки, но не по указанному докторомъ Бартомъ пути, а по слѣдамъ самой экспедиціи. Г. Фогель 19 февраля 1853 г. н. ст. оставилъ Лондонъ, чтобы черезъ Мальту и Триполисъ идти въ Мурзукъ, а оттуда, буде можно, прямо въ Куку. Здѣсь ему поручено прежде всего заняться точнымъ опредѣленіемъ долготы, широты и высоты этого важнаго пункта и собираніемъ растеній и сѣмянъ, а вмѣстѣ съ Овервегомъ также коллекціи другихъ естественныхъ произведеній и разныхъ издѣлій Борну, для отправленія въ Европу. Съ другой стороны, изъ Англіи отправленъ былъ къ берегамъ Гвинеи небольшой пароходъ, который имѣлъ назначеніемъ подняться вверхъ по Нигеру.

Спустя съ небольшимъ мѣсяцъ послѣ вышеупомянутаго послѣдняго письма доктора Барта, экспедиціи суждено было

понести еще новый жестокій ударъ: докторъ Овервегъ не избѣгнулъ губительнаго вліянія африканскаго климата. Впавъ въ злокачественную лихорадку, онъ, послѣ 6-дневнаго боренія, окончилъ свою жизнь въ Кукѣ 27 сентября 1852 года въ объятіяхъ своего спутника. Сколько потеряла наука утратою столь предпріимчиваго и дотолѣ счастливаго въ своихъ начинаніяхъ еще молодаго изслѣдователя, это пойметъ всякій. Остается только желать, чтобы разысканія его, по бо́льшей части уже счастливо прибывшія въ Европу, скорѣе были сдѣланы доступными ученому свѣту.

Изъ послѣдовавшаго письма доктора Барта оказывается, что онъ и послѣ столь роковаго удара не пріунылъ духомъ, а напротивъ-того рѣшился, въ-случаѣ нужды, продолжать свои открытія даже одинъ. И дѣйствительно, онъ совершилъ изъ Куки еще вторичное путешествіе въ Баггерми, изъ котораго благополучно возвратился въ столицу Борну въ началѣ ноября 1852 года. По письму его оттуда отъ 9 ноября того же года, докторъ Фогель, предполагавшій прибыть въ Куку въ августѣ мѣсяцѣ, еще не достигъ этого мѣста, и докторъ Бартъ, по-видимому, еще вовсе и не зналъ о томъ, что этотъ естествоиспытатель посланъ ему въ подмогу. Онъ самъ пользовался ненарушимымъ здоровьемъ и, что̀ весьма важно, неизмѣннымъ благоволеніемъ шеиха борнускаго, который принадлежитъ къ числу немногихъ властителей внутренней Африки, явно желающихъ вступить въ ближайшія торговыя сношенія съ Европою. Онъ, между-прочимъ, сдѣлалъ доктору Барту предложеніе остаться у него британскимъ консуломъ, что̀ послѣдній, однако, отклонилъ, желая привести къ концу начатый имъ подвигъ. Докторъ Бартъ, впрочемъ, измѣнилъ прежній свой планъ, и покинувъ намѣреніе идти на ю.-в. къ Индѣйскому океану, приготовлялся къ путешествію для изслѣдованія Кворры (Quorra), т.-е. низовьевъ Нигера, до самаго впаденія его въ Бенинскій заливъ, и потомъ прямо возвратиться въ Европу. Изъ другаго, позднѣйшаго письма его, отъ 23 ноября 1852 года, мы узнаемъ, что онъ собирался оставить Куку 25 числа того мѣсяца, для начатія своего путешествія въ Тимбукту. Совершенно окончивъ свой дневникъ и прочія донесенія по день отсылки сказаннаго письма, онъ намѣренъ

былъ отправить ихъ въ Триполисъ, для храненія у тамошняго англійскаго консула. (*)

Между прочими сообщеніями, уже полученными въ Европѣ отъ доктора Барта, одно изъ драгоцѣннѣйшихъ есть карта центральной Африки, объемлющая собою пространство отъ 4°—15° сѣв. широты и отъ 8°—23° вост. долготы, самая обширная и полнѣйшая изъ картъ, бывшихъ результатомъ путешествій и изслѣдованій отдѣльнаго путешественника въ этой части свѣта.

Каковъ бы ни былъ исходъ этой экспедиціи, она, конечно, займетъ едва ли не первое мѣсто въ ряду путешествій по Африкѣ, наиболѣе раздвинувъ точныя наши понятія о внутреннихъ сторонахъ этой части свѣта.

Другое, менѣе обширное, предпріятіе, также выполненное съ сѣвера Африки, есть путешествіе бывшаго французскаго флотскаго офицера г. Пракса (Prax) въ страны на югъ отъ Алжиріи. Обладая знаніемъ арабскаго языка и переодѣтый мусульманиномъ, онъ присоединился къ каравану, шедшему изъ Туниса въ Эль-Уадъ, подъ защитою эскорта изъ 500 вооруженныхъ Арабовъ. Самъ путешественникъ имѣлъ на свой счетъ двухъ верблюдовъ съ товарами, одного верблюдовожатаго, одного слугу изъ Суфа и, сверхъ-того, одного старца — шеиха Ибрагима, уже давно слѣпаго, отправлявшагося изъ Туниса на свою родину. Путь каравана пролегалъ чрезъ Кеироанъ и Джеридъ. Первое изъ этихъ мѣстъ было достигнуто на третій день по отбытіи изъ Туниса. Это весьма значительный торговый пунктъ для окрестныхъ племенъ на большое пространство. Получая жизненные свои припасы изъ Туниса, финики и шерстяныя ткани изъ Джерида, пшеницу и рожь изъ Африкіи, плоды изъ Сахела (Sâhèl), крапъ и генну (Henna, Lawsonia inermis) изъ Габеса (Gâbes), жернова съ Джебель-Гветара, горы между Габесомъ и Гафсою, глиняную скудель изъ Беледъ-Зуарина, къ востоку отъ Кеироана, онъ въ-замѣнъ этихъ товаровъ сбываетъ оружіе, сѣдла, благоуханіе, фески, обувь, бурнусы, бумажныя матеріи и пахатные инструмен-

---

(*) Еще прежде того онъ доставилъ въ Европу новую составленную имъ спеціальную карту посѣщенныхъ имъ частей внутренней Африки.

ты. Подобно Меккѣ и Мединѣ, городъ этотъ считается святынею, куда не дозволяется входить ни христіанамъ, ни Евреямъ. Г. Праксъ выдалъ себя за молельщика изъ Мекки и въ этомъ качествѣ могъ пробыть тамъ нѣсколько дней, посреди чисто-мусульманскаго населенія. Въ Керуалѣ имѣется множество мечетей, посвященныхъ разнымъ марабутамъ, какъ туземнымъ, такъ и иностраннымъ. Вездѣ взоры встрѣчаютъ куполы этихъ зданій съ ихъ минаретами. Пышность богослуженія и множество марабутовъ и дервишей придаютъ этому городу совсѣмъ особенную физіономію.

Продолжая оттуда свое шествіе далѣе, караванъ черезъ четыре дня пути достигъ Гафсы (Gafs'a), города, довольно значительнаго во времена римскаго господства и еще понынѣ сохраняющаго остатки древнихъ построекъ, въ-сравненіи съ которыми арабскій городъ составляетъ разительный контрастъ. Здѣсь находятся базаръ, нѣсколько мечетей, горючіе ключи, сады и плантаціи финиковъ, смоковницы и маслины. Женщины, какъ и во всѣхъ оазисахъ, занимаются изготовленіемъ шерстяныхъ тканей, а въ-особенности большихъ покрывалъ. Отъ Гафсы до Тузера (Touzer) два дневные перехода. Обильные родники образуютъ здѣсь большую рѣку Уадъ-Тузеръ, которая, развѣтвляясь на множество ручьевъ, орошаетъ своими водами финиковыя усадьбы къ югу, востоку и западу отъ города. Далѣе караванъ достигъ Нефты, города, лежащаго посреди финиковыхъ садовъ и рощи и орошеннаго прекрасною рѣкою Уадъ-Нефтою, берущею свое начало изъ окрестныхъ ключей. Въ здѣшнихъ садахъ считается до 700,000 финиковыхъ деревъ съ многоразличными плодами. Жителей въ городѣ до 17,550 душъ. Миновавъ потомъ еще Дебилу, г. Праксъ прибылъ въ Азгумъ, гдѣ весьма радушно былъ принятъ торговцами, съ которыми имѣлъ случай познакомиться еще въ Тунисѣ. Здѣсь ему возможно было сдѣлать первыя свои астрономическія и метеорологическія наблюденія, изъ которыхъ оказалось, что широта Азгума 33° 28′ 10″, а долгота 3° 42′ 6″; возвышеніе надъ уровнемъ моря 0, а средняя температура въ году 22°.

Тѣ же самые торговцы проводили г. Пракса въ Эль-Уадъ, откуда онъ достигъ крайняго предѣла своего странствія—Туггурта. Этотъ городъ лежитъ посреди волнистой рав-

нины. Къ югу и востоку отъ него простираются сады и пальмовыя рощи, а къ сѣверу и западу — невоздѣланныя земли. Занимаемое городомъ пространство образуетъ кругъ, въ юго-восточной части котораго находится касбахъ, или дворецъ, шеиха. Городъ обнесенъ довольно высокою стѣною и рвомъ. Послѣдній получаетъ часть своей воды изъ артезіанскихъ колодцевъ садовъ и города; но, за недостаткомъ надлежащаго стока, вода эта застаивается и испареніями своими заражаетъ воздухъ. Черезъ этотъ ровъ два ветхіе моста изъ финиковаго дерева ведутъ къ двумъ воротамъ города. Главныя изъ нихъ, юго-восточныя, именуются Бабъ-эль Шуша (Chucha), т.-е. персиковыя ворота, а вторыя, сѣверо-восточныя, названы по имени марабута Сиди Абд-эль-Селама, котораго цуавія построена по другую сторону рва. Есть еще третьи ворота, Бабъ-эль Гадеръ, ворота казни, ведущія въ самую Касбу и отворяемыя только для самого шеиха, его невѣстъ и приговоренныхъ къ смерти преступниковъ. Внѣ города ежедневно открытъ рынокъ для продажи овощей, плодовъ, топлива, бараньяго и козьяго масла. Въ самомъ городѣ имѣется еще другой рынокъ, гдѣ продаются крапъ, шерсть, красныя фески, гаики и финикъ тугуртскій. Дома всѣ объ одномъ только жильѣ. Мечетей 20, но лишь двѣ изъ нихъ значительны: большая (Джама-эль-Кебира) и малая (Джама-эль-Мелкія).

Изъ Тугурта г. Праксъ взялъ свое направленіе на Бискаръ и черезъ Батну возвратился въ Константину. Хотя обстоятельства не дозволили ему вполнѣ исполнить предначертанный ему планъ, однако же, онъ успѣлъ собрать богатую жатву свѣдѣній и наблюденій по части географіи, промышленности, торговли, внѣшнихъ сношеній, языковъ и преданій не одной Алжирской Сахары, но также и всѣхъ частей смежной Большой Пустыни.

Относительно къ торговлѣ мы узнаемъ отъ него, что эта часть внутренней Африки получаетъ свои потребности изъ Марокко, Туниса, Триполиса и Египта, а именно Туатцы торгуютъ съ Марокко, Гадамесцы — съ Тунисомъ, а купцы Феццана — съ Триполисомъ и Каиромъ. Впрочемъ, по мнѣнію г. Пракса, не трудно было бы и для Алжиріи вступить въ торговыя связи съ оазисами, а именно посредствомъ Шаанба (Chaanba) и Арабовъ Эль-Уада, обитающихъ вдоль по южной

границѣ французской колоніи. Издѣлія французской промышленности нашли бы сбытъ во внутренности страны, пролагая себѣ путь изъ Туата въ Гадамесъ и Феццанъ, а изъ Тимбукту въ Уару, столицу Вадая, и снабжая собою Арабовъ, Туариковъ и Феллатовъ.

По возвращеніи своемъ, г. Праксъ, вмѣстѣ съ г. Рену (Renou), составилъ карту изслѣдованной имъ южной полосы Алжиріи и Регентства Триполискаго, съ обозначеніемъ главнѣйшихъ торговыхъ путей этой части Африки, а въ-особенности связывающихъ Алжирію съ Регентствами Тунисскимъ и Триполискимъ, съ оазисами и съ странами Туариковъ, Черныхъ и Феллатовъ. Всѣ эти пути, по увѣренію г. Пракса, совершенно безопасны, за исключеніемъ только дороги, ведущей отъ Туниса въ Суфъ.

Папская экспедиція во внутренность Африки, несмотря на жестокія потери, понесенныя ею въ самомъ ея началѣ (*), наконецъ все-таки состоялась и уже принесла нѣкоторые плоды наукѣ. Докторъ Игнатій Кноблехеръ (**), въ-качествѣ папскаго генеральнаго викарія центральной Африки, вмѣстѣ съ испанскими миссіонерами дономъ Анджело Винко (Vinco) и дономъ Эммануэлемъ Пидемонте, примкнувъ къ торговой экспедиціи, отправившейся 13 ноября 1849 года изъ Сеннаара, отправился къ верховьямъ Нила, съ цѣлью основать миссіонерскій постъ или близъ Логвека (Logwek), подъ 4° сѣв. шир., въ странѣ Негровъ Бари, или же близъ Бергіи (Berigia), нѣсколько далѣе къ сѣверу.

Путь экспедиціи лежалъ вверхъ по рѣкѣ Бахръ-эль-Абіаду, или, какъ ее тамъ называютъ, Кити (Kiti), черезъ пороги, которыхъ не могла побѣдить экспедиція д'Арно (d'Arnaud) и Верне, остановившихся, какъ извѣстно, подъ 4° 42′ сѣверной широты (***). 14 января 1850 года, благопріятствуемая силь-

---

(*) См. прежній обзоръ: Африка.

(**) Докторъ Кноблехеръ по происхожденію своему Австріецъ, родомъ изъ Лайбаха, въ Каринтіи. Онъ ученикъ покойнаго Меццофанти и, подобно своему знаменитому наставнику, говоритъ на многихъ языкахъ. Передъ отправленіемъ своимъ въ Сеннааръ, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ между маронитами на Ливанѣ.

(***) Послѣ той экспедиціи, которую Мехмедъ-Али лично предпри-

нымъ сѣвернымъ вѣтромъ, барка на этотъ разъ, подъ управленіемъ смѣлаго своего кормчаго, Сулеймана Абу-Цаида, счастливо перенеслась чрезъ главный изъ этихъ пороговъ. Непосредственно по минованіи его судоходство по рѣкѣ сдѣлалось чрезвычайно затруднительнымъ, по причинѣ песчаныхъ отмелей, а нѣсколько выше — отъ множества попадавшихся въ рѣкѣ камней. Въ селеніи Токиманъ туземцы крайне были изумлены при видѣ судовъ и бѣлыхъ людей. 16 числа января экспедиція прибыла въ мѣстечко Логвекъ, гдѣ докторъ Кноблехеръ дважды всходилъ на довольно высокую гору, съ вершины которой могъ слѣдить глазами теченіе Бѣлаго Нила, къ юго-западу, пока онъ теряется между горами; а вдали усмотрѣлъ верхи высокихъ горъ. Подъ 4° 45′ сѣверной широты Нилъ былъ въ 200 ярдовъ шириною и отъ 2 до 3 ярдовъ глубиною. Кноблехеръ дошелъ по Нилу до 4° 9′ сѣверной широты, итакъ нѣсколькими милями дальше, чѣмъ Арно и Верне въ 1841 году.

Донесеніе его подтверждаетъ свѣдѣнія, сообщенныя гг. д'Арно и Верне о свойствахъ страны въ верховьяхъ Нила. «Далѣе 9 градуса — пишетъ онъ — измѣняется характеръ природы: исчезаютъ лѣса и величавыя тропическія деревья. Болотистая, крайне нездоровая почва покрыта высокою травою, острыя и колючія колосья которой, опускаясь къ руслу рѣки, весьма затрудняютъ причаливаніе къ берегу, а мѣстами даже и самое судоходство. Наполненный вредными испареніями воздухъ преисполненъ безчисленными роями долгоногихъ комаровъ и большихъ оводовъ, ужаленіе которыхъ обыкновенно причиняетъ кровотеченіе. Вмѣсто большихъ селеній страны Шиллуковъ видны лишь кое-гдѣ разбросанныя мазанки или самыя жалкія деревушки. Этотъ песчаный, безплодный характеръ страны почти сплошь удерживается отъ 9°

нялъ въ Фазоглъ, вошло въ обычай ежегодно посылать изъ Хартума, съ наступленіемъ благопріятныхъ плаванію сѣверныхъ вѣтровъ, т.-е. въ ноябрѣ, торговыя экспедиціи вверхъ по Бѣлой рѣкѣ (Бахръ-эль-Абіаду) для того, чтобы въ нагорной странѣ вымѣнивать слоновую кость, золотой песокъ и невольниковъ на бусы — единственное издѣліе промышлености, къ которому до сихъ поръ пристрастились Негры этой части Африки.

26′ до 6″ 50′ сѣверной широты. Эти плачевные берега обитаемы Неграми племенъ Ноэръ и Кикъ (Noer und Kik-Neger).

Самый выгодный отзывъ Кноблехеръ даетъ о Неграхъ Бари. Извѣстно было, что они принадлежатъ къ самымъ рослымъ и красивымъ негрскимъ племенамъ сѣверо-восточной Африки; но теперь мы узнаемъ еще, что они должны быть весьма способны къ образованію и одарены даже нѣкотораго рода эстетическимъ чувствомъ. Такъ, между-прочимъ, построенныя изъ камыша деревни ихъ гораздо красивѣе, чѣмъ дуары Арабовъ или даскрахи (Daskrah) Кабиловъ и даже иныя деревни въ Европѣ. Населеніе ихъ докторъ Кноблехеръ считаетъ въ 2,000,000 душъ.

Почтенный прелатъ во все продолженіе своего путешествія велъ подробный дневникъ, въ которомъ отмѣчалъ все достойное замѣчанія въ географическомъ, метеорологическомъ и ботаническомъ отношеніяхъ, между-прочимъ всѣ измѣненія въ направленіи рѣкъ, быстроту ихъ теченія, направленіе вѣтровъ, виды небесныхъ тѣлъ и т. д.

Но главная цѣль путешествія — учрежденіе миссіонернаго поста въ Логвекѣ — сокрушилась недовѣрчивостью, которую турецкій корабельщикъ умѣлъ внушить главѣ племени Бари противъ миссіонеровъ, описавъ ему трехъ бѣлыхъ мужей злыми чародѣями, будто пришедшими для того, чтобы заколдовать страну и удержать дожди, чтобы Негры не могли впередъ ни пожинать дурры, ни имѣть пастбища для своихъ стадъ. Это-то обстоятельство, а вмѣстѣ съ тѣмъ позднее уже время года побудило Кноблехера, 17 января 1850 года, предпринять обратное плаваніе внизъ по Нилу. (*)

Впрочемъ, сколько слышно, предпріимчивый прелатъ не покинулъ своего плана. Купивъ, для вѣрнѣйшаго успѣха, на собственный свой счетъ желѣзную нильскую барку, онъ рѣшился возобновить свою попытку и на этотъ конецъ 18 ок-

---

(*) Донесеніе объ этомъ плаваніи издано особою брошюрою, подъ заглавіемъ:

Klun, Dr. L. F. Reise auf dem Weissen Nil. Aus den Original-Manuscripten des General-Vikars von Central-Afrika. Dr. Ign Knoblecher-Laibach 1841 Kleinmayer. 17 стр. (8)

тября 1851 года оставилъ Каиръ и, счастливо переплывъ Алуанскіе пороги въ $4^1/_2$ сутокъ достигъ Короско, откуда на верблюдахъ предпринялъ свое странствіе чрезъ пустыню.

Въ послѣдніе годы одною изъ любимыхъ мыслей, двигавшихъ умы предпріимчивыхъ путешественниковъ, было пройти поперекъ Африки, для разрѣшенія тѣхъ задачъ науки, которыя еще представляетъ въ такомъ изобиліи внутренность ея. Мы уже упомянули въ первомъ обзорѣ объ отважномъ покушеніи, въ 1845 году, молодаго Англичанина Джорджа Рокстона пересѣчь Африканскій материкъ съ запада на востокъ, т.-е. отъ Конга до Мозамбика. Но хотя Рокстонъ былъ, такъ-сказать, созданъ для совершенія подобнаго подвига, а притомъ пользовался покровительствомъ Лондонскаго Королевскаго Географическаго Общества, однако, долженъ былъ отказаться отъ своего предпріятія въ-слѣдствіе непредвидѣнныхъ препятствій, встрѣтившихся при самомъ его началѣ. Единственнымъ плодомъ этой неудачной попытки была статья г. Рокстона объ одной части западнаго берега Африки, помѣщенная въ журналѣ сказаннаго Общества. Не покидая, однако, своего любимаго плана, Рокстонъ, по возвращеніи своемъ въ Англію, обратился къ правительству для исходатайствованія себѣ болѣе обильныхъ средствъ къ его выполненію. Но, утомленный продолжительными проволочками со стороны тогдашняго министерства, онъ наконецъ рѣшился бросить эту идею и снова обратиться въ Америку, гдѣ началъ свое поприще путешественника (см. Америку).

И смѣлый планъ Француза Раффенеля (*) пройти поперекъ весь материкъ Африки въ наибо́льшей его ширинѣ съ запада на востокъ между параллелями 10° 15° сѣвера также не состоялся. Онъ былъ покинутъ въ-слѣдствіе какихъ-то препятствій, воспротивившихся его исполненію при самомъ его зародышѣ.

Къ числу предпріятій, которыя были подавлены въ самомъ его началѣ, принадлежитъ также проектъ одного германскаго ученаго, доктора Фридриха Бохлоблоцкаго, родомъ изъ Ганно-

---

(*) Того самаго путешественника, объ экспедиціи котораго къ рѣкѣ Фалеме и къ Кеніэбскимъ золотымъ рудникамъ въ Сенегамбіи было донесено въ обзорѣ путешествій съ 1838 по 1848 годъ.

вера. Изучивъ разные необходимые для своего предпріятій языки, онъ лѣтомъ 1848 года отправился къ восточному берегу Африки, съ намѣреніемъ проникнуть изъ Момбасы къ водораздѣлу между верховьями Нила и текущими къ востоку въ Индѣйскій океанъ рѣками Луфиджи, Ози и Сабаки, для изслѣдованія южныхъ границъ Нильскаго бассейна и отысканія истоковъ Бѣлаго Нила, а потомъ обозрѣть большое озеро, находящееся въ тѣхъ широтахъ, и, буде можно, пробраться поперекъ материка на западъ, а въ-противномъ-случаѣ прослѣдить теченіе Нила въ Сеннаарѣ и Египтѣ. Но, не найдя своему плану надлежащей поддержки и встрѣтивъ на самой почвѣ Африки разныя неожиданныя препоны, онъ долженъ былъ отказаться отъ своего начинанія.

Таинственная внутренность Африки еще скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ много странъ и народовъ и, между-прочимъ, даже большія благоустроенныя государства, о существованіи которыхъ намъ еще почти не было извѣстно. Такъ лишь за нѣсколько лѣтъ зашла рѣчь о смежномъ съ Дарфуромъ королевствѣ Вадаѣ, о которомъ еще и не было помину въ географіяхъ. Одинъ только европейскій путешественникъ, Буркгардтъ, упоминаетъ о немъ, да и то лишь мелькомъ. (*) Впервые нѣсколько подробнѣе заговорилъ объ этомъ царствѣ шеихъ Могаммедъ эль-Тунзи въ недавно переведенномъ на французскій языкъ путешествіи своемъ по Дарфуру, гдѣ между-прочимъ объявляетъ о намѣреніи своемъ издать, въ непродолжительномъ времени, описаніе трехлѣтняго своего путешествія и въ самый Вадай.

Нынѣ это описаніе вышло во французскомъ переводѣ, подъ заглавіемъ:

Voyage au Ouaday, par le cheyhk Mohammed Ibn Omar-el-Tunsy, réviseur en chef à l'Ecole-de-médecine du Kaire. Traduit de l'arabe par le docteur Perron, directeur de l'Ecole de méd. du Kaire, etc. Ouvrage accompagné de cartes et de planches et du portrait du cheyhk, publié par le docteur Perron et M. Jomard, membre de l'Institut, ancien directeur de la mission

---

(*) См. его Travels in Nubia. London. 1822. Appendice. 11, стр. 489.

égyptienne en France. Ouvrage précedé d'une préface de ce dernier. Paris. B. Duprat. 1851. 52½ листа б. 8.

Не имѣвъ подъ рукою этого сочиненія о Вадаѣ, сообщимъ здѣсь извлеченныя нами изъ Bulletin de le Société de géographie de Paris замѣтки объ этой странѣ г. Френеля (Fresnel), французскаго консула въ Джеддѣ (Djeddah), имѣвшаго случай во время 18-лѣтняго своего пребыванія въ Аравіи и Африкѣ, а особенно въ новѣйшую свою поѣздку въ Триполи, Бенгази (Benghâzi) и Ауджелахъ (Audjelah), собрать нѣсколько положительныхъ свѣдѣній о Вадаѣ.

Умершій въ 1815 году король вадайскій, султанъ Могаммедъ Абдель-Каримъ, по прозванію Сабунъ, былъ первымъ властителемъ этого царстяа, который черезъ Феццанъ состоялъ въ дружескихъ и торговыхъ сношеніяхъ съ Триполисомъ, во время цвѣтущаго управленія этимъ регентствомъ Юсафа-Паши. Желаніе распространить свою торговлю и на Египетъ, несравненно для него болѣе важный по сношеніямъ съ Левантомъ и Цареградомъ, побудило его испытать новый туда маршрутъ, параллельно пути Дарфурскаго каравана (*), а именно чрезъ оазисъ эль-Давгель (внутренній). Но попытка эта имѣла самый плачевный исходъ: вожди каравана (Кабиры) заблудились въ степи къ сѣверу отъ Дарфура, и весь караванъ, не встрѣтивъ нигдѣ колодцевъ, погибъ отъ жажды, а вмѣстѣ съ нимъ и мать самого Сабуна, слѣдовавшая на поклоненіе въ Мекку.

Отысканные, спустя нѣсколько времени, и перевезенные въ Бенгази Арабами товары подали поводъ къ важной перемѣнѣ въ направленіи пути вадайскаго каравана: одинъ поселившійся въ Бенгази, съ 1832 года, Французъ вразумилъ прибывшихъ въ 1836 году изъ Вадая торговцевъ, что прямой путь въ Бенгази чрезъ Ауджилу (Audjelah) гораздо пордпочтительнѣе пути чрезъ Феццанъ (**), и въ-слѣдствіе этого внуше-

---

(*) Дарфурскій караванъ идетъ чрезъ ближайшій къ Нилу оазисъ Kариджи (внѣшній).

(**) Въ царствованіе Сабуна въ Вадаѣ и Юсуфа-Караманли въ Триполисѣ сообщеніе между обоими владѣніями производилось чрезъ Феццанъ, оазисъ, зависѣвшій отъ Триполискаго регентства, караванами, ежегодно ходившими между Мурзукомъ въ Триполисѣ и Варою, столицею Вадая.

нія братъ и преемникъ Сабуна, король Могаммедъ Салихъ, вступившій послѣ 20-лѣтнихъ междоусобій на престолъ въ 1835 году, сталъ дѣйствительно съ 1837 года отправлять свои караваны этою кратчайшею и удобнѣйшею дорогою. Сношеніе это усиливалось съ каждымъ годомъ, и караванъ 1840 года уже состоялъ изъ 300 слишкомъ верблюдовъ, навьюченныхъ кромѣ обыкновеннаго вакфа (wakf), т.-е. подарка Меккѣ и Мединѣ, въ-особенности слоновою костью.

Одинъ изъ богатѣйшихъ каравановъ былъ 1846 года. Онъ заключалъ въ себѣ 230 верблюдовъ съ слоновою костью и отъ 400 до 500 невольниковъ, не считая дополнительной кафлы съ ежегодными дарами, посылаемыми султаномъ-шерифомъ и состоявшими на этотъ разъ изъ ста грузовъ слоновой кости и 40 евнуховъ, назначаемыхъ для отправленія службы въ храмахъ Мекки и Медины. (*) Доходъ, который этотъ караванъ принесъ турецкой казнѣ, оцѣняютъ отъ 30—40,000 талари.

Прибывающіе съ караваномъ въ Бенгази купцы суть по бо́льшей части уроженцы Вадая, съ небольшимъ только числомъ торговцевъ изъ Бенгази. Въ обмѣнъ на привозимыхъ ими невольниковъ и товаръ, состоящій изъ слоновой кости, страусовыхъ перьевъ, воску, звѣриныхъ шкуръ, рога носороговъ, они забираются въ Бенгази разными стеклянными и коралловыми издѣліями, сукномъ краснымъ и зеленымъ, крашеными индѣйскими и другими бумажными тканями, бумагою, сахаромъ и проч.

Не задолго до прибытія каравана 1846 года разнеслась-было вѣсть, будто султанъ дарфурскій сдѣлалъ на Вадай нашествіе, кончившееся пораженіемъ и смертью султана-шерифа вадайскаго; но эта молва была опровергнута купцами каравана. Она, вѣроятно, возникла оттого, что султанъ-шерифъ Вадайскій Могаммедъ Салихъ, вступивъ на престолъ

По смерти Сабуна это сношеніе прервалось, въ-слѣдствіе безначалія въ Вадаѣ и междоусобій въ Триполисѣ, кончившихся тѣмъ, что это регентство сдѣлалось подвластнымъ Турціи.

(*) Слоновая кость продается въ Бенгази тамошнимъ агентомъ султана-шерифа вадайскаго, и выручка за нее вмѣстѣ съ евнухами препровождается моремъ въ Каиръ, гдѣ конвой примыкаетъ къ обыкновенному каравану молельщиковъ.

своихъ предковъ съ помощью султана дарфурскаго, обязался платить ему ежегодную дань изъ ста невольниковъ, ста грузовъ слоновой кости, ста жеребыхъ верблюдовъ самокъ, ста таубовъ, или бумажныхъ рубахъ, и т. д.; но дань эта, въ-слѣдствіе сопротивленія вадайскаго совѣта улемовъ, никогда не была вносима. А какъ Дарфуръ могущественнѣе Вадая, то естественно, что султанъ его давно уже вооруженною силою истребовалъ бы себѣ платежа сказанной дани, если бы не былъ безпрестанно тревожимъ восточнымъ своимъ сосѣдомъ вице-королемъ египетскимъ.

Въ твердое и благоразумное управленіе Могаммеда Салиха очень возрасли сила и значеніе Вадая. Онъ успѣлъ присоединить къ своимъ владѣніямъ Канемъ и Багирме и замышлялъ покорить даже Борну. На этотъ конецъ, онъ въ 1845—46 году предпринялъ туда походъ съ многочисленнымъ полчищемъ, состоявшимъ изъ конницы и нѣсколькихъ орудій. (*) Разбивъ при Карнанѣ, или Логунѣ, войско султана борнускаго, онъ дѣйствительно завладѣлъ-было его страною; но едва онъ отошелъ съ своею арміею восвояси, какъ Борну снова возвратился подъ власть шеиха Омара. За-всѣмъ-тѣмъ онъ готовилъ новое нашествіе. (**) Если бы ему удалось покорить Борну, то царство его обнимало бы всѣ страны около озера Чадды и отдѣлялось бы отъ французской колоніи на Сенегалѣ одною только страною Феллатовъ.

Основываясь на изустныхъ сказаніяхъ феллатскаго шеиха Ибрагима изъ Шокіё (Schokheu), г. Френель даетъ намъ слѣдующее изображеніе столицы Вадай, Вары.

Это не есть, подобно городамъ Баггерми, Борну и восточнаго Такрура, городъ, обнесенный стѣнами и способный выдержать осаду, а напротивъ-того, простое скопленіе шалашей, покрывающее собою, впрочемъ, гораздо бóльшее пространство, чѣмъ Сіутъ (Ассіутъ), главный городъ Верхняго Египта, и

(*) Вѣроятно, тѣхъ самыхъ, которыя Юсуфъ-Паша триполискій прислалъ въ даръ царю вадайскому Сабуну.

(**) Изъ одного изъ новѣйшихъ писемъ доктора Барта, мы узнаемъ о кончинѣ Могаммеда Салиха, событіи, о которомъ нельзя не сожалѣть, потому-что изъ всѣхъ властителей Судана онъ наиболѣе отличался умомъ и предпріимчивостью.

имѣющее не менѣе жителей. Онъ лежитъ на песчаной равнинѣ, опоясываемой къ востоку высокимъ холмомъ Тенгтангтигвинъ, къ западу другимъ, ме́ньшимъ пригоркомъ, Кодрокъ, Вары, къ сѣверу долиною Сингъ-Омбалке, а къ югу двумя другими долинами, ведущими одна въ Нимръ (Нимеръ, Нумро), а другая въ Галегенъ. Эти-то долины и составляютъ собою если не единственный, то по-крайней-мѣрѣ главный доступъ къ столицѣ Вадая.

Въ городѣ находится мечеть Эт-тураія (Плеяды), такъ прозванная по причинѣ семи своихъ главъ, — мечеть, гдѣ каждый султанъ по своемъ провозглашеніи на царство проводитъ нѣсколько дней въ совершенномъ уединеніи. Въ подвалахъ хранится какой-то кладъ, — но какого именно рода, неизвѣстно. Пребываніе свое султанъ имѣетъ въ зданіи, состоящемъ изъ двухъ за́мковъ (казръ) и построенномъ изъ кирогиса, покрытаго какимъ-то известковымъ цементомъ. Между обѣими частями зданія находится прудъ, вода котораго возобновляется неизсякающими источниками. Самый городъ расположенъ къ западу отъ этой резиденціи султана до подошвы Кодрока. Все это пространство усѣяно мазанками, построенными изъ голыша и земли, съ соломенными крышами, достаточно наклоненными для того, чтобы давать скорый стокъ дождевой водѣ.

Въ добавокъ своихъ извѣстій о Вадаѣ г. Френель сообщаетъ нѣкоторыя, заимствованныя имъ изъ устъ туземцевъ, свѣдѣнія о гидрографіи Вадая и прилежащихъ къ нему съ юга и востока странъ, и о настоящихъ границахъ Чадскаго бассейна со стороны Дарфура и Рунги (Rounga) (*), а равно нѣсколько добытыхъ имъ изъ того же самаго источника дорожниковъ по Вадаю и окрестнымъ странамъ, съ собственными своими поясненіями и примѣчаніями.

Да и съ самымъ Дарфуромъ, этимъ богатымъ царствомъ, искони состоявшимъ въ торговыхъ связяхъ съ Египтомъ, мы еще не такъ давно свели ближайшее знакомство. Первый сообщившій объ немъ нѣсколько подробнѣйшее извѣстіе, былъ В. Броунъ, проведшій тамъ цѣлые три года. (**) Ему

(*) Страна на юго-юго-востокъ отъ Вары.

(**) Описаніе это заключается въ сочиненіи: Browne's Travels in Africa, Egypt and Syria from the year 1792 to 1798. London. 1799.

мы обязаны географическимъ опредѣленіемъ положенія столицы Дарфура, Коббе, и множествомъ новыхъ данныхъ о климатѣ, о нравахъ и обычаяхъ жителей и пр. Но, къ-сожалѣнію, этотъ наблюдательный путешественникъ былъ въ Дарфурѣ плѣнникомъ и большую часть своего тамъ пребыванія одержимъ болѣзнію: иначе отъ него можно было бы ожидать гораздо болѣе поживы для науки. Французская экспедиція въ Египетъ имѣла въ виду отправить съ дарфурскимъ караваномъ одного изъ своихъ членовъ въ Коббе; но планъ этотъ рушился вмѣстѣ съ самою экспедицію. Между-тѣмъ, Лапанузъ (Lapanouse), одинъ изъ французскихъ агентовъ въ Соутѣ, собралъ изъ устъ дарфурскихъ купцовъ свѣдѣнія о торговлѣ ихъ края, о его пространствѣ, о періодическихъ его караванахъ, иногда состоящихъ изъ 15,000 верблюдовъ, о торговыхъ путяхъ и т. д.

Съ тѣхъ поръ много путешественниковъ занимались собираніемъ свѣдѣній о Дарфурѣ, а именно Сетценъ (*), Линанъ (Linant) (**), Буркгардтъ (***), Рюппель, Руссеггеръ, Пальме (****) и Аббадди; но всѣ эти свѣдѣнія добыты ими изъ третьихъ рукъ.

То, чтó не удалось новѣйшимъ европейскимъ путешественникамъ — лично самимъ побывать въ Дарфурѣ — посчастливилось одному ученому мусульманину, шеиху Могаммеду, по прозванію эль-Тунзи (т.-е. Тунисцу: онъ родился въ Тунисѣ въ 1789 году). Получивъ свое образованіе въ лучшихъ арабскихъ школахъ, онъ на 14 году возраста отправился въ Каиръ къ своему отцу Омару эль-Тунзи, но не засталъ его тамъ, потому-что тотъ, между-тѣмъ, перешелъ въ Суданъ.

(*) Seestzen's Nachrichten von dem Negerlande Fur; in Kahira gesammelt Ende October 1808, въ Zach's monatliche Correspondenz. 1809. XIX томъ, стр. 429—443.

(**) Voyage on the Bahr Abiad, въ Journal of the Royal Geographical Society of London. Vol. II, стр. 185 и далѣе.

(***) Burhardt's Reisen in Nubien, aus dem Englischen übersetzt. Weimar. 1820. Erster Anhang: Reise von den Gränzen von Boornu über Bahr el Ghapal und Darfur nach Shendy (zu Mekka von einem Pilger vom Araber-Stamme Bend-Hassan, in Waday empfangen). стр. 667—681.

(****) Travels in Kordofan by Ignatius Pallme.

Одинъ изъ друзей отца его взялъ туда съ собою юнаго Могаммеда, и они прибыли въ Тендельти, пребываніе дарфурскаго султана, въ недалекомъ разстояніи отъ Коббе, въ 1803 году, въ то самое время, когда скончался султанъ Дарфура Аббель-Раманъ, по прозванію эль-Рашидъ (Праведный). Но и тутъ Могаммедъ миновалъ своего отца, переселившагося, между-тѣмъ, въ Вадай, куда и онъ отправился въ-послѣдствіи времени.

Могаммедъ пробылъ въ Дарфурѣ около 8 лѣтъ и пользовался особымъ покровительствомъ новаго султана, Могаммеда Фадгза, чѣмъ былъ обязанъ какъ собственнымъ своимъ заслугамъ, такъ и тому уваженію, какое умѣли сыскать себѣ тамъ его отецъ Омаръ и дядя его Тагеръ, облеченный въ Дарфурѣ въ высокій санъ. Благосклонность къ нему султана дошла даже до-того, что онъ въ 1805 году снабдилъ его фирманомъ для безпрепятственнаго путешествія по всей странѣ, даже въ горахъ Маррахскихъ.

Послѣ почти десятилѣтняго пребыванія въ Суданѣ — два года онъ провелъ въ Вадаѣ — Могаммедъ воротился въ Тунисъ, а потомъ перешелъ въ Каиръ, гдѣ въ 1832 году опредѣленъ былъ при медицинской школѣ Абу-Цабельской. Здѣсь съ нимъ познакомился докторъ Перронъ, который и перевелъ на французскій языкъ путешествіе его по Дарфуру, приложивъ къ нему карту этого края, составленную по чертежу Могаммеда и по изустнымъ его къ ней объясненіямъ.

Хотя описаніе путешествія Могаммеда эль-Тунзи далеко отъ удовлетворительной полноты, и авторъ, какъ оріенталистъ, иногда слишкомъ увлекается фантазіею и легковѣріемъ, однако же, нельзя не признать въ немъ также дара мѣткой наблюдательности въ-соединеніи съ благородною откровенностью и безпристрастіемъ. Выдавая за истину только то, чтó онъ самъ видѣлъ собственными своими глазами, онъ не ручается за достовѣрность того, чтó слышалъ отъ другихъ. Во-всякомъ-случаѣ, книга его есть богатѣйшій доселѣ имѣющійся источникъ для познанія любопытнаго края.

О климатѣ Дарфура мы узнаемъ, между-прочимъ, что онъ весьма различенъ отъ египетскаго. Въ строгомъ смыслѣ, тамъ имѣются только три времени года: весна, лѣто и зима. Весна соотвѣтствуетъ осени и зимѣ въ Египтѣ, лѣто веснѣ, а

осень Дарфура есть время дождей. Самое продолжительное дождливое время, или самая длинная осень — 75 дней. Съ наступленіемъ дождей начинается и уборка жатвы.

Растительность Дарфура чрезвычайно богата. Сверхъ многоразличныхъ породъ хлѣбныхъ и овощныхъ растеній, тамъ водится множество разныхъ плодовыхъ деревъ и полезныхъ растеній, хозяйственныхъ, лекарственныхъ и красильныхъ, а между-прочимъ и такихъ, которыя одарены особенными силами, какъ-то: шалаибъ (Schâlaub), дерево, листья котораго жуютъ для того, чтобы избавиться отъ виннаго запаха во рту; дагарахъ (Dagarah), средство, мгновенно помогающее отъ воспаленія глазъ и утоляющее жесточайшую глазную боль, и т. д.

Изъ царства животныхъ Дарфуръ въ-особенности изобилуетъ рогатымъ скотомъ. На высокихъ пастбищахъ, какъ-то въ горахъ Маррахскихъ и разныхъ другихъ мѣстахъ, водится столько коровъ, что жители принуждены выливать вонъ излишнее молоко, такъ-что это, въ буквальномъ смыслѣ, страна, гдѣ молоко течетъ ручьями. Изъ дикихъ звѣрей имѣется множество жирафовъ, страусовъ, газелей, слоновъ, буйволовъ, львовъ, гіеннъ, носороговъ и т. д. Травлею ихъ занимается очень много охотниковъ, которые, по-видимому, образуютъ собою особое сословіе.

Изъ ископаемаго царства въ-особенности замѣтимъ каменную соль.

Съ большою живостью Могаммедъ эль-Тунзи разсказываетъ о нравахъ и обычаяхъ Форійцевъ. Читая его описаніе, какъ бы самъ присутствуешь при торжествахъ и обрядахъ, играхъ, удовольствіяхъ и тѣлесныхъ упражненіяхъ, а особенно національныхъ пляскахъ жителей. Сверхъ-того авторъ знакомитъ насъ со всѣмъ домашнимъ бытомъ народа, съ его характеромъ и образомъ мыслей, съ господствующими въ странѣ болѣзнями и средствами ихъ леченія.

Само-собою-разумѣется, что въ Дарфурѣ не должно искать большаго просвѣщенія. Все образованіе, каково бы оно ни было, занесено туда путемъ торговли, а именно Арабами, вѣроятно, въ одно время съ водвореніемъ ислама. Оно ограничивается весьма скуднымъ познаніемъ корана и наукою волхвовъ, или магіею, которой подчинена и самая медицина.

Ограниченность потребностей, въ-слѣдствіе знойнаго климата, препятствуетъ также развитію промышленности. Воздѣлываніе земли не требуетъ большихъ усилій и весьма просто. Впрочемъ, земледѣлію оказывается большое уваженіе. Знакъ къ началу посѣва даетъ поводъ къ народному празднеству, при которомъ присутствуетъ самъ султанъ. Съ наступленіемъ этого времени, т.-е. съ прекращеніемъ дождей, султанъ выходитъ съ торжествомъ въ-сопровожденіи болѣе ста молодыхъ женъ гарема, украшенныхъ самымъ драгоцѣннымъ убранствомъ и алмазами. Нося на головѣ своей омрахъ, т.-е. сосудъ, наполненный отборнѣйшими снѣдями, онѣ слѣдуютъ за конемъ султана вмѣстѣ съ юными невольниками-копьеносцами и другими, играющими на свирѣли. Игра послѣднихъ сопровождается пѣніемъ юныхъ дѣвъ и рабовъ. По прибытіи на поле султанъ слѣзаетъ съ коня, беретъ горсть сѣмянъ и раскидываетъ по землѣ. Его примѣру слѣдуютъ всѣ вельможи и сановники двора, и въ одинъ мигъ все поле засѣяно. По совершеніи этого обряда приступаютъ къ пиршеству, въ которомъ вмѣстѣ съ султаномъ участвуетъ и весь дворъ; послѣ него султанъ снова садится на лошадь и возвращается въ свой дворецъ. Торжество, напоминающее собою обычай древняго Египта, и подобное же, еще понынѣ празднуемое въ Китаѣ.

Наконецъ, изъ книги Могаммеда эль Тунзи мы узнаемъ кое-что также о географіи внутренней Африки. Весь Суданъ онъ раздѣляетъ на десять главныхъ странъ: четыре къ востоку: Сеннааръ, Кордофанъ, Дарфуръ и Вадаи, три въ серединѣ: Багирме (Баггерме), Борну и Адигизъ (Adigiz), и три къ западу: Афну (Afnau), Даръ-Тунбукту (Тимбукту) и Даръ-Мелла. О величинѣ самаго Дарфура онъ говоритъ, что эта страна въ длину, т.-е. съ сѣвера на югъ, простирается на 49 или 50, а въ ширину, съ востока на западъ, на 15 дней пути. Далѣе мы находимъ у Могаммеда эль-Тунзи нѣкоторыя важныя для науки свѣдѣнія о теченіи рѣкъ, о направленіи горъ и пр. (*)

Другая страна внутренней Африки, еще гораздо менѣе извѣстная Европейцамъ, чѣмъ Дарфуръ и Вадаи, есть Фертитъ,

---

(*) При составленіи этой статьи о сочиненіи шеиха Могаммеда мы руководствовались прекраснымъ разборомъ этой книги извѣстнаго знатока Африки Жомара: Observations sur le voyage au Dar-Four.

обширное царство къ югу отъ Дарфура, состоящее изъ разныхъ областей : Банды, Гонги, Гнамъ-Гнама и другихъ и обитаемое язычниками-Неграми, менѣе образованными, чѣмъ Форійцы.

Шейхъ Могаммедъ эль-Тунзи былъ также въ Фертитѣ и довольно далеко проникъ въ глубь этой страны. Можно надѣяться, что онъ современемъ передастъ намъ свои о ней замѣчанія, которыя, безъ-сомнѣнія, будутъ весьма любопытны.

Изъ устъ двоихъ туземцевъ внутренней Африки, Аббаллаха изъ Боргу и Ибрагима изъ Рунги (Runga), французскій консулъ въ Джеддѣ, г. Френель, узналъ данное, которое, если оправдается, будетъ важнымъ приращеніемъ африканской географіи,—а именно, что Фертитъ во всемъ своемъ протяженіи разсѣкается большою рѣкою, именемъ Кабада, будто бы изливающеюся въ Нилъ и никогда не изсякающею. Другое обстоятельство, которое можетъ содѣлать эту страну весьма приманчивою для Европейца, это — показаніе одного служившаго на англійскомъ военномъ кораблѣ матросомъ и нынѣ проживающаго въ Англіи Африканца именемъ Томаса Вегга изъ области Кимкулъ (Kimcoul), близъ устья Чадды, — а именно, будто Фертитъ преизобилуетъ серебромъ и золотомъ. (*)

Въ-заключеніе, конечно, весьма скудныхъ свѣдѣній, собранныхъ нами о странахъ внутренней Африки, укажемъ здѣсь еще на недавно изданное уже упомянутымъ нами географомъ Кулеемъ сочиненіе :

Inner Africa laid open in an attempt to trace the chief lines of communication accross that continent southof tha Equator by W. D. Cooley. London. 1852. 8. Съ картою.

Ни одинъ изъ вопросовъ африканской географіи не привлекалъ къ себѣ въ такой степени вниманія современниковъ, какъ вопросъ объ источникахъ таинственнаго Нила. Мы постараемся собрать здѣсь въ одно главное относящіяся сюда данныя.

Уже три тысячелѣтія, начиная отъ Фараоновъ древности,

(*) См. Journal of the Royal Geographical Society of London. Томъ XV, стр. 374 и слѣд.

занимались разрѣшеніемъ этой задачи. Съ особенною ревностью принялись за нее со временъ Брюса, и этотъ отважный піонеръ науки дѣйствительно отыскалъ источникъ Нила, но не первоначальный, а только одного изъ его притоковъ. Наполеоновская экспедиція въ Египетъ, свѣдавъ отъ уроженцевъ изъ Дарфура о существованіи большой рѣки къ югу отъ Кордофана, приносящей Нилу дань своихъ водъ, подъ именемъ Большой Воды, имѣла въ виду прослѣдить ея теченіе; но военныя событія воспротивились исполненію этой мысли. Тридцатью годами позже Франція побудила вице-короля египетскаго Мегмеда-Али къ снаряженію экспедиціи для отысканія истоковъ Нила, обѣщавъ снабдить ее потребными для того инструментами и другими пособіями. Управленіе экспедиціею ввѣрено было Французу Линану (Linant), какъ наиболѣе къ тому способному, по долговременному знакомству съ Египтомъ. (*) Но и этотъ проектъ рушился, по какимъ-то неизвѣстнымъ намъ причинамъ. Наконецъ, въ 1839 году, Мегмедъ-Али привелъ въ исполненіе эту мысль. Отправленная имъ экспедиція, плывя отъ 9 градуса на югъ по рѣкѣ Нилу, достигла 6 градуса широты. Экспедиція эта была повторена въ слѣдующемъ году, подъ руководствомъ французскаго инженера д'Арно (d'Arnaud) и, дойдя до 4° 42′ широты, услышала изъ устъ туземцевъ о трехъ потокахъ, изъ которыхъ одинъ будто бы идетъ съ востока.

Въ такомъ положеніи были дѣла по вопросу объ истокахъ Нила, когда французскій путешественникъ Антуанъ д'Аббади, пробравшись въ Энарею и Каффу, отыскалъ и опредѣлилъ источникъ большой рѣки и, принявъ ее за ту именно съ востока извивающуюся въ Бахръ-эль Абіадъ рѣку, о которой слышалъ д'Арно, объявилъ ученому свѣту, что ему удалось водрузить французское знамя на источникѣ Бѣлой рѣки, или настоящаго Нила (**).

(*) Не задолго передъ составленіемъ этого плана, французскій оріенталистъ Кёнигъ (König) собралъ по берегамъ Нила свѣдѣнія о странахъ къ югу отъ Кордофана и Дарфура, изъ которыхъ оказалось, что въ этихъ краяхъ дѣйствительно должны существовать большія рѣки. Свѣдѣнія эти и послужили основою изготовленной для Линана инструкціи.

(**) Письмо свое къ извѣстному гидрографу г. Досси (Daussy), отъ 10 сентября 1847 года, изъ Голы (Gol'a), въ Абиссиніи, онъ начинаетъ слѣ-

Нѣкоторые ученые географы рѣшительно возстали противъ него, и въ томъ числѣ извѣстный продолжительными своими разысканіями въ Абиссиніи докторъ Беке. Онъ написалъ по этому поводу статью: On the Nile and its tributaries (*), гдѣ излагаетъ общій обзоръ многочисленныхъ рѣкъ, соединяющихся между собою для образованія египетскаго Нила, въ той мѣрѣ, какъ ему удалось собрать о томъ свѣдѣнія; а потомъ сообщаетъ свое предположеніе о настоящемъ источникѣ Нила.

Ходъ, который онъ избралъ при этомъ разсмотрѣніи, есть слѣдующій: начиная отъ впаденія рѣки въ море, онъ слѣдитъ за теченіемъ ея вверхъ и въ этомъ направленіи исчисляетъ всѣ побочныя ея отрасли; въ-случаѣ же раздвоенія главной рѣки слѣдитъ каждую отрасль порознь и притоки ея въ томъ же видѣ, какъ при главной рѣкѣ.

На протяженіи свыше 1,200 географическихъ миль отъ Средиземнаго моря эта могучая рѣка, величайшая всей Африки и едва ли не во всемъ свѣтѣ, составляетъ одинъ только потокъ. Питаемый непрерывнымъ дождемъ поворотныхъ круговъ, поднимающимся изъ безчисленныхъ его истоковъ на югѣ, онъ въ-состояніи состязаться съ палящими лучами солнца и едва ли менѣе жгучими песками Нубіи, не нуждаясь ни въ единомъ притокѣ, — явленіе какого не представляетъ никакая другая рѣка въ свѣтѣ.

Почти подъ 18° сѣверной широты, на полуденной грани пояса тропическихъ дождей, Нилъ принимаетъ въ себя съ правой стороны первый большой притокъ Атбаракъ, Астаборасъ Птоломея, названный также Бахръ-эль А'свадъ, или Черною рѣкою, по причинѣ множества чернаго ила, который онъ влечетъ съ собою въ дождливое время, и который столь значителенъ, что даже измѣняетъ цвѣтъ воды Нила. Въ Абиссиніи же этотъ притокъ носитъ имя Такацци.

Болѣе 160 миль отъ устья Атбараха вверхъ по главной рѣкѣ не встрѣчается никакой особенно замѣчательной рѣки до

дующими словами: «Mon frère Arnauld et moi avons planté le drapeau français sur la source du fleuve Blanc ou vrai Nil.»

(*) Она помѣщена въ журналѣ королевскаго Лондонскаго Географическаго Общества, томъ XVII, часть I, 1847 года.

самаго слiянiя Бахръ-эль Абiада съ Бахръ-эль Азрекомъ, Бѣлой и Голубой рѣки, подъ 15° сѣверной широты, нѣсколько южнѣе города Галфаяха (Halfayah).

Прослѣдивъ за симъ теченiе Бѣлой рѣки и исчисливъ его притоки (*), подъ-конецъ, правда, на основанiи только шаткихъ изустныхъ свѣдѣнiй, собранныхъ въ послѣднiя египетскiя экспедицiи д'Арно и Верне, Беке задаетъ себѣ вопросъ: «Посмотримъ теперь, въ какую часть Африки отодвинутъ такимъ-образомъ источникъ Нила?» Кулей (Cooley) въ своей запискѣ о географiи Ньяни или большаго озера южной Африки, — озера Замбезе Португальцевъ, — снова обратилъ вниманiе на страну Мона-Моэзи, которую еще въ исходѣ XVI вѣка Португальцы описывали, какъ значительное царство внутренней Африки. Съ тѣхъ поръ — замѣчаетъ онъ — познанiе наше о ней не только не прояснилось, но даже еще затмилось до забвенiя самого имени. Свѣдѣнiе, которое мы нынѣ имѣемъ объ этомъ краѣ, самое общее и неопредѣлительное. По всему видно, что это есть нагорная равнина, восхожденiе къ которой лежитъ въ областяхъ М'Сагара и Вогаба, подобно восхожденiю изъ страны Адалъ, или Данакилъ, на плоскую возвышенность Абиссинскую, которой она, очевидно, есть только продолже-

(*) При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что докторъ Беке въ своей статьѣ разсматриваетъ только правый, восточный берегъ Нила, самъ сознаваясь, что на лѣвомъ почти все есть terra incognita. Жомаръ, въ своихъ Observations sur le voyage in Darfour, ссылаясь отчасти на шеиха Могаммеда, отчасти на, конечно, весьма ненадежныя показанiя уроженцевъ, именуетъ нѣсколько восточныхъ притоковъ Нила: Бахръ-Кейланъ, Бахръ-эль Аду, впадающiй въ Нилъ подъ 9° сѣв. шир. (по дорожнику Броуна, онъ течетъ на ю.-ю.-з. отъ Дарфура); на югъ отъ Дарфура значительную рѣку Кололь, проистекающую изъ Тумуркiехскихъ горъ, пересѣкающую Даръ-Муррай и потомъ подъ именемъ Эссумъ вливающуюся въ Кададу, которая съ своей стороны впадаетъ въ Бахръ-эль Абiадъ; Гулу, большую рѣку, въ восьми дняхъ пути на югъ отъ Баггерме, раздѣляющуюся на два рукава, изъ которыхъ одинъ въ сторонѣ Негровъ Динка и Шиллуновъ впадаетъ въ Нилъ подъ именемъ Амбиркей (Ambirkey). Въ-заключенiе этихъ свѣдѣнiй о восточныхъ притокахъ Нила, Жомаръ замѣчаетъ: «Если Бахръ-эль Абiадъ болѣе 4° сѣверной широты принимаетъ въ себя нѣсколько притоковъ справа, то нѣтъ, кажется, сомнѣнiя, что онъ долженъ вбирать въ себя еще значительнѣйшiе и множайшiе притоки съ лѣвой стороны»

ніе. Положеніе этой страны, вѣроятно, должно отнести подъ 2° къ югу отъ экватора, между 29 и 34 меридіанами восточной долготы, что̀ въ-точности совпадаетъ съ тѣмъ мѣстомъ, куда Верне переноситъ источникъ Нила, т.-е. въ страну Моно-Моэзи. Это, впрочемъ, есть ничто иное, какъ освѣженіе давно забытаго мнѣнія португальскихъ писателей XVI и XVII вѣковъ, которые всѣ согласуются въ томъ, что Нилъ вытекаетъ изъ озера Замбезе, въ царствѣ Моно-Моэзи, присовокупляя, что эта страна лежитъ около самыхъ Лунныхъ горъ. Это самое — замѣчаетъ докторъ Беке далѣе — подтверждается также новѣйшимъ показаніемъ одного изъ жителей Занзибара, именемъ Лифъ бен-Сайеда (Lief-ben Saied), родомъ изъ Моно-Моэзи, что «рѣка, идущая чрезъ Египетъ, беретъ свое начало въ ихъ странѣ изъ озера (*), т.-е. изъ Замбезе, или Ньяни.

А какъ Моно-Моэзи означаетъ страну, или царство луны (моэзи — луна), то Беке заключаетъ, что Птоломей, производящій, какъ извѣстно, истоки Нила изъ Лунныхъ горъ, только перевелъ выраженіе «моэзи» на греческій языкъ въ τό τῆς ΣΕΛΗΝΗΣ ὄρος — горы луны. Итакъ — продолжаетъ Беке — мы можемъ надѣяться, что наконецъ отыскали ключъ къ разгадкѣ великой тайны географіи. И какъ по всему выше объясненному видно, что источникъ Нила сравнительно отстоитъ недалеко отъ морскаго берега, принадлежащаго имаму маскатскому, другу и союзнику Англичанъ, то не имѣется важной препоны къ окончательному разрѣшенію географической проблеммы, привлекавшей къ себѣ въ-продолженіе тридцати вѣковъ вниманіе образованнаго свѣта.

Въ-противоположность предположенію доктора Беке, другой членъ Лондонскаго Географическаго Общества, Г. Ф. Эйртонъ (Ayrton), въ статьѣ, помѣщенной въ 1-й части XVIII тома журнала Общества: Observations upon N. d'Abbadie's Account of his Discoveries of the Sources of the White Nile and on certain Statements and Objection of Dr. Beke, поставляетъ на видъ, что показаніе д'Аббади насчетъ положенія источниковъ Бѣлаго Нила имѣетъ въ свою пользу болѣе правдоподобія. Онъ

(*) «It is well known by all the people there, that the river, which goes through Egypt takes its source and origin from the lake.»

даетъ Луннымъ горамъ σελήνης ὄρος, изъ которыхъ Птоломей выводитъ рѣку Нилъ, другое объясненіе, принимая ихъ за однѣ и тѣ же съ Джебель-эль Камаръ (Gebel el Qamar) арабскихъ географовъ и считая имя Камаръ за одно съ Гамаро, областью Абиссиніи, гдѣ, по утвержденію д'Аббади, проистекаетъ Нилъ. Изъ свойства древней торговли и образа распредѣленія ея между Арабами и Греками онъ выводитъ, что Греки естественно должны были получать свои свѣдѣнія о внутреннихъ частяхъ Абиссиніи, тогда лишь недавно покоренной Арабами, чрезъ посредство самихъ Арабовъ. Далѣе принимая во вниманіе, что сообразно съ паденіемъ и склономъ рѣки главный источникъ Бѣлаго Нила долженъ быть въ высокихъ горахъ, и что приносимыя съ сѣверо-запада монсуномъ облака и влага сгущаются на высокихъ горахъ Энарси и Каффы, Эйртонъ держится того мнѣнія, что южнѣе этихъ горъ не можетъ быть болѣе высокаго хребта, потому-что въ этомъ случаѣ онъ долженъ бы былъ перехватить влагу и дождь монсуна. Наконецъ, ссылаясь на то, что въ тропическомъ климатѣ никакая большая рѣка не можетъ брать свое начало иначе, какъ изъ высокаго горнаго кряжа, Эйртонъ полагаетъ, что мы не въ-правѣ искать истоковъ Нила въ такой области, гдѣ, какъ было имъ изложено, не можетъ существовать высокихъ горъ.

Самому названію Моно-Моэзи Эйртонъ даетъ другое толкованіе, нежели докторъ Беке, производя первую часть этого имени отъ коптскаго Моно, или Мунъ, означающаго, по словарю Пейрона, жительство, пребываніе, портъ, а вторую отъ мезъ — родиться, въ-слѣдствіе каковой этимологіи Моно-Моэзи означало бы уроженцевъ порта, т.-е. — прибавляетъ онъ — озера Замбези!

Придерживаясь мнѣній доктора Беке, Берггаузъ, въ новѣйшей своей, небольшой картѣ Африки, приложенной ко второй тетради его Geographisches Jahrbuch, идетъ еще далѣе, прямо обозначая истокъ Бѣлой рѣки, а именно на югъ отъ экватора, изъ большаго озера, давно извѣстнаго подъ именемъ Моравп, а въ новѣйшее время (чрезъ Кулея — Kooley) переименованнаго въ Ньяни. При этомъ онъ опирается съ одной стороны

на Птоломеевы понятія объ источникахъ Нила (*), а съ другой — на собранныя еще португальскими путешественниками XVI и XVII вѣковъ, особенно Лопеса и Мероллы, отъ туземцевъ показанія, которыя всѣ согласуются въ томъ, что изъ сказаннаго озера вытекаетъ рѣка, которая беретъ свое направленіе въ Египетъ.

Если изъ всего вышеприведеннаго явствуетъ, что старинная, обратившаяся въ пословицу вѣковъ поговорка: Nili quaerere caput и до сихъ поръ не совсѣмъ потеряла свою силу (**), то все же нельзя не согласиться съ тѣмъ, что новѣйшія изслѣдованія гораздо ближе подошли къ разрѣшенію задачи, и, можетъ-быть, не отдаленно то время, когда, наконецъ, опадетъ завѣса, скрывающая отъ насъ колыбель столь достопримѣчательной рѣки.

Какъ послѣднія розысканія, по-видимому, подтверждаютъ истину показаній Птоломея относительно происхожденія Нила на югъ отъ экватора, такъ другія новѣйшія изслѣдованія служатъ къ объясненію догадки древнихъ географовъ, что Нилъ состоитъ въ сообщеніи съ западомъ Африки, а именно съ рѣкою Нигеромъ (***).

(*) Птоломей съ большою увѣренностью выводитъ источники Нила изъ Лунныхъ горъ подъ $12\frac{1}{2}^{\circ}$ южной широты и между 57° и 67° долготы, а именно изъ двухъ озеръ или болотъ, одного восточнаго подъ 65° долготы и 6° южной широты, а другаго, западнаго, подъ 57° долготы и 6° южной широты. Изъ каждаго этихъ двухъ озеръ, по его словамъ, вытекаетъ по одному рукаву, которые потомъ оба сливаются вмѣстѣ подъ 2° сѣв. шир. и 6° долготы. Эта-то рѣка (совпадающая въ Бахръ-эль Абіадомъ) подъ 12° сѣв. шир. принимаетъ въ себя рѣку Астапусъ (Бахръ-эль Азракъ).

(**) Искать истоковъ Нила значило у древнихъ Римлянъ заниматься пустымъ, несбыточнымъ дѣломъ.

(***) Геродотъ, въ книгѣ II, § 32, считаетъ Нилъ и Нигеръ за одну и ту же самую рѣку. Того же мнѣнія были: и Плиній (см его Historia Naturalis, книжка VIII, глава XXXII, и книжка V, глава X); Помпоній Мела, кн. III, гл. X; изъ арабскихъ географовъ — Ибнъ-Батута, ссылающійся на свѣдѣнія, собранныя имъ на берегахъ Нигера, и изъ новѣйшихъ— Клаппертонъ, опирающійся на изустныя сообщенія покойнаго султана Феллатовъ Могаммеда Белло (Bello), который на очеркѣ карты западнаго Судана надъ теченіемъ рѣки Нигера написалъ слова: «это Куара, рѣка, текущая въ Египтѣ и называемая Ниломъ.»

Французскій консулъ въ Джаддѣ, г. Френель (Fulgence Fresnel), бесѣдуя съ однимъ феллатскимъ пилигримомъ изъ Саккату (или Сокото), по имени Абдъ-эль Рахманомъ, прошедшимъ въ-продолженіе своихъ странствій Борну, Баггерме, Вадаи, Дарфуръ и Кордофанъ, человѣкомъ, одареннымъ хорошею памятью и, по-видимому, весьма правдолюбивымъ, освѣдомлялся у него, между-прочимъ, насчетъ странъ, орошаемыхъ рѣкою Куара, или Нигеромъ. Онъ назвалъ ему съ большою вѣрностью уже извѣстныя со временъ братьевъ Ландеровъ земли до самаго устья рѣки. На вопросъ же Френеля: «отчего султанъ Белло продолжаетъ теченіе Куары до самаго Египта?» Абдъ-эль Рахманъ отвѣчалъ: «и подлинно, Куара есть одинъ рукавъ», (при этомъ словѣ онъ протянулъ свою руку въ направленіи къ сѣверо-западу), «а Нилъ — другой рукавъ; вся же земля отъ Сокото до Хартума — островъ.» Вслѣдъ за тѣмъ Френель спросилъ его, не знаетъ ли онъ рѣки Боссу (Bossou), текущей, какъ пишутъ Денгамъ и Клаппертонъ (*), въ разстояніи трехъ мѣсяцевъ пути отъ столицы Вадая, Вары, въ направленіи юго-юго-западномъ. Абдъ-эль Рахманъ замѣтилъ, что слыхалъ о ней. По соображеніи дальнѣйшихъ его объясненій съ другими справками, Френель вывелъ заключеніе, что Боссо, или Боссу, рѣка, дающая свое названіе также особенному племени, дѣлится на два потока: западный есть та самая рѣка, которую братья Ландеры именуютъ *Чаддою* и Абдъ-эль-Рахманъ *Тото*, и которая впадаетъ въ Куару, или Нигеръ, къ югу отъ Какунды, а восточный есть Бахръ-эль Абіадъ Хартумскій, т.-е. Нилъ, — и, слѣдовательно, отъ устьевъ Нигера можно водою дойти до Египта, подымаясь вверхъ по Нигеру до устья Чадды, далѣе вверхъ по Чаддѣ до слiянія ея съ Бахръ-эль Абіадомъ, который также вытекаетъ изъ Боссу, а наконецъ вверхъ по Бахръ-эль Абіаду до послѣднихъ пороговъ. Въ этомъ смыслѣ, конечно, вся сѣверная Африка была бы ничто иное, какъ большой островъ или огромная дельта, которой центральную часть составлялъ бы бассейнъ Чадды. Все это — продолжаетъ Френель — вполнѣ согласуется съ Ниломъ Птоломея и съ открытіемъ г. д'Аббади. И

(*) Denham and Clapperton, Travels, p. 266.

въ-самомъ-дѣлѣ, принявъ въ соображеніе, что Африка есть самый большой материкъ, подверженный экваторіальнымъ дождямъ, нельзя не признать, что въ этой части свѣта должна быть наибо́льшая рѣка въ свѣтѣ, которая, вѣроятно, питается множествомъ источниковъ. Изъ числа этихъ-то истоковъ Брюсъ открылъ одинъ, а братья Аббади — другой. Но сколько еще остается отыскать притоковъ, пока мы наконецъ узнаемъ, гдѣ именно находится наиболѣе удаленный отъ египетской дельты притокъ или тотъ, который доставляетъ Нилу наиболѣе пищи. (*)

По-поводу этой-то статьи г. Френеля, докторъ Беке, столь усердно слѣдящій за всѣмъ, что́ касается до рѣки Нила, сообщилъ, въ Nouvelles Annales des voyages 1849, 2 часть, стр. 186, свои замѣтки, въ которыхъ, ссылаясь на изустныя показанія одного абиссинскаго христіанскаго торговца, выводитъ заключеніе, что обѣ сказанныя рѣки: Чадда, или Тото, и Бахръ-эль Абіадъ берутъ свое начало въ странѣ Боссу, въ точкѣ водораздѣла между бассейномъ Нигера (Куары) и Нила, и текутъ въ противоположныхъ одна другой направленіяхъ.

Но есть ли тотъ рукавъ Бахръ-эль Абіада, который, по сказанію Абдъ-эль Рахмана, имѣетъ связь съ Чаддою, рѣка Бахр-эль Кейланъ или другой какой-либо большой рукавъ далѣе къ югу, сливающій свои воды съ Птоломеевымъ Ниломъ, этого, замѣчаетъ докторъ Беке, покамѣсть еще рѣшить невозможно.

О рѣкѣ Бахръ-эль Кейлакъ одинъ изъ новѣйшихъ путешественниковъ по Африкѣ, австрійскій баронъ фонъ-Мюллеръ, даетъ намекъ, который мы считаемъ не излишнимъ сообщить здѣсь, вмѣстѣ съ указаніемъ его относительно другихъ притоковъ Нила.

«Подъ 9° 15′ сѣверной широты — говоритъ онъ — Бѣлый Нилъ принимаетъ въ себя съ востока Сабатъ, или Бахръ-эль Мокаду, рѣку, текущую весьма медленно, иногда почти вовсе застаивающуюся на черноземномъ глинистомъ, желѣзистомъ грунтѣ. Начиная отсюда Бахръ-эль Абіадъ беретъ направленіе рѣшительно отъ запада къ востоку. Принявъ въ себя другую

(*) См. Notes sur les sources du Nil à l'occasion d'une découverte récente, par M. Fulgence Fresnel, въ Bulletin de la Société Géographique de Paris. Tome X, стр 201 и слѣд.

рѣку, Киди, или Кикъ, съ з.-с.-с., онъ вливается въ Биркетъ-эль Газалъ, озеро Газальское, несомнѣнно происшедшее отъ Бахръ-эль Газала, котораго я самъ не видалъ по причинѣ непроницаемыхъ лѣсовъ камыша, растущихъ по его берегамъ, но который, можетъ-быть, есть та самая рѣка, которую называютъ Бахр-эль-Кейланъ.»

И насчетъ истоковъ Нила баронъ фонъ-Мюллеръ собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія: «Вода Нила — пишетъ онъ — которая въ низовомъ своемъ теченіи солена, грязна и отъ глинистой почвы и множества разложившихся растительныхъ остатковъ имѣетъ бѣлый цвѣтъ, подъ пятымъ градусомъ становится голубою и прозрачною, а грунтъ ея болѣе песчанистымъ. Наконецъ, въ странѣ Бари, подъ 4° 10′, попадаются въ рѣкѣ первые гнейсовые утесы и быстрины наподобіе нильскихъ пороговъ. По словамъ туземцевъ, Нилъ выходитъ изъ страны Аянъ (Ajan), въ тридцати дняхъ пути на югъ, а именно ниспадая четырьмя потоками съ высокой горы. Одинъ изъ уроженцевъ еще ближе обозначилъ Мюллеру начало рѣки, сказавъ, что Бахръ-эль Абіадъ вытекаетъ изъ высокой горы, вершина которой совершенно бѣла, по каковой причинѣ онъ и прозванъ Бѣлою рѣкою.

Относительно физическаго сложенія той части Африки, къ которой принадлежитъ восточная половина водной системы Нила, мы находимъ у доктора Беке слѣдующее изображеніе, служащее повѣркою прежняго, вовсе превратнаго о немъ понятія.

«До новѣйшаго времени — пишетъ онъ — мы весьма мало были знакомы съ дѣйствительнымъ свойствомъ высокой столовой земли, въ которой берутъ свое начало многочисленные истоки Нила. Со времени пребыванія въ Абиссиніи Португальцевъ въ XV и XVI вѣкахъ, правда, знали о существованіи возвышающейся недалекѣ отъ взморья нагорной страны, которая въ-слѣдствіе своего возвышенія надъ моремъ имѣетъ благорастворенный умѣренный климатъ, а равно и то, что на этой плоской возвышенности есть страны еще высшія, какъ-то горы Саміенскія и Годжамскія въ сѣверной Абиссиніи, гдѣ временемъ бываютъ морозы и выпадаетъ снѣгъ. Но общее мнѣніе объ этой столовой землѣ было столь несовершенно, что еще лѣтъ за двадцать за пять знаменитый географъ про-

фессоръ Риттеръ описывалъ Абиссинскій плато́ рядомъ последовательныхъ террасъ, которыя поднимаются одна надъ другою и изъ которыхъ самая низшая находится у береговъ Чермнаго моря, а самая высшая въ Энареѣ, — терраса, служащая водораздѣломъ между Средиземнымъ моремъ и Индѣйскимъ океаномъ; ибо въ первое текутъ многочисленные притоки Нила исподволь понижающимися террасами, а во второй — стремительный потокъ Цебе (Zeѣee) и проч.

Докторъ Рюппель былъ первый, который изобличилъ невѣрность этого взгляда ученаго своего единоземца. Изъ начертанной имъ, на основаніи собственныхъ его барометрическихъ измѣреній, профили страны между морскимъ берегомъ и первымъ мостомъ чрезъ Абаи, явствуетъ, что эта плоская возвышенность отнюдь не выдается террасами, возвышающимися по мѣрѣ удаленія отъ Чермнаго моря, а напротивъ-того имѣетъ высшую свою линію вдоль самаго его берега и, начиная оттуда, постепенно понижается во внутрь материка. Этотъ-то видъ страны вполнѣ подтверждается также начертанными мною профилями высотъ, а именно меридіаннымъ профилемъ, который, примыкая къ Рюппелеву, простирается отъ верхняго моста до южной границы Абая подъ 10° сѣв. шир., а равно и параллельнымъ размѣромъ, идущимъ отъ 43° почти до 36° восточной долготы.

Вообще столовую землю Абиссиніи можно представить себѣ связною послѣдовательностью большихъ волнообразныхъ равнинъ, мало-по-малу понижающихся къ западу и сѣверозападу и разсѣкаемыхъ многочисленными горными потоками, которые, послѣ короткаго теченія на плоской возвышенности, внезапно низвергаются въ глубокія разсѣлины, достигая вскорѣ паденія отъ 3,000 до 4,000 футовъ ниже общаго уровня столовой земли.

Долины большихъ рѣкъ очень широки. Долина Абая на югъ отъ полуострова Годусама имѣетъ по-крайней-мѣрѣ 25 миль ширины; а какъ ширина этихъ долинъ дика, взрыта и надѣлена всѣми признаками гористой страны, то для путешественника, не доставившаго себѣ напередъ общаго обзора всей страны и стоящаго у переправы чрезъ какую-либо рѣку посреди этой растерзанной страны, отвсюду возвышающейся до относительной высоты отъ 3,000 до 4,000 футовъ, нѣтъ

ничего легче, какъ попасть на мысль, что онъ, восходя съ какой-либо стороны на эту расщеленную землю, переступаетъ горный кряжъ, тогда-какъ онъ, взобравшись на вершину, только прибылъ на темя столовой земли. Особенно важно имѣть постоянно въ виду этотъ взглядъ на образованіе абиссинской почвы, когда читаешь описаніе путешествій по этой странѣ, потому-что многіе путешественники, увлекаемые сказаннымъ впечатлѣніемъ, ставятъ горы тамъ, гдѣ хребтовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, вовсе не имѣется.

Въ другой статьѣ (*) докторъ Беке еще ближе опредѣляетъ свойство абиссинскаго плато̀ слѣдующимъ образомъ: «Изъ личнаго осмотра значительной части земель между 9° и 16 сѣверной широты и 36° и 43° восточной долготы отъ Гринича, я удостовѣрился, что эта часть африканскаго материка состоитъ изъ большой столовой земли, которой восточный край вообще залегаетъ съ сѣвера на югъ и почти подъ сороковымъ меридіаномъ, имѣя въ сложности до 8,000 футовъ вышины; а какъ восхожденіе на эту значительную высоту съ гораздо низшей плоской земли поблизости берега происходитъ на пространствѣ не болѣе 25 до 40 миль, то ясно, что восточный, или обращенный къ морю край плоской возвышенности долженъ имѣть видъ, да и въ-самомъ-дѣлѣ имѣетъ характеръ цѣпи высокихъ горъ.

Южнѣе девятой параллели я не имѣлъ случая самъ видѣть страну, но по всѣмъ собраннымъ мною отъ другихъ лицъ на разныхъ пунктахъ берега справкамъ заключаю, что столовая земля простирается еще по ту сторону экватора, и восточный ея край идетъ къ ю.-ю.-з. или ю.-з. параллельно морскому берегу. Страна Моно-Моэзи, лежащая южнѣе 2° южной широты, въ-особенности, кажется, подобно Абиссиніи, составляетъ нагорную равнину, восхожденіе которой преимущественно находится во владѣніяхъ Мсагара и Вогага, двухъ племенъ, обитающихъ въ низменностяхъ на сѣверо-западъ отъ Занзибара.

(*) An Essay on the Sources of the Nile in the Mountains of the Moon — статья, читанная въ собраніи Британскаго Общества для Распространенія Естественныхъ Наукъ, 15 августа 1848 года.

Эту-то столовую землю восточной Африки вообще можно сравнить съ Индѣйскимъ полуостровомъ и Южною Америкою, съ тою только разницею, что въ этихъ двухъ странахъ хребты имѣютъ главный свой склонъ къ западу, а на востокъ понижаются исподоволь, а Африканскій плато́ круто восходитъ съ востока и постепенно спускается во внутрь материка и къ долинѣ Нила.

«Я не могу заключить этотъ обзоръ наружнаго вида плоской возвышенности восточной Африки — продолжаетъ докторъ Беке — не обративъ вниманія на весьма важный практическій результатъ, оказывающійся изъ этого свойства страны, а именно, что восточный берегъ материка представляетъ гораздо болѣе удобствъ для изслѣдованія внутренности материка, нежели западный. Однажды перешагнувъ узкую полосу низменнаго прибрежья Индѣйскаго моря, которое, впрочемъ, при общей своей сухости, отъ недостатка значительныхъ рѣкъ, въ бо́льшую часть года вовсе не нездорова, и достигши восточнаго края высокой столовой земли, путешествующій встрѣчаетъ климатъ, не только благопріятный Европейцу, но даже и болѣе здоровый, чѣмъ въ бо́льшей части другихъ странъ. Я говорю это изъ опыта, проведя самъ долѣе двухъ лѣтъ на плоской возвышенности. Здѣсь, т.-е. на каймѣ высокаго плато́, а не въ низменной, пустынной полосѣ вдоль морскаго берега, переселенцы могли бы водвориться безъ всякихъ опасеній насчетъ климата, а путешественникъ могъ бы безопасно и даже еще съ пользою для своего здоровья выжидать благопріятныхъ случаевъ для отправленія въ глубь страны; а буде какое-либо обстоятельство заставитъ его воротиться, онъ прійдетъ въ здоровую прекрасную страну, гдѣ можетъ пробыть дотолѣ, пока наступитъ удобнѣйшее время для путешествія къ берегу моря. Напротивъ-того, климатъ западнаго берега, даже далеко во внутрь страны, такого свойства, что лишь немногіе способны устоять противъ гибельнаго его вліянія, и если болѣзнь или другая какая-либо непредвидѣнная причина заставитъ путешественника отказаться отъ дальнѣйшаго странствія, то его пугаетъ мысль, что онъ встрѣтитъ тѣмъ болѣе вредный климатъ, чѣмъ далѣе возвращается, и тѣмъ менѣе вѣроятности снова достигнуть морскаго берега, самой пагубной части всего его пути.»

Прибавимъ еще нѣсколько словъ о разныхъ этнографическихъ и лингвистическихъ пріобрѣтеніяхъ въ Африкѣ во время разсматриваемаго нами здѣсь пятилѣтія.

Въ прошломъ обзорѣ мы изъявили надежду, что труды Фробервилля, который, какъ извѣстно, во время продолжительнаго своего пребыванія на островахъ Бурбона и св. Мавриція ревностно занимался собираніемъ изъ устъ стекающихся тамъ со всѣхъ концовъ Африки Негровъ свѣдѣній о племенахъ и языкахъ африканскихъ, не останутся безъ плода для этнографіи и лингвистики. И дѣйствительно, онъ съ тѣхъ поръ уже сообщилъ ученому свѣту нѣкоторые результаты своихъ изслѣдованій. (*) Такъ, въ X томѣ Bulletin de la Société de Géographie 1849 года помѣщены его замѣтки о двухъ, еще вовсе неизвѣстныхъ доселѣ даже по имени, народахъ восточной Африки.

Первое изъ этихъ племенъ — Ва-Ніунги. Они обитаютъ на правомъ берегу рѣки Замбези, въ виду острововъ Матсирумба и Канимби и состоятъ подъ властью Португальцевъ, имѣющихъ тамъ городъ, соотвѣтствующій по своему положенію городу Тете. Страна ихъ гориста, и главная изъ горъ носитъ имя Каіовера. Ва-Ніунги допускаютъ бытіе существа невидимаго, которое правитъ вселенною. Сверхъ-того, у нихъ сохранилось темное преданіе о сотвореніи первыхъ двухъ людей и изгнаніи ихъ изъ рая, хотя и весьма искаженное, но отчасти согласное съ повѣствованіемъ Ветхаго Завѣта. Равнымъ-образомъ они, какъ и нѣкоторые другіе народы восточной Африки, не лишены, хотя и сбивчиваго, понятія о переселеніи души послѣ смерти. Между ними водится многоженство, отчасти на томъ основаніи, что они считаютъ женщину нечистою, пока она кормитъ свое дитя грудью, а это обыкновенно продолжается у нихъ не менѣе четырехъ лѣтъ.

Второе племя — Мабсити, или, какъ они сами себя называютъ, Ва-Нгіуну, воинственный народъ, сдѣлавшійся съ нѣ-

---

(*) Сверхъ-того Фробервиллъ составилъ коллекцію шестидесяти головъ и масокъ, снятыхъ съ самой натуры, 31 сборникъ словъ разныхъ нарѣчій и нѣсколько дорожниковъ внутренней Африки, съ помощью которыхъ начерталъ эскизъ карты почти вовсе дотолѣ неизвѣстной части материка.

котораго времени страшнымъ населенію праваго берега Замбезе. Лѣтъ двѣнадцать тому назадъ они вышли изъ страны Магангале, подъ предводительствомъ своего вождя Манугузи и сына его Макагози, и, устремясь на сѣверъ вооруженными сонмищами, опустошили одну за другою страны Ва-Тонга, Сифала (Софала?) и Маника, а потомъ, повернувъ на югъ, ворвались въ область Барю (Barue), царь которой бѣжалъ при вѣсти о ихъ приближеніи; оттуда проникли въ страны Тсидима и Уніабаго и, снова возвратясь въ Барю, распространились по землямъ Марави, гдѣ уже теряются изъ виду. Судя по короткому словарю ихъ языка, Фробервилль считаетъ ихъ за отрасль воинственныхъ и дикихъ Зула (Zoyla), которые уже болѣе двадцати лѣтъ дѣлаютъ набѣги на страны къ западу и югу отъ залива Делагоа (Delagoa) и, по достовѣрнымъ свидѣтельствамъ, проникли даже по ту сторону поворотнаго круга Козерога.

Въ другой запискѣ, представленной 26 февраля 1849 года Парижской Академіи Наукъ, Фробервилль касается другаго отдѣла жителей восточной Африки, на югъ отъ экватора,— отдѣла, которому онъ придаетъ общее названіе Остро-Негровъ. Эту отрасль онъ дѣлитъ на четыре группы, изъ которыхъ одна приближается къ типу племенъ Каффрскихъ и Бичуанскихъ, живущихъ на югъ отъ Остро-Негровъ, другая, напротивъ-того, представляетъ сходство съ племенами Конго и Гаинси, обитающими къ западу отъ Остро-Негровъ; третья наиболѣе подходитъ къ племенамъ Негровъ въ Океаніи, а четвертая, вѣроятно, произошла отъ смѣшенія Негровъ, въ весьма отдаленную отъ насъ эпоху времени, съ другимъ, вовсе чуждымъ ему народомъ. Въ упомянутой запискѣ Фробервилль главнѣйше занимается розысканіемъ, къ какому именно племени слѣдуетъ отнести этотъ посторонній элементъ, привившійся къ первоначальному типу Остро-Негровъ, и изъ сличенія физіономіи, нравовъ, обычаевъ, повѣрій и преданій выводитъ заключеніе, что этотъ элементъ долженъ быть симетическій и, по всей вѣроятности, привился къ Остро-Неграмъ еще во время пребыванія у нихъ Финикіанъ, по связямъ торговли или въ видѣ колоніи.

О племенахъ восточнаго берега Африки къ сѣверу отъ экватора мы узнаемъ нѣкоторыя любопытныя подробности

чрезъ миссіонера Крапфа. Обитатели всей узкой береговой полосы, начиная отъ 4° южной широты до Мозамбика, именуются Суагели (что по-арабски значитъ приморцы). Хотя они мусульмане, однако же, языкъ ихъ доказываетъ, что они первобытные туземцы, ибо онъ, несмотря на смѣшеніе съ иностранными словами, въ-сущности состоитъ въ тѣсной связи съ прочими нарѣчіями болѣе внутреннихъ частей Африки, и связь эта, кажется, еще болѣе и болѣе усиливается. Въ прежнее время Суагели, отчасти сами по себѣ, отчасти въ соединеніи съ Португальцами, не рѣдко дѣлали набѣги во внутрь страны для похищенія невольниковъ или для грабежа; нынѣ же, напротивъ-того, языческія племена внутренней Африки сдѣлались страшными береговымъ обитателямъ и разрушили многіе изъ ихъ городовъ. Самая Мелинда покинута мусульманами изъ опасенія Галласовъ. Итакъ, исламизмъ, нѣкогда сдѣлавшій въ Африкѣ столько успѣховъ, по-видимому, начинаетъ приходить въ упадокъ и на этомъ берегу.

Господство надъ берегомъ, начиная отъ экватора до 4° южной широты, нынѣ пріобрѣли Негры Галла. Это пастушеское и идолопоклонническое племя чрезвычайно многочисленно. Крапфъ насчитываетъ ихъ отъ 8 до 10 милліоновъ. Они нрава кровожаднаго и любятъ упиваться кровью овецъ, козъ и другихъ животныхъ. Земледѣльческіе Галла Абиссиніи чужды этого лютаго обычая, да и вообще отличаются отъ пастушескихъ Галла приморья языкомъ, наружнымъ видомъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Впрочемъ, и эти Галла-приморцы сами состоятъ въ зависимости отъ другихъ, болѣе могущественныхъ племенъ Галла, обитающихъ далѣе во внутрь, и которыхъ они образуютъ какъ бы только авангардъ со стороны мусульманъ. Караваны ихъ въ 30—40 сутокъ достигаютъ страны во внутренности, окруженной большою рѣкою, куда приходятъ и Абиссинцы: это, вѣроятно, Джинджиро и Каффа.

Южнѣе этихъ Негровъ-Галла и къ западу отъ Суагели живутъ Ваника, Укуафи и Вакамба, всѣ единоплеменные Суагеламъ. Изъ этихъ трехъ народовъ Укуафи самые дикіе: они не погребаютъ мертвыхъ, а предоставляютъ ихъ на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ. Гораздо кротче Вакамба, занимающіе страну къ сѣверу отъ Чилиманджаро, вдоль большой рѣки, впадающей въ Ози: они живутъ въ лѣсахъ, въ числѣ около

200,000, и хотя прилѣплены къ язычеству, но не имѣютъ кумировъ и состоятъ въ связяхъ, съ одной стороны, съ Неграми-Голда и съ странами Каффою и Энарееію, а съ другой — съ приморьемъ; ходятъ совершенно нагіе и только тогда нѣсколько прикрываются одеждою, когда приходятъ къ берегу. Нѣкоторые изъ нихъ отличаются бѣлою комплекціею тѣла, что̀ утверждалъ уже Брюсъ. Вообще явно, что Вакамба не принадлежатъ къ негрскому племени; но какимъ образомъ они попали въ Африку, этого покамѣсть еще рѣшить невозможно.

Еще южнѣе живутъ Мусамбара, а насупротивъ острова Занзибара — Мичуа, чрезъ страну которыхъ пролегаетъ караванная дорога далеко во внутрь материка.

Образованнѣе всѣхъ вышеприведенныхъ племенъ суть Негры-Галла, живущіе къ югу отъ экватора. Самая страна ихъ разнообразнѣе: это уже не песчаная степь, какъ на югъ отъ поворотнаго круга, а напротивъ-того страна гористая, обильная лѣсомъ и орошаемая частыми дождями. Крапфъ углублялся верстъ на 90 во внутрь этого края.

Принявшись за изученіе нарѣчій всѣхъ этихъ племенъ, миссіонеръ прежде всего составилъ словарь изъ 10,000 слишкомъ словъ Суагели, начерталъ краткую его грамматику и перевелъ на это нарѣчіе Новый Завѣтъ и Книгу Бытія. Языкъ этотъ отличается чрезвычайною мягкостью, и каждое слово въ немъ оканчивается гласною. Онъ, по-видимому, принадлежитъ къ тому же самому семейству языковъ, которое распространено по бо́льшей части южной Африки; по-крайней-мѣрѣ, согласно замѣчанію Габеленца, тщательно занимающагося изученіемъ языковъ южной Африки, онъ, какъ по существеннымъ своимъ свойствамъ, мягкости и гибкости, изобилію гласныхъ и грамматическому строенію, такъ и по своему составу, много сходствуетъ съ языками сечуанскимъ, ангольскимъ и конгскимъ.

Крапфъ собралъ и доставилъ Англиканскому Миссіонерному Обществу словари и грамматики четырехъ языковъ, а именно, во-первыхъ, одного нарѣчія Галла, распространеннаго до 4° южной широты и весьма различнаго отъ нарѣчій Галла въ Абиссиніи; а съ другой стороны, сходнаго съ нарѣчіемъ Сомали въ Баравѣ (Somâli Barâua) и заключающаго въ себѣ нѣкоторое число амгарскихъ и эѳіопскихъ словъ; во-вторыхъ,

языка Суагели, общаго всему Занзибарскому берегу, и котораго дотолѣ имѣлись только весьма недостаточные сборники словъ; въ-третьихъ, нарѣчія Уаника, которымъ говорятъ на западъ отъ Момбазы племена Рабаи, Керiама, Камбе и Джочаи, и, въ-четвертыхъ, нарѣчія Пакомо, свойственнаго племени Пакомо, обитающему вдоль береговъ большой рѣки Покомози (у Галла называемой Мара), впадающей въ заливъ Формоза, къ сѣверу отъ Мелинды. Послѣднiй словарь собранъ миссiонеромъ изъ устъ Бонцая-Дакки, главы этого племени, сообщившаго ему, между-прочимъ, свѣдѣнія, что въ верховьяхъ сказанной рѣки говорятъ языкомъ, разнствующимъ отъ того, который употребляется у ея низовьевъ. Языкъ Пакомо далеко распространенъ во внутрь материка и, вѣроятно, послужитъ важнымъ орудiемъ къ поясненiю этнографiи южной Африки. Сверхъ-того Крапфъ сообщилъ профессору Эвальду въ Тюбингенѣ словари нарѣчiй Уакамба, Мигуа и Укуафи.

Много поясненiй относительно лингвистики Африки ученый свѣтъ вправѣ ожидать отъ французскаго путешественника въ Абиссинiи, г. Аббади-старшаго, который во все время болѣе десяти-лѣтняго своего пребыванiя въ этой странѣ тщательно занимался изученiемъ эѳiопскихъ нарѣчiй, число которыхъ, т.-е тѣхъ, о существованiи которыхъ онъ удостовѣрился съ бо́льшею или ме́ньшею точностью, онъ полагаетъ 58. (См. письмо его къ г. Молю, отъ 17 ноября 1847 года, въ Journal Asiatique.) Octobre.

Самое важное приращенiе южно-африканская лингвистика получила въ опытѣ грамматики каффрскаго языка:

The Kafir Language; comprising a sketch of its History and a Grammar. By the Rev. John. W. Appleyard. London. 1851.

Авторъ ея, миссiонеръ Веслеевой секты, Аппльярдъ, имѣлъ случай изучить каффрскiй языкъ на самомъ мѣстѣ, а кромѣ-того пользовался и трудами своихъ предшественниковъ на этомъ полѣ лингвистики. По его свидѣтельству, языкъ каффрскiй отличается особеннымъ благозвучiемъ и правильностью. Почти всѣ оттѣнки понятiй для выраженiя разныхъ ихъ отношенiй между собою обозначаются посредствомъ частицъ, поставляемыхъ въ началѣ слова, на основанiи законовъ благозвучiя; а именно это дѣлается повторенiемъ однѣхъ и тѣхъ же самыхъ буквъ въ началѣ двухъ или болѣе словъ предложенiя,

на какой конецъ Каффры выбираютъ извѣстныя созвучныя между собою буквы. При этомъ соблюдается нѣкоторая подчиненность, состоящая въ томъ, что съ тою частицею, которая предпоставляется имени существительному (подлежащему?), собираются начальныя частицы и всѣхъ прочихъ словъ. Итакъ, это есть, какъ видно, родъ аллитераціи. И это правило не только преобладаетъ въ строеніи предложеній, но даже при означеніи родовъ и чиселъ. Такъ, напримѣръ, Каффръ никогда не скажетъ: абанту зіеза, «люди идутъ», а абанту баеза, т.-е. люди идетъ, подчиняя такимъ образомъ логику благозвучію. Правильность каффрскаго языка оказывается изъ того, что въ немъ имѣется весьма мало исключеній. Притомъ онъ отличается чрезвычайною точностью выраженій и удобствомъ словосочетанія, а слѣдовательно способенъ къ большому самостоятельному развитію.

Сверхъ полной грамматики каффрскихъ нарѣчій сочиненіе Аппльярда представляетъ еще драгоцѣнные этнографическіе и лингвистическіе матеріалы въ видѣ общей классификаціи языковъ южной Африки.

ОЗНАЧЕНІЕ ОПЕЧАТОКЪ.

Стр.	Строка.	*Напечатано:*	*Должно читать:*
5	14	первый выпускъ.	первые четыре выпуска.
—	21	вышелъ въ свѣтъ.	оконченъ.
—	22	приготовленъ.	приготовляется.
6	*въ прим.*	приступлено ко второму ея изданію.	вышло въ свѣтъ второе ея изданіе.
44	4	порученія въ 1852 г.	порученія, въ 1852 г.
48	*въ пр. 1.*	представленное имъ недавно въ рукописи.	приготовленное имъ.

Примѣчаніе. Кромѣ упомянутыхъ опечатокъ на стр. 162 вкралась довольно важная ошибка, которую мы спѣшимъ исправить для должнаго отданія справедливости лицу, о замѣчательномъ трудѣ котораго упоминается въ обзорѣ. На стр. 162 говорится о дѣйствіяхъ экспедиціи, занимавшейся описью Аральскаго моря и, между-прочимъ, показано, что плодомъ ея была карта Аральскаго моря и его прибрежій, составленная гг. *Бутаковымъ* и *Макшеевымъ*.

Между-тѣмъ, должно замѣтить, что г. Макшеевъ не принималъ вовсе участія въ составленіи карты. Вся опись береговъ, промѣры глубины и опредѣленія астрономическихъ береговъ исполнены были исключительно г. Бутаковымъ и отчасти помощникомъ его г. Поспѣловымъ, какъ объ этомъ неоднократно упоминаемо было во всеобщее свѣдѣніе въ отчетахъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и вслѣдъ за ними въ другихъ журналахъ и газетахъ.

О г. Макшеевѣ слѣдовало упомянуть, какъ объ авторѣ статьи, напечатанной въ «Запискахъ» Географическаго Общества, кн. V 1851 г., подъ названіемъ: *Описаніе Аральскаго моря.* Составленіе же карты Аральскаго моря, опись и съемка береговъ его, промѣры глубины и астрономическія опредѣленія суть неотъемлемый трудъ г. начальника экспедиціи Бутакова.

